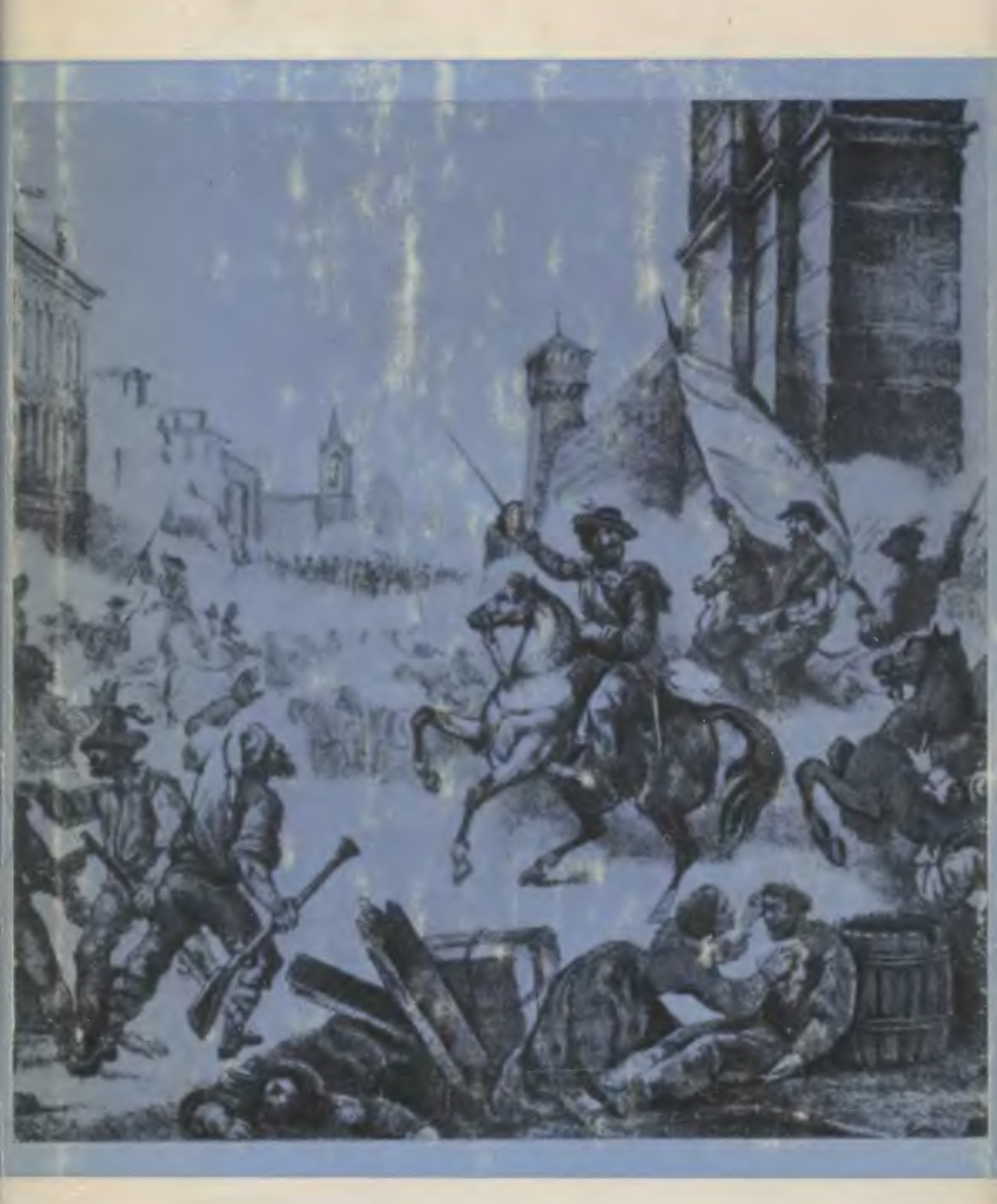
История ИТАЛИИ

ТОМ ВТОРОЙ

Второй том «Истории Италии» охватывает период с конца XVIII в. до окончания первой мировой войны. В нем освещаются важнейшие проблемы этого периода: буржуазная революция, борьба за образование единого государства утверждение капиталистических отношений, переход к империализму. Большое внимание уделено развитию рабочего движения, деятельности социалистической партии. Читатель получит представление и об основных сторонах духовной жизни страны в эпоху Рисорджименто и после объединения Италии.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

** ИСТОРИЯ ИТАЛИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт всеобщей истории

История
ИТАЛИИ

В ТРЕХ ТОМАХ

Редколлегия:

академик
С. Д. СКАЗКИН,
К. Ф. МИЗИАНО,
С. И. ДОРОФЕЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА 1970

История ИТАЛИИ

ТОМ **2**

Под редакцией

К. Ф. МИЗИАНО
(ответственный редактор),

И. В. ГРИГОРЬЕВОЙ,

Н. П. КОМОЛОВОЙ,

З. М. ЦЫПКИНОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА 1970

1-6-3
Подписное изд.

1

ИТАЛИЯ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

ИТАЛИЯ В ПЕРИОД ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И НАПОЛЕОНОВСКОГО ГОСПОДСТВА (1789—1814 ГГ.)

Обострение кризиса феодально-абсолютистского строя в итальянских государствах

Накануне 1789 г. феодально-абсолютистская система продолжала господствовать в итальянских государствах. Реформы второй половины XVIII в. в Ломбардии, Пьемонте, Тоскане, Парме и Неаполе, призванные несколько модернизировать и укрепить феодально-монархические государства, отнюдь не изменили их социально-политической природы. Дворянство и духовенство по-прежнему оставались привилегированными сословиями, господствовавшими как в экономической, так и в политической сфере. Огромные земельные владения давали им возможность подчинять себе многомиллионные массы крестьян, подвергавшихся феодальной или полуфеодальной эксплуатации. Дворяне, державшие в своих руках политическую власть, преобладали в аппарате управления, суде, командном составе армии. Церковь, несмотря на попытки некоторых монархов ограничить ее экономическую силу и вмешательство в жизнь государства, являлась надежной опорой тронов, освящая своим авторитетом неограниченную власть государей. Громадная духовная власть церкви над умами народных масс оставалась незыблемой.

Однако новые условия европейской и итальянской действительности, сложившиеся в XVIII в., вызвали осложнение старых противоречий феодального строя и появление новых — еще более

глубоких и острых. Повышение цен и увеличение спроса на сельскохозяйственные продукты как на внешних рынках, так и в самой Италии (что вызывалось здесь развитием мануфактур, пауперизацией крестьянства и ростом городского населения) рождало у землевладельцев-дворян и земельной буржуазии стремление выжать из крестьянского хозяйства возможно больше продукции. Для достижения этой цели землевладельцы прибегали к пересмотру договоров с крестьянами в сторону увеличения арендной платы и феодальной ренты, к широким захватам общинных земель, лишению крестьян сервитутных прав, к системе огораживания частных владений, внедряли крупную аренду и переводили крестьян на положение батраков.

Недостаточная обеспеченность крестьянских прав на землю в Италии, широкое распространение краткосрочных договоров облегчали это наступление на сельские массы, степень эксплуатации которых к концу XVIII в. значительно возросла. Подрыв традиционного общинного уклада, оскудение крестьянских хозяйств, повсеместное обнищание крестьян, многие из которых вынуждены были пополнять ряды городского плебса, нищих или разбойников, — таковы были последствия ускорившегося во второй половине XVIII в. в Италии процесса первоначального накопления и связанного с ним утверждения элементов капиталистического уклада в сельском хозяйстве. Появление в итальянской деревне слоя земельной буржуазии (включавшей выходцев из разбогатевших крестьян, горожан, священников) не влекло за собой оздоровления феодальной экономики. Напротив, эти землевладельцы, жадно расхищавшие общинные земли, относившиеся с глубоким и нескрываемым презрением к «мужичью», которое они подвергали самой жестокой эксплуатации, вносили своими действиями новый элемент неустойчивости в феодальную систему, способствовали усилению социальной напряженности в итальянской деревне и накоплению у крестьян недовольства и скрытой классовой ненависти.

Развитие торговли и капиталистических отношений в промышленности, в которой утверждалось мануфактурное производство, добившееся некоторых успехов в Ломбардии, Пьемонте и Тоскане, испытывало особенно большие трудности из-за раздробленности страны, крайне осложнявшей внутриэкономические связи.

К концу века кризис феодальной системы в Италии, назревавший в предшествующие десятилетия, достиг значительной остроты и охватил все итальянские государства, хотя формы его проявления были не везде одинаковы. Характерным симптомом кризиса в большинстве государств были острые финансовые трудности, вызванные прежде всего усиливавшимся обнищанием крестьянства — основного податного сословия, несшего на себе тяжесть многочисленных поборов. Правительства оказались неспособны спра-

виться с экономическими проблемами. В среде господствующего класса обнаружились расхождения и противоречия в связи с тем, что наиболее консервативные группы противодействовали попыткам правительств несколько ограничить их привилегии. Буржуазия жаждала ликвидации феодальных порядков и установлений, преграждавших ей путь к политической власти и препятствовавших приобретению огромных земельных богатств церкви и аристократии. Передовые представители буржуазной и дворянской интеллигенции остро ощущали назревшую необходимость обновления страны. Однако те группы буржуазии и дворянства, которые сочувствовали идее преобразования итальянского общества, были слишком слабы, разобщены, оторваны от масс, а их представления о содержании общественного переустройства и о его методах не выходили за рамки умеренной реформаторской программы. Понадобился могучий толчок и пример победившей во Франции великой революции, чтобы назревший кризис феодально-абсолютистского строя вылился в открытую борьбу передовых сил Италии за буржуазное преобразование страны и ее политическое и национальное объединение.

Влияние на Италию Великой французской революции. Социально-политическая борьба в итальянских государствах в 1789—1795 гг.

Революционный взрыв во Франции, падение Бастилии — символа абсолютистской тирании — и дальнейшие успехи революции произвели огромное впечатление на умы современников в Италии и вызвали самый широкий отклик. События во Франции отныне неизменно приковывают к себе внимание различных общественных кругов в государствах полуострова и становятся предметом толков, горячих обсуждений и споров, происходивших и в аристократических салонах, и в харчевнях, где собиралась городская беднота[1]; слухи об этих событиях докатывались до глухих деревень. Французские газеты и другие политические издания, содержавшие сведения о развитии революции, ожидались в Италии с нетерпением, читались с жадным интересом, и почерпнутые в них известия передавались из уст в уста. Живой интерес итальянского общества к Французской революции запечатлелся во множестве появившихся

[1] Уже в августе 1789 года, сообщал русский дипломат из Сардинского королевства, власти Турина были вынуждены отдать распоряжение всем владельцам тратторий, кофеен и распивочных доносить о тех, кто «отважится говорить у них о смятениях во Франции», ибо «здешний народ... показывает склонность к подражанию сему примером» [Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. Сношения России с Сардинией, 1789 г., д. 88, л. 47].

в 90-е годы печатных и рукописных сочинений, диалогов, стихотворений, пасквинад и карикатур, посвященных событиям во Франции.

Выдающиеся итальянские поэты Уго Фосколо, Витторио Альфьери, Ипполито Пиндемонте воспевали в стихах революцию и ее деятелей, отразив в своих произведениях тот энтузиазм и восхищение, с которыми многие образованные люди Италии из среды буржуазии и дворянства встретили весть о революционных событиях во Франции.

Новые революционные идеи, мощным излучателем которых стала Франция, и сама практика революции в этой стране стимулировали развитие политического сознания итальянцев. Принятая во Франции «Декларация прав человека и гражданина», провозглашавшая свободу, политическое равенство, безопасность личности и сопротивление угнетению в качестве «естественных и неотъемлемых прав человека», звучала в условиях феодально-деспотических режимов итальянских государств подобно набату. Отношение к Французской революции и декларированным ею принципам на многие годы стало пробным камнем, определявшим идейные и политические позиции отдельных личностей и целых социальных слоев. Революция вызвала глубокий раскол итальянского общества на два противостоящих лагеря — тех, кто в той или иной форме принимал ее принципы, и тех, кто безоговорочно отвергал революцию в целом, видя в ней угрозу полного разрушения существующего строя [2]. Страх перед революцией и ненависть к ней, охватившие феодальное дворянство, церковь и правительственную касту, постоянно подогревались опасением, что французский пример окажется заразительным и вызовет социальные потрясения в Италии. Брожение среди народных масс, усилившееся вскоре после начала Французской революции, давало тому веские основания.

Отдельные выступления деревенских низов, участники которых заявляли о своем желании «поступить так, как французы», произошли в начале 90-х годов в государствах Центральной и Южной Италии [3]. Однако наибольший размах и силу борьба деревенских масс приобрела в Сардинском королевстве. Здесь крестьянство испытало на себе особенно значительное воздействие Французской революции, поскольку сведения о революционных событиях в соседней Франции доходили до населения Пьемонта быстрее и с большей полнотой, чем в других районах Италии, но главным образом потому, что в пьемонтской деревне в конце XVIII в. резко обострились социальные противоречия.

[2] *C. Botta.* Storia d'Italia dal 1789 al 1814. 1834, p. 22—23; *R. De Felice.* Italia giacobina. Napoli (1964), p. 11—12.

[3] *Д. Канделоро.* История современной Италии, т. 1. М., 1958, стр. 217.

Феодальный строй был все еще живуч в Сардинском королевстве. Титулованные и нетитулованные сеньоры, взимавшие с крестьян феодальную ренту, сохраняли за собой отчасти судебные права, а также право охоты, рыбной ловли, сбора пошлин за проезд по мостам, отвода воды в реках, исключительное право на хлебные печи и мельницы. Церковь ревностно заботилась о получении десятины. Абсолютистское государство душило крестьян и городские низы различными налогами и податями, среди которых были налоги на урожай, рабочий скот, на ремесла и подсобные промыслы, подушный налог на подданных короля старше 7 лет, налоги за аренду земли и за обработку собственного участка, ненавистный налог на соль, вынуждавший крестьян покупать ее по высоким ценам, налог на сальные свечи [4].

Но, взваливая на плечи деревенского населения тяжкое бремя, феодальный строй все же обеспечивал крестьянам определенную стабильность их хозяйственного положения. В последние же десятилетия XVIII в. этой стабильности хозяйственных отношений в пьемонтской деревне был нанесен сильный удар в результате перехода многих владельцев имений (преимущественно в равнинных районах страны) к системе крупной аренды. Новые арендаторы ломали традиционный хозяйственный уклад, превращая крестьян в батраков или навязывая им новые, крайне невыгодные условия издольщины и колоната. Эксплуатация пьемонтского крестьянства, обязанного отныне вместо старых феодальных поборов выплачивать ренту предпринимателям, значительно усилилась. Все большее число крестьян, которым нехватало продовольствия до следующего урожая, а также батраков и сельскохозяйственных рабочих вынуждено было постоянно покупать на рынке продукты питания, и прежде всего хлеб. Поэтому непрерывный рост цен на продукты сельского хозяйства во второй половине XVIII в. больно ударял по деревенским и городским низам Пьемонта, что заставляло их уже в 70—80-х годах протестовать против дороговизны. В 90-е годы в связи с усилением экономических трудностей и рядом неурожаев нехватка хлеба приобретает хронический характер. Проблема обеспечения хлебом и поддержания цен на зерно становится насущной и жгучей проблемой пьемонтской деревни.

Таковы были причины, вследствие которых Французская революция получила быстрый и сильный отклик в этой части Италии. Начавшееся здесь в 1789 г. крестьянское движение продолжалось с некоторыми перерывами почти десять лет, расшатав феодальный строй и вызвав глубокий кризис сардинской монархии в 90-е годы. Поддержание контроля над ценами на хлеб и другие продукты,

[4] *N. Bianchi.* Storia della monarchia piemontese. Roma — Torino, v. 1, 1877, p. 61—81, 113.

уменьшение и отмена налогов, ликвидация феодальных прав сеньоров и обуздание буржуазных арендаторов — таковы были требования крестьян, участвовавших в движении, которое в эти годы охватило почти все королевство и принимало самые разнообразные формы — от письменных обращений крестьян к королю с настойчивыми просьбами облегчить их бедственное положение до осады и разрушения феодальных замков и кровавых вооруженных столкновений с частями королевской армии.

Французская революция дала лишь сигнал к началу движения. Низы Савойи (где население, говорящее на французском языке, издавна относилось с недоброжелательством к пьемонтским властям) с восторгом встретили известия о событиях во Франции. Крестьяне откликнулись на них отказом нести повинности помещикам и платить введенный в начале 1789 г. новый земельный налог [5].

В 1790 г. положение в деревне резко обострилось. Движение, охватившее всю Савойю и многие сельские районы Пьемонта, приобрело массовый характер и новые черты. Повседневным явлением становятся случаи неповиновения властям по самым различным поводам, изгнание королевских чиновников, нападения на феодальные замки и попытки их поджога и захвата, вооруженные столкновения с войсками местных гарнизонов и с отрядами, посланными на усмирение крестьян, отказ платить феодальные поборы и церковную десятину, протесты против злоупотребления аристократией своими сословными привилегиями, волнения из-за дороговизны и разграбление хлебных магазинов. В Савойе население семнадцати сельских округов, в том числе Шуази, Сен-Жорио, Сен-Андре, Мутье, Мариньи, Саксонакс перестало вносить феодальные повинности сеньорам и церкви [6]. В Мариньи, где между местным феодалом и крестьянами возник спор из-за права пользоваться тропой, проходившей по земле сеньора, несколько сот вооруженных крестьян захватили и разграбили замок, владелец которого поспешно бежал. На подавление мятежа был послан отряд из 200 солдат, но вооруженные крестьяне скрылись в горах [7]. В мае серьезное волнение, вызванное удорожанием продуктов питания, вспыхнуло в Монмелиане, недалеко от Шамбери, главного города Савойи. Поддержанные сбежавшимися из окрестных деревень вооруженными крестьянами, жители Монмелиана изгнали солдат, создали новый муниципалитет и национальную гвардию и послали в Шамбери делегатов с требованием, чтобы пьемонтские войска больше никогда не возвращались в их селение и чтобы бежавшие сюда из Франции

[5] АВПР, ф. Сношения России с Сардинией, 1790 г., д. 88, л. 47.
[6] *N. Bianchi.* Op. cit., p. 538—540.
[7] АВПР, ф. Сношения России с Сардинией, 1790 г., д. 90, л. 58.

аристократы, в которых видели главных виновников дороговизны, были удалены из страны [8].

Расширению волнений содействовала революционная пропаганда, распространение подпольных изданий, обличавших пьемонтские власти и короля и призывавших не прекращать борьбу. В одном из воззваний, которое было обнаружено во многих селениях Савойи и даже в Шамбери, говорилось: «Савойцы! Настало время сбросить иго тирании по славному примеру наших добрых соседей. Не бойтесь и не дайте усыпить себя притворными ласками Пьемонта. Господь бог создал землю для всех людей, так не платите того, что хотят вырвать у вас бесчестные притеснители» [9]. Такие обращения приносили плоды. В июне 1790 г. русский поверенный в делах в Турине сообщал со слов очевидцев, побывавших в Савойе, что там народ «столь напоен французским духом, что почти вседневно оказывает склонность в последовании примеру своих соседей» [10].

Из Савойи движение перебросилось в Пьемонт, где оно сразу же во многих местностях и селениях приняло насильственный характер. В Кастельнуово-ди-Скривиа, Говоне, Раккониджи, Новалеса вооруженные крестьяне изгнали королевских солдат. В Руэльо крестьяне, встретив посланный на их усмирение отряд криками «Мы французы, а не пьемонтцы», забросали солдат камнями и заставили их отступить, после чего разогнали местную власть. Нападения на судей, синдиков и других должностных лиц произошли также в Казалле, Орта, Кастильоне и в местечках близ Ланцо. В Риволи сельские жители, вооружившись серпами и вилами, воспрепятствовали тому, чтобы земля, которую они считали общинной и которая была продана местным феодалом, герцогом д'Аоста, перешла к новому владельцу. Открытые антифеодальные выступления произошли в Лессоне, Савильяно, Барнабиа, Раккониджи и Массерано, где более трех тысяч восставших горожан и крестьян изгнали местную полицию и таможенных стражников, разграбили дом судьи, сорвали с ворот княжеского палаццо феодальные эмблемы и публично уничтожили на площади феодальные узаконения местного сеньора, заявив, что в дальнейшем они не желают признавать его власти. Против восставших были брошены два батальона пехоты и кавалерия [11].

Обстановка в деревне была столь тревожной и напряженной, крестьянство было в такой степени наэлектризовано слухами

[8] Там же, д. 90, л. 26.

[9] Там же, л. 57.

[10] Там же, л. 34.

[11] Там же, л. 64; *N. Bianchi*. Op. cit., p. 512—516.

о событиях во Франции, жаждой перемен, смутными надеждами добиться улучшений, что ничтожного повода подчас было достаточно для того, чтобы с деревенской или городской колокольни раздался набат, служивший низам сигналом к действию. Случаи стихийных мятежей и выступлений множились с такой быстротой, что в начале августа 1790 г. напуганное правительство разослало во все провинции королевства строгий приказ держать на замке все колокольни, как городские, так и сельские, дабы предотвратить внезапные восстания [12].

Однако ни меры предосторожности, ни посылка зерна в Савойю, ни избранная правительством тактика подавления волнений вооруженной силой с последующим прощением их участников не достигли цели. В 1791 г. народное движение в Пьемонте продолжалось с прежней силой, а новые экономические трудности, вызванные плохим урожаем предыдущего года, ударившим по городским низам, стали дополнительным стимулом, разжигавшим возмущение масс. С первых дней 1791 г. вновь забурлила Савойя. Волнения, продолжавшиеся несколько месяцев, вылились в марте в мятеж в главном городе этой провинции Шамбери. Когда королевский губернатор Перрон попытался уговорить горожан разойтись, из толпы раздались крики: «На фонарь губернатора и всех аристократов!». Солдаты, которых из окон забрасывали камнями, разогнали народ; были произведены аресты среди заподозренных в организации мятежа, часть их скрылась во Франции. В Савойю были спешно направлены восемь пехотных батальонов, кавалерийский полк и артиллерия. Однако брожение продолжалось еще в апреле [13].

Летом и осенью того же года волнения, вызванные недовольством пьемонтских крестьян высокими ценами на хлеб и налоговыми тяготами, прокатились по многим селениям в провинциях Салуццо, Пинероло, Асти, Алессандрия [14]. Антифеодальные волнения приблизились к столице королевства. В начале октября в окрестностях Турина около 700 вооруженных крестьян угрожали разгромить дома сеньоров, если те будут принуждать их к уплате феодальных повинностей. Для усмирения крестьян было послано 400 солдат и кавалерийский отряд. Часть крестьян бежала в горы, другие скрывались в окрестностях, уговаривая жителей соседних деревень последовать их примеру. Были арестованы два местных священника, возглавившие это выступление [15].

[12] АВПР, ф. Сношения России с Сардинией, 1790 г., д. 90, л. 54.
[13] Там же, 1791 г., д. 93, лл. 3—5, 13—15, 17, 23.
[14] *N. Bianchi*. Op. cit., p. 523.
[15] АВПР, ф. Сношения России с Сардинией, 1791 г., д. 93, л. 65.

Знаменательно, что на третьем году Французской революции низы то здесь, то там продолжали открыто выражать ей свое сочувствие и желание следовать ее примеру. Восстание в Дронеро, закончившееся сражением с солдатами, в котором с обеих сторон были убитые и раненые, началось с того, что группа молодых людей, вооруженных ружьями и палками, прошла по улицам с криками «Да здравствует Париж, да здравствует Франция!». И так было не только в деревне.

По мере того, как торговля и мануфактурное производство сталкивались со все большими трудностями, вызывавшимися, в частности, ослаблением экономических связей с Францией, положение городских низов неизменно ухудшалось. Все большее число людей лишалось работы, рост цен на продовольствие становился подлинным бичом для плебейских масс города. Следствием этого было распространение недовольства и повышенного интереса к французским новшествам. Растущее беспокойство пьемонтских властей за положение в городе и желание оградить городское плебейство от влияния революционных идей отразились в решении выслать из Пьемонта слуг французских аристократов-эмигрантов, а затем и всех проживавших там французских рабочих: власти видели в них опасных пропагандистов и носителей революционного духа.

Напор народных масс на феодальные порядки придал бóльшую решимость пьемонтской буржуазии, которая начинает открыто выступать против привилегий аристократов и требовать гражданского равенства. Город Верчелли стал ареной острой политической борьбы. Буржуазия во главе с преподавателем риторики и типографом Джованни Ранца повела энергичную кампанию против засилья местных патрициев в городском управлении, обличая злоупотребления дворян и требуя изменения нетерпимого положения. Борьба двух партий, сопровождавшаяся острыми взаимными обвинениями, ввергла Верчелли в состояние крайнего возбуждения, потребовавшего вмешательства правительства. Дж. Ранца, спасаясь от ареста, бежал в Швейцарию[16].

Широкое народное движение, охватившее различные слои населения Сардинского королевства, наталкивалось на упорное нежелание правящих кругов поступиться своими привилегиями и заняться преобразованием архаических общественных порядков. Ослепленные ненавистью к Французской революции, король Виктор Амедей III и его окружение считали главной и едва ли не единственной причиной всех социальных волнений происки французских агентов. Сардинская монархия первой из всех абсолю-

[16] *N. Bianchi.* Op. cit., p. 527—528.

тистских государств Италии вступила на путь активной борьбы с революционной Францией. Пьемонт стал прибежищем для сотен и тысяч бежавших из Франции аристократов, неприсягнувших священников, роялистов-офицеров. Предводители эмигрантов, члены французской королевской фамилии — граф д'Артуа (женатый на дочери Виктора Амедея III) и принц Кондэ — при поддержке сардинского двора развернули энергичную подготовку контрреволюционного мятежа во Франции, засылая в нее своих агентов. Прибывший из Лондона бывший министр Людовика XVI Колон попытался получить с этой целью крупные денежные средства у генуэзских банкиров. Визит в ноябре 1790 г. в Пьемонт виконта Мирабо, который вел переговоры с графом д'Артуа и принцем Кондэ, был также истолкован в Турине как звено в подготовке контрреволюции во Франции[17].

Осенью 1791 г. сардинский король с готовностью откликнулся на предложение австрийского императора примкнуть к союзу европейских держав для вмешательства в дела Франции[18]. Правящая клика строила планы военного вторжения в Прованс и Дофине. Однако начавшаяся война с Францией сразу же нанесла жестокий удар Сардинской монархии. Когда в конце сентября 1792 г. французские республиканские войска появились в Савойе, отборные кавалерийские части пьемонтской армии, в которых на командные посты допускались исключительно дворяне, в панике обратились в постыдное бегство. Русский посол в Турине князь Белосельский не без иронии описывал случившееся: «Вдруг ужасное смятение объяло как пламя всех офицеров, вдруг услышан был крик — спасайся, кому даст бог ноги... Бог одарил их всех так, что напрасно неприятельские егери и гусары пустились за ними в погоню. Ужасом пораженные пьемонтцы мчались целые двадцать лье почти без отдыху и семнадцать часов без пищи и без души»[19]. С такой же поспешностью королевские войска оставили в сентябре Ниццу, где еще весной восставший народ требовал присоединения к Франции[20].

Французские войска, с энтузиазмом встреченные населением, видевшим в них освободителей, беспрепятственно заняли графство Ниццу и Савойю. В Шамбери и многих других городах и селениях были водружены первые на земле Италии деревья свободы. Избранное в Савойе национальное собрание отменило феодальные привилегии, провозгласило гражданское равенство и выска-

[17] АВПР, ф. Сношения России с Сардинией, 1790 г., д. 90, лл. 110, 114, 116.
[18] Там же, 1791 г., д. 91, лл. 60—61.
[19] Русский архив, 1877, кн. 2, стр. 29.
[20] АВПР, ф. Сношения России с Сардинией, 1792 г., д. 98, л. 42.

залось за присоединение Савойи к Франции. В ноябре 1792 г. решением Конвента Савойя была включена в состав Французской республики, а в январе 1793 г. к ней была присоединена также Ницца. Успехи французской армии вызвали живой отклик в Пьемонте. Характеризуя настроения в столице Сардинского королевства в первые недели войны, русский посол отмечал, что «простой народ и купцы с искренним удовольствием» говорят о завоевании французами Савойи и что в Турине, где все чаще появляются «возмутительные плакарды», «половина жителей желают, чтобы французы принесли к ним искру мятежа»[21]. В то же время король, озлобленный потерей двух значительных областей и встревоженный слабостью армии, дал себя еще глубже вовлечь в борьбу с Францией, связав Пьемонт зависимостью от военной и финансовой поддержки Австрии и Англии.

Вступление французской революционной армии на итальянскую территорию, последовавшее за свержением монархии и установлением республики во Франции, обнародование Конвентом знаменитого декрета от 19 ноября 1792 г., обещавшего братство и помощь Франции «всем народам, которые пожелают вновь обрести свою свободу», суд над Людовиком XVI и его казнь и, наконец, победа ненавистного и грозного якобинства — все эти события, говорившие о том, что революция продолжает неудержимо развиваться и приобретает отчетливо выраженный плебейский отпечаток, вызвали у правящих абсолютистских клик Италии подлинный пароксизм страха. Папа Пий VI, которому французская армия уже мерещилась у ворот Рима, обратился в ноябре 1792 г. с посланием к Екатерине II, умоляя «могущественнейшую императрицу» направить к берегам Италии «наисильнейшую» эскадру для ограждения Папской области и других монархических государств от возможных нападений французского флота[22]. Вместе с тем усилия властей были направлены на то, чтобы воздвигнуть новые преграды на пути революционных идей, не допустить пробуждения широких масс и по возможности укрепить свой тыл.

События в Сардинском королевстве, охваченном лихорадкой народных волнений, утратившем свою территориальную целостность и испытывавшем отныне постоянное давление французской армии, делали в глазах абсолютистских властей угрозу их режиму более реальной и близкой. Поэтому они не ограничились окончательным пресечением всяких реформаторских тенденций, усилением полицейских гонений и введением более жесткой цензуры, не допускавшей отныне малейшего выражения симпатий к Фран-

[21] «Русский архив», 1877, кн. 3, стр. 31, 35.

[22] АВПР, ф. Посольство в Риме, опись 525-А, д. 14-А, лл. 14—17.

ции даже со стороны умеренных печатных органов. Контрреволюционная и антифранцузская пропаганда, уже весьма активная и раньше, приобрела теперь колоссальный размах, став важнейшим политическим орудием господствующих сословий и правительств, с помощью которого они стремились запугать народные массы, пробудить в них страх и ненависть к революции с тем, чтобы, сохранив контроль над умами низов и оградив их от заражения революционным духом, удержать массы в своем подчинении и отвратить возможность социальных взрывов.

Правда, в различных районах страны недовольство низов, возраставшее в 90-е годы из-за постоянного ухудшения их положения, вызывало (не говоря уже о Пьемонте) спорадические волнения и восстания, а симпатии к Французской революции и желание последовать ее примеру стихийно прорывались наружу, несмотря на усилия этой клерикально-реакционной пропаганды. И все же непрерывное и настойчивое внушение массам устрашающих представлений о Французской революции и якобинцах приносило свои плоды, особенно в отдаленных от Франции районах полуострова. Италия наводнялась громадным количеством контрреволюционных изданий. Сотни брошюр и памфлетов, десятки газет и тысячи листовок распространяли самые невероятные, абсурдные, фантастические выдумки о Франции, революции, о ее целях и руководителях. Основной тезис этой широчайшей пропагандистской кампании сводился к тому, что существует громадный заговор с целью ликвидации христианства и замены его безбожием и анархией. Революция рисовалась в виде надвигающейся чудовищной катастрофы, которая разрушит и отнимет у человека все, чем он дорожит — семью, детей, жену, дом, имущество и религию; носители же и проводники революции — якобинцы — изображались в виде монстров, чудовищ, врагов всякого порядка и морали. Пропаганда эта, руководимая и раздуваемая реакционными правительствами Италии, и прежде всего папством, была обращена к низам, которым настойчиво внушали, что перед добрым христианином есть только один путь спасения от ужасов революции и анархии — подчинение государю, потому что это равносильно подчинению богу. Тот, кто восстает против государя, — восстает против самого бога[23].

Подобная неустанная идеологическая и психологическая обработка масс, не встречавшая в условиях жестоких полицейских режимов никакого отпора, оказалась весьма эффективной, так как, используя жупел революции и «якобинства», реакционным силам удалось в конечном счете сохранить свое влияние среди ни-

[23] I Giornali giacobini italiani, a cura R. De Felice. Milano, 1962, p. XIX—XXIII.

зов и впоследствии, в критический для итальянского революционного движения момент, направить их действия в нужном для себя направлении. С годами контрреволюционная пропаганда приобретала все более разнузданный и агрессивный характер еще и потому, что, несмотря на террор и все усилия ретроградных правительств оградить свои владения от влияния французских идей, революционная идеология не только распространялась во всех без исключения итальянских государствах, но и пустила в них достаточно глубокие корни, так что уже к середине 90-х годов стало очевидным фактом, что в Италии родилось в подполье новое политическое движение, носившее демократический и республиканский характер. Несомненно, что немалую роль в развитии этого движения сыграла французская пропаганда в Италии, осуществлявшаяся, в частности, дипломатами и агентами революционной Франции. Однако большинство тайных патриотических групп возникло стихийно, что отражало пробуждение передовых сил итальянского общества и назревавшую необходимость в новых формах и методах политической борьбы. Основная масса участников развивавшегося движения на Севере и в Центре Италии состояла из представителей буржуазной интеллигенции (адвокаты, нотариусы, профессора и преподаватели, ученые, студенты, литераторы, артисты), городской буржуазии различных категорий — от богатых коммерсантов, занимавшихся крупными операциями по сбыту шелка и тканей, банкиров и ювелиров до массы мелких лавочников, мельников, владельцев гостиниц, тратторий, кафе, мясных лавок и мастеров, обладавших небольшим капиталом. В движении участвовали также городские низы, в основном ремесленники (портные, сапожники, кузнецы, жестянщики, чулочники, стекольщики), и небольшое число рабочих [24]. Значительную категорию среди сторонников патриотического движения составляли служащие (землемеры, таможенные чиновники, письмоводители и др.) и военные (офицеры и унтер-офицеры). В Неаполитанском королевстве, где буржуазия была развита слабее, чем в других итальянских государствах, а произвол королевского двора оттолкнул в оппозицию многих умеренно настроенных представителей привилегированных сословий, важную роль в республиканском движении стали играть передовые слои дворянства и дворянской интеллигенции. Наконец, во всех районах Италии в рядах республиканцев заняли место представители духовенства — образованные монахи многих монастырей и религиозных орденов, приходские священники, а в отдельных случаях даже епископы и архиереи [25].

[24] См., например: *G. Vaccarino*. L'inchiesta del 1799 sui giacobini in Piemonte.— «Rivista storica italiana», 1965, f. 1.

[25] В Пьемонте среди лиц, заподозренных королевскими властями в принадлеж-

Таким образом, итальянское республиканско-демократическое движение вобрало в себя людей самых разнообразных занятий и стоявших на разных ступенях общественной лестницы. Но, несмотря на пестрый социальный состав этого движения, его приверженцев объединяла верность буржуазно-демократическим идеалам, провозглашенным Французской революцией, которые были созвучны их интересам и устремлениям, и убеждение в необходимости глубоких политических преобразований обветшавших феодально-абсолютистских режимов. Свержение монархии во Франции и победа якобинцев содействовали тому, что от революционной пропаганды (устной и с помощью печатных изданий), являвшейся первоначально основной формой деятельности итальянских патриотов, некоторые группы переходят к попыткам свержения реакционных монархических режимов с целью установления республики. Дальше всего в этом отношении пошли патриоты в Сардинском королевстве, где движение приняло особенно значительные размеры — как из-за большей близости к Франции и энергичных действий Тилли, французского посла в соседней Генуе, так и из-за возраставшей внутренней неустойчивости государства.

По-видимому, первая большая группа радикального направления возникла в Савойе, в Шамбери. В марте 1791 г. русский поверенный в делах в Турине доносил, что в Шамбери существует общество, насчитывающее до 400 человек, «по большей части из адвокатов и стряпчих», связанное с Якобинским клубом в Париже, о чем свидетельствовала переписка, найденная у арестованного в Женеве некоего аббата Жака Франсе, признанного автором распространявшихся в Савойе пропагандистских изданий[26].

В Пьемонте возникла разветвленная сеть революционных организаций. Помимо двух республиканских клубов в Турине, тайные республиканские группы возникли в 1793 г. во многих провинциальных городах и селениях: в Бьелле (во главе с офицером Дж. Дестефанисом), Альбе (где их возглавил купец И. Бонафус), в Асти, Верчелли, Новаре, Салуццо, Буске, Ковалье, Дронеро. Провинциальные и туринские общества были связаны между собой. Ближайшей целью пьемонтские революционеры ставили свержение монархии, арест, а в случае необходимости и казнь короля и принцев и провозглашение республики в Пьемонте. Неза-

ности к «якобинству» в 90-е годы, церковнослужители составляли более 14%. Если же учитывать только тех заподозренных, чьи профессии удалось установить, то доля церковников возрастает еще больше — до 23,5% (см. *G. Vaccarino*. Op. cit., p. 72—73). В 1794 г. русский дипломат сообщал из Неаполя, что там «между монахами очень много жакобинов» (Архив князя Воронцова, кн. 20. М., 1881, стр. 275).

[26] АВПР, ф. Сношения России с Сардинией, 1791 г., д. 93, лл. 13, 16.

долго до намеченного выступления властям удалось раскрыть заговор. В мае — июне 1794 г. десятки человек были арестованы, большинство их приговорено к тюремному заключению, трое республиканцев повешены.

Важной особенностью заговора в Пьемонте в 1793—1794 гг., выделяющего его среди республиканского движения в других итальянских государствах, явилась попытка установить связь с крестьянством и привлечь его к подготовлявшимся революционным выступлениям. Одного из повешенных патриотов — Дестефаниса — приговорили к казни за то, что он «в Бьелльской провинции подговаривал мужиков к возмущению». Среди арестованных в разных районах Пьемонта, сообщал русский дипломат из Турина, многие были обвинены «в подкуплении в разных местах мужиков, чтобы с помощью оных произвести в действие свои злоумышления»[27] (т. е. свержение правительства и короля). В частности, в Соперга негоциант Жюно пытался завербовать через одного крестьянина (затем выдавшего его) жителей окрестных деревень[28].

В Папском государстве свидетельством зарождения подпольного революционного движения стали аресты по обвинению в якобинской деятельности, которые имели место в 1792 и 1794 гг. в Риме и Болонье. В заговоре 1792 г. в Болонье участвовали городские низы. Состоявшиеся в 1794—1795 гг. суды над республиканцами и демократами, членами различных радикальных клубов в Ломбардии, Венецианской и Генуэзской республиках, также отражали факт формирования здесь революционного направления среди буржуазных кругов, студенчества и части дворянства.

В Неаполитанском королевстве к 1793—1794 гг. республиканское движение пустило ростки не только в столице, но даже в отдаленных сельских районах. В Неаполе и ряде других городов Юга, где было широко распространено масонство, становление республиканского движения приняло специфическую форму. Оно происходило первоначально путем преобразования в революционные общества тех масонских лож, в которых преобладали радикально настроенные сторонники просветительных идей.

У истоков революционного движения здесь стояла образованная молодежь, студенты, ученые, юристы, писатели, ставшие убежденными и пылкими поборниками республиканских идеалов свободы и равенства. Несколько клубов, возникших в Неаполе, объединяли лучших представителей интеллектуальных кругов столицы и ряда провинций: Франческо Конфорти, Ф. С. Сальфи, Этторе Карафа, Иньяцио Чиайя, А. Джордано, М. Гальди, Э. Де Део

[27] Там же, 1794 г., д. 111, лл. 77, 89.
[28] *N. Bianchi.* Op. cit., v. 2, p. 545—546.

и многих других. Выдающуюся роль в пропаганде революционных идей и в организационном сплочении их поборников вскоре стал играть преподаватель химии Карло Лауберг, вокруг которого группировалось столичное студенчество. Будучи частым гостем в доме французского посла в Неаполе Мако, где он имел возможность читать французские газеты, Лауберг тотчас же передавал полученные им свежие новости о событиях во Франции друзьям и студентам, с которыми он обсуждал волновавшие молодежь политические и философские проблемы. В августе 1793 г. Лауберг объединил несколько политических клубов Неаполя в центральный клуб под названием «Патриотическое общество», признававшее необходимость революции с целью свержения монархии, утверждения демократической республики, свободы и равенства. Осенью того же года Лауберг перевел на итальянский язык якобинскую конституцию 1793 г. и «Декларацию прав человека и гражданина», которые были напечатаны в виде отдельной брошюры в количестве 2 тыс. экземпляров и стали распространяться как в самом Неаполе, так и в провинциях; один экземпляр якобинской хартии был подброшен даже на стол королевы.

Республиканская агитация распространялась и в провинциальных районах королевства — Калабрии, Апулии, Кампанье и в Сицилии. Здесь также создавались патриотические кружки и клубы. В Апулии они возникли, например, в Фазано, Фодже, Лучере, Минервино, Лечче, Трани, Мольфетте и других городах[29]. В отличие от Неаполя в провинциальных республиканских клубах и особенно в Сицилии была более широко представлена местная буржуазия и буржуазная интеллигенция.

В конце 1793 г. на республиканцев Неаполя обрушилась первая волна правительственных репрессий. Однако вслед за тем в «Патриотическом обществе» выделилась крайне радикальная группа во главе с часовщиком Андреа Витальяни, решившая начать немедленную подготовку к республиканскому восстанию. Эта группа стремилась опереться на городские низы Неаполя, страдавшие, как и в других итальянских государствах, от дороговизны и упадка торговли. Брат А. Витальяни краснодеревщик Винченцо Витальяни проповедовал среди неаполитанских ремесленников и плебса, что «в самом недалеком времени придут французы», что с их приходом «наступит свобода и изобилие продуктов питания», что не нужно будет платить квартирную плату и установится «полное равенство между богатыми и бедными, знатными и простонародьем»[30]. Незадолго до намеченного срока вос-

[29] *A. Lucarelli.* La Puglia nel Risorgimento, v. I. Bari, 1931, p. 343—344, 349, 354.

[30] Ibid., p. 372—373.

стания заговор был раскрыт и организация разгромлена. Трое его участников, в том числе Винченцо Витальяни и студент из Апулии Э. Де Део, были повешены, многие брошены в тюрьмы и отправлены на каторгу. В 1794—1795 гг. последовала жестокая расправа с революционными группами Сицилии, также готовившимися к провозглашению республики.

В целом к середине 90-х годов республиканское движение пустило корни во всех без исключения итальянских государствах и выдержало натиск правительственных репрессий и гонений. На смену арестованным и бежавшим от полицейских преследований в тайные общества вливались новые силы.

В этот начальный период становления и развития республиканского движения социальные цели его участников были еще крайне смутными и неясными. Хотя итальянских патриотов и республиканцев их противники из правительственного лагеря уже в первой половине 90-х годов нередко именовали «якобинцами», само понятие «якобинизм» в итальянских условиях тех лет имело весьма широкий и расплывчатый смысл и очень часто не было тождественно тому конкретному социально-историческому содержанию, которое оно приобрело во Франции. В Италии «якобинцем» называли всякого человека «крайних взглядов», т. е. солидарного с Французской революцией и ее идеями и активного противника существующего политического устройства. При этом многие из числа примкнувших к республиканскому движению не отдавали себе отчета в важности аграрного вопроса и позиции крестьянства для судеб итальянской революции, а другие (особенно те, кто обладал землей, как буржуа, так и дворяне) с самого начала относились с большой настороженностью и недоверием (а порой даже с враждебностью) к низам, и прежде всего к крестьянству. За исключением Пьемонта, в других государствах полуострова республиканцы, по-видимому, не предприняли сколько-нибудь серьезной попытки связаться с деревней. Отрыв от крестьянских масс оказался основной слабостью итальянского республиканского движения; спустя несколько лет он стал причиной подлинной трагедии, которую пришлось пережить революционному движению Италии.

Участников республиканского движения с момента его возникновения объединяли главным образом общие политические цели — ненависть к абсолютистской тирании, стремление к победе демократических и республиканских принципов и преобразованиям государственного строя по образцу тех, которые осуществили французские республиканцы. Важнейшая черта этого движения, отчетливо выявившаяся уже с первых шагов, состояла в том, что оно решительно отбросило господствовавшую в XVIII в. среди итальянской буржуазии идею сотрудничества с монархами как

основного метода общественных преобразований и перенесло эту проблему на почву открытой политической борьбы с феодально-монархическими режимами с целью их слома и демократизации общественных порядков. Тем самым республиканское движение указало выход из тупика, в котором оказались передовые круги итальянской буржуазии и дворянства, разочарованные узкой реформаторской политикой государей, и открыло перед ними новый политический путь, переключив их энергию в сферу революционной борьбы за радикальное решение назревших задач обновления итальянского общества.

При этом победа Французской революции служила итальянским республиканцам великим примером и подспорьем, укреплявшим в них уверенность в правильности и конечной эффективности избранного ими пути. Кроме того, именно пример «единой и неделимой республики» во Франции в значительной мере содействовал тому, что среди итальянских патриотов стало расти и крепнуть сознание исторической и национальной общности Италии и стремление видеть в ней единое политическое целое и родину всех итальянцев. Город Онелья в Пьемонте, занятый французской армией в 1794 г., в течение последующего года стал очагом итальянского патриотизма. Здесь собралась большая группа республиканцев-изгнанников из различных государств Италии, которые под руководством французского комиссара этой территории Филиппо Буонарроти (уроженца Тосканы, убежденного революционера и итальянского патриота, непосредственно испытавшего влияние французского якобинства) совместно участвовали в правительственной деятельности и пропаганде среди населения. Связи, установившиеся в этот период между радикально настроенными республиканцами Пьемонта, Генуи, Неаполя, сохранились в будущем[31]. Тем самым был дан новый толчок развитию итальянского национального самосознания, которое в последующие годы стало величайшей движущей силой в борьбе за объединение Италии и ее освобождение от иностранного порабощения.

Поход Наполеона в Италию. Создание итальянских республик. Революционное трехлетие 1796—1799 гг.

1796 год открыл новую полосу в итальянской истории, отмеченную крушением феодально-абсолютистских режимов на полуострове, бурным развитием политической борьбы, мощными, но противоречивыми по своему характеру выступлениями народных

[31] Storia d'Italia, coordinata di N. Valeri, v. 3. Torino, 1959 (далее — Storia d'Italia), p. 210.

масс. Итальянское общество испытало глубокое потрясение: привычный уклад жизни был нарушен, претерпели ломку традиционные понятия и представления. За сравнительно короткий срок Италия пережила исключительные по масштабу и исторической значимости события.

Когда в апреле 1796 г. более чем 30-тысячная французская армия под командованием тогда еще мало известного генерала Наполеона Бонапарта вступила по приказу Директории в Пьемонт для нанесения вспомогательного удара по войскам антифранцузской коалиции, никто не мог предвидеть, что это повлечет за собой внезапный и крутой поворот в политических условиях Италии. Разгромив в течение десяти дней пьемонтскую армию, Бонапарт заставил сардинского короля Виктора Амедея III выйти из антифранцузской коалиции и заключить 15 мая 1796 г. в Париже мир, по которому Савойя и Ницца переходили к Франции, а в стратегически важных городах-крепостях Пьемонта располагались французские войска. Тесня австрийцев, Бонапарт 15 мая вступил в Милан, а затем отбросил австрийскую армию на территорию Венеции.

Одновременно французские войска, не встретив никакого сопротивления, вступили в герцогство Модену, через которое вторглись затем в Папское государство, где оккупировали Романью, и в Тоскану, захватив Ливорно. Через три месяца после начала военных действий почти вся Ломбардия, часть Венеции и Центральной Италии были захвачены французами. В феврале 1797 г. вся Северная Италия, освобожденная от австрийцев, оказалась в подчинении Бонапарта.

К этому времени итальянские государства, участвовавшие в в войне с Францией (Неаполитанское королевство, Папская область, Модена, Парма), были принуждены к миру.

Итальянские патриоты встретили французскую армию, как армию победившей революции, и связывали с успехами французского оружия надежды на скорую демократизацию Италии. Городские низы, а отчасти и крестьянство отнеслись к французам благожелательно, надеясь на улучшение своего положения. Содержавшиеся в воззваниях Бонапарта обещания разбить цепи тирании, сковывавшие народы Италии, фразы об «освободительной» войне, республиканские призывы вызывали энтузиазм. Однако большие надежды вскоре были омрачены тем, что повсюду, куда ни вступали французские войска, они облагали население тяжелыми контрибуциями и реквизировали все необходимое для армии — от лошадей до галунов для солдатских мундиров. Вскоре выяснилось также, что итальянские земли, оказавшиеся под властью французов, должны не только кормить и полностью содержать французские войска. Важнейшая цель политики, осуществлявшейся в Италии как самим Бонапартом, так и многочисленными

комиссарами и агентами Директории, была четко определана одним из ее членов — Карно, цинично заявившим в 1796 г., что Ломбардия — «это лимон, который надо выжать». По сообщению русского дипломата в Генуе, французы после своего вступления в Милан, помимо изъятых в городе огромных денежных сумм, потребовали предоставить им 3500 аршин синего сукна, 1250 белого, 2000 зеленого, 500 красного, 6250 аршин саржи, 13 700 холста, 40 тыс. аршин полотна для рубашек, 20 тыс. пар чулок, 2000 шляп, 50 тыс. пар башмаков, 1200 кулей овса, 6000 возов сена, 1500 лошадей для упряжи и 150 верховых. Городские власти умоляли Бонапарта уменьшить наполовину эту дань [32]. Жестокой экономической эксплуатации, принимавшей на практике форму беззастенчивого грабежа, подвергалась не только Ломбардия, но и Парма, Модена, Тоскана, Венеция, Генуя и папские владения. Уже к концу 1796 г. в виде контрибуций и реквизиций была собрана огромная по тому времени сумма — 57,8 млн франков [33].

Кроме денег, драгоценностей и военных материалов, французы в больших размерах стали вывозить из Италии ее художественные и культурные сокровища — картины старых мастеров, античные статуи, скульптуру, фарфор, древние рукописи. Например, перемирие между папой и французским командованием, подписанное в июне 1796 г. Бонапартом, Жиро и комиссаром Саличетти, специально предусматривало передачу папой Французской республике 100 картин, бюстов, ваз и статуй и 500 рукописей «по выбору комиссаров» (этот выбор пал, в частности, на полотна Рафаэля, Перуджино, Сакки, на статуи Аполлона Бельведерского, Дискобола, группу Лаокоона и др.) [34].

Оккупационный режим французов тяжким бременем давил на народные массы, вызывая у них недовольство и возбуждая антифранцузские настроения. В конце мая произошли народные волнения в Комо, Варезе, Лоди и Милане, а в районе Павии началось восстание, жестоко подавленное французскими войсками. Все это создавало большие трудности для итальянских патриотов, подавляющее большинство которых ориентировалось на французов и стремилось заручиться их поддержкой. По мере продвижения французской армии по полуострову и крушения под ее ударами реакционных режимов патриоты выходили из подполья и демократическое и республиканское движение, обретавшее новые силы, переживало период бурного развития.

32 АВПР, ф. Сношения России с Генуей, 1796 г., д. 100, л. 101.

33 *Д. Канделоро.* Указ. соч., т. 1, стр. 259.

34 АВПР, ф. Сношения России с римскими папами, 1796 г., д. 93, л. 35, д. 94, л. 26; *Richard Duppa.* A Journal of the most remarkable occurrences that took place in Rome. London, 1799, p. 117—122.

1. *Вступление французских войск в Милан в мае 1796 г.*

В августе 1796 г. начались волнения в Центральной Италии. 23 августа народные массы Реджо (в герцогстве Моденском) водрузили в своем городе дерево свободы, а спустя несколько дней тот же символ освобождения появился на главной площади Модены, где против восставшего народа были брошены войска[35]. 26 августа созданное в Реджо временное правительство обратилось за помощью к французам, и войска Бонапарта вступили на территорию герцогства. Движение в Реджо и Модене нашло отклик в папских городах Болонье и Ферраре, занятых французами еще в июне и поклявшихся в верности Французской республике. В октябре 1796 г. эти четыре города образовали военный союз, а 30 декабря избранные населением этих городов-республик депутаты, собравшись в Реджо, объявили о создании Цис-

[35] АВПР, ф. Сношения России с римскими папами, 1796 г., д. 94, лл. 41—42.

паданской республики[36]. Была выработана конституция, проведены выборы в законодательное собрание — первое на территории Италии, был утвержден зелено-бело-красный республиканский флаг (впоследствии ставший национальным флагом Италии). Циспаданская республика просуществовала, однако, недолго. В конце июня 1797 г. Бонапарт, долго откладывавший установление республиканского строя в Милане из-за противодействия парижской Директории и из опасения вызвать усиление демократов, дал согласие на провозглашение республики в Ломбардии, к которой в июле 1797 г. была полностью присоединена Циспаданская республика, а также Романья, а в октябре были присоединены некоторые венецианские города. Образовалась «единая и неделимая Цизальпинская республика» с населением в 3,3 млн. человек. Ее столицей стал Милан.

В конце мая 1797 г. группа генуэзских республиканцев во главе с аптекарем Морандо и аббатом Кунео при поддержке французского посла Фепу сделала попытку свергнуть олигархическое правительство; последнему, однако, удалось, подкупив часть горожан, подавить попытку восстания[37]. Вмешательство Бонапарта, заинтересованного в более прочном утверждении французов на лигурийском побережье, привело в июне к падению олигархического правления во главе с сенатом и демократизации Генуи, где была провозглашена Лигурийская республика. В мае того же года прекратила свое многовековое существование и другая республика с окостеневшим олигархическим строем — Венецианская, бо́льшую часть территории которой заняли французы.

Все эти преобразования в Северной и Центральной Италии сопровождались невиданным подъемом патриотического движения, расцветом демократической публицистики, умножением политических клубов и обществ, манифестациями, составлением воззваний, адресов и петиций, политическими дискуссиями, республиканскими празднествами. Ненавистный полицейский режим, душивший мысль и зажимавший рты, преследования за политические убеждения, неограниченный произвол абсолютистских властей — все это, казалось, ушло в вечность.

Перемена духовного и политического климата, свершившаяся в считанные месяцы, была поистине разительной и ошеломляющей. Итальянцы, принадлежавшие к различным слоям общества, исповедовавшие разные политические убеждения, окунулись с головой

[36] Давая такое название новой республике, ее основатели хотели воскресить древнеримскую традицию. В античной Италии территории, лежавшие к югу и северу от реки Падус (современная По), именовались соответственно Циспаданской и Транспаданской Галлией.

[37] АВПР, ф. Сношения России с Генуей, 1797 г., д. 105, лл. 75—79.

в политическую жизнь, спеша воспользоваться открывшейся перед ними бесценной возможностью свободно мыслить, писать, выражать свое мнение. Издательская деятельность переживала невиданный расцвет. Настоящее половодье газет и газеток, брошюр, памфлетов, книг, листков залило итальянские земли, в которых свергли старые порядки. Не было более или менее значительного города, где бы не начали издавать одну или несколько газет[38]. В 1796—1799 гг. только наиболее заметных газет, издававшихся по крайней мере несколько недель или месяцев, выходило: в Болонье — 13, в Брешии — 5, в Генуе — 17, в Венеции — 14, в Милане — 40[39].

Милан еще до официального провозглашения республики стал центром национального и демократического движения в Италии. Вскоре он превратился в раскаленный очаг революционной и республиканской пропаганды, проникавшей в различные районы полуострова. В Милан стекались патриоты, эмигрировавшие из тех государств, где существовали еще реакционные режимы. Здесь обосновались, в частности, пьемонтец Дж. Ранца, неаполитанцы Лауберг, Сальфи, Гальди, римляне Л'Аурора и Латтанци и другие республиканцы самых передовых взглядов. В городе со 130-тысячным населением летом 1797 г., по свидетельству миланской «Джорнале репуббликано», насчитывалось 47 патриотических клубов[40]; в некоторых из них, по свидетельству современника, «обоготворяли Марата»[41].

Важнейшей проблемой, вокруг которой развернулись дискуссии и политическая борьба в Ломбардии, а затем и в Цизальпинской республике, стала будущая судьба Италии. Пробуждение широкого и горячего интереса к этому вопросу свидетельствовало о том, какой большой шаг вперед сделало национальное самосознание итальянцев за годы, прошедшие после начала Французской революции. Ярким выражением этого факта явился объявленный осенью 1796 г. в Ломбардии публичный конкурс работ на тему: какая форма «свободного правления» более отвечает интересам Италии? Большинство принявших участие в конкурсе (а их оказалось более 50 человек) в своих сочинениях предлагало установить во всей Италии республиканский строй, причем победитель конкурса пьячентинец Мелькиорре Джойя, а также патриоты из Неаполя, Рима, Пьемонта, Венеции и Ломбардии (М. Гальди, Л'Аурора, Латтанци, Ланчетти и др.) высказались за объединение всей Италии в единую и неделимую республику. Другие авторы (Дж. Ранца,

[38] I giornali giacobini italiani, p. XXXIII.
[39] Ibid., p. 497—510.
[40] Ibid., p. 328.
[41] АВПР, ф. Сношения России с Сардинией, 1796 г., д. 127, л. 83.

Фантуцци) также ратовали за объединение страны, только в форме федерации республик [42].

Демократические газеты Милана и других городов Цизальпинской республики повели широкую и энергичную пропаганду итальянского единства, предлагая различные методы объединения страны. Идея, что народы всех частей и государств Италии представляют единое целое, итальянскую нацию, стала важным завоеванием итальянской политической мысли этого периода и получила широкое отражение на страницах многих республиканских изданий, высказывалась ораторами на митингах и манифестациях. В условиях, когда под натиском французских войск рушились средневековые преграды, разделявшие страну, у сотен и тысяч итальянских патриотов родилась надежда на возможность в недалеком будущем возрождения Италии и ее объединения.

Казалось, в частности, что приближается час торжества революции в Сардинском королевстве, внутренний кризис в котором непрестанно углублялся. На острове Сардиния, откуда восставший народ изгнал всех пьемонтцев, занимавших государственные должности, в 1794—1796 гг. бушевало антифеодальное крестьянское движение, которое удалось подавить лишь с большим трудом. В самом Пьемонте среди всех классов от года к году росло чувство глубокого недовольства. Война с Францией взвалила новые тяготы на городские низы и крестьянство, причинив серьезный ущерб сельскому хозяйству, усугубила упадок торговли и промышленности. По улицам городов бродило множество нищих [43]. Крестьяне мучились от неурожаев и эпидемий скота, шайки дезертиров и разбойников грабили деревни. Буржуазия роптала, феодальное дворянство, бюрократия и высшее духовенство были раздражены на короля, осмелившегося обложить их налогом и посягнувшего на часть церковного имущества [44]. В Турине был закрыт университет, на улицах запрещалось петь и говорить о политике, город кишел шпионами, тюрьмы были полны арестованными [45].

В такой обстановке пьемонтские республиканцы, представлявшие все эти годы чрезвычайно энергичный и боевой (если не самый боевой) отряд патриотического движения Италии, предприняли в 1796—1797 гг. ряд самоотверженных попыток свергнуть монархию в Сардинском королевстве. Движение не ограничивалось политическими целями: как и в начале 90-х годов, передовые груп-

[42] Alle origini del Risorgimento: testi del celebre concorso, v. 1—2, 1964

[43] АВПР, ф. Сношения России с Сардинией, 1792 г., д. 101, лл. 25, 81.

[44] Там же, 1793 г., д. 104, л. 1, д. 105, л. 1.

[45] *N. Bianchi.* Op. cit., v. 2, p. 528, 530—531.

пы пьемонтских республиканцев отличало стремление опереться на крестьян (несмотря на их монархические настроения) и придать движению социальную направленность. Неудавшаяся попытка поднять в ноябре 1796 г. восстание в провинции Новара замечательна тем, что ее организаторы выдвинули широкую программу социальных преобразований как важнейшую задачу революции. Написанная Ранца прокламация обещала народу в случае успеха немедленно конфисковать имущество королевской семьи, аристократов, «сверхбогачей», и распределить его сначала среди бедняков, а затем и среди остальной части народа; отменить все феодальные и королевские налоги, закрепить за каждым крестьянином участок земли, а тех из них, кто владеет всего 1 модием (около 0,3 га),— освободить от всех налогов [46].

Летом 1797 г. пьемонтские республиканцы, принесшие уже не одну жертву на алтарь революции (в течение года происходили расстрелы тех, кто вновь и вновь пытался с помощью заговора опрокинуть трон), напрягли все силы для достижения своих целей. В этом году многолетняя и упорная социальная борьба крестьянских и городских масс Пьемонта достигла своего апогея. Из-за неурожая нехватка хлеба, зерна, фруктов стала крайне острой. Дороговизна достигла предела. Цены на хлеб и кукурузу — основные продукты питания народа — подскочили по сравнению с 1795 г. в 1,5—2 раза [47]. Ставшие невыносимыми бедствия народных низов вызвали восстание, охватившее почти все провинции Пьемонта. Основным требованием масс, поднявшихся в десятках городов и селений, было немедленное снижение цены на хлеб и поддержание ее на определенном уровне — требование, перекликающееся со стремлениями широких народных масс Франции, которые в годы подъема революции добивались введения максимума на продукты. По сути дела восстание в июле — августе 1797 г. (толчок которому, по мнению русского посла в Турине, дали бурные республиканские манифестации в Милане и Генуе [48]) представляло собой почти везде голодный бунт низов, выведенных из терпения терзавшей их нуждой. Во многих селениях и городах крестьяне и городской плебс силой заставляли власти устанавливать умеренную цену на зерно. По дорогам Пьемонта от деревни к деревне и от города к городу двигались отряды вооруженных крестьян. Один из них, состоявший из 200 человек, 25—27 июля прошел через Кастильоне, Сан-Мауро и Сеттимо Торинезе, где установил свою цену на хлеб и другие продукты. Продолжая поход, крестья-

[46] Ibid., p. 571—572.
[47] Ibid., p. 488—489.
[48] АВПР, ф. Сношения России с Сардинией, 1797 г., д. 131, л. 21.

не вошли в Вольпиано, где разоружили местный гарнизон и освободили арестованных, а затем в Сан-Бениньо и Ломбардоре, где также добились снижения цен. Четырехтысячная колонна крестьян направилась в Верчелли за хлебом для своих голодающих семей. Во многих местах подверглись разграблению склады зерна, принадлежавшие оптовым торговцам. В Бьелле и Ноне крестьяне сами приступили к продаже зерна по умеренным ценам.

В этот бурный поток стихийных выступлений вливалась и струя антифеодальной борьбы. В сельском округе Фоссано, в Виллафранке, Вирле крестьяне разрушали пекарни и мельницы, принадлежавшие местным феодальным сеньорам. В деревнях вокруг Фоссано крестьяне посадили на полях деревья свободы, а затем двинулись в город, где заставили установить твердую цену на зерно и хлеб, после чего восставший народ решил потребовать от короля сохранения установленных цен, освобождения от уплаты десятины, предоставления гражданских прав недворянам и сохранения избранного народом нового состава городского управления.

Почти повсюду восстание вызвало вооруженные столкновения — сначала с местными гарнизонами, которые восставшие изгоняли из городов и селений, часто завладевая при этом вооружением и пушками, а затем с регулярными войсками, брошенными на усмирение народа, оказывавшего подчас упорное сопротивление. Города приходилось брать штурмом, в котором участвовало нередко несколько тысяч солдат, поддержанных артиллерией.

Наиболее драматические события произошли в Асти, где восставшие (буржуазия и городские низы) разоружили 600 солдат, разогнали старую власть, провозгласили 27 июля республику и предложили городам соседних провинций объединиться с ними [49]. В Асти стали стекаться многие республиканцы. Однако части аристократов во главе с маркизом Фринко (который, чтобы не быть арестованным, заявил о присоединении к восстанию) удалось натравить окрестных крестьян на восставших [50]. Просуществовав десять дней, республика была задушена.

В целом у пьемонтских республиканцев и представителей провинциальной буржуазии, которые в ряде районов стремились либо возглавить движение, либо направить его в русло борьбы с феодальным дворянством, не хватило сил для того, чтобы прочно взять в свои руки руководство восстанием. Монархии удалось устоять. Начались репрессии. На главных площадях мятежных городов было расстреляно без суда 40 человек, затем специальные трибуналы осудили на казнь еще 94 человека. Восстание, однако, вы-

[49] *N. Bianchi.* Op. cit., v. 2, p. 599—616.

[50] АВПР, ф. Сношения России с Сардинией, 1797 г., д. 131, лл. 21—23, 33, 39—41, 51—52, 56.

нудило короля пойти на некоторые уступки: были отменены одиозные феодальные права дворянства (баналитеты, мостовые сборы, право охоты и рыбной ловли), его судебные и налоговые привилегии [51].

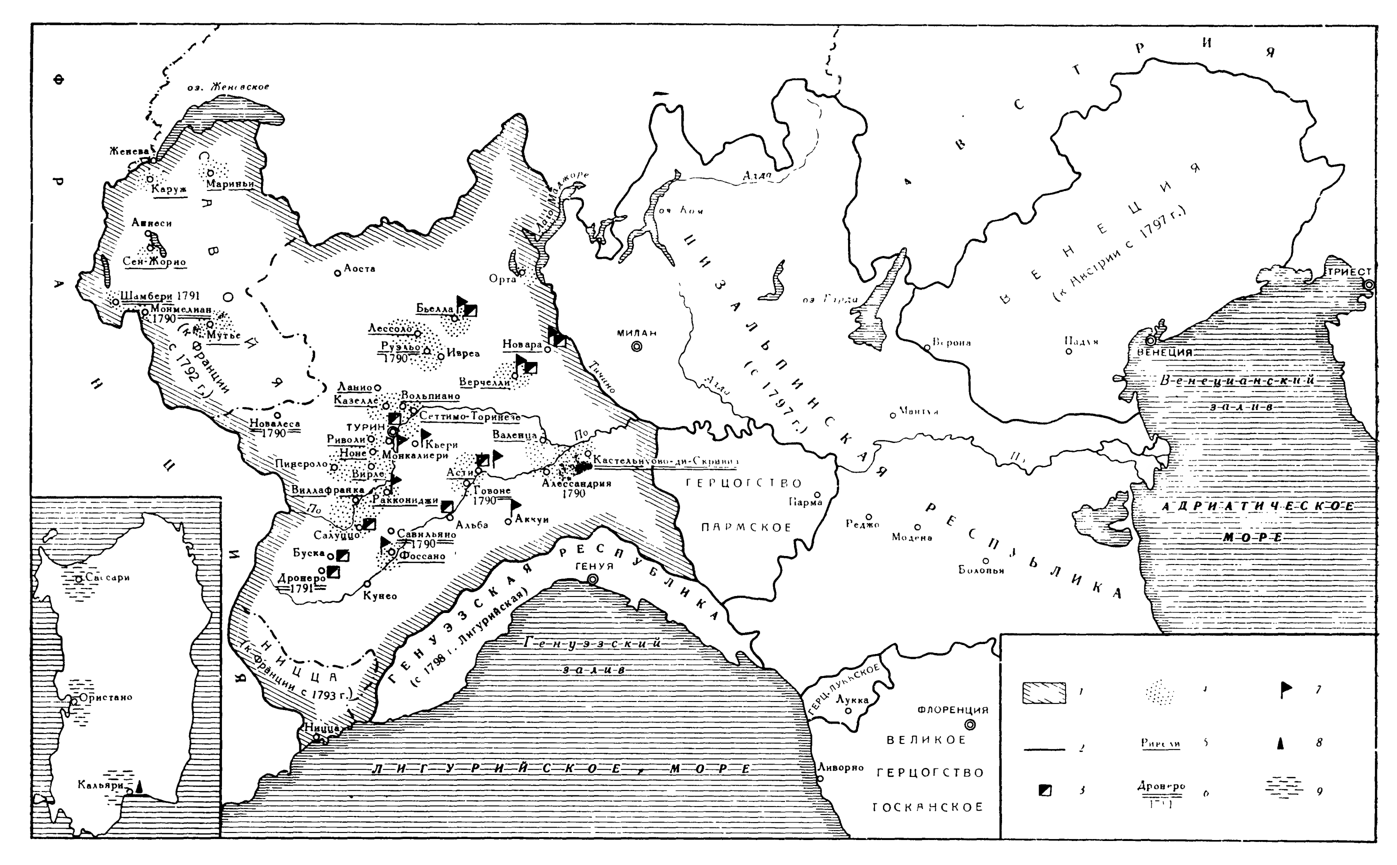
Несмотря на подавление восстания 1797 г. и тяжелые неудачи предыдущих лет, пьемонтские республиканцы мужественно продолжали борьбу, хотя позиция, занятая Бонапартом в отношении республиканского движения в Пьемонте в самые острые для него моменты в 1796 и 1797 гг., глубоко разочаровала многих патриотов, связывавших столько надежд с именем этого человека. Бонапарт решительно отказался поддержать пьемонтских республиканцев в их попытках свергнуть монархию, так как строил планы использования пьемонтской королевской армии в войне с антифранцузской коалицией. Заявив незадолго до восстания королевскому представителю в Милане, что он не окажет ни малейшей помощи республиканцам Пьемонта [52], Бонапарт развязал королю руки для жестокой расправы с восставшими.

Вскоре иллюзиям, которые питало большинство итальянских патриотов относительно освободительной миссии Бонапарта в Италии, был нанесен еще более тяжкий удар. Несмотря на петиции и просьбы всех венецианских городов о присоединении их к Цизальпинской республике, Бонапарт, заключив в октябре 1797 г. мир с Австрией в Кампоформио, передал ей территорию Венеции. Эти события дали доказательство того, что ради своих личных целей и целей французской завоевательной политики Бонапарт был готов использовать отдельные части итальянской территории как разменную монету в дипломатической игре и жертвовать интересами итальянского патриотического движения. Стало обнаруживаться, что, сокрушая отжившие порядки в Италии и отчасти поддерживая республиканское движение, Бонапарт заботился не столько об итальянских национальных интересах и торжестве республиканских принципов, сколько о создании здесь таких условий и такого политического строя, которые позволили бы Франции занять господствующее положение на Апеннинском полуострове и выкачивать из страны ее богатства.

Эта политика, отражавшая усиление антидемократических и антиреволюционных тенденций среди господствующих кругов Франции и проводившаяся (пусть с теми или иными нюансами) как Бонапартом и другими французскими военачальниками, так и гражданскими агентами Директории, определила характер государственного устройства новых итальянских республик и наложила глубокий отпечаток на их политическую и общественную жизнь.

[51] Там же, л. 51.

[52] *N. Bianchi.* Op. cit., v. 2, p. 625.

Народные движения в Сардинском королевстве в 90-х годах XVIII в.

Государственная структура Цизальпинской и Лигурийской республик во многом напоминала французскую, поскольку она опиралась на конституции, представлявшие собой почти точный слепок с французской конституции 1795 г., отменявшей всеобщее избирательное право и значительно урезывавшей демократические права народа. Формально власть на территории каждой из этих республик осуществляли законодательный корпус и директория из 5 человек. Однако их состав не избирался, а почти целиком назначался французскими генералами и комиссарами парижской Директории. Например, все члены законодательного корпуса и директории Цизальпинской республики были первоначально назначены Бонапартом. Французы с неусыпным вниманием следили за постановлениями высших органов власти в итальянских республиках, вмешивались в их деятельность, а в тех случаях, когда считали это необходимым, бесцеремонно перекраивали их состав. Следовательно, итальянские республики не являлись суверенными, независимыми государствами. Они должны были служить послушным орудием французского господства и прикрывать его фасадом республиканских институтов. Робкие попытки властей Цизальпинской республики добиться большей самостоятельности тотчас же пресекались. В начале 1798 г. ее подчиненное положение было официально закреплено договором с Францией, обязывавшим республику ежегодно выплачивать 18 млн. франков на содержание французского оккупационного корпуса, участвовать совместно с Францией во всех войнах и создать с этой целью собственную армию.

Своей социальной опорой на занятых итальянских территориях Бонапарт сделал умеренно и консервативно настроенную буржуазию и дворянство. За несколько дней до провозглашения Цизальпинской республики в июне 1797 г. Бонапарт успокоил и ободрил эти слои, заявив в речи в Милане, что «богатый и дворянин не должны считать себя ниже всякого другого, кем бы он ни

---

1. *Основная территория Сардинского королевства.*
2. *Границы итальянских государств.*
3. *Основные центры республиканского заговора. в 1793—1794 гг.*
4. *Районы крестьянских волнений.*
5. *Места антифеодальных выступлений и хлебных бунтов крестьян.*
6. *Места и даты вооруженных столкновений крестьян и горожан с королевскими войсками и полицией.*
7. *Центры народного восстания в Пьемонте в 1797 г.*
8. *Центр антипьемонтского восстания на Сардинии в 1794 г.*
9. *Районы антифеодального движения на Сардинии в 1794—1796 гг.*

был»[53]. Именно представители этих слоев общества заняли большинство мест в государственном аппарате Цизальпинской и Лигурийской республик — как в правительстве, так и на местах, во вновь созданных муниципалитетах. «Все дышит умеренностью и идеей уважения лиц, обладающих собственностью, и примирения дворян и зажиточных с рождающейся республикой», — писал в 1797 г. выразитель настроений этих кругов Пьетро Верри[54].

Чтобы привести социальную структуру в известное соответствие с новыми политическими институтами, расширить поле деятельности буржуазии и укрепить ее положение, были ликвидированы архаические правовые нормы, обеспечивавшие неприкосновенность и неотчуждаемость феодальной собственности — фидейкомиссы, майораты, право «мертвой руки»; вводился гражданский брак, женщины уравнивались в правах с мужчинами при завещании наследства. Все религиозные ордена и корпорации были упразднены и их имущество конфисковано. Правительство Цизальпинской республики, вынужденное под давлением острых финансовых трудностей приступить к распродаже образовавшегося таким образом фонда «национальных имуществ», не позаботилось о том, чтобы привлечь на свою сторону крестьянство и мелкобуржуазные слои: церковные земли прибрали к рукам французские военные поставщики, должностные лица, спекулянты и отчасти крупная буржуазия.

Этими мерами ограничивались в основном социальные преобразования в республиках. Бонапарт и его преемники на посту командующего французской армией в Италии устраняли всякую возможность проведения революционных преобразований, которые отвечали бы интересам народных масс. Делая ставку на богатых собственников, которых он хотел превратить в главную опору французской гегемонии в стране, Бонапарт стремился не допустить дальнейшего подъема демократического и республиканского движения и обуздать тех революционно настроенных патриотов, чей голос все громче раздавался в Милане.

В первые же месяцы после падения старых порядков в Северной и Центральной Италии в итальянском патриотическом движении наметились два направления. К одному (олицетворявшемуся Пьетро Верри, Мельци, Греппи, Марескальки) принадлежали те патриоты, которые, желая видеть Италию свободной и независимой, надеялись добиться этой цели постепенно и с помощью умеренных методов. Эти люди были, по красноречивому признанию Мелькиорре Джойя, «менее врагами аристократии, чем дру-

[53] АВПР, ф. Сношения России с Сардинией, 1797 г., д. 133, л. 159.
[54] Цит. по: *R. De Felice*. Op. cit., p. 27.

зьями плебса»[55]. Те из них, кто предлагал провести социальные преобразования в интересах масс, руководствовались не столько искренним сочувствием низам, сколько желанием избежать революционных катаклизмов.

Сторонники другого направления с большей или меньшей решимостью отстаивали революционные методы создания единой и независимой Италии, выступали за проведение широкой демократизации итальянского общества и за социальные преобразования, которые позволили бы привлечь на сторону республики и революции народ. К этому направлению итальянской революционной демократии, склонявшейся к якобинству, принадлежала значительная группа пьемонтских республиканцев во главе с уже упоминавшимся Дж. Ранца, немалое число эмигрантов из Неаполя и Рима, находившихся в 1796—1798 гг. в Цизальпинской республике, и радикальные слои миланской демократии, которую возглавил Карло Сальвадор, принимавший деятельное участие в Великой французской революции (он был судьей революционного трибунала в Париже и сотрудничал с Маратом и Робеспьером). Вокруг Сальвадора, основавшего в Милане за несколько дней до прихода в город французов «Народное общество», объединились самые последовательные и решительно настроенные республиканцы и демократы. Выразителями их взглядов стали две миланские газеты «Термометро политико делла Ломбардия» («Термометр политической жизни Ломбардии») и «Джорнале сенца Номине» («Газета без названия»).

Эти органы революционной демократии развернули (как, впрочем, и ряд других газет, например генуэзская «Чензоре итальяно») энергичную пропаганду в якобинском духе. Помещавшиеся в них статьи — свидетельство углубления итальянской революционной идеологии, осознания передовой революционной интеллигенцией необходимости связать патриотическое и республиканское движение с народными массами города и деревни. В отличие от большинства итальянских буржуазных республиканцев тех лет (которым проблема отношений демократии с народом представлялась лишь в двух аспектах: либо абстрактного просвещения масс в духе принципов политической свободы и юридического равенства, либо их насильственного подавления)[56], якобинцы Милана, Генуи, Рима, Неаполя и других городов приблизились к пониманию того, что разрешение социальных проблем может стать тем мостом, который соединит патриотическое движение и народные массы, городскую демократию и крестьянство. В октябре 1796 г.

[55] *M. Gioja.* Quadro politico di Milano. Milano, 1798, p. 50.
[56] I giornali giacobini italiani, p. XLVII.

«Термометро политико...», указывая на бедственное положение колонов Ломбардии и требуя ликвидации поземельного налога, призывал: «Отмените этот остаток ужасной бесчеловечности, если хотите, чтобы в деревне голос патриотов имел больший вес, чем голос аристократов»[57]. В апреле 1797 г. анонимный автор (возможно, священник) писал на страницах газеты: «Я буду повторять, пока жив: если хотите сделать из невежественного бедного люда хороших патриотов, проникнитесь его особыми интересами, облегчите его нищету». Автор статьи, назвавший себя «добрым патриотом и другом народа», сообщает, что он «ежедневно имеет дело с бедными земледельцами, пользуется их доверием и может проникнуть в глубину их души»; он советует немедленно дать почувствовать крестьянам материальные преимущества нового строя. Стремясь донести свое слово до крестьян, якобинцы бесплатно распространяли газеты в деревнях, а Ранца добивался чтения этих газет официальными лицами и священниками в церквах[58].

Якобинские органы печати затрагивали проблемы дороговизны, требуя снижения цен, в частности цен на хлеб, освобождения бедноты от уплаты контрибуций, сокращения налогов и отмены некоторых из них, передачи крестьянам церковных земель, отмены церковной десятины, прекращения грабежа общинных земель и возвращения крестьянам тех из них, которые были незаконно захвачены ранее, установления умеренной квартирной платы и запрещения выселять городских бедняков, вовремя не уплативших за жилье. В августе 1798 г. газета «Сферца републикана», с горечью констатируя, что «суверенитет» народа не принес ему ничего, кроме растущей нищеты, с большой проницательностью предупреждала власти Цизальпинской республики: «Уничтожьте нищету народа, или республика придет в упадок»[59].

Французские власти не раз принимали меры с целью не допустить расширения влияния якобинцев в Цизальпинской республике. Несколько раз производилась чистка законодательных и исполнительных органов, из которых исключались последовательные демократы. Была введена цензура, ограничена свобода печати, временно прекращался выход газет, производились аресты. В конце 1798 г. были окончательно закрыты «Термометро политико...» и многие другие издания, распущены радикальные клубы, арестованы некоторые патриоты. Сальвадору, Латтуаде и другим демократам пришлось покинуть Милан.

В целом немногочисленным якобинским группам Цизальпинской и Лигурийской республик, в которых власть находилась в ру-

[57] I giornali giacobini italiani, p. XLVII.
[58] Ibid., p. LI—LII.
[59] Ibid., p. 153—164.

2. *Провозглашение на Капитолии Римской республики 15 февраля 1798 г.*

ках поддерживаемых французами умеренных элементов, не удалось добиться сдвигов влево. Однако продолжавшаяся здесь несколько лет интенсивная политическая деятельность и пропаганда якобинцев не прошли даром. Они содействовали развитию и распространению на полуострове передовой революционной идеологии и получили отклик в тех частях Италии, где в 1798—1799 гг. также утвердилось французское господство.

В начале 1798 г. парижская Директория и генералитет сочли, что созрели условия для захвата Папского государства. К этому времени экономические трудности достигли здесь чрезвычайной остроты. В эдикте, опубликованном в конце ноября 1797 г., папское правительство вынуждено было признать, что расстройство денежного обращения и рост цен на продукты потребления происходят с такой быстротой, что создают угрозу «разрушения всей системы частной и государственной экономии» [60]. В конце года восстали и объявили о своей независимости от пап-

[60] АВПР, ф. Сношения России с римскими папами, 1797 г., д. 96, л. 159 (печатный текст эдикта).

ской власти города Анкона, Пезаро и Сенигаллия. В Риме происходили волнения. В начале 1798 г. французские войска под командованием Бертье, воспользовавшись как предлогом случайным убийством в Риме французского генерала, двинулись к столице Папского государства. 10 февраля они вступили в окрестности Рима. 15 февраля в Риме была провозглашена республика. В сердце Рима, на Капитолии, перед статуей Марка Аврелия патриоты водрузили дерево свободы. В обнародованном затем «Акте суверенного народа» говорилось, что, «низвергнув все политические, экономические и гражданские власти старого правления», народ объявляет себя «суверенным, свободным и независимым»[61]. После этого основные французские силы вступили в Рим. Папа Пий VI был лишен светской власти и выслан из Рима.

В скором времени Римская республика получила разработанную французами конституцию, которая, подобно основному закону Цизальпинской республики, включала в себя основные положения французской конституции 1795 г. Была создана та же система государственного управления, только органы власти получали иные названия, воскрешавшие в памяти величие древнего Рима и призванные таким образом будить патриотизм. Исполнительный орган назывался здесь не директорией, а консулатом, законодательный состоял из сената и трибуната, вместо комиссаров, членов муниципалитетов и судей представители местных властей именовались консульскими префектами, преторами и эдилами. Кроме того, конституция, в явном противоречии с провозглашенным ею суверенитетом народа, открыто признавала верховную власть в республике за командующим французской армией, который мог назначать членов законодательных и исполнительных органов, утверждал все принятые законы и имел право сам издавать их[62].

И все же, как бы ни была ограничена и даже иллюзорна власть римского республиканского правительства, уничтожение старой теократической системы, лишение церкви политической власти и провозглашение в папских владениях передовых лозунгов народоправства, выборности всех властей, политического равенства и республиканизма само по себе было равносильно революционному перевороту. Если же его результаты не оправдали надежд передовых представителей римской демократии, то в не малой степени это объясняется исключительными трудностями, с которыми с первых же шагов пришлось столкнуться новой республике.

[61] АВПР, ф. Сношения России с римскими папами, 1798 г., д. 97, лл. 29—30.
[62] Assemblee della Repubblica romana, a cura di V. Giuntella, v. I. Bologna (1954), p. 4.

Финансы, унаследованные от папства, оказались в совершенно расстроенном состоянии. Казна была пуста, деньги стремительно обесценивались, десятки тысяч нищих, бродяг, разбойников наводняли страну. В таких условиях французы вместо того, чтобы поддержать молодую республику, взвалили на нее тяжкое бремя контрибуций и приступили к систематическому грабежу. Навязанная Римской республике тайная конвенция обязывала ее начать выплату 3 млн. скудо. В обеспечение этой суммы французы закрепляли за собой серные рудники, богатейшие в Европе разработки квасцов и значительную часть фонда национальных имуществ, образовавшихся из конфискованных республикой громадных богатств церкви; в частности, французы наложили секвестр на все движимое и недвижимое имущество, принадлежавшее папе и его родственникам, ряду апостолических конгрегаций и некоторым кардиналам, а также на имущество подданных тех стран, которые входили в состав антифранцузской коалиции. Общая стоимость этого имущества составляла не менее 14 млн. скудо [63].

На территории республики развернули лихорадочную деятельность компании крупных французских военных поставщиков и финансистов, под нажимом которых парижская Директория и командование французской армии в Италии, собственно, и решили вторгнуться в папские владения. На распродаже конфискованных церковных имуществ, сопровождавшейся настоящей вакханалией спекуляций, на поставках армии и продовольствия для городов, на откупах, перевозках и различных махинациях коммерсанты, банкиры, подрядчики, члены компаний «Бодэн», «Аллар-Коло», «Мунициони дженерали», «Асда-Росне», «Россиньоли-Суман», «Коукоурда-Гомэн-Салье», «Топэн-Вердей» и других нажили огромные барыши. Многочисленные агенты этих компаний, тесно связанных между собой и координировавших свои действия, рыскали по территории республики, накладывая секвестр и скупая по низким ценам все, что привлекало их внимание. Хищнический грабеж страны принял такие размеры, что французский комиссар Фепу, не отличавшийся излишней заботливостью о нуждах итальянцев, вынужден был просить Директорию обуздать деятельность компаний ввиду угрозы разорения новой республики [64].

Внезапно представившуюся возможность наживы широко использовала и местная буржуазия — финансисты, коммерсанты и сельские буржуа, так называемые «деревенские купцы», арендо-

[63] *R. De Felice.* La vendita dei beni nazionali nella Repubblica Romana del 1798—1799. Roma, 1960, p. 44.
[64] Ibid., p. 57.

вавшие землю у дворян и церковных учреждений и торговавшие сельскохозяйственными продуктами. Обладая значительными капиталами, но лишенные земли, которую путы феодального права дотоле надежно удерживали за привилегированными сословиями, деревенские купцы стали лихорадочно скупать богатые церковные имущества (пахотные земли, виноградники, оливковые рощи, леса, мельницы), продававшиеся значительно ниже их действительной стоимости. Бóльшая часть этих покупок была совершена на крупные суммы — от тысячи скудо и выше. Многие приобрели землю и другое имущество на десятки тысяч скудо, а некий Карло Джорджи — на 193 тыс. скудо, что явилось самой крупной индивидуальной покупкой [65].

Действия французских и итальянских поставщиков и спекулянтов, охваченных горячкой обогащения, имели весьма серьезные последствия для республиканского режима. Скупая у крестьян сельскохозяйственные продукты, они навязывали произвольные цены и расплачивались бумажными деньгами, которые инфляция лишила почти всякой стоимости. По деревне поползли слухи (очевидно, всячески раздувавшиеся реакционным духовенством) о том, что земледельцы вообще ничего не будут получать за свой труд. Крестьяне в разгар страды прекращали сельскохозяйственные работы. Такие случаи стали, очевидно, частым явлением, если правительство республики вынуждено было уже в июне 1798 г. обратиться со специальным воззванием к деревенскому населению, чтобы опровергнуть подобные слухи [66].

Но дело было не только в злоупотреблениях скупщиков и поставщиков. На римского крестьянина обрушилась волна вымогательств и повальных грабежей, чинимых французами. Чего только не требовали те, кто обещал итальянцам установить свободу и справедливость! Пшеница и овес, кукуруза и сено, скот, лошади, мулы, ослы, волы, повозки, тюфяки, постельное белье, рубашки, башмаки, одежда, бумага, пакля, свинец, кремни и другие вещи — все становилось объектом реквизиций [67]. Характеризуя положение в деревне, сенатский доклад, составленный в начале 1799 г., констатировал, что неимущие слои крестьян подвергаются беспощадному грабежу и что земледельцу пришлось увидеть, как «от плуга отрывают его вола, а из рук похищают плоды его трудов» [68].

Дурной пример французов оказался заразительным: местные власти (в составе которых, как и в римском правительстве, доми-

[65] *R. De Felice*. La vendita..., p. 90—92.
[66] АВПР, ф. Сношения России с римскими папами, 1798 г., д. 98, л. 33.
[67] *A. Crivellucci*. Una comune delle Marche nel 1798 e 1799. Pisa, 1893, p. 84.
[68] *R. De Felice*. La vendita..., p. 63.

нировала буржуазия, отрицательно относившаяся к якобинцам) стали самовольно облагать население поборами и принудительными займами, распродавать общинные земли и присваивать церковные имущества [69]. Объявленный летом 1798 г. французским командующим обязательный набор в республиканскую армию, делавший, однако, исключение для сыновей зажиточных земледельцев и откупщиков [70], также вызывал озлобление крестьян. Такое концентрированное давление на крестьянство не замедлило принести печальные для Римской республики плоды: начались крестьянские восстания.

Вступление французской армии в папские владения и установление здесь республиканского строя произошло в момент, когда в римской деревне сложилась весьма своеобразная обстановка. Нищее и забитое кретьянство терзали неурожаи, дороговизна и недоедание, ставшие хроническим злом в конце XVIII в. В ряде местностей крестьяне пекли хлеб, состоявший на 3/4 из желудей и только на 1/4 из зерна. Огромная армия служителей церкви (в государстве с населением в 2,6 млн. человек насчитывалось 53 тыс. церковников [71]) прочно держала низы под своим духовным конт ролем. Антиреволюционная и антиякобинская пропаганда, начатая в Италии в первые годы Французской революции, приняла в Папском государстве особенно широкий размах, и ее организаторы и проводники во многом преуспели, вдалбливая в сознание религиозно настроенных масс мысль о том, что французы и якобинцы — безбожники и исчадия ада — являются их заклятыми врагами. Поэтому, когда французские войска в 1796 г. появились в Северной Италии, а затем проникли и в папские владения, низы охватил ужас перед надвигающейся катастрофой, которая в представлении запуганных до предела крестьян должна была приобрести едва ли не характер светопреставления. По деревням ползли самые фантастические слухи о французах. «Я видел собственными глазами,— свидетельствует один из современников,— как матери оплакивали судьбу своих младенцев... и судорожно целовали их, так как предвидели, что они послужат пищей для французской солдатни. Я слышал собственными ушами, как простые женщины и немощные простолюдины, воздев руки к небу или скрестив их, говорили наперебой о постыдных покушениях французов на женскую честь, о святотатственных обрядах, которыми сопровождается поднятие республиканской эмблемы, т. е. древа вольности, ... о запрещении таинств, о том, что они меняют веру, об их многоженстве... и о тысяче других постыдных актах варварства и

[69] АВПР, ф. Сношения России с римскими папами, 1798 г., д. 98, л. 36.
[70] Там же, л. 26.
[71] Assemblee della Repubblica romana, p. XXV,

безбожия, в коих французов нарочито обвиняло невежество или злоумышление, дабы вызвать к ним ненависть»[72].

Когда французские войска вступили на папскую территорию, массы, объятые всеобщим страхом, не оказали им никакого сопротивления, тем более что постоянные голодовки пробудили среди них недовольство папским правительством. Вскоре крестьяне убедились, что слухи о дьявольской природе французов ложны. Возвращаясь из городов, куда они специально ходили, чтобы посмотреть, что представляют собой эти чудовища-французы, успокоенные крестьяне говорили: «Мы думали, что дело хуже, это такие же люди, как и мы»[73]. Страх перед иноземцами постепенно прошел. Часть крестьян стала даже смутно надеяться на перемены к лучшему в своем положении. Однако реквизиции и грабежи, обрушившиеся на деревню, привели к тому, что улегшийся было страх перед французами вскоре сменился страшной ненавистью к ним и к тем «сеньорам» и «якобинцам», которые были их друзьями и пособниками.

Эти антифранцузские и антиякобинские настроения, усиленно разжигавшиеся фанатичным духовенством, приняли религиозную форму: крестьяне восставали под лозунгом защиты веры от святотатцев и осквернителей церквей. В апреле и июне французские войска уже жестоко усмиряли охваченные восстанием деревни, в частности вокруг Перуджи, где крестьяне расправлялись с представителями новых республиканских властей и вместо деревьев свободы устанавливали кресты[74]. Стали издаваться законы, грозившие смертной казнью всякому, кто любым способом — действием, речами или распространением ложных слухов — подстрекает к восстанию или участвует в заговорах. От священников и монахов также под угрозой смерти требовали личного вмешательства для предотвращения и прекращения восстаний; верные республике церковнослужители в своих проповедях уговаривали прихожан выдавать заговорщиков властям[75]. Однако восстания не прекращались. Пылали подожженные французскими карательными отрядами дома, лилась кровь расстрелянных. Отношения городской демократии и республиканских властей с крестьянством выдвигались, таким образом, на первый план как одна из важнейших проблем Римской республики. Однако проведенные ее правительством аграрные преобразования носили однобокий характер и мало что дали крестьянским массам.

[72] Цит. по: *R. De Felice*. Italia giacobina, p. 294—295.
[73] *A. Crivellucci*. Op. cit., p. 136—140.
[74] АВПР, ф. Сношения России с Тосканой, 1798 г., д. 192, л. 72.
[75] АВПР, ф. Сношения России с римскими папами, 1798 г., д. 98, л. 46, д. 99, лл. 11, 67.

В мае 1798 г. были обнародованы два законодательных акта, определивших политику Римской республики в аграрном вопросе. Отменялись фидейкомиссы и право первородства, вследствие чего дворянские феоды становились отчуждаемыми. Ликвидировались отработочные ренты и личная зависимость крестьян, а также все неэкономические привилегии баронов — баналитеты, исключительное право охоты, порубок, право взимания различных сборов, в том числе за разрешение забивать скот, делать колбасы, и т. д. Наконец, та категория деревенских жителей, которая обрабатывала землю на относительно выгодных условиях эмфитевсиса (т. е. арендного договора со строго закрепленным размером платежей), получала право выкупа арендуемого участка, но за огромную сумму, равную 40-кратной величине ежегодной арендной платы[76]. Что же касается распродажи конфискованных земель церкви и монастырей, то она была проведена таким путем, что среди покупателей не оказалось ни одного крестьянина[77].

Таким образом, аграрное законодательство Римской республики, отвечавшее главным образом интересам различных групп городской и сельской буржуазии, по существу ничего не изменило в положении крестьянства. В этой связи радикально настроенные элементы римской демократии предпринимали настойчивые попытки добиться в законодательном собрании принятия мер, которые привели бы к буржуазно-демократическим преобразованиям и ломке главного пережитка феодализма — крупной собственности феодального происхождения. В течение трех месяцев трибунат (одна из законодательных палат) трижды обсуждал проблемы деревни. Некоторые трибуны (их имена остались, к сожалению, неизвестны) выступали с планами радикальных преобразований в деревне, которые могли бы привлечь крестьян на сторону республиканского режима. Выступавшие указывали, что громадные земельные владения являются главной причиной бедственного положения сельского хозяйства республики. На заседании в конце апреля 1798 г. один из трибунов заявил, что «в Республике, основанной на принципах свободы и равенства, богатства следует распределить как можно более широко». Трибун внес предложение разделить крупную собственность таким образом, чтобы доход от участков равнялся не менее 500 и не более 1000 скудо.

10 мая трибунат рассмотрел другое предложение, предусматривавшее установление максимальной величины земельного владения в сто руббио (184 га) и сдачу остальной земли в наследственную аренду на таких условиях, чтобы крестьянин-колон мог

[76] Там же, д. 97, л. 84, д. 99, л. 136.
[77] *R. De Felice.* La vendita..., p. 93.

затем купить обрабатываемый им участок земли[78]. Однако проекты этих резолюций были утоплены в комиссиях трибуната. Нежелание или неспособность стоявших у власти и все более тесно связывавших себя с французами умеренных республиканцев вступить на путь глубоких социальных преобразований и напряженная внутренняя обстановка в республике вызвали резкие разногласия в лагере римских демократов.

Республиканцы якобинского толка группировались в Риме вокруг Конституционного клуба и газеты «Мониторе ди Рома». В их числе были выдающиеся политические мыслители революционной эпохи — неаполитанцы Винченцо Руссо и Марио Пагано, римлянин Л'Аурора, сторонник всеобщей экспроприации духовенства и ограничения крупной собственности[79], и немало патриотов, убежденных сторонников создания единой Итальянской республики. В июле 1798 г. они выступили с резкой критикой политики умеренных, упрекая их в отречении от республиканских идеалов и в том, что они оправдывают грабежи французов и сами злоупотребляют своим положением[80]. Это вызвало немедленную реакцию со стороны французских военных властей, закрывших под предлогом борьбы с «анархией» и клеветой на существующие власти Конституционный клуб и все другие политические клубы и общества. Не ограничиваясь этим, они предложили римскому правительству распустить также любое литературное, научное, художественное, сельскохозяйственное и торговое общество, которое «своими действиями и дискуссиями способствует нарушению общественного спокойствия и вызывает неуважение к властям»[81]. Этот погром демократических организаций сопровождался введением на всей территории республики строгой цензуры на все газеты и все издания и книги, посвященные «любому политическому, физическому, гражданскому или моральному предмету»[82].

Раскол в республиканском лагере еще более усложнил и без того трудное политическое и экономическое положение республики. Жесткий контроль и самоуправство французов сковывали инициативу республиканских властей. В сентябре 1798 г. в своем воззвании консулат вынужден был признать, что «законы не выполняются, публичная администрация бездействует, а каждая коммуна выглядит как обособленная республика, чуждая интересам великой семьи»[83].

[78] Assemblee della Repubblica romana, p. 182—183, 247.

[79] *G. Vaccarino.* I patrioti «anarchistes» e l'idea dell'unita italiana (1796—1799), Torino, 1955, p. 101.

[80] Assemblee della Repubblica romana, p. 182—183, 247.

[81] АВПР, ф. Сношения России с римскими папами, 1798 г., д. 98, л. 65.

[82] Там же, д. 98, л. 66.

[83] Там же, д. 99, л. 35.

Грабежи французов и все более ясно обнаруживавший себя захватнический характер итальянской политики французской Директории вызвали перелом в сознании радикально настроенных патриотов как в Риме, так и в других частях Италии. Убедившись в беспочвенности надежд на то, что правительство Франции окажет содействие в разрешении итальянского вопроса, многие патриоты переходят на антифранцузские позиции. Этот сдвиг в настроениях многих итальянских республиканцев левого толка был ускорен событиями, которые произошли в конце 1798 — начале 1799 г. В декабре 1798 г. французы решились, наконец, покончить с монархией в Пьемонте. Однако после того, как король Карл Эммануил IV был выдворен из страны, французское военное командование не допустило провозглашения здесь республики, и в феврале 1799 г. Пьемонт был присоединен к Франции. К этому времени в Северной и Центральной Италии уже широко распространились оппозиционные настроения, что привело во второй половине 1798 г. к созданию тайного «Общества лучей» — разветвленной заговорщической организации, имевшей группы своих сторонников в Болонье, Модене, Венеции, Брешии, Милане, Турине и Генуе. Заговор не носил подчеркнуто антифранцузского характера — порвав с официальной Францией тех лет, выступив против контрреволюционной парижской Директории, итальянские республиканцы, участники заговора, постарались заручиться поддержкой французских революционеров и связались с этой целью с якобинцами и с оставшимися в живых сторонниками Бабефа [84]. Решительное противодействие Директории установлению тесных связей между итальянскими республиками и тем более их слиянию приводило ко все более широкому распространению среди передовых патриотов убеждения, что только единая итальянская республика сможет отстоять свою независимость от захватнических устремлений как Франции, так и Австрии. Таким образом, сопротивление своекорыстной политике Директории вызвало дальнейшую конкретизацию идеи единой Италии и ее перенесение в плоскость политической борьбы. Директория, относившаяся крайне недоброжелательно к сторонникам итальянского единства, старалась осуществлять новые завоевания на Апеннинском полуострове таким образом, чтобы они не содействовали укреплению здесь республиканских режимов. После свержения великого герцога Тосканского власть на территории Тосканы стала осуществлять французская военная администрация, а утверждение республиканских порядков на Юге страны, в Неаполитанском королевстве, произошло вопреки воле Директории; поэтому фран-

[84] *G. Vaccarino*. Op. cit., p. 44—47, 108—109.

цузский командующий генерал Шампионне, разгромивший неаполитанские войска и с сочувствием отнесшийся к действиям неаполитанских республиканцев, после своего возвращения в Париж был арестован и отдан под суд [85].

Неаполитанская монархия пала под ударами французских войск вскоре после того, как она вновь, в конце 1798 г., примкнула к антифранцузской коалиции, заключив союз с Россией и Англией. Начав боевые действия, неаполитанские войска во главе с австрийским генералом Макком вступили на территорию Римской республики и даже заняли на несколько дней Рим, где устроили страшный погром. Вскоре, однако, французская армия под командованием Шампионне перешла в наступление и добилась решающих успехов. В конце декабря, примерно через месяц после начала войны, неаполитанский король Фердинанд IV, королева Мария Каролина и двор бежали на английском корабле в Сицилию. Тем временем французы, отбросив королевские войска, подошли к Неаполю. После трехдневных кровопролитных боев с яростно сопротивлявшимся городским плебсом-лаццарони, среди которых были очень сильны монархические чувства, французские войска овладели столицей. Еще во время штурма группа республиканцев, захватившая господствующий над городом замок Сант-Эльмо, провозгласила там 22 января Неаполитанскую (или, иначе, Партенопейскую — по древнему названию Неаполя) республику.

В созданное в Неаполе временное республиканское правительство вошел ряд лучших представителей неаполитанской демократии, давно уже связавших свою судьбу с итальянским патриотическим движением: Карло Лауберг, который первоначально возглавил правительство (он вступил в Неаполь вместе с французской армией), Иньяцио Чиайя, Марио Пагано, Джузеппе Честари, Джузеппе Аббамонти и другие. Секретарем правительства стал француз Марк Антуан Жюльен, участвовавший во Французской революции, и затем в заговоре Бабефа, сторонник создания в Италии единой республики. Реальная власть в Неаполе также находилась в руках французов, однако, в отличие от других итальянских республик якобинцы, вошедшие в состав высших правительственных органов, пользовались благожелательным отношением генерала Шампионне, пока он не был отозван во Францию.

Республиканцы Неаполя развернули активную политическую деятельность. В клубах и патриотических залах сотни людей клялись «жить свободными или умереть» [86], республиканские газеты (среди них только самых значительных насчитывалось десять)

[85] *Д. Канделоро.* Указ. соч., т. 1, стр. 313.

[86] *C. De Nicola.* Diario napoletano, v. I. Napoli, 1906, p. 307.

3. *Сражение между лаццарони и французскими войсками в Неаполе в январе 1799 г.*

стремились просветить народ, пропагандируя идеи политического равенства и демократии. Республиканцы Чиккони и Гуальцетти начали издавать две небольшие газеты на неаполитанском диалекте, чтобы довести республиканскую пропаганду до низов[87]. Эту же цель преследовали и авторы изданных тогда «для поучения народа» специальных катехизисов, предназначенных для чтения в школах и церквах и восхвалявшие народ и низы[88]. Стараясь расположить народ к революции и доказать, что она близка духу христианства, республиканские власти проповедовали, что в Евангелии Христос призывает к демократии[89].

[87] I giornali giacobini italiani, p. LI.

[88] *N. Rodolico.* Il popolo agli inizi del Risorgimento nell'Italia meridionale 1798—1801. Firenze, 1925, p. 138—139.

[89] *C. De Nicola.* Op. cit., p. 97,

Вскоре после провозглашения Неаполитанской республики из столицы во все концы страны выехали курьеры с красно-желто-голубыми кокардами — цветами новой республики, чтобы доставить в самые отдаленные углы первое «Воззвание» республиканского правительства, подписанное Лаубергом и Жюльеном, в котором говорилось об основании Неаполитанской республики, провозглашались принципы свободы, равенства и братства и содержался призыв создавать республиканские муниципалитеты и национальную гвардию. Вслед за тем в провинции отправились представители республиканского правительства, чтобы «демократизировать» города и селения. Как бы ни была важна деятельность республиканцев Неаполя, совершенно очевидно, что судьба республики в решающей степени зависела от того, как отнесется к ней крестьянство, составлявшее абсолютное большинство пятимиллионного населения страны. Между тем первые же шаги республики в провинции, самый процесс «демократизации» в той форме, какую он принял на Юге, неизбежно создавали для Неаполитанской республики исключительные трудности.

Почти повсюду, где были созданы республиканские муниципалитеты, господствующее положение в них заняла провинциальная буржуазия. Это были люди, которых на Юге называли «благородными» (galantuomini или civili). К ним принадлежали арендаторы дворянских феодов, разбогатевшие крестьяне, провинциальные чиновники, члены коммунальной администрации, священники, представители местной интеллигенции и юристы. Последних на Юге было великое множество, так как царившие здесь в поземельных отношениях крайне сложные и запутанные нормы феодального права порождали бесконечные судебные тяжбы как между крестьянами и феодальными баронами, так и между отдельными коммунами, что вызывало широкую потребность в услугах законников и адвокатов. В Неаполитанском королевстве (как, впрочем, и в остальных итальянских государствах той эпохи) обладание землей служило самым надежным средством обогащения и эталоном общественного престижа. Поскольку громадные массивы дворянских феодов были для них почти недоступны, «благородные», движимые желанием приобрести собственность, обращали всю свою энергию на захват общинных земель, размеры которых на Юге были очень значительны. Общинные земли и угодья представляли здесь важнейший элемент деревенского уклада, от пользования ими зависела жизнь миллионов крестьян. И именно в Неаполитанском королевстве система общинного землевладения во второй половине XVIII в. испытывала особенно сильное потрясение и переживала ломку. В частности, расхищение баронами и «благородными» общинных земель приобрело очень широкий размах. «Нельзя больше выносить неудобства столь великих узурпаций домениаль-

4. *Дерево свободы в Неаполе во время революции 1799 г.*

ных земель», «захваты достигли предела»,— такие жалобы все чаще вносятся в протоколы крестьянских сходок в 90-е годы[90]. Захватывая общинные, а также церковные земли, новые владельцы, не внося никаких агротехнических улучшений в хозяйство, прибегали к самым жестоким методам полуфеодальной эксплуатации крестьян. Так, наряду с феодальными баронами в неаполитанской деревне возник новый эксплуататорский слой земельной буржуазии, отличавшийся явно выраженным паразитическим харак-

[90] *R. Villari.* Mezzogiorno e contadini nell'età moderna Bari, 1961, p. 95.

тером. Экономические интересы крестьян постоянно сталкивались с интересами «благородных», так как они вовсе не желали проведения антифеодальных преобразований в деревне в пользу низов, старались блокировать создание мелкого крестьянского землевладения и сохранить такое положение, при котором крестьянство страдало от недостатка земли, поскольку именно безземелье крестьян позволяло навязывать им крайне невыгодные условия арендных договоров. Антифеодальные устремления земельной буржуазии в Неаполе (как, впрочем, и во всей Италии) носили весьма ограниченный и однобокий характер и сводились главным образом к тому, чтобы, не нарушая статус-кво в производственных отношениях, отменить юридические ограничения феодального характера (фидейкомиссы, майораты, право мертвой руки) и сделать, таким образом, возможной свободную куплю и продажу церковной и дворянской собственности. Поэтому интересы неаполитанской буржуазии не совпадали с направлением антифеодальной борьбы крестьян, поскольку интересам последних отвечал возврат захваченных у них буржуазией и баронами общинных земель и раздел общинных доменов, а также (независимо от того, в какой мере они сознавали это) раздел крупной церковно-дворянской собственности. Следовательно, специфическая особенность неаполитанской (и вообще итальянской) буржуазии как буржуазии преимущественно земельной делала для нее принципиально невозможным даже временный союз с крестьянством против феодальных сил — такой союз, который представлял характерную черту расстановки социальных сил в период Великой французской революции и во многом обусловил ее силу и размах. Итальянское же крестьянство в целом оказалось изолированным; немногочисленные якобинские группы не смогли преодолеть противодействия основной массы умеренно настроенной в социальном вопросе буржуазии, противившейся радикальным аграрным преобразованиям.

Кризис феодального строя, обострившийся к концу XVIII в., постоянное ухудшение условий существования деревенских масс, страдавших от двойной эксплуатации феодальных баронов и «благородных», неурожаи и нищета — все это крайне ожесточало крестьян, разжигало в их душах ненависть ко всем богатым. Но нередко особенно жгучую ненависть деревенских масс вызывали именно буржуа, «благородные». Многие из них были сыновьями крестьян или сами вчерашними крестьянами, разбогатевшими выскочками, и присвоение ими общинных земель не могло иметь в глазах крестьянства вообще никакого основания и оправдания, тогда как бароны вели наступление на общинные домены под флагом восстановления своих древних феодальных прав. К тому же «благородных» не связывали с деревенскими жителями нити патриархальных отношений, из поколения в поколение складывавших-

ся в глухих сельских районах Юга между крестьянами и местными феодальными сеньорами, о поддержании авторитета которых повседневно заботилась также церковь. Новые землевладельцы, чуждые всяких патриархальных традиций в отношениях с крестьянами, проявляли себя как беспощадные хищники.

Таково было положение в неаполитанской деревне, когда стало распространяться известие о бегстве короля и установлении республики. К середине февраля республиканские порядки распространились на бóльшую часть королевства — Молизе, Апулию, Салерно, Базиликату и Верхнюю Калабрию, тогда как самая южная ее часть, лежащая на крайней оконечности полуострова, осталась роялистской. Королевским властям удалось, хотя и не без труда, удержать в подчинении и Сицилию (в феврале здесь под воздействием республиканской пропаганды поднялись городские низы Катании, Мессины, Катальджироне и других городов, однако восстания были подавлены с помощью войск, использовавших артиллерию) [91]. Таким образом, за исключением Сицилии, Южной Калабрии и Абруцц (где еще зимой 1798 г. началось антифранцузское восстание), деревья свободы, символизировавшие республиканские порядки, были водружены во многих сотнях городов и селений — от границы с Римской республикой до Ионического моря.

Провозглашение республики не встретило сопротивления со стороны народных масс провинции. Многие надеялись, что республика принесет им избавление от нужды — ведь республиканское правительство как будто дало обещание, хотя и не очень определенное, улучшить положение масс, заявив в своем первом обращении к народу: «Равенство состоит в том, что закон равен для всех и защищает невинного бедняка от богатого и властного угнетателя» [92]. Во всяком случае в обстановке развивавшегося на Юге острого социального кризиса народ во многих местностях истолковал по-своему провозглашавшиеся во время республиканских манифестаций лозунги свободы и равенства — как свободу от всех властей и налогов и как равенство имуществ с богатыми. Вместе с тем вследствие того, что новые республиканские органы управления в провинциях состояли почти целиком из представителей провинциальной буржуазии — «благородных», в сознании крестьян республика стала отождествляться с теми, кто подвергал их самой жестокой эксплуатации и притеснениям. Поэтому для массы деревенского люда понятие «якобинец» и «республиканец» стало синонимом угнетателя, богача, мироеда («У кого вино и хлеб — те и якобинцы!» — говорилось в одной из песен, сложенных в 1799 г. крестьянами.)

[91] АВПР, ф. Сношения России с Неаполем, 1799 г., д. 272, лл. 20, 30.

[92] *G. Cingari*. Giacobini e sanfedisti in Calabria nel 1799. Messina — Firenze, 1957, p. 307.

Конечно, среди тех, кто встал у власти, было немало искренних и горячих приверженцев республиканских идеалов, участников республиканских заговоров 1793—1794 гг. — студентов, литераторов, медиков, ученых, юристов, представлявших передовые круги южной интеллигенции (столь многочисленной и жившей подчас столь напряженной и яркой интеллектуальной жизнью, что многие города и городки Юга превращались в подлинные очаги культуры, существовавшие бок о бок с нищим, бесправным, невежественным и суеверным крестьянством, которое в образованности городских сеньоров видело лишь средство, позволявшее им с большим удобством угнетать бедняков).

Но наряду с этими убежденными и бескорыстными республиканцами к власти поспешили те представители весьма консервативной, а подчас и реакционно настроенной земельной буржуазии, которые в обстановке внезапного развала королевской администрации и армии видели в республике, гарантировавшей неприкосновенность собственности, единственный заслон от возможных посягательств низов на их неправедными путями добытое имущество. Как писал вскоре один из самых проницательных людей того времени, участник событий на Юге Винченцо Куоко, «с республиканцами смешалась тогда огромная толпа торговцев революцией, которые желали перемен по расчету»[93]. Именно эти люди вместе с дворянством сделали в свое время все возможное для того, чтобы сорвать проведение в жизнь королевских эдиктов 1789 и 1791—1792 гг., предусматривавших известные ограничения узурпаций общинных и государственных земель и возможность их сдачи участками в аренду крестьянам.

Срыв этих законов (принятых под влиянием уроков Французской революции с целью укрепления позиций монархии среди крестьянских масс) отразился в сознании крестьян убеждением, что добрый король хотел облагодетельствовать свой народ, но «благородные» помешали ему в этом[94]. И в подобных людях, присоединившихся к республике из корыстных побуждений и инстинктивного страха перед массами, последние видели предавших «доброго» короля «якобинцев», и ненависть к ним (разжигаемую к тому же подозрением в безбожии) переносили на всех образованных. Все эти чувства, переплетавшиеся в душах крестьян, были взбудоражены почти мгновенным развалом старой королевской власти, безначалием, а затем провозглашением республики, оказавшейся «республикой богатых». Эти события, поразившие своей внезапностью и необычностью привыкшую к медленному ходу

[93] *V. Cuoco.* Saggio storico sulla Rivoluzione napoletana del 1799. Milano, 1806, p. 120.

[94] *N. Rodolico.* Op. cit., p. 37—41.

времени южную деревню, явились толчком, вызвавшим вскоре могучий взрыв долго накапливавшихся у крестьян ненависти и негодования, которые вырвались наружу прежде всего и с особенной силой там, где социальный и психологический антагонизм был особенно острым.

Через неделю после провозглашения республики в Неаполе началось восстание в Молизе, сразу принявшее социальную направленность: жестокое избиение «благородных» сопровождалось опустошением принадлежавших им виноградников и полей, так как восставший народ считал, что эти владения являлись похищенными у него общинными землями. Восставшие сжигали муниципальные и частные архивы, в которых феодальные сеньоры отыскивали документы, призванные подтвердить их права на общинные домены. В районе Муро события приняли характер гражданской войны: все землевладельцы окружных селений объединились в вооруженный союз, чтобы сдержать натиск крестьян [95].

Особый размах, глубина и ожесточенность отличали восстание в Апулии, где была несколько отличная от других провинций Юга социальная структура. Здесь среди буржуазии большим удельным весом обладали торговцы сельскохозяйственными продуктами (особенно оливковым маслом), владельцы торговых судов и складов. В деревне вследствие значительного развития рыночных отношений, расслоение среди крестьян зашло достаточно далеко и породило обширный слой батраков и поденщиков, которые обрабатывали земли, принадлежавшие богатым горожанам. Это придавало специфический отпечаток борьбе, разгоревшейся в ряде городов провинции и их сельской округе.

Республиканские порядки на территории Апулии были установлены в первые десять дней февраля. Однако во многих городах и селениях спустя три-четыре дня, а иногда и на следующий день после водружения дерева свободы и создания республиканского муниципалитета восставшие городские низы при поддержке батраков, рыбаков и матросов свергли новые власти, убили одних и заключили в тюрьмы других республиканцев и «благородных» и разграбили их дома.

Однако вскоре это восстание, начавшееся под монархическими лозунгами, приобрело ярко выраженное социальное содержание. Низы обратили свой гнев на всех имущих и собственников, независимо от того были ли они республиканцами или роялистами, приверженцами старой или новой власти. Все уговоры и угрозы королевских чиновников и реакционных священников, которые, натравив низы на «якобинцев», теперь старались успокоить массы и овладеть положением, оказались напрасными. Низы ясно дали

[95] Ibid., p. 196—205.

понять, что они вообще не желают восстановления какой бы то ни было власти — ни старой, ни новой, и хотят управлять сами, без участия господ. По существу в ряде апулийских городов и селений — Трани, Мольфетте, Лечче, Руво, Кастеллане, Остуни — вооруженный народ создал свои собственные правительства, приступившие к управлению коммунами. Городская (т. е. буржуазная) национальная гвардия была разоружена и распущена, и ее место заняли тысячи вооружившихся горожан и крестьян. В Трани для обеспечения народного правительства финансовыми средствами все богатые и имущие горожане облагались персональным налогом. Были экспроприированы портовые кассы, десятины, епископские доходы, поступления от сбора дорожных пошлин. Захватывались склады зерна, устанавливались умеренные цены на продукты питания, упорядочивался суд.

В Мольфетте народное правительство (eletti del popolo), включавшее одного моряка, одного каменщика, двух крестьян и четырех чиновников, руководимое «генеральным капитаном», также выдвинутым городским плебсом. позаботилось об открытии школ и церквей, о продолжении полевых работ и об обороне города, выдавая по три карлино в день за службу в вооруженном отряде. Было введено обложение налогом торговцев вином и маслом, которые пользовались ранее налоговыми привилегиями. Глава правительства Феличе Раньо постарался навести твердый порядок в городе, запретив врываться в дома под предлогом поисков якобинцев. В доме самого Раньо происходили собрания представителей моряков, крестьян и солдат. Глава правительства Трани — часовщик Дженнаро Филизио, принявший титул «Генерального депутата простого народа» и опиравшийся на «народных депутатов», созывал их на советы и устраивал обеды для деревенских жителей, моряков и солдат. Трани, Мольфетта, Андрия и Бишелье создали военный союз и начали вылазки против тех селений, где у власти стояли республиканцы, а в конце марта, при известиях о движении французских карательных отрядов, началось формирование новых батальонов обороны, в основном из крестьян[96].

В Лечче народ также стал полным хозяином города и округи и начал издавать приказы и постановления. Городская буржуазная гвардия была заменена вооруженными ремесленниками и плебеями. В Ночи глава низов обвинил вставших у власти республиканцев в том, что они «узурпаторы общинного домена», после чего простой народ высыпал на поля и уничтожил все изгороди. В Руво восставшие во главе с крестьянином Симоне Пеллегрини захватили лесные угодья местного феодала, прогнали королевского губернатора, намеревались сжечь живьем сборщика налогов и

[96] *A. Lucarelli.* Op. cit., v. 2, p. 57—68, 81—97; *N. Rodolico.* Op. cit., p. 219.

угрожали расправой как сторонникам Бурбонов, так и республиканцам. В Кастеллане руководители восставших разослали своих людей в соседние селения с призывом к народу взяться за оружие и расправиться с «благородными». На всех собственников была наложена тяжелая контрибуция[97].

Во второй половине февраля восстание низов охватило почти всю Апулию. Исключение составляли те города и селения (Мартина-Франка, Фоджа, Аквавива, Альтамура и др.), где либо был особенно силен гнет феодальных баронов, либо менее остры противоречия между буржуазией (и вообще образованными кругами) и трудящимися вследствие относительно большей, чем в других районах, обеспеченности крестьян землей; эти и другие причины побудили низы встать здесь на сторону республиканских порядков и затем упорно отстаивать их.

В Базиликате крестьянские массы первоначально почти везде поддержали республику в надежде вернуть себе утраченные общинные домены или получить землю, принадлежавшую феодалам и буржуазии. Во многих местностях тотчас же после провозглашения республики крестьяне начали захватывать земли, узурпированные баронами и городскими буржуа. Поскольку общинный строй быстро разлагался и переделы общинной земли уходили в прошлое, то движение крестьян за расширение общинного домена было по существу своеобразной формой борьбы за увеличение земельного фонда для индивидуальной крестьянской собственности. Это движение крестьян тотчас же встретило решительное противодействие со стороны пришедшей к власти буржуазии, в целом занявшей жесткую антикрестьянскую позицию, что и явилось основной причиной стихийных антиреспубликанских восстаний, охвативших вскоре и Базиликату. Уже в начале марта во многих селениях крестьяне уничтожили деревья свободы, распустили муниципалитеты, разграбили дома многих собственников. При этом восстания первоначально не носили политической окраски и, как правило, сопровождались захватами утраченных общинных земель. Лишь там, где в силу особых местных условий стоявшие у власти республиканцы уступили землю крестьянам, им удалось обеспечить себе поддержку деревенских низов, сохранить республиканский порядок и оказать затем серьезное сопротивление наступлению реакции. В этом отношении весьма показательны события в Авельяно. Видя, что республиканский муниципалитет откладывает осуществление их требования о возврате общинных земель, захваченных местным феодалом, князем Дориа, крестьяне пригрозили сжечь дерево свободы и дома всех «благородных», которые противятся разделу княжеских владений. После

[97] *A. Lucarelli*. Op. cit., v. 2, p. 106, 126, 200—204.

этого республиканцы удовлетворили требования крестьян, и последние до конца поддерживали их [98].

В целом события в Базиликате с достаточной ясностью показали, что исконный антагонизм между феодальным баронством и крестьянством обнаруживает тенденцию быть оттесненным на второй план новым социальным противоречием между земельной буржуазией и крестьянскими массами [99].

Установление республиканских порядков в Калабрии также немедленно дало выход глубоким социальным противоречиям, раздиравшим южное общество. Как и в Базиликате, в республиканских муниципалитетах большинство мест заняли представители буржуазного слоя, в котором преобладали землевладельцы. Действия новых властей были нацелены прежде всего на то, чтобы обезопасить собственность и не допустить «беспорядков», т. е. захватов крестьянами похищенных у них земель, словом, чтобы не допустить углубления движения низов, сначала также нередко надеявшихся, что республика изменит к лучшему их положение.

Обстановка во многих районах Калабрии весьма осложнялась развернувшейся тотчас же после установления республики борьбой буржуазии против очень влиятельной местной аристократии, которую захватившие власть буржуазные собственники всячески старались отстранить от участия в управлении, а также борьбой внутри самой буржуазии, между отдельными местными кликами, оспаривавшими друг у друга господство в местном управлении. Часто это приводило к тому, что стоявшие у власти республиканцы, принадлежавшие к провинциальной буржуазии или образованным кругам дворянства, оказывались изолированными даже от собственного социального слоя. Если того требовали их корыстные интересы, многие сторонники местных буржуазных или дворянских кланов оставались нейтральными или готовы были при случае быстро сменить свою политическую позицию и апеллировать к низам, чтобы их руками свести счеты с противниками.

Эта борьба протекала на фоне растущего возмущения масс против республиканских властей, оставшихся глухими к социальным чаяниям низов. Последние добивались, помимо возврата общинных земель, сокращения душивших их налогов, сбор которых в Калабрии сопровождался большими злоупотреблениями. В глазах народных масс с установлением республики ничего не изменилось, только к власти пришли новые люди, нередко вызывавшие особенно сильную ненависть низов. Глубокое разочарование масс стало той почвой, на которой вырастали контрреволюционные и

[98] *N. Rodolico.* Op. cit., p. 195.
[99] *R. Villari.* Op. cit., p. 158—163.

антиреспубликанские настроения. Когда в Чиро, недалеко от Козенцы, где было создано республиканское правительство округи, крестьянам прочли его воззвание, призывавшее население уважать чужую собственность и продолжать платить налоги «как в прошлом», один из крестьян крикнул: «Не хотим республики, если должны платить, как прежде», и этот крик, подхваченный остальными крестьянами, стал сигналом к восстанию против республиканской власти [100].

Таким образом, уже в первые недели существования Неаполитанской республики почти на всей ее территории развернулось широкое социальное движение низов, в основе которого лежала антифеодальная борьба неаполитанского крестьянства, принимавшая различные формы и окраску и, как правило, приводившая к столкновению крестьянских интересов с интересами захвативших власть земельных собственников и вообще господствующих имущих слоев. Глубокая пропасть разделяла крестьян и провинциальную буржуазию, остававшуюся чуждой крестьянским интересам, и это явилось основной причиной того, что крестьянское движение приняло почти повсеместно характер антиреспубликанского восстания.

Сторонники леворреспубликанских групп в Неаполе, с большой тревогой следившие за событиями в провинциях, отдавали себе отчет в причинах, вызывавших восстания крестьян, и намечали правильный путь к примирению крестьян с республикой. Выразителем этих взглядов самых передовых кругов неаполитанской демократии стала газета «Мониторе наполитано». Уже в середине февраля она обратила внимание республиканцев на то, что невозможно разрешить проблему отношений с деревней только с помощью силы и репрессий и требовала более внимательно разобраться в причинах крестьянских выступлений. Руководившая газетой стойкая и мужественная республиканка Элеонора де Фонсека Пиментель писала, что восстания в провинциях обнаружили силу народа, которая, будучи упорядочена, «могла бы стать поддержкой и защитой республики». Народ не доверяет патриотам не потому, что он слишком невежествен, но потому, что «не верит словам, которые противоречат фактам». 16 февраля Фонсека Пиментель выдвинула принципы якобинской политики в деревне: «Нужно карать подстрекателей и выводить из заблуждения массу, которая взялась за оружие, так как вынуждена была защищать самою себя,... и провозгласить закон, полезный для провинций,— отмену феодализма» [101].

[100] *G. Cingari.* Op. cit., p. 300.

[101] *N. Rodolico.* Op. cit., p. 141—142; I giornali giacobini italiani, p. 457.

Однако, если республиканские власти уже через неделю после свержения монархии, 29 января 1799 г., провели традиционный для всех итальянских республик той поры антифеодальный закон, отменявший в интересах буржуазии фидейкомиссы и право первородства, то принятие антифеодальных законов в интересах крестьян бесконечно затягивалось. Предложения тех членов правительства (Лауберг, Честари, Парибелли, Альбанезе), которые добивались радикальной отмены феодальных повинностей и изъятия у феодальных сеньоров их огромных латифундий, долго блокировались упорной оппозицией умеренно настроенных республиканцев. Споры затягивались. Когда же закон об отмене феодализма был подготовлен, генерал Макдональд, сменивший Шампионне на посту командующего французской армией в Неаполе, под давлением баронов отказался его санкционировать. В своем обращении к Макдональду 28 марта 1799 г. (когда крестьянские восстания уже бушевали во всех провинциях) временное правительство настоятельно просило французского командующего одобрить закон, «который заставит рассеяться восстания, подобно тому как солнце заставляет рассеиваться тучи, и прочно свяжет население с революцией»[102]. Однако утверждение закона продолжало оттягиваться. В этих условиях Винченцо Руссо и его сторонники из радикальных кругов попытались даже прибегнуть к насилию, чтобы заставить правительство провозгласить ликвидацию феодализма [103]. Лишь 25 апреля был принят закон, отменивший без выкупа все личные и реальные права феодальных баронов и передавший коммунам часть феодальных владений (главным образом леса и пастбища, на которые распространялись сервитуты).

Несомненно, это был самый радикальный антифеодальный закон среди антифеодальных актов, принятых в 1797—1799 гг. в итальянских республиках. Однако, провозглашенный слишком поздно, он фактически остался на бумаге и не был проведен в жизнь. Неаполитанское правительство, в котором после вынужденной отставки в марте 1793 г. Лауберга (связанной с отъездом поддерживавшего его Шампионне) окончательно возобладали умеренные, сделало затем еще одну тщетную попытку укрепить положение республиканского строя. В мае были отменены пошлины на зерно, и оно стало теперь продаваться по более умеренным ценам. «Таким образом,— писал внимательно наблюдавший за событиями современник,— стремятся привлечь народ после того, как оттолкнули его от себя, ибо заботились лишь о том, чтобы угнетать его и запугивать»[104].

[102] ЦПА ИМЛ, ф. 317, ед. хр., 810.
[103] I giornali giacobini italiani, p. LII.
[104] *C. De Nicola.* Op. cit., p. 120, 134.

Эти меры правительство приняло со слишком большим опозданием, когда республиканские порядки рушились под ударами крестьянских мятежей, которыми к тому времени уже сумела воспользоваться в своих целях партия крайней клерикально-монархической реакции. Еще в начале февраля 1798 г. в Южной Калабрии высадился в сопровождении 8 человек кардинал Фабрицио Руффо, получивший разрешение от короля отправиться из Сицилии на материк для организации антиреспубликанского движения. Уроженец Калабрии, выходец из аристократической семьи, 55-летний кардинал, по-видимому, неплохо знал местные условия, а к тому же был человеком решительным и отличался трезвостью взглядов. Это позволило ему уловить настроения крестьян и принять некоторые меры для привлечения их на свою сторону. Не полагаясь всецело на религиозный фанатизм крестьян и их приверженность королю, Руффо перед вступлением в те районы Калабрии, где установились республиканские порядки, объявил о проведении ряда важных социальных мер. В обнародованной им 1 марта 1799 г. прокламации говорилось об отмене налогов и сборов, вызывавших особенно сильное недовольство местного населения, в частности об отмене десятины. Кроме того, кардинал упразднил институт королевских скупщиков шелка и объявил, что продажа шелка отныне не облагается пошлиной. Были приняты и другие меры для упрощения таможенной системы и оживления торговли. Наконец, 21 марта новое воззвание Руффо оповестило население Калабрии о том, что с 1 апреля 1799 г. подушный налог сокращается вдвое — с 12 до 6 карлино в год [105].

Эти меры Руффо представляли заметный контраст с позицией республиканских властей, не ослабивших фискального гнета и сохранивших старую податную систему. Обещания кардинала вскоре возымели свое действие. Население Калабрии, сначала не спешившее откликнуться на призывы Руффо и его агентов, ибо оно надеялось (как сообщал из Сицилии русский дипломат) получить от республики «совершенное увольнение от податей» [106], теперь активно поддержало Руффо. К созданной им немногочисленной «Христианской королевской армии» стали присоединяться вооруженные отряды крестьян и горожан, которые еще до подхода основных сил кардинала начали свергать повсюду республиканские власти. К концу марта вся Калабрия была потеряна для республики.

Победа контрреволюции дала новый толчок социальной борьбе в Калабрии, а затем и в других провинциях Юга. Значительная часть местной буржуазии и дворяне, не участвовавшие в республиканском движении, решили воспользоваться случаем, чтобы

[105] *G. Cingari*. Op. cit., p. 191—192; *N. Rodolico*. Op. cit., p. 238.
[106] **АВПР, ф. Сношения России с Неаполем. 1799 г., д. 272, л. 28.**

сокрушить своих соперников и обогатиться за их счет. Большую роль в разжигании ненависти масс к республике и стоявшим у власти «якобинцам» (не имевшим чаще всего ничего общего с подлинным якобинизмом) сыграли те «благородные», которые после свержения монархии заняли нейтральную позицию и открыто не высказывали своей солидарности с республиканским строем. Теперь они спешили встать на сторону монархии. Среди командующих контрреволюционными отрядами преобладали, помимо священников, врачи, адвокаты, нотариусы, в меньшей мере дворяне. Все они были привлечены на сторону реакции ловкой политикой Руффо, еще в начале движения объявившего о предстоящей конфискации имущества всех калабрийских «якобинцев» и секвестре феодов тех дворян, которые покинули свои владения (по существу это была вывороченная наизнанку политика Французской революции в отношении эмигрантов и контрреволюционеров!). Первый секвестр был наложен вскоре на имение брата Руффо — в демагогических целях кардинал не остановился даже перед таким шагом.

Всего в Калабрии секвестру и последующей конфискации было подвергнуто 14 феодов, и их затем присвоили другие землевладельцы и королевские чиновники. В Апулии секвестр был наложен на 37 имений [107]. Еще более широкий размах приняла конфискация и расхищение имущества поддерживавшей республику буржуазии: были разорены многие десятки семей. Священники, участвовавшие в движении, также руководствовались далеко не идеальными побуждениями: после победы монархических порядков они забросали короля просьбами о награждении их деньгами и землями, отнятыми у «якобинцев». Таким образом, искусно воспользовавшись противоречиями внутри калабрийской буржуазии, Руффо вызвал ее открытый раскол и перетянул на свою сторону значительную часть «благородных», которые под влиянием самых неблаговидных побуждений оказались в первых рядах контрреволюции, среди ее организаторов и проводников.

Иные надежды, чувства и интересы владели массами, примкнувшими к «христианскому воинству» Руффо.

Лозунг кардинала «вера и король» (отсюда людей, вставших на защиту «святой веры» — santa fede — стали называть санфедистами) родился в значительной мере среди самих народных масс. С этим лозунгом итальянские крестьяне и городские низы связывали такие чаяния, которые сближали его, как это ни парадоксально, с лозунгом «свобода и равенство» — в его крестьянско-плебейском истолковании.

В ходе санфедистского движения и особенно после его окончания низы питали надежду, что, защищая «веру и престол», по-

[107] *C. Cingari.* Op. cit., p. 257—260, 302; *A. Lucarelli.* Op. cit., v. 2, p. 384.

могая королю вернуть трон и беспощадно расправиться с предавшими его «якобинцами» (т. е. ненавистными «благородными» и дворянами), они тем самым создают условия для своего освобождения от нищеты, налогов и угнетения. Естественно, что свои надежды и чаяния деревенские и городские низы выразили в той традиционной форме, которая была близка и понятна крестьянскому и вообще народному мышлению того времени [108], — в виде девиза «вера и король» (а не в форме чуждого и подчас страшившего их своим французским происхождением лозунга «свобода и равенство»). Облегчение налогового бремени, осуществленное Руффо в тактических целях, только укрепило иллюзии низов относительно того, что избранный ими путь приведет к социальной справедливости. Поэтому за проявлениями религиозного и монархического фанатизма и ужасающими актами кровавой жестокости, сопутствовавшими санфедистскому движению и, несомненно, отразившими суеверия и вековые предрассудки косных и темных крестьянских масс, следует усматривать и глубинную подоплеку — инстинктивную жажду социальной справедливости и ненависть ожесточенных нищетой и бесправием низов к богатым, ненависть, ослеплявшую городских бедняков и крестьян и толкавшую их на варварские расправы с имущими.

Так на Юге и в других частях Италии стал закипать грандиозный крестьянский мятеж (порожденный в основе своей социальными причинами и устремлениями), который, будучи использован крайней реакцией, возглавившей санфедистское движение, стал одной из причин крушения республиканских порядков в Италии.

Вторжение армий антифранцузской коалиции в Италию. Контрреволюция и падение итальянских республик

Весной 1799 г. Северная Италия вновь стала ареной борьбы между французской армией и войсками ее противников, образовавших 2-ю коалицию. Военные действия, начавшиеся в середине марта после вторжения австрийской армии в Цизальпинскую рес-

[108] Современники сознавали значение и огромную силу традиционных народных представлений. Один из неаполитанцев писал в апреле 1799 г. под впечатлением неудач республики: «Искусство управлять — труднейшее искусство, особенно в первые моменты революции, охватившей пять миллионов душ, которые после 800 лет не научились говорить ни о чем другом, кроме как о короле и королевской власти, и верят, что без короля нельзя жить» (*C. De Nicola.* Op. cit., p. 134). Традиционная верность королю была характерной чертой духовного склада неаполитанских крестьян, веривших в то, что монарх является их защитником от притеснений баронов и «благородных». Аналогичными были настроения крестьян и в ряде других итальянских государств.

публику, приняли неблагоприятный для французов оборот, особенно после того, как фельдмаршал Суворов, прибывший в Северную Италию, возглавил объединенные русско-австрийские войска. В конце апреля после поражения в бою у реки Адда, французы оставили Милан и Ломбардию. Цизальпинская республика перестала существовать. Многие республиканцы сражались вместе с французами в составе цизальпинских военных отрядов; тысячи других были арестованы и подверглись репрессиям со стороны австрийских властей, восстановленных на захваченных территориях. В мае русско-австрийские войска оттеснили неприятеля в Пьемонт, и 26 мая Суворов захватил Турин, где, несмотря на противодействие австрийцев, заримишихся на пьемонтские владения, восстановил королевскую власть. После решающего сражения у реки Треббия (17—20 июня), где Суворов разбил французскую армию генерала Макдональда, французы лишились всей Северной Италии, а затем и Тосканы. Под контролем французской армии осталась только часть Лигурийской республики с Генуей.

Наступление русско-австрийских войск сопровождалось почти всеобщим восстанием населения городов и деревень, которое изнемогало от грабежей и поборов французов и воочию убедилось в том, что республиканский режим принес ему новые налоги, реквизиции, контрибуции и дороговизну, сводившие на нет выгоду от отмены феодальных податей и десятин. В Пьемонте и Тоскане (последней французы своими реквизициями и грабежом причинили ущерб в размере 20 млн. ливров [109]) отряды восставших крестьян, возглавляемые фанатичными священниками, офицерами-роялистами, а также австрийскими агентами, нападали на отступающие французские части и, врываясь в города и селения, устраивали поголовное избиение республиканцев, грабили их дома.

Постоянно осложнялось положение и в Римской республике. Нехватка продовольствия достигла таких размеров, что власти вынуждены были нормировать продажу хлеба и муки, ввести карточки и отдать распоряжение выпекать хлеб только в особых общественных пекарнях. Несмотря на повторные угрозы властей, крестьяне отказывались принимать бумажные деньги, утаивали зерно, прекращали полевые работы и поднимали восстания [110]. Уже в январе 1799 г. командующий французскими войсками указывал республиканскому правительству, что его первоочередная задача заключается в «успокоении духа восстания и мятежа, который стремится завладеть всеми частями республики» [111]. Французский

[109] АВПР, ф. Сношения России с Тосканой, 1799 г., д. 207, л. 4.

[110] АВПР, ф. Сношения России с римскими папами, 1798 г., д. 99, л. 115; 1799 г., д. 100, л. 17.

[111] Там же, 1799 г., д. 100, л. 7.

генерал старался при этом представить религиозный фанатизм в качестве основного орудия зачинщиков восстаний. Однако составители доклада сенату в марте 1799 г. вынуждены были признать, что реквизиции и грабеж являются главной причиной крестьянских мятежей. «Если мы не хотим обманывать самих себя, то в этих насилиях, а не в действиях аристократии, следует усматривать причину большинства восстаний, охвативших республику; это пламя, которое сжигает и разрушает наши департаменты»[112]. Только в феврале и марте 1799 г. карательные отряды французов и местная национальная гвардия усмиряли восстания в районах Нарни, Корезе, Терни, Алатри, Ристи, в Сабинских горах и Чивитта-Веккиа[113].

Это пламя крестьянских восстаний, раздуваемое клерикально-монархической реакцией, все шире охватывало и Неаполитанскую республику. До того, как осложнилась обстановка в Северной Италии, немногочисленная французская армия, находившаяся в Неаполитанской республике, могла еще поддерживать республиканский строй. В феврале и марте французы, используя артиллерию, с беспощадной жестокостью подавляли мятежные Абруццы и расправились с восставшими районами в Апулии. Число убитых жителей определялось тысячами. Учиненные французами грабежи (в частности ограбление особенно почитавшихся церквей, в которых хранились мощи святых) вызвали еще большее озлобление населения и дискредитировали местных республиканцев. Успехи русско-австрийских войск в Северной Италии заставили французов отвести свои войска из Апулии, а затем, оставив небольшие гарнизоны в Неаполе, Капуе и Гаэте, направить основную часть войск на север. Тем временем армия Руффо, овладев Базиликатой, вступила в Апулию и в мае захватила города, еще находившиеся в руках республиканцев. Посланные адмиралом Ушаковым с захваченного им у французов о. Корфу несколько русских военных кораблей под командованием капитана II ранга Сорокина действовали совместно с турецким флотом у побережья Апулии, подавляя очаги республиканского сопротивления. После захвата Апулии санфедистская армия (к которой в начале июня присоединился отряд русских военных моряков в составе около 500 человек во главе с капитан-лейтенантом Белли) медленно двинулась к Неаполю.

Среди низов столицы к тому времени возобладали антифранцузские и антиреспубликанские настроения. Из-за крестьянских восстаний Неаполь плохо снабжался, резко подскочили цены на

[112] *R. De Felice*. La vendita..., p. 63.

[113] АВПР, ф. Сношения России с римскими папами, 1799 г., д. 100, лл. 33, 35—36, 40—41, 43.

продукты первой необходимости, в городе было много безработных. Учащались случаи убийства французов, вызывавшиеся наглыми выходками французских солдат и офицеров. Начались расстрелы горожан. Чтобы выплатить огромную контрибуцию французам, пришлось ввести новый налог, затронувший всех имущих и вызвавших широкое недовольство. «Свобода и равенство, а деньги во Францию отправятся»,— распевали на городских улицах неаполитанские простолюдины. Некоторые неосторожные шаги республиканцев задевали религиозные чувства низов. В то же время правительство долго не принимало никаких мер, чтобы облегчить положение городского плебса. «Столько прекрасных обещаний счастья и свободы, а между тем мы более несчастны и в большей степени рабы, чем раньше»,— с горечью писал современник [114]. Неудивительно поэтому, что героическое сопротивление республиканцев санфедистской армии Руффо, которая 13 июня ринулась на штурм столицы, не было поддержано городскими низами, восставшими против них с оружием в руках. После отчаянной борьбы республиканцы вынуждены были сдать город. Никому из них не удалось покинуть Неаполь, ибо адмирал Нельсон, прибывший со своим флотом в столицу, нарушил условия почетной капитуляции, разрешавшей части патриотов отплыть во Францию, а французский генерал Межан сдал за взятку главный городской бастион — замок Сант-Эльмо и предательски выдал группу патриотов в руки палачей [115].

Начался долгий трагический эпилог республиканского движения в Неаполе. Разъяренные санфедисты и лаццарони устроили в городе кровавую оргию, грабя дома и варварски расправляясь с республиканцами. После массовых убийств в первые дни после захвата Неаполя начались казни по приговору королевского суда, продолжавшиеся на рыночной площади города до конца года. 8 августа была повешена Элеонора де Фонсека Пиментель, вслед за ней повешены или обезглавлены самые выдающиеся патриоты: Винченцо Руссо, Марио Пагано, Иньяцио Чиайя, Доменико Чирилло, Джузеппе Логотета, Андреа Витальяни и многие десятки других. Погибла вся руководящая группа республиканцев и тысячи рядовых патриотов. Репрессиям подверглись десятки тысяч людей — королевский двор и реакция стремились сломить республиканское и патриотическое движение на Юге, нанеся ему смертельный удар.

В конце сентября 1799 г. пала Римская республика. Французские войска и часть республиканцев покинули ее территорию. В Рим вступила неаполитанская королевская армия и отряд рус-

[114] *C. De Nicola.* Op. cit., p. 57, 66—67, 70, 80, 92 и др.

[115] *Д. Канделоро.* Указ. соч., т. 1, стр. 334.

ской морской пехоты в количестве 800 человек (в ноябре через Рим прошло еще более 2 тыс. русских солдат, направлявшихся в Неаполь[116]).

К осени 1799 г. во всей Италии были восстановлены абсолютистские режимы, значительную часть страны оккупировали иностранные войска. Реакции удалось повсеместно восторжествовать потому, что оппозиция народных масс, и прежде всего крестьянства, к республиканскому режиму стала в 1799 г. всеобщей. Поэтому для итальянских республик, лишенных опоры среди низов, поражение французской армии оказалось роковым.

Республиканское движение, зародившееся в Италии под воздействием Французской революции и достигшее наибольшего развития в период революционного трехлетия (1796—1799 гг.), потерпело, таким образом, в 1799 г. жестокое поражение под ударами контрреволюции, понеся при этом неисчислимые жертвы. Помимо того, что республиканцы даже в то время, когда они стояли у власти, были оторваны от крестьян, причиной их поражения явилась раздробленность республиканского движения, которое в целом оставалось замкнутым в отдельных частях страны и не слилось в единый поток — прежде всего по вине французов, не допускавших сближения итальянских республик, а также из-за отсутствия единого национального и революционного центра и сохранения сильных партикуляристских настроений.

И все же, несмотря на катастрофу, постигшую итальянских республиканцев в 1799 г., трудно переоценить значение тех общественных сдвигов, которые произошли в Италии в 1789—1799 гг. Было покончено с вековым политическим застоем итальянского общества, на сцену вышло новое поколение людей, включившихся в политическую борьбу под передовыми лозунгами эпохи. Огромный рывок вперед сделала итальянская социально-политическая мысль, накопившая за это десятилетие большое идейное богатство, выдвинувшая новые идейные ориентиры. Сознание целого поколения итальянцев переживало ломку. Как бы ни был силен удар, нанесенный контрреволюцией патриотическому движению, он не смог искоренить в Италии республиканизм, зародившийся в эти годы, а убеждение, что Италия рано или поздно должна быть объединена, стало неотъемлемым элементом мышления многих людей, уверовавших в неотвратимость создания новой Италии и осознавших необходимость действенной борьбы за реализацию этой идеи.

Отражая эти настроения, молодой неаполитанский патриот Франческо Ломонако, размышляя о горьком опыте патриотического движения предшествующих лет и о том трагическом положении, в котором оказалась Италия, высказал — вскоре после

[116] АВПР, ф. Сношения России с римскими папами, 1799 г., д. 100, л. 79.

пережитой им катастрофы Партенопейской республики, на самой заре XIX в. — глубокое убеждение в том, что средством преодоления упадка Италии и достижения ее независимости является объединение страны. «Необходимо, — писал он, — чтобы Италия слилась в едином правительстве, объединив все свои силы. Коль скоро эта идея осуществится, итальянцы, превратившись в *нацию*, проникнутся национальным духом; обладая правительством — станут политиками и воинами; обретя родину — смогут наслаждаться свободой и всеми порождаемыми ею благами; сплотившись в большую массу населения — проникнутся ощущением силы и общественной гордости — словом, они создадут державу, огражденную от иностранного вмешательства». Обращаясь к «народу будущей Италии» со страстным призывом «разрушить барьеры, воздвигнутые преступной рукой, отпраздновать великое торжество учреждения союза», который открыл бы эру величия их страны, Ломонако выражал глубокую веру в то, что как бы ни были тяжелы условия создания единой Италии, «наступит день, когда этот замысел осуществится»[117]. Эта вера, передававшаяся патриотами от поколения к поколению, станет той силой, которая, преодолевая извечный партикуляризм, отныне будет связывать многих итальянцев в различных частях страны сознанием их национальной общности.

События 90-х годов показали, сколь велики потенциал энергии и способность к борьбе, которые таило в себе итальянское крестьянство. По существу 1799 г. стал годом невиданного в истории Италии всеобщего крестьянского восстания, которое из-за отчужденности итальянской буржуазии от крестьянства обрушилось всей силой на республиканцев. Этот разрыв между крестьянскими массами и буржуазной демократией, выдвинувшейся в те годы в авангард патриотического движения, разрыв, придавший такой драматизм первому десятилетию борьбы за национальное освобождение и объединение Италии, обнаружит себя и в последующие десятилетия как важнейший отрицательный фактор, тормозящий и ослабляющий движение за объединение.

С воцарением реакции народным массам, и прежде всего крестьянам, связывавшим с изгнанием французов и возвращением государей надежды на смягчение феодального и налогового гнета, пришлось испытать глубокое разочарование. Особенно сильным оно было на Юге. Здесь социальное движение масс не прекращалось. Положение, создавшееся в ряде районов, особенно в Апулии, современники определяли как «анархию». Захваты земель, мятежи, отказ от уплаты налогов, неподчинение властям, грабежи и

[117] *Francesco Lomonaco.* Rapporto al cittadino Carno. Napoli, 1861, p. 45—46.

нападения на имущих широко распространились и в Калабрии, и в Апулии. В Калабрии крестьяне отказывались платить налоги, даже уменьшенные Руффо. Попытки начать сбор налогов вызывали вспышки восстаний: низы считали, что, оказав поддержку королю, они заслужили освобождение от фискального гнета [118]. Настроения широких народных масс Юга ярко выразили те крестьяне из селения Анверса в Абруццах, которые при попытке властей заставить их платить налоги взялись за оружие и заявили, что не желают признавать тех, кто стоит над ними, и хотят управлять сами [119]. Крестьянам неаполитанской деревни снова пришлось испытать на себе жестокость расправ карательных отрядов — на этот раз посланных уже не французами и республиканцами, а «добрым» королем из Неаполя. Иллюзиям масс был нанесен тяжелый удар.

Не легче было положение низов и в других частях Италии, особенно на Севере, где население в полной мере испытало на себе гнет новой австро-русской оккупации. Пьемонт был ограблен на 150 млн. франков, Ломбардии за этот срок причинен больший ущерб, чем за три года французского господства [120]. Население провинции Павия, той самой, которая первой восстала против французов в 1796 г., теперь слало в Вену протестующую петицию (составленную, по-видимому, представителями имущих слоев), в которой говорилось: «Метод реквизиций, применяемый австро-русскими войсками, — это бич сельского хозяйства, торговли и всякой военной дисциплины. Реквизиции пожирают за год то, чего хватило бы для содержания армии в течение четырех лет; они поглощают доходы от земли за десять лет, расшатывают и разрушают армию, сеют во всех сферах управления замешательство, раздоры, произвол, беспорядок, недовольство — пагубные источники еще худших бед» [121]. Когда спустя год после вторжения австрийцев начался новый этап французского завоевания Италии, население, уставшее от войн, грабежей и смены властей, не оказало французам никакого сопротивления.

[118] *G. Cingari.* Op. cit., p. 284—288; *A. Lucarelli.* Op. cit., v. 3. Trani, p. 23.

[119] *C. De Nicola.* Op. cit., p. 334.

[120] *Е. В. Тарле.* Экономическая жизнь королевства Италии в царствование Наполеона I. Юрьев, 1916, стр. 20; *R. De Felice.* Italia giacobina, p. 46.

[121] Цит. по: [*M. Gioja*]. I francesi, i tedeschi, i russi in Lombardia. Milano, CDCCCV., p. 11—12.

Наполеоновское господство в Италии (1800—1815 гг.)

Австрийская оккупация итальянских земель продолжалась 13 месяцев. Летом 1800 г. армия под командованием Бонапарта (теперь уже первого консула и фактического диктатора Франции) снова вторглась в Северную Италию, разгромила в нескольких сражениях австрийцев, лишившихся поддержки русских войск (последние были ранее отозваны из Италии Павлом I, порвавшим с антифранцузской коалицией), и овладела Пьемонтом, Лигурией и Ломбардией. Осенью была захвачена Тоскана, а затем и часть Венецианской области; французская армия установила также свой контроль над адриатическим побережьем Неаполитанского королевства. В последующие несколько лет Бонапарт не раз менял территориальное и политическое устройство Италии. Пьемонт, Парма, о. Эльба вскоре отошли к Франции. Тоскана превращалась в призрачное королевство Этрурию, всецело зависевшее от французов, а восстановленные Лигурийская и Цизальпинская республики обладали еще более иллюзорной самостоятельностью, чем в конце 90-х годов. В 1802 г. Цизальпинская республика была переименована в Итальянскую, а ее президентом стал сам Бонапарт.

Окончательная ликвидация республиканского строя во Франции и провозглашение Наполеона императором в 1804 г., а также война с 3-й антифранцузской коалицией повлекли за собой новые перемены на Апеннинском полуострове. В 1805 г. место упраздненной Итальянской республики заняло Итальянское королевство во главе с Наполеоном, принявшим титул короля Италии. Территория упраздненной в 1805 г. Лигурийской республики была присоединена к Франции, а республика Лукка превращалась в княжество и передавалась сестре Наполеона Элизе. Обострение борьбы с Англией побудило Наполеона захватить в начале 1806 г. Неаполитанское королевство. Неаполитанский престол по приказу Наполеона занял его брат Жозеф, а в 1808 г. — зять императора Иоахим Мюрат. В 1807—1809 гг. последовали новые слияния итальянских земель с Францией: Тоскана (бывшее королевство Этрурия) и часть папских владений, включая Рим, превращались в департаменты Французской империи. Светская власть пап была снова ликвидирована, а Пий VII выслан из Италии (после того, как он отлучил Наполеона от церкви в ответ на присоединение Рима к империи). Вне контроля французов оставались только острова Сардиния и Сицилия, где под защитой английского флота обосновались королевские фамилии и дворы, покинувшие Пьемонт и Неаполь. Вся же континентальная часть Италии оказалась в руках французов.

Почти пятнадцатилетний период наполеоновского господства был отмечен сложными и противоречивыми явлениями. Французская политика в Италии в этот период строилась в основном на той же базе и преследовала те же цели, что и в период 1796—1799 гг.; главная задача Наполеона заключалась в том, чтобы держать Италию в состоянии экономической, финансовой, политической и военной зависимости от Франции. Вместе с тем на итальянских территориях продолжали проводиться с еще бо́льшим размахом и последовательностью, чем в 90-е годы, такие преобразования в социальной и административно-политической сфере, которые призваны были создать в Италии более современное общество, предоставить экономические выгоды имущим и развязать их инициативу, а также расширить слой собственников.

Вместе с тем император с непреклонной решимостью стремился не допустить, чтобы Италия стала единой и обрела свободу и независимость; наглядным свидетельством тому явилось присоединение к Франции половины территории Северной и Центральной Италии. В то же время, желая поддержать миф о себе как покровителе национальных устремлений итальянцев и сыграть на их патриотических чувствах, Наполеон переименовал Цизальпинскую республику в Итальянскую, сохранил затем это название за вновь образованным королевством и даже раздвинул его границы путем присоединения отнятой у Австрии Венецианской области, части папских владений, Трентино и Альто-Адидже, так что к 1809 г. в этом королевстве проживало более 6,5 млн. человек [122], т. е. более 40% населения полуострова.

В отличие от реформаторской деятельности итальянских монархов в конце XVIII в., преследовавших цель сохранения и упрочения феодально-абсолютистского строя, преобразования французов носили антифеодальный характер, содействовали укреплению позиций буржуазии и расчищали почву для буржуазного развития страны. Социальные преобразования периода революционного трехлетия были продолжены и расширены. Хотя существовало различие в темпах и объеме преобразований в Итальянском королевстве, в землях, присоединенных непосредственно к Франции, и в королевстве Неаполитанском, комплекс основных нововведений распространился на всю территорию Италии, находившуюся под контролем французов. При этом наиболее решительная ломка остатков средневековья и феодализма произошла в политико-юридической сфере (отмена сословных привилегий духовенства и дворянства, в частности их судебных, личных и запретительных прав, введение гражданского равенства, обновле-

[122] *Е. В. Тарле.* Указ. соч., стр. 67.

ние и перестройка судебной и административной системы, армии и др.).

Что же касается аграрного строя Италии, то преобразования наполеоновской эпохи с социально-экономической точки зрения открыли путь для более быстрой буржуазной эволюции сельского хозяйства — в ущерб и за счет крестьянства. Это был путь, качественно отличный от демократической, революционно-крестьянской чистки деревни от феодальных наслоений, осуществленной во Франции в период Великой буржуазной революции конца XVIII в. В Италии антифеодальные преобразования в деревне проводились таким образом, чтобы не допустить перераспределения земли в пользу крестьян и создания свободной парцеллярной крестьянской собственности. Уничтожая феодальные путы, сковывавшие землю, законодатели стремились сделать ее более доступной для всех имущих, особенно для буржуазии, укрепить позиции последней в деревне, консолидировать таким образом уже сложившийся класс земельных собственников и закрепить господствующее положение дворянско-буржуазной системы землевладения. Кардинальный по своей важности момент в аграрном законодательстве этой эпохи заключался в том, что за дворянством сохранились основные массивы его земли, а дворянская собственность на землю, феодальная по своему происхождению, была признана буржуазной собственностью, гарантированной законом. Вследствие этого крестьянские платежи, связанные с поземельными отношениями, оставались в силе. Полуфеодальная эксплуатация крестьян узаконилась, следовательно, на основе норм буржуазного права.

Отмена фидейкомиссов и превращение феодов в отчуждаемую буржуазную собственность, а также проводившаяся в больших масштабах распродажа имуществ церкви, монастырей и религиозных корпораций привели в ряде районов Италии к значительным сдвигам в структуре землевладельческого класса. Буржуазия, перед которой открылись новые источники обогащения, стала еще шире скупать землю и теснила аристократию. Например, в Итальянском королевстве, в провинции Болонья, доля буржуазного землевладения среди всех остальных частных владений выросла к 1804 г. (по сравнению с 1789 г.) с 24% до 40% по площади и с 26% до 42% — по стоимости (доля дворянской собственности уменьшилась за этот период соответственно с 73% до 58% и с 70% до 56%; сократилась также площадь церковных земель)[123]. Важно подчеркнуть, что этот процесс сопровождался ростом крупных буржуазных владений при тенденции к упадку мелкой соб-

[123] *R. Zangheri.* La proprietà terriera e le origini del Risorgimento nel Bolognese, v. I. Bologna, 1961, p. 137, 142.

ственности (площадь крупных владений размером более 100 га составила в 1804 г. 43% площади всех земель буржуазии этой провинции, по сравнению с 20% в 1789 г., а площадь мелких владений, размером менее 10 га, сократилась с 17% до 10%)[124]. Всего в Итальянском королевстве в наполеоновский период было продано только церковных и монастырских земель почти на 200 млн. лир[125], и это немного расширило слой крупных землевладельцев, как дворян, так и буржуа.

Значительные изменения в землевладении, которые реформа по упразднению феодализма вызвала в Неаполитанском королевстве, в конечном счете также принесли выгоду прежде всего крупной буржуазии. Закон 1806 г., провозгласивший отмену феодализма, ликвидировал все ограничения личной свободы крестьян, отменял безвозмездно их личные повинности и платежи (включая барщину) и часть дворянских монополий. Однако закон сохранял за баронами важное право собирать так называемые территориальные платежи и десятину с имущества жителей коммун, расположенных на территории феодов. В 1808—1810 гг. было дополнительно установлено, что если коммуны отрицают законность права баронов на сбор территориальных платежей и десятины, они могут требовать судебного разбирательства с целью отмены этого права. Начались сотни судебных процессов, возбужденных коммунами против бывших баронов, и контрпроцессов, продолжавшихся несколько лет. О масштабах этой бюрократической волокиты, в которую были вовлечены крестьяне множества деревень, можно судить по тому, что только в феврале 1810 г. специально созданная для рассмотрения этих дел Феодальная комиссия вынесла вердикт по 97 судебным искам[126]. В том случае, если права барона на получение феодальных рент (десятины, ценза, канона) признавались законными, предусматривалась коммутация этих рент, т. е. превращение их в обычную арендную плату; крестьянам же предоставлялось право выкупа этих рент

[124] Ibid., p. 141—142.

[125] *Д. Канделоро.* Указ. соч., т. 1, стр. 383.

[126] Regno delle due Sicilie. Commissione feudale. — «Bullettino delle sentenze», s. a. febr. 2, p. 1040; Supplimento del Bullettino, № 1, p. 62—68. Среди тех экс-феодалов, которые добивались пересмотра решений, вынесенных Феодальной комиссией в пользу крестьян, оказался... кардинал Фабрицио Руффо. Этот «радетель» крестьянских интересов, привлекавший в 1799 г. на свою сторону крестьян обещанием отменить десятину, в 1810 г. затеял безнадежную тяжбу с колонами аббатства св. Софии в Беневенто, с земель которого он получал доходы. Руффо добивался того, чтобы Комиссия признала крестьян обязанными вносить десятину в размере $^1/_7$ урожая — и это несмотря на то, что на все недвижимое имущество аббатства и на все ренты Руффо, как феодального сеньора, был еще ранее наложен секвестр (см. Supplimento del Bullettino, № 1, p. 145—148).

путем взноса суммы, равной 20-кратной величине ежегодного платежа.

Интересам неаполитанского крестьянства, несомненно, отвечал принятый в том же 1806 г. закон о разделе феодальных и церковных доменов между коммунами, с одной стороны, и баронами — с другой и о последующем распределении перешедших таким образом к коммунам земель (вместе с общинными землями) между крестьянами, получавшими участки земли в полную собственность [127]. Тем самым закон официально ликвидировал общинное землевладение в неаполитанской деревне. Недавние исследования итальянских ученых показывают, что законы об отмене феодализма и разделе домениальных земель и феодов нанесли ощутимый удар баронской собственности. В провинции Терра ди Лаворо бароны лишились в общей сложности более 91 тыс. модиев (1 модий = 0,337 га), т. е. более 30 тыс. га земли, в провинции Принчипато Читериоре — 127 тыс. модиев (42,4 тыс. га), в провинции Принчипато Ультериоре — 58 тыс. модиев (19,5 тыс. га), в Базиликате — 54 тыс. модиев (18 тыс. га), в провинции Калабрия Читериоре для распределения по жребию среди крестьян было разделено около 200 тыс. модиев (67,4 тыс. га) земли, принадлежавшей большей частью феодальным доменам [128].

Однако эта операция не привела к распространению мелкой собственности — крестьянской или буржуазной. Крупным собственникам, входившим в состав коммунальной администрации, а также коммерсантам, банкирам и высокопоставленным чиновникам удалось завладеть — в результате злоупотреблений и спекуляций — значительными массивами земли, предназначавшейся крестьянам. К тому же многие бедняки отказались от выделенных им участков, так как не имели средств, необходимых для ведения самостоятельного хозяйства (особенно семян и инвентаря). Поэтому раздел земли между крестьянами был проведен в целом в очень небольших размерах.

Таким образом, производственные отношения мало изменились в неаполитанской деревне, и безземелье крестьянства по-прежнему оставалось острейшей проблемой южного общества. К тому же бароны в значительной мере компенсировали свои потери, приобретя немало королевских и церковных земель, пущенных в продажу с 1807 г. В 1806—1815 гг. было упразднено более 1300 религиозных организаций, главным образом монастырей, принадлежавших десяткам религиозных орденов и конгрегаций (в том числе ордену иезуитов, которые были изгнаны из Неаполитанского королевства). В результате операции по отчуждению

[127] *Д. Канделоро*. Указ. соч., т. 1, стр. 399—400.

[128] *P. Villani*. Il capitalismo agrario in Italia. — «Studi storici», 1966, № 3, p. 493.

церковной и королевской собственности в распродажу было пущено большое количество имущества: за сравнительно короткий срок почти 10% всей недвижимости страны перешло в руки новых собственников [129].

Доминирующее положение на торгах заняли знатные дворянские фамилии, высшие чиновники, генералитет, придворные, крупная земельная буржуазия, военные поставщики, подрядчики, спекулянты. Среди этих богачей были люди, совершавшие десятки покупок на огромные суммы в десятки и сотни тысяч дукатов. Круг покупателей оказался чрезвычайно узким — всего 2704 человека (на пять млн. населения), причем 154 человека скупили 65% всего проданного имущества. В результате этой операции были созданы несколько десятков новых громадных владений и увеличились и без того колоссальные владения ряда знатнейших дворянских домов (князей Дориа, Ангри, герцогов Кампокьяро, Сант-Арпино, Сан-Теодоро, маркизов ди Галло, Караччоло и др.). Лишь после 1810 г. круг покупателей несколько расширился за счет провинциальной средней буржуазии (чиновников местной администрации, военных, преподавателей, «благородных», юристов, торговцев и т. д.) [130].

Умножение рядов земельной буржуазии в Италии не вызвало, однако, существенных изменений ни в способе ведения хозяйства, ни в технике производства. Хотя в некоторых районах (как, например, в Болонской провинции) новые владельцы под влиянием растущего спроса на сельскохозяйственные продукты стали расширять посевы, вводить новые культуры и более решительно заменять крестьян-испольщиков бэтраками, бóльшая часть буржуазии, скупавшей землю в этот период, осталась верна традиционным (т. е. полуфеодальным) способам реализации земельной собственности и эксплуатации крестьян. Это создавало почву для сближения и взаимного приспособления буржуазных и дворянских землевладельцев.

Немалые выгоды извлекла итальянская буржуазия и из других преобразований этого периода. Ликвидация цеховых ограничений, монополий и корпораций, отмена множества таможенных барьеров и пошлин на торговые сделки и за проезд, строительство дорог и каналов, улучшение монетного дела — эти и другие меры способствовали развитию промышленности и капиталистических предприятий, особенно в годы, предшествовавшие введению континентальной блокады. Окрепли старые отрасли промышленности (производство шелка и шерсти) и зародились новые

129 *P. Villani*. Le vendite dei beni dello Stato nel Regno di Napoli (1806—1815). Milano, 1964, p. 19, 22, 37. Appendice I, p. 1.

130 Ibid., p. 155—157, 179, 202—203.

(хлопчатобумажная). Серьезных успехов добилось мануфактурное производство: только в Итальянском королевстве, наиболее развитой в промышленном отношении части страны, в 1806 г. было 499 шелковых мануфактур[131]. Число ручных ткацких станков на мануфактурах Милана выросло с 1790 в начале 90-х годов до более чем 3 тыс. в 1805 г. В столице Итальянского королевства вдвое увеличилось число типографий, возникли предприятия по производству стекла, аммониевой соли, хлопчатобумажных тканей и их окраске и др.[132] Рост военных заказов для французской армии и вновь сформированных итальянских военных частей являлся постоянным стимулом развития как промышленности, так и сельского хозяйства.

Не меньшее значение имела и перестройка всего аппарата управления, администрации и правопорядков, в результате чего в Италии был создан государственный строй современного типа, во многом сходный с государственно-административным устройством Франции тех лет. Введение в Италии наполеоновских кодексов (гражданского, торгового, уголовного и процессуального) и ряда однотипных с французскими законов и перестройка администрации по французскому образцу, а также реорганизация финансовой системы, публикация бюджета и улучшение системы народного образования поднимали итальянское общество на более высокую ступень социального развития. Хотя власть Наполеона в Итальянском королевстве (и на присоединенных к Франции территориях полуострова) носила авторитарный и абсолютистский характер и предельно сковывала конституционно-парламентскую деятельность и инициативу местных органов, тем не менее перед итальянской буржуазией и интеллигенцией открывались значительные возможности проявить себя на административном поприще. Создание итальянских вооруженных сил, являвшихся предметом особых забот как самого Наполеона, так и местных властей, позволило выдвинуться большому числу способных людей, получивших боевую закалку в годы наполеоновских войн. Таким образом, в аппарате государственного управления, суде и армии сформировались новые кадры, которые приобрели значительный опыт практической деятельности. Буржуазия (в частности, провинциальная), являвшаяся наряду с частью дворянства основной опорой нового режима, почувствовала свою силу и обнаружила стремление к большей политической и экономической самостоятельности.

В годы наполеоновского господства в политических настроениях итальянской буржуазии произошел заметный сдвиг: отбросив рес-

[131] *Е. В. Тарле.* Указ. соч., стр. 101.

[132] *M. Gioja.* Op. cit., p. 4—5.

публиканизм, основная часть ее перешла на монархические позиции. Этому способствовали многие обстоятельства. Крах итальянских республик, которые в 1799 г. не смогли справиться с великим крестьянским мятежом, обрушившимся всей своей силой на тех, кто поддерживал республиканский режим, дискредитировал в глазах имущих слоев республиканский принцип. Само же республиканское движение было настолько обескровлено и потрясено катастрофой 1799 г., что в течение многих лет находилось в состоянии глубокого кризиса и распада. К тому же ликвидация Наполеоном республики во Франции и утверждение вместо нее военно-бюрократической империи лишало итальянских республиканцев перспективы и всякой надежды на успех. В таких условиях важные социально-политические преобразования, осуществленные в эти годы наполеоновскими властями или с их санкции, устойчивость власти и достаточно твердый порядок, установленный французами в Италии, несомненно привлекали широкие слои буржуазии и значительной части дворян на сторону нового монархического режима. Этому способствовало и то чрезвычайно важное обстоятельство, что старые феодальные порядки были подорваны в большей части Италии не под воздействием народного движения и не в результате победы антифеодальной борьбы крестьян, а путем реформ сверху, проведенных французами, представлявшими более высокую стадию социального прогресса. Именно в годы французского господства итальянская буржуазия получила крупные массивы земли — без всякой борьбы с феодальными силами, фактически из рук завоевателей. Это обстоятельство значительно содействовало охлаждению и без того не слишком горячей революционности итальянских имущих слоев. Умеренные и консервативно настроенные элементы, которые в период наполеоновского 15-летия полностью преобладали в администрации и особенно в главных правительственных учреждениях, относились к демократам и радикально настроенным республиканцам с крайним недоверием и враждебностью. Итальянские правительственные круги делали также первые шаги в области антирабочей политики, руководствуясь при этом полицейским регламентом Наполеона [133].

Все эти моменты создавали почву для сотрудничества как земельной, так и торгово-промышленной буржуазии с французами и склоняли итальянские имущие слои к поддержке монархических порядков.

Однако наполеоновский режим, сделавший так много для самоутверждения итальянской буржуазии, одновременно возводил такие препятствия на пути дальнейшей буржуазной эволюции Италии, что постепенно их воздействие стало сводить на нет положи-

[133] *Е. В. Тарле.* Указ. соч., стр. 120.

тельные результаты наполеоновских нововведений и реформ. С середины первого десятилетия XIX в. экономическая и финансовая эксплуатация Италии усиливается и приобретает новые черты. Содержание французской оккупационной армии, насчитывавшей около 70 тыс. солдат, и итальянских вооруженных сил, численность которых постоянно увеличивалась, а также различные экстраординарные расходы Наполеона, требовали огромных денежных сумм и поглощали львиную долю государственных доходов (в 1809 г. эти статьи поглотили почти 80% всех денежных поступлений в казну Итальянского королевства)[134]. Вводились новые налоги, прямые и косвенные, затрагивавшие все слои населения и делавшие фискальный гнет более тягостным, чем при старых абсолютистских режимах.

Экономическая политика Наполеона в Италии носила черты колониальной эксплуатации. Италии отводилась роль аграрного и сырьевого придатка наполеоновской империи. Правила торговли между Францией и Италией ставили последнюю в крайне невыгодное положение: поощрялся ввоз в империю итальянского сырья (шелка-сырца, полуфабрикатов и сельскохозяйственных продуктов) и тормозился экспорт итальянских промышленных товаров. Такие условия торговли создали особенно большие трудности для промышленности Италии с введением в 1806 г. континентальной блокады, лишившей страну ее традиционного и емкого английского рынка. С другой стороны, самой Италии предназначалась роль потребителя французских промышленных изделий: импорт из Франции вырос с 9 млн. франков в 1803 г. до 52 млн. франков в 1811 г.[135] Принимались и другие меры с целью задержать развитие итальянской промышленности, так что к концу наполеоновского господства она находилась в состоянии упадка: закрылись десятки мануфактур, и многие тысячи рабочих и ремесленников оказались в крайне тяжелых условиях.

Войны, которые непрерывно вел Наполеон, с годами ложились все более тяжелым бременем на экономику Италии.

Народные массы жестоко страдали от рекрутских наборов, принявших невиданные ранее размеры. В армию призывались поколения молодых людей, что причиняло немалый ущерб сельскому хозяйству и промышленности, лишавшейся обученных работников. Ради завоевательных целей французского императора десятки тысяч итальянцев вынуждены были сражаться и умирать в разных концах Европы — от Испании до России. Народный протест против военной службы принимал форму массового дезертирства и уклонения от призыва, вследствие чего только армия Итальянского

[134] *Е. В. Тарле*. Указ. соч., стр. 53.
[135] Storia d'Italia, p. 329.

королевства в 1807—1810 гг. недосчитала почти 40 тыс. солдат [136]. В различных районах страны вспыхивали спорадические восстания низов, вызванные ухудшением условий жизни, реквизициями, фискальным гнетом и рекрутскими наборами. На Юге стихийное крестьянское движение (получившее у современников название «бандитизма») вылилось в своеобразную партизанскую войну с участием десятков больших вооруженных отрядов. В 1807—1810 гг. это движение приобрело такой размах, что Мюрату пришлось мобилизовать для борьбы с ним всю неаполитанскую армию [137].

Итальянская буржуазия, значительно умножившая свои ряды и упрочившая экономические позиции, надеялась, что с падением политического господства аристократии и духовенства перед ней откроется возможность достаточно самостоятельной политической деятельности в рамках конституционной монархии наполеоновского типа; однако действительность принесла ей глубокое разочарование. Для Наполеона государственный аппарат как Итальянского, так и Неаполитанского королевств был орудием осуществления его имперской политики, а итальянские администраторы — лишь покорными исполнителями его воли. Законодательные учреждения Итальянского королевства влачили жалкое существование, а парламент в Неаполитанском королевстве, несмотря на обещания Жозефа и Мюрата, так и не был созван. В Пьемонте и других итальянских землях, присоединенных к Франции, негодование вызывала политика офранцуживания, в частности введение французского языка в государственных учреждениях.

В целом политика Наполеона, стремившегося укрепить и расширить слой имущих и собственников (с целью превращения их в опору своего режима) и одновременно пресекавшего любые их устремления к политической и государственной самостоятельности,— эта глубоко противоречивая политика потерпела явную неудачу.

В последнее пятилетие наполеоновского господства, в 1810—1814 гг., недовольство наполеоновскими порядками стало всеобщим. Так как деспотический, полицейский режим, установленный Наполеоном в Италии, делал невозможным какую бы то ни было открытую оппозицию, повсеместное недовольство приняло вскоре форму подпольного антифранцузского движения. Во всех частях Италии возникли многочисленные тайные общества, среди которых преобладали два направления — либерально-конституционное, патриотическое и реакционное, роялистско-клерикальное.

Тайные либеральные общества возникли на основе ранее существовавших подпольных патриотических организаций или под

[136] *Е. В. Тарле.* Указ. соч., стр. 61.
[137] *A. Lucarelli.* Op. cit., v. 3, p. 170, 205.

влиянием антинаполеоновского движения во Франции. Среди их участников было немало офицеров наполеоновской армии, бывших якобинцев и стойких республиканцев; оказавшись в Италии, они стали создавать среди итальянцев тайные организации по французскому образцу.

В Северной Италии самыми значительными организациями такого типа были общества «Филадельфов» и «Адельфов», а в Неаполитанском королевстве в 1807 г. возникло и стало быстро распространять свое влияние почти во всех провинциях Юга «Общество карбонариев». Карбонарские организации вербовали своих сторонников прежде всего среди мелкой буржуазии провинции, буржуазной гражданской гвардии, а также среди офицеров неаполитанской армии. Отдельные ячейки карбонариев появились также в центральной и северной части Италии. Все эти подпольные организации объединяло стремление свергнуть французское господство; политическая же программа этих обществ была достаточно неопределенной и сводилась в большинстве случаев к требованию конституционной монархии. В Неаполитанском королевстве карбонарское движение приняло характер вооруженной борьбы с режимом Мюрата, против которого карбонарии безуспешно поднимали восстания в 1813—1815 гг. в Калабрии, Апулии и Абруццах. На позицию неаполитанских карбонариев в эти годы значительное влияние оказал тот факт, что в 1812 г. король Фердинанд I, находившийся со своим двором в Палермо, вынужден был под давлением Англии (стремившейся упрочить свое влияние на Сицилии) ввести на острове конституцию и созвать двухпалатный парламент. Агенты англичан и Бурбонов, действовавшие в континентальной части Неаполитанского королевства, широко использовали этот факт в политических целях, пробуждая среди карбонариев надежду на то, что после свержения Мюрата сицилийская конституция будет распространена на все королевство. Эта пропаганда имела значительный успех и привела к усилению антифранцузской направленности карбонарского движения. Тем временем на севере страны либерально настроенные круги Итальянского королевства готовили почву для провозглашения независимости Ломбардии. Повсюду враждебность к французам стала тем чувством, которое временно сблизило народные массы и господствующие слои. Наполеоновский режим оказался совершенно изолированным, и это ускорило его крушение в Италии.

20 апреля 1814 г., спустя две недели после отречения Наполеона от престола, народное восстание в Милане свергло наполеоновские власти. К этому времени войска во главе с вице-королем Евгением Богарнэ (пасынком Наполеона и его наместником в Итальянском королевстве), ожидая исхода борьбы между Наполеоном и вторгшимися во Францию силами антифранцузской коалиции,

прекратили боевые действия против австрийцев, и последние в конце апреля беспрепятственно заняли Ломбардию. Попытки ломбардских патриотов добиться с помощью Англии независимости Северной Италии оказались тщетными: 12 июня 1814 г. Ломбардия была официально присоединена к Австрийской империи.

В сложной обстановке, вызванной крушением державы Наполеона, Мюрат, подобно Евгению Богарнэ, не сумел избрать путь, который помог бы ему упрочить свои позиции как монарха. В начале 1814 г. он порвал с Наполеоном в надежде такой ценой сохранить за собой неаполитанский трон. Однако вскоре Мюрат неосторожно развязал войну с Австрией и в критический для себя момент не получил никакой поддержки населения, что вынудило его отречься от престола. Таким образом, полностью рухнули наполеоновские порядки в Италии.

Наполеоновская система при всех ее отрицательных сторонах на протяжении целого десятилетия обеспечила относительное объединение Италии (путем единого законодательства и администрации) и тем самым содействовала укреплению капиталистического уклада и позиций буржуазии, ликвидации провинциальной обособленности, сближению отдельных частей страны и дальнейшему развитию национального самосознания итальянцев.

ИТАЛИЯ В 1815—1847 ГГ.

Реставрация

С падением наполеоновского режима в Италии были восстановлены монархические порядки, существовавшие до революционных переворотов конца 90-х годов. Решения Венского конгресса 1814—1815 гг. закрепили раздробленность страны на восемь государств: Пьемонт, или Сардинское королевство (расширившееся благодаря присоединению к нему территории упраздненной Генуэзской республики), австрийские владения (Ломбардия и Венеция), герцогства Пармское, Моденское и Тосканское (с последним слилось в 1847 г. небольшое княжество Лукка), Папское государство и Неаполитанское королевство (или Королевство обеих Сицилий). Все итальянские монархи (кроме папы) примкнули к Священному союзу. В стране воцарилась абсолютистская и клерикальная реакция, стремившаяся искоренить все нововведения революционного и наполеоновского периодов. Дворянство и духовенство снова стали господствующими сословиями, захватившими в свои руки монополию политической власти.

Реставрация принесла с собой резкое усиление влияния Австрии на Апеннинском полуострове; господство Франции смени-

лось фактическим господством Австрийской империи. Расширились австрийские владения на полуострове: кроме самой богатой и наиболее развитой из итальянских земель — Ломбардии, Австрия завладела теперь территорией бывшей Венецианской республики и тем самым обеспечила себе господство на Адриатическом море. Кроме того, в подчинении у Австрии по существу находились центральноитальянские государства, где воцарились монархи, принадлежавшие к дому Габсбургов: герцогиней Пармы стала дочь императора Австрии Мария Луиза Габсбургская, в герцогстве Модена и в Великом герцогстве Тосканском престол заняли Франческо IV д'Эсте и Фердинанд Лотарингский, брат австрийского императора. Австрия добилась также права держать гарнизоны в ряде городов Папского государства, а Неаполитанскому королевству навязала союзный договор, позволивший ей влиять на внешнюю и внутреннюю политику правительства Неаполя и предусматривавший назначение австрийского генерала командующим неаполитанской армией. Таким образом, все государства Италии (за исключением Сардинского королевства) оказались в большей или меньшей степени в зависимости от Австрии. Австрийская империя стала главным противником единства и свободы Италии, так как обеспечить свое господство она могла только при условии сохранения политической раздробленности страны и существования в итальянских государствах зависимых от Австрии абсолютистских режимов.

Провозглашенное венскими властями в 1815 г. Ломбардо-Венецианское королевство на деле не обладало ни малейшей автономией и представляло собой имперское владение, которое с годами стало наиболее эксплуатируемой в экономическом отношении частью Габсбургской монархии. Австрийцы не имели никакой социальной опоры среди населения, и их владычество покоилось исключительно на силе. В Ломбардо-Венецианской области была постоянно размещена австрийская армия численностью в несколько десятков тысяч солдат, призванная охранять режим от всяких внутренних потрясений и всегда готовая в случае необходимости вторгнуться в другие государства полуострова. Итальянские воинские части были ликвидированы.

Вся полнота власти в Ломбардо-Венецианской области принадлежала австрийским губернаторам, назначавшимся правительством Вены. Суды и административные органы находились всецело в руках австрийцев. Итальянцы привлекались в государственный аппарат лишь в качестве рядовых чиновников, обязанных безропотно исполнять волю австрийских властей.

Австрия установила в своих итальянских владениях режим политического бесправия, национального угнетения и полицейского произвола. Жесточайшая цензура душила печать, засилье тай-

ной полиции вызывало всеобщее негодование. Города Ломбардо-Венецианской области кишели одетыми в штатское полицейскими агентами и осведомителями. Проникая во все слои общества, ведя неусыпную слежку за тысячами людей, тайная полиция была призвана запугать итальянцев, добиться их полной покорности и устранить всякую возможность проявления неповиновения или протеста против иноземного гнета.

Политика австрийских властей была направлена на то, чтобы унизить национальное достоинство итальянцев и подавить их национальные чувства.

В университетских курсах история Австрии и австрийское право вытеснили итальянское право и итальянскую историю; в начальных школах преподавание велось по учебникам, в которых утверждалось, что «подданные являются рабами императора»[138]. Ни одна дорога или дамба не могли быть построены без разрешения Вены. За простое выражение недовольства Австрией итальянец мог быть осужден на продолжительное заключение в крепости-тюрьме Шпильберг[139], ставшей для нескольких поколений итальянцев символом австрийского деспотизма и угнетения.

Рука об руку с Австрией действовали силы реакции внутри итальянских государств. Восстанавливались (хотя и не полностью) сословные привилегии дворянства и духовенства, церковь, ставшая важнейшей опорой реакционных монархий, старалась вернуть себе былое могущество в духовной и экономической областях. Восстанавливалось церковное землевладение, повсюду открывались десятки монастырей и других церковных учреждений, в Неаполе вновь вводились церковные суды и церковная цензура. В Папском государстве было восстановлено теократическое правление, и засилье церковников во всех областях общественной жизни не знало границ.

Абсолютистские правительства вводили множество таможенных тарифов, сковывавших торговлю и предпринимательскую деятельность. Например, в Сардинском королевстве первые шаги восстановленной здесь Савойской династии ознаменовались введением в начале 1815 г. высокого таможенного тарифа на важнейшие промышленные изделия. В марте 1815 г. были установлены новые, более высокие пошлины на изделия из железа, на шерстяные, льняные, хлопчатобумажные и другие ткани, на вина и зерно. С момента реставрации абсолютистской монархии и до начала 30-х годов таможенные пошлины в Сардинском королевстве

[138] *G. Quazza.* La lotta sociale nel Risorgimento. Classi e governi dalla Restaurazione all'Unita (1815—1861). Torino, 1951, p. 87.

[139] *Б. Кинг.* История объединения Италии, т. 1. М., 1901, стр. 50—51.

постоянно росли, увеличившись в среднем в два раза по сравнению с 1818 г.[140]

Таможенные барьеры препятствовали не только внешней, но и внутренней торговле между отдельными областями государства — Лигурией, Савойей и Пьемонтом. Экономика Сардинского королевства (как и других итальянских государств), тяжело страдавшая от подобных запретов и ограничений, испытывала на себе в первые годы Реставрации также отрицательное воздействие ликвидации многих прогрессивных законов и учреждений, введенных в наполеоновский период. В Пьемонте был отменен прежде всего гражданский кодекс Наполеона, и вместо него власти решили восстановить архаическое законодательство 1770 г.; отменялись также торговый, процессуальный и уголовный кодексы и публичность ипотек, в большой мере ускорявшая сделки с имуществом[141]. Дворянство и духовенство получили финансовые и юридические льготы, крупные денежные суммы снова потекли в виде пенсий, компенсаций и наград в карманы придворной аристократии и церковников. Буржуазия оказалась в приниженном положении.

Восстановление абсолютизма сопровождалось в ряде итальянских государств широким увольнением из администрации, судов и армии тех чиновников и офицеров (в большинстве своем выходцев из средней и мелкой буржуазии), которые выдвинулись в наполеоновский период. В частности, в Пьемонте министерские посты, высшие дипломатические должности, средний и высший командный состав армии и главные звенья судебных инстанций снова оказались в руках родового дворянства, занимавшего теперь почти все самые важные и наиболее оплачиваемые должности в государстве. Бывшие наполеоновские офицеры и чиновники принимались на службу почти всегда с понижением в чинах (часто на 2—3 чина, так что капитаны и лейтенанты вынуждены были служить капралами).

Движимая ненавистью ко всему, что было связано с Французской революцией или деятельностью наполеоновских властей, реакция старалась не только ликвидировать новые институты и оттеснить людей, подвизавшихся в годы французского господства на административном, военном или политическом поприще, но искоренить также всякие либеральные стремления, вытравить самый дух свободомыслия и утвердить безраздельное господство религиозной идеологии как средства контроля над умами и ограждения их от влияния передовых светских идей. В Папском государ-

[140] *C. Barbagallo.* Le origini della grande industria contemporanea (1750—1850), v. 2. Perugia — Venezia, 1930, p. 243.

[141] *R. Romeo.* Dal Piemonte sabaudo all'Italia liberale. Torino, 1964, p. 10.

стве, Модене, Пьемонте воцарился клерикальный гнет, духовенство проникало во все учебные заведения, почти целиком завладело начальным образованием. В Туринский университет допускались только лица, имевшие свидетельства об исповеди и причащении [142].

И все же, несмотря на неистовство реакции, ей не удалось осуществить свои намерения целиком, искоренить все новое, что вошло в жизнь итальянского общества за предшествовавшие 20 бурных лет, и полностью вернуться к старому порядку вещей. Сдвиги в имущественной и социально-правовой сфере, в умах и настроениях оказались слишком значительными, чтобы ими можно было полностью пренебречь и восстановить феодально-абсолютистские порядки во всей их целостности.

Как ни старались реакционные режимы ограничить и затруднить развитие буржуазных отношений, им пришлось поступиться в главном — санкционировать буржуазную концепцию собственности [143] и признать бóльшую часть тех перемещений в землевладении за истекшее двадцатилетие, которые так обогатили буржуазию. В Ломбардо-Венецианской области, в Пьемонте и Неаполитанском королевстве власти признали законной собственность, приобретенную в результате распродажи национальных (т. е. главным образом церковных) имуществ в период французского господства. Даже в Папском государстве власти вынуждены были признать большинство отчуждений имущества, нанесших ощутимый удар церковному землевладению. Восстановление майоратов, фидейкомиссов и права мертвой руки не смогло воскресить систему феодального права в сфере имущественных отношений, подорванную антифеодальными преобразованиями итальянских республик и наполеоновских властей.

В Сардинском королевстве, где реакционным кругам удалось зайти особенно далеко по пути возврата к прошлому, распоряжения о фидейкомиссах соблюдались лишь в крайне редких случаях, а королевский эдикт, объявлявший об отмене с 1818 г. всех крупных арендных договоров (на сумму от 5 до 10 тыс. франков), заключенных при наполеоновском правительстве, оказался обреченным на провал [144]. Это было вызвано развитием капиталистических отношений в сельском хозяйстве, обусловливавших необратимые изменения в социальной структуре общества и сводивших на нет попытки властей реставрировать феодальную собственность. Отмена всех личных прав бывших феодальных баронов, а также отмена или серьезное ограничение фидейкомиссов были подтвержде-

[142] *Б. Кинг.* Указ. соч., т. 1, стр. 42.
[143] *Д. Канделоро.* Указ. соч., т. 2. М., 1961, стр. 13.
[144] *R. Romeo.* Op. cit., p. 13—14.

ны в большинстве итальянских государств, в том числе и в Неаполитанском королевстве, в папских владениях и Тоскане.

Вынужденные считаться с новой социальной действительностью, реакционные правительства полуострова, отменив наполеоновские кодексы и законы, вводили затем в фискальной, гражданской и юридической сфере такие установления, которые в той или иной степени учитывали наполеоновское законодательство. Так было и на Севере страны, в Ломбардо-Венецианской области, и на Юге, в Неаполитанском королевстве, где в общем сохранилась даже наполеоновская система провинциального и коммунального управления; кроме того, власти декретировали некоторые меры антифеодального характера в Сицилии.

Церкви так и не удалось восстановить целиком былые позиции; например, в Неаполитанском королевстве теперь насчитывалось до 50 тыс. церковников — против 100 тыс. служителей культа в конце XVIII в.[145]

Наконец, старые династии при их воцарении в Италии должны были отказаться от жестоких репрессий, поскольку главные державы-победительницы, восстанавливая легитимистские порядки в Европе, старались не прибегать к крайним мерам в надежде добиться более быстрого и полного умиротворения и избежать новых революционных потрясений. Этим и была продиктована относительная умеренность, проявленная абсолютистскими режимами в Италии в первый период Реставрации (1815—1820 гг.) в отношении тех, кто сотрудничал с наполеоновскими властями или даже принадлежал к числу явных противников режима.

В целом внутренняя политика реставрированных монархических правительств после 1815 г. преследовала цель укрепить пошатнувшийся сословно-абсолютистский строй. Вынужденные примириться с основными сдвигами в имущественных и социальных отношениях, происшедшими за истекшие 20 лет, абсолютистские правительства стремились, однако, путем запретительных таможенных мер и других ограничений сдержать дальнейшее развитие капиталистических отношений. Кроме того, монархические власти противодействовали тому, чтобы эти сдвиги повлекли за собой соответствующие изменения в государственно-политической надстройке, отвергая притязания усилившейся земельной буржуазии и либерально настроенных кругов дворянства получить доступ к государственной власти. В новых условиях XIX в. такая политика, направленная прежде всего на консервацию реставрированных порядков, уклонявшаяся от разрешения возникавших социальных проблем и враждебная новым национальным и политическим устремлениям, носила по существу реакционный характер.

[145] Storia d'Italia, p. 384.

Режим Реставрации вызвал глубокое разочарование итальянской буржуазии, ощущавшей теперь более остро, чем четверть века назад, экономические стеснения и политическое бесправие. Вместе с буржуазией это разочарование разделяли те круги либерального дворянства, интеллигенции, студенчества и военных, которые связывали с крушением французского господства надежду добиться более современного политического устройства и национальной независимости. Пробудившееся национальное самосознание итальянского общества отразилось в формировании буржуазно-либеральной идеологии, в развитии умеренно-либеральных идей в сфере общественных наук и в литературе. С первых лет Реставрации либеральные круги развернули значительную по своему размаху культурную деятельность сначала в экономически более развитой Ломбардии, а затем в Тоскане, где относительно умеренная политика властей в меньшей мере, чем в других государствах Италии, сковывала деятельность культурных сил. Связующими центрами либеральной интеллигенции и буржуазии стали некоторые журналы, издававшиеся в этих областях: «Кончильяторе», «Антолоджиа», затем «Аннали универсали ди статистика» и др.

Это идейное и культурное движение приняло в годы Реставрации форму романтизма, носившего в Италии с момента своего возникновения либеральную окраску. В 1818—1819 гг. проводником новых идей был миланский журнал «Кончильяторе» («Примиритель»). В публиковавшихся им статьях на различные темы особенно примечательно постоянное обращение к национальной проблеме, обсуждение вопроса о происхождении итальянской нации. В этой связи среди итальянских образованных кругов пробуждается живой интерес к историческому прошлому страны, что подготовило почву для появления исторических сочинений, проникнутых национально-патриотическими идеями, призванными служить укреплению итальянского национального сознания. Вместе с тем отказ дворянских и отчасти буржуазных кругов Европы от рационализма и их резкий поворот к религии, ясно обозначившийся в годы Реставрации, проявился также в Италии, наложив отчетливый религиозный отпечаток на формирующуюся буржуазную идеологию, в которой сразу дали о себе знать сильные либерально-католические тенденции.

Содействуя развитию и укреплению национального самосознания и созданию единой итальянской культуры, стимулируя интерес к экономическим проблемам и предпринимательству, либеральные круги, участвовавшие в этом идеологическом и культурном движении, не имели, однако, практической возможности выступать в качестве организующего начала оппозиционных сил, поскольку всякое публичное обсуждение политических вопросов в Италии

было в ту пору совершенно исключено. Поэтому в условиях, когда реставрированные монархии обнаружили полное нежелание пойти на проведение таких государственных реформ, которые открыли бы дверь на политическую арену новым буржуазным собственникам и либерально настроенным кругам дворянства, эти социальные слои встали на путь подпольной политической деятельности, на путь создания тайных обществ и организации заговоров.

Национально-освободительное движение в 1815—1820 гг. Карбонарии

Тайные общества, возникшие первоначально как орудие борьбы с французским засильем, после 1815 г. обратили свое острие против реакционных монархических режимов и Австрии — главного препятствия на пути достижения национальной независимости. В 1815—1820 гг. заговорщические организации (как возникшие в период наполеоновского господства, так и вновь созданные) широко распространились по всей Италии. Значительное влияние на формирование и развитие подпольного движения в северных и отчасти центральных районах страны оказал бывший соратник Бабефа Филиппо Буонарроти, связанный с республиканским и национальным движением в Италии еще с 90-х годов XVIII в. Он добивался создания строго законспирированной сети тайных обществ, подчиненных единому руководящему центру. В 1818 г. на тайном совещании в Алессандрии (в Пьемонте) подпольные организации «Адельфов» и «Филадельфов» объединились в «Общество высокодостойных мастеров» во главе с Буонарроти. Подобно масонской организации новое общество было построено в виде лестницы из нескольких звеньев, называвшихся степенями, причем каждая степень имела собственную политическую программу: среди членов первой, низшей степени (включавшей в себя основную массу приверженцев «Общества») проповедовались идеи деизма, равенства и братства, среди посвященных во вторую степень — лозунги республики, демократии и народного суверенитета, конечной же целью «Общества», известной узкой группе руководителей, посвященных в третью, высшую степень, считался коммунизм. Членам низших звеньев не сообщалось о программных целях высших степеней, особенно третьей [146], так что в обществе Буонарроти существовала определенная идейная разобщенность между отдельными группами его членов.

В Италии секции («церкви») «Общества высокодостойных мастеров» существовали во многих городах Пьемонта, Ломбардо-Ве-

[146] *A. Saitta.* Filippo Buonarroti. Contributi alla storia della sua vita e del suo pensiero, v. I. Roma, 1950, p. 90—92, 94.

5. Филиппо Буонарроти

нецианской области, герцогств Парма, Тоскана, Модена и Папского государства.

Поскольку в условиях режима Реставрации основные программные цели общества Буонарроти были неосуществимы, то в плане практической деятельности Буонарроти и его сподвижники добивались сотрудничества с другими тайными организациями, преследовавшими иные политические цели, и прилагали усилия к тому, чтобы распространить на них свое влияние и превратить высшую, третью степень «Общества высокодостойных мастеров» в верховный тайный центр, координирующий все подпольное заговорщическое движение. В Пьемонте и Ломбардии буонарротистское общество стало опираться на возникшую здесь тайную организацию либерально-конституционного направления «Итальянская федерация», лишенную внутренних перегородок и широко открывшую двери для новых членов, среди которых преобладали буржуазные и либерально-дворянские элементы. В Ломбардии «федератов» возглавил граф Федерико Конфалоньери, принадлежавший к среде просвещенного и либерального ломбардского дворянства, склонявшегося к капиталистическим методам ведения хозяйства и занимавшего антиавстрийские позиции. В Пьемонте, где

к «федератам» помимо буржуазии примкнуло много военных разных званий — от унтер-офицеров до офицеров высшего ранга — и молодых патриотически настроенных дворян, ведущей фигурой тайного движения стал граф Санторре ди Сантароза.

На Юге Италии, в Неаполитанском королевстве, а также в Папском государстве основной формой борьбы с абсолютистским строем стало движение карбонариев.

Карбонарская организация, как и организация, созданная Буонарроти, представляла собой иерархию степеней, т. е. носила многоступенчатый характер, в чем также сказалось влияние масонства. Низшие ячейки общества — венты — объединялись вокруг «материнских» вент, подчинявшихся в свою очередь высокой венте. Карбонарии пользовались специальными паролями и опознавательными знаками. Существовал особый, исполненный торжественности и символизма ритуал посвящения в члены общества и в его различные степени. В частности, широко был распространен ритуал выжигания древесного угля (carbonizzazione — «карбонизация»; отсюда, возможно, происходит и само название тайного общества). Этот ритуал символизировал превращение нового члена организации (carbonaro — «карбонария») в духовно чистого, неподкупного человека, уничтожение коросты фальшивых и испорченных нравов и возврат к истинной свободе и равенству[147].

Главной целью, объединявшей основную массу членов почти всех тайных обществ Италии той эпохи, включая и карбонариев, было стремление совершить чисто политическую революцию, не затрагивая при этом классовых интересов буржуазии и либерального дворянства и их земельных владений. Речь шла о том, чтобы обуздать неограниченный абсолютизм и полицейский произвол, добиться упорядочения финансов и налогообложения и устранить вопиющие препятствия для предпринимательской деятельности, а также иностранное (т. е. австрийское) вмешательство. Эти задачи надеялись разрешить, ограничив всевластие монархов конституцией и парламентом. Поэтому требование конституции было главным лозунгом тайных обществ как в Северной и Центральной Италии, так и на Юге, в Неаполитанском королевстве. Хотя среди участников карбонарских заговоров были сторонники республики и существовали отдельные венты, выступавшие под республиканским знаменем, карбонарское движение носило в целом конституционно-монархический, либеральный характер. В этом центральном пункте между заговорщиками не было разногласий. Они возникали только по вопросу о том, какой конституции следует добиваться от монархов.

[147] *O. Dito.* Massoneria, carboneria ed altre società segrete nella storia del Risorgimento italiano. Torino, 1905, p. 181.

6. Заседание карбонарской венты

Более радикальное и демократически настроенное крыло тайных обществ Пьемонта (объединявшее буржуазию, младших офицеров и унтер-офицеров, представителей свободных профессий) и большинство карбонариев в Неаполитанском королевстве высказывались за введение передовой для своего времени испанской конституции 1812 г., признававшей народный суверенитет и предусматривавшей созыв однопалатного парламента. Более умеренное крыло подпольного движения склонялось к консервативной французской конституции 1814 г. За исключением требования конституции карбонарии и другие тайные организации не имели единой и ясной программы. К тому же, несмотря на связи между революционным подпольем в различных частях Италии, движение тайных обществ в 1815—1830 гг. носило в общем локальный характер и, как правило, не преследовало задач, выходивших за рамки отдельных государств или областей. В наибольшей степени требование национальной независимости и ликвидации австрийского господства было распространено на Севере Италии, среди членов общества «Итальянская федерация» в Ломбардии и Пьемонте. Заговорщики надеялись достичь этой цели, воспользовавшись традиционным стремлением Сардинской монархии к территориальному

расширению с тем, чтобы с помощью пьемонтской армии добиться освобождения Ломбардии и Венеции от австрийского гнета, слияния их с Пьемонтом и создания Североитальянского конституционного королевства под эгидой сардинского короля. В герцогствах и Романье карбонарии склонялись к образованию Центральноитальянского государства. В Лацио и Марке движение против папы не имело четкой государственно-политической программы. В Неаполе идеи независимой и единой Италии придерживалось лишь революционно-демократическое меньшинство карбонариев.

Так как тайные общества в отдельных государствах тяготели к компромиссу с монархией, то это, как правило, влекло за собой отказ от идеи создания единого итальянского государства. Отличительная черта движения тайных обществ тех лет состояла также в том, что большинство его руководителей, отражая настроения буржуазно-дворянских кругов (помнивших о трагических событиях 1799 г.), опасалось стихийных выступлений народных масс и не желало широкого вовлечения их в революционное движение; поэтому они рассматривали заговор и военный переворот в качестве главного метода борьбы. И карбонарии в Неаполитанском королевстве, и сторонники «Итальянской федерации» на Севере страны рассчитывали добиться своих целей с помощью армии, что и побуждало их вовлекать в заговор возможно большее число офицеров и вообще военных.

Наконец, большинство заговорщиков, принадлежавших к различным тайным организациям, считало совершенно немыслимым изменить реакционные порядки, не опираясь на согласие монархов. В этой связи становится понятным, почему в эпоху Реставрации среди либералов разных направлений получила широкое распространение вера в русского императора Александра I как верховного покровителя всех либеральных сил Европы, в том числе Италии. Характеризуя настроения итальянского общества в начале Реставрации, один из современников писал: «Все взгляды обращены к России. Итальянцы сознают, что эта великая держава — единственная, чьи намерения по отношению к ним могут быть бескорыстны, и что лишь только с императором Александром они могут связывать надежды на свое благоденствие»[148]. Эта вера в либерализм русского царя (укрепившаяся под впечатлением предоставления Александром I конституции Польше, а также благодаря деятельности русских агентов в Италии, преследовавших цель умерить здесь австрийское влияние) была логическим следствием недостаточной связи либеральных сил с низами и показателем внутренней слабости заговорщического движения.

[148] Sur la domination autrichienne en Italie (рукописный трактат); АВПР, ф. Посольство в Риме. Опись 525-А, д. 12, л. 554.

Революции 1820—1821 гг. в Неаполе и Пьемонте

К 1820 г. карбонарские венты и ячейки других тайных организаций существовали в десятках и сотнях городов и селений во всех частях Италии. Подпольное движение приобрело значительные размеры, и наиболее решительные его сторонники с нетерпением ждали сигнала к открытому выступлению.

Особенно большую активность проявляли карбонарии в Неаполитанском королевстве. Ставшее уже серьезной внутренней проблемой для режима Мюрата в последние годы его правления, карбонарское движение приняло самый широкий размах в период Реставрации. Ведущая роль в этом движении принадлежала земельной буржуазии, особенно провинциальной, значительно упрочившей свои экономические позиции и желавшей теперь закрепить на государственно-политическом уровне тот сдвиг в соотношении социальных сил, который произошел в наполеоновское десятилетие. Однако Реставрация обманула все ожидания неаполитанской буржуазии. Потерпела полный провал надежда на то, что неаполитанские Бурбоны, вернув себе престол, провозгласят в Неаполе сицилийскую конституцию: вместо распространения этой конституции на все королевство последовала ее отмена в самой Сицилии. Буржуазия так и не получила доступа к власти. Между тем ряд обстоятельств, сопутствовавших реставрации Бурбонов, обострил желание неаполитанской буржуазии добиться введения конституции.

Прежде всего буржуазия испытывала тревогу за судьбу своих вновь приобретенных земельных владений, ранее принадлежавших монастырям и другим религиозным организациям. Политика широких уступок церкви, проводившаяся монархией, внушала новым землевладельцам опасение, что абсолютистское правительство Бурбонов, несмотря на обязательство признать распродажу государственных имуществ (принятое по соглашению с Австрией в апреле 1815 г.), в определенный момент посягнет на их земельные приобретения. Поэтому в сохранении неограниченной власти Бурбонов буржуазные собственники усматривали потенциальную угрозу для своего имущества. Налоговая и таможенная политика правительства пробуждала еще бóльшую тревогу и недовольство, прежде всего у мелких и средних землевладельцев, чьи интересы она явно ущемляла. В отличие от наполеоновских властей, освободивших от уплаты введенного ими поземельного налога владельцев недоходных земель, глава королевского правительства Медичи отменил это исключение, что тяжело отразилось на положении мелких собственников [149]. Кроме того, несмотря на требования провинциальных

[149] *G. T. Romani.* The Neapolitan revolution of 1820—1821. Ewanston, 1950, p. 21.

землевладельцев, Медичи отказался ввести протекционистский таможенный тариф, который оградил бы их от конкуренции дешевого зерна, сразу же после окончания войны с Наполеоном хлынувшего в огромном количестве из южных районов России, что вызвало в ряде стран Средиземноморья, в том числе в Италии, кризисные явления в сельском хозяйстве[150].

В столь неблагоприятных для сельского хозяйства Неаполя условиях Медичи не только не принял никаких мер для поддержки земледелия и ограждения его от иностранной конкуренции, но, напротив, настаивал на неукоснительном сборе поземельного налога, который из-за падения цен на зерно стал весьма обременительным для различных категорий землевладельцев, особенно для мелких и средних[151]. Столь неудачная экономическая политика правительства заставила многих представителей провинциальной земельной буржуазии, более тесно связанной с рынком, утвердиться в мысли о необходимости ограничить абсолютизм и добиться доступа к власти. Все более широкое распространение этого сознания неизбежно влекло за собой быстрый рост рядов карбонарской организации и умножение попыток поднять восстание, после того как стало очевидно, что надежды на введение конституции по собственной воле короля являются беспочвенными.

Готовясь к схватке с королевской властью, южная буржуазия стремилась разрешить две проблемы: в определенной мере гарантировать себя снизу, обезопасив свои тылы в деревне, и одновременно заручиться содействием оппозиционно настроенных кругов в верхах.

В преддверии открытого выступления против монархии важнейшим вопросом, встававшим перед неаполитанской буржуазией, были ее отношения с крестьянством.

Отмена феодализма и другие преобразования наполеоновского периода, только отчасти ослабив глубокий социально-политический кризис, охвативший южное общество в конце XVIII в., породили вместе с тем новые острые противоречия. Проблема обеспечения крестьян землей и ликвидации хронической нищеты этого основного производящего класса так и не была решена. Раздел общинных земель не привел к укреплению крестьянского хозяйства и распро-

[150] В начале февраля 1820 г. русский посол в Неаполе Штакельберг сообщал в Петербург, что поступление налогов даже с части крупных землевладельцев сопряжено с «огромными трудностями, неизбежно вытекающими из тех затруднений, с которыми сталкиваются землевладельцы при сбыте своей продукции, особенно зерна. Отсюда — вопли и жалобы... на зерно из Одессы, которым забиты склады в этой стране, так же как и в большей части Италии» (АВПР, ф. Канцелярия, 1820 г., д. 8316, л. 29).

[151] Atti del Parlamento delle Due Sicilie. 1820—21, v. 5, parte 1, Bologna, 1831, p. 707—708.

странению в сколько-нибудь значительных масштабах системы мелкой крестьянской собственности — как потому, что большие массивы земли удавалось захватить буржуазии, «благородным», так и потому, что среди крестьян, получивших участки общинного домена, большинство, не имея необходимых средств для приобретения инвентаря, оказывалось не в состоянии возделывать свои участки и платить положенные налоги. Это и вынуждало многих крестьян спустя несколько лет отказываться от полученных наделов, переходивших в руки все той же земельной буржуазии [152]. Очень скоро обнаружилось, что раздел общинных земель на Юге в той форме, как он проводился — без создания необходимых условий для закрепления за крестьянами переданной им земли,— не компенсировал ущерба, причиняемого основной массе сельского населения ликвидацией сервитутных прав, которые до раздела общинных угодий служили очень важным хозяйственным подспорьем для широких слоев крестьянства. Поэтому уже в первые годы Реставрации стало очевидным, что сам раздел общинных земель вызывал, как правило, дальнейшее обнищание сельских масс и их пролетаризацию.

Так, уже в первые годы Реставрации крестьянские массы убедились на собственном горьком опыте, что и вторичное возвращение короля в Неаполь не повлекло за собой никакого перелома к лучшему в условиях их существования. Вследствие этого к началу 20-х годов в настроениях низов произошел сдвиг, наметившийся еще в период первой реставрации Бурбонов. Вера крестьян в «доброго» короля дала глубокую трещину. Дезориентированные и глубоко разочарованные крестьянские массы либо впали в состояние глубокой апатии, либо, доведенные до отчаяния, выражали свой протест против угнетения в ставшей типичной для Юга экстремистской форме грабежей и разбоя («бандитизм»). Этот социальный в основе своей протест в разное время то ослабевал, то разгорался с новой силой; во всяком случае он превратился отныне в неотъемлемую часть всего уклада жизни сельского общества Юга, внося в атмосферу неаполитанской деревни элемент постоянного социального напряжения.

В частности, в первые годы Реставрации особенно широкую известность в Неаполитанском королевстве получили действия двух разбойничьих отрядов в Апулии, возглавлявшихся сыном ремесленника Гаэтано Вардарелли и бывшим капелланом из местеч-

[152] Типичный пример того, к каким результатам приводила в конечном счете операция по разделу общинных доменов, дает селение Сассано (в современной Кампанье). Из 258 земельных наделов, предоставленных крестьянам этого селения в 1811 г., уже в 1816 г. обрабатывалось лишь 154, а в 1820 г.—113. Остальные наделы перешли к земельной буржуазии (Storia d'Italia, p. 452. См. также: *R. Villari*. Op. cit., p. 175).

ка Горталье Чиро Анниккьярико. Эти предводители разбойников пользовались поддержкой апулийских крестьян, которым они оказывали денежную помощь (передавая крестьянам часть средств, захваченных при нападениях на поместья и на королевских сборщиков налогов), а подчас защищали крестьян от произвола крупных землевладельцев[153]. Неоднократные попытки бурбонских властей уничтожить эти отряды, посылая против них карательные экспедиции, оканчивались безрезультатно.

В таких условиях земельная буржуазия в первые годы Реставрации строила свои отношения с крестьянством двояким образом. События 1799 г. и последующие вспышки острого социального антагонизма в южной деревне побудили наполеоновские власти еще в 1808 г. издать закон, предусматривавший создание — «в целях защиты личности, собственности и внутренней безопасности» — особых провинциальных легионов гражданской милиции из вооруженных представителей имущих слоев, прежде всего землевладельцев[154]. В 1817 г. королевским указом было подтверждено, что в каждой из 21 провинций королевства должен быть сформирован полк милиции из людей, обладающих «реальной собственностью» и способных вооружиться и экипироваться за собственный счет. Офицеры этих полков назначались королем из числа крупных землевладельцев[155].

Таким образом, провинциальная буржуазия обрела вооруженную силу, способную в случае необходимости оградить ее собственность от эксцессов мятежного крестьянства; в частности, провинциальная милиция использовалась как вооруженный заслон против «бандитизма».

Но трагический опыт 1799 г. и последующие события показали недостаточную эффективность одних лишь насильственных методов в отношениях с крестьянством и побудили буржуазию попытаться установить политические связи с народными массами.

Ядро карбонарской организации состояло из либерально настроенных групп земельной и, в меньшей мере, торговой буржуазии, чьи политические устремления не шли дальше установления конституционно-парламентского режима и создания более благоприятных условий для предпринимательства и торговли. Однако в карбонарском движении выделилось радикально-демократическое крыло, включавшее в себя бывших сторонников якобинского движения 90-х годов и исповедовавшую передовые взгляды интелли-

[153] *A. Lucarelli.* Il brigantaggio politico nel mezzoggiorno d'Italia (1815—1818). Bari, 1942, p. 22, 36—40.

[154] *C. Spellanzon.* Storia dell'Risorgimento e dell'unita d'Italia, v. I. Milano, 1951, p. 794.

[155] *P. Colletta.* Storia del reame di Napoli. Parigi, 1843, t. 2, p. 182.

генцию. Под влиянием и при участии этих людей карбонарии начали агитацию среди низов, особенно среди крестьянства, обосновывая справедливость своих целей ссылками на авторитет Иисуса Христа и Евангелия. В этой агитации наиболее радикальные элементы, не ограничиваясь содержавшимися в карбонарских уставах (катехизисах) идеями естественного равенства, всеобщего счастья и христианской добродетели, проповедовали также «аграрный» закон [156], внушая, следовательно, крестьянским низам надежду на возможность решения в их пользу земельного вопроса. Таким путем карбонарии стремились привлечь массы на свою сторону и лишить монархию ее традиционной поддержки. Хотя сама по себе подобная пропаганда не могла, разумеется, вызывать сочувствия у земельной буржуазии, однако последняя усматривала в ней тактическое средство, призванное обеспечить в решающий час борьбы с Бурбонами поддержку народных масс или их нейтрализацию [157].

Было еще одно обстоятельство, вынуждавшее карбонариев заботиться о привлечении на свою сторону низов. В 1816 г. министр полиции Неаполитанского королевства, убежденный монархист и ультрареакционер Каноза решил покончить с политикой лавирования между либеральными и реакционными кругами, проводившейся главой правительства Медичи, и разгромить неаполитанских либералов и карбонариев. Каноза намеревался достичь этой цели с помощью тайной реакционной организации «Кальдерариев», которая при его поддержке начала весной 1816 г. в Апулии террор против местных либералов и карбонариев, нападая по ночам на их дома, производя аресты и совершая убийства лиц, занесенных в заранее составленные проскрипционные списки.

Либералам и членам карбонарского общества пришлось принять меры самозащиты. Активизировались тесно связанные с карбонарским обществом тайные полувоенные организации (в частности, «Филадельфы» и «Свободные европейские патриоты», возникшие еще в годы французского господства); была создана также тайная военизированная организация «Решительные» (Decisi), куда вошли наиболее энергичные элементы (либералы-конституционалисты и республиканцы), готовые дать вооруженный отпор бандам Канозы. В такой обстановке, грозившей перерасти в гражданскую войну, карбонарии постарались заручиться более широкой поддержкой низов. В ряды «Филадельфов», «Свободных европейских патриотов» и «Решительных», являвшихся в сущности ответвлениями карбонарского общества, стали принимать ремесленников, поденщиков, крестьян-бедняков, надеясь в случае необходимо-

[156] *G. T. Romani.* Op. cit., p. 11.

[157] *Д. Берти.* Демократы и социалисты в период Рисорджименто. М., 1965, стр. 172.

сти использовать их как ударную силу. Большую роль в привлечении этих низших слоев городского и особенно сельского населения на сторону карбонариев играло духовенство — сельские священники, каноники, викарии, монахи, дьяконы, которые вели среди низов пропаганду в пользу карбонариев, истолковывая их цели в духе идей первоначального христианства.

Наконец, в своем стремлении дать отпор бандам «Кальдерариев» карбонарии Апулии пошли на крайний шаг и установили контакт с движением «бандитизма», которое, как уже отмечалось, представляло собой своеобразную форму социального протеста неаполитанских низов, прежде всего крестьян. Карбонарии северной Апулии заключили в 1816 г. временный союз с Вардарелли, который предоставил свой отряд в распоряжение карбонарского общества, обещавшего, со своей стороны, оказывать ему всяческую поддержку в борьбе с бурбонскими властями. Вардарелли был принят в ряды карбонариев и возведен в степень мастера.

Соглашение о совместных действиях было достигнуто также между Анниккьярико и карбонариями южной Апулии. Анниккьярико вступил со своим отрядом в организацию «Решительных», которая отныне получила дополнительное название «Юпитер-Громовержец». Вскоре Анниккьярико возглавил все тайные вооруженные организации в районе Терра д'Отранто, объединившие усилия для борьбы с воинствующими кальдерариями. Анниккьярико, также принятый в 1817 г. в карбонарское общество, отстаивал весьма радикальные взгляды. Он относился враждебно к местным крупным землевладельцам, захватившим большие участки общинных земель, призывал к организации восстания против бурбонской монархии и к провозглашению республики [158].

В целом предпринятая Канозой в 1816 г. попытка разгромить неаполитанских карбонариев потерпела полную неудачу, вызвав лишь приток новых сторонников в ряды карбонарского движения.

Масштабы карбонарского движения и его влияние в период Реставрации непрестанно росли. Общество проникало во все провинции Неаполитанского королевства, карбонарские венты были созданы в десятках и сотнях городов и селений.

[158] *A. Lucarelli.* Il brigantaggio politico nel Mezzoggiorno..., p. 130—131, 133. Следует отметить, что попытки властей разгромить карбонарское движение с помощью вооруженных реакционных организаций заставляли карбонариев прибегать к помощи разбойничьих отрядов не только в Апулии, но и в других районах Неаполитанского королевства, где была распространена реакционная секта «Тринитариев», а также в Папском государстве, где сторонникам карбонарского общества приходилось защищаться от нападений вооруженных банд «Кончисториалов» (*A. Lucarelli.* La Puglia nel Risorgimento, v. IV. Trani. 1954, p. 64).

4 История Италии, т. 1

Fermezza   S.   D.   Morte

S.

N.V. U.: Maxone Graldi

L. D. D. I. G. I. A. A. A. C. I. I. D. U. G. E. E. D.

Il Mortale Gaetano Caffiero e un [illegible] D. Uomo [illegible] appartenente alla D. del Tonante Giove, sparsa sulla superficie della Terra per la sua D., ha avuto il piacere di far parte in questa A. S. D. Noi dunque invitiamo tutte le Società Filantropiche, a prestar il loro braccio forte al medesimo, ed a soccorrerlo nei suoi bisogni, attesochè egli giurò alla D. di acquistare la libertà o Morte. Oggi li 29 Ottobre 181[illegible]

Vito Gargaro

[illegible]

Gaetano Caffiero

Registratore [illegible]

[illegible]

Terrore   Lutto

7. *Копия удостоверения члена тайной прокарбонарской организации «Решительные Юпитера-Громовержца»*

В итоге карбонарское движение на Юге приобрело (и в этом состояла его отличительная черта) более массовый характер, чем в любой другой части Италии. Итальянские исследователи полагают, что в период наибольшего распространения карбонаризма численность его вент определялась весьма внушительной для того времени цифрой в 200 тыс. членов, а размеры так называемой «карбонарской толпы», или «массы» (т. е. городских ремесленников, простолюдинов и особенно крестьян, находившихся под влиянием карбонариев), были еще больше[159].

Однако, несмотря на массовый характер карбонарского движения, в течение ряда лет усилия его сторонников подготовить открытое выступление с целью завоевания конституции сводились на нет не только из-за отсутствия авторитетного общенеаполитанского руководящего центра, способного придать единое направление действиям заговорщиков, но и потому, что даже в рамках провинций карбонарское общество страдало от недостаточной организованности и сплоченности отдельных вент, слабо дисциплинированных и сохранявших предельную самостоятельность. Попытка карбонариев Салерно (чья вента формально считалась с 1817 г. высшей среди всех вент Юга) добиться координации действий карбонариев нескольких провинций также не принесла ощутимых результатов. Вследствие этого решение о всеобщем выступлении откладывалось от года к году.

Тем временем убеждение в необходимости введения конституционных порядков в Неаполе успело прочно утвердиться также среди части верхов королевства, среди состоявших ранее на службе у Мюрата чиновников и особенно высших офицеров, которые, сохранив в годы Реставрации руководящие посты в армии, были тем не менее настроены оппозиционно к Бурбонам, желая ограничить их абсолютизм и добиться независимости королевства от Австрии. Такие выдвинувшиеся при Мюрате генералы, как Пьетро Коллетта, Микеле Караскоза и другие, склонялись к принятию весьма умеренной конституции (подобной французской хартии 1814 г.), надеясь, что господство в верхней палате позволит им стать подлинными правителями королевства. Большинство умеренно настроенных генералов-мюратистов отвергало революционные методы борьбы и относилось с настороженностью и недоверием к карбонарскому движению — как ввиду распространения в нем радикально-демократических идей, так и потому, что карбонарии выступали за введение испанской конституции 1812 г., оставлявшей мало надежд на возможность олигархического правления, к чему в сущности стремились мюратисты. Когда в начале 1820 г. руководители карбонариев, побуждаемые растущим давлением на них рядовой

[159] *O. Dito.* Op. cit., p. 244; *Д. Берти.* Указ. соч., стр. 146.

массы заговорщиков (возбужденных известиями об успехах начавшейся в январе революции в Испании и раздраженных собственным бездействием), обратились к самому заслуженному из мюратистских генералов — Гульельмо Пепе (получившему в 1813 г. от Мюрата звание маршала и титул барона) — с предложением возглавить карбонарскую революцию, последний ответил отказом. Этот наиболее решительно настроенный генерал строил собственные планы чисто военного путча с целью вынудить короля ввести нужную мюратистам конституцию и обеспечить захват власти в стране группой высших офицеров. Вместе с тем Г. Пепе допускал возможность использовать карбонариев в собственных целях, установив над ними контроль провинциальной милиции, значительная часть которой находилась фактически в его подчинении, чтобы тем самым помешать возможному расширению движения [160].

Победа революционных войск в Испании, заставивших короля восстановить ранее отмененную им конституцию 1812 г., побудила неаполитанских карбонариев ускорить подготовку выступления. Попытка привлечь на свою сторону генералитет в общем не удалась, зато карбонарии, по свидетельству руководителей заговора, добились того, что младшие офицеры некоторых полков, расквартированных в ряде городов близ Неаполя (Аверсе, Ночере, Ноле) и в самой столице, дали обещание поднять солдат и прийти с ними на помощь заговорщикам [161]. В конце июня в городе Авеллино состоялось совещание представителей карбонарских вент почти всех провинций королевства, решившее начать восстание в первые дни июля.

Инициативу выступления взяли на себя (вероятно, опередив установленный срок) карбонарии города Нолы (примерно в 30 км от Неаполя). В течение нескольких месяцев перед выступлением аббат Луиджи Миникини, энергичный руководитель местной карбонарской венты «Муций Сцевола», вел усиленную пропаганду среди военных расположенного здесь полка «Бурбонская кавалерия».

1 июля был день святого Теобальда, которого карбонарии считали своим покровителем. В ночь с 1 на 2 июля карбонарии и солдаты во главе с Миникини и офицерами М. Морелли и Дж. Сильвати подняли знамя революции. Покинув Нолу, отряд, состоявший примерно из 150 человек, двинулся к городу Авеллино, куда вступил 3 июля в сопровождении нескольких сотен присоединившихся к нему по пути карбонариев и военных. Командующий войсками городского гарнизона подполковник Де Кончили, умеренно настроенный офицер мюратистской формации, вынужден был присоединиться к восставшим.

[160] *G. T. Romani.* Op. cit., p. 24—25, 29—30.
[161] АВПР, ф. Канцелярия, 1820 г., д. 8318, лл. 236—238.

8. *Джузеппе Сильвати*

Известие об этих событиях быстро распространилось по Югу и вызвало немедленное восстание карбонариев и буржуазной провинциальной милиции сначала в соседних районах, а затем и во всех провинциях королевства. Часть правительственных войск, посланных из Неаполя на усмирение карбонариев, присоединилась к восставшим. Когда успех восстания стал совершенно очевидным, генерал Г. Пепе решил примкнуть к нему; он самовольно покинул столицу с тремя полками неаполитанского гарнизона, привел их 6 июля в Авеллино и принял здесь командование над всеми силами восставших. Таким образом, отчасти был прав современник, усматривавший особенность неаполитанской революции в том, что здесь «армия последовала за народом, а не народ за армией, как в Испании» [162]. Почувствовав свое бессилие перед на-

[162] «L'Amico della Costituzione», 24. VII 1820.

9. Микеле Морелли

чавшимся восстанием, король вынужден был уступить и согласиться на введение конституции (на базе испанской конституции 1812 г.) и созыв парламента. 9 июля присоединившиеся к революции войска во главе с Г. Пепе, отряды провинциальной милиции и тысячи карбонариев с сине-черно-красными знаменами (олицетворявшими дым, уголь и пламя карбонарских костров) вступили в Неаполь и прошли торжественным строем по улицам столицы. Было образовано новое правительство, состоявшее целиком из мюратистов (к их числу принадлежали возглавившие вскоре правительство граф Дзурло и герцог Кампокьяро), и приняты меры для проведения выборов в парламент.

Так в считанные дни победила бескровная карбонарская революция, не встретившая в сущности сопротивления властей. Ее успех объяснялся не только слабостью реставрированной бурбонской монархии, но и тем, что почти все имущие слои королевства либо активно поддержали революцию, либо отнеслись к ней доб-

рожелательно; что же касается крестьянства, то оно заняло выжидательную позицию, не проявив во всяком случае никакой враждебности к конституционному движению. Поэтому революция пошла именно по тому пути, о котором мечтали все, жаждавшие введения конституции. «Великая политическая реформа проведена так, что ни одна из социальных гарантий не была уничтожена, нарушена и не подвергалась угрозе», — с удовлетворением писала в первые дни после победы революции газета «Амико делла Коституционе»[163]. Испанская конституция, ставшая популярнейшим лозунгом и символом перемен, казалось, объединила всю разноликую массу участников июльского восстания. Однако за внешними проявлениями гармонии и всеобщего энтузиазма скоро обнаружились острые и трудные проблемы.

Хотя Фердинанд I Бурбон поклялся на Евангелии в верности конституции, согласие короля с конституционными преобразованиями, которое неаполитанские конституционалисты в своих политических расчетах рассматривали как важнейшее условие упрочения и дальнейшей консолидации нового режима, было чисто внешним. Лидеры конституционалистов неустанно восхваляли испанскую конституцию как некое идеальное сочетание «прав народов и прерогатив монархов», как новый «истинный» договор между королем и народом», позволяющий династии опираться на признание и волю всего населения[164]. Для престарелого же короля, ненавидевшего все связанное с революцией, было совершенно неприемлемо ограничение его власти, особенно такой конституцией, как испанская, фактически отстранявшей монарха и стоявшие за ним силы от власти и сводившей на деле прерогативы короны до минимума. При первой же представившейся возможности король через своего посла в Вене сообщил австрийскому императору и Меттерниху, что он ввел конституцию и поклялся соблюдать ее против собственной воли, «с петлей на шее», под угрозой вооруженного насилия, и умолял Австрию и Англию спасти его[165]. Такая позиция короля таила в себе тяжелые последствия для нового режима в международном плане.

Обнаружились противоречия и в лагере самих конституционалистов. Мюратисты, захватившие благодаря революции высшие правительственные и военные посты, проявляли в отношении карбонариев все большее отчуждение, поскольку видели в них воплощение опасных революционных порывов, чуждых их умеренности. Поэтому они хотели полностью подчинить себе карбо-

[163] «L'Amico della Costituzione», fasc. 1, 23.VII 1820, p. 2.
[164] Atti del Parlamento delle Due Sicilie, v. 1, p. 165.
[165] Ibid., p. 7, 161.

10. Вступление конституционных войск в Неаполь 9 июля 1820 г.

нарское общество и только из боязни вызвать новый взрыв не прибегли к полному разоружению нескольких тысяч карбонариев, остававшихся в Неаполе. Опасения мюратистов вызывало растущее влияние карбонариев в провинции и бурное расширение рядов общества [166]. Карбонарское движение дало возможность выступить единым фронтом против королевской власти очень широкому блоку сил, недовольных существовавшими порядками. Однако после легко достигнутого успеха стало выявляться различие целей сторонников карбонарской организации, обусловленное крайней

[166] 23 июля в воскресном приложении к газете «L'Amico della Costituzione» (fasc. 1, 1820, p. 3) утверждалось, что уже к моменту революции общество насчитывало 642 тыс. человек. Если даже предположить (как делают некоторые итальянские историки), что эта цифра включала в себя не только карбонариев, но и сочувствующую им массу (так называемую «карбонарскую толпу»), она представляется все же сильно преувеличенной.

разнородностью ее социальной базы. Наиболее влиятельные группы ее членов — буржуазные землевладельцы, «благородные», лица свободных профессий, младшие офицеры, священники — не смогли выдвинуть конкретной программы, которая помогла бы сохранить блок социальных сил, временно объединенных в карбонарском движении, и тем самым укрепить базу нового режима. С завоеванием конституции главная цель собственников буржуазного толка была достигнута, и в карбонарском обществе началось размежевание. Провинциальную буржуазию все больше занимали ее специфические экономические проблемы и стремление добиться большей самостоятельности местных органов управления[167]. Эти задачи она надеялась теперь разрешить в рамках законности, через парламент. Поэтому политическая активность собственнических слоев стала постепенно ослабевать.

Что же касается аграрного вопроса, то после победы революции, упрочившей ее экономические и политические позиции, южная буржуазия, обладавшая теперь значительно более обширными земельными владениями, чем 20 лет назад, в еще меньшей степени, чем в 1799 г., могла выступить инициатором аграрных преобразований, отвечавших нуждам крестьян и способных материально заинтересовать их в активной поддержке нового режима. Напротив, важнейшая забота земельной буржуазии состояла в том, чтобы не позволить крестьянам добиться решения вопроса об общинных землях в свою пользу и оградить крупные земельные владения от всякой опасности. Эти настроения находили отражение в политике карбонарского общества. Уже спустя две недели после вступления конституционных сил в Неаполь сочувственно настроенная к карбонариям газета «Друг конституции» поспешила со всей определенностью заявить: «Аграрные законы отвергаются справедливостью и разумом, и публичная власть не дремлет, стоя на страже прав каждого»[168]. В программном документе карбонариев Западной Лукании, считавшихся самой радикальной группой карбонарского движения на Юге, раздел, посвященный крестьянству, был сформулирован в нарочито неопределенной форме. В нем лишь говорилось, что «для поощрения почетного занятия сельским трудом... будет оказана поддержка предпочтительно тем, кто нуждается в ней»[169]. Действительность показала, таким образом, что попытки сближения карбонариев с крестьянством диктовались преимущественно политическим расчетом — стремлением помешать монархии использовать крестьянские массы как орудие борьбы с революцией.

[167] *Д. Канделоро.* Указ. соч., т. 2, стр. 98.
[168] «L'Amico della Costituzione», 24.VII 1820.
[169] *Д. Берти.* Указ. соч., стр. 182.

Низшие радикально настроенные круги карбонарского общества скоро стали обнаруживать недовольство правительством, которое они критиковали за намерение ограничить свободу печати и за пассивность в проведении политики реформ, хотя сами эти круги не смогли выдвинуть четкой программы действий. Тем не менее среди них росло чувство неудовлетворенности исходом революции, и это находило отражение как в усилении республиканских настроений в самой карбонарской организации, так и в оживлении деятельности других тайных обществ, стоявших на откровенно республиканских позициях (например, общество «Филадельфов»)[170]. Стали распространяться в виде печатных изданий документы некоторых карбонарских вент (вроде «Инструкций» венты «Свободные пифагорейцы»), содержавшие призыв к карбонариям «спасти родину от угнетения», ниспровергнуть трон, «воздвигнутый фанатизмом и честолюбием, и прогнать с него чудовище, которое оскорбляет все сущее»[171].

Правительство отвечало на активизацию демократических и республиканских сил упреками в демагогии и подрыве единства нации и обвинениями в том, что, безрассудно разжигая политические страсти, эти силы увлекают страну в пропасть «анархии», что создает в свою очередь угрозу иностранной интервенции. Внутриполитическая обстановка еще более осложнилась из-за событий в Сицилии, где развитие революции приняло иной характер, чем в материковой части королевства, вследствие особой расстановки социальных сил и стремления части сицилийцев к независимости.

В первые годы Реставрации неаполитанское правительство старалось обуздать могущество сицилийских феодальных баронов, главных носителей сепаратистских настроений, мечтавших о восстановлении конституции 1812 г., которая позволяла им совместно с церковной верхушкой контролировать через палату пэров управление островом. Проведя юридическую отмену феодализма, лишившую баронов некоторых привилегий, правительство Бурбонов стало одновременно покровительствовать буржуазным элементам, отдавая им предпочтение при подборе чиновников в реорганизованные административные и судебные органы[172]. Такой курс неаполитанских властей встречал сочувствие сицилийской буржуазии (особенно в более развитой восточной части острова) и несколько смягчал ее отрицательное отношение к другим непопулярным мерам правительства, особенно к его налоговой и

[170] Об этих фактах с тревогой сообщал русский посол в Неаполе Штакельберг (АВПР, ф. Канцелярия, 1820 г., д. 8317, лл. 167, 195).

[171] Istruzioni sul secondo grado di M... Carb. Napoli, 1820, p. 13—14.

[172] Storia d'Italia, p. 482.

таможенной политике. Зато глубокое недовольство охватило аристократию, а также сельские и городские низы (особенно в Палермо), жестоко страдавшие от нищеты и безработицы, вызванных аграрным кризисом и упадком промышленного производства. Поэтому революционные выступления, вспыхнувшие в отдельных районах Сицилии, были неодинаковы по своему характеру и движущим силам.

Центром восстания стал Палермо, где городские низы, ремесленники и рабочие после ожесточенного боя с королевскими войсками 17 июля овладели городом и, отвергнув намерение группы баронов провозгласить сицилийскую конституцию 1812 г., поддержали лозунг введения испанской конституции 1812 г. и признания государственной самостоятельности Сицилии как независимого королевства, в котором правил бы, однако, представитель династии неаполитанских Бурбонов. Образованное восставшими временное правительство направило в Неаполь делегацию для передачи этих требований.

Но восставшее население Палермо преследовало и другие цели. Важнейшей из них было возвращение Палермо статуса столицы, утрата которого тяжело отозвалась на экономическом положении большинства горожан. Однако буржуазия других городов Сицилии, особенно Мессины, старого соперника Палермо, энергично отвергла его притязания на гегемонию, опасаясь, помимо всего прочего, верховенства баронов. Палермо поддержала только одна провинция Агридженто, остальные же пять (Мессина, Катания, Сиракузы, Трапани и Кальтаниссета) решили сохранить единство с Неаполем в рамках испанской конституции в надежде, что это создаст более надежные условия для проведения на острове буржуазных преобразований. В ответ на это из Палермо были направлены карательные экспедиции для подчинения других городов. На острове началась междоусобная вооруженная борьба. Ободренные этим, власти Неаполя отказались признать требования Палермо о независимости и в августе послали для его усмирения войска. Бои у Палермо продолжались с перерывами несколько месяцев, в Сицилию было переброшено 10 тыс. отборных солдат, в том числе «священный батальон» (как стали называть отряд, поднявший революцию в Ноле), понесший в боях большие потери [173]. В итоге неаполитанской армии удалось осенью сломить сопротивление Палермо, однако применение Неаполем репрессий в качестве основного средства решения сицилийского вопроса привело к тому, что сепаратистские настроения на острове не только не были искоренены, но, напротив, получили еще большее распространение.

173 АВПР, ф. Канцелярня, 1820 г., д. 8318, л. 94.

Подавление сицилийского восстания не содействовало ослаблению политической напряженности в Неаполе и не уменьшило трудности конституционного режима. Двусмысленное поведение короля, поклявшегося в верности конституции, а затем совершенно устранившегося от участия в управлении страной, вызывало растущее подозрение среди радикальных элементов в столице и провинции. В такой позиции монарха видели свидетельство его отрицательного отношения к конституционным порядкам. Фердинанда I и его сына Франциска (выполнявшего с начала июня функции королевского наместника) обвиняли в предательстве, в тайной подготовке условий для ликвидации либерального порядка, а мюратистских министров — в потворствовании королю. Подобные настроения (как следует из донесения полицейских властей правительству в начале декабря 1820 г.) находили выход в укреплении республиканского течения в среде карбонариев и других тайных обществ, в разговорах о возможности «второй революции» и в умножавшихся призывах расправиться с королем и всей королевской семьей, а также со старыми советниками короля и мюратистскими министрами[174].

Слухи и предположения о тайных связях короля и королевского наместника с иностранными державами вызывали возраставшее возбуждение и беспокойство потому, что с осени 1820 г. угроза иностранной военной интервенции выдвинулась на первый план как самая серьезная проблема неаполитанской революции.

Внешнеполитическая стратегия мюратистского правительства Дзурло — Кампокьяро строилась на предположении, что удастся убедить великие державы, особенно Австрию и Россию, в том, что введение конституционных порядков в Неаполе было не результатом революции, а обычным политическим преобразованием, реорганизацией управления, которую король санкционировал свободным выражением собственной воли[175]. Иностранным державам старались внушить мысль об абсолютной законности нового правительства и заверить их в исключительно мирном, ненасильственном характере июльского движения и всех последовавших за ним перемен, утвердивших-де полное согласие и гармонию между подданными и монархом. В соответствии с этим правительство прилагало все усилия внутри страны, чтобы не допустить никаких эксцессов и крайностей, взывало к разуму, настаивало на умеренности и дисциплине, дабы подтвердить репутацию нового порядка в Неаполе как нереволюционного и тем самым устранить повод для иностранной интервенции.

[174] Atti del Parlamento delle Due Sicilie, v. 5, parte 1, p. 184, 192—193.

[175] *G. T. Romani*. Op. cit., p. 103; Atti del parlamento delle Due Sicilie, v. 1, p. 205.

Настойчиво, если не слепо, придерживаясь этой политической линии, которая неизбежно вела к угасанию первоначального энтузиазма, конституционное правительство допустило серьезные просчеты, вызванные недостаточной информированностью об истинных намерениях великих держав в отношении Неаполя. Самый серьезный просчет заключался в том, что власти (как, впрочем, и многие неаполитанские либералы) питали малообоснованные надежды на помощь России. С первых же шагов революции вера в неизбежную поддержку Александра I (чей мифический либерализм делал его в эти годы кумиром итальянских конституционалистов) играла весьма важную роль в политических расчетах как карбонариев, так и вставших у власти мюратистов [176]. Однако если Александр I одно время и выступал против австрийской интервенции в Неаполь, боясь, что австрийское господство в Италии станет безграничным, то осенью 1820 г. страх перед революцией заставил его покончить с колебаниями и присоединиться к Австрии, настойчиво призывавшей к подавлению мятежного Неаполя из опасения, что его примеру могут последовать другие итальянские государства, и прежде всего Ломбардия и Венеция. В ноябре на конгрессе в Троппау русский император поддержал принцип интервенции в любое государство, принадлежащее к Священному союзу, если главные державы сочтут, что проведенные в нем реформы являются незаконными и подрывают принципы легитимизма. Это изменение позиции России не было должным образом оценено неаполитанскими либералами. Даже в конце января 1821 г., когда новый конгресс Священного союза в Лайбахе окончательно санкционировал австрийскую интервенцию, правительственный вестник «Джорнале коституционале», отражая настроения министерских кругов, продолжал предаваться иллюзиям о возможности предотвращения австрийского вторжения «государем, даровавшим свободу полякам»; исходя из это-

[176] Насколько глубокой была вера южных заговорщиков в мнимый либерализм русского царя, иаглядио свидетельствует следующий весьма примечательный факт. В *первом же* печатном воззвании неаполитанских революционеров «К неаполитанской нации», выпущенном за подписью Де Кончили в Авеллино 5 июля 1820 г., когда исход начавшейся революции был еще неясен, его составители, желая ободрить восставшнх и склонить к переходу на их сторону колеблющихся, прибегли — в качестве самого внушительного аргумента — к утверждению, что русский царь якобы выступает на стороне народов, восстающих с целью отстоять свои права. В воззвании говорилось буквальио следующее: «Среди иностранных держав есть Александр, самый великий монарх мира. Он публично заявляет о том, что поддерживает восстание тех народов, которые добиваются равенства перед законами. Он внушает веиценосцам Европы, что нельзя командовать умами людей. Наш король Фердинаид I не замедлит вскоре удовлетворить нас» [АВПР, ф. Канцлярия, 1820 г., д. 8316, л. 242; «Alla nazione Napoletana» (печатный текст воззвания)].

го, газета советовала читателям проникнуться уверенностью, что «все военные угрозы так и останутся угрозами» [177].

В отличие от пассивной тактики мюратистского правительства наиболее решительно настроенные круги карбонариев еще во время конгресса в Троппау предлагали, не дожидаясь иностранного вторжения, начать революционную войну, вторгнуться в Папское государство, ниспровергнуть его правительство, провозгласить свободу и, выступив ради общего дела с народами всей Италии, водрузить в Риме «знамя независимости и конституции» [178]. Однако это предложение, грозившее вызвать в случае его осуществления немедленную интервенцию, было отвергнуто правительством.

Пепе, который, в отличие от большинства мюратистов, осознал важность сотрудничества с карбонариями как единственной массовой политической организацией, выдвинул план преобразования всей военной системы. Он предлагал в дополнение к армии и провинциальной милиции сформировать среди неимущих слоев населения особые боевые легионы. Но эта попытка Г. Пепе осуществить широкое вооружение народа встретила серьезное сопротивление умеренных кругов и не увенчалась успехом.

Неаполитанский парламент, заседания которого открылись 1 октября 1820 г., так же как и правительство, не сумел сплотить вокруг себя различные слои населения и вдохнуть в них волю к защите конституционного строя. Политика парламента в социально-экономической области в целом шла в русле реформ, проведенных в Неаполе в 1806—1815 гг., и лишь в известной мере дополняла их. Приняв закон о полной отмене майоратов на всей территории королевства, парламент в декабре 1820 г. приступил к обсуждению закона о ликвидации феодализма в Сицилии. Выступавшие депутаты признавали, что феодализм в Сицилии практически сохраняет свою силу. Депутат от Сицилии Натале в страстной речи обрушился на «адский союз баронов», чье засилье на острове обрекает на нищету «бесчисленную массу несчастных». Он уверял парламент, что быстрое принятие закона о ликвидации феодализма побудит сицилийцев «навсегда примкнуть» к Неаполю, приведет к воцарению на острове долгожданного мира и спокойствия и позволит отозвать с Сицилии неаполитанские войска, чтобы использовать их в случае иностранной интервенции [179]. Законопроект, подготовленный парламентом, опирался на неаполитанское антифеодальное законодательство 1806—1810 гг., внося в него некоторые дополнения, ограничивавшие права баронов

[177] «Giornale costituzionale», 29.I 1821.

[178] «L'Amico della Costituzione», 28. XI 1820.

[179] Atti del Parlamento delle Due Sicilie, v. 2, p. 468—469.

в пользу коммун. Представленный на утверждение короля в январе 1821 г., закон встретил противодействие высших правительственных кругов и не был санкционирован наместником. Парламент со своей стороны, очевидно, не проявил достаточной энергии и настойчивости для того, чтобы добиться быстрого введения в действие уже принятого им важного закона.

Обсуждение в парламенте закона об отмене феодализма в Сицилии получило отклик в материковой части королевства. В начале января 1821 г. газета «Индипенденте» опубликовала письмо, полученное из селения Казарано (в Апулии). Автор письма опровергал высказывавшиеся в парламенте во время обсуждения этого закона оптимистические утверждения о том, что феодализм в королевстве, за исключением Сицилии, «повсюду зачах» и что устранены все феодальные злоупотребления и пережитки. В письме сообщалось, что действия баронов, добивавшихся при поддержке судебных инстанций от местного населения выплаты им десятин, заставили многие коммуны в Южной Апулии обратиться с жалобами в парламент, а жители селений Казарано и Казаранелло даже направили в парламент петицию с просьбой принять новый закон, который ликвидировал бы феодальные пережитки и обеспечил скорейшую замену феодальных десятин денежной арендной платой, чему активно препятствовали бароны [180].

Однако неаполитанский парламент уклонился от рассмотрения этой проблемы, затрагивавшей насущные интересы крестьянских масс. Когда же вскоре депутаты столкнулись с такой ситуацией, в которой им пришлось сделать выбор между возможностью обеспечить конституционному порядку более широкую и активную поддержку крестьянства (путем некоторого ограничения захватов общинных земель буржуазными собственниками и баронами) и требованием буржуазии о создании условий для расширения этих захватов, парламент встал на сторону имущих. Подобную позицию неаполитанские парламентарии заняли в связи с крестьянским движением, развернувшимся в конце 1820 — начале 1821 г. в области Принчипато Читериоре (в современной Лукании).

В петиции, ранее направленной парламенту, крестьяне жаловались на то, что в результате раздела домениальных земель «немногие собственники обогатились на нищете множества несчастных». Поэтому крестьяне требовали восстановления сервитутных прав на бывших общинных землях, перешедших уже в частную собственность местных крупных землевладельцев. Парламент, руководствовавшийся стремлениями собственников, и прежде всего земельной буржуазии (в чьих интересах он декретирует в начале 1821 г. со-

[180] «L'Indipendente», 9.I 1821.

кращение на 1/6 поземельного налога[181]), разумеется, не мог удовлетворить эти требования деревенской бедноты. Тогда в конце декабря 1820 г. началось широкое движение крестьян, приступивших к занятию бывших общинных земель.

Во многих селениях округа Валло крестьяне, сломав изгороди, установленные местными баронами на захваченных ими общинных угодьях, начали обрабатывать землю, производить посев, пасти скот. Движение охватило много селений и деревень, в нем участвовали тысячи людей. Было отмечено, что занятие общинных земель сопровождалось постоянными возгласами крестьян: «Да здравствует конституция!»[182] Этот факт красноречиво свидетельствовал о том, что даже в конце 1820 — начале 1821 г. по крайней мере часть крестьянства относилась все еще доброжелательно к конституционному режиму и надеялась, что новое правительство отнесется положительно к его требованиям.

В течение января и февраля крестьянское движение продолжало расширяться. Посланцы крестьян из округа Валло направлялись в соседние селения, призывая последовать их примеру. Захваты земель начались в соседней провинции Принчипато Ультериоре[183]. В районах, охваченных крестьянскими выступлениями, создалось весьма напряженное положение. Как сообщали местные власти, земельные собственники были «объяты паническим страхом» и потому не осмеливались возбуждать судебные процессы против крестьян или требовать их ареста. Такое настроение землевладельцев, по-видимому, повлияло на позицию карбонариев. Так, например, в Эболи, где крестьяне также готовились к захвату общинных земель, в карбонарской организации возобладало мнение отказаться от участия в подобных действиях[184].

Мюратистское правительство и двор настаивали на принятии самых решительных мер против покушений крестьян на частную собственность, предлагая применить против них регулярные войска. Однако парламент — и это оказалось максимумом того, на что он оказался способным в крестьянском вопросе,— занял более сдержанную, примирительную позицию перед лицом социальных выступлений неаполитанских деревенских масс. Отвергнув предложение министра юстиции о применении силы и полицейских репрессий для усмирения крестьян и вместе с тем осудив акты захвата общинных земель, парламент предписал властям разрешить конфликт мирным путем в рамках закона, одновременно пообещав,

[181] Atti del Parlamento delle Due Sicilie, v. 2, p. 720—721.

[182] *A. Lepre*. Movimenti contadini nel 1820—21. — «Cronache meridionali», 1963, № 9, p. 117, 119.

[183] Atti del Parlamento delle Due Sicilie, v. 3, p. 147.

[184] *A. Lepre*. Op. cit., p. 121—122.

что все претензии крестьян будут рассмотрены властями, которые вынесут в законном порядке справедливое решение. Но, обратившись к крестьянству с призывом к успокоению и вселив в него надежду на возможность удовлетворения его требований, парламент тотчас же поспешил принять акт, призванный продемонстрировать его верность интересам буржуазных собственников. Отменив в конце декабря некоторые второстепенные налоги с коммун (что создавало видимость облегчения положения низов), парламент 26 января продлил на 1821 год срок действия законов о разделе бывших феодальных и церковных доменов [185].

Это решение, принятое в соответствии с многочисленными петициями буржуазии и не вносившее никаких принципиальных новшеств в старый порядок раздела домениальных земель (приносивший на практике выгоды преимущественно провинциальным буржуа), находилось в явном противоречии с требованиями, сформулированными крестьянами в ходе движения за возврат общинных угодий. Очевидно, что такая политика парламента должна была породить глубокое разочарование крестьянства и равнодушие к судьбам конституционного строя.

Между тем отношения между стоявшими у власти мюратистами и раздраженными их бездействием карбонариями продолжали постоянно обостряться. Однако, сорвав всякие планы исправления в более умеренном духе испанской конституции и введения второй, аристократической палаты (что, как полагали умеренные элементы, могло бы примирить короля Фердинанда и великие державы с неаполитанским конституционным режимом), карбонарии со своей стороны не смогли добиться перелома в пассивной политике правительства и навязать ему свой курс на радикализацию революции. Излишняя доверчивость властей и парламента, поверивших обещанию короля отстаивать интересы конституционного режима перед великими державами, позволила Фердинанду I в середине декабря 1820 г. беспрепятственно покинуть Неаполь и затем отречься от ненавистной ему конституции. Это дало решительный козырь в руки австрийского канцлера Меттерниха, главного организатора интервенции против неаполитанской революции. На конгрессе Священного союза в Лайбахе он добился предоставления Австрии права подавить революцию в Неаполе. В марте 1821 г. австрийские войска вторглись в Неаполитанское королевство. Народные массы, не получившие за девять месяцев существования конституционного строя никаких веских доказательств заботы властей об их интересах, отнеслись с безразличием к судьбе нового режима и не оказали никакой помощи конституционным войскам, которые обна-

[185] «Giornale Costituzionale». 22.XII 1820; Atti del Parlamento delle Due Sicilie. v. 3, p. 159.

ружили плохую подготовленность к войне и не смогли дать отпор австрийской армии. 23 марта австрийцы заняли Неаполь, где была восстановлена абсолютистская власть монархии Бурбонов.

В те дни, когда австрийский экспедиционный корпус вступил в пределы Неаполитанского королевства, в Пьемонте началась революция, подготовленная сторонниками тайных обществ. Большинство заговорщиков здесь составляли представители имущих слоев — буржуазии и дворянства, а также офицеры армии. Причинами, питавшими недовольство, были засилье узкой касты придворной аристократии, расстройство государственных финансов, стремление властей восстановить некоторые ранее отмененные феодальные права, административный и судебный произвол, назначение на государственные и военные посты лиц, лишенных способностей и заслуг [186]. Добиваясь преобразования абсолютной монархии в конституционную, пьемонтские либералы, как и неаполитанские конституционалисты, хотели поставить под контроль парламента законодательство (особенно в области налогообложения), ввести ответственность министров и свободу печати. Однако в отличие от неаполитанского либерального движения в политических программах тайных обществ Пьемонта и Ломбардо-Венецианской области более важное место занимал вопрос о независимости, задачи же политического обновления здесь более четко связывались с задачами ликвидации австрийского господства.

Успех конституционных движений в Испании и Неаполе в 1820 г. активизировал заговорщическое движение на Севере Италии, а яростное сопротивление реакционеров, сорвавших осуществление проекта умеренных реформ в Пьемонте, придало либеральным кругам еще бóльшую решимость. В отличие от буржуазного крыла тайных обществ либерально-дворянские элементы первоначально склонялись к конституции с двухпалатным парламентом, надеясь, что верхняя палата с наследственным членством обеспечит сохранение политического господства дворянства. Но под впечатлением усилившейся реакции в Пьемонте и успехов Неаполитанской революции лидер либеральных дворянских кругов граф С. Сантароза также признал, хотя и с оговорками, необходимость борьбы за испанскую конституцию, видя в ней «единственный путь соединения душ и рук итальянцев» [187]. Бóльшая часть либеральных дворян поддержала Сантарозу. Это устранило существовавшее разногласие в тайных обществах и привело к установлению тесной связи либерально настроенной аристократии с буржуазным крылом подпольного движения.

[186] «Sentinella cisalpina», 21.III 1821.

[187] *R. Romeo*. Op. cit., p. 25—26.

Испанская конституция и война с Австрией стали лозунгом пьемонтских и ломбардских тайных обществ «федератов» и карбонариев, объединивших усилия для подготовки выступления с целью изгнания австрийцев из Ломбардии и Венеции, слияния их с Пьемонтом и создания Североитальянского королевства во главе с Савойской династией. Однако в сравнении с Неаполем заговорщическое движение на Севере страны носило более узкий характер. В Пьемонте карбонарское общество не имело значительной массовой базы, а его сторонники среди буржуазии принадлежали, по свидетельству русского посла в Турине Г. Мочениго, преимущественно к ее средним и высшим слоям [188]. Связи тайных организаций с низами были здесь очень слабыми. Готовясь последовать примеру Неаполя и добиться введения конституции, пьемонтские либералы были озабочены тем, чтобы подготовлявшееся ими выступление не приобрело народного характера, ибо они рассматривали «мятежи» и «народные движения» как «средства, бедственные для общества и преступные по отношению к государю из Савойского дома». «Путь, которого следует придерживаться,— утверждали они,— путь, почетный и достойный характера государя и нации, заключается в том, чтоб просить трон — почтительным, спокойным и совершенно откровенным образом — отвергнуть австрийскую дружбу и объявить конституцию» [189]. Пьемонтские либералы надеялись, что путем одной лишь военной демонстрации удастся склонить короля Виктора Эммануила I, питавшего ненависть к австрийцам, примкнуть в решающий момент к движению, которое могло бы позволить Савойской династии расширить территорию королевства.

Но особые надежды конспираторы возлагали на Карла Альберта, принца Кариньянского, принадлежавшего к младшей ветви Савойской династии. При встречах с пьемонтскими либералами принц не раз весьма откровенно выражал им свое сочувствие, а осенью 1820 г. он установил тайные связи с руководителем ломбардских либерально-патриотических кругов графом Ф. Конфалоньери, побуждая его выступить совместно с пьемонтцами. Кроме того, содержавшиеся в частной переписке молодого принца высказывания в пользу независимости Италии становились достоянием гласности. Так в Пьемонте и за его пределами начала рождаться легенда о либерализме Карла Альберта, хотя, как показали дальнейшие события, он не был либералом и руководствовался преимущественно династическими интересами.

[188] Карбонариев было больше всего, сообщал Мочениго, «среди адвокатов, юристов, банкиров, врачей, чиновников, буржуа, живущих на ренты, и гораздо меньше среди торговцев, содержащих лавки» (АВПР, ф. Канцелярия, 1821 г., д. 11310-Б, л. 361).

[189] «L'Amico della Costituzione», 21.VIII 1820.

В начале марта 1821 г. руководители заговора в Пьемонте решили начать выступление. Однако в этот момент Карл Альберт, которого либералы склонны были считать своим лидером, занял крайне двусмысленную, колеблющуюся позицию. Честолюбивого 22-летнего принца соблазняла возможность стать в дальнейшем государем обширного Североитальянского королевства, но вместе с тем мучила боязнь лишиться — в случае неудачи восстания — права наследования трона в Пьемонте [190]. Эти волновавшие его противоречивые чувства и неспособность справиться с возникшей перед ним сложной ситуацией определили двойственность линии поведения, избранной принцем Кариньянским: поощряя заговорщиков к выступлению, Карл Альберт одновременно выдал их планы военному министру и принял меры для подавления восстания; после же начала революции, внешне оказывая поддержку ее участникам, он готовил почву для своего отступления и тайно собирал войска для разгрома движения.

9 марта 1821 г. заговорщики города Алессандрии во главе с несколькими офицерами захватили цитадель и заставили войска гарнизона примкнуть к восстанию. Основную роль в подготовке выступления играла местная организация «Итальянской федерации», в которой преобладали буржуазные элементы. Была создана временная хунта, опубликовавшая от имени «Итальянской федерации» три манифеста. В них провозглашалась испанская конституция, выборность всех должностей, объявлялась война Австрии и выдвигался лозунг национальной независимости Италии [191]. 12 марта восстание вспыхнуло в Турине, но в тот же день король Виктор Эммануил I неожиданно отрекся от престола и покинул столицу, назначив Карла Альберта регентом, поскольку законный наследник престола Карл Феликс находился тогда за пределами Пьемонта. Отречение короля спутало все планы руководителей заговора, считавших, что введение королем конституции придало бы всему движению печать законности и явилось бы важнейшим условием его успеха.

Между тем восстание продолжалось, охватив многие города в провинциях, и Карл Альберт объявил о введении испанской конституции, образовал правительство и назначил также своим эдиктом от 14 марта временно правящую хунту, призванную «выполнять функции национального парламента вплоть до его созыва» [192]. Однако уже через несколько дней он начал готовить контрреволюционный переворот и 21 марта покинул Турин и направился

[190] *C. Spellanzon*. Op cit., v. I, p. 843, 848—850; Storia d'Italia, v. III, p. 392.

[191] *F. A. Gualterio*. Gli ultimi rivolgimenti italiani. Memorie storiche, v. III. Firenze, 1852, p. 311—313.

[192] Печатный текст эдикта от 14 марта 1821 г. (АВПР, ф. Канцелярия, 1821 г., д. 11310-А, л. 143).

в Новару, где концентрировались силы, верные династии. Здесь Карл Альберт отказался от регентства и призвал туринские власти подчиниться брату отрекшегося короля Карлу Феликсу, решительному противнику конституции. В таких условиях пьемонтской революции не удалось опереться на поддержку населения, пассивно наблюдавшего за событиями. Начались массовые дезертирства из армии. В то же время, несмотря на явный разрыв Карла Альберта с конституционалистским движением и непримиримую позицию Карла Феликса, руководители пьемонтского восстания остались верны идее соглашения с Савойской династией и не выступили против монархии. Верхушечная пьемонтская революция была задушена австрийскими войсками, занявшими спустя месяц после начала восстания Турин и оккупировавшими территорию Сардинского королевства, где они оставались до 1823 г.

Несмотря на поражение революций 1820—1821 гг. в Неаполе и Пьемонте, они знаменовали собой новый шаг в развитии итальянского национального движения и прогрессивных сил, поскольку эти революции не были развязаны, как в конце 90-х годов XVIII в., вследствие поддержки и вмешательства революционных сил извне, а явились результатом самостоятельных действий либеральных буржуазно-дворянских кругов. Эти революции преподали важный урок итальянскому национально-освободительному движению, показав, что абсолютистско-монархические режимы, несмотря на свою органическую слабость и изоляцию внутри страны, остаются непримиримыми противниками всяких политических преобразований. Принужденные пойти на конституционные уступки, они делали все возможное, чтобы устранить навязанное им ограничение власти. Революции показали с предельной ясностью, что военное могущество Австрии является главной и единственной надежной опорой абсолютистских режимов в Италии. Решительное противодействие Австрии всяким конституционным преобразованиям свидетельствовало о том, что буржуазно-либеральные движения не могут рассчитывать на успех без борьбы за независимость Италии и ее освобождение от иностранного господства.

Относительная легкость победы реакционных сил в Неаполе и Пьемонте объяснялась, однако, не только военным могуществом держав Священного союза, желавших сохранить в неприкосновенности установленную ими систему легитимизма, но и слабостью общественных сил, выступавших в те годы в Италии за ограничение династического всевластия. До середины 20-х годов экономический прогресс был очень медленным, и пополнение рядов буржуазии происходило главным образом в результате перераспределения в ее пользу земельной собственности, а не расширения и развития производства. Неудача, постигшая революции 1820—1821 гг., объясняется также тем, что конституционные движения в Неаполе и

Пьемонте развивались изолированно друг от друга и были лишены всякой координации. Прогрессивные силы на Севере и Юге считали важнейшей задачей достижение соглашения со «своей», местной династией, и это неизбежно разъединяло их. В частности, лозунг пьемонтских революционеров «Итальянское королевство и война Австрии»— несомненно, весьма передовой для своего времени, с точки зрения практического решения итальянской национальной проблемы — не вызвал энтузиазма среди неаполитанской буржуазии и дворянства именно потому, что реализация этого лозунга могла бы обеспечить явное превосходство Савойской династии [193]. Все это свидетельствовало о том, что в Италии еще не созрели условия для слияния усилий прогрессивных групп различных государств в русле общенациональной борьбы.

Политическая борьба в итальянских государствах в 20-е годы. Революция 1831 г. в Центральной Италии

Поражение, нанесенное Австрией итальянскому либерально-конституционному и патриотическому движению в 1820—1821 гг., повлекло за собой разгул реакционных сил в стране. Было покончено с относительной умеренностью 1815—1820 гг. По итальянским государствам прокатились волны репрессий и кровавых расправ над либералами и участниками подпольного движения.

Одновременно с подавлением неаполитанской и пьемонтской революций австрийские власти обрушились на либеральное и патриотическое движение в Ломбардо-Венецианской области, нанеся ему столь сильный удар, что патриотам потребовалось затем немало времени, чтобы восстановить свои силы. Австрийской тайной полиции удалось раскрыть сложившуюся здесь сеть подпольных организаций и произвести многочисленные аресты. В результате нескольких политических судебных процессов на различные сроки заключения было осуждено около 200 членов карбонарской организации и общества «федератов». Австрийской полиции удалось арестовать и осудить руководителя «федератов» Ломбардии графа Конфалоньери и многих других ведущих участников движения, лишив его тем самым руководства. Впоследствии некоторые патриоты, осужденные на долгие годы заключения в Шпильберге (в том числе писатель Сильвио Пеллико), выйдя на свободу, рассказали в своих книгах о страданиях узников этой тюрьмы, вызвав чувство глубокого возмущения австрийским деспотизмом как в самой Италии, так и в других европейских странах.

[193] Storia d'Italia, v. III, p. 512.

В Пьемонте руководителям восстания удалось скрыться. Около 100 человек, в том числе Сантароза, были заочно приговорены к смертной казни. К ноябрю 1823 г. более 600 офицеров и до 400 чиновников было смещено со своих постов или уволено в отставку [194], а всех оставшихся на службе офицеров и чиновников заставили принять особую присягу в верности королю. Гонениям подверглись также закрытые на год университеты Турина и Генуи.

С помощью репрессий властям удалось значительно ослабить тайные общества на Севере страны, в Ломбардо-Венецианской области и Пьемонте, тогда как в Папском государстве и на Юге подпольным организациям удалось устоять, о чем свидетельствовали многочисленные заговоры и неудачные попытки восстания, предпринимавшиеся в 20-е годы.

В Неаполитанском королевстве репрессиям подверглись многие участники революции. Возглавившие восстание в Ноле в июле 1820 г. офицеры Морелли и Сильвати были повешены. Руководители конституционного режима либо эмигрировали, либо были вывезены в Австрию. Гонения затронули всех подозреваемых в либерализме. Последовала чистка в армии, государственном аппарате и даже среди церковнослужителей. На кострах сжигались опасные (по мнению властей) книги. Ввоз итальянской и иностранной литературы из-за границы был блокирован. Чтобы быть допущенными к экзаменам, студентам приходилось предъявлять свидетельства о посещении церковных церемоний и о хорошем поведении, выдававшиеся приходскими священниками или синдиками [195]. Карбонарская организация, служившая средством выражения недовольства различных слоев неаполитанского общества, была официально распущена властями.

Однако уже в 1822—1823 гг. на Юге происходит возрождение карбонарского движения, причем не только в континентальной части королевства, но и в Сицилии, где ранее карбонарские венты были очень слабы. Помимо мелкой буржуазии, неокарбонарские организации включали в себя крестьян, ремесленников и даже городской предпролетариат. В катехизисах и уставах некоторых новых тайных обществ получили более четкое выражение требования, отвечавшие интересам мелких землевладельцев и колонов [196]. Питательной средой для неокарбонарского движения в немалой мере служил «бандитизм», вновь широко распространившийся в эти годы. Крестьяне и батраки целых районов, доведенные до полной

[194] *R. Romeo*. Op. cit., p. 30.

[195] *Б. Кинг*. Указ. соч., стр. 33; Storia d'Italia, v. III, p. 476.

[196] *A. Lepre*. Carbonari, realisti e spirito pubblico a Napoli dopo il 1820—21.— «Nuova rivista storica», 1962, fasc. V—VI, p. 549—550; *Д. Берти*. Указ. соч., стр. 188.

нищеты продолжавшимся расхищением общинных земель и жестокой эксплуатацией, днем обрабатывали поля, а ночью занимались грабежами в имениях землевладельцев, побуждаемые к этому голодом и необеспеченностью средствами существования [197].

Неокарбонарское движение и «бандитизм» охватили многие провинции королевства. Крупное восстание, вспыхнувшее в 1828 г. в районе Чиленто и распространившееся на всю сельскую округу, явилось свидетельством непрекращавшегося социального брожения. Бурбонские власти старались пресечь движение жестокостью и террором: в течение десятилетия они вынесли и привели в исполнение десятки смертных приговоров и бросили в тюрьмы сотни заговорщиков. Однако подавить деятельность тайных обществ правительству так и не удалось.

Весьма напряженной в 20-е годы была также обстановка в Папском государстве, где под влиянием неаполитанской революции активизировали свою деятельность карбонарии. После введения конституции в Неаполе туда тайно перебралась из папских владений группа патриотов, образовавших «Конституционно-патриотический союз» и приступивших к подготовке вооруженной экспедиции в Папское государство с целью поднять там восстание и провозгласить конституцию. Лозунг заговорщиков «Пий VII и испанская конституция» говорит о том, что они придерживались того же курса на соглашение с государем, который был характерен для участников буржуазных революций на Юге и Севере Италии. Вместе с тем в заранее отпечатанном и тайно распространявшемся в папских владениях воззвании руководители «Союза» обещали — помимо созыва парламента, амнистии политическим заключенным и осужденным за незначительные преступления — осуществить ряд социально-экономических мер, отвечавших интересам буржуазии и низов. Эти меры включали в себя сокращение наполовину налогов на помол и на скот, цены на соль, а также промышленных и торговых пошлин; на одну треть предполагалось сократить ввозные пошлины на съестные продукты и на одну шестую — поземельный налог. Кроме того, составители воззвания обещали в будущем дополнительное сокращение прямых и косвенных налогов [198].

15 февраля 1821 г. вооруженный отряд в составе около 130 человек (карбонариев из папских владений и неаполитанских добровольцев) вступил в пределы Папского государства в области Марке, где занял несколько селений. Однако попытка поднять всеобщее восстание не удалась. Австрийские карательные войска, посланные на подавление неаполитанской революции, уже вторглись на

[197] Storia d'Italia, v. III, p. 474—476.

[198] *D. Spadoni*. Una trama e un tentativo rivoluzionario dello stato romano nel 1820—21. Roma — Milano, 1910, p. 269—271.

территорию Папского государства, и это заставило карбонариев Романьи и других областей отказаться от ранее согласованного плана революционного выступления. Среди участников этой экспедиции, осужденных папским судом в 1822 г., 8 человек были приговорены к пожизненному заключению, в том числе руководитель «Конституционно-патриотического союза» Винченцо Панелли, умерший в тюрьме в 1833 г.[199]

В последующие годы папские власти начали беспощадную борьбу с карбонариями, обрушивая жестокие кары на многие сотни людей. Но эти меры не достигли своей цели. На всем протяжении 20-х годов напряженность в Папском государстве не ослабевала. Реакционная политика, всецело возобладавшая при новом папе Льве XII, делала оппозицию правительству еще более широкой. Буржуазия и дворянство были раздражены тем, что абсолютное господство духовенства в государственном аппарате лишало их всякого доступа к управлению. Тайные общества привлекали в свои ряды, помимо интеллигенции, буржуазии и либеральных дворян, также большое число «пополанов», представителей городских ремесленных низов. Среди осужденных папскими властями за участие в заговорах в 20-е годы были люди самых разнообразных профессий (плотники, бочары, красильщики, каменщики, портные, сапожники, маляры, кузнецы, булочники)[200].

Победа буржуазной революции во Франции в июле 1830 г. побудила заговорщиков в Центральной Италии перейти к более энергичным действиям в надежде, что в момент выступления удастся опереться на помощь нового французского правительства, первоначально заявившего о своей поддержке борьбы народов Европы за независимость и свободу. В папских владениях, особенно в наиболее развитых северных провинциях государства, быстро распространился заговор, нити которого вели из соседних герцогств Модены и Пармы.

В конце 1830 г. моденский коммерсант Чиро Менотти, известный либеральными взглядами, возглавил возникший еще раньше в Модене заговор, ставивший целью создание нового, более крупного итальянского государства на конституционно-монархической основе во главе с герцогом Модены Франческо IV. Менотти добился создания комитетов по подготовке восстания в Парме, Тоскане, Ломбардии, а также в части папских владений — в Болонье и Романье, где подготовку к восстанию вели также, совершенно независимо от Менотти, местные заговорщики-карбонарии. Руководители моденского заговора поддерживали связь с организациями итальянских эмигрантов во Франции, обещавших им свое содействие.

[199] *D. Spadoni*. Op. cit., p. 187—188, 249, 254.
[200] *G. Quazza*. Op. cit., p. 156.

Восстание было назначено на 5 февраля 1831 г., однако герцог Модены (долгое время потворствовавший заговорщикам в надежде использовать движение для распространения своей власти на соседние государства) опередил конспираторов и за день до назначенного срока арестовал Чиро Менотти и более 40 руководителей заговора. Тем не менее патриоты восстали в Модене, объявили о низложении Франческо IV, покинувшего свои владения, и образовали временное правительство. Одновременно с этими событиями вспыхнуло восстание в Болонье, охватившее затем бо́льшую часть Папского государства. Власти обнаружили полное бессилие и не оказали никакого сопротивления. Повсюду буржуа и дворяне создавали временные органы власти и гражданскую гвардию. Городские низы отнеслись сочувственно к революции, а попытки папского правительства поднять крестьян против новых властей не увенчались успехом[201].

10 февраля началось восстание в Парме, заставившее герцогиню Марию Луизу вскоре покинуть страну. Во временных правительствах, образованных кроме Модены в Парме и Болонье, возобладали крайне умеренные элементы (как, например, глава болонского правительства 60-летний Д. Вичини), в прошлом деятели Циспаданской и Цизальпинской республик и Итальянского королевства, чье сознание было пропитано духом приспособленчества и постепенности. Эти люди с узким политическим кругозором, боявшиеся революции и пришедшие к власти под давлением обстоятельств, не обладали должной решимостью и волей к расширению революции и ее защите. Они отказались, в частности, поддержать предложение полковника Серконьяни (бывшего офицера неаполитанской армии, смелые и энергичные действия которого во многом содействовали распространению восстания на Марке и Умбрию) о походе на Рим, опасаясь иностранной интервенции. Однако под давлением наиболее решительных групп патриотов болонское правительство объявило о лишении папы светской власти на восставших территориях и о выборах в народный представительный орган.

Свои усилия правительство направило на устранение препятствий, тормозивших развитие буржуазных отношений, ориентируясь при этом на восстановление экономических и юридических порядков наполеоновской эпохи, отмененных в начале Реставрации. Представители буржуазных и либеральных дворянских кругов Феррары, Романьи, Марке и Умбрии, собравшиеся в марте на ассамблею в Болонье, приняли решение об избрании Учредительного собрания и о слиянии всех восставших провинций в единое государство — «Объединенные итальянские провинции». Проведя эти важные меры в политической и государственной сфере, либераль-

[201] *Д. Канделоро.* Указ. соч., т. 2, стр. 144.

ные руководители нового государства проявили крайнюю вялость в организации его обороны. Они обнаружили также ограниченность своих революционных и национальных устремлений, отказавшись поддержать восставших в Парме и Модене, в иллюзорной надежде, что такое соблюдение принципа «невмешательства» сможет убедить Австрию отказаться от вторжения в Объединенные провинции. Вера этих деятелей в помощь Франции оказалась также необоснованной. Когда австрийская армия, преодолев сопротивление малочисленных пармско-моденских отрядов под командованием генерала Карло Цукки, заняла герцогства и вторглась на территорию Объединенных провинций, войска последних не смогли организовать эффективной обороны. 20 марта пала Болонья, а 26 марта правительство Объединенных провинций капитулировало. Так закончилась революция, оказавшаяся обреченной на неудачу не только потому, что она не получила поддержки других частей страны, но и вследствие тактики пассивного выжидания, ставшей основным принципом тех либералов старшего поколения, которые, возглавляя правительство, сорвали попытки вооруженного сопротивления.

Несмотря на непродолжительность и столь бесславный финал, революция 1831 г. выявила — в сравнении с революциями 1820—1821 гг. — ряд новых черт, отражавших не только специфику социально-политических условий Центральной Италии, но и те тенденции, которые постепенно пробивали себе дорогу в национально-освободительном движении. Важная особенность революционных событий 1831 г. состояла в том, что решающую роль в них сыграли вооруженные группы гражданского населения, между тем как армия оставалась на заднем плане. В ходе революции ее участники, прежде всего в Папском государстве, отвергли основную политическую установку буржуазно-дворянских революционеров первых лет Реставрации, надеявшихся добиться соглашения с монархией на базе конституции. С низложением Франческо IV в Модене и лишением папы римского светской власти в большей части его владений была сделана — впервые в истории национально-освободительного движения в Италии — попытка ликвидации реакционных монархических режимов, предпринятая итальянскими революционерами собственными силами и по собственной инициативе, без давления или поддержки извне. Наконец, был намечен новый демократический метод решения вопроса о государственно-политическом устройстве путем созыва Учредительного собрания.

Революция в Центральной Италии, третья по счету революция, пережитая страной за одно десятилетие, наглядно показала, что не было ни одной части Италии, которая оставалась бы в стороне от освободительной борьбы. Вместе с тем революция 1831 г. завершала собой целый этап национального движения. Ее поражение оз-

начало крах старых методов заговорщического движения и развенчало в глазах многих патриотов стратегию сотрудничества с монархами как средства буржуазно-конституционных преобразований и достижения национальной независимости.

Новый этап национально-освободительного движения. Мадзини и «Молодая Италия»

Поражение революционного движения в Центральной Италии вызвало резкое падение престижа общества карбонариев и отлив из его рядов многих приверженцев. Неудачи карбонаризма продемонстрировали порочность его заговорщической тактики и узко сектантских форм организации. Строгая засекреченность целей высших степеней и их изолированность от основной массы членов карбонарской организации вызывали глубокий разрыв между конечными целями общества карбонариев и задачами его повседневной практической деятельности, склонявшейся к политическому приспособленчеству. Сама сектантская организация тайных обществ становилась преградой для демократического развития [202]. Разочарование в карбонаризме широко распространилось среди патриотов, связанных с конспиративным движением, поскольку ставка карбонариев на либерально-конституционные преобразования в рамках отдельных монархических государств явно обнаружила свою несостоятельность. Среди участников революционного движения зрела мысль о необходимости новых форм и методов борьбы. Одновременно возникла настоятельная потребность в новой четкой программе национально-освободительного движения.

Монархическая ориентация итальянской буржуазии, которой она придерживалась как в наполеоновский период, так и в годы Реставрации, не принесла практических результатов: надежды на установление конституционных режимов и сотрудничество на их основе с государями не оправдались. Опыт показал, что в пределах отдельных государств либеральное и освободительное движение, не обладая достаточной силой, лишено шансов на успех. Это обстоятельство рождало мысль о необходимости объединения революционных и патриотических сил на всем полуострове и выдвигало на первый план идею борьбы за единую, независимую Италию.

Важным симптомом приближавшегося обновления итальянского демократического и национального движения явилось усиление республиканских и унитаристских настроений в среде итальянской политической эмиграции во Франции. В начале 1831 г. в руководящей

202 *Д. Берти.* Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М., 1959, стр. 416.

группе итальянских эмигрантов в Париже победило республиканское направление. В марте того же года патриарх итальянского подпольного движения Ф. Буонарроти в выпущенной им брошюре энергично высказался за единую итальянскую республику, отдавая ей предпочтение перед федеративным устройством [203]. Примерно в то же время автор другой брошюры Доменико Николаи отстаивал принципы независимости, единства и свободы Италии [204]. В трактате «О национальной повстанческой войне» (изданном также во Франции, в Марселе [205]) итальянский патриот Карло Бьянко ди Сен-Жорио, участник революций в Пьемонте в 1821 г. и в Испании (где он находился в 1822—1823 гг.), пропагандировал опыт народной партизанской войны, накопленный в Испании. Среди эмигрантов распространялись и другие издания, в которых формулировалась идея необходимости придать национальному движению общеитальянский характер.

Поражения карбонаризма и перелом в политических настроениях итальянской эмиграции создали почву для того поворота в национально-освободительном движении, которой был связан с деятельностью Джузеппе Мадзини.

Мадзини родился в 1805 г. в Генуе в семье врача Джакомо Мадзини, в прошлом политического деятеля Лигурийской республики. Окончив юридическое отделение Генуэзского университета, Джузеппе Мадзини некоторое время сотрудничал как литературный критик в журналах Генуи, Ливорно и Флоренции («Индикаторе дженовезе», «Индикаторе ливорнезе» и «Антолоджиа»). В своих статьях молодой Мадзини ратовал за новую демократическую литературу, проникнутую гражданскими мотивами, и утверждал, что предпосылкой появления подобной литературы является объединение всех итальянцев в единую нацию [206]. Таким образом, литературоведческие статьи Мадзини носили политическую окраску, что послужило одной из причин закрытия властями первых двух журналов.

Не удовлетворяясь литературно-публицистической деятельностью, Мадзини в 1827 г. вступил в местное общество карбонариев и вскоре стал играть в нем заметную роль. В конце 1830 г. в результате доноса Мадзини вместе с шестью другими карбонариями был заключен в Савонскую крепость. Освобожденный через два с половиной месяца из-за недостатка улик и поставленный перед выбором отказаться от всякой политической деятельности или

[203] *Д. Канделоро.* Указ. соч., т. 2, стр. 235—236.

[204] *A. Galante-Garrone.* Filippo Buonarroti e i rivoluzionari dell'Ottocento (1828—1837). Torino, 1951, p. 177.

[205] *G. Mastellone.* Mazzini e la Giovine Italia, v. 1. Pisa, 1960, p. 109—110.

[206] *Д. Канделоро.* Указ. соч., т. 2, стр. 239.

11. Джузеппе Мадзини в 1830 г.

отправиться в изгнание. Мадзини покинул родину и в феврале 1830 г. переехал в Швейцарию, а в апреле того же года обосновался в Марселе, во Франции, где находилось большое число итальянских эмигрантов. После поражения революции 1831 г. сюда прибыло более 250 изгнанников из герцогств и папских владений [207]. Опираясь на леводемократические и революционные элементы итальянской эмиграции в Марселе, Мадзини основал в этом городе летом 1831 г. подпольную революционную организацию «Моло-

[207] *G. Mastellone.* Op. cit., v. 1, p. 82.

дая Италия», которая, по мысли Мадзини, должна была стать единой общеитальянской революционной организацией и подчинить своему руководству сохранившиеся в Италии тайные общества. В одном из документов новой организации, написанном Мадзини в 1833 г., говорилось, что «Молодая Италия» преследует цель «объединить — в согласии с их руководителями или представителями — различные общества, действующие в Италии в различных формах, чтобы добиться Единства, Независимости и подлинной Свободы Родины» [208]. В статьях и программных документах «Молодой Италии», относящихся к 1831—1832 гг., Мадзини сформулировал программу новой организации, на основе которой предполагалось объединить действия большинства участников итальянского национально-освободительного движения.

Главным пунктом программы, выдвинутой Мадзини и «Молодой Италией», было требование создания единой Италии (unità) как обязательного условия для разрешения всех остальных задач национального движения. Мадзини непрестанно подчеркивал, что без объединения страны нельзя добиться ни независимости, ни свободы; без единства Италия не может существовать как суверенная и свободная нация, сплочение же итальянцев в нацию Мадзини считал возможным только в результате объединения страны. При этом он доказывал, что само объединение Италии возможно лишь в форме единого, унитарного, общенационального итальянского государства, и решительно отвергал — как неосуществимый или вредный для национального дела — всякий иной вариант объединения (например, федерализм — как в республиканской, так и в монархической форме).

Создание независимой единой Италии, единой нации и единого государства со столицей в Риме 26-летний руководитель нового поколения итальянских революционеров выдвинул в качестве высшей и доминирующей цели патриотического движения. Как показали события последующих десятилетий, сформулированный Мадзини тезис верно отражал тенденции исторического развития Италии и потому имел глубоко прогрессивный и революционный характер. С выдвижением мадзинистской программы был сделан исключительно важный шаг вперед в национально-освободительном движении, поскольку Мадзини показал, что судьба итальянцев как нации зависит от объединения страны. Следовательно, борьба за воссоединение Италии трактовалась как проблема по существу своему национальная. Мадзини неустанно выступал против партикуляризма и призывал итальянцев подчинять местные муниципалистские интересы общенациональным. «Отбросьте всякую провинциальную идею, — писал он, — отвергайте провинциальные предрас-

[208] *G. Mazzini*. Scritti editi ed inediti, v. 2. Imola, 1906, p. 297.

судки, будьте не пьемонтцами, не тосканцами, не романьольцами — будьте итальянцами» [209]. Только общенациональная борьба за единую Италию — «от Альп и до Сицилии» — может увенчаться успешным решением проблемы национальной независимости.

Мадзини осознал также, что ликвидация государственной раздробленности является обязательным условием для нормального экономического развития страны. Объединение должно было ликвидировать восемь различных денежных систем, восемь систем мер и веса, восемь различных гражданских, торговых и уголовных узаконений, восемь основных таможенных границ и бесчисленное число других преград, которые разделяют «материальные интересы», препятствуют «прогрессу и затрудняют всякий рост производства, всякую широкую торговую деятельность» [210]. Таким образом, выдвигая лозунг единства как первоочередной проблемы национального развития Италии, Мадзини обосновывал его и потребностями итальянской буржуазии в создании единого внутреннего рынка.

Наряду с лозунгом единства и национальной независимости важнейшей частью программы «Молодой Италии» стало требование установления республики. Мадзини, в значительной степени под влиянием Буонарроти и французского республиканского движения [211], возродил итальянскую республиканскую традицию. Его пропагандистская деятельность вызвала новый подъем республиканского движения в Италии и расширение его рядов. Лозунг единой итальянской республики, противопоставляемый поссибилистской конституционно-монархической программе карбонариев и либералов, содержал в себе призыв к свержению реакционных монархических режимов и политическому обновлению страны. Ту же цель преследовали и требования других буржуазно-демократических преобразований (например, введения гражданского равенства перед законом, политических свобод, всеобщего бесцензового избирательного права). Эти преобразования, по мнению Мадзини, должно было провести в жизнь Национальное собрание, избранное после освобождения Италии от австрийцев и их итальянских пособников.

Мадзини разработал также систему средств и методов борьбы с целью осуществления намеченной программы. Она включала в себя пропаганду («воспитание», по терминологии Мадзини), восстание, совершаемое «народом и для народа», партизанскую войну и революцию. Задача патриотов состоит в том, утверждал Мадзини, чтобы с помощью этих средств вовлечь в борьбу за освобождение

[209] Ibid., p. 68.
[210] Цит. по: «Il 1848. Quaderni di Rinascita», p. 82.
[211] *G. Mastellone*. Op. cit., v. 1, p. 312—318.

Италии от иностранных поработителей и ее объединение народ, массы.

Важное отличие «Молодой Италии» от карбонариев и других тайных обществ состояло в том, что впервые в итальянском национальном движении возглавленная Мадзини организация открыто сделала ставку на народ как главную и решающую силу национально-освободительной революции, которой, как неоднократно подчеркивал Мадзини, не удастся без поддержки народа преодолеть стоящие на ее пути серьезные препятствия. Настоятельная необходимость вовлечь народные массы в освободительное движение диктовалась, по мнению Мадзини, также тем, что патриотическое движение не могло рассчитывать на серьезную поддержку иностранных держав, в частности Франции. Поэтому Мадзини постоянно утверждал, что «народ не должен надеяться получить свободу из рук иностранных армий», что «Италия сможет освободиться собственными силами», причем освобождения можно добиться только с помощью народа [212].

Мадзини полагал, что народные массы удастся вовлечь в национальное движение, развязав партизанскую войну (ее идею он заимствовал из упоминавшегося трактата Карло Бьянко). Ссылаясь на опыт партизанского движения в Испании и России, где благодаря этому движению были побеждены «гений и армии Наполеона», Мадзини указывал на многие преимущества народной партизанской войны, считая, что она должна стать первой стадией войны национальной, а народные отряды — основой для национальной регулярной армии. Видя в народном партизанском движении «путь к спасению», Мадзини выдвинул лозунг всеобщего вооружения народа [213]. Только так можно будет одержать победу над Австрией — главным и могущественным врагом итальянской независимости и единства. Обращаясь к патриотам, Мадзини призывал их развернуть «беспощадную войну, могучую благодаря применению всех средств — от орудий до кинжала». «Поверните массы и молодежь против австрийцев,— писал он,— провозгласите крестовый поход против варвара, который грабит золото итальянцев, сосет их кровь, который лишает нас жизни, родины, имени, славы и имущества,— и нападайте первыми» [214].

В целом «Молодая Италия» обнаружила — по сравнению с карбонариями и либералами первой трети XIX в.— значительно более глубокое понимание задач, стоявших перед итальянским национально-освободительным движением. Руководимая Мадзини ор-

[212] *G. Mazzini*. Op. cit., v. 2, p. 52, 79.
[213] Ibid., v. 3, p. 231, 235.
[214] Ibid., v. 2, p. 176, 178.

ганизация поднялась до призыва к народному восстанию, сделав тем самым значительный шаг вперед по сравнению с ограниченными методами карбонариев. Мадзини призывал возложить надежды на движение низов, и это коренным образом отличало курс новой организации от тактики либеральной и умеренной буржуазии.

Но программа новой организации отличалась глубокой противоречивостью. Делая ставку на народ как на главную потенциальную силу в борьбе за освобождение и объединение страны, Мадзини в то же время опасался возможности перерастания национального движения в социальную, классовую борьбу низов. Признавая необходимость материально заинтересовать массы, чтобы привлечь их к национальной революции [215], Мадзини уклонился от постановки вопроса о перестройке социальных отношений в деревне в пользу крестьян путем ликвидации или хотя бы значительного ограничения крупной земельной собственности феодального происхождения. Подобная позиция не могла, естественно, содействовать сближению «Молодой Италии» с основной массой итальянского народа — крестьянством. Более того, спустя год после основания им этой организации Мадзини, желая успокоить тех, кого могли отпугнуть революционность и республиканизм его программы (т. е. дворянство и земельную буржуазию), писал: «Мы не хотим террора, возведенного в систему, не хотим ни аграрных законов, ни бесполезных насилий над индивидуальными способностями, ни узурпаций собственности» [216].

Боясь оттолкнуть от себя либеральные слои дворянства и связанную с земельными интересами буржуазию, Мадзини и его организация в сущности игнорировали интересы итальянских крестьянских масс. Применительно к интересам низов программа «Молодой Италии» предусматривала только некоторые поверхностные реформы: сокращение косвенных налогов, удешевление продуктов первой необходимости, ликвидацию стеснений для мелкой торговли; эти реформы могли лишь несколько облегчить положение преимущественно городских масс, ремесленников, и именно на них в дальнейшем и предпочитал опираться Мадзини.

Выдвигая новую революционно-буржуазную и демократическую программу борьбы за объединение страны, Мадзини облек ее в религиозно-этическую форму. Учитывая повышенную религиозность народных масс Италии, особенно крестьянства, он стремился использовать религию как орудие национального движения, как средство привлечения к нему народных низов. Религиозно-этическая концепция Мадзини была призвана освящать борьбу за воссоединение Италии, провозглашая участие в этом движении как

[215] Ibid., v. 2, p. 177, 197—198.
[216] «La Giovane Italia». Marsiglia, 1832, fasc. 3, p. 114.

священный, религиозный долг каждого итальянца, поскольку необходимость объединения страны, согласно концепции Мадзини, вытекала из веления бога. «Существует всеобщая вера в бога,— писал он,— существует универсальная потребность в идее, в центре, в едином принципе, в котором заключались бы нормы поведения... Будем сами управлять этой идеей, этим символом объединения: представим бога творцом свободы, равенства, прогресса»[217]. Взывая к религиозным чувствам низов, Мадзини предполагал таким путем вырвать массы из-под влияния католической церкви и утвердить среди них влияние революционной демократии. Свою религию долга Мадзини надеялся донести до народных масс с помощью выдвинутого им лозунга «Бог и народ». С годами все более отчетливо выступала также социально-политическая предназначенность религиозно-этической системы Мадзини как суррогата широких требований в социальном вопросе (особенно в крестьянском). Постоянно призывая патриотов опереться на «народ», декларируя необходимость духовного и социального возрождения народных масс, Мадзини не мог указать, однако, реальных путей решения этой задачи, наивно полагая, что политическое объединение Италии само по себе создаст необходимые условия для радикального изменения жизни низов.

И все же, несмотря на все слабости мадзинистской идеологии, несмотря на неопределенность ее социальных устремлений и религиозно-мистический налет, создание «Молодой Италии» дало сильный толчок национальному движению и знаменовало собой оформление его левого буржуазно-демократического и революционного направления. Вокруг организации Мадзини стали группироваться самые передовые круги итальянского общества тех лет, увидевшие в выдвинутой Мадзини программе четкий план практической деятельности и надежный и ясный идейный ориентир.

Начиная со второй половины 1831 г. и в течение 1832—1833 гг. усилия Мадзини и группы его ближайших соратников и друзей были направлены на то, чтобы распространить на полуострове влияние «Молодой Италии» и создать сеть ее организаций. Руководители общества попытались объединить разобщенные силы итальянских патриотов и революционеров — сторонников единства и независимости — в единой политической организации, свободной от сложной иерархической структуры общества карбонариев. Отбросив масонско-карбонарскую систему степеней и мистико-символическую мишуру ритуалов, Мадзини постарался упростить и демократизировать внутреннее строение нового общества. «Молодую Италию» возглавляла Центральная конгрегация, в которую вошли Мадзини и связанные с ним тесной дружбой Джанбаттиста Руф-

[217] *G. Mazzini*. Op. cit., v. 3, p. 3—7.

фини, Луиджи Мелегари и Карло Бьянко ди Сен-Жорио. В провинциях создавались провинциальные конгрегации, а в небольших городах и селениях налаживание деятельности общества возлагалось на организатора (ordinatore), руководившего местными ячейками. Все члены общества знакомились с его уставом (написанным Мадзини), открыто излагавшим принципы и цели «Молодой Италии», а вступавшие в организацию давали клятву посвятить себя «отныне и навсегда» борьбе за единую, независимую, и свободную Италию, за создание итальянской нации и приобщение итальянцев к целям общества.

Становление «Молодой Италии» началось в Генуе, где Мадзини и его ближайшие помощники имели более широкие и прочные связи. Здесь главой организации стал врач Якопо Руффини. Благодаря активной деятельности Якопо и его братьев Джованни и Агостино Руффини, а также Федерико Кампанелла, Элиа Бенса и других ряды «Молодой Италии» в Генуе быстро росли. Сеть организаций мадзинистского общества охватила многие города Пьемонта. Мадзини сосредоточил усилия на подготовке революционного выступления именно в этом государстве, так как считал, что победа восстания в Пьемонте превратит его (благодаря переходу армии на сторону патриотов) в плацдарм общеитальянской революции и создаст условия для успешного восстания в Ломбардии, Центральной и Южной Италии [218].

«Молодой Италии» удалось проникнуть также в Ломбардо-Венецианскую область. В Ломбардии особенно активными сторонниками Мадзини стали глава миланского механического предприятия Витоле Альбера, участвовавший в заговоре 1821 г., миланский фабрикант фарфора Луиджи Тинелли и маркиз Гаспаре Розалис [219]. Помимо Милана, ячейки общества возникли в Брешии, Павии, Кремоне, Вероне, Лекко и других городах, а также в Тоскане и во всех провинциях Папского государства, где деятельностью местных отделений «Молодой Италии» руководила центральная конгрегация в Риме. В целом в течение 1831—1833 гг. «Молодая Италия» получила значительное распространение в Северной и Центральной Италии. Попытки же Мадзини распространить влияние общества на патриотическое движение в Неаполитанском королевстве, насколько известно, не увенчались успехом, натолкнувшись на противодействие сложившихся здесь неокарбонарских по своему характеру тайных организаций [220], которым удалось сохранить доминирующие позиции.

[218] *R. Romeo.* Op. cit., p. 49.

[219] *C. Tivaroni.* L'Italia durante il dominio austriaco, v. I. Milano, 1922, p. 390; *I. Raulich.* Storia del Risorgimento politico d'Italia, v. 2. Bologna, 1922, p. 191.

[220] *Д. Берти.* Демократы и социалисты в период Рисорджименто, стр. 193.

Вскоре после своего основания «Молодая Италия» приступила к пропаганде новых лозунгов, выдвинутых Мадзини. В брошюрах, листовках и других изданиях, которые распространялись среди итальянских изгнанников во Франции и Швейцарии и тайно ввозились оттуда на полуостров, содержался горячий призыв к борьбе за единство, независимость и свободу Италии. Эта пропаганда, принявшая значительный размах, явилась чрезвычайно важным вкладом «Молодой Италии» в развитие национально-освободительного движения.

Большая заслуга в популяризации и быстром распространении идей новой организации принадлежала самому Мадзини, написавшему все программные документы «Молодой Италии», а также огромное количество статей и воззваний. Уже в 30-е годы Мадзини благодаря своей исключительной духовной энергии, бескорыстию, идейной убежденности и горячей преданности делу освобождения Италии быстро выдвинулся среди итальянских патриотов, завоевал доверие и огромный моральный авторитет и увлек многих своей непоколебимой верой в конечную победу освободительной борьбы. Статьи Мадзини, написанные в приподнятом романтическом духе, пронизанные страстной эмоциональностью, будили мысль и чувства тысяч итальянцев. Выдвинутая Мадзини программа стала известна в начале 30-х годов во всей Италии и оказала глубокое воздействие на национальное самосознание целого поколения итальянцев — интеллигенцию, мелкую и среднюю буржуазию, часть ремесленников, либеральные дворянские круги, молодежь и вообще образованных людей итальянского общества, даже если большинство из них так и не стало активными мадзинистами.

В виде отдельных брошюр были изданы и распространялись на полуострове некоторые основные документы «Молодой Италии», а с марта 1832 г. стал выходить в Марселе и тайно переправляться в итальянские государства печатный орган организации, также носивший название «Молодая Италия». В Ломбардии распространялся, кроме того, небольшой журнал «Трибун», который редактировали уже упоминавшиеся миланские предприниматели Тинелли и Альбера. Статьи в этом издании были написаны простым языком, чтобы сделать их доступными для низов (сам Альбера вел пропаганду среди рабочих своего предприятия)[221]. Той же цели распространения влияния «Молодой Италии» среди низов служила серия брошюр, проповедовавших патриотические идеи простым разговорным языком, часто в виде диалога. В 1833 г. были изданы брошюры: «Народное просвещение. Хозяин и управляющий»,

[221] *L. Cantu.* Della indipendenza italiana. Cronistoria, v. 1, p. 360; *C. Tivaroni.* Op. cit., p. 431; *A. Ferrari.* L'Italia durante l'restaurazione (1815—1849). Firenze — Roma, 1935, p. 192.

«Коммерсант и возчик», «Конституция. Диалог между землевладельцем и испольщиком» и др. [222]

В целом, однако, пропаганда «Молодой Италии» велась ее сторонниками в городах, главным образом среди образованных людей, интеллигенции, в армии и лишь в незначительных размерах среди городских низов. В деревню проникнуть мадзинисты не смогли. Поэтому деятельность «Молодой Италии», связанная с организацией всеобщего восстания под мадзинистским знаменем, принесла еще менее значительные результаты, чем карбонарские революции 1820—1821 и 1831 гг. Так как организация Мадзини не имела широкой опоры среди низов, подготовка к восстанию должна была неизбежно принять характер заговора и привести лишь к узкому, локальному движению. Подготовленные Мадзини и его сторонниками выступления оканчивались провалом также потому, что сам Мадзини придерживался ошибочной тактики, считая, что будет достаточно вдохновляющего примера небольшой группы патриотов, чтобы низы в любой момент поднялись на борьбу против Австрии и местных деспотических правительств.

Весной 1833 г. власти раскрыли заговор «Молодой Италии» в Пьемонте, где было арестовано около 70 человек; почти 200 заговорщикам удалось бежать за границу. Вскоре последовала жестокая расправа над патриотами в Алессандрии, Генуе и Шамбери, где власти, с согласия вступившего в 1831 г. на сардинский престол Карла Альберта, расстреляли 12 участников мадзинистского заговора; десятки других были брошены в тюрьмы, а также заочно приговорены к смертной казни (в числе их сам Мадзини, Джованни и Агостино Руффини). Полной неудачей окончилась также предпринятая Мадзини в следующем, 1834 г. попытка поднять восстание в Савойе, куда из Франции в начале февраля 1834 г. вступил отряд из 200 итальянских добровольцев-эмигрантов. Не получив никакой поддержки от местного населения, патриоты после перестрелки с полицией вынуждены были вернуться на французскую территорию. Не удалось поднять восстание и в Генуе, которое приурочивалось к началу Савойской экспедиции. Предупредив действия заговорщиков, власти сорвали намечавшееся выступление, в подготовке которого принимал участие 26-летний Джузеппе Гарибальди, годом ранее примкнувший к «Молодой Италии». Гарибальди удалось избежать ареста, скрыться из Генуи и перебраться во Францию.

Этот первый опыт участия Гарибальди в революционном движении стоил ему заочного приговора к смертной казни, вынесенного пьемонтскими властями.

[222] *A. Monti.* Mazzini sconosciuto e figure dell'epoca mazziniana. Milano, 1945, p. 91; *G. Mastellone.* Op. cit., v. 1, p. 241.

В скором времени мадзинистские организации подверглись репрессиям также в Ломбардо-Венецианской области и Тоскане, где были приговорены к тюремному заключению десятки сторонников «Молодой Италии». В 1836 г. состоялся суд над группой мадзинистов в Риме [223].

Провал заговоров, организованных сторонниками Мадзини в 1833—1834 гг., когда в Италии не было признаков революционного кризиса, нанес сильный удар еще недостаточно окрепшей «Молодой Италии». Ее руководящее звено в итальянских государствах было обескровлено репрессиями. Неудача была столь явной, что Мадзини пришлось отказаться от мысли организовать новое восстание по крайней мере в ближайшие годы. К тому же преследования французских и швейцарских властей крайне затруднили политическую деятельность итальянских эмигрантов. «Молодая Италия» временно прекратила свое существование как самостоятельная политическая организация.

Таким образом, период, в продолжение которого республиканско-демократические силы освободительного движения удерживали инициативу, оказался очень коротким и не принес ощутимых практических результатов. Тем не менее деятельность Мадзини способствовала радикализации взглядов значительной части интеллигенции и мелкой буржуазии и позволила подняться национальному движению на более высокую ступень в идейном плане благодаря выдвижению самой передовой для того времени концепции итальянской национально-освободительной революции. Мадзини придал идеям демократии более национальный характер, связав их с историческими условиями и традициями Италии, что и привело к широкому распространению мадзинистских лозунгов и позволило создать первое общенациональное демократическое движение [224].

Преследования французских и швейцарских властей заставили Мадзини переехать в Англию. Тяжелый духовный и нравственный кризис, вызванный у него неудачами «Молодой Италии» и гибелью многих ее сторонников, вынудил Мадзини временно отказаться от активной борьбы. Однако весной 1840 г., преодолев сомнения и колебания, Мадзини объявил о восстановлении «Молодой Италии» и возобновил пропагандистскую и организационную работу. Стремясь расширить массовую базу демократов, он решил привлечь к национальному движению итальянских рабочих. С этой целью Мадзини основал в начале 1840 г. «Союз итальянских рабочих» и стал выпускать газету «Апостолато пополаре». Его сторонники приступили к пропаганде национальных идей среди итальянских рабочих

[223] *C. Cantu*. Op. cit., v. 2, p. 336.

[224] *Р. Ромео*. Послевоенная итальянская историография, В кн.: «Проблемы советско-итальянской историографии». М., 1966.

в Лондоне, Марселе, Лионе, Брюсселе и в Швейцарии. В Лондоне, Нью-Йорке и Бостоне были основаны бесплатные школы для обучения итальянских рабочих и их детей. В лондонской школе, где преподавал Мадзини, обучалось свыше 200 человек[225]. Газета «Апостолато пополаре», а также листки «Пеллегрино» и «Эдукационе» распространялись среди итальянских рабочих за границей и в самой Италии. Мадзини первый среди итальянских демократов осознал потенциальную силу возникавшего пролетариата; призывая итальянских рабочих к политической организации, он хотел одновременно подчинить их руководству буржуазной демократии. В эти годы Мадзини убеждал буржуазию добровольно пойти на улучшение условий труда и материального положения рабочих, чтобы тем самым устранить возможность классовых революционных выступлений пролетариата и не допустить влияния на него социалистических и коммунистических идей. Вместе с тем стремление Мадзини вовлечь в борьбу за воссоединение Италии нарождавшийся итальянский пролетариат явилось отражением в идейном и политическом плане тех изменений, которые происходили в экономической и классовой структуре Италии в 20—40-е годы XIX в.

Экономическое и социальное развитие Италии в 20—40-е годы

Несмотря на прогрессивные социально-экономические преобразования, осуществленные в революционный период 90-х годов XVIII в. и в эпоху наполеоновского господства, Италия оставалась в первой половине XIX в. отсталой сельскохозяйственной страной, стоявшей по уровню своего экономического и общественного развития далеко позади передовых государств Европы. Глубокие феодальные пережитки по-прежнему были присущи экономике большей части страны. Крестьянство, т. е. основная масса населения Италии, оставалось безземельным или малоземельным и подвергалось в значительной мере полуфеодальной эксплуатации.

Хотя пережитки феодализма и политика реакционных монархических режимов сильно тормозили развитие производства и торговли, в Италии с первой половины 20-х годов начинается экономический подъем, ускорившийся в некоторых районах в 30—40-е годы (в связи с общей благоприятной конъюнктурой в Европе), в результате чего итальянская экономика к середине XIX в. добилась существенных успехов.

Важнейшей чертой этого подъема было более широкое внедрение капиталистических отношений как в промышленность, так и в

[225] *I. Raulich.* Op. cit., v. 2, p. 322.

сельское хозяйство. Капиталистический уклад формировался во всех частях страны, но наиболее значительные размеры он приобрел в Северной Италии. Здесь, в равнинных районах Ломбардии и Пьемонта, доминирующее место в сельскохозяйственном производстве стала завоевывать крупная капиталистическая аренда. В арендуемых поместьях, принадлежавших дворянам и городской буржуазии, капиталисты-предприниматели заводили интенсивное, часто многоотраслевое хозяйство, требовавшее больших капиталовложений (в 1844 г. эти капиталовложения составляли на капиталистических фермах в среднем 40 тыс. лир на каждые 100 га)[226]. В таких хозяйствах производилась тщательная обработка почвы с учетом агрономических требований и применялись более совершенные сельскохозяйственные орудия. Работы производились батраками, причем наряду с крестьянами-поденщиками уже существовал и слой постоянных рабочих, т. е. зародился сельскохозяйственный пролетариат.

На протяжении 20-х и особенно в 30—40-х годах сельское хозяйство на Севере страны находилось в состоянии медленного, но непрерывного подъема, вызванного постепенным расширением внутреннего рынка в связи с усилившимся в этот период развитием промышленности, но особенно — возросшим спросом за границей на некоторые продукты сельского хозяйства, прежде всего на шелк-сырец. Производство шелка-сырца выросло в Ломбардии и Венеции с 1 млн. 860 тыс. фунтов в 1800 г. до 2 млн. 900 тыс. фунтов в 1815 и до 4 млн. 710 тыс. фунтов в 1841 г.[227], а в Пьемонте — с 625 тыс. фунтов в конце XVIII в. до 1,5 млн. фунтов в 1840 г.[228] Площади под шелковицей стали быстро расти, особенно с 30-х годов. Дух буржуазного предпринимательства охватывал все большее число земельных буржуа и обуржуазившихся дворян. Начинается усиленное осушение болот и освоение пустошей, увеличиваются вырубки леса. За период с 1796 по 1838 г. в Миланской провинции площадь обрабатываемых земель выросла на 31% за счет приспособления под посадки сельскохозяйственных культур десятков тысяч гектаров ранее не возделанных угодий (пустошей, болот и лесов)[229]. В 1830 г. один буржуазный публицист, обозревая успехи сельского хозяйства Ломбардии, писал с удовлетворением: «Сельское хозяйство не могло прогрессировать в то время, когда бóльшая часть земли находилась во владении привилегированных

[226] *K. G. Greenfield*. Economics and liberalism in the Risorgimento. A study of nationalism in Lombardiy. 1814—1848. Baltimore, 1937, p. 7.

[227] Ibid., p. 42.

[228] *C. Barbagallo*. Op. cit., v. 2, p. 254

[229] Подсчитано по *M. Romani*. L'agricoltura in Lombardia dal periodo delle riforme al 1859. Milano (1957), p. 35.

лиц. Частная собственность и свободная конкуренция заставят исчезнуть все убогие пустыни»[230]. Сельское хозяйство Ломбардии постепенно приобретало торговый характер, показателем чего явилось выделение районов, специализирующихся на производстве определенных видов сельскохозяйственной продукции — шелка-сырца, пшеницы, риса, кормов и молочных продуктов.

Успешно развивавшееся сельское хозяйство питало своими соками промышленность Севера. В ней еще преобладала рассеянная мануфактура, в деревнях, наряду с широко распространенной домашней промышленностью десятки тысяч крестьян работали у себя дома на капиталистов и купцов-предпринимателей. Однако в первой половине XIX в. промышленное производство характеризуется рядом новых черт и качественных сдвигов. Помимо общего роста производимой продукции и увеличения численности предприятий, ускоряется процесс отделения промышленного производства от земледелия, возникают новые отрасли производства, растет число централизованных мануфактур, вводятся технические усовершенствования и расширяется применение станков, так что 30—40-е годы ознаменовались первыми шагами промышленного переворота в Ломбардии и Пьемонте.

Промышленный переворот развивался прежде всего в текстильном производстве, представлявшем основу промышленности тех лет. Особенно заметный прогресс промышленности наблюдался в производстве шелка. Расширение плантаций шелковицы и возросший сбор шелковых коконов сопровождались значительным увеличением числа шелкопрядилен и мастерских для разматывания и кручения шелка. Прогрессировало шелкоткачество. Если в 1816 г. на миланских шелкоткацких мануфактурах насчитывалось не более 500 станков, то в 1844 г. их было уже 4 тыс.[231] Из-за границы во все увеличивающемся количестве стали ввозить механические станки. Например, стоимость машин, ввезенных в Ломбардию из Англии, выросла с 929 фунтов в 1825 г. до 5704 фунтов в 1827 г.[232]

Свидетельством растущего спроса на техническое оборудование явилось возникновение местного производства машин. В 1825 г. в Милане была основана первая механическая мастерская, выпускавшая жаккардовские станки. Она быстро расширила производство и вскоре уже снабжала ткацкими станками и другим оборудованием не только ломбардских промышленников, но и вывозила машины в другие части Италии[233]. В 1836 г. в Милане возникло крупное предприятие по производству разных видов прядильных машин.

230 Цит. по: *K. G. Greenfield.* Op. cit., p. 43.

231 Ibid., p. 29.

232 Ibid., p. 136.

233 *R. Morandi.* Storia della grande industria in Italia. Bari, 1934, p. 62.

Быстро росло применение машин в такой новой отрасли, как хлопчатобумажное производство. В 1840 г. в Ломбардии насчитывалось уже 35 бумагопрядилен (против 2 в наполеоновский период), на которых было занято 3810 рабочих[234]. Укреплялось металлургическое производство. В Пьемонте в этой отрасли выделялась фирма Тэйлора и Пранди, на основе которой в 1843 г. возникла компания Ансальдо. К 1848 г. на металлургических и механических предприятиях и в мастерских Пьемонта работало свыше 9 тыс. человек[235].

Зарождавшийся промышленный пролетариат был еще очень слаб и немногочислен. Основную массу городского трудящегося населения составляли ремесленники, подмастерья, рабочие мелких мастерских. Начавшийся промышленный переворот вызвал широкое применение детского труда, который оплачивался в 2—3 раза ниже труда мужчин. В 1840 г. в Ломбардии в различных отраслях производства было занято около 38 тыс. детей[236].

Значительный рост сельского хозяйства и промышленности в 30—40-х годах на Севере страны, упрочение капиталистических отношений и связей с внешними рынками повлекли за собой укрепление земельной, промышленной и торговой буржуазии и умножение ее рядов. Они пополнялись за счет владельцев новых мануфактур, мастерских и торговых контор, за счет увеличения числа скупщиков сельскохозяйственного сырья (особенно шелка). Значительные перемены происходили также в среде ломбардского и пьемонтского дворянства. Наряду с оскудением многих аристократических семей и дроблением дворянской собственности шел процесс приспособления значительной части дворянства к новым буржуазным условиям.

Усилившееся капиталистическое развитие затронуло немалое число дворян, вызвало изменение в их образе жизни и настроениях. Праздность сменилась кипучей деятельностью: такие дворяне перестраивали свои имения на буржуазный лад, занимались интенсификацией земледелия, расширяли плантации шелковицы, открывали собственные шелкопрядильни, разводили породистый скот. Этот процесс обуржуазивания дворянства сближал его — на базе общих экономических интересов — прежде всего с земельной буржуазией и предпринимателями-аграриями, чьи доходы состояли из капиталистической прибыли. Жажда обогащения побуждала обе социальные группы расширять сельскохозяйственное производство, используя спрос растущей промышленности на сырье, а также увеличение потребности в итальянском шелке за границей.

234 *C. Vianello.* I presupposti economici del quarrantotto.— «Atti e memorie del XXVII congresso nazionali del Risorgimento». Milano, 1948, p. 754.

235 *G. Quazza.* Op. cit., p. 51.

236 *K Greenfield.* Op. cit., p. 142.

И земельная буржуазия, и вставшее на буржуазный путь дворянство в одинаковой мере эксплуатировали крестьян, испольщиков и батраков, что объединяло их в единый фронт против деревенских низов. Сближение буржуазии и дворянства происходило также благодаря тому, что владельцы капиталов все еще охотнее вкладывали их в землю, чем в промышленность. Эта тенденция проявлялась в продолжавшейся скупке земли буржуазией (в том числе торгово-промышленной) и в широком распространении ипотечных займов. Приток капиталов в сельское хозяйство, по-прежнему опережавший капиталовложения в промышленное производство, вызывался тем, что даже в такой наиболее развитой в промышленном отношении итальянской области, как Ломбардия, вложения в землю являлись более надежными и гарантировали постоянный и высокий доход, тогда как предпринимательская и торговая деятельность все еще была сопряжена с определенным риском из-за трудностей сбыта, вызывавшихся раздробленностью страны, густой сетью таможенных границ, плохим состоянием средств сообщения, узостью внутреннего рынка. Поэтому развивавшийся на Севере Италии капитализм носил преимущественно аграрный характер [237]. Кроме того, утверждение буржуазной собственности на землю и переплетение и взаимопроникновение экономических интересов торгово-промышленной и земельной буржуазии, а также значительной части обуржуазившегося дворянства вели к постепенному слиянию этих социальных слоев в единый аграрно-капиталистический блок, отличавшийся особенно сильной консолидацией в Ломбардии.

Крепнущая ломбардская буржуазия болезненно воспринимала политику национального угнетения, проводившуюся Австрией. Австрийские власти препятствовали развитию ломбардской обрабатывающей промышленности, особенно шелкоткацкой, стремясь оградить от конкуренции собственное производство. Поэтому основную массу шелковой продукции приходилось вывозить из Ломбардии и Венеции в виде шелка-сырца и шелковой пряжи, так как несмотря на численный рост шелкоткацких предприятий их было совершенно недостаточно для переработки производившегося в стране сырого шелка. Таможенная политика и система торговых отношений между Австрией и Ломбардо-Венецианской областью строилась таким образом, чтобы принести максимум выгоды австрийской экономике и помешать продвижению итальянской промышленной продукции на австрийский рынок. Австрийское экономическое «покровительство» (как официально именовалась экономическая политика австрийских властей в итальянских владениях) прояв-

[237] *Д. Канделоро.* Указ. соч., т. 2, стр. 321.

лялось также в строгой регламентации и регулировании производства и торговли. Регламент 1834 г. требовал от хозяев мануфактур точной фиксации производственного процесса на предприятии, навязывая им мелочный контроль (касавшийся, например, толщины нити, способов обработки сырья, маршрута перевозки сырья и готового изделия, даты передачи сырья работнику-надомнику и возвращения им готовой продукции и др.)[238].

Австрия превратила Ломбардию и Венецию в объект непрерывного финансового грабежа. Ни из одной части империи не выкачивались такие суммы, как из итальянских владений; они давали имперской казне одну четверть всех ее доходов, хотя в Ломбардии и Венеции проживала лишь $^1/_7$ часть всего населения Австрийской империи. Денежные средства, вывозившиеся из Ломбардо-Венецианской области, непрерывно возрастали: с 33 млн. лир в 1818 г. они увеличились до 42 млн. лир в 1823 г., а в 1846 г. из одной только Ломбардии венская казна получила около 59 млн. лир, что составляло почти 75% всех доходов финансового ведомства Ломбардии[239].

Стеснения в экономической области, политическое бесправие и полицейский произвол австрийских властей вызывали острое недовольство среди собственнических слоев Ломбардии и Венеции. Поэтому буржуазия и либерально настроенные дворяне, заинтересованные в ликвидации раздробленности и иностранного господства, находились в постоянной оппозиции к австрийскому режиму, а наиболее решительные элементы из их рядов вступали на путь антиавстрийской борьбы.

В Центральной и Южной Италии, где феодальные пережитки были прочнее, чем в северных районах, капиталистические отношения развивались значительно медленнее. В Тоскане и Папском государстве преобладающим методом ведения хозяйства в деревне была испольщина, принявшая застывшую, окаменевшую форму. Кроме передачи землевладельцу половины произведенных продуктов, крестьяне должны были выполнять для него некоторые работы и делать ему по праздникам особые приношения (кур, каплунов, яйца). Испольный договор, строго фиксировавший раздел поровну произведенного продукта, лишал крестьянина всякой заинтересованности в улучшении почвы и дополнительных затратах труда, а землевладельца — в дополнительных капиталовложениях. Поэтому испольная система отличалась крайней отсталостью методов земледелия и вызывала застой в сельскохозяйственном производстве. Крестьянин-испольщик, вечно испытывавший не-

238 *C. Barbagallo.* Op. cit., v. 2, p. 249—250.

239 *Marchetti.* The economic revival of Italy. 1918, p. 10; *C. Vianello.* Op. cit., p. 752.

хватку денег, опутанный долгами землевладельцу, старался производить в своем хозяйстве все необходимое для семьи, что приводило к беспорядочному смешению разнообразных культур и препятствовало их специализации. В этом заключалась причина технической и экономической отсталости испольного хозяйства [240]. Частые голодовки, гнет налогов и ростовщичества, вечная нужда — таков был удел испольщика.

И все же, несмотря на крайнюю отсталость сельского хозяйства, чье развитие сковывали феодальные пережитки, буржуазные отношения в Папском государстве прокладывали себе путь именно в деревне. Становился более обширным слой земельной буржуазии и арендаторов, использующих капиталистические методы ведения хозяйства. Окрепла группа «деревенских купцов», многие из них сильно обогатились еще в годы революции и наполеоновского господства. Арендуя под пастбища большие массивы необрабатываемых земель в Агро-Романо, Умбрии и Лацио, деревенские купцы, обладавшие значительными капиталами, начинают заводить и собственные хозяйства, в которых чаще всего используют труд наемных сельскохозяйственных рабочих. Кроме деревенских купцов, земельная буржуазия пополнялась за счет так называемых фатто-ри (т. е. управляющих или арендаторов дворянских имений или церковных и монастырских земель), различного рода арендаторов-подрядчиков и «капорали» — вербовщиков наемных рабочих, а также разбогатевших крестьян, занимавшихся ростовщичеством и использовавших труд батраков [241].

Однако основная масса сельской буржуазии в Папском государстве не вводила никаких изменений в поземельные отношения, удовлетворяясь гарантированным доходом от испольщины и ростовщичества. Как и на Севере, интересы земельной буржуазии и собственников-дворян или церкви были очень близки. Наиболее богатые представители земельной буржуазии, особенно римской, со временем добивались дворянского звания и титулов (так произошло, например, с князем Торлония, предком которого был старьевщик, с герцогом Грациоли, происходившим от пекаря, и другими). Постепенно одворяниваясь, верхушка римской земельной буржуазии образовала прослойку денежного дворянства, или, как ее называли, финансовую аристократию. Вообще отличительной особенностью Папского государства было наличие — при крайне слабо развитой промышленности и торговле — значительной прослойки земельной буржуазии, обладавшей крупными капиталами, накопленными, в частности, благодаря распространенной в папских вла-

[240] *Э. Серени.* Развитие капитализма в итальянской деревне. М., 1954, стр. 191.
[241] *D. Demarco.* Il tramonto dello stato Pontificio. Il papato di Cregorio XVI. Roma, 1952, p. 38, 48, 116.

дениях системе подрядов, привилегий и монополий на производство и сбыт определенных промышленных товаров (в том числе металлических изделий), табака и соли. Однако эти капиталы не находили себе применения, так как господствовавшая правительственная система душила промышленную и торговую деятельность и предпринимательскую инициативу. Господствующие классы, прелаты и связанные с римской курией дворяне смотрели на промышленность и торговлю как на источник собственного обогащения. Одним из важнейших элементов правительственной политики, приносившей большие доходы казне, но парализовавшей промышленную деятельность и внешнюю торговлю, была запретительная таможенная и пошлинная система. Таможенный тариф 1830 г. был самым высоким в Европе (с ним мог соперничать только торговый тариф Королевства Обеих Сицилий). Он увеличивал пошлины на 336 видов товаров, из них на 217, производившихся на мануфактурах [242]. Дезорганизация финансов, царившая в государстве, также не содействовала экономическому прогрессу. Баланс не сводился десятилетиями. Государственный долг непрерывно возрастал; в 40-х годах правительство вынуждено было расходовать около трети своих доходов на уплату процентов по займам. Такая экономическая политика, делавшая крайне невыгодной торговлю и промышленную деятельность, побуждала буржуазию вкладывать капиталы в землю или городскую недвижимость. Но и на этом пути она наталкивалась на серьезные препятствия, ибо фидейкомиссы, майораты и право мертвой руки, восстановленные в южных и центральных провинциях Папского государства, делали неотчуждаемыми дворянские и церковные владения. Например, в Римской провинции на $^4/_5$ всей земельной площади распространялись запреты, связанные с правом мертвой руки или фидейкомиссами [243].

В целом буржуазные слои в Папском государстве, численно возросшие и окрепшие в течение первой половины XIX в., попрежнему находились в крайне стесненном положении, и их глубокое недовольство существующими порядками нарастало по мере того, как становилось все более очевидным, что политика папских властей обрекает экономику страны на деградацию и заводит всю общественную жизнь в тупик. Буржуазия, обладавшая землей и значительными капиталами, боролась против засилья церковников в правительстве и администрации и поддерживала патриотические и либеральные идеи.

На Юге Италии, в Королевстве Обеих Сицилий, развитие буржуазных отношений также сделало некоторые успехи в сельском

[242] *C. Barbagallo.* Op. cit., v. 2, p. 244.
[243] *D. Demarco.* Op. cit., p. 199.

хозяйстве и дало, хотя и очень слабый, толчок промышленному производству. В некоторых узких зонах, расположенных вблизи от моря, наметилась тенденция к вытеснению зерновых техническими культурами (оливками, виноградом, шелковицей), производившимися на экспорт. Вывоз оливкового масла увеличился со 173 тыс. квинталов в начале 20-х годов до 321 тыс. в 1836—1840 гг.[244] Одновременно происходило расширение посевных площадей под зерновыми культурами, однако этот процесс не сопровождался улучшением системы земледелия; в стране по-прежнему преобладали отсталые экстенсивные методы ведения зернового хозяйства, вызывавшие истощение почв и препятствовавшие росту урожайности.

Но даже в зонах с преобладанием технических культур буржуазия вкладывала в хозяйство очень небольшие капиталы, предпочитая путь усиленной эксплуатации крестьян и батраков. В целом же в королевстве, несмотря на преобразования наполеоновского периода и сокращение крупной собственности баронов, сохранялась — в большей мере, чем в других частях Италии,— полуфеодальная система поземельных отношений, которая из-за безземелья или малоземелья крестьян навязывалась им землевладельцами — как дворянами-латифундистами, так и «благородными». В десятилетия, последовавшие за реставрацией монархии Бурбонов, в среде экономически господствующих классов — как в континентальной части королевства, так и в Сицилии — обнаруживалась та же тенденция, что и в других частях Италии: тенденция к сближению и слиянию старых и новых землевладельцев в единую социальную группу; различия между отдельными ее прослойками постепенно отодвигались на задний план общностью классовых, имущественных интересов. Парцеллярной собственности крестьян, рожденной реформами наполеоновского периода, удалось устоять лишь в очень ограниченных районах, а новое широкое наступление, развернутое в 30—40-е годы дворянами и земельной буржуазией на оставшиеся во владении коммун общинные земли ухудшало и без того тяжелое положение южного крестьянства, лишенного теперь сервитутных прав.

Правительство Бурбонов, желая привлечь на свою сторону неаполитанскую буржуазию, провело после подавления революции 1820—1821 гг. резкое снижение таможенных тарифов, устранив препятствия для вывоза производимой в королевстве продукции. Эта мера вызвала ускорение промышленного развития в ряде отраслей, связанных с сельским хозяйством, прежде всего в производстве шелка-сырца, достигшем в 1835 г. 1,2 млн. фунтов (из них

[244] *Д. Канделоро.* Указ. соч., т. 2, стр. 373—374.

2/3 было вывезено в Южную и Северную Америку)[245]. В 30—40-х годах в Абруццах, Базиликате и Калабрии возникают шелкопрядильные и шерстяные мануфактуры, и некоторые из них используют передовые технические методы. Несколько крупных шелкопрядильных и ткацких мануфактур появилось в городах Сицилии; в Мессине и Катании на них трудилось несколько тысяч работников. Занятые в неаполитанской текстильной промышленности рабочие подвергались усиленной эксплуатации: их дневной заработок в середине 30-х годов составлял половину заработной платы французского и треть заработка английского рабочего[246]. Большую роль в развитии текстильного производства, особенно в его новой отрасли — хлопкопрядении, играли иностранные капиталисты, особенно швейцарские и немецкие.

Рост производства в значительной мере сковывался засильем латифундистов (особенно во внутренних районах страны), крайней нищетой южного крестьянства, преобладанием полунатуральных хозяйств, очень слабым развитием коммуникаций, прежде всего из-за отсутствия дорог[247].

В целом в течение 20—40-х годов XIX в. Италия достигла существенных успехов в экономическом развитии. Это выражалось в общем росте продукции, расширении в ряде районов производства технических культур и специализации сельского хозяйства, росте экспорта шелка, олив, сыра и других продуктов, расширении традиционных отраслей текстильного производства и возникновении новых (прежде всего шелкопрядения, шелкоткачества и хлопчатобумажного производства), в зарождении машиностроения и металлургии.

Внешняя торговля увеличилась с 275 млн. лир в 1830 г. до 425 млн. лир в 1840 г.[248] На Севере страны и в Тоскане развертывались мелиоративные работы. В итальянских государствах началось железнодорожное строительство: в 1839 г. была построена первая на Апеннинском полуострове железнодорожная линия Неаполь — Портичи, в 1840 г.— дорога Милан — Монца, а затем Милан — Тревильо и Виченца — Венеция, в 1842 г. вступила в строй линия Ливорно — Пиза, в 1845 г.— Турин — Монкальери и другие.

По мере укрепления и расширения капиталистических отношений все острее давали себя чувствовать трудности, тормозившие

245 *G. Quazza*. Op. cit., p. 159.

246 Annali civili del Regno delle due Sicilie v. IV. Napoli, 1834, p. 43.

247 К концу 20-х годов из 1828 населенных пунктов Неаполитанской провинции 1439 совсем не имели дорог (*G. Carano-Donvito*. L'economia meridionale prima e dopo il Risorgimento. Firenze, 1928, p. 198).

248 *Д. Канделоро*. Указ. соч., т. 2, стр. 407.

их развитие, все более очевидной становилась необходимость устранения раздробленности страны, которая в конечном счете порождала весь комплекс препятствий, стеснявших развитие производительных сил: массу таможенных границ, пошлин, тарифов и сборов; различие в законах, отсутствие единого торгового, гражданского и уголовного кодексов, многообразие денежных систем, единиц меры и веса и т. д. Таможенные барьеры, подобно обручам, сжимавшие отдельные районы Италии, мешали развитию промышленности и торговли, препятствовали распространению капиталов. Все отчетливее становилась потребность в создании национального рынка для промышленных товаров и сельскохозяйственных продуктов, в уничтожении оков, стеснявших рост товарного производства. Внутренняя торговля была ничтожно мала для страны с 20-миллионным населением, с большим различием в хозяйственных и климатических условиях.

Чем дальше шло экономическое развитие, особенно на Севере, чем шире внедрялись капиталистические отношения в промышленность и сельское хозяйство, тем настоятельнее становилась потребность в свободном приложении капиталов, в свободной торговле, не стесняемой сетью таможенных границ, в возможности беспрепятственно перевозить товары в те районы, где на них существует спрос, в ликвидации изолированности десятков местных рынков и в слиянии их в один общеитальянский рынок.

Но единый рынок невозможно было создать при раздробленности Италии, при сохранении политического устройства, доставшегося стране в наследство от средневековья. Абсолютистские правительства, опиравшиеся на узкие касты дворянства и верхушку духовенства и защищавшие их интересы превратились в силу, враждебную буржуазии, ибо лишали ее политических прав и тормозили ее экономическую активность. Буржуазные круги, стремившиеся получить в свои руки политическую власть, нуждались в новом государстве, которое гарантировало бы их интересы внутри страны и защищало бы их за границей; буржуазии были необходимы новые порядки, соответствующие новым потребностям производства,— единое гражданское, торговое, уголовное законодательство по всей стране, равенство всех сословий перед законом.

Ликвидация раздробленности Италии, ломка старых абсолютистских режимов, объединение страны и создание единого национального государства становились первостепенным. национальным вопросом общественного развития Италии.

Национально-освободительное и общественное движение в 40-е годы. Умеренно-либеральное направление

Успехи экономического развития Италии, особенно на Севере страны, и упрочение капиталистических отношений придали уверенность буржуазии и побуждали ее выступать с большей энергией и настойчивостью против преград, мешавших дальнейшему экономическому прогрессу. Убеждаясь на собственном опыте в том, насколько пагубно отражается политическая раздробленность страны и разобщенность отдельных ее земель на предпринимательской деятельности, буржуазия (в том числе крупная) и либеральное дворянство осознавали необходимость достижения национальной независимости, обновления политических порядков и объединения Италии. Вместе с тем они мечтали добиться этих целей таким путем, который полностью исключал бы революционные потрясения и развязывание инициативы народных масс. Подобные настроения, получившие распространение среди имущих слоев в наиболее экономически развитых районах Италии, явились питательной средой, породившей в 40-е годы широкое идейно-политическое движение, носившее либерально-буржуазный характер (хотя многие его идеологи принадлежали к аристократии). Ведущие представители этого движения сформулировали различные варианты программы решения национального вопроса, выражавшей устремления социальных сил, решительно отвергавших революционную борьбу как главное средство достижения национальной независимости и единства Италии.

Рождению этого идейно-политического движения способствовала широкая культурная деятельность либералов, начавшаяся еще в первый период Реставрации и значительно расширившаяся в 20—30-е годы. В частности, в 30-е годы были основаны журналы либерального направления («Аннали универсали», «Политекнико», «Ривиста эуропеа» и др.), пользовавшиеся большим влиянием среди либеральных кругов интеллигенции, буржуазии и дворянства и являвшиеся пропагандистами передовых научных знаний и экономического прогресса в сфере сельского хозяйства, промышленности и торговли. С 1839 г. стали регулярно созываться ежегодные научные конгрессы, содействовавшие сближению сотен и тысяч ученых различных профессий из всех государств Италии. С 40-х годов либеральные писатели и публицисты, уделявшие возрастающее внимание экономическим проблемам, начинают особенно настойчиво доказывать необходимость мер, которые привели бы к созданию общенационального рынка: ликвидация запретительной таможенной системы и создание таможенного союза итальянских государств, признание принципа свободной торговли, строительство

единой железнодорожной сети, введение единой системы денежных знаков, мер и веса, унификация торгового законодательства. Все более крепло убеждение, что важнейшим условием экономического прогресса является политическое единство страны.

Сознавая необходимость разрешения назревших экономических, политических и национальной проблем, итальянская буржуазия была, однако, недостаточно сильна, чтобы справиться с ними самостоятельно. Путь же национально-освободительной борьбы, указанный Мадзини («революция с народом и для народа»), был для нее совершенно неприемлем. Поэтому умеренно-либеральные круги буржуазии нуждались в такой стратегии национального движения, которая принципиально отличалась бы от революционно-мадзинистской, возобладавшей в итальянском национально-освободительном движении с начала 30-х годов.

В поисках этой новой политической ориентации умеренно настроенных кругов итальянского общества большую роль сыграло развитие в 30-е годы либеральной идеологии в Италии, испытавшей сильное влияние французской общественной мысли (в частности, философского эклектизма В. Кузена и либерального католицизма Ламенне). Идеи В. Кузена, призывавшего к примирению свободы и естественных прав с порядком и властью, традиций — с прогрессом, получили широкий отклик в Италии, запечатлевшись во многих исторических и философских сочинениях и в литературе. Вместе с тем авторы ряда работ, обращаясь к прошлому и изображая папство как защитника «свободы Италии» от иностранных захватчиков и поработителей в эпоху средневековья, старались таким образом доказать совместимость религии и национальных устремлений, церкви и общественного прогресса и, следовательно, обосновать теоретически возможность и необходимость сближения умеренного либерализма и церковных кругов в современной Италии. Следовательно, особенность итальянской либерально-католической идеологии заключалась в том, что она призвана была обосновать программу разрешения национальной проблемы, придав ей форму, созвучную итальянским традициям и учитывающую настроения широких католических масс.

Эта идейная среда создала условия для появления в 40-е годы нескольких книг, вызвавших огромный отклик в Италии и резко стимулировавших развитие умеренного либерализма, превратившегося вскоре из чисто идеологического и культурного течения в широкое общественное и политическое движение. Первая из этих книг, увидевшая свет в 1843 г., принадлежала аббату Винченцо Джоберти, эмигрировавшему в 1833 г. из Пьемонта и проживавшему в Бельгии. В приобретшем вскоре широчайшую известность сочинении «О духовном и гражданском первенстве итальянцев» Джоберти доказывал, что возрождение и объединение Италии возможны

только на основе союза либерального и национального движения с папством и католическим духовенством. Джоберти утверждал, что «реформы являются единственным верным средством избежать революции» [249], и отвергал всякое народное вмешательство в национальное движение, считая, что «итальянский народ — это пока пожелание, а не реальность». Реальностью же Джоберти считал монархов, которым он советовал объединиться в конфедерацию под главенством папы и при инициативной роли Пьемонта, полагая, что «от согласия между Римом и Турином зависит судьба Италии» [250].

Вскоре под влиянием критики либералов, не разделявших чрезмерных надежд Джоберти на национально-освободительную миссию папства, последний уточнил свою программу, подчеркнув, что именно буржуазия и светские круги должны сыграть основную роль в обновлении и объединении Италии, и призвал к созданию союза среднего сословия и лучшей части аристократии и духовенства с целью разрешения этой задачи. Джоберти определенно ратовал теперь за энергичные действия и делал упор на то, что умеренный лагерь национального движения должен опереться на Савойскую династию и короля Пьемонта Карла Альберта, представлявших реальную политическую и военную силу. Одновременно Джоберти развернул острую полемику с иезуитами, представлявшими крайний реакционный фланг католических сил, чем привлек к себе либеральные круги, относившиеся отрицательно ко всякому вмешательству церкви в дела государства.

Выступления Джоберти имели огромный успех и приковали к себе внимание всей Италии. Этот успех объяснялся прежде всего тем, что Джоберти удалось наметить путь решения национальной и политических проблем, приемлемый для тех буржуазных слоев итальянского общества, которые, отвергая возможность союза с народными массами ради достижения национальной независимости и единства Италии, готовы были пойти на компромисс и союз с консервативно настроенными группами старых правящих классов и монархиями при условии принятия последними программы политических и экономических реформ и согласованного урегулирования национального вопроса «сверху». С другой стороны, перед консервативными слоями дворянства и католическими силами Италии (блокировавшимися дотоле с реакцией на почве объединявшей их традиционной приверженности к династиям и церкви) теперь открывалась возможность, не поступаясь своими политическими убеждениями, сменить союзника и приобщиться к национально-патриотическому движению. В самом деле, умонастроениям всех этих со-

249 *V. Gioberti*. Del primato morale e civile degli italiani, v. 2. Losanna, 1846, p. 172.

250 Ibid., p. 158.

12. Винченцо Джоберти (рисунок 40-х годов XIX в.)

циальных групп как нельзя лучше соответствовало утверждение Джоберти о том, что единства, свободы и независимости Италии можно достичь «без войны, без революции, не нарушая ни государственного, ни частного права,— иначе говоря, первых двух условий можно достигнуть путем объединения государств в конфедерацию под верховенством папы, а последнего — путем внутренних реформ, проводимых соответствующим правителем, без угрозы и без ущерба для его власти» [251].

Распространение идей Джоберти принесло во второй половине 40-х годов весьма значительные результаты. Его идеи получили признание среди многих представителей духовенства, что породило политические разногласия в рядах католических сил, а затем вы-

[251] Ibid., p. 374.

звало их раскол и переход части духовенства на сторону национального движения.

Активная теоретическая и публицистическая деятельность Джоберти нашла широкий отклик среди буржуазно-дворянской интеллигенции и дала толчок оживленному обсуждению и разработке программы разрешения итальянского вопроса на либерально-монархической основе. Наиболее энергичные усилия прилагали в этом направлении деятели пьемонтских умеренно-либеральных кругов в связи с тем, что с середины 30-х годов король Карл Альберт стал проводить экономические и административные реформы, явно отвечавшие интересам буржуазного развития Пьемонта. Помимо введения более современных гражданского, уголовного и торгового кодексов, было проведено снижение запретительных таможенных тарифов и заключены десятки торговых договоров с европейскими и американскими государствами. «Аграрное общество», основанное в 1842 г. и насчитывавшее к 1848 г. более 3 тысяч членов [252], стало организующим центром пьемонтской буржуазии, претендовавшей теперь на положение одного из правящих классов общества.

Реформы Карла Альберта и усиление антиавстрийских тенденций в его политике вновь породили у пьемонтских либералов надежды на национальную миссию Савойской династии и Пьемонта, что нашло отражение в политической публицистике. Граф Чезаре Бальбо в книге «Надежды Италии» (1844) призывал пьемонтскую дипломатию взять на себя инициативу в реализации плана освобождения Ломбардо-Венецианской области путем соглашения с Австрией. Выразив более четко, чем Джоберти, мысль о том, что без достижения национальной независимости невозможно какое бы то ни было решение вопроса о политическом объединении Италии, и заострив в этой связи внимание на судьбе Ломбардии и Венеции, Бальбо отвергал, однако, всякие насильственные меры по отношению к Австрии. Он строил иллюзорные планы добровольного отказа Австрийской империи от Ломбардо-Венецианской области в связи с тем, что возможный в будущем распад Турецкой империи увлечет Австрию на путь территориальной экспансии на Балканах и тем самым ослабит ее интерес к итальянским владениям. Как и Джоберти, Бальбо поддерживал идею федерации монархов, призывал к созданию таможенного союза и строительству единой железнодорожной сети. Маркиз Д'Адзелио в брошюре «Последние события в Романье» (1846), написанной в связи с неудавшейся попыткой восстания в этой области Папского государства, доказывал бесплодность революционных выступлений и заговоров. Д'Адзелио указывал на необходимость пробуждения граждан-

[252] *C. Prato.* Fatti e dottrine economiche alla vigilia del 1848 (Torino, 1920), p. 161.

ских чувств среди населения и противопоставлял восстаниям метод давления широкого общественного мнения на правительство с целью добиться проведения политических преобразований. Поставив вопрос о необходимости проведения реформ в Папском государстве, Д'Адзелио, как и Джоберти, тем самым указывал путь, который сделал бы возможным присоединение папы к национальному движению. Различные стороны умеренно-либеральной программы подверглись разработке также в статьях и книгах других пьемонтских либералов — графа Камилло Кавура, Джакомо Дурандо, Иларионе Петитти. Столь активная идеологическая деятельность либералов в Сардинском королевстве отражала значительное усиление умеренно-либерального движения в этой стране, где оно не только не встречало противодействия властей, но и смогло даже установить контакт с королем Карлом Альбертом, высказавшим, хотя и в осторожной, двусмысленной форме, сочувствие планам вытеснения Австрии из итальянских земель. К концу 40-х годов пьемонтские либералы превратились в ведущую группу умеренно-либерального движения всей Италии. С 1847 г. граф Камилло Бензо Кавур, принадлежавший к числу пьемонтских аристократов, вставших на путь буржуазного преобразования своих имений и политического либерализма, начал издавать газету «Рисорджименто» («Возрождение»). Это слово стало употребляться для обозначения борьбы итальянцев за национальное освобождение и объединение Италии. Газета Кавура вскоре превратилась в идейный центр либералов Пьемонта и оказала влияние на умеренные круги других государств полуострова. Основание этой газеты знаменовало собой тот факт, что либерально-умеренное направление оформилось как самостоятельная политическая сила, оспаривавшая руководство национальным движением у его революционно-демократического крыла, которое в 40-е годы также активизировало свою деятельность.

Под впечатлением неудачного исхода заговоров «Молодой Италии» в 30-е годы Мадзини в этот период не стремился к организации восстаний, считая, что обстановка не благоприятствует им. Однако было немало патриотов, последователей Мадзини, которые, продолжая заговорщические традиции освободительной борьбы, предприняли ряд попыток немедленного революционного действия.

В 1840—1843 гг. Никола Фабрици старался объединить силы различных тайных обществ, чтобы поднять восстание в Центральной и Южной Италии, намереваясь с помощью итальянских офицеров-эмигрантов развязать партизанскую войну, план которой был выдвинут в свое время Мадзини. Заговорщики надеялись поднять восстание одновременно в Папском государстве и Неаполитанском королевстве, а затем распространить его на всю Италию. Однако папским властям удалось раскрыть заговор. Более ста человек было предано суду, семеро патриотов повешено. Несколько неудачных

попыток революционных выступлений сделали в начале 40-х годов также неаполитанские конспираторы.

Серию заговоров и местных восстаний завершила экспедиция братьев Бандьера. Аттилио и Эмилио Бандьера были морскими офицерами австрийского флота. Однако в отличие от их отца, адмирала австрийского флота Франческо Бандьера, верно служившего Австрийской империи, сыновья его прониклись патриотическими идеями, и в 1840 г. Аттилио Бандьера основал с помощью брата тайное общество «Эсперия» с республиканской и унитаристской программой. В 1842 г. верховным руководителем общества был признан Мадзини, а сами братья Бандьера вступили в «Молодую Италию»[253]. К организации братьев Бандьера примкнуло большое число офицеров и моряков-итальянцев, служивших на австрийских военных кораблях. В начале 1844 г., узнав о том, что их организация раскрыта австрийскими властями, братья Бандьера бежали на остров Корфу, откуда в июне того же года отплыли вместе с 17 своими сторонниками в Калабрию, надеясь поднять там восстание. Однако бурбонские войска после короткого боя захватили маленький отряд. 25 июня 1844 г. девять патриотов, в том числе Аттилио и Эмилио Бандьера, Никола Риччотти, Доменико Моро, были расстреляны.

Трагическая гибель братьев Бандьера и их товарищей всколыхнула всю Италию и вызвала отклики в европейских странах. Умеренные использовали неудачи восстаний и заговоров первой половины 40-х годов для доказательства бесполезности и порочности революционных методов борьбы и для усиления пропаганды своих планов разрешения всех волновавших итальянцев проблем посредством реформ.

С середины 40-х годов в Италии постепенно складывается новая политическая ситуация. Национально-патриотическое движение, получившее благодаря выступлениям либеральных писателей и публицистов новый импульс к развитию, расширялось и оказывало возрастающее давление на абсолютистские режимы. Раскол в правящих классах ряда итальянских государств, умножавшиеся требования реформ, в поддержку которых теперь выступало немало представителей господствующих социальных групп, еще недавно стоявших в стороне от патриотического движения, наконец, мужественные выступления революционно настроенных патриотов, готовых на самопожертвование ради того, чтобы приблизить час освобождения от тирании,— все эти факторы вынуждали абсолютистские правительства идти на некоторые уступки буржуазно-либеральным и патриотическим кругам.

[253] *А. Ferrari.* Op. cit., p. 212.

2

ИТАЛИЯ В 1848—1870 ГГ. ВТОРОЙ ЭТАП РИСОРДЖИМЕНТО

РЕВОЛЮЦИЯ 1848—1849 ГГ.

Вторая половина 40-х годов ознаменовалась обострением противоречий феодально-абсолютистской системы во всех итальянских государствах. Усилилась политическая борьба буржуазии и обуржуазившегося дворянства. Разгоревшееся национально-освободительное движение все больше охватывало широчайшие общественные слои — от либерального дворянства до революционных городских низов.

Однако либеральная буржуазия, возглавившая движение, вначале делала весьма робкие шаги: она боялась революционного взрыва и противилась активизации низов и широких крестьянских масс. Движение носило легальный характер.

Либеральное движение в Италии особенно усилилось с лета 1846 г., в связи с избранием нового папы. 1 июня умер папа Григорий XVI, отличавшийся крайней реакционностью. Широкие массы итальянцев ожидали, что новый папа предпримет реформы, о необходимости которых уже много лет говорили не только разные общественные деятели итальянских государств, но и напоминали великие европейские державы.

Во всей Италии с нетерпением ожидали избрания нового папы. На конклаве кардиналов, собравшихся в Квиринале для избрания папы, завязалась острая борьба между сторонниками реформ и группой кардиналов австрийской ориентации, враждебных каким бы то ни было нововведениям. Победила группа сторонни-

ков проведения политики реформ, выдвинувшая кандидатуру кардинала Мастаи Ферретти. 16 июня 1846 г. он был избран папой и принял имя Пия IX.

Пий IX родился в дворянской семье. Он получил весьма поверхностное образование, но отличался крайним религиозным фанатизмом. Он не обладал административными способностями и часто поддавался влиянию окружавших его людей. После вступления на престол ясной политической программы Пий IX не имел.

Одним из первых мероприятий нового папы было создание правительственной комиссии для изучения наиболее важных политических проблем. В первую очередь эта комиссия занялась вопросом об амнистии политических заключенных. Вопрос об амнистии был наиболее актуальным, и на скорейшем рассмотрении его настаивало общественное мнение, возбужденное свирепыми репрессиями, проводившимися предшественником Пия IX. В результате террора правительства Григория XVI в тюрьмах Папского государства томились 13 тыс. политических заключенных, а 19 тыс. граждан этого небольшого государства находились в изгнании [1]. Состояние умов в Папском государстве накануне проведения амнистии ярко описал в своих воспоминаниях известный итальянский революционер Феличе Орсини. «До того дня,— рассказывает Орсини,— когда папой Пием IX была провозглашена амнистия, Папская область походила на вулкан, по временам обнаруживающий признаки предстоящего страшного извержения, которое уже невозможно было задержать и которое грозило смести как духовную, так и светскую власть папы» [2].

16 июля 1846 г. эдикт Пия IX об амнистии был опубликован. Амнистия коснулась почти всех политических заключенных и эмигрантов, и весть о ней вызвала всеобщий восторг. В дни, последовавшие за опубликованием эдикта об амнистии, в Риме и во многих других городах Папского государства происходили многолюдные манифестации, факельные шествия и пр. Создание правительственной комиссии и амнистия сделали Пия IX популярным. Волна демонстраций в честь Пия IX захватила и другие итальянские государства и вызвала всеобщий патриотический подъем. Однако манифестанты не только прославляли Пия IX, но и требовали быстрейшего проведения реформ — экономических, административных, судебных и других. Эти шумные июльские дни 1846 г. являлись провозвестниками революции, которая вскоре разразилась по всему Апеннинскому полуострову.

[1] *М. Шейнман.* От Пия IX до Иоанна XXIII. М., 1966, стр. 8.

[2] *Ф. Орсини.* Воспоминания. М. — Л., 1934, стр. 95.

Революционный кризис в Италии назревал с каждым днем, и классовая борьба все более обострялась. В потоке бурных демонстраций летом 1846 г. уже можно было различить голоса, призывавшие к разным способам разрешения национальной проблемы Италии и выражавшие интересы различных общественных сил. Борьба между классовыми группировками и партиями нашла свое отражение особенно в полемике, которая развернулась — в печати, клубах, частной переписке — между демократами и умеренными либералами, между отдельными группами внутри либерального лагеря, а также между либералами и консервативными силами.

О политической обстановке и классовой борьбе в Папском государстве тех дней и о политике Пия IX красноречиво писал русский посланник А. П. Бутенев министру иностранных дел России. «Можно было предвидеть,— замечал Бутенев в депеше от 5 сентября 1846 г.,— что все это (т. е. амнистия и реформы — *В. Н.*) вызовет, с одной стороны, тайное противодействие, а с другой — доведет до увлечения коноводов либеральной партии и тем поставит в затруднительное положение папское правительство. Действительно,... начинают опасаться, что увлечения со стороны одних и злонамеренность со стороны других не затруднили бы нового управления, представляя в ином виде благие намерения его святейшества». Сообщая далее, что папское правительство позаботилось о том, чтобы «успокоить умы» и объяснить действительные желания и намерения Пия IX, выражением которых послужила амнистия, посланник пишет, что статс-секретарь кардинал Джицци по указанию папы опубликовал циркуляр, чтобы изложить политические взгляды папского правительства, «выразить несогласие с ожиданием либеральной партии и отвергнуть всякую связь с коноводами волнений или утопистами» [3].

9 ноября 1846 г. Пий IX опубликовал энциклику под названием «Qui pluribus», в которой предал анафеме социализм и коммунизм как опасные доктрины, могущие привести «к уничтожению всей собственности и человеческого общества». Когда К. Маркс и Ф. Энгельс год спустя написали в «Коммунистическом манифесте», что все силы реакции, в том числе и папа, объединились для травли призрака коммунизма, они имели в виду также и указанную энциклику Пия IX.

Однако в создавшейся обстановке нельзя было оставить нетронутой реакционную государственную систему Григория XVI, и папское правительство вынуждено было приступить к проведению некоторых реформ. Одним из первых значительных мероприятий правительства Пия IX явился эдикт о печати (от

[3] АВПР, ф. Канцелярия, 1846 г., д 160, лл. 166—167.

15 марта 1847 г.), смягчивший цензуру. После опубликования эдикта увеличилось число политических газет. К концу 1847 г. лишь только в Риме это число возросло до двадцати [4].

В апреле 1847 г. было объявлено решение Пия IX об учреждении Государственной Консульты (Совета), в которую включались представители провинций. Консульта рассматривалась как зародыш представительной системы; в июне была создана гражданская гвардия. В том же месяце впервые в Папском государстве был образован совет министров. Эти реформы и нововведения не могли не вызвать удовлетворения у либералов. Однако демократические круги, широкие народные массы требовали большего. В течение второй половины 1847 г. в городах Папского государства продолжались внушительные манифестации, на которых выдвигались требования обновления всего государства и проведения национальной политики. В движение включились городские низы.

Организатором демонстраций в Риме выступил Анджело Брунетти (1800—1849), прозванный народом за ораторский талант Чичеруаккьо («подобный Цицерону»). Смелый и энергичный, Чичеруаккьо был тесно связан с народными массами. В молодые годы он был ремесленником, затем стал мелким торговцем. Он находился под влиянием республиканских идей Мадзини и поддерживал организацию «Молодая Италия». В годы революции он был связан с видными демократическими деятелями, в том числе с Гарибальди. В 1846—1847 гг., собирая на площадях Рима толпы людей и произнося яркие, зажигательные речи, Чичеруаккьо много сделал для вовлечения в патриотическое движение простолюдинов Рима. Он был одним из инициаторов составления петиций на имя Пия IX, в которых выдвигались требования народа. Часто он сам являлся автором этих петиций. Весьма интересна петиция, составленная Чичеруаккьо во время огромной демонстрации 27 декабря 1847 г. на площади Квиринала, на которой присутствовало 7—8 тыс. человек. Русский посланник А. П. Бутенев сразу же обратил внимание на значимость требований, содержащихся в этой петиции, и не замедлил препроводить копию ее текста вместе со специальной депешей по этому поводу министру иностранных дел России. Петиция содержит следующие требования: свобода печати; гражданское вооружение; строительство железных дорог; запрещение произвола полиции; кодекс полезных и беспристрастных законов; гарантия свободы личности; реформа «мертвой руки»; отмена фидейкомисса и пр.[5] Предъявление этих требований во время шумной многотысячной демонстрации явилось по-

[4] АВПР, ф. Канцелярия, 1848 г., д. 145, л. 25.

[5] Там же, лл. 36—37.

казателем назревания революционной ситуации и высокого накала классовой борьбы.

Вторым итальянским государством, вставшим на путь либеральных реформ, была Тоскана. Еще в 1846 г., до избрания Пия IX, в этом герцогстве начались волнения. После событий в Риме летом 1846 г. либеральное движение в городах Тосканы усилилось. Одним из его лидеров стал маркиз Джино Каппони — представитель либеральной буржуазии и обуржуазившегося дворянства. Важнейшими деятелями освободительного движения в Тоскане явились Джузеппе Монтанелли, профессор права и писатель Ф. Д. Гуеррацци. Значительным влиянием пользовались в Тоскане, особенно во Флоренции, сторонники Мадзини. В Ливорно — крупном центре ремесленного пролетариата — было развито не только демократическое движение, но и социальное, которое уже в 1847 г. привело к острым классовым столкновениям. Там образовалась группа энергичных народных вожаков. Одним из них был Антонио Петракки, ревностный почитатель Гарибальди. Некоторые из деятелей демократического движения в Ливорно находились под влиянием идей утопического социализма [6].

Не устояв перед давлением общественного движения, великий герцог Тосканы Леопольд II вынужден был приступить к проведению реформ. В мае 1847 г. был опубликован закон о печати, смягчивший цензуру, позже проведены судебные и административные реформы. В Тоскане появились первые политические газеты. С одной из них, газетой демократического направления «Альба», Маркс вскоре установил связь и сообщил в редакцию, что немецкие демократы поддерживают политическую линию газеты, как и борьбу итальянского народа за свободу и независимость своей родины [7].

В течение лета 1847 г. в Тоскане, особенно в Ливорно, происходили массовые демонстрации, забастовки, волнения. Трудящиеся боролись за повышение заработной платы и улучшение условий труда; они требовали ликвидации пауперизма и безработицы [8].

Следует отметить, что в 1847 г. положение трудящихся резко ухудшилось почти во всех итальянских государствах. Многократный неурожай вызвал возрастание цены на продовольствие и породил голод. Крестьяне многих областей бежали в города, где скопились тысячи безработных. В 1846—1847 гг. во многих городах Италии прокатилась волна голодных бунтов и демонстраций, являвшихся предвестниками революции.

[6] См. *S. Canzio*. Il Risorgimento italiano. Milano, 1962, p. 402.

[7] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 5, стр. 4.

[8] *N. Badaloni*. Democratici e socialisti livornesi nell'Ottocento. Roma, 1966, p. 93; *S. Canzio*. Op. cit., p. 401.

Под влиянием событий в Папском государстве летом 1846 г. усилилось либеральное и патриотическое движение в Сардинском королевстве (Пьемонте). Здесь выявилась острая поляризация политических сил. Лагерю реакции, выступавшему против каких бы то ни было реформ и возглавленному министром иностранных дел Соларо делла Маргарита, противостоял либеральный фронт, поддерживаемый демократическими силами. Виднейшими деятелями умеренных либералов были Чезаре Бальбо, Массимо д'Адзелио и Камилло Кавур. В борьбе за реформы активную роль играли и буржуазно-радикальные деятели — такие, как Лоренцо Валерио и Анджело Брофферио. Центром радикальной буржуазии была Генуя, где сторонники идей Мадзини — Гоффредо Мамели, Нино Биксио и другие — основали полулегальное общество «Энтелема».

В течение сентября и октября 1847 г. в городах Сардинского королевства происходили многолюдные шумные демонстрации. Особенно бурно прошла демонстрация в Генуе 8 сентября, во время которой была составлена петиция на имя короля с требованием реформ. 1 октября демонстрацию в Турине разогнала полиция. Этот факт вызвал мощный протест. 29 октября Карл Альберт решился провести реформы. Основными из серии объявленных реформ были: гласность судопроизводства; введение выборности муниципальных советов; ограничение прав полиции; смягчение цензуры.

Эти реформы не были столь значительными, чтобы удовлетворить общественное мнение. Либеральная буржуазия ожидала и требовала большего. Тем не менее они вызвали энтузиазм и способствовали новому подъему освободительного движения.

Ширилось и укреплялось патриотическое движение в Ломбардо-Венецианской области. Сообщения о волнениях и реформах в Папском государстве вызвали восторг ломбардской буржуазии, стремившейся к избавлению от австрийского господства и готовившейся к борьбе. В 1847 г. брожение в Ломбардо-Венецианской области усилилось; на демонстрациях провозглашался лозунг «Да здравствует Италия!». Во время демонстрации 8 сентября в Милане имели место кровавые столкновения между демонстрантами и полицией; расправа полиции с безоружной толпой вызвала мощный протест народа. Политическая обстановка в этом австрийском владении все более накалялась. Становилось очевидным, что невозможно добиться уступок от австрийского правительства мирным путем (хотя на мирных формах борьбы настаивали в 1847 г. даже такие видные деятели республиканского движения, как Карло Каттанео[9]). Революционный взрыв в Ломбардо-Венецианской области приближался с каждым днем.

[9] *C. Cattaneo.* Dell'insurrezione di Milano nel 1848 e della successiva guerra. Milano, 1884, p. 11.

Аналогичным было положение в Королевстве Обеих Сицилий. Здесь полицейский произвол сочетался с крайним деспотизмом всего государственного аппарата. В 1847 г. в Неаполе был напечатан и тайно распространен в королевстве яркий памфлет Луиджи Сеттембрини «Протест народа Обеих Сицилий». Этот памфлет, разоблачавший пороки и преступления монархии, сыграл большую роль в возбуждении общественного мнения против тирании Фердинанда II.

Как и в других итальянских государствах, буржуазия Королевства Обеих Сицилий жаждала реформ и стремилась покончить с деспотическим режимом. Значительное влияние на развитие событий в этом королевстве оказывали представители радикальной буржуазии, которые считали, что без восстания нельзя будет добиться никаких изменений в государстве. В Сицилии пользовались влиянием демократы, сторонники Мадзини. В Неаполе и провинциальных городах королевства существовали тайные кружки и общества различных политических оттенков.

Либеральное движение в королевстве усилилось летом 1847 г. В ряде городов происходили тайные совещания, на которых обсуждался вопрос о восстании. Инициативу проявили патриоты провинциальных городов — Реджо-ди-Калабрии и Мессины, решившие выступить первыми. 1 сентября 1847 г. начал восстание отряд Мессины во главе с Антонио Праканика. Но после нескольких стычек с жандармами он был разбит. 2 сентября выступил повстанческий отряд Реджо-ди-Калабрии численностью около 500 человек; его возглавили братья Ромео, К. де Льето и другие. Вскоре отряд завладел городом, после чего было образовано временное правительство. Восстания произошли в ряде других населенных пунктов провинции. 4 сентября королевский флот начал обстреливать Реджо-ди-Калабрию и вынудил повстанцев отступить в горы. Прибывшая военная экспедиция рассеяла и другие отряды повстанцев и произвела многочисленные аресты.

Правительство Фердинанда II учинило жестокую расправу над повстанцами. Их судили военные суды, 47 человек были расстреляны. Восстания немногочисленных отрядов патриотов в Королевстве Обеих Сицилий оказали значительное влияние на дальнейшее развитие революционной борьбы во всей Италии.

К осени 1847 г. Италия была разделена как бы на две части: те государства, которые провели некоторые реформы, и те, которые стремились во что бы то ни стало сохранить абсолютистские режимы, жестоко подавляя оппозиционное движение. В этой обстановке возник миф о Пие IX, открывшем эру либеральных реформ, как об освободителе Италии. Энгельс иронически писал по поводу мифа о Пие IX, который, по его выражению, играл тогда роль «пер-

вого буржуа Италии»: «В *Италии* мы являемся свидетелями удивительного зрелища: человек, занимающий самое реакционное положение во всей Европе, представитель окаменевшей идеологии средневековья — римский папа — стал во главе либерального движения»[10]. Волна энтузиазма и манифестации в честь Пия IX были настолько сильны, что увлекли даже некоторых видных демократических деятелей, поверивших, пусть на мгновение, что папа в состоянии возглавить борьбу против реакции, за национальные интересы Италии. В числе их были Мадзини и Гарибальди.

8 сентября 1847 г. Мадзини написал открытое письмо Пию IX, которое почти три месяца распространялось в списках по рукам, затем было опубликовано. Мадзини призывал первосвященника встать во главе движения за объединение и независимость Италии и «провозгласить новую эру прогресса и справедливости». Вместе с тем Мадзини счел необходимым подчеркнуть в этом письме, что он «не коммунист» и что всегда и везде выступал против «пороков материализма»[11].

Это письмо Мадзини вызвало разные суждения как его современников, так и исследователей. В исторической литературе высказывалось мнение, что письмо выражало попытку Мадзини лишь воспользоваться силой и влиянием Пия IX для скорейшего достижения объединения Италии[12].

Это мнение, видимо, близко к истине. О том, что по письму Мадзини Пию IX нельзя судить о его отношении к первосвященнику и папству вообще, видно из письма его к французской писательнице Жорж Санд от 26 ноября 1847 г. Мадзини сообщал ей, что он направил папе письмо в момент, когда тот «стоял на распутье»; а по поводу заявления Пия IX в речи перед членами Консульты, что всякая мысль о преобразовании папской власти является утопией, Мадзини отметил, что «в одно прекрасное утро эта утопия проглотит папу вместе с его безжизненным делом»[13].

Совсем иное мнение по поводу письма Мадзини Пию IX высказал известный итальянский историк Дж. Канделоро. Он считает, что это письмо свидетельствует о «стремлении Мадзини приблизиться к неогвельфскому и умеренно-либеральному мировоззре-

[10] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 4, стр. 463.

[11] *G. Mazzini*. Scritti editi e inediti. Ed. nazionale, v. XXXVI. Imola, p. 225.

[12] См., например, исследование английского историка Болтона Кинга, которое высоко ценится итальянскими прогрессивными учеными и переиздано в связи со столетием со дня объединения Италии: *B. King*. Storia dell'unita d'Italia, v. I. Roma, 1960, p. 245—246, 247; ср. также: *A. M. Chisalberti*. Ancora sulla lettera di Mazzini a Pio IX. Scritti in memoria di A. Giuffrè. Milano, 1967, p. 535—546.

[13] *G. Mazzini*. Scritti..., v. XXXIII, p. 119; *F. Luzzatto*. Giuseppe Mazzini e George Sand. La relazione e la corrispondenza. Milano, 1947, p. 48.

13. *Джузеппе Мадзини в 40-х годах*

нию»[14]. Это заключение ничем не обосновано и из указанного письма не вытекает. Ни в те дни, когда Мадзини писал письмо, ни когда-либо позже он не стремился приблизиться к умеренно-либеральному мировоззрению. Однако Мадзини, как и многие другие руководящие деятели демократического движения, готов был вступить в союз с либералами и даже с папой ради достижения объединения Италии. Но Мадзини всю жизнь боролся как с папством, так и с умеренными либералами — защитниками монархии.

Тот факт, что Мадзини в письме Пию IX подчеркнул, что он не коммунист, лишь подтверждает правильность глубокого замечания Маркса и Энгельса о том, что в то время призрак коммунизма пугал не только реакционеров, но и представителей радикальной буржуазии [15], поэтому последние старались отмежеваться от комму-

[14] *Д. Канделоро.* История современной Италии, т. 3. М., 1962, стр. 138.
[15] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 4, стр. 423.

нистических идей. Но из этого факта вовсе нельзя заключать, как это сделал Д. Канделоро, что письмо Мадзини Пию IX свидетельствует о консерватизме его социальных взглядов.[16]

Гарибальди также испытал на себе влияние мифа о Пие IX. Вместе со своим другом Ф. Анцани Гарибальди написал (12 октября 1847 г.) из Монтевидео папскому представителю в Рио-де-Жанейро письмо, в котором заверял, что весь Итальянский легион Уругвая готов сражаться за дело Пия IX, «чтобы быть соучастником его освободительной миссии». Вместе с тем Гарибальди подчеркивал, что его братья по оружию «придерживаются того самого образа мыслей, вследствие которого были осуждены к изгнанию»[17].

Подъему престижа Пия IX в те дни среди итальянских патриотов способствовала также инициатива, проявленная папским правительством, в отношении заключения таможенного союза между итальянскими государствами. Переговоры об этом союзе, прообразом которого должен был служить Германский таможенный союз («Цолльферейн»), начал еще в августе во Флоренции представитель папы Дж. Корболи-Бусси, придерживавшийся либеральных взглядов. Для проявления этой инициативы у папского правительства были достаточные основания. Экономический кризис, который переживали итальянские государства, как и другие европейские страны, в 1847 г. особенно остро ощущался в Папском государстве. Кризис сильно отразился на состоянии финансов страны. Неимоверно возрос государственный долг, который в 1847 г. в 4 раза превышал доходную часть бюджета. В этой ситуации правящие круги сочли возможным принять план умеренных либералов о заключении между итальянскими государствами таможенного союза, для того чтобы способствовать радикальному улучшению экономического положения страны.

Известное влияние на развитие событий в Италии, в частности на предложения о заключении таможенного союза, оказал лорд Г. Э. Минто, прибывший в Турин в конце сентября 1847 г. с чрезвычайной миссией английского правительства. Он побывал в Сардинском королевстве, Тоскане, Папском государстве и в Королевстве Обеих Сицилий. Английское правительство было заинтересовано в ослаблении влияния Австрии в Италии и одновременно стремилось предупредить возможную инициативу Франции в итальянских делах. Минто вел переговоры с правителями итальянских государств, побуждал их пойти по пути реформ и заверял, что английское правительство будет препятствовать какой бы то ни было интервенции в Италии. Минто настойчиво рекомендовал Карлу Альберту участвовать в создании таможенного союза.

[16] *Д. Канделоро.* Указ. соч., стр. 138.

[17] *G. Garibaldi.* Scritti e discorsi politici e militari. Ed. naz. (далее: *G. Garibaldi.* Scritti), v. I. Bologna, 1934, p. 83—84.

3 ноября 1847 г. затянувшиеся переговоры были завершены, и в Турине представители Сардинского королевства, Папского государства и Тосканы подписали прелиминарное соглашение о таможенном союзе.

События в Италии 1847 г. приковывали к себе внимание политических кругов Европы. Энгельс, отмечая, что этот год был самым бурным из всех пережитых за долгое время, подчеркнул, что он принес с собою неожиданное быстрое оживление политической жизни в Италии. В 1847 г. освободительное движение приобрело могучий размах. Инициатором и гегемоном движения была буржуазия; она являлась наиболее передовым классом, за которым шли другие общественные силы. Как отмечал Энгельс, на первое время буржуазия добивалась только административных реформ и старалась избегать всяких серьезных конфликтов с правительствами для того, чтобы сохранить наибольшее единство перед лицом превосходящих иноземных сил; но все проведенные в 1847 г. реформы были в интересах буржуазии. Говоря о роли буржуазии в национально-освободительном движении, Энгельс писал в статье «Движения 1847 года», что «в Италии буржуазия становится — благодаря своему растущему богатству, а особенно благодаря возрастающему значению промышленности и торговли для жизни всего народа — тем классом, от которого главным образом и зависит освобождение страны от чужеземного господства» [18]. Вместе с тем Энгельс в этой же статье указывал, что в итальянском обществе зреет та сила, на которую буржуазия уже тогда смотрела с опаской и которая после свержения австрийского ига выступит противником буржуазии: рабочий класс, осознавший, что его дело только начинается. Этим блестящим определением Энгельс сформулировал одно из главных противоречий Рисорджименто вообще и революции 1848 г. в частности.

Начало первого периода революции в итальянских государствах

Так называемая «эра либерализма» 1846—1847 гг. была лишь предзнаменованием революции 1848—1849 гг. Как вообще в Европе, так в особенности в Италии кризис 1847 г. являлся предвестником революции, а либеральное и патриотическое движения этого года подготовили ее. Движения, как и проведенные реформы, показали, что массы не хотели жить по-старому, а правители уже не могли властвовать прежними методами.

[18] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 4, стр. 463.

Уже первые дни 1848 г. предвещали приближение революционного взрыва в Италии. Революция началась в государствах, где произвол власти и угнетение масс были наиболее сильны: в Ломбардо-Венецианской области и в Королевстве Обеих Сицилий. Народные массы Ломбардо-Венецианской области страдали не только от политического произвола, но и от налогового гнета. Налоги накладывались на все съестные припасы — на хлеб, мясо, а также на табак, вино и пр. Главнокомандующий австрийскими вооруженными силами в Ломбардо-Венецианской области фельдмаршал Радецкий, который обладал диктаторской властью, превратил эту область по существу в огромную тюрьму. Почти за каждым домом итальянца следил австрийский шпион. За малейшее проявление недовольства бросали на долгие годы в тюрьму. 82-летний солдафон Радецкий, воплощение преторианского духа австрийской армии, стремился «кровью и железом» держать в повиновении Ломбардо-Венецианскую область. «Три кровавых дня,— говорил он незадолго до начала революции,— дадут нам тридцать лет спокойствия»[19].

Жителям Ломбардо-Венецианской области стало ненавистно все австрийское. Большое распространение получила такая форма антиавстрийской борьбы, как пассивное сопротивление. В конце декабря 1847 г. миланские патриоты обратились с призывом к населению воздержаться с нового года от курения, чтобы этим нанести ущерб Австрии, получавшей громадные доходы от табачной монополии. 1 и 2 января 1848 г. никто из итальянского населения Милана не курил, лишь одни солдаты и полицейские ходили по улицам и демонстративно курили сигары. Миланцы встречали их свистом и криком. Тогда власти решили спровоцировать народные массы на выступление, чтобы иметь возможность вооруженной силой в корне задушить волнения. 3 января переодетым в штатское полицейским и офицерам было выдано большое количество сигар и приказано ходить по улицам и демонстративно курить. Они курили и пускали клубы дыма в лица прохожих. Последние бросали в них камни. По приказу Радецкого на безоружную толпу бросилась кавалерия. В результате этого налета 6 человек было убито и более 50 ранено.

Эта кровавая провокация австрийских властей вызвала мощный протест всего населения Милана. Волна негодования прокатилась и по другим городам Ломбардо-Венецианской области. Тяжелые столкновения между полицией и населением произошли в Павии и Падуе. Австрийцы усилили террор. 18 января были арестованы в Венеции видные деятели освободительного движения Даниэль Манин и Николо Томмазео.

[19] См. *B. King*. Op. cit., v. I, p. 232.

14. О. Домье. «Пробуждение Италии»

События в Ломбардо-Венецианской области вызвали волну протестов и демонстраций во всех итальянских государствах, они дали толчок новому подъему патриотического движения.

Спустя несколько дней после этих волнений в Ломбардо-Венецианской области началось уже настоящее восстание в столице Сицилии — Палермо. Существовавшие в Неаполе и Палермо тайные кружки патриотов-демократов и либералов стремились возглавить стихийное движение масс и подготавливали восстание. Особую активность проявили сицилийский демократ Розалино Пило и близкий к демократам сицилиец Джузеппе Ла Маза, проживавший до восстания во Флоренции. 8 января Ла Маза прибыл в Палермо, где связался с местными патриотами. На следующий день в Палермо была распространена прокламация, которая призывала народ к оружию. В прокламации указывалось, что время напрасных просьб и мирных демонстраций миновало, что народные массы, попавшие в кабалу и доведенные до нищеты, не могут больше терпеть. Сицилийцы призывались быть готовыми к восстанию «на заре 12 января» 1848 г.

Зная заранее о подготавливаемом восстании, власти Палермо привели в боевую готовность армию и полицию. Утром 12 января толпы народа заполнили улицы Палермо. Руководители тайных организаций стали раздавать оружие. Патриоты ударили в набат в

одной из церквей и в монастыре Ганча. Под руководством Ла Мазы быстро стали формироваться повстанческие отряды, состоявшие большей частью из городской бедноты и предводительствуемые буржуазными элементами. Начались первые столкновения с полицией и армией. В этот же день был создан Временный комитет во главе с Ла Мазой и стали сооружаться баррикады. На следующий день к повстанцам Палермо присоединились крестьяне из нескольких окрестных деревень.

Восстание возглавили демократические силы острова. Они требовали независимости Сицилии в рамках итальянской федерации и восстановления конституции 1812 г. с внесением в нее некоторых изменений в интересах демократии. Предполагалось, что освобожденная от гнета Бурбонов Сицилия будет связана федеративным союзом с освобожденным Неаполитанским королевством и что вместе они вступят в федерацию итальянских государств. Чтобы усилить фронт борьбы против реакционных сил, руководители демократов привлекли к руководству движением также представителей умеренных либералов. Последние присоединились к движению 14 января.

Уже 14 января повстанцы завладели большей частью города. Однако упорные уличные бои в Палермо продолжались почти две недели. 15 января правительственные войска получили значительные подкрепления — 5 тыс. солдат. Но повстанческие отряды героически сражались, отвоевывая у королевских войск одну позицию за другой. 23 января был создан Генеральный комитет, который выполнял функции новой власти. Председателем его стал участник сицилийской революции 1820 г. Руджеро Сеттимо — 70-летний адмирал в отставке.

В последней декаде января почти весь остров был охвачен революцией. Правительственные войска не могли устоять перед натиском восставшего народа и 27 января покинули Палермо. В начале февраля 1848 г. Сицилия, за исключением крепости Мессины и города Сиракузы, была очищена от королевских войск.

В первых числах февраля Генеральный комитет Палермо был реорганизован, он принял на себя функции Временного правительства острова. Большинство членов правительства являлись представителями умеренных либералов. В состав правительства входили также видные деятели демократического движения — Ф. Криспи и П. Кальви, пользовавшиеся большим влиянием.

Восстание в Палермо открыло революцию 1848 г. в Европе. Героическая борьба горсти плохо вооруженных повстанцев, которые атаковали мощный королевский гарнизон, «проявив неслыханную храбрость» (Энгельс), их победы, полные драматизма, вызывали сочувствие и восхищение во всех итальянских государствах и других странах Европы. Революция в Сицилии дала толчок разверты-

ванию революции не только в остальной Италии, но и во всей Европе. Маркс отмечал, что палермское восстание, «как электрический ток», подействовало на народные массы Франции [20].

Искры революции в Сицилии быстро донеслись до Неаполя и способствовали возгоранию пламени восстания в континентальной части королевства. Всего через пять дней после начала восстания в Палермо — 17 января — подняли восстание патриоты Чиленто, расположенного недалеко от Неаполя. Восстание возглавили представители радикальной буржуазии под руководством Костабиле Кардуччи. Повстанцы образовали несколько отрядов и быстро овладели рядом городов и районов провинции Салерно. Они держали курс на Неаполь, где царило возбуждение и происходили бурные демонстрации. Теперь, когда пламя революции перебросилось на континент, Фердинанд II был вынужден пойти на некоторые уступки. 18—20 января он издал ряд декретов о предоставлении Сицилии ограниченной автономии, о расширении прав провинциальных советов, об амнистии политических заключенных и др.

Однако это не могло удовлетворить возбужденные массы. 25 и 27 января в Неаполе прошли бурные демонстрации, на которых выдвигалось требование предоставления конституции. Над демонстрантами развевались знамена итальянских национальных цветов и цветов карбонариев. Теперь даже генералы убеждали короля в необходимости уступить, заявляя, что трудно рассчитывать на солдат [21]. И Фердинанд II уступил: 29 января был опубликован декрет о «даровании» конституции, а 11 февраля опубликован ее текст, составленный по образцу французской конституции 1830 г. Конституция предусматривала введение двухпалатного парламента — палату пэров назначал король, палата депутатов избиралась, но за королем сохранялась огромная власть; вводилась ограниченная свобода печати и т. д. Несмотря на весьма умеренный характер этой конституции, Королевство Обеих Сицилий оказалось первым итальянским государством, установившим конституционный строй.

Вести о событиях в Неаполе вызвали восторг патриотических масс в Сардинском королевстве. В первых числах февраля в Турине и Генуе произошли бурные демонстрации. Брожение широких масс все более усиливалось. Последний толчок дал туринский муниципалитет, принявший на заседании 5 февраля петицию к королю с требованием конституции. Примеру Турина последовали муниципальные советы нескольких других городов. Увидев, что конституции требуют не только народные массы, заполнявшие улицы столицы, но и муниципальные власти, Карл Альберт решил созвать совещание совета министров и других высших сановников.

[20] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 7, стр. 12.
[21] См. *S. Canzio*. Op. cit., p. 418.

Совещание, состоявшееся 7 февраля 1848 г. под председательством короля, утвердило основные положения Статута — будущей конституции; 4 марта король подписал Статут, а 5 марта он был опубликован. Конституция Сардинского королевства (так называемый Альбертинский статут) также была составлена по образцу французской конституции 1830 г. [22] Согласно Альбертинскому статуту, исполнительная власть принадлежала одному лишь королю, а законодательная власть осуществлялась совместно королем и двумя палатами — палатой депутатов, избираемой на основе имущественного ценза, и сенатом, члены которого назначались королем пожизненно. Конституция предусматривала свободу собраний и печати, но с некоторыми ограничениями. После объединения Италии Альбертинский статут с некоторыми изменениями оставался основным законом страны почти сто лет.

После провозглашения конституций в Королевствах Обеих Сицилий и Сардинском не мог противостоять народному давлению и герцог Тосканы Леопольд II. Еще в первых числах января 1848 г. в городах Тосканы происходили многолюдные демонстрации. В герцогстве движение носило не только либеральный, но и национальный характер. Русский генеральный консул в Тоскане А. Гуерраццы с тревогой сообщал в депеше от 10 января, что в последние дни во Флоренции происходят «шумные сборища», которые выдвигают «дерзкое требование» предоставить народу оружие для борьбы с иностранцем [23]. Особо сильным было движение в Ливорно, где большим влиянием пользовались республиканцы. В этой же депеше Гуерракци сообщал, что в Ливорно многотысячные «анархические демонстрации» происходят периодически; демонстранты провозглашают: «Мы требуем оружия! Долой правительство! Да здравствует конституция!» Для устрашения народа на улицы Ливорно были выведены войска — кавалерия и пехота. Возмущенные массы их встретили свистом и криком. Но войска не осмелились стрелять в народ и вернулись в свои казармы [24]. По поводу волнений в Ливорно Леопольд II опубликовал 7 января прокламацию, в которой обрушился на «врагов порядка и общественного спокойствия» и одновременно уверял, что твердо намерен осуществить начатые уже реформы [25].

В ночь на 10 января по указанию Леопольда II в Ливорно арестовали 14 человек как руководителей «революционной партии».

[22] Полный текст конституции, а также ход ее подготовки и обсуждение проекта см. в книге: «Lo Statuto albertino e la sua preparazione». Roma, 1945; см. также: «Конституции буржуазных стран», т. I. М.— Л., 1935.

[23] АВПР, ф. Канцелярия, 1848 г., д. 96, лл. 4—5.

[24] Там же, л. 5.

[25] Там же л. 22.

В числе арестованных был популярный в народе писатель Ф. Д. Гуеррацци. Гуеррацци и его друзей сразу же отослали на остров Эльба и заключили в крепость [25]. Этот акт вызвал глубокое возмущение широких масс народа и способствовал еще большему усилению накала борьбы. Массы требовали освобождения Гуеррацци и его друзей и провозглашения конституции. В то же время в Тоскане стало известно о событиях в Сицилии и Неаполе. Как свидетельствует депеша русского генерального консула в Тоскане, эти вести вызвали новую волну демонстраций [27]. Теперь и министры стали настойчиво советовать Леопольду II «даровать» конституцию. 11 февраля герцог объявил о намерении ввести конституционное управление.

Тосканская конституция, обнародованная 17 февраля, как и конституции других итальянских государств, была составлена по образцу французской конституции 1830 г. Ее провозглашение широкие массы встретили с огромным энтузиазмом.

Движение за конституцию охватило также Папское государство, давшее первый толчок либеральным реформам. Уже осенью 1847 г. стало ясно, что осуществление принятых реформ, как и проведение дальнейших, наталкивается на враждебное отношение правительственных властей и государственного аппарата, который в Папском государстве оставался прежним. Медлительность в проведении реформ вызывала глубокое недовольство народных масс и либеральных кругов. У многих сложилось ложное мнение, что Пий IX был бы готов пойти на дальнейшие уступки, но этому мешает его окружение. Особую ненависть вызывали иезуиты, пользовавшиеся большим влиянием на государственный аппарат. Когда 2 января 1848 г. папа проезжал по улицам Рима, толпы народа его встретили возгласами: «Да здравствует один лишь Пий IX! Смерть иезуитам!»

В течение января 1848 г. возбуждение в Папском государстве все более усиливалось, особенно из-за медлительности в осуществлении решения Консульты о реорганизации армии и ее вооружении (на этом настаивали широкие круги общественности, чтобы быть готовыми противостоять опасности австрийской интервенции). 8 февраля в Риме состоялась огромная демонстрация, на которой раздавались возгласы: «К оружию! Смерть иезуитам! Да здравствует независимость Италии!» [28]. Массы требовали изменить состав кабинета министров, увеличив число светских лиц. Когда делегация от народа не была допущена в Квиринал, резиденцию

[26] Там же, л. 7

[27] Там же, л. 25 (депеша от 31 января).

[28] Там же, д. 145, л. 271.

папы, демонстранты направились к мэру города князю Т. Корсини и заставили его поехать к папе, чтобы изложить ему требования народа. Как сообщал русский посланник в Папском государстве А. П. Бутенев, до 6 часов вечера толпы народа наполняли улицы Рима и провозглашали свои требования [29]. Вернувшись от Пия IX, Корсини сообщил ожидавшим на улицах народным массам, что папа принимает требования об изменении состава правительства. Это сообщение было встречено с восторгом.

9 февраля совет министров подал в отставку, а на следующий день папа опубликовал манифест, в котором, всячески восхваляя проведенные реформы, заявил, что будет сопротивляться требованиям, «несовместимым с его обязанностями». Но в этом манифесте, которым Пий IX стремился успокоить народное возбуждение, была одна фраза, вызвавшая всеобщий энтузиазм,— слова о благословении всей Италии. Массы это поняли как благословение национального движения и ответили восторженной демонстрацией. Выступая с балкона перед собравшейся у Квиринала толпой, Пий IX призывал к всеобщему «согласию и доверию» и просил не обращаться к нему с требованиями, «противоречащими святости церкви». 11 февраля состоялась более внушительная демонстрация, в которой приняли участие около 10 тыс. человек. Над колоннами демонстрантов, кроме знамен Папского государства, реяли трехцветные итальянские знамена. Демонстранты провозглашали: «Да здравствует папа! Да здравствует независимость и единство Италии!»[30].

Обстоятельства заставляли Пия IX делать дальнейшие уступки. 12 февраля было образовано новое правительство. Из девяти министров этого кабинета четверо являлись светскими лицами. 14 февраля создана комиссия для разработки положения о координации деятельности уже созданных институтов и образования новых. Однако в обязанность этой комиссии не входила разработка проекта конституции. Пий IX хотел лишь несколько расширить права существующих институтов. Многие ошибочно поняли, что комиссии поручено разработать проект конституции. Так, сообщая о создании этой комиссии, «Гадзетта ди Фиренце» писала, что Пий IX решил предоставить своим подданным конституцию и этим самым «итальянцы, поднявшиеся к новой жизни, обретают полную национальную независимость, к которой они стремились много веков» [31].

В создавшейся обстановке Папское государство не могло оставаться больше без конституции. Когда стало известно о предостав-

[29] АВПР, ф. Канцелярия, 1848 г., д. 145, л. 271.

[30] Там же, л. 293.

[31] «Gazzetta di Firenze», 17. II 1848, № 38.

лении конституции в Королевстве Обеих Сицилий, в Тосканском великом герцогстве и Сардинском королевстве, волнения в Папском государстве усилились. В Квиринал поступала масса петиций из разных городов с требованием конституции. Возбуждение широких масс дошло до предела, когда стало известно о февральской революции в Париже. Пий IX понял, что он не в состоянии противостоять либеральному и национальному движению, и вынужден был снова пойти на уступки. 10 марта по указанию папы было образовано новое правительство. В него вошли только три церковника, а большинство светских лиц составили умеренные либералы. 14 марта был опубликован подписанный Пием IX «Основной статут светского управления церковного государства». Это была конституция с двухпалатной системой. Верхняя палата назначалась папой пожизненно; палата депутатов избиралась на основе ценза. Но над этими двумя палатами стояла коллегия кардиналов, наделенная конституционными функциями. Эта коллегия церковников обладала правом вето и могла отменять решения палат. Из всех итальянских конституций конституция Папского государства была наиболее консервативной. Тем не менее провозглашение конституции в этом государстве, где безраздельно господствовало духовенство, имело важное значение для всей Италии, так как самим этим фактом наносился мощный удар по реакционным клерикальным силам всего полуострова.

Таким образом, начиная с осени 1847 г. до середины марта 1848 г. движение в Италии развивалось с поразительной быстротой. Как отмечал Энгельс, для итальянских государств это было время, когда «одна страна толкала вперед другую, один прогрессивный акт всякий раз вызывал за собой какой-нибудь новый»[32]. В развертывании событий в Италии огромную роль сыграло восстание в Палермо, явившееся началом революционного кризиса. Этот кризис привел к установлению конституционного строя во всех итальянских государствах, за исключением Ломбардо-Венецианской области и герцогств Пармы и Модены. Последние были оккупированы Австрией, согласно договору между нею и правительствами этих герцогств, заключенному 24 декабря 1847 г.

Значение революции в Палермо заключалось в том, что она разбудила широкие народные массы всего Апеннинского полуострова и всколыхнула буржуазию. Испугавшись силы народных движений, правящий класс и государи вынуждены были пойти на компромисс с умеренными либералами. Этот компромисс нашел выражение в предоставлении конституций, которые все более становились настоятельной потребностью буржуазии, но которые вместе с тем имели своей целью задержать и остановить дальнейшее

[32] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 4, стр. 483.

развитие движения, дабы избежать революции [33]. Однако избежать революции в Италии уже было невозможно. После февральской революции в Париже разразилась мартовская революция в Вене, а затем новая революционная волна охватила всю Италию.

Революция в Венеции и Милане

Революция в Австрийской империи всколыхнула революционные страсти народных масс в Ломбардо-Венецианской области В этой части Италии, находившейся под господством Австрии, теперь движение приняло более бурный характер, чем в каком-либо другом итальянском государстве. Известие о восстании в Вене, о бегстве Меттерниха и о предоставлении конституции в Австрии вызвало необычайный энтузиазм венецианцев. 17 марта 1848 г. в Венеции на площади св. Марка состоялась бурная демонстрация. Народ требовал освобождения известных деятелей республиканского движения Манина, Томмазео и их друзей, арестованных в январе. Не дожидаясь ответа властей, демонстранты бросились к тюрьме, освободили узников и несли их на руках до площади св. Марка, где Манин выступил с яркой патриотической речью. На следующий день волнения в Венеции усилились. На площади св. Марка снова произошла бурная демонстрация, причем австрийские солдаты открыли огонь по толпе и убили 5 человек. Кровавый акт австрийских властей вызвал возмущение венецианцев. Патриоты вывешивали трехцветные знамена, звонили в колокола. По предложению Манина муниципалитет обратился к губернатору Венеции графу Палффи с требованием учредить гражданскую гвардию. Губернатор Палффи вынужден был уступить и дать согласие на ее организацию.

В первые дни революции в Венеции Манин не выдвигал требования провозглашения республики, видимо, по тактическим соображениям, чтобы не расколоть патриотические силы [34] (в его заметках, набросанных еще в тюрьме в марте, это требование фигурировало как главное). Манин разработал план восстания. Он считал, что важнейшей опорой восстания будут рабочие арсенала, личный состав флота, укомплектованного главным образом итальянцами, и гражданская гвардия. Восстание должно было начаться с захвата арсенала, где патриоты имели много друзей среди рабочих. Начало его было назначено на утро 22 марта. Еще до прихода Манина в арсенал рабочие убили жестокого начальника арсенала полковника Мариновича, после чего Манин с несколькими десятками

[33] Ср. *Д. Канделоро*. Указ. соч., стр. 178.

[34] См. *Н. Martin*. Daniel Manin. Paris, 1861, p. 36--37.

15. Даниэле Манин

солдат гражданской гвардии без боя захватил арсенал. К повстанцам присоединились части морской пехоты и артиллерии; другие части не оказали сопротивления. Вскоре к губернатору Палффи явилась делегация от муниципалитета, которая потребовала передать власть муниципалитету. Однако Палффи вручил ее военному коменданту графу Зичи. После некоторого сопротивления Зичи подписал акт о капитуляции, передав власть муниципалитету.

На площади св. Марка, которая была заполнена гражданской гвардией и вооруженным народом, Манин выступил с пламенной речью. Он провозгласил республику и заявил, что Венеция будет «одним из центров, которые должны служить делу постепенного слияния Италии в единое целое» [35]. Утром 23 марта 1848 г. Манин сформировал Временное правительство Венецианской республики.

[35] *H. Martin*. Op. cit., p. 55.

Революции в Венеции и Ломбардии произошли одновременно. 17 марта вечером, как только в Милане стало известно о революции в Вене, в городе начались волнения. Деятели освободительного движения созывали собрания для разработки плана действия и для подготовки народа к борьбе. Было решено организовать 18 марта демонстрацию. Среди патриотов не было единого мнения по вопросу о характере предстоящей борьбы. Даже некоторые видные руководители республиканцев, как, например, Карло Каттанео [36], считали, что начать восстание пока нельзя, так как оно еще недостаточно подготовлено. Что касается умеренных либералов, то они стремились лишь добиться некоторых реформ и дождаться военной помощи от Сардинского королевства. Политику умеренных наиболее четко выражал мэр города Милана Габрио Казати, который всеми силами стремился сдерживать массы и всячески лавировал, дабы избежать вооруженной борьбы.

Однако в те дни уже нельзя было удержать народ Милана от стихийного порыва к смертельной схватке с ненавистным врагом. 18 марта накал патриотического движения поднялся до высшей точки. В этот день, утром, миланцы, увидели на стенах зданий расклеенный имперский эдикт за подписью вице-губернатора О'Доннеля, которым сообщалось, что император обещал своим подданным свободу печати, а также созыв (не позднее 3 июля) провинциальных собраний. На всех экземплярах этого эдикта патриоты сделали надписи «Слишком поздно!». А рядом с ним было расклеено анонимное печатное воззвание, в котором перечислялись требования народа: уничтожение старой полиции, амнистия политических заключенных, свобода печати, выборы в Национальное собрание, учреждение национальной гвардии и нейтралитет имперских войск. Прокламация заканчивалась призывом: «В 3 часа всем явиться в Аллею рабов», где обычно собирались патриоты.

Вскоре толпы народа заполнили улицы Милана. Стихийно образовались колонны, которые устремились в губернаторский дворец. Здесь произошло столкновение с охраной. Один часовой был убит, другие обезоружены и схвачены; затем демонстранты арестовали О'Доннеля. Патриоты заставили его подписать декреты об учреждении гражданской гвардии и увольнении руководства полиции. В Милане разгоралось восстание. Происходили первые уличные столкновения между народом и австрийской армией. Выведенных на улицы солдат забросали камнями, черепицами, бутылками. Патриоты ударили в колокола. Повсюду начали сооружаться баррикады. В ночь с 18 на 19 марта почти весь город был покрыт баррикадами, их насчитывалось свыше 1600.

[36] К. Каттанео — демократ-федералист, выдвигавший идею создания в Италии федеративной республики.

Душой восстания являлись демократы, радикальные элементы буржуазии, возглавлявшиеся К. Каттанео и его друзьями. Особенно выделялся в эти героические дни молодой демократ Энрико Чернуски. Темпераментный 20-летний юноша, он был олицетворением неустрашимой итальянской молодежи. Чернуски выступал за энергичные действия и увлекал массы на самоотверженную борьбу. Слабовооруженные повстанцы — главным образом рабочие, ремесленники и мелкая буржуазия — проявляли чудеса храбрости и героизма. На баррикадах сражались старики и юноши, женщины и дети.

20 марта был создан Военный совет, который осуществлял руководство восстанием. Членами совета стали Каттанео, Чернуски и др. На помощь миланцам стекались повстанцы из ближайших городов и селений. В ряде районов восстали крестьяне, которые вместе с населением городов сражались против австрийских войск.

Уже 20 марта главнокомандующий австрийских войск фельдмаршал Радецкий понял, что положение становится безнадежным, и через посредников предложил перемирие. Муниципалитет, возглавляемый умеренным либералом Казати, был склонен принять предложение Радецкого. Однако Военный совет и все демократические деятели категорически высказались против перемирия с австрийцами, требуя продолжения борьбы. Тогда умеренные предложили обратиться за помощью к Карлу Альберту. Этот вариант также был отвергнут демократами, считавшими, что обращение за помощью к одному лишь Карлу Альберту приведет к подчинению Ломбардии Сардинскому королевству. Демократы распространяли написанное Каттанео воззвание, в котором говорилось: «Город Милан, желая добиться победы и изгнать навсегда за Альпы врага всей Италии, взывает к помощи всех народов и государей Италии и особенно к помощи соседнего воинственного Пьемонта» [37].

22 марта муниципалитет Милана объявил себя Временным правительством. Председателем его избрали Казати. В это правительство, состоявшее из умеренных либералов, был включен лишь один демократ — Чезаре Корренти. Военный совет был объединен с Комитетом обороны Временного правительства. В комитет от демократов вошли Каттанео и Чернуски. Таким образом, при формировании новой власти победу одержали умеренные.

Положение австрийской армии в Ломбардии стало катастрофическим. За 5 дней боев она была изрядно потрепана и деморализована, потеряв тысячи убитыми, ранеными и пленными. Вечером 22 марта австрийская армия начала отступление под прикрытием сильного артиллерийского огня. Героическая борьба народных масс (вошедшая в историю как «Пять дней Милана») превратила это отступление в трусливое бегство.

[37] C. Cattaneo. Op. cit., p. 47.

Утром 23 марта Временное правительство Ломбардии опубликовало прокламацию, в которой народ призывался к сохранению баррикад и к борьбе за свободу для всей Италии.

В самоотверженной борьбе народ одержал свою первую победу над австрийским деспотизмом. Энгельс, следивший с величайшим вниманием за борьбой миланцев, отмечал, что героический Милан совершил «самую славную революцию из всех революций 1848 года» [38].

Первая война за независимость

Победа миланской революции оказала огромное влияние на дальнейшее развитие освободительного движения в Италии. Эта победа ускорила начало войны с Австрией. Как только стало известно о борьбе миланцев, молодежь различных итальянских государств устремилась в Ломбардию. Патриотический порыв особенно усилился, когда до широких масс дошли вести о героической победе народа Милана. Участник освободительного движения, выдающийся революционер Феличе Орсини писал в своих воспоминаниях о мощном воздействии, оказанном этой победой на умы итальянцев: «Итальянцы, которых обвиняли в неумении владеть оружием, народ, над которым так часто издевались, указывая на его подкупность и изнеженность, на глазах изумленной Европы взялся за оружие против врага... При известии о революции в Милане Италию охватило пламя. «На войну! В лагерь!» — такие крики слышались со всех сторон...» [39].

Восставшие в марте 1848 г. народные массы в герцогствах Парме и Модене изгнали своих правителей и австрийские войска (находившиеся в этих герцогствах в соответствии с договором 1847 г. между Австрией и правительствами Пармы и Модены). Временные правительства, образованные в этих герцогствах, провели плебисцит, решивший положительно вопрос об их присоединении к Сардинскому королевству.

Очень сильным было возбуждение в Сардинском королевстве. Почти во всех городах происходили массовые демонстрации, на которых выдвигалось требование войны против Австрии. Карл Альберт после некоторого колебания вынужден был уступить давлению широких масс. 24 марта он опубликовал обращение «К народам Ломбардии и Венеции». В нем король извещал, что войска королевства, «во имя бога и Пия IX», вступают на территорию Ломбардии и Венеции «под трехцветным итальянским знаменем с са-

[38] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 5, стр. 395.

[39] *Ф. Орсини.* Указ. соч., стр. 110.

войским гербом» для оказания помощи «защитникам попранных прав»— той помощи, которую «друг ожидает от друга, а брат от брата»; Карл Альберт подчеркнул, что тем самым он желает «продемонстрировать чувство национального единства» и что «Италия справится сама».

Одновременно министр иностранных дел Сардинского королевства Л. Парето в нотах, разосланных представителям великих держав, оправдывал вмешательство его страны необходимостью помешать установлению в Ломбардии демократического строя. Конечно, объяснение министра более точно вскрывало истинные причины вступления Сардинского королевства в войну, чем фразы Карла Альберта о «национальных чувствах». Правители Сардинской монархии более всего опасались движения народных масс и установления республиканского строя в Ломбардо-Венецианской области. Своим военным вмешательством они стремились присоединить эту территорию к Сардинскому королевству, чтобы образовать Североитальянское королевство под эгидой Савойской династии. Преобладание династических интересов над национальными обусловило медлительность Карла Альберта и явилось главной причиной поражения сардинской армии в войне.

В самом деле, после бегства из Милана австрийская армия была ослаблена и деморализована, и если бы сардинская армия или волонтерские части проявили такую же энергию, как народ Милана во время «Пяти дней», то австрийская армия была бы полностью разгромлена. Но сардинская армия, которую народные массы Ломбардии и Венеции ожидали с таким нетерпением и глубокой надеждой, медлила с выступлением. Только 25 и 26 марта ее передовые колонны переправились через Тичино, а основные силы подтянулись лишь через несколько дней и продвигались крайне медленно. Лишь 6 апреля произошли первые стычки между пьемонтскими и австрийскими войсками.

Сардинская армия была плохо подготовлена к войне; у генерального штаба не было подробно разработанного стратегического плана, командование не имело даже географических и топографических карт Ломбардии. Карл Альберт, являвшийся верховным главнокомандующим, придерживался тактики позиционной войны. Хотя в конце апреля и в первых числах мая австрийской армии были нанесены поражения (в битвах у Пастренго и Санта-Лючия), командование сардинской армии не сумело закрепить победу и дальнейшей своей медлительностью дало Радецкому возможность дождаться новых подкреплений, произвести перегруппировку сил и перейти в наступление.

Медлительность и нерешительность действий сардинской армии, обусловившие ее неудачи, объяснялись не только плохой технической подготовкой и недостаточным вооружением, но главным

образом политическими целями, которые Карл Альберт и его окружение преследовали в этой войне. С самого начала войны правительство Пьемонта добивалось от Временного правительства Ломбардии решения о ее присоединении к Сардинскому королевству: действия пьемонтской армии (дальнейшее развитие или прекращение военных операций) ставились в зависимость от решения этого вопроса. О том, что при выполнении военных операций командование армии руководствовалось именно этой политикой, весьма недвусмысленно писал сын Карла Альберта герцог Генуэзский, который находился на фронте во главе дивизии: «Мы будем ждать,— говорилось в его письме от 18 апреля,— пока Ломбардия примет решение в пользу короля или республики; если, как я думаю, она через несколько дней решит в нашу пользу, тогда мы окажем ей деятельную помощь; если же она не захочет нас, мы отступим на правый берег По» [40].

Естественно, что проводя такую политику, Пьемонт не мог победить в войне. Эта политика являлась помехой созданию единого национального фронта в борьбе против Австрии; она привела к ослаблению военных усилий и не позволяла использовать великие потенциальные возможности народа, поднявшегося на решающую битву за свою независимость.

В бурные мартовские дни 1848 г. правители итальянских государств под давлением народных выступлений вынуждены были послать в Ломбардию свои военные подразделения. 19 марта, как только во Флоренции стало известно о революции в Милане, там начались волнения. В городах Тосканы устраивались массовые демонстрации, на которых выдвигалось требование объявления Австрии войны.

Опасаясь революционного взрыва в своем государстве, великий герцог Тосканы Леопольд II 21 марта опубликовал воззвание, в котором сообщалось о формировании добровольческих отрядов для отправки в Ломбардию и о концентрации регулярных армейских частей у границы. Отдавая дань патриотическим чувствам народа, Леопольд II писал в этом воззвании, что «настал час полного возрождения Италии» и что он позаботится об «ускорении создания сильной Лиги итальянских государств» [41]. Но лишь 5 апреля великий герцог дал указание об отправке в Ломбардию нескольких тысяч человек — солдат регулярной армии и волонтеров, укомплектованных главным образом из студентов университетов Пизы и Сиены.

[40] Comte de *Reiset*. Mes souvenirs. Paris, 1901, p. 96.

[41] См. АВПР, ф. Канцелярия, 1848 г., д. 96, лл. 35—36 и 38 (депеша от 24 марта 1848 г. и приложение подлинной прокламации Леопольда II от 21 марта).

Вынужден был дать согласие на отправку в Ломбардию военных контингентов и Пий IX. Революция в Милане вызвала в Риме бурные антиавстрийские демонстрации. Либеральная буржуазия и широкие массы требовали участия Папского государства в войне против Австрии. Не согласившись отправить войска на театр военных действий, папское правительство приняло, однако, решение послать корпус регулярной армии и добровольцев к северным границам государства — с указанием не переправляться через реку По. 24 марта армейский корпус численностью около 7 тыс. человек, под командованием генерала Джованни Дурандо, выступил из Рима. Двумя днями позже к северным границам направились отряды волонтеров, бо́льшую часть которых составляли рабочие и ремесленники (более 6 тыс. человек), под командованием генерала Андреа Феррари. На фронт двинулся также батальон студентов Римского университета. Добровольцев нельзя было удержать на границе, и в первых числах апреля они перешли через По. После того, опасаясь революционных выступлений, Пий IX вынужден был уступить требованию своих министров-либералов и неофициально разрешить генералу Дурандо переправиться через По для участия в войне с Австрией. 21 апреля корпус Дурандо включился в военные действия.

Отправил свое войско на театр военных действий также и Фердинанд II, король Обеих Сицилий. Он вынужден был считаться с массовыми антиавстрийскими демонстрациями и волнениями, просходившими в королевстве, как только стало известно о революции в Ломбардо-Венецианской области. Однако из 20-тысячной армии, посланной на фронт под командованием бывшего участника революции 1820 г. генерала Гульельмо Пепе, лишь небольшая часть принимала участие в боях с австрийцами, так как еще до переправы через По король отдал приказ о возвращении ее в Неаполь для подавления революции в Королевстве Обеих Сицилий. Пепе отказался выполнить приказ короля и призвал солдат и офицеров двинуться в Венецию. За ним последовали лишь два батальона волонтеров и незначительная часть солдат и офицеров регулярной армии; они самоотверженно сражались во время длительного периода обороны Венеции. Устремились на фронт также волонтерские отряды герцогств Парма и Модена.

Таким образом, на фронте сражались армейские части и волонтерские отряды всех итальянских государств. Однако им не хватало единого верховного командования, которое координировало бы и направляло усилия всех военных подразделений. Хотя Карл Альберт и являлся верховным главнокомандующим и претендовал на руководство всеми армейскими частями, на деле он не осуществлял этого руководства и не мог осуществлять, так как не обладал способностями полководца. Главное же заключалось в том, что в эти

дни и месяцы высокого патриотического подъема и самоотверженной борьбы на фронтах основной заботой Карла Альберта было не обеспечение военных успехов, а подготовка условий для скорейшего присоединения герцогств, Ломбардии, а также Венеции к своему королевству.

Давление, оказанное Карлом Альбертом через своих эмиссаров и правых либералов на общественное мнение Ломбардии и Венеции, привело к обострению борьбы между политическими партиями и группировками на этих освободившихся от австрийского ига территориях. В Ломбардии происходила упорная борьба между правыми либералами и демократическими силами. Но и внутри демократического лагеря начались разногласия между различными группировками. Каттанео и Феррари предлагали организовать борьбу за свержение правительства умеренных и захват власти демократией. Для этого они созвали 30 апреля совещание, на котором присутствовал Мадзини, прибывший в Милан 7 апреля. Мадзини, хотя и был противником немедленного присоединения Ломбардии к Сардинскому королевству и вел решительную борьбу против умеренных, считал план Каттанео и Феррари нереальным. Действительно, у демократов тогда не было сил, чтобы свергнуть правительство умеренных, поддерживаемое Сардинским королевством.

Временное правительство знало о слабости демократов, понимало, что они не в состоянии помешать мерам по ускорению присоединения Ломбардии к Сардинскому королевству. Поэтому оно приняло постановление о проведении плебисцита по вопросу о присоединении и тем самым нарушило взятые на себя обязательства отложить решение судеб Ломбардии до победы над внешним врагом. Итоги плебисцита, закончившегося 29 мая, оказались в пользу присоединения.

В Венецианской области в апреле — мае 1848 г. создалась более сложная ситуация, чем в Ломбардии. Здесь сильны были противоречия между городами континентальной части области и Венецией. В период мартовской революции в провинциях области возникли местные временные правительства, которые были преобразованы в департаментские комитеты. Для усиления связи с провинциями и для подготовки избирательного закона по выборам в Учредительное собрание Временное правительство Венеции решило созвать Консульту (Совет), в которую каждая провинция должна была послать трех представителей. В декрете правительства (от 31 марта) говорилось, что Консульта должна «подавать советы относительно мер, желательных для осуществления национального дела по всем ведомствам управления»[42].

[42] См. «Raccolta per ordine cronologico di tutti gli atti, decreti, nomine ec. del governo provvisorio della Repubblica Veneta», t. I. Venezia, 1848, p. 261.

На заседаниях Консульты, созванной 8 апреля, сразу же обнаружились острые разногласия. Представители провинций, встревоженные наступлением австрийской армии, сумевшей снова захватить значительные территории области, высказывались за немедленное присоединение к Сардинскому королевству, чему противилось большинство Временного правительства. Карл Альберт и его окружение воспользовались этими настроениями и усилили давление на Венецию.

В то же время правительство Ломбардии предложило правительству Венецианской области подготовить созыв единого Учредительного собрания для обеих областей. У Временного правительства Венеции не было единого мнения по этому вопросу, и оно медлило с ответом. Тогда департаментские комитеты ряда венецианских провинций созвали в Падуе совещание, которое одобрило проект единого ломбардо-венецианского собрания. Узнав, что правительство Ломбардии назначило плебисцит по вопросу о присоединении к Сардинскому королевству, некоторые провинции Венецианской области также решили провести плебисцит. Итоги голосования оказались в пользу присоединения. Но правительство Венеции пока не приняло определенного решения.

Как бы то ни было, военная обстановка помешала полностью оформить присоединение к Сардинскому королевству как Ломбардии, так и Венеции.

Во время этой первой фазы войны, начавшейся на севере страны, в других частях полуострова происходили важные события, которые во многом определили дальнейшее развитие освободительного движения и повлияли на расстановку классовых сил.

В те самые дни, когда на фронтах войны велись напряженные бои, когда Радецкий получил подкрепления и начал контрнаступление, реакционные силы в Италии начали поднимать голову. Они особенно активизировались в Папском государстве, где весной 1848 г. не утихали голодные бунты. Реакционеры стремились нанести удар национально-освободительному движению и полагали, что их выступление будет более эффективным, если его возглавит Пий IX. Они требовали, чтобы папа открыто выступил против движения за объединение Италии и против освободительной войны. Всячески запугивая папу, реакционные элементы утверждали, что его политика ведет к расколу церкви. Реакционеров Италии поддерживала реакция из-за рубежа (Австрии, германских государств), обвинявшая Пия IX в том, что его политика вызвала революцию не только в Италии, но и в других европейских странах.

В этой обстановке Пий IX поддался давлению реакции, тем более что он и сам считал, что пора покончить с либеральным движением. 29 апреля Пий IX выступил в консистории с «Обращением», в котором осудил войну с Австрией и заявил, что солдаты

Папского государства были посланы к границам лишь для защиты целостности владений святой церкви. Указав, что как наместник бога на земле он должен заботиться о всех людях и нациях, папа далее заявил, что сделает все от него зависящее, чтобы «погасить пламя распрей и примирить враждующие сердца».

Это «Обращение» Пия IX обозначало крутой поворот в политике Папского государства. Оно развеяло миф о «папе — освободителе» Италии, миф, созданный умеренными либералами. «Обращением» от 29 апреля неогвельфской идее Джоберти и легенде о миссии папства был нанесен смертельный удар.

Поворот в папской политике вызвал волнения в Риме и в провинциях. В ряде городов происходили беспорядки. Народные массы требовали смены правительства. Папа снова вынужден был уступить. 4 мая 1848 г. он назначил новое правительство, которое формально возглавлялось кардиналом, но основную роль в нем играл умеренный либерал Теренцио Мамиани, бывший участник восстания 1831 г. и сторонник продолжения войны против Австрии.

«Обращение» Пия IX от 29 апреля окрылило Фердинанда II и всех реакционеров Королевства Обеих Сицилий, искавших только повод для подавления освободительного движения военной силой. Поводом послужили события в Палермо и Неаполе.

25 марта открылся сицилийский парламент (первый его созыв после начала революции). В парламенте преобладали умеренные либералы, придерживавшиеся сепаратистских тенденций. Было создано Временное правительство во главе с Руджиеро Сеттимо. 13 апреля сицилийский парламент принял декрет о лишении (навсегда) Фердинанда II и династии Бурбонов прав на сицилийский престол; в декрете говорилось о намерении возвести на трон одного из итальянских принцев. Фердинанд II опубликовал заявление, в котором указывалось, что решение сицилийского парламента «противозаконно» и не имеет никакой силы. Тайно король разрабатывал план удушения сицилийской революции.

Однако обстоятельства в королевстве сложились так, что контрреволюционное выступление Фердинанд II начал в Неаполе. После провозглашения конституции в отдельных провинциях континентальной части королевства не утихали крестьянские волнения. Они особенно усилились в марте и апреле, когда во многих местах крестьяне захватывали общинные и государственные земли. В то же время в Неаполе и других городах происходили волнения рабочих, боровшихся за увеличение заработной платы.

В эти неспокойные дни 18 и 30 апреля 1848 г. состоялись выборы в палату депутатов королевства. Избиратели относились настолько индифферентно к выборам, и в них принимала участие лишь одна пятая часть тех, кто имел право голоса согласно избира-

16. *Баррикады в Неаполе в мае 1848 г.*

тельному закону, предусматривавшему имущественный ценз. Подавляющее большинство избранных депутатов принадлежало к умеренным либералам. 13 мая большинство прибывших в Неаполь депутатов собралось на предварительное совещание по поводу церемонии открытия парламента. В программе церемонии, разработанной правительством, предусматривалось, что при открытии парламента депутаты должны будут принести присягу «дарованной» королем конституции. Но в тексте присяги ничего не говорилось об изменениях в конституции, обещанных правительством и подлежащих обсуждению парламентом. Депутаты поняли, что тем самым Фердинанд II стремился закрыть дорогу всяким реформам. На совещании, которое продолжалось и 14 мая, возникла острая дискуссия. Большинство депутатов потребовало изменения текста присяги, но король решительно отказался сделать это. Тогда правительство, возглавлявшееся умеренным либералом Карло Тройя, подало в отставку.

Вскоре в городе стало известно о конфликте между королем и парламентом, распространился слух, что король собирался арестовать депутатов. На улицах собирались толпы народа, раздавались

призывы к восстанию. Вечером 14 мая на улицах Неаполя появились первые баррикады, а утром 15 мая началась перестрелка между восставшими и воинскими частями. Инициаторами восстания были демократические силы — ремесленники и мелкая буржуазия. Почти весь день происходили бои. Против восставших была брошена 12-тысячная армия, располагавшая кавалерией и артиллерией. Королевской армии помогали деклассированные элементы — неаполитанские лаццарони, которые вместе с солдатами учинили дикий разбой и грабеж мирного населения. Несмотря на героическое сопротивление, горстка восставших не могла устоять против хорошо вооруженной многотысячной армии и лаццарони.

После победы над восставшим народом Фердинад II назначил новое правительство и распустил палату депутатов и национальную гвардию. Переворот 15 мая привел к глубокому политическому кризису монархии Бурбонов и способствовал поляризации классовых сил во всей Италии. На примере кровавых событий в Неаполе широкие народные массы все более и более убеждались, что монархия является врагом национального движения. Как отмечал Энгельс, «контрреволюционным переворотом 15 мая Фердинанд Бурбон заложил первый камень в фундамент итальянской республики»[43].

Реакционный переворот в Неаполе, за которым последовал отзыв с фронта корпуса генерала Пепе, и антинациональное выступление Пия IX не только ослабили военные силы Италии, но и отрицательно отразились на моральном состоянии армии. Эти обстоятельства изменили положение на фронтах в пользу Австрии: они облегчили наступательные действия австрийцев, которые в июне одержали ряд побед и снова заняли почти всю Венецианскую область, за исключением самой Венеции.

Ассамблея Венеции, собравшаяся 3 июля в обстановке тревоги и уныния, также приняла решение о присоединении Венеции к Сардинскому королевству. На заседании Ассамблеи произошла острая дискуссия. Многие республиканцы выступили против присоединения к Сардинской монархии. Очень взволнованно выступил Д. Манин, речь которого предопределила решение Ассамблеи. Он заявил: «Я держусь сегодня тех же взглядов, что и 22 марта, когда я перед воротами арсенала и на площади святого Марка провозгласил республику. И не только я, но и все тогда были того же мнения. Сегодня никто уже с этим не согласен... Я собираюсь высказать здесь слова примирения... Дадим отпор врагу... Докажем ему, что сегодня мы не думаем о том, роялисты ли мы или республиканцы. Мы думаем лишь, что все мы — итальянцы!»[44]

[43] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 5, стр. 19.

[44] См.: «Raccolta per ordine cronologico...», t. II, 1848, p. 478.

За немедленное присоединение к Сардинскому королевству было подано 130 голосов, против — 3. После этого Манин подал в отставку, и в Венецию прибыли сардинские правительственные комиссары.

В это тяжелое для Италии время, когда решалась судьба страны, развернул свою кипучую деятельность человек, с именем которого связана вся дальнейшая борьба за единую независимую Италию,— Джузеппе Гарибальди. 21 июня 1848 г. он вернулся в Италию, пробыв в эмиграции 14 лет. Еще молодым моряком Гарибальди примкнул к революционному обществу «Молодая Италия».

За участие в неудавшемся восстании в 1834 г. он был заочно приговорен к смертной казни, но ему удалось бежать. В Южной Америке Гарибальди впервые проявил свой военный талант. Восемь лет во главе партизанских отрядов он почти без перерывов сражался за свободу и независимость Риу-Грандской и Уругвайской республик. В этой борьбе выковался искусный полководец, с крошечными отрядами побеждавший целые армии. Партизанские отряды Гарибальди не знали поражений.

За борьбой Гарибальди в Южной Америке следила вся революционная Италия, его имя стало здесь самым популярным, и угнетенные народные массы ждали его как избавителя. Как отмечал русский революционер, писатель-демократ С. М. Кравчинский (Степняк), «американские походы подготовили не только Гарибальди для Италии, но и Италию для Гарибальди». Сам же Гарибальди рассматривал свои американские походы как подготовку сил к будущей борьбе за освобождение Италии.

Еще в 1847 г., вскоре после того как австрийцы заняли город Феррару, принадлежащий Папскому государству, Гарибальди предложил свои услуги Пию IX для борьбы против Австрии. Но Папское государство не захотело воспользоваться помощью итальянского революционера. Услышав о начале антиавстрийской войны, Гарибальди вместе со своими сподвижниками немедленно устремился в Италию. Прибыв на родину, он поспешил в главную квартиру сардинской армии, к Карлу Альберту — тому самому королю, суд которого приговорил его в 1834 г. к смертной казни,— чтобы предложить ему свою шпагу. Как писал впоследствии Гарибальди в «Мемуарах», он и его товарищи по оружию «решили служить Италии и побеждать ее врагов, независимо от цвета флага, под которым придется сражаться в освободительной войне» [45]. Король отнесся к Гарибальди с недоверием и принял его очень холодно. Он предложил ему отправиться в Турин, чтобы вести переговоры

[45] *G. Garibaldi.* Memorie. Scritti. Ed. nazionale (далее: *G. Garibaldi.* Memorie), v. II, p. 240.

с военным министром Риччи. Тот встретил партизанского вождя враждебно и высмеял его предложение о создании партизанских отрядов.

Гарибальди был возмущен. Он немедленно уехал в Милан и предложил свои услуги Временному правительству Ломбардии. Это правительство назначило Гарибальди генералом и поручило ему организовать несколько волонтерских отрядов. Однако военный министр Собреро, который был сардинским генералом и пользовался большим влиянием в правительстве, всячески старался помешать созданию истинно народной и патриотической армии под командованием Гарибальди. Он тормозил экипировку отрядов под тем предлогом, что их форма (красная рубашка, на которой настаивал Гарибальди) слишком заметна и будет мишенью для врага. А когда отряды были созданы, Гарибальди долго все еще не получал назначения на театр военных действий.

В эти дни в сражении при Кустоце (25 и 26 июля) сардинская армия потерпела сильное поражение и отступила к Милану. Создалась угроза захвата врагом Милана. В ночь с 27 на 28 июля Временное правительство созвало совещание для решения вопроса об организации обороны столицы и создания Комитета общественной безопасности. На этом совещании присутствовал и Гарибальди. Он выступил со страстной обличительной речью, в которой обвинил сардинских генералов, в частности и Собреро, в бездеятельности. Был создан Комитет общественной безопасности, и Гарибальди, наконец, получил приказ двинуться с отрядом в 1500 человек в Бергамо.

Здесь партизанский вождь пополнил свой отряд до 3700 человек и готовился выступить против австрийцев, но получил распоряжение из Милана о возвращении и присоединении к сардинской армии. Предстояло генеральное сражение под стенами Милана.

Сражение за Милан длилось всего несколько часов. Трусливый Карл Альберт и его генералы решили капитулировать (4 августа). Помощь Гарибальди героическим миланцам опоздала. Можно было еще продолжать оборону города, призвав к оружию все население, но это чревато было новой революцией, чего больше всего боялся Карл Альберт, ибо в результате выступления народных сил под угрозой оказалась бы и сама Савойская династия.

6 августа фельдмаршал Радецкий снова вступил в Милан, а через три дня было подписано позорное капитулянтское перемирие, которое вошло в историю под названием «перемирия Саласко» — по имени начальника генерального штаба пьемонтской армии. В соответствии с перемирием демаркационная линия между двумя воюющими армиями становилась границей, и Пьемонт должен был отозвать свои войска из городов и крепостей Ломбардии и Венеции, а также из герцогств.

С горечью писал впоследствии Гарибальди о печальном исходе первой австро-итальянской войны: «Истерзанная Италия снова очутилась в рабстве, и не было руки, которая могла бы собрать ее силы и обратить их против врагов и предателей. Если бы эти силы были сплочены и имели хороших руководителей, их оказалось бы достаточно, чтобы разгромить всех врагов Италии»[46].

Гарибальди не признал перемирия. 13 августа он выпустил прокламацию, в которой заклеймил позором Карла Альберта и призывал к продолжению войны. Он решил начать в Ломбардии партизанскую войну и двинулся во главе своих храбрых волонтеров в Альпы. Население везде оказывало ему теплый и радушный прием и помогало, чем только могло. Радецкий пытался окружить отряды Гарибальди, но безуспешно. Однако небольшой партизанский отряд не мог устоять против 15 тысяч австрийских солдат, и 26 августа, после упорного боя, Гарибальди вынужден был прекратить борьбу и отступить в Швейцарию. Но Гарибальди не сложил оружия. Он разработал новый план похода против австрийской армии и снова начал вербовать волонтеров.

Начало второго периода революции

Прекращение Карлом Альбертом войны против Австрии привело к обострению классовой борьбы во всей Италии и вызвало глубокое негодование народных масс. Перемирие привело к краху иллюзий «альбертизма», оно рассеяло веру в то, что пьемонтская монархия способна освободить Италию от иностранного гнета и возглавить движение за ее объединение.

Особое негодование капитулянтское перемирие вызвало в Венеции, из которой Сардинское королевство, в соответствии с перемирием, должно было вывести свою армию. Венеция готова была снова восстать. 11 августа, как только стало известно о перемирии, на площади святого Марка собралась огромная толпа, которая кричала: «Нас предали!» Массы требовали расправы с пьемонтскими комиссарами (к которым фактически перешла власть, в соответствии с решением о присоединении к Пьемонту). Выступивший перед возмущенными массами Д. Манин старался успокоить их, заявив, что через два дня будет образовано республиканское правительство и что в течение 48 часов он «сам будет править». Комиссары вынуждены были сложить с себя полномочия и уехать из Венеции. Собравшаяся 13 августа Ассамблея облекла Манина диктаторскими полномочиями.

[46] *G. Garibaldi.* Memorie, v. II, p. 243.

События в Италии развертывались синхронно. Поражение при Кустоце и капитулянтское перемирие Саласко вызвали в Тоскане еще бо́льшие волнения, чем в Венеции. Особый размах они приняли в Ливорно, где сильны были социальные движения и где многочисленный пролетариат, ремесленники и мелкая буржуазия поддерживали радикальных демократов. Инцидент, происшедший 24 августа в связи с приездом в Ливорно священника А. Гавацци, послужил сигналом к восстанию. Гавацци был ранее выслан из Тосканы за свои пламенные демократические проповеди. Он прибыл в Ливорно, чтобы направиться в Болонью, но власти с ним грубо обошлись и под конвоем доставили к границе государства, а сопровождавших его патриотов арестовали. Народные массы Ливорно ответили на этот акт восстанием. Они захватили губернаторский дворец и крепость. Оружие, хранившееся в крепости, было распределено между восставшими. Как сообщал из Ливорно русский генеральный консул, власть в городе фактически перешла в руки вооруженного народа. Национальный клуб конституировался «в нечто вроде временного правительства»[47]. Для подавления восстания правительство Тосканы отправило в Ливорно отряд Л. Чиприани. Его прибытие обострило борьбу восставших. В городе были сооружены баррикады, на которых плебейские массы героически сражались. 2 сентября отряд Чиприани был разбит восставшим народом[48].

Восстанием в Ливорно начался новый период итальянской революции, приведший к образованию демократических правительств в Тоскане и Папском государстве. Монархические правители были опозорены, а умеренные либералы — скомпрометированы, инициатива борьбы за национальное возрождение Италии в августе 1848 г. перешла к демократическим силам.

Маркс очень высоко оценил героическое восстание народных масс Ливорно, указав, что оно явилось поворотным пунктом в революции 1848 г. «Ливорно, — писал Маркс, — единственный итальянский город, для которого падение Милана явилось толчком к победоносной революции, — Ливорно, наконец, увлек своим демократическим подъемом всю Тоскану...»[49]

Это было время, когда фронт либеральной буржуазии был прорван; партия умеренных либералов раскололась. Одна часть ее примкнула к реакционным силам, образовав вместе с ними антилиберальный фронт. Другая ее часть отошла от политической борьбы, предоставив свободу действий демократам.

Еще до восстания в Ливорно Мадзини, обращаясь за помощью к французским демократам, писал (в письме Ж. Бастиду от 9 ав-

[47] АВПР, ф. Канцелярия, 1848 г., д. 96, лл. 43—44.
[48] Там же, лл. 50—51.
[49] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 6, стр. 85.

густа 1848 г.), что «королевская война закончилась, начинается война народа... Движение может быть только республиканским»[50]. Такого же мнения придерживался и Гарибальди, который отказался признать перемирие и начал партизанскую войну. Восстание в Ливорно подтвердило правильность утверждений Мадзини, Гарибальди и других деятелей демократического движения, что республиканцы должны взять инициативу в свои руки.

События в Ливорно вызвали волнения в других городах Тосканы. На митингах и демонстрациях народные массы выдвигали требование создания демократического правительства. В это время в Тоскану вернулся из австрийского плена Джузеппе Монтанелли, популярный в народе деятель демократического движения. Выдвинутый им лозунг созыва итальянского учредительного собрания стал самым популярным требованием демократических масс Тосканы и всей Италии.

Правительство правых либералов во главе с Джино Каппони (сменившее в августе правительство Ридольфи) вынуждено было подать в отставку. Под давлением народа и чтобы успокоить царившее в стране возбуждение, Леопольд II поручил Монтанелли сформировать новое правительство. Тот принял предложение и 27 октября образовал правительство, в котором преобладали демократы. Большим влиянием в правительстве пользовался популярный писатель Ф. Д. Гуерацци, занимавший пост министра внутренних дел. Но Гуерацци не был решительным демократом, он старался сдерживать революционные устремления народа.

Бурные и драматические события происходили в конце лета и и начале осени 1848 г. в Папском государстве. Неудачи на австрийском фронте вызывали брожения среди широких народных масс; все громче раздавались голоса патриотов, указывавших, что антинациональная политика Пия IX явилась одной из причин поражений на фронтах. В Риме и в провинциальных городах участились демонстрации, на которых массы требовали оказания помощи фронту и участия Папского государства в войне против Австрии. Оживилась деятельность клубов разных направлений. Уже в июне выступивший на собрании в одном из клубов Рима Джоберти с сожалением констатировал, что «согласие, установленное между папой и народом, нарушается»[51]. Либеральное правительство Мамиани почти весь период своего существования вступало в конфликты с Пием IX и его советниками. Основная причина конфликтов — отказ папы от любых мероприятий в поддержку войны с Австрией.

В начале августа правительство Мамиани подало в отставку. Пий IX назначил новое правительство во главе с правым либера-

[50] *G. Mazzini.* Scritti..., v. XXXV, p. 276.
[51] См. «Gazzetta di Genova», 6. VI 1848.

лом Э. Фаббри и одновременно вел переговоры с представителями консервативных кругов, чтобы окончательно избавиться от либералов. Правительство Фаббри просуществовало всего 6 недель — 16 сентября было образовано правительство Пеллегрино Росси (официально Росси занимал пост министра внутренних дел и полиции, но фактически исполнял обязанности главы правительства).

Росси и ранее оказывал значительное влияние на политику Пия IX. С 1845 г. он был послом Франции в Папском государстве, а после февральской революции 1848 г. остался в Риме в качестве частного лица. Враг демократии, Росси стремился создать «сильное правительство» для расправы с патриотическим, демократическим движением. С приходом к власти он принял меры, ограничившие свободу печати и усилившие полицейский аппарат. Он выступал с едкими филиппиками против демократии и создал сеть провокаторов и шпионов в римских клубах[52]; Росси преследовал Гарибальди, когда тот вступил с остатками своего отряда в Папское государство, выдал неаполитанских политических эмигрантов Фердинанду II. Гарибальди считал Росси «самым опасным приспешником тирании».

Политика Росси вызывала глубокое негодование широких масс и демократической общественности. Демократическая печать обрушилась на Росси. Газеты указывали, что он заключил тайный союз с Фердинандом II, что он является врагом итальянской независимости и готовит государственный переворот. В ряде городов произошли волнения, особенно сильные — в Болонье.

На 15 ноября 1848 г. было назначено открытие в Палаццо делла Канчеллерия заседания парламента. Туда направился и Росси. Он знал о царившем в Риме возбуждении и отдал распоряжение стянуть войска в столицу. Росси намеревался распустить парламент, если правительству будет выражено недоверие. На площади перед зданием парламента состоялась громадная демонстрация. Вся площадь была заполнена народом. Массы встретили Росси возгласами негодования. Особо выражали свое возмущение бывшие волонтеры. У входа в дворец, когда Росси поднимался по ступенькам, он был окружен толпой волонтеров и одним из них смертельно ранен кинжалом. Совершивший покушение скрылся.

В парламенте началось замешательство, и заседание его было отложено. Как радикалы, так и реакционные элементы отрицали свою причастность к убийству Росси, но возбужденные патриотические народные массы восприняли убийство ненавистного министра, угрожавшего им расправой, как сигнал к борьбе. Характерна оценка, которую дал Гарибальди этому акту: «Удар кинжала разъ-

[52] См. *E. Del Cerro.* Cospirazioni romani (1817—1868). Roma, 1899, p. 178—179.

яснил сообщникам чужеземцев, что народ понимает их и не желает быть снова отданным ими в рабство, которое они стремятся утвердить при помощи лжи и предательства... Гибель Росси показала римскому правительству, что нельзя попирать безнаказанно права и желания народа»[53].

В то же время Гарибальди подчеркивал, что он — противник индивидуального террора и отрицательно относится «к удару кинжала Брута».

После убийства Росси растерявшиеся министры папского правительства подали в отставку. Приказ Пия IX начальникам карабинеров, гражданской гвардии и швейцарских войск приступить к арестам и другим репрессивным мерам те отказались выполнять, заявив, что не могут ручаться за верность своих воинских частей.

Поздно вечером 15 ноября в Риме возобновились демонстрации, факельные шествия. К демонстрантам примкнуло много солдат. После отставки правительства и прекращения заседаний парламента хозяином положения в Риме фактически стал Народный клуб. Он играл большую роль в политической жизни Рима тех дней, в него входили левые либералы и демократы[54]. Президентом клуба был Пьетро Стербини — старый карбонарий, республиканец, друг Мадзини[55].

Руководители Народного клуба и поддерживавшие их патриоты 16 ноября организовали в Риме огромную демонстрацию, в которой участвовали также солдаты и офицеры регулярных войск и гражданской гвардии. Демонстранты направились в Квиринал для вручения папе обращения. Они требовали созыва итальянского учредительного собрания, возобновления войны с Австрией и создания нового правительства, в которое были бы включены представители радикалов. Массы требовали проведения социальных реформ. Отказ Пия IX пойти на уступки вызвал гнев демонстрантов. Несколько тысяч человек окружили дворец; были подожжены одни из ворот Квиринала; на площади стали сооружаться баррикады. Охранявшие дворец швейцарцы открыли огонь по толпе и убили несколько демонстрантов. В ответ раздались ружейные залпы по Квириналу. Тогда папа заявил, что назначит требуемое народом правительство и что остальными вопросами займется парламент. В тот же день было образовано новое правительство с участием представителей левых либералов и демократов.

«Примирение» с радикалами и либералами явилось со стороны папы только маневром. 17 ноября Пий IX собрал дипломатический

[53] *G. Garibaldi.* Memorie, p. 267.

[54] См. *B. King.* Op. cit., v. II, p. 86; *E. Del Cerro.* Op. cit., p. 180—182.

[55] *S. Canzio.* Op. cit., p. 473; *D. Demarco.* Una rivoluzione sociale. La Repubblica Romana del 1849. Napoli, 1944, p. 23.

корпус и заявил, что эти уступки сделаны под давлением силы и что он не будет одобрять решений правительства.

Волнения в Риме не прекращались. Дальнейшее пребывание в «мятежной столице» показалось папе опасным, и 24 ноября ночью он, переодевшись, бежал в пограничную неаполитанскую крепость Гаэту. Еще до того из Рима бежали почти все кардиналы. Бегству Пия IX содействовали посланник Баварии граф Шпаур и его супруга, а также французский посол д'Аркур. В письме Фердинанду II папа просил оказать ему гостеприимство и сообщал, что вынужден был покинуть столицу, «чтобы избежать обострения эксцессов» [56].

То же самое Пий IX писал в письме из Гаэты «светлейшему и могущественному» императору России Николаю I. Он сетовал на «насилие, совершенное толпой», просил царя поддержать его позицию и оказать содействие в восстановлении порядка в столице и в сохранении целостности государства, гарантированной международными трактатами [57]. Пий IX особенно надеялся на помощь католических держав — Австрии и Испании. В декабре он обратился за помощью к «дорогому сыну», австрийскому императору. Маркс писал по этому поводу, что «папа, изгнанный из Рима, сидит в Гаэте» и «интригует против Италии с ее исконным смертельным врагом — Австрией...» [58]

В то время как Пий IX открыто и полностью порвал с либеральным движением и стремился при помощи иностранной интервенции восстановить прежние порядки, новое правительство, созданное в результате революции, не желало порвать отношений с папой. Оно все еще надеялось на примирение с ним и направило к нему в Гаэту посланца для выражения верноподданнических чувств. В этой политике правительства и парламента сказывалась половинчатость и нерешительность буржуазии, боявшейся дальнейших революционных потрясений. Однако возврат к старому был невозможен — в ноябрьские дни 1848 г. народные массы Рима одержали одну из решающих побед в революции, светская власть папы фактически была свергнута.

По-иному в это же время протекали события в соседнем с Папским государством Королевстве Обеих Сицилий. После контрреволюционного переворота 15 мая и кровавой расправы, организованной Фердинандом II в Неаполе, демократы предприняли последнюю попытку оказать сопротивление наступлению реакции — в ряде провинций произошли восстания, а в Калабрии, где

[56] См. *De Spaur.* Relation du voyage de Pie IX a Gaete. Paris, 1852, p. 29.
[57] См. АВПР, ф. Канцелярия, 1848 г., д. 149, л. 3.
[58] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 6, стр. 158.

демократы пользовались значительным влиянием, развернулось мощное партизанское движение, которое правительственным войскам удалось задушить лишь через два месяца. Либеральное большинство избранной в июне новой палаты депутатов заявило о своей оппозиции политике правительства. Тогда Фердинанд II издал декрет об отсрочке ее заседаний. Умеренные либералы, больше всего опасавшиеся народных движений, не пожелали выйти за рамки легальной оппозиции и отклонили предложения демократов об организации мощных выступлений против правительства. Таким образом, Фердинанду II при помощи свирепого террора удалось подавить освободительное движение и осуществить меры для реставрации абсолютистских порядков.

После подавления восстания в Калабрии Фердинанд II начал готовить поход против Сицилии. Особую тревогу у него вызвали социальные мероприятия сицилийского правительства (образованного в августе)[59]. Это правительство провело через парламент ряд законопроектов социального характера и приступило к их осуществлению: распродаже церковных и части национальных имуществ, отмене налога на помол и др.

31 августа Фердинанд II послал в Мессину экспедиционный корпус численностью в 25 тыс. солдат под командованием генерала Филанджиери и военно-морскую эскадру. Мессинская крепость до тех пор все еще находилась в руках бурбонцев, поэтому Фердинанд II избрал этот город как исходный пункт для завоевания Сицилии. На рассвете 3 сентября королевская армия начала бомбардировку Мессины с суши и с моря. Этой армии, включавшей все рода войск, противостояли вооруженные отряды Мессины общей численностью 6000 человек. Четыре дня город подвергался жестокому артиллерийскому обстрелу. Мессинцы оказали отчаянное сопротивление. К вооруженным бойцам присоединилось население города — женщины, дети, старики. Несмотря на то, что неаполитанцы вводили в бой все новые и новые войска, мужественная оборона безоружных мессинцев не ослабевала. Однако силы оказались слишком неравными и в полдень 7 сентября бурбонские войска овладели городом. Мессинцы все еще продолжали сражаться и лишь через несколько дней вынуждены были прекратить сопротивление. В результате бомбардировки почти весь город был разрушен, две трети его полностью уничтожены. Овладев городом, бурбонские войска учинили страшную резню, погромы, насилия и грабежи. Жестокая расправа над Мессиной вызвала ненависть к Фердинанду II всего цивилизованного челове-

[59] См., например, об этом частное письмо Фердинанда II от 1 октября 1848 г., адресованное Николаю I, с приложением меморандума (АВПР, ф. Канцелярия, 1848 г., д. 158, лл. 8—9).

чества и оставила за коронованным варваром кличку «король-бомба».

Благодаря посредничеству капитанов английских и французских судов, стоявших на рейде у Мессины, 8 октября было подписано перемирие, и неаполитанские войска временно приостановили дальнейший поход карательной экспедиции. Лишь в мае 1849 г. Бурбонам удалось вновь полностью подчинить Сицилию.

Характерно, что в меморандуме Фердинанда II, направленном «дорогому брату» — царю Николаю I, неаполитанской король жаловался, что своим посредничеством Англия и Франция сорвали «моральный эффект экспедиции», которую он «имел право» предпринять. В связи с этим Фердинанд II просил Николая I «использовать свой личный высокий авторитет и влияние России», чтобы защитить «независимость и права» его короны[60]. Письмом от 8 ноября царь ответил Фердинанду II, что «сделает все, что в его силах», чтобы оказать ему «моральную поддержку», и что русские послы в Лондоне и Париже уже предприняли соответствующие шаги, которые «произведут впечатление»[61].

Но в это время английская и французская дипломатия проявляли посредническую инициативу не только в сицилийском вопросе, но и в других итальянских делах. Начатые ими еще в августе переговоры с пьемонтским и австрийским правительствами об условиях заключения мира между Сардинским королевством и Австрийской империей они с особой настойчивостью продолжали в октябре—ноябре. Основания для такой оживленной деятельности дипломатов двух великих держав были более чем достаточные. В октябре восстали рабочие и ремесленники Вены. На помощь повстанцам австрийской столицы в поход выступила венгерская революционная армия. Правящие круги Англии и Франции опасались новых революционных потрясений во всей Европе. После начала нового восстания в Вене они считали, что легко будет убедить Австрию пойти на некоторые уступки Пьемонту и тем самым решить «больной» итальянский вопрос. При этом они указывали, что подъем патриотического движения в Италии и требования возобновления войны представляют опасность для самой Австрии. Однако в конце октября восстание в Вене было подавлено, и австрийское правительство, раньше всячески затягивавшее переговоры, заявило, что не может быть и речи об изменении территориального устройства Италии, определенного Венским конгрессом.

Между тем в Пьемонте усилилось влияние сторонников возобновления военных действий. Демократы и левые либералы значи-

[60] См. АВПР, ф. Канцелярия, 1848 г., д. 158, лл. 9—11.
[61] Там же, лл. 19—20.

тельно укрепили свои позиции. В большой мере этому способствовали события в Риме. После ноябрьских событий 1848 г. в Риме в ряде городов Пьемонта устраивались демонстрации, на которых выдвигались требования образования демократического правительства. Особенно бурными были демонстрации в Генуе.

Праволиберальное правительство Перроне вынуждено было подать в отставку. 15 декабря новое правительство сформировал лидер оппозиции Джоберти. Он пользовался поддержкой демократов и блокировавшихся с ними левых либералов: в правительстве Джоберти они составили подавляющее большинство (лишь два министерских кресла заняли умеренные либералы).

В программе правительства Джоберти указывалось, что Пьемонт будет бороться за независимость и объединение Италии как федерации итальянских государств; правительство позаботится, чтобы подготовить армию к возобновлению военных действий в ближайшее время. В программе возвещалось, что «демократическое правительство» ставит перед собой задачу заняться проблемами «рабочего и менее счастливого класса». Этот пункт послужил поводом для нападок реакционеров, обвинявших Джоберти в том, что он стремится учредить в Пьемонте «социальную республику». Сторонник конституционной монархии, умеренный либерал, Джоберти сделал это программное заявление из чисто пропагандистских целей. Позже, в частных разговорах, он сам признавался, что называл свое правительство «демократическим» лишь «ради уступки духу времени»[62]. Для характеристики политики Джоберти весьма показательным является тот факт, что его правительство стремилось воспрепятствовать упразднению светской власти папы и с этой целью попыталось играть роль посредника между правительством Рима и бежавшим в Гаэту папой.

При осуществлении этой программы правительство Джоберти столкнулось с сопротивлением консерваторов в парламенте. Джоберти добился издания декрета о роспуске палаты депутатов и назначении новых выборов в январе 1849 г. На выборах, происходивших в условиях ожесточенной борьбы между умеренными либералами и демократическими силами, победу одержали демократы, получившие большинство в палате.

Почти все депутаты демократического большинства были представителями мелкой и средней буржуазии. Весьма показательно, что Кавур, который уже тогда был одним из лидеров умеренных либералов, потерпел поражение на выборах и не пришел в палату депутатов.

Джоберти возглавлял правительство всего два месяца (до 21 февраля). Ничего не выполнив из обещанной программы, оно

[62] См. *B. King*. Op. cit., v. II, p. 107.

пало под ударами тех же демократов, при помощи которых пришло к власти. Главной причиной падения Джоберти явилось его враждебное отношение к демократическим силам Тосканы и Папского государства, боровшимся за установление республиканского строя.

В течение декабря 1848 г. в Папском государстве ширилось демократическое движение и все более обострялась борьба между различными партийными группировками. Демократы повели энергичную борьбу за созыв Учредительного собрания и за провозглашение республики. Им противостояли умеренные либералы и реакционеры, все еще надеявшиеся на примирение с папой и на его возвращение в Рим.

В это время большую роль играли клубы, особенно провинциальные, вокруг которых объединились демократические силы. Клубы устраивали демонстрации, принимали обращения к правительству, выступали с требованием скорейшего созыва Учредительного собрания. Рим стал центром всеитальянского демократического движения. В древнюю столицу стекались патриоты не только Папского, но и других итальянских государств.

Важное значение имело прибытие в Рим Гарибальди. Новое правительство, образованное после гибели Росси, сняло опалу с отряда Гарибальди и разрешило ему остаться в Папском государстве. 8 декабря Гарибальди получил уведомление от правительства, что его легион будет присоединен к военным силам Рима. Гарибальди отправился в столицу, куда прибыл 12 декабря. Демократические силы, широкие массы с восторгом встретили народного героя. По случаю его приезда была выпущена специальная прокламация «Гарибальди в Риме».

В Риме Гарибальди встретился с Чичеруаккьо и другими руководителями демократического движения. Прибытие народного героя в Рим окрылило их, они усилили борьбу за созыв Учредительного собрания.

Энергичную деятельность развернули сторонники Мадзини в Папском государстве, добиваясь провозглашения республики. Движение за Учредительное собрание и республику приняло широкий размах, и либералам трудно было противостоять ему.

В этой обстановке Временная Верховная хунта, которая была образована 11 декабря и исполняла обязанности главы исполнительной власти, 20 декабря приняла решение о созыве Учредительного собрания. В обращении хунты к народу указывалось: «Поскольку весь народ высказывается за созыв Учредительного собрания, мы обещаем сделать все, что в наших силах, чтобы скорее созвать его» [63].

[63] См. «Le Assemblee del Risorgimento», Roma, v. III, p. 262.

28 декабря хунта распустила парламент, а на следующий день был опубликован декрет о назначении (на 21 января) выборов в Учредительное собрание на основе общего, прямого и тайного голосования. Таким образом, напряженная борьба демократических сил Папского государства увенчалась победой. Созыв Учредительного собрания в Риме имел большое значение для всего Апеннинского полуострова. Мечта итальянских патриотов о всеобщих и равных выборах, о демократическом устройстве государства становилась реальностью.

В конце декабря 1848 г. правительство Папского государства было реорганизовано во Временную правительственную комиссию, которая управляла государством до созыва Учредительного собрания. Под давлением демократов эта комиссия провела ряд важных мероприятий и приняла некоторые прогрессивные законы. Был опубликован декрет, согласно которому предполагалось, что часть избранных депутатов в дальнейшем будет включена в состав итальянского Учредительного собрания в качестве представителей Римского государства. Были ликвидированы фидейкомиссы и майораты и отменены некоторые другие феодальные привилегии, ограничившие свободное обращение собственности; отменен налог на помол, расширены права муниципалитетов и реорганизовано гражданское судопроизводство. Правительственная комиссия обезвредила попытки контрреволюционных выступлений, арестовав ряд офицеров, организовавших их.

Римская республика

Выборы в Учредительное собрание проходили в спокойной обстановке. Несмотря на предупреждение папы, угрожавшее отлучением от церкви всем, кто примет участие в выборах, в них участвовало около 250 тыс. избирателей. В Учредительное собрание были избраны выдающиеся деятели демократического движения — Гарибальди, Саффи, Филопанти и др. Мадзини, находившегося тогда за пределами Папского государства, избрали депутатом на дополнительных выборах.

Социальный состав Учредительного собрания не был однородным. Среди депутатов оказались торговцы, промышленники, банкиры, военные деятели, представители земельной аристократии, лица свободных профессий, священники. Однако подавляющее большинство принадлежало торгово-промышленной буржуазии.

Учредительное собрание открылось 5 февраля. С торжественной речью выступил министр внутренних дел Карло Армеллини, который сказал, что народ послал своих избранников на Капитолий, чтобы провозгласить открытие новой эры в жизни отчизны,

освободить ее от внутреннего и чужеземного ига и воссоединить в единую нацию [64].

Представители демократических сил сразу же поставили вопрос о форме правления. Первым выступил Гарибальди, предложивший «меньше заниматься церемониями и не прекращать заседания до тех пор, пока не будет решен вопрос о форме правления, ибо этого ожидает не только римский народ, но народ всей Италии». Когда председательствующий ответил, что необходимо раньше приступить к избранию руководящих органов Собрания, Гарибальди заявил, что «вопрос о форме государства — наиболее важный, и было бы преступлением откладывать его решение хотя бы на одну минуту». Свое выступление Гарибальди закончил возгласом: «Да здравствует республика!» [65] Выступивший после Гарибальди демократ Ш. Бонапарт поддержал его предложение.

При обсуждении вопроса о форме правления большинство высказалось за республику. Но были и противники республиканского строя. Некоторые из них все еще надеялись на примирение с папой и указывали, что Пий IX может стать «избранным главой государства». Особенно энергично эту точку зрения отстаивал Т. Мамиани, бывший министр. Он указывал на необходимость сближения с монархическим Пьемонтом ради достижения общих целей. Провозглашение в Риме республики, по мнению Мамиани, оттолкнуло бы от Рима пьемонтцев, верных монархическим традициям, что привело бы к потере пьемонтской армии — единственной военной силы Италии. Исходя из этих соображений, Мамиани предлагал отложить вопрос о свержении папы и о государственном устройстве.

До поздней ночи затянулось заседание 8 февраля. Наконец, после длительной и страстной дискуссии подавляющим большинством голосов Учредительное собрание приняло закон об упразднении светской власти папы и провозглашении республики. Весьма характерно, что против уничтожения светской власти папы голосовало всего 5 человек — показатель того, что миф о миссии папы как освободителе и объединителе Италии был развеян навсегда. С большим удовлетворением писал впоследствии Гарибальди в своих «Мемуарах», что Римская республика была провозглашена «почти единогласно».

Учредительное собрание избрало Исполнительный комитет в составе К. Армеллини, М. Монтекки и А. Саличетти. Исполнительный комитет назначил правительство.

Маркс и Энгельс указывали, что провозглашение Римской республики имело огромное значение для развертывания освободи-

[64] См. «Le Assemblee del Risorgimento». Roma, v. III, p. 21.
[65] См. ibid., p. 22—23.

тельного движения во всей Италии: «*Республика в Риме!* — вот начало революционной драмы 1849 года»[66].

События в Риме способствовали развертыванию борьбы за республику в Тоскане, где еще с осени 1848 г. демократическое движение было значительно сильнее, чем в Папском государстве. В ноябре — декабре бурные демонстрации в городах Тосканы продолжались. Они особенно усилились в январе, когда стало известно, что на всеобщих выборах в Папском государстве будут избраны депутаты также и в итальянское Учредительное собрание. 22 января в тосканский парламент был внесен законопроект об избрании 37 депутатов в итальянское Учредительное собрание. На следующий день законопроект был утвержден Генеральным советом и через несколько дней — одобрен сенатом.

В герцогстве вновь обострилась ситуация, и пребывание в столице Леопольд II счел для себя небезопасным. 30 января он выехал в Сиену, 7 февраля перебрался к границе государства — в маленький порт Санто-Стефано, а через две недели бежал в неаполитанскую крепость Гаэта, где уже «гостил» Пий IX.

Известие о бегстве Леопольда II вызвало возмущение широких народных масс Тосканы. Даже либералы были крайне обескуражены этим трусливым актом великого герцога. Массы требовали низложения Леопольда II. 8 февраля парламент избрал триумвират в составе Гуеррацци, Монтанелли и Маццони в качестве Временного правительства. Это правительство распустило парламент и назначило выборы в Тосканское собрание и в итальянское Учредительное собрание.

14 февраля во Флоренцию прибыл Мадзини, которому устроили восторженную встречу. Лидер демократических сил Италии предложил немедленно провозгласить республику и объединить Тоскану с Римской республикой. Его поддержал Монтанелли и другие левые демократы. Однако Гуеррацци, который считал, что Тоскана еще не созрела для республиканского строя, добился отсрочки провозглашения республики. Фактически Тоскана стала республикой, однако положение в стране оставалось весьма неопределенным.

В бывшем Папском государстве республиканский строй упрочился. Правительство и Учредительное собрание Римской республики в течение февраля — апреля 1849 г. провели ряд важных буржуазно-демократических реформ и социальных мероприятий. Был издан декрет о национализации церковных земель, разделении их на мелкие арендные участки и передаче бедным семьям; введен прогрессивный налог на промышленников и торговцев; уничтожены соляные и табачные монополии, ликвидированы

[66] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 6, стр. 330.

церковные суды и учрежден гражданский трибунал; был издан декрет об отделении школы от церкви, принят закон о запрещении совмещать несколько должностей в государственном аппарате; помещения инквизиции были переоборудованы под квартиры и переданы нуждающимся в жилье и др.[67]

Постепенно налаживалась хозяйственная жизнь республики. Хотя финансово-экономическое положение ее оставалось еще довольно тяжелым, Учредительное собрание приняло декрет об оказании денежной помощи осажденной Венеции.

Перед молодой республикой вставало много важных проблем. Остро стояла проблема безработицы. Правительство принимало меры к увеличению занятости населения путем организации общественных работ[68]. Но эти меры были недостаточными. Безработица и низкий уровень жизни трудящихся вызывали недовольство широких масс народа.

Римская республика снискала симпатии патриотов всей Италии. В то же время против нее сплачивался реакционный фронт. 18 февраля Пий IX обратился с меморандумом к великим державам, в котором просил направить вооруженные силы против республики. Фердинанд II и Австрия подготавливали интервенцию.

В этой обстановке важной проблемой явилась организация вооруженных сил республики. Больше всего правительство полагалось на волонтерские отряды, к организации которых приступили в феврале. Но лишь после прибытия Мадзини в Рим (5 марта) Учредительное собрание по его настоянию приняло срочные меры к организации армии. Мадзини указывал, что главным врагом Италии является Австрия, с которой в ближайшее время придется сражаться, поэтому создание сильной армии является вопросом жизни для страны. По его предложению Учредительное собрание приняло решение о создании военной комиссии во главе с видным деятелем демократического движения Карло Пизакане. За короткий период этой комиссии удалось создать армию, состоявшую из разных отрядов общей численностью около 20 тыс. человек. Когда стало известно о подготовке Пьемонта к возобновлению военных действий, Учредительное собрание приняло решение направить войска на фронт.

[67] См. «Actes officiels de la République Romaine». Paris, 1849, p. 9, 10—11, 14—15, 21, 42—43, 79—80.

[68] См. *D. Demarco*. Una rivoluzione sociale. La Repubblica romana del 1849. Napoli, 1944, p. 132—133.

Возобновление войны за независимость и последствия поражения

К началу марта 1849 г., в связи с успехами революции в Риме и Тоскане, лозунг войны с Австрией снова стал самым популярным в народе. Карл Альберт, скомпрометированный позорной капитуляцией в войне 1848 г., стремился в создавшийся ситуации возобновить войну, чтобы реабилитировать себя и спасти монархию от крушения. Пьемонтское правительство объявило о прекращении перемирия, и 20 марта военные действия возобновились. Сознавая неспособность пьемонтских генералов, Карл Альберт назначил командующим армией польского генерала Хшановского. Хшановский обладал военным опытом и знаниями, однако не владел итальянским языком, не знал Пьемонта.

На линию фронта Пьемонт мог выставить около 70 тыс. чел. Примерно таким же числом солдат располагала армия Радецкого. Но австрийская армия была лучше вооружена. 23 марта в битве при Новаре пьемонтская армия потерпела серьезное поражение. В тот же день Карл Альберт обратился в австрийскую ставку с предложением о перемирии. Условия перемирия, выдвинутые австрийской стороной, оказались тяжелыми: оккупация значительной территории Пьемонта, вывод флота из Адриатического моря и др. Карл Альберт не принял австрийских условий и в тот же день отрекся от престола в пользу своего сына Виктора Эммануила.

24 марта новый король имел встречу с Радецким. Последний согласился несколько смягчить условия перемирия, получив заверения Виктора Эммануила в его твердом намерении «обуздать партию революционеров-демократов»[69]. 26 марта перемирие было подписано.

27 марта было объявлено о смене пьемонтского правительства. Новое правительство, сформированное реакционным генералом Г. де Лонэ, состояло из правых либералов и консерваторов.

Перемирие, подписанное в Новаре, вызвало возмущение широких народных масс, а также палаты депутатов, в которой все еще преобладали демократы. Чтобы подавить оппозицию и избавиться также от непокорного парламента, король 30 марта распустил обе палаты.

Маркс и Энгельс следили за событиями в Италии, в частности за военной кампанией 1849 г. Говоря о битве при Новаре, Энгельс указывал, что трусость пьемонтской монархии явилась главной причиной поражения. «Поражение при Новаре,— писал он далее,— причинило лишь *стратегический* ущерб. . Этот ущерб

[69] См. S. *Canzio*. Op. cit., p. 497.

совсем не имел бы значения, если бы вслед за проигранным сражением началась подлинная *революционная война*, если бы уцелевшая часть итальянской армии тотчас же провозгласила себя ядром всеобщего национального восстания...»[70]

Однако пьемонтская монархия больше всего опасалась перспективы взрыва восстания. А восстание действительно разразилось — в Генуе, когда там стало известно о перемирии. Народные массы, руководимые демократами, требовали продолжения войны. Начавшиеся 27 марта демонстрации переросли в восстание. Целую неделю восставшие владели городом. Восстание было подавлено при помощи дивизии генерала Ла Марморы, который организовал бомбардировку Генуи.

Жестокий режим, установленный Радецким в Ломбардии после возвращения туда австрийских властей, кровавый террор и военные контрибуции вызывали гнев и ненависть почти всего населения. Большую подпольную организаторскую и пропагандистскую работу проводили мадзинисты и другие республиканские группы. У многих было оружие. Когда Пьемонт возобновил войну, некоторые города восстали (Комо, Варезе, Бергамо и др.). Особенно героически сражались повстанцы Брешии: 10 дней они оказывали сопротивление австрийской армии, превосходившей их во много раз. Они продолжали сражаться и после заключения перемирия и лишь в конце марта, совершенно обессиленные, прекратили борьбу. Народные массы Брешии этим восстанием вписали славную страницу в историю освободительного движения Италии.

Революционные события в Италии не развивались изолированно от всей европейской революции. Битва при Новаре происходила в период усиления европейской реакции, когда европейская революция начала терпеть крушение. Это обстоятельство способствовало ослаблению сил итальянской революции и дало Радецкому больше шансов на победу. Поражение при Новаре явилось началом конца итальянской революции.

Первым пало демократическое правительство во Флоренции. Колеблющаяся политика тосканского триумвирата, и прежде всего Гуеррацции, способствовала усилению позиций реакции. Когда пришло известие о поражении при Новаре, реакционные элементы и либералы (интриговавшие против триумвирата) активизировали антидемократическую деятельность. Используя настроения крестьян, они вместе со священниками вели среди них контрреволюционную агитацию и натравливали крестьянство на демократическое правительство Тосканы. В стране сложилось весьма напряженное положение. В этой обстановке тосканское Учредительное

[70] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 6, стр. 418.

собрание предоставило Гуеррацци диктаторские полномочия (27 марта). Тогда реакционные элементы 11 апреля совершили контрреволюционный переворот. Они спровоцировали во Флоренции столкновение между отрядами ливорнских добровольцев, которые были переведены в столицу для защиты порядка, и ворвавшимися в город отрядами недовольных крестьян. В результате стычки ливорнские отряды, численность которых уступала отрядам крестьян и поддерживавших их антидемократических элементов Флоренции, вынуждены были бежать. 12 апреля муниципальный совет, в котором преобладали либералы, объявил, что именем великого герцога он берет власть в свои руки, распустил Собрание и назначил Временную правительственную комиссию. Гуеррацци был арестован. Сразу же после переворота в Тоскане были запрещены демократические газеты, закрыт Народный клуб.

Австрийцы решили оккупировать Тоскану до того, как в столицу вернется герцог, и направили туда экспедиционный корпус генерала д'Аспре. Он без боя занял почти всю Тоскану, лишь патриоты Ливорно оказали мужественное сопротивление. Австрия снова подчинила себе Тоскану и вскоре посадила на престол своего вассала Леопольда II.

Поражение при Новаре осложнило положение Римской республики, но не ослабило волю патриотов к борьбе с врагом. Мадзини и его сторонники считали, что необходимо продолжать борьбу и что после Новары войну за независимость может и должна возглавить Римская республика. 29 марта Учредительное собрание приняло декрет об образовании триумвирата, которому предоставлялись «неограниченные полномочия для ведения войны за независимость и спасение Республики»[71]. Триумвирами были назначены Дж. Мадзини, А. Саффи и К. Армеллини. Душой триумвирата и вдохновителем всех мероприятий республики был Мадзини.

Интервенция против Римской республики и подавление революции

В то время как триумвират был занят организацией армии для возобновления освободительной войны, а также налаживанием экономической жизни государства, стало известно о подготовке французской интервенции против Римской республики. Римскую республику все — и враги и сторонники — рассматривали как центр распространения республиканской формы правления по всей Италии. Поэтому для защиты республики в Рим стекались демо-

[71] См. «Actes officiels de la République Romaine», p. 35—36.

краты со всех концов страны, а для ее подавления объединилось все, что только было реакционного в Италии и Европе: Неаполитанское королевство, Франция, Австрия и Испания.

Еще в 1848 г. генерал Кавеньяк готовил поход против демократического правительства Рима, а избранный в конце 1848 г. президентом Французской республики Луи Наполеон Бонапарт ускорил подготовку интервенции. Говоря о причинах интервенции, Маркс указывал, что Бонапарт «нуждался в сохранении папской власти для того, чтобы сохранить за собой крестьян... Восстановленное господство буржуазии во Франции требовало реставрации папской власти в Риме»[72]. В ночь на 22 апреля 1849 г. от берегов Тулона на 17 кораблях отправился в порт Римской республики Чивита-Веккья французский экспедиционный корпус генерала Удино (7000 человек). 24 апреля в Чивита-Веккья прибыли первые корабли. Французы утверждали, что целью экспедиции является «защита земли Римского государства от притязаний австрийцев и неаполитанцев», а также посредничество между папой и либералами. Учредительное собрание Римской республики беспрерывно заседало. Обсуждался вопрос, как встретить французов: как врагов или как друзей. По докладу Мадзини 26 апреля Собрание приняло решение «отразить силу силою». В городе началось сооружение баррикад. Как только стало известно о высадке экспедиции Удино, Мадзини вызвал Гарибальди в Рим и поручил ему организовать защиту стен, кольцом окружавших город.

Утром 30 апреля интервенты подошли к стенам Рима и начали атаку. Против французов сражались 9—10 тыс. человек из разных подразделений. Большую роль в обороне Рима сыграл Гарибальди со своим легионом. Почти весь день 30 апреля происходили упорнейшие бои. К вечеру Удино был разбит и его армия обратилась в позорное бегство. Французы потеряли около тысячи человек убитыми, ранеными и взятыми в плен. Защитники Рима потеряли около 200 человек убитыми и ранеными. После победы в Риме были устроены народные торжества.

Гарибальди преследовал интервентов далеко за Римом, чтобы отрезать им отступление в Чивита-Веккья и не дать погрузиться на корабли. Но Мадзини запретил это делать, желая сохранить возможность примирения с Францией. 1 мая Удино, стремясь выиграть время, чтобы получить подкрепление, предложил триумвирату перемирие.

В эти же дни Фердинанд II во главе 12-тысячной неаполитанской армии вторгся на территорию Римской республики и начал наступление с юга; с севера двигались австрийцы. Гарибальди получил указание триумвирата выступить против неаполитанцев.

[72] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 7, стр. 55.

Он отправился с отрядом в 2300 человек навстречу неаполитанской армии и после яростной схватки с шеститысячным авангардом при Палестрине обратил неприятеля в бегство (9 мая). После этого Мадзини отозвал отряд Гарибальди в Рим.

15 мая в Рим прибыл с дипломатической миссией из Франции Ф. Лессепс. Между Мадзини и Лессепсом начались переговоры о перемирии. Мадзини надеялся на изменение французской политики и полагал, что заявление Лессепса о готовности Франции защищать территорию Римской республики от чужеземного нашествия не является лицемерным.

Учитывая создавшуюся обстановку, триумвират решил в первую очередь направить армию против войск Фердинанда II, которые все еще находились на территории республики. Главнокомандующим армии был назначен генерал Розелли. В авангарде шел отряд Гарибальди; 19 мая у Веллетри этот отряд атаковал неаполитанский корпус. Гарибальди вынудил армию неприятеля к беспорядочному отступлению и через несколько дней перешел границу республики. На территории Неаполитанского королевства Гарибальди приветствовали как освободителя. Гарибальди намеревался продвигаться в глубь королевства, где население готово было восстать[73], но получил неожиданный приказ триумвирата вернуться в Рим, которому снова угрожали войска Удино. На помощь французским интервентам поспешили испанцы, высадившиеся 28 мая в Гаэте.

К этому времени Удино получил подкрепления — 30-тысячную армию, вооруженную первоклассной техникой. 30 мая Лессепс подписал перемирие, а 1 июня Удино заявил, что не признает соглашения о перемирии и 4 июня начнет военные действия.

Французские интервенты военные действия начали на день раньше — на рассвете 3 июня у ворот Сан-Панкрацио. Используя момент внезапности, они обрушили удар на передовые позиции римских войск у вилл Памфили и Корсини, расположенных на господствующих над городом возвышенностях. Дальнейшая судьба Рима зависела во многом от того, в чьих руках останутся эти возвышенности. Жестокая борьба завязалась у виллы Корсини, которая 3 июня переходила три раза из рук в руки. Гарибальдийцы, оборонявшие эти позиции, проявили чудеса храбрости и героизма; но плохо вооруженные волонтеры не могли сломить противника, располагавшего первоклассной техникой и намного превосходившего их численностью. К вечеру Удино окончательно укрепился на этих позициях.

В течение всего июня войска республики самоотверженно сражались у стен города. Но осажденный город изнемогал и не мог

[73] *G. Garibaldi.* Memorie, v. II, p. 289.

больше сопротивляться. 30 июня в Учредительном собрании решался вопрос: продолжать оборону или прекратить ее? Собрание вызвало с передовой линии Гарибальди, чтобы узнать его мнение. После того как он подтвердил, что дальнейшее сопротивление невозможно, Собрание приняло решение о прекращении обороны. 1 июля Учредительное собрание утвердило конституцию республики, которая была самой прогрессивной из всех итальянских конституций.

В конституции провозглашался принцип народного суверенитета, равенства, свободы и братства всех граждан. Она включала обязательство в социальной области: «способствовать улучшению духовных и материальных условий жизни всех граждан». Конституция провозгласила принципы братства народов и предусматривала свободу вероисповеданий.

3 июля армия Удино вступила в Рим, и последние депутаты, оставшиеся в Капитолии, были разогнаны силой оружия.

Несмотря на падение Римской республики, Гарибальди не считал дело итальянской революции безнадежным. Он решил еще раз «попытаться изменить судьбу родины»[74] и с этой целью устремился на помощь Венецианской республике, истекавшей кровью под ударами австрийцев. 2 июля Гарибальди собрал своих волонтеров на площади св. Петра и призвал всех, кто любит родину, последовать за ним, предупредив, что им предстоит тяжелый путь, в котором придется испытать голод, холод и зной, вытерпеть форсированные марши, выдержать штыковые атаки. За Гарибальди последовало 4 тыс. человек.

Подобный поход мог предпринять только такой беззаветно преданный революции человек, как Гарибальди. Чтобы добраться до Венеции, нужно было пройти всю Центральную Италию, занятую австрийскими войсками. В течение месяца Гарибальди десятки раз вырывался из железного кольца армий интервентов (французских, испанских и австрийских), приводя неприятеля в изумление своей отвагой. Австрийцам удалось нанести отряду несколько ощутительных ударов. Постепенно Гарибальди терял многих из сподвижников, истощенных и измученных. Добравшись до нейтральной республики Сан-Марино, Гарибальди распустил отряд. С 300 лучших сподвижников он 1 августа направился к берегам Адриатического моря, чтобы на лодках добраться до Венеции. Героям удалось сесть на лодки, но вскоре они были обнаружены в море искавшими их австрийскими судами. Австрийцы открыли пушечный огонь по лодкам и бóльшую часть из них захватили. Лишь небольшой группе храбрецов во главе с Гарибальди удалось высадиться на берег и спастись.

[74] *G. Garibaldi*. Memorie, v. II, p. 297.

В этом тяжелом походе погибла жена и боевой товарищ народного героя Анита Гарибальди. Она геройски сражалась в дни обороны Рима, но не выдержала мучительного пути отступления и скончалась. Многих схваченных сподвижников Гарибальди австрийцы подвергли зверским пыткам, а затем расстреляли. В их числе были Уго Басси — бывший римский монах, а затем неразлучный спутник Гарибальди во всех его сражениях, и вожак римского плебейства Чичеруаккьо с двумя сыновьями.

После подавления Римской республики в Италии еще оставался один бастион революции — свободолюбивая Венеция, которую Радецкому долго не удавалось покорить. Почти год, с небольшими перерывами, народные массы Венеции мужественно боролись против австрийских войск. На оборону Венеции встало почти все население города. Находясь почти в полной блокаде — с суши и с моря, — город переживал тяжелые затруднения: финансовые, экономические, продовольственные. Но когда командующий австрийской армией в Венецианской области известил Манина о подписанном в Новаре перемирии и предложил Венеции капитулировать, Ассамблея Венецианской республики постановила, что «Венеция будет сопротивляться австрийцам до последней капли крови»; для ведения войны Манин был облечен неограниченной властью. Особенно самоотверженной и упорной была борьба венецианских патриотов начиная с мая 1849 г., когда враг, закончивший в марте военные действия против Пьемонта, сконцентрировал все силы вокруг Венеции и открыл по ней ураганный огонь. С каждым днем австрийцы усиливали обстрел города: было разрушено две трети Венеции, и геройским защитникам приходилось жить на чердаках оставшихся домов. Но венецианцы все еще не сдавались. В начале августа Венеция переживала трагические дни. Иссякли почти все запасы продуктов, в городе свирепствовали голод, эпидемии тифа и холеры. 5 августа собралась Ассамблея, где выступил Манин. «Наше положение ужасно,— говорил он.— Мы близки к тому, чтобы израсходовать последний кусок хлеба... Не хватает людей, чтобы перевозить и погребать трупы. Пожары от бомб и гранат умножаются с каждым днем, с каждым часом... Военные припасы истощаются... Гражданская гвардия дезорганизована вследствие отступления из одной части города в другую. Никакой надежды на помощь извне...»[75]

После бурной дискуссии Ассамблея поручила Манину вступить в переговоры о капитуляции. 22 августа 1849 г. город капитулировал. Последний очаг итальянской революции был уничтожен.

Еще за две недели до этого, 6 августа, в Милане был подписан мирный договор между Сардинским королевством (Пьемон-

[75] См. *H. Martin*. Op. cit., p. 300—301.

том) и Австрией. Согласно этому договору Пьемонт уплачивал Австрии 75 млн. франков контрибуции, границы Пьемонта определялись в рамках, существовавших до начала войны и установленных Венским конгрессом. Австрийское владычество вновь было восстановлено по всей Ломбардо-Венецианской области.

Выше отмечалось, что уже в 40-е годы в итальянских городах, главным образом в Пьемонте и Ломбардии, стали создаваться новые и расширяться существовавшие ранее рабочие организации. Это были общества взаимопомощи, которые ставили задачу взаимной поддержки в случае болезни или безработицы, а также стремились содействовать воспитанию и образованию.

Уже в период революции 1848—1849 гг. вспыхивали забастовки и волнения рабочих ряда городов. Однако они не носили организованного характера, а явились стихийными выступлениями рабочих против эксплуатации и произвола предпринимателей. До 1859—1860 гг. в Италии не было организованного рабочего движения [76]. Существовавшие в итальянских государствах абсолютистские режимы и произвол властей подавляли в самом зародыше любые выступления рабочих.

Исключение составляло Сардинское королевство, где благодаря сохранившемуся конституционному строю допускалась свобода союзов и собраний. Здесь организованное рабочее движение зародилось в середине XIX в. Еще в 1848 г. в Турине было создано Общество сопротивления — организация типографских рабочих для проведения забастовок и защиты от произвола хозяев. Вскоре в Сардинском королевстве возникли аналогичные организации рабочих других профессий. Но все они оказались недолговечными [77]. Рабочий класс Италии того времени представлял собой не фабрично-заводской пролетариат: подавляющее большинство армии труда в городах составляли рабочие мануфактур и ремесленных мастерских. Руководство рабочими организациями находилось в руках буржуазных либералов, которые стремились ограничить деятельность этих организаций рамками простой взаимопомощи. Рабочие общества в Сардинском королевстве долгие годы оставались крепостью умеренных либералов [78].

[76] См. *N. Rosselli*. Mazzini e Bakunin. Torino, 1967, p. 44.

[77] *Г. Манакорда*. Итальянское рабочее движение по материалам съездов. От его зарождения до образования социалистической партии (1853—1892). М., 1955, стр. 41.

[78] Там же, стр. 49; *И. В. Григорьева*. Рабочее и социалистическое движение в Италии в эпоху I Интернационала. М , 1966, стр. 27, 34.

В Сардинском королевстве были сделаны первые шаги по объединению рабочих организаций разных профессий. В 1850 г. организовалось Генеральное рабочее общество Турина и создана конфедерация рабочих обществ ряда городов королевства, а в октябре 1853 г. в Асти состоялся первый съезд рабочих обществ. На нем было представлено 30 организаций. С тех пор, вплоть до объединения Италии, в Сардинском королевстве ежегодно созывались съезды рабочих обществ, причем число последних неуклонно возрастало, как и процент рабочих среди делегатов конгрессов.

Буржуазная революция 1848—1849 гг. в Италии не выполнила своих основных задач: она не принесла национального объединения и не освободила страну от иностранного гнета. В отличие от предшествовавших революционных выступлений в Италии, которые охватывали лишь отдельные местности или государства, эта революция носила общенациональный характер. Но она была подавлена при помощи интервенции. Главными душителями революции в Италии выступали австрийские и французские интервенты. Трагедия итальянской революции заключалась в том, что она достигла своего кульминационного пункта лишь тогда, когда европейская революция переживала уже нисходящую фазу развития. Революционные правительства в Риме и Тоскане были образованы уже после победы июньской контрреволюции во Франции. Вместо помощи от европейской революции итальянское национально-освободительное движение дождалось разгрома европейской контрреволюцией.

Однако победа контрреволюции в Италии обусловливалась не только внешними, но и внутренними причинами. Итальянская буржуазия, возглавившая революцию, не способна была довести ее до победного конца. Буржуазия не была однородной, и различные прослойки ее преследовали в революции разные цели. Пролетарские массы городов, хотя и принимали активное участие в революции, не могли стать руководящей силой. Рабочий класс еще был слабо развит, не имел и не мог тогда иметь своей собственной партии и не играл самостоятельной роли.

Партия умеренных либералов, отражавшая интересы крупной буржуазии и возглавившая революцию на первом ее этапе, до августа 1848 г., была напугана размахом революции. Охваченная страхом перед поднявшимся на борьбу народом, она в ходе революции правела и пошла на сделку с монархией. Говоря о причинах поражения итальянской революции 1848 г., А. Грамши отмечал, что «неопределенная, трусливая, двусмысленная... политика, проводившаяся правыми пьемонтскими партиями, была главной причиной поражения»[79]. Грамши далее подчеркивал, что эти партии стремились не к объединению Италии, а к пьемонтской экспансии.

[79] *A. Gramsci.* Il Risorgimento. Torino, 1966. p. 90.

Среди итальянских либералов было значительное число землевладельцев, сдававших крестьянам землю в аренду. Эта прослойка буржуазии больше всего боялась аграрной революции.

После августа 1848 г. в некоторых итальянских государствах (в Папском государстве и в Тоскане) революция приняла буржуазно-демократический характер; руководство взяли в свои руки революционные демократы, мелкобуржуазные элементы. Но и это наиболее революционное крыло буржуазии не решилось связать национальное движение с аграрной революцией. Революционная буржуазия относилась к крестьянству с недоверием, недооценивала его как одну из движущих сил революции. Поэтому в большинстве итальянских государств крестьянство не поддержало революцию.

Несмотря на поражение, революция 1848—1849 гг. в Италии сыграла огромную роль в борьбе за объединение страны. Революция расшатала устои феодально-абсолютистской системы и тем самым ускорила развитие Италии по капиталистическому пути. В огне революции закалялись и воспитывались народные массы и руководители освободительного движения. Опыт этой революции оказался весьма полезным при подготовке к последующим этапам борьбы за национальное объединение.

РЕВОЛЮЦИЯ 1859—1860 ГГ. ЗАВЕРШЕНИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ИТАЛИИ (1870 Г.)

Положение в Италии после подавления революции 1848—1849 гг.

После подавления революции во всех итальянских государствах, за исключением Сардинского королевства, были отменены конституции. По всей стране свирепствовал террор. Тысячи патриотов были брошены в тюрьмы, сотни лучших сынов итальянского народа казнены. Иностранное господство еще более усилилось. Австрийские войска, кроме Ломбардо-Венецианской области, разместились в северной части Папского государства и в Тоскане. В Риме содержался французский гарнизон.

Ухудшилось материальное положение широких народных масс. После революции итальянские государства испытывали финансовые затруднения. Это вызвало временное относительное замедление темпов экономического развития. Правители ряда государств, стремясь покрыть издержки войны и революции за счет народа, повысили прямые и косвенные налоги. К тому еще добавился плохой урожай в начале 50-х годов, который вызвал повышение цен на продукты и голод. Замедленный темп экономического развития в первой половине 50-х годов привел к увеличению безработицы.

Эти обстоятельства вызывали глубокое недовольство и брожение народных масс. Снова вставали прежние проблемы. Но их не могли решить реакционные правительства. Объединение Италии, свержение иностранного гнета и после поражения революции оставалось первоочередной исторической задачей. В объединении страны была заинтересована не только буржуазия, но и часть дворянства, земельная собственность которого все более втягивалась в систему капиталистического хозяйства. Но в эти тяжелые дни всеобщей реакции силы освободительного движения были дезорганизованы, и не было такой партии, которая могла бы сплачивать народные массы и готовить их к новым битвам.

После подавления революции лагерь умеренных либералов и демократические силы переживали глубокий кризис. Начался период идейного разброда. В последующие годы все группы и партии, участвовавшие в революции, претерпели значительные изменения. Многие из умеренных либералов переметнулись в лагерь реакции, вместе с тем происходила внутренняя консолидация либералов. Часть демократов перешла на позиции пьемонтских умеренных либералов. Некоторые бывшие деятели республиканской партии отошли от политической борьбы.

В этой обстановке глубокого кризиса национального лагеря Джузеппе Мадзини, более чем кто-либо иной, проявил несгибаемую волю и огромную энергию; он старался сплотить различные группы демократов, все национальные силы вокруг знамени борьбы за объединение страны и освобождение ее от иностранного гнета.

В октябре 1850 г. Мадзини создал в Лондоне «Итальянский национальный комитет». Этот комитет пытался осуществить руководство подпольными группами, созданными в разных городах Италии вскоре после подавления революции, он стремился объединить их вокруг своей программы, основным требованием которой была борьба за независимость и объединение Италии. По мнению Мадзини, эта программа могла быть осуществлена путем организации национального восстания. В первом манифесте Комитета обходились вопросы социальных реформ и государственного устройства будущей объединенной Италии (монархия или республика). Мадзини их не выдвигал по тактическим соображениям, полагая, что тем самым облегчится создание широкого фронта патриотических сил.

Эта политика Мадзини вызывала критику со стороны левых демократов. Особенно нападали на нее Джузеппе Феррари и Карло Пизакане, которые считали, что итальянская революция победит лишь при участии в ней широких масс крестьянства, ремесленников и рабочих и что в силу этого революция в Италии должна носить не только национальный, но и социальный характер.

Недовольство политикой Мадзини, его отказом от выдвижения социальных требований, вызвало раскол «Итальянского национального комитета» (август 1851 г.). Левые демократы попытались создать более радикальную партию, однако ввиду идейного разброда среди итальянской революционной эмиграции эти попытки не увенчались успехом.

Критика левых демократов (к которой с одобрением относились Маркс и Энгельс) оказала некоторое воздействие на Мадзини. 30 сентября 1851 г. Мадзини и его сторонники опубликовали новый манифест «Итальянского национального комитета». В этом манифесте отстаивались республиканские принципы и выдвигались требования установления в свободной и единой Италии «более справедливых взаимоотношений между крестьянином и земельным собственником, между рабочим и обладателем капиталов»[80].

Таким образом, новая программа Мадзини, при помощи которой он стремился объединить вокруг демократов широкие народные массы и поднять их на восстание, содержала уже некоторые, хотя и неясно выраженные, социальные требования. Однако Мадзини не отказался от чисто заговорщической тактики, при которой не учитывались объективные условия и возможности для развязывания революционной инициативы масс.

Так, с осени 1852 г. Мадзини начал форсировать подготовку восстания. Благодаря неутомимой деятельности Мадзини и его сторонников к этому времени в Северной и Центральной Италии активно действовали подпольные организации, готовые по первому зову Мадзини поднять восстание. Согласно плану Мадзини, первыми должны были выступить миланцы, за ними — патриоты Папского государства и герцогств. Некоторые республиканцы считали план Мадзини нереальным. 6 февраля 1853 г. началось восстание в Милане. Несколько сот рабочих и ремесленников, вооруженных холодным оружием, бросились в Королевский дворец и казармы. Завязалась упорная схватка между восставшими и солдатами. Но широкие народные массы и буржуазия не поддержали восстание. В тот же день оно было подавлено самым жестоким образом. Австрийские власти прибегли к массовому террору; сотни итальянцев были арестованы, десятки из них — казнены.

Восстание в Милане показало, что Мадзини и его сторонники не учитывали реальную обстановку. В то время нельзя было думать о всеитальянском восстании: массы не успели еще оправиться от кровавого террора после подавления революции; республиканская партия была расколота и ослаблена внутренними разногласиями.

[80] См. *G. Mazzini*. Scritti..., v. XLVI, p. 128.

После поражения миланского восстания Мадзини пришел к выводу, что необходимо создать новую, боеспособную партию, которая состояла бы из самоотверженных революционеров. Весной 1853 г. Мадзини приступил к формированию новой республиканской организации, которую он назвал «Партией Действия».

Если во всех итальянских государствах была подавлена всякая оппозиция и борьба против реакции проводилась только в условиях подполья, то в Пьемонте происходила открытая политическая борьба, временами довольно острая, и в парламенте сохранилась оппозиция. Виктор Эммануил II и консервативные круги Сардинского королевства сделали все, что могли, чтобы обуздать демократические силы, уменьшить или вовсе парализовать влияние левых в парламенте и стране. В течение 1849 г. Виктор Эммануил дважды распускал палату депутатов, в которой демократы и блокировавшиеся с ними другие левые элементы имели подавляющее большинство. В ноябре 1849 г. король, распустив палату, которая отказалась утвердить мирный договор с Австрией, заявил, что он сделал это для того, чтобы «спасти народ от тирании партий». В манифесте короля по этому поводу содержались угрозы на случай, «если страна и избиратели откажут в содействии» королевской власти. Реакционные круги советовали Виктору Эммануилу произвести государственный переворот, ликвидировать конституцию. Однако король и его окружение не пошли на этот шаг, так как он мог бы поставить под угрозу существование Савойской династии.

После такого нажима короля и беспрецедентного вмешательства монарха в избирательную кампанию была избрана палата, в которой подавляющее большинство принадлежало правым силам — умеренным либералам и консерваторам. Новая палата 9 января 1850 г. почти беспрекословно утвердила мирный договор с Австрией.

Зато острая дискуссия в парламенте Сардинского королевства развернулась по ряду других вопросов, в частности по вопросу о реформе церковного законодательства.

В феврале 1850 г. министр юстиции Дж. Сиккарди внес в палату депутатов законопроект об отмене церковного суда и некоторых других средневековых привилегий церкви. В дискуссии по этому вопросу особую активность проявил Кавур, к этому времени уже ставший общепризнанным лидером умеренных либералов. Кавур, как и большинство либералов, понимал, что необходимо утвердить верховенство судов конституционной монархии, а для этой цели — покончить с привилегиями церкви, ущемлявшими интересы буржуазии и противоречившими конституции. После горячих дебатов предложения либералов были утверждены парламентом. Они вошли в историю под названием «законов Сиккарди».

В октябре 1850 г. Кавур был включен в правительство д'Адзелио и вскоре стал играть в этом правительстве руководящую роль. Граф Камилло Кавур, обуржуазившийся пьемонтский помещик, имел крупное поместье (в Лери), поставленное на капиталистический лад. В своем хозяйстве Кавур применял имевшиеся в то время сельскохозяйственные машины; он сеял технические культуры, лучшие сорта зерновых культур, занимался прорытием каналов на своих полях; он построил фабрики искусственных удобрений, свечей и сахарный завод, участвовал своими капиталами в банках и промышленности. Как помещик, предприниматель и делец, Кавур выражал классовые интересы обуржуазившегося дворянства и крупной буржуазии. Как политический деятель, лидер умеренных либералов, он выступил за объединение Италии «сверху», под эгидой Савойской династии, создание объединенного итальянского государства в форме конституционной монархии, в которой руководящую роль играли бы буржуазно-дворянские элементы.

Еще в молодости, чтобы изучить «нравы конституционного правления», Кавур уехал за границу и несколько лет провел в Англии и Франции. В Англии он сделался поклонником английской конституции, во Франции же, где социалистические доктрины были популярны в массах, он стал врагом социализма.

Став министром, Кавур оказал огромное влияние на политику Сардинского королевства. В 1850—1852 гг. он занимал пост министра земледелия и торговли, затем — финансов, а с ноября 1852 г. (после непродолжительной отставки) был назначен премьером и продержался на этом посту (с полугодовым перерывом в 1859 г.) до самой смерти.

Кавур был энергичным поборником экономической доктрины фритредерства. Своей деятельностью он способствовал экономическому прогрессу в Сардинском королевстве. В 1850—1854 гг. Кавур заключил торговые договоры с Францией, Англией и Бельгией, по которым значительно снижались пошлины на промышленные товары. Политика свободной торговли была выгодна помещикам и крупной буржуазии, ввозившей оборудование для развивавшейся промышленности. Фритредерская политика Кавура была рассчитана также на привлечение Англии и Франции на сторону Сардинии в случае нового конфликта с Австрией.

Для упрочения позиций либералов Кавур заключил союз с левым центром, лидером которого в палате депутатов являлся У. Раттацци. Это неписаное соглашение между двумя партиями, вошедшее в историю под названием «брачного союза», было направлено не только против крайне правой группировки в парламенте, стремившейся к ликвидации конституционного режима, но и против левых демократических сил. В дальнейшем «брачный союз» способствовал поглощению левых элементов партией умеренных ли-

17. Камилло Кавур

бералов и заложил основу тенденции к трансформизму, столь пагубной для демократического движения[81], о чем подробнее будет сказано ниже.

Внешняя политика правительства Кавура имела целью привлечение союзников на сторону Сардинского королевства для достижения объединения Италии вокруг пьемонтской монархии. И Кавур, и Виктор Эммануил считали, что их лучшим союзником в этом мог бы быть Наполеон III. Удобным поводом для более тесного сближения с императором французов послужила Крымская война 1853—1856 гг. России против коалиции Англии, Франции и Турции. Однако сразу присоединиться к антирусскому союзу воющих держав правящие круги Сардинского королевства не решились, ибо общественное мнение страны было против участия Сардинии в Крымской кампании. Проект договора о союзе с антирус-

[81] *Д. Канделоро.* Указ. соч., т. 4. М., 1966, стр. 153.

ской коалицией встретил сильную оппозицию в парламенте. Многие задавали вопрос: для чего нужна Сардинии война с Россией, с которой у нее нет никаких спорных вопросов?

Однако Англия и Франция оказывали на Сардинское королевство сильное давление, и после долгих колебаний оно присоединилось к их коалиции против России. 10 января 1855 г. Сардинское королевство объявило о своем присоединении к союзу западных держав. Но лишь через месяц, после острых дебатов, договор о союзе утвердила палата депутатов незначительным большинством голосов; на утверждение его сенатом потребовалось еще три недели 4 марта 1855 г. Сардинское королевство объявило России войну.

Подготовка экспедиционного корпуса для отправки в Крым закончилась 25 апреля. В начале мая корпус под командованием генерала Альфонсо Ла Марморы высадился в Крыму. Он насчитывал около 18 тыс. человек (из них 3 тысячи вскоре заболели холерой). Этот корпус участвовал всего в одной битве (16 августа на Черной речке), где потерял около 200 человек. В основном он играл вспомогательную роль, оказывая содействие французской армии. После окончания войны правящие круги Сардинии и представители официальной историографии утверждали, что участие Сардинии в Крымской войне явилось «гениальным актом» Кавура, предвидевшего, что этот факт будет иметь большое значение для судеб Италии. Однако в действительности Кавур проявил длительные колебания перед тем, как решился участвовать в Крымской войне, хотя и не отдавал себе отчета в интригах Наполеона III и в двойной игре Австрии. Впоследствии Кавур признавал, что принять участие в войне Сардинию «вынудила злосчастная политическая конъюнктура» [82].

Результаты войны и особенно условия созыва мирного конгресса, открывшегося в Париже 25 февраля 1856 г., вызвали разочарование Кавура и правящих кругов Сардинского королевства. Вначале Кавур даже отказался поехать на конгресс, пытаясь переложить эту неприятную миссию на д'Адзелио. Австрия возражала против допуска на конгресс представителя Сардинии на равных правах с другими представителями. После настояний Англии и Франции эта дискриминация по отношению к государству, участвовавшему в войне, была снята.

30 марта 1856 г. был подписан мирный договор. Кавур полагал, что в качестве компенсации за участие Сардинского королевства в войне Парижский конгресс рассмотрит итальянский вопрос. Одна-

[82] См. *Д. Берти*. Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М., 1959, стр. 563, 565. Ср. также: *P. Togliatti*. Momenti della storia d'Italia. Roma, 1963, p. 106.

ко в мирном договоре об итальянских государствах не говорилось ни слова. После многих хлопот и закулисных переговоров Кавур добился, что на одном из заседаний конгресса итальянский вопрос был поставлен, однако никаких решений не было принято. Представители Англии и Франции резко осудили политическое положение в Папском государстве и Королевстве Обеих Сицилий. Представители Австрии, России и Пруссии заявили, что не имеют полномочий от своих правительств для обсуждения итальянского вопроса. Затем с протестом выступил Кавур. Он говорил, что ситуация в Италии представляет опасность для европейского мира, ибо австрийское господство в преобладающей части ее способствует усилению революционного брожения на всем Апеннинском полуострове. Запугивая революцией, «беспорядками», Кавур пытался склонить державы к решению итальянского вопроса в династических интересах сардинской монархии. Претензии Кавура на присоединение к Сардинскому королевству герцогств Парма и Модена, предъявленные им в кулуарах конгресса в качестве компенсации за участие в войне, союзники не поддержали. Таким образом, Сардиния ничего не получила в результате Крымской войны и, как отмечал Маркс, как была, так и осталась «игрушкой в руках иностранных держав»[83].

Необходимо, однако, отметить, что обсуждение итальянского вопроса на Парижском конгрессе, состоявшееся благодаря настойчивым требованиям Кавура, способствовало повышению авторитета Сардинского королевства в глазах либералов и части эмигрантов и содействовало усилению гегемонии этого королевства в итальянском национально-освободительном движении[84].

Эти обстоятельства способствовали переходу части правых республиканцев, бывших сторонников Мадзини, на сторону либералов. Уже с осени 1854 г. в лагере республиканцев началась дискуссия — в частной переписке и в печати — по вопросу о необходимости создания новой национальной партии, чтобы объединить в ней все патриотические силы. В 1855—1856 гг. споры о путях достижения независимости и объединения Италии разгорелись с особой силой. Некоторые видные деятели демократического движения — Дж. Паллавичино, Д. Манин и др.— выступили инициаторами создания партии, которая объединила бы республиканцев и монархистов на основе лозунга «независимость и объединение». Паллавичино, Манин и многие другие деятели освободительного движения пришли к убеждению, что Пьемонт может и должен возглавить борьбу за национальную независимость. Постепенно движение за

[83] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 12, стр. 19.
[84] Ср. *Д. Канделоро*. Указ. соч., т. 4, стр. 208.

объединение Италии вокруг Сардинской монархии усиливалось. К этому движению примкнули такие выдающиеся революционеры-демократы, как Гарибальди и Орсини, которые считали, что без использования военной силы Сардинского королевства невозможно будет достигнуть объединения Италии. Большую роль в формировании этого движения сыграл Дж. Ла Фарина, деятель революции 1848—1849 гг. в Сицилии, который поддерживал тайные связи с Кавуром, поощрявшим движение. В августе 1857 г. новая организация окончательно оформилась под названием «Итальянское национальное общество». Она выступала с программой объединения Италии под эгидой Савойской династии и существовала в Пьемонте легально. Созданием этой организации «Партии действия» был нанесен новый сильный удар.

К этому еще добавились неудачи, которые потерпела «Партия действия» при попытках поднять восстания в 1855—1857 гг. Наиболее значительной из них была экспедиция в Сапри (Королевство Обеих Сицилий) в июне 1857 г. под руководством самоотверженного Карло Пизакане[85]. К экспедиции, насчитывавшей всего 25 человек, присоединилось несколько сот повстанцев. Но восстание было жестоко подавлено бурбонскими войсками, а тяжело раненный Пизакане покончил с собой. В те же дни были подавлены попытки восстания в Ливорно и Генуе.

Поражения восстаний нанесли урон личному престижу Мадзини и вызвали дезорганизацию демократических сил. Этими обстоятельствами воспользовались деятели «Итальянского национального общества» для усиления своего влияния. Вскоре произошло событие, которое способствовало активизации деятельности этой просавойской организации и ускорило процесс подготовки войны против Австрии.

Вторая война за независимость

14 января 1858 г. видный итальянский революционер, бывший сторонник Мадзини, Феличе Орсини вместе с несколькими друзьями совершил неудачное покушение на Наполеона III. Орсини считал, что Сардинское королевство давно уже начало бы войну за объединение Италии, если бы не Наполеон, являвшийся опорой европейской реакции[86]. Покушение Орсини выражало не только са-

[85] К. Пизакане — выдающийся социалист-утопист; он был активным участником революции 1848—1849 гг. в Италии. В своих трудах Пизакане выдвинул программу социальных преобразований в интересах народных масс, особенно крестьянства, которое он стремился вовлечь в революционное движение.

[86] *Ф. Орсини.* Указ. соч., стр. 295—296.

18. Карло Пизакане

моотверженность, но и отчаяние тех революционеров, которые после ряда неудавшихся восстаний искали выход в индивидуальном терроре.

Однако покушение Орсини, как и его казнь, не прошли бесследно. Это в известной мере ускорило заключение Наполеоном III антиавстрийского союза с Пьемонтом, чтобы вытеснить Австрию с Апеннинского полуострова и нейтрализовать революционные силы Европы (прежде всего Италии). Как отмечал Маркс, «угрозы личной мести со стороны соотечественников Орсини лишили узурпатора сна... Ужас перед местью со стороны итальянцев стоит не на последнем месте в числе факторов, неумолимо толкающих его на войну» [87].

В июле 1858 г. Наполеон III предложил Кавуру прибыть к нему на курорт Пломбьер. Здесь между ними было достигнуто согла-

[87] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 13, стр 289, 291.

шение о союзе для войны против Австрии. В январе 1859 г. тайный договор о союзе между Сардинским королевством и Францией был подписан. Согласно договору, после победы над Австрией Сардинское королевство получало Ломбардо-Венецианскую область и в компенсацию за это уступало Франции Савойю и Ниццу.

Эта сделка ничего общего не имела с борьбой итальянского народа за независимость и объединение страны. Как впоследствии отмечал Ленин, Наполеон III объявил в 1859 г. войну Австрии «якобы ради освобождения Италии, а на деле в своих династических целях...»[88] Наполеон III, который делал вид, что «хочет выступить в роли паладина итальянской независимости» (Энгельс), стремился лишь заменить влияние Австрии на Апеннинском полуострове другим влиянием — французским.

1 января 1859 г. во время новогоднего приема дипломатического корпуса в Тюильрийском дворце Наполеон III сказал австрийскому послу: «Я сожалею, что наши отношения с вашим правительством не так хороши, как прежде». После этого заявления никто уже не сомневался в том, что война неизбежна. Однако Наполеон III стремился заставить Австрию начать войну первой: в связи с тем, что конституция Германского союза давала Австрии право требовать военной помощи от союза лишь в случае, если война с ее стороны будет оборонительной, Наполеон III и Кавур хотели добиться, чтобы Австрия формально оказалась нападающей стороной и была поэтому лишена помощи. Через посредство России Наполеон III предложил созвать конгресс великих держав для обсуждения итальянского вопроса. Этот маневр нужен был Наполеону, чтобы выиграть время для завершения военных приготовлений.

Однако Австрия в качестве предварительного условия созыва конгресса потребовала разоружения Сардинского королевства и недопущения его представителя на конгресс. Эти нелепые требования не могли быть приняты Сардинским королевством, и дипломатические переговоры о созыве конгресса затягивались.

Готовясь к войне против Австрии, Наполеон III учитывал возможную позицию России в итальянском вопросе. Обстановка в 1859 г. сложилась так, что Россия должна была способствовать делу итальянской независимости. После Крымской войны Россия была заинтересована в ослаблении Австрии и в создании сильного государства на севере Апеннинского полуострова. Ухудшение отношений с Австрией содействовало русско-французскому сближению, которое было закреплено подписанием секретного договора между Россией и Францией 3 марта 1859 г. По этому договору Россия обязалась в случае войны Франции и Сардинского королевства с

[88] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 136.

19. *Английская карикатура «Трубка мира»: Боевые собаки — Франция и Австрия — дерутся за кость; Англия в стороне*

Австрией, занять позицию благожелательного нейтралитета в отношении первых. Конгресс великих держав не состоялся. Франция, выиграв время, успела подготовить свою армию к войне, антиавстрийский союз держав с каждым днем укреплялся. Это заставило Австрию, боявшуюся упустить время, начать войну первой. 23 апреля она предъявила Сардинскому королевству заведомо невыполнимый ультиматум о разоружении в течение трехдневного срока. Это означало объявление войны. Как отмечал Маркс «в дипломатическом отношении Наполеон прижал Австрию к стене, ибо он заставил ее первой произнести священное слово — объявить войну»[89].

26 апреля Сардинское королевство отвергло австрийский ультиматум, а 29-го передовые части Австрии переправились через Тичино и война началась.

Заключив сделку с Францией, сардинское правительство надеялось привлечь на свою сторону и итальянских республиканцев, используя настроения главным образом той их части, которая верила в Сардинское королевство как в оплот борьбы за освобождение и объединение Италии. В феврале 1859 г. Кавур пригласил к себе Гарибальди и предложил ему начать вербовку волонтерских отрядов. Хотя народный герой недоверчиво отнесся к планам Кавура

[89] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 13, стр. 325. Подробнее о дипломатической подготовке войны и об отношении К. Маркса и Ф. Энгельса к этой войне см. в книге: *В. Невлер* (*Вилин*). К истории воссоединения Италии. М., 1936, стр. 99—103, 106—118.

относительно войны против Австрии, он все же принял это предложение, надеясь, что война приведет к объединению Италии. Как только Гарибальди явился в Турин, толпы добровольцев начали стекаться к нему со всех концов полуострова.

Перед началом антиавстрийской войны «Партия действия» разоблачала династические планы Наполеона III и Сардинского королевства и призывала к развертыванию народной войны за независимость и объединение Италии. Лидер «Партии действия» Мадзини в ряде статей указывал на династический характер подготавливавшейся войны и подчеркивал, что провозглашение войны за независимость под покровительством Франции является «национальным несчастьем», так как инициаторы войны хотят заменить одно чужеземное иго другим. После начала войны мадзинисты изменили свою тактику. Они стали поддерживать войну, стремясь придать ей национальный характер. Мадзини писал, что, раз война началась, необходимо расширить ее рамки, итальянизировать ее, использовать королевско-императорскую войну для достижения целей нации [90]. Война вызвала всеобщий подъем в Италии, так как народ связывал с ней надежду на освобождение страны от иностранного гнета и ее объединение. В начале войны сардинская армия насчитывала 63 тыс. человек, включая бригаду волонтеров («Альпийские стрелки»), которой командовал Гарибальди, а союзная с ней французская армия — 116 тыс. человек. Австрия же направила на фронт 120-тысячную армию, которая затем увеличилась до 170 тысяч.

После ряда мелких стычек 20 мая произошло крупное сражение у Монтебелло, в котором союзные войска отбили атаку австрийской армии. Но первые значительные победы над врагом одержали волонтеры Гарибальди. В 1848 г. Гарибальди последним покинул Ломбардию, а в 1859 г. первым вступил в нее. 23 мая Гарибальди занял город Варезе. Жители ломбардских городов восторженно приветствовали своих освободителей от австрийского ига. После победы при Варезе отряды волонтеров заняли ряд других городов — последовали победы при Комо, Бергамо, Паладзоло и др. К началу июня отряды Гарибальди очистили бо́льшую часть Ломбардии от неприятеля.

4 июня союзная армия одержала крупную победу при Мадженте, в результате которой почти вся Ломбардия оказалась освобожденной. Наиболее упорными и кровопролитными были битвы при Сольферино и Сан-Мартино (24 июля); в этих битвах союзная армия нанесла австрийцам решающее поражение.

Успешная борьба на фронтах способствовала росту революционного движения в Италии. Уже к моменту объявления войны,

[90] G. *Mazzini*. Scritti..., v. LXIV, p. 16.

27 апреля, вспыхнуло восстание в Тоскане. В течение мая и июня народные восстания разгорелись в герцогствах Парма и Модена и в ряде областей Папского государства. Народные массы изгнали герцогов и австрийские оккупационные войска. В герцогствах были образованы временные правительства, а в папских легатствах — временные хунты. Они обратились с петициями к Виктору Эммануилу с просьбой о присоединении к Сардинскому королевству. Вскоре в герцогствах и легатствах были назначены сардинские королевские комиссары и губернаторы.

Большую роль в усилении патриотического движения сыграли блистательные победы Гарибальди и социальная политика в интересах народа, которую он проводил в освобожденных им районах (Гарибальди освобождал крестьян от податей и налогов). Популярность народного героя среди широких масс пугала Кавура и Виктора Эммануила, приводила в ужас Наполеона III.

Национально-освободительное движение приняло широкий размах и могло привести к созданию единой и независимой Италии. А это уже не входило в планы Наполеона III. Поэтому, решив, что после одержанных побед он сможет добиться от австрийского императора нужных ему уступок, Наполеон III поспешил за спиной своего союзника закончить войну. 5 июля Наполеон обратился к Францу Иосифу с предложением начать переговоры о перемирии. Австрийский император принял предложение. 8 июля было подписано соглашение о прекращении огня, а 11 июля в Виллафранке встретились оба императора и согласовали условия перемирия.

Согласно перемирию, утвержденному затем Цюрихским мирным договором 1859 г., Италия оставалась раздробленной. Ломбардия уступалась австрийским императором французскому, который в свою очередь «дарил» ее королю Сардинского королевства. Верховная власть в Венеции оставалась за Австрией. Герцоги Тосканы и Модены должны были вернуться на свои троны. Оба императора обязывались содействовать созданию Итальянской конфедерации под председательством папы римского.

Виктор Эммануил II на эти условия согласился, но глава правительства Кавур подал в отставку в знак протеста.

Позорное Виллафранкское перемирие, которое дополнило австрийский гнет французским диктатом, вызвало взрыв возмущения в Италии. Это перемирие оскорбляло национальные чувства итальянского народа, поднявшегося на решающую борьбу с иноземным притеснителем и готового на любые жертвы, чтобы достигнуть объединения страны. «Возникновение итальянской нации,— писал Маркс по поводу Виллафранкского договора,— сопровождается изощренным оскорблением..» [91] Демократические силы Италии,

[91] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 13, стр. 442.

все патриоты отказались признать это перемирие. По всей стране поднялось мощное движение протеста. Отмечая это, Маркс писал в статье о Виллафранкском договоре, что «в дело может вмешаться итальянская революция, чтобы изменить картину всего полуострова» [92].

Предвидение Маркса оправдалось. В течение лета и осени 1859 г. массовые выступления с каждым днем все расширялись, накал революционной энергии усиливался. В герцогствах Тоскана, Парма и Модена и в Романье были проведены выборы в ассамблеи. Ассамблеи приняли постановление о свержении прежних режимов и присоединении освобожденных территорий к Сардинскому королевству. Однако оформление присоединения затягивалось, так как Виктор Эммануил запросил мнение Наполеона, а тот в беседе с Ф. Арезе, посланным в Париж со специальной миссией, дал отрицательный ответ. Этот факт вызвал мощный протест широких масс итальянских государств.

Чтобы противостоять проискам Наполеона III и итальянских реакционеров, герцогства и Романья объединились, образовав 10 августа 1859 г. Военную лигу Центральной Италии, которая сформировала общее войско. В Центральную Италию прибыли Мадзини и Гарибальди. Каждый из них в разных городах развернул энергичную деятельность по организации демократических сил и подготовке освободительных экспедиций в Папское государство и Южную Италию.

Готовясь к решающей битве за объединение Италии, вожди демократического движения стремились создать единый фронт национально-освободительных сил. Учитывая большое влияние умеренных либералов, а также стремясь использовать вооруженные силы Сардинского королевства, Мадзини еще 20 сентября 1859 г. обратился с письмом к Виктору Эммануилу. Вождь республиканцев призывал короля возглавить национальную революцию и начать поход за освобождение Южной Италии, Рима и Венеции. Однако король и умеренные либералы, завладевшие властью в бывших герцогствах, всячески старались потушить революционный пожар и использовать национальное движение в своих узких интересах. Не везде умеренным либералам удавалось подчинить себе национальное движение. В Южной Италии, особенно в Сицилии, значительным влиянием пользовались демократы. Они продолжали готовиться к выступлению, стремясь стать во главе развернувшегося стихийного движения масс. В сентябре — октябре 1859 г. брожение широких масс особо усилилось в Сицилии. Это объяснялось историческими традициями и социально-экономическими ус-

[92] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 13, стр. 445.

ловиями острова. Большую роль в подготовке восстания в Сицилии сыграли Ф. Криспи, Дж. Кампо, Н. Фабрици и Р. Пило.

О тяжелых условиях, в которых находились народные массы Сицилии, не раз писали Маркс и Энгельс, проявлявшие живой интерес к революционным событиям в Италии. Маркс отмечал, что в Сицилии политический, административный и фискальный гнет тяготел над всеми классами. Но особенно тяжелым было положение крестьянства, огромное большинство которого работало почти исключительно на сборщиков налогов и баронов. Говоря о массовых движениях в Сицилии 1859—1860 гг., Маркс с горечью писал, что Сицилия истекает кровью под ударами неаполитанского тирана. «История человечества,— подчеркивал Маркс,— не знает другой такой страны и другого такого народа, которые бы столь мучительно страдали от рабства, от завоеваний и иностранного гнета и которые столь неутомимо боролись бы за свое освобождение, как Сицилия и сицилийцы». [93]

Таким образом, сами условия жизни на острове, как и на всем юге, исподволь подготавливали взрыв возмущения широких крестьянских масс. Республиканцы учитывали это обстоятельство. Говоря о силе демократов, Мадзини указывал, что их действительной точкой опоры является Юг [94].

В октябре 1859 г. сицилийские демократы подготавливали восстание. Мадзини в «Воззвании к сицилийцам» говорил, что речь идет об освобождении всей итальянской земли, Сицилия лишь даст первый сигнал, как и в 1848 г. Но восстание, начавшееся 10 октября, было плохо подготовлено и подавлено в первые же дни.

Неудача восстания в Сицилии не обескуражила демократов. Руководители итальянской демократии Мадзини и Гарибальди не оставляли планов свержения монархии в Южной Италии революционным путем. Они по-прежнему уделяли большое внимание Сицилии, считая ее исходной базой для дальнейших выступлений.

Руководители демократического движения хорошо понимали, что для победы над врагом необходимо не только подготовить массы, но иметь и достаточное количество оружия. Еще в сентябре 1859 г. Гарибальди организовал подписку в фонд «Миллион ружей». Эта подписка имела огромный успех. Широкие массы итальянцев отдавали в фонд последние сбережения. Оружие, купленное на средства фонда, завозилось в миланский арсенал на

[93] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 15, стр. 46.

[94] «L'Unita d'Italia». A cura di P. Alatri, v. I. Roma, 1959, p. 286. О тактической линии Мадзини в подготовке восстания и о вариантах этой линии в разное время см.: *Д. Берти*. Демократы и социалисты в период Рисорджименто. М., 1965, стр. 605—609.

временное хранение. Шла подготовка к решающей битве за объединение Италии.

Между тем неопределенное положение в Центральной Италии грозило вылиться в революционный взрыв. Народные массы требовали быстрейшего присоединения освобожденных территорий к Сардинскому королевству. Сложность обстановки заставила Виктора Эммануила II снова призвать к власти Кавура — на смену неспособному и робкому правительству Ла Марморы. 21 января 1860 г. Кавур сформировал новое правительство.

В течение первых месяцев 1860 г. Кавур вел интенсивную дипломатическую переписку и переговоры с великими державами, главным образом с Францией, чтобы убедить их в неизбежности присоединения Центральной Италии к Сардинскому королевству. Наконец, Наполеон III дал свое согласие, но потребовал Савойю и Ниццу. Англия, Россия и Пруссия также заявили, что не будут препятствовать присоединению территорий бывших герцогств к Сардинскому королевству. Переговоры завершились заключением между Виктором Эммануилом и Наполеоном III тайного соглашения (12—14 марта), по которому Виктор Эммануил соглашался на присоединение Савойи и округа Ниццы к Франции «по воле населения». В марте 1860 г. в Центральной Италии был проведен плебисцит: подавляющее большинство проголосовало за присоединение к Сардинскому королевству. Чтобы замаскировать сделку между Виктором Эммануилом и Наполеоном III, в апреле плебисцит провели также в Савойе и Ницце: итоги голосования были теми же. Голосование здесь проходило под давлением французских войск, временно расположенных в Савойе и Ницце, и агентов Наполеона III, которые приложили немало усилий, чтобы «обработать» общественное мнение.

Передача Франции этих итальянских территорий вызвала в Италии глубокое негодование. Со страстной речью в палате депутатов выступил Гарибальди, депутат от Ниццы. Он требовал отставки Кавура и привлечения его к ответственности. Однако палата, подавляющее большинство которой составляли умеренные либералы, утвердила соглашение с Наполеоном III.

Таким образом, к весне 1860 г. Ломбардия и государства Центральной Италии были присоединены к Сардинскому королевству. Народные восстания и мощное патриотическое движение в значительной степени сорвали осуществление условий Виллафранкского договора, навязанного Италии Наполеоном. Было создано сильное итальянское государство. Оно еще не являлось общенациональным государством, но уже не было старым Сардинским королевством: присоединенные государства внесли свою струю в его общественную жизнь, и многое видоизменилось не только в административном устройстве страны.

Лишь на Юге Италии, в Королевстве Обеих Сицилий — наиболее деспотическом государстве Апеннинского полуострова — почти все осталось без изменений. Но революционная волна подымалась и здесь.

Поход гарибальдийской «Тысячи»

В начале весны 1860 г. в Сицилии с новой силой развернулись народные волнения. Руководители демократического движения ускорили подготовку восстания на острове. Особенно энергичную деятельность проводили двое друзей Мадзини — Розалино Пило и Джованни Коррао, которые 26 марта отправились из Генуи в Сицилию. Когда 9 апреля отважные революционеры высадились в Мессине, почти весь остров был уже охвачен народными волнениями. Пило и Коррао устремились из одного города в другой; разъезжая по острову, они воодушевляли народ на борьбу.

Восстание началось в Палермо на рассвете 4 апреля. Набатом с колокольни монастыря Ганча, расположенного на рабочей окраине города, водопроводчик Франческо Ризо возвестил о начале восстания. Ризо был руководителем подпольного комитета, разработавшего план выступления. Всего насчитывалось 52 участника конспиративной организации, которая должна была дать сигнал к восстанию и увлечь за собой патриотов всего города. Однако вследствие предательства власти узнали о подготовке к восстанию. Когда раздался звон колокола, в монастырь ворвались солдаты королевских войск. Около монастыря собралось несколько сот повстанцев, пытавшихся проникнуть внутрь. Между солдатами и восставшими началась перестрелка, в результате которой защитникам Бурбонов удалось разбить слабо вооруженных патриотов. Было много убитых и раненых (среди последних — Ф. Ризо, скончавшийся в тюрьме). Тринадцать наиболее отважных революционеров военный трибунал приговорил к смертной казни, и их расстреляли.

Правительству Франциска II удалось подавить восстание в Палермо, но оно с еще большей силой разгорелось в окрестностях столицы и во многих других городах острова. В депеше от 10 апреля русский посол в Неаполе Кокошкин писал, что, несмотря на сообщения об усмирении восстания, революционные отряды крестьян появляются во многих деревнях и что особенно неустрашимы горцы[95]. Вскоре почти по всему острову стали действовать партизанские отряды, главным образом отряды «пиччотти», состоявшие вначале преимущественно из крестьянской молодежи.

[95] См. АВПР, ф. Канцелярия, 1860 г., д. 122, л. 93.

Весть о восстании в Сицилии быстро распространилась по всей Италии. 7 апреля об этом стало известно в Генуе, где был организован комитет для оказания помощи повстанцам. В Генуе тогда находились многие из друзей Мадзини и Гарибальди, и среди них А. Бертани, самоотверженный революционер, который сыграл большую роль в организации экспедиции «Тысячи». Он написал Гарибальди письмо, в котором просил оказать помощь повстанцам. С этим письмом Ф. Криспи и Н. Биксио отправились к Гарибальди для переговоров об организации экспедиции в Сицилию. Гарибальди обещал возглавить экспедицию, если сообщение о восстании будет подтверждено[96]. 15 апреля Гарибальди переехал в Геную. Он поселился в доме своего старого друга Аугусто Векки, в вилле Спинола, расположенной на берегу Генуэзского залива в Кварто. Этот дом стал штабом подготовки экспедиции «Тысячи».

Три недели, до момента отплытия «Тысячи», продолжалась напряженная, кипучая деятельность Гарибальди и его сподвижников. Подготавливали людей, оружие, продолжали собирать деньги, разрабатывали план. Большие затруднения возникли при заготовке оружия. В миланском арсенале хранилось 12 тыс. ружей, купленных за счет фонда «Миллион ружей». Но губернатор Милана д'Адзелио, по указанию правительства, распорядился не выдавать их. Небольшим количеством ружей располагало «Национальное общество», секретарем которого был Дж. Ла Фарина. Он передал для экспедиции 1019 ружей, ржавых, вышедших из употребления в армии и списанных.

Правительство Сардинии всем, чем могло, старалось помешать экспедиции «Тысячи». Кавур не только пытался заставить Гарибальди отказаться от экспедиции, но и намеревался арестовать его. Гарибальди не был арестован лишь потому, что король не решился на этот шаг[97], считаясь с духом времени. Сам Гарибальди писал по этому поводу впоследствии: «Люди Кавура не могли открыто сказать «не хотим экспедиции в Сицилию» — общественное мнение нашего народа осудило бы их...»[98] На протест посла Королевства Обеих Сицилий против подготовки экспедиции Кавур ответил, что невозможно помешать Гарибальди, не компрометируя при этом правительства[99].

Поход «Тысячи» проходил под лозунгом «Италия и Виктор Эммануил!» Этот лозунг вытекал из политики «Партии действия», проводившейся ею уже в период второй австро-итальянской вой-

[96] См. *F. Crispi*. I Mille. Milano, 1911, p. 97.
[97] См. *G. Sacerdote*. La vita di G. Garibaldi. Milano, 1933, p. 626; *S. Canzio*. Op. cit., p. 658.
[98] *G. Garibaldi*. Scritti, v. II, p. 414.
[99] См. АВПР, ф. Канцелярия, 1860 г., д. 122, л. 136.

ны 1859 г.; он придал экспедиции официальный характер и в какой-то мере связал Кавуру руки.

Своей дальнейшей деятельностью Гарибальди доказал, что, выдвигая лозунг «Италия и Виктор Эммануил!» по тактическим соображениям, он отнюдь не отказывался от республиканских убеждений и до конца жизни остался горячим приверженцем демократии.

5 мая все приготовления к отправке экспедиции были завершены. Вечером группа волонтеров под командой Н. Биксио отправилась в Генуэзский порт для захвата двух кораблей пароходного общества Рубаттино. Им не пришлось приложить много усилий для овладения пароходами «Пьемонт» и «Ломбардия», так как «захват» их был заранее согласован с администрацией общества. Ночью началась погрузка экспедиции на пароходы. Гарибальди не мог включить в состав экспедиции всех желавших отправиться на помощь восставшей Сицилии. Из огромного числа волонтеров, прибывших в Геную, было отобрано 1170 человек — главным образом из числа бывших альпийских стрелков и сподвижников Гарибальди в других битвах за свободу Италии. Ограничение численности экспедиции по предварительному плану одной «Тысячей» диктовалось отсутствием оружия. Но Гарибальди заранее предусмотрел, что на помощь «Тысяче» будут снаряжены дополнительные экспедиции.

С точки зрения социальной принадлежности почти половину «Тысячи» составляли народные низы — рабочие, ремесленники, городская беднота; много было студентов, представителей мелкой буржуазии и интеллигенции. Возрастной состав «Тысячи» был довольно пестрый, но преобладала молодежь в возрасте 18—25 лет. Гарибальдийцы были одеты в красные рубашки (форма, принятая ими в Латинской Америке).

В экспедиции приняли участие добровольцы ряда других стран. Так, известный русский ученый и общественный деятель Л. И. Мечников включился в одну из дополнительных экспедиций.

На рассвете 6 мая экспедиция отплыла из Кварто. По пути Гарибальди решил остановиться в тосканской гавани Таламоне, чтобы попытаться раздобыть оружие. Здесь и в крепости Орбетелло, находящейся недалеко от Таламоне, ему удалось достать 4 пушки и значительное количество боеприпасов.

Для отвлечения внимания держав и неприятеля от Сицилии Гарибальди в Таламоне выделил из «Тысячи» группу в 64 чел. для вторжения в Папское государство, чтобы дать повод предполагать, будто экспедиция направилась туда. В известной мере этот маневр удался.

В полдень 11 мая экспедиция достигла гавани Марсалы (западный берег Сицилии), где намечалось произвести высадку. Три бурбонских судна, заметивших приближение «Пьемонта», и «Лом-

бардии» к берегу, направились за ними вдогонку. Но они не могли сразу начать обстрел, так как на рейде стояли два английских корабля, капитаны которых просили не открывать огонь до тех пор, пока не погрузится на борт их экипаж, находившийся на берегу. Когда неприятель открыл огонь, уже заканчивалась выгрузка «Тысячи» — почти без всякого урона.

Волонтеры беспрепятственно овладели городом. Здесь Гарибальди выпустил прокламацию, в которой призывал население Сицилии к оружию. С прибытием экспедиции восстание в Сицилии вспыхнуло с новой силой. К «Тысяче» стали присоединяться небольшие отряды «пиччотти», вооруженные пиками, саблями, ножами, кинжалами и т. д. Гарибальди действовал в Сицилии в тесном контакте с руководителями повстанческого движения.

Было решено, что «Тысяча» направится в Палермо. По пути из Марсалы в Палермо отряду пришлось выдержать крупную битву, которая оказалась решающей в походе 1860 г. Сражение произошло 15 мая близ города Калатафими. Противник уже заранее ждал гарибальдийцев, заняв очень удобную позицию. Хорошо вооруженный корпус численностью около 3 тыс. человек под командованием опытного генерала Ланди разместился на окружающих город холмах. Отряду Гарибальди, насчитывавшему 1500 человек, пришлось атаковать неприятеля с незащищенной равнины. Но бурбонские войска не выдержали натиска гарибальдийцев и повстанцев. В результате 6-часовой кровопролитной битвы враг был обращен в бегство. Это была первая победа «Тысячи» в Сицилии. Гарибальди отмечал позже, что следствием этой победы стало повсеместное восстание населения против отступавшего врага. Всюду образовывались вооруженные отряды, которые присоединились к краснорубашечникам.

Энгельс, подробно изучивший битву при Калатафими, как и весь поход «Тысячи», писал, что она явилась одним из «наиболее удивительных военных подвигов нашего столетия» [100].

В эти напряженные дни безостановочных маршей, проходя сквозь огонь и разрушения, демократические деятели думали не только об уничтожении династии Бурбонов, но и о тяжелой жизни народа, о насущных социальных проблемах. Первым социальным мероприятием Гарибальди был декрет, подписанный 17 мая в Алькамо, близ Калатафими. Этим декретом отменялся налог на помол и ликвидировались ввозные пошлины на зерно, картофель и овощи [101]. Другим декретом от 17 мая восстанавливались законы о муниципальных советах, изданные в Сицилии в период ре-

[100] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 15, стр. 63.
[101] См. *F. Crispi.* Op. cit., p. 133; *P. Alatri.* Garibaldi e la spedizione dei Mille.— «La Sicilia e l'unità d'Italia». Relazioni. Milano. 1962, p. 28.

волюции 1848 г., и отменялись законы, принятые после подавления революции. Этим самым подчеркивался революционно-демократический характер новой власти, которую стремились установить после победы инициаторы похода «Тысячи».

24 мая гарибальдийцы приблизились к Палермо. Вместе с отрядом «пиччотти» Гарибальди имел в своем распоряжении более 4 тыс. человек. В столице Сицилии волонтеров и повстанцев ожидала хорошо вооруженная 20-тысячная армия под командованием генерала Ланца. Около Палермо Ланца сконцентрировал также королевский флот для обстрела города с моря.

Искусным маневром Гарибальди решил сначала попытаться обмануть неприятеля. Отходом небольшой части волонтеров и отводом пушек в глубь острова партизанский вождь хотел создать впечатление, что отряд отступает; тогда противник своими основными силами станет преследовать отступающих и тем самым будет отвлечен от города. Этот маневр удался. Ночью 26 мая Гарибальди совершил фланговое движение с главными силами и появился в таком месте, где его совсем не ждали.

27 мая на рассвете, после стремительной атаки форта Термини, Гарибальди вступил в город. Хотя ему и удалось обмануть неприятеля, все же в Палермо у Бурбонов оставались значительные силы. Волонтеры готовились к неминуемому сражению. Горожане были ошеломлены вступлением плохо вооруженных партизан в Палермо, где имелись мощные крепости, большая армия, арсеналы... Но вскоре горожане поднялись на борьбу. Даже женщины, старики и дети строили баррикады; борьба приняла характер народного восстания [102].

Королевская армия и флот начали бомбардировать Палермо с двух сторон — с суши и с моря. Но гарибальдийцы и восставший народ были неустрашимы и проявляли сказочный героизм. К вечеру 27 мая все население города вышло на улицу с трехцветными значками, сообщал русский консул [103]. В течение трех дней бурбонские войска обрушивали на город тысячи бомб и ядер. Но они не могли устоять перед натиском восставшего народа. 30 мая представители королевской армии предложили перемирие и вскоре после того подписали акт о капитуляции, а бурбонская армия покинула столицу Сицилии.

Энгельс, следивший с величайшим вниманием за каждым шагом Гарибальди, отмечал, что маневры, предпринятые Гарибальди с целью подготовки штурма Палермо, как и все операции по взятию города, «носят печать военного гения» [104].

[102] См. *G. Garibaldi.* Scritti, v. I, p. 306; *F. Crispi.* Op. cit., p. 152.

[103] См. АВПР, ф. Канцелярия, 1860 г., д. 122, л. 188.

[104] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 15, стр. 67.

Победа революции в столице Сицилии решила судьбу острова, к тому времени охваченного пламенем восстания. Вскоре почти вся Сицилия была освобождена от власти ненавистных Бурбонов. Лишь в Мессинской крепости Бурбонам удалось удержаться еще несколько месяцев.

На острове возникла новая власть. Она была организована в форме революционно-демократической диктатуры, а Гарибальди принял звание диктатора Сицилии. В правительство Гарибальди входили представители «Партии действия» и сицилийских умеренных. Революционное правительство провело ряд важных мероприятий. Были освобождены политические заключенные и запрещен орден иезуитов, созданы школы и приюты для беспризорных детей. Наибольшее значение для закрепления победы революции имел декрет от 2 июня о разделе общинных земель и наделении земельными участками крестьян, сражавшихся за родину.

Виктор Эммануил и Кавур были сильно встревожены как военными успехами Гарибальди, так и его политикой. Их пугал демократический характер сицилийской революции. Стремясь установить контроль над деятельностью Гарибальди и оказать на него давление, Кавур в июне послал в Палермо своего агента Ла Фарину якобы для «помощи» в организации правительства. Ла Фарине удалось настоять на смещении Криспи, который был продиктатором, и назначении вместо него А. Депретиса, сторонника Кавура. После того как Гарибальди понял, что главной целью Ла Фарины является устранение из правительства республиканцев и введение в его состав приверженцев Савойской династии, стремившихся к быстрейшему присоединению Сицилии к монархии Виктора Эммануила, он издал декрет о высылке Ла Фарины из Сицилии.

Гарибальди, как и Мадзини, ставил задачу ликвидации Неаполитанского и Папского государств, а Сицилию считал опорной базой для дальнейшего развертывания борьбы. Гарибальди понимал, как отмечал Маркс, что выполнение поставленной перед ним задачи возможно лишь в том случае, «если движение сохранит свой чисто народный характер и не будет стоять ни в какой связи с планами чисто династического расширения» [105].

Планы Гарибальди, как и усиление его престижа среди широких масс народа, вызвали смятение в правящих кругах Сардинского королевства. В те дни, когда демократы, все истинные патриоты Италии с нетерпением ожидали высадки освободительной армии на Калабрийском берегу, в Турине разрабатывался план срыва переправы Гарибальди и его сподвижников на материк. По просьбе Кавура Виктор Эммануил 22 июля написал Гарибальди

[105] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 15, стр. 94.

20. Народный рисунок: «Битва в Палермо в конце мая 1860 г.»

письмо, в котором «для пользы Италии» советовал отказаться от мысли переправиться через пролив. Отвечая королю, Гарибальди писал: «...Нынешнее положение Италии не позволяет мне подчиниться Вам... Если я теперь проявил бы колебания, вопреки требованию народа, то изменил бы своему долгу и повредил бы святому делу Италии» [106].

Победа революции в Сицилии способствовала усилению освободительного движения в континентальной части королевства. Гарибальди начал подготавливать армию, чтобы через Мессинский пролив переправиться на материк и вместе с отрядами, повстанцев Южной Италии двинуться в Неаполь. По пути к Мессине армии Гарибальди пришлось выдержать крупное сражение при Милаццо. Это была последняя битва гарибальдийцев на острове, и 27 июля они без боя заняли Мессину. К моменту переправы через пролив освободительная армия Гарибальди, которая теперь приняла наз-

[106] См. *F. Crispi*. Op. cit., p. 274; «Carteggio Cavour — Nigra dal 1858 al 1861», v. IV. Bologna, 1929, p. 98, 108.

вание Южной, насчитывала более 20 тыс. человек. Она включала отряды, прибывшие в июне и июле из разных мест Италии. Армия была разделена на 4 дивизии, которыми командовали генералы Медичи, Биксио, Козенц и Тюрр. Но не вся армия концентрировалась у Мессинского пролива.

Тщательно подготовившись и выбрав удобный момент, Гарибальди на рассвете 19 августа высадился с главными силами на крайней южной оконечности Калабрии — у Мелито. Небольшой отряд (около 300 человек) под командой Миссори и Музолино высадился 10 днями раньше — не столько для военной разведки, сколько для агитации среди местного населения.

Как и в Марсале, неприятель заметил гарибальдийцев и начал их обстреливать с моря лишь тогда, когда высадка уже почти закончилась. На следующий день гарибальдийцы отправились в Реджо — главный укрепленный город Калабрии. После короткой атаки Гарибальди занял город. Сопротивление было слабым, так как в неаполитанской армии уже давно началось разложение [107]. Своей отвагой гарибальдийцы приводили в смятение защитников монархии Бурбонов.

Победа в Реджо решила судьбу остальной части Королевства Обеих Сицилий. 100-тысячная армия короля была целиком деморализована, солдаты сдавали гарибальдийцам свое оружие. Многие из них изъявляли желание присоединиться к волонтерам. Путь гарибальдийцев от Реджо до Неаполя представлял собой триумфальное шествие. Почти повсюду восстания начались еще до прихода армии Гарибальди.

Большую роль в организации этих восстаний сыграла «Партия действия», развернувшая в это время в Южной Италии кипучую деятельность. В статье «Продвижение Гарибальди» Энгельс восхищался стратегическим планом партизанского вождя и отмечал, что его победы были одержаны благодаря деятельности этой партии [108].

В полдень 7 сентября Гарибальди, опередивший авангард своей армии, в открытой коляске в сопровождении нескольких человек торжественно въехал в Неаполь. Через два дня в столицу королевства вступила гарибальдийская армия, встреченная народным ликованием [109]. Франциск II бежал еще 6 сентября, забрав с собою часть оставшегося ему верным войска. В Неаполе осталось еще около 20 тыс. солдат, но они и не пытались оказать сопротивление. «Освободителями народа, — писал Гарибальди о своем триумфальном вступлении в Неаполь, — было занято еще теплое

[107] См. АВПР, ф. Канцелярия, 1860 г., д. 122, лл. 214 и 383.

[108] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения т. 15, стр. 153.

[109] См. *С. Agrati*. Da Palermo al Volturno. Milano, 1937, p. 439.

монархическое гнездо, и грубые сапоги пролетариев топтали роскошные королевские ковры»[110].

Легендарная эпопея славной «Тысячи» подходила к концу. Целую неделю после вступления гарибальдийцев в Неаполь длились народные торжества. Однако еще предстояла жестокая битва с королевскими войсками. Эта битва произошла при реке Вольтурно у города Санта-Мария 1 и 2 октября. Франциск II попытался с остатками армии пробиться в столицу. Королевские войска дрались с ожесточением. Однако после двухдневной кровопролитной битвы гарибальдийцы одержали победу. Этим закончилась замечательная эпопея «Тысячи». После битвы при Вольтурно остатки королевской армии еще удерживали некоторые крепости, но дни династии Бурбонов были сочтены.

В освобожденном королевстве было образовано революционное правительство, в которое входили умеренные либералы и демократы, а Гарибальди был провозглашен «диктатором Обеих Сицилий». Создание этого правительства открывало широкие перспективы для дальнейшего развития революции в неосвобожденной части Италии. Правительство подтвердило изданные в Сицилии декреты о социально-экономических мероприятиях и издало некоторые другие декреты. В частности, было подтверждено, что земли и недвижимость, принадлежащие запрещенному ордену иезуитов, будут национализированы, так же как и земли Бурбонов. 18 октября был издан декрет об обложении налогом церковных имуществ. Декретом от 3 ноября запрещалось сосредоточение в одних руках нескольких наделов[111].

Революционный инстинкт подсказывал Гарибальди, что, только опираясь на восстание широких народных масс, в том числе крестьянства, можно будет превратить экспедицию «Тысячи» в бурное освободительное движение, которое быстро сокрушит бурбонское государство[112]. Необходимо, однако, отметить, что аграрный вопрос — самый важный — не был разрешен правительством Гарибальди. Декрет о раздаче крестьянам общинных и государственных земель не был реализован. Революционное правительство не призывало крестьян к захвату земель баронов, а удерживало их от этого. Был даже случай, когда отряд Биксио подавил крестьянское волнение. Причина такой политики заключается в том, что правительство, большинство которого составляли представители буржуазии, боялось аграрной революции, а люди,

[110] *G. Garibaldi*. Scritti, v. II, p. 468.

[111] См. *F. Renda*. Il movimento contadino nella società siciliano. Palermo, 1956, p. 32—33; *P. Alatri*. Op. cit., p. 28—29.

[112] Ср. *S. F. Romano*. Momenti del Risorgimento in Sicilia. Messina — Firenze, 1952, p. 137.

окружавшие Гарибальди (Криспи, Паллавичино, Биксио и др.), полагали, что гражданская война между крестьянами и помещиками может скомпрометировать режим Гарибальди и ослабить его армию . В результате крестьяне охладели к движению и стали отходить от него. Но следует подчеркнуть, что такой политики по отношению к крестьянству придерживалась почти вся республиканская партия. В этом заключается противоречивость и слабость всего демократического крыла национально-освободительного движения Италии, и этим обстоятельством воспользовались умеренно-либеральная партия, чтобы задушить робкие попытки соединить национальное движение с глубокой аграрной революцией [113].

Уже в июле 1860 г. умеренные либералы пытались вырвать инициативу из рук демократов и изолировать их. После же высадки гарибальдийской армии на континенте Кавур и его сторонники повели бешеную кампанию против деятелей демократического движения и напрягали все свои усилия, чтобы вызвать в Неаполе так называемую «революцию» до вступления туда Гарибальди и не допустить создания демократического правительства. Однако либералам не удалось организовать переворот в Неаполе.

После того как Гарибальди вступил в Неаполь и кавуровский план организации там государственного переворота провалился, правительство Сардинского королевства приняло решение о посылке войск в Марке и Умбрию, а затем — на Юг. Целью этой экспедиции было не допустить перехода гарибальдийцами неаполитанской границы и их похода на Рим. Доказывая французскому послу необходимость вторжения в Папское государство, Кавур заявил, что, если сардинская армия не будет в Марке раньше Гарибальди, «революция охватит всю Италию» [114].

11 сентября войска Сардинского королевства под командованием генерала Фанти перешли границу Папского государства. После небольших стычек с папскими войсками они заняли области Марке и Умбрия. Затем командование принял сам Виктор Эммануил. Сардинская армия перешла неаполитанскую границу не только для того, чтобы не допустить распространения революции в остальной Италии, но и для того, чтобы подавить революцию в самом Неаполе. Виктор Эммануил выпустил прокламацию, в которой обрушился на республиканцев и заявил, что его армия вступила в Южную Италию, чтобы «покончить с эрой революции».

В Неаполе, как и в Палермо, активизировали свою деятельность либералы и реакционные элементы. В государственном аппарате сидели королевские чиновники, саботировавшие мероприятия революционного правительства. Гарибальди писал, когда ста-

[113] Ср. *Э. Серени.* Аграрный вопрос в Италии. М., 1949, стр. 41—42.
[114] См. *F. Crispi.* Op. cit., p. 319.

ло известно о походе сардинской армии, что сторонники Кавура обнаглели и стали вести себя вызывающим образом[115]. Нельзя не вспомнить здесь слова А. Грамши, отмечавшего, что в период похода «Тысячи» политика руководителей либеральной партии диктовалась «слепой сектантской враждебностью к «Партии действия» и к Гарибальди» и что меньше всего они думали об объединении Италии[116].

Кавур наполнил Неаполь своими агентами, агитировавшими за присоединение Южной Италии к Сардинскому королевству. Деятели демократического движения требовали созыва Учредительного собрания для решения дальнейших судеб Италии. Большую помощь Гарибальди оказали Мадзини, Каттанео и Бертани, прибывшие в Неаполь. Они развернули энергичную деятельность по подготовке освободительного похода на Рим, разоблачали интриги монархистов и всячески старались помочь правительству Гарибальди. Однако после вступления сардинской армии в Королевство Обеих Сицилий влияние демократов значительно ослабло. Некоторые из соратников Гарибальди (Медичи, Сиртори, Тюрр и др.) перешли на сторону Кавура.

В октябре умеренные либералы организовали в Неаполе и Палермо ряд митингов и демонстраций с требованием присоединения к Сардинскому королевству. Некоторые из помощников Гарибальди, в особенности продиктатор Паллавичино, усиленно склоняли Гарибальди принять это требование. В такой обстановке Гарибальди решил назначить плебисцит, чтобы решить вопрос о присоединении. Плебисцит был проведен 21 октября, когда сардинская армия приближалась к Неаполю. Он закончился победой сторонников присоединения Южной Италии к Сардинскому королевству. Такие же результаты дал плебисцит в Марке и Умбрии, состоявшийся 4 ноября.

7 ноября 1860 г. в Неаполь прибыл Виктор Эммануил. Гарибальди сложил с себя диктаторскую власть и объявил о передаче власти Виктору Эммануилу. Вскоре декреты, изданные Гарибальди, были отменены, а его армия распущена. Гарибальди уехал на Капреру, призвав волонтеров быть готовыми к новому походу за освобождение Рима и Венеции в 1861 г.

27 января 1861 г. состоялись выборы в итальянский парламент. Новый парламент принял закон об образовании Итальянского королевства и провозглашении Виктора Эммануила II королем Италии (17 марта 1861 г.).

В борьбе между демократами и либералами за различные способы (пути) объединения Италии и различные формы государст-

[115] *G. Garibaldi.* Scritti, v. II, p. 469.
[116] *A. Gramsci.* Il Risorgimento, p. 153.

венной власти победила партия умеренных либералов. Она смогла победить потому, что в решающий период революции в силу ряда причин она оказалась более сильной, чем «Партия действия». Нерешительность и слабость «Партии действия», ее боязнь повторения в Италии террористического 1793 года, как отмечал Грамши, ее неспособность включить в свою программу требования аграрной реформы явились причинами влияния на нее умеренных либералов, что привело к победе последних[117]. Руководители республиканцев не понимали необходимости решения задач национальной революции одновременно с задачами аграрной революции. К тому же «Партия действия» к началу революции была ослаблена предыдущими поражениями и внутренними раздорами. В результате всех этих факторов умеренные и сардинская монархия сумели присвоить плоды завоеванных революцией побед и присоединить к Сардинскому королевству уже освобожденные государства. Международная обстановка также способствовала победе умеренных. Особую поддержку им оказал Наполеон III, который одобрял все действия Кавура против Гарибальди и демократических сил. Англия, хотя и была заинтересована в создании на Апеннинском полуострове большого итальянского государства, которое противостояло бы Франции, опасалась демократической революции в Италии. Другие державы вынуждены были считаться с позицией Англии и Франции. В результате войны и революции 1859—1860 гг. Италия была в основном объединена. Однако недостаточная организованность демократических сил, слабое участие крестьянства в революции, колебание вождей республиканской буржуазии обусловили незавершенность революции. Решающую роль в объединении страны сыграла борьба народных масс, руководимых революционными элементами буржуазии, наиболее выдающимися представителями которых были Мадзини и Гарибальди. Огромную роль сыграл поход гарибальдийской «Тысячи», организованный демократами. Экспедиция Гарибальди на Юг Италии явилась самым крупным выступлением народных масс в их борьбе за объединение Италии революционным путем. В этом походе объединились антифеодальные, демократические силы всех итальянских государств. Если бы деятели демократического движения не пошли на эту решающую битву за объединение и независимость Италия надолго оставалась бы раздробленной. Давая итоговую оценку роли Гарибальди и народных масс в объединении Италии. Энгельс писал: «...в лице Гарибальди Италия имела героя античного склада, способного творить и действительно творившего чудеса. С тысячей волонтеров он опрокинул все Неаполитанское королевство, фактически объединил Италию, разорвал искусную сеть бонапартовой политики. Италия

[117] См. *A. Gramsci*. Il Risorgimento, p. 72.

21. *Джузеппе Гарибальди*

была свободна и по существу объединена,— но не происками Луи-Наполеона, а революцией»[118].

Русское общество всегда проявляло большой интерес к национально-освободительному движению в Италии. Этот интерес усилился в период революции 1859—1860 гг. Демократические деятели России выражали глубокие симпатии борьбе итальянского народа за независимость и национальное объединение своей страны. Много ярких страниц об Италии, о ее мужественном и свободолюбивом народе написали великие русские революционные демократы — А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов. Особой любовью в России пользовались Мадзини и Гарибальди, имевшие дружеские связи с русскими эмигрантами. Среди гарибальдийцев за свободу и независимость Италии сражалась и русская молодежь.

Иным было отношение правящих кругов России к борьбе за революционный путь объединения Италии. Так, в связи с распространившимися сообщениями, что правительство Сардинского королевства содействовало организации похода «Тысячи», русский посланник в Турине потребовал разъяснений и официального опровержения причастности правительства к экспедиции Гарибальди[119]. Когда сардинские войска перешли границы Неаполитанского королевства, Россия порвала дипломатические отношения с Сардинским королевством. Однако это был лишь жест, имевший целью продемонстрировать верность в отношении неаполитанского короля[120]. Александр II не оказал никакой помощи своему «кузену» Франциску II, несмотря на неоднократные просьбы.

Практически внешнеполитический курс России объективно способствовал объединению Италии под эгидой Савойской династии в том виде, в каком оно фактически осуществилось. Вскоре Россия признала новое Итальянское королевство.

Рабочие организации в 1860-е годы

Объединение Италии ускорило развитие капитализма и создало предпосылки для зарождения и развития рабочего движения.

С 1859 г. рабочие общества стали распространяться не только в Сардинском королевстве, но и в других итальянских государствах. К концу 1862 г. по всей Италии их насчитывалось 443, а за следующие десять лет их число увеличилось до 1447.

[118] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 21, стр. 430.

[119] АВПР, ф. Канцелярия, 1860 г., д. 189, лл. 330, 332.

[120] См. *Д. Берти.* Россия и итальянские государства в период Рисорджименто, стр. 648.

На съездах рабочих обществ, которые до объединения Италии созывались лишь в Сардинском королевстве, обсуждались главным образом вопросы образования рабочих, повышения их морального и интеллектуального уровня. Исключение составил шестой съезд, состоявшийся в Верчелли в 1858 г. На нем обсуждалась проблема продолжительности рабочего дня, которая была наиболее острой в то время. Так, рабочий день в текстильной промышленности продолжался от 13 до 16 часов. Широко применялся детский труд. Делегаты съезда говорили о произволе предпринимателей и требовали издания закона об охране труда. Однако и на этом съезде дело ограничилось тем, что была избрана комиссия, которой поручили «изучить эту проблему».

Как ни старались буржуазные деятели отвлечь рабочих от классовой борьбы, в первую очередь от борьбы за их непосредственные экономические интересы, сама жизнь вызывала конфликты между трудом и капиталом и толкала рабочих на борьбу. Уже в 50-е годы в Сардинском королевстве произошел ряд острых классовых столкновений. Бастовали рабочие табачных фабрик Турина, неоднократно бастовали типографские рабочие. Особо острой была забастовка портовых рабочих Генуи в 1858 г. После объединения Италии, по мере того как рабочее движение принимало более организованный характер, число забастовок увеличивалось. С 1860 по 1869 гг. произошли 132 забастовки [121]. В 1868 г. в Болонье имела место всеобщая забастовка — впервые в Италии.

С достижением национального единства рабочее движение стало общеитальянским. Это обстоятельство способствовало изживанию влияния умеренных, которым противостояли демократы, возглавлявшиеся Мадзини. Мадзини уже много лет вел борьбу за привлечение рабочих к политической жизни. Первый сильный бой сторонники Мадзини дали умеренным на съезде рабочих обществ в Милане (октябрь 1860 г.). Это был первый съезд, созванный в объединенном королевстве (хотя еще официально не провозглашенном). На нем присутствовали 109 делегатов от 64 обществ, многие из делегатов находились под преобладающим влиянием мадзинистов. На Миланском съезде, в отличие от всех предыдущих съездов, развернулась острая дискуссия по политическим и социальным проблемам: участие рабочих в политической борьбе, забастовки, санитарные условия на фабриках, организация обществ по профессиональному признаку и др. Самое важное, чего добились мадзинисты на съезде,— это принятие резолюции о необходимости изменения избирательного закона в направлении, «обеспечивающем рабочему классу справедливую долю участия в избрании депутатов».

[121] «Statistica degli scioperi...». Roma. 1892, p. 4.

На следующем съезде рабочих обществ, состоявшемся во Флоренции в 1861 г., развернулась еще более острая борьба между умеренными и мадзинистами. На съезде обсуждался широкий круг социальных и политических вопросов. Почетным председателем был избран Гарибальди. Из принятых съездом решений наиболее важными были резолюции об объединении рабочих обществ в организацию общенационального масштаба и о необходимости борьбы за всеобщее избирательное право. На этом съезде умеренные впервые потерпели поражение. Победили мадзинисты.

Это сыграло значительную роль в развитии рабочего движения. Рабочие организации были объединены в национальном масштабе и вовлечены в политическую борьбу. Однако в дальнейшем утопические теории Мадзини и его влияние на рабочее движение явились помехой созданию действительно массовых, классово сознательных организаций пролетариата. Пропаганда мадзинистами идеи классового сотрудничества, их теория гармонии труда и капитала нанесли определенный ущерб рабочему движению.

С утверждением капиталистических отношений, вызвавших усиление эксплуатации трудящихся, доктрины классового мира уже не могли больше удовлетворить рабочих, и они стали отходить от мадзинистов. В середине 60-х годов в Италии созрели условия для развития социалистического движения. Сама жизнь приводила рабочих к сознанию необходимости классовой борьбы. Рост рабочего движения, общественные отношения, сложившиеся после объединения страны, сделали левых республиканцев восприимчивыми к социалистическим идеям. Большой толчок к этому дало также Международное Товарищество Рабочих (I Интернационал), основанное в Лондоне в сентябре 1864 г. На съезде рабочих обществ Италии, который состоялся в октябре 1864 г. в Неаполе, говорилось о периодическом созыве международных рабочих конгрессов. Съезд принял решение о посылке делегации на предстоящий международный рабочий конгресс.

Однако зарождающееся социалистическое движение встретило сильное противодействие со стороны Мадзини, который пытался превратить Интернационал, как и рабочие общества, в орудие осуществления планов мелкобуржуазной демократии[122]. Мадзинисты участвовали в создании Интернационала. Через своего секретаря Л. Вольфа Мадзини даже попытался навязать Интернационалу свою программу. Но, как известно, в качестве программных документов Интернационала был принят Учредительный манифест и Устав с преамбулой, составленные Марксом. Трудность первых шагов итальянского социалистического движения заключалась в том, что в то время, когда передовые рабочие выражали свои

[122] См. *И. В. Григорьева*. Указ. соч., стр. 68—69.

симпатии Интернационалу, а бывшие левые республиканцы предпринимали попытки создать его секции, в Италии, кроме Мадзини, стал вести свою пропаганду М. А. Бакунин, идеолог «революционного анархизма».

Русский революционер прибыл в Италию в ноябре 1864 г. Он имел поручение Маркса (с которым незадолго до того встретился в Лондоне) организовать в Италии секции Интернационала. Маркс полагал, что революционная энергия Бакунина окажется весьма кстати для организации в Италии отпора антисоциалистической проповеди Мадзини. Но, взяв на себя поручение Маркса и заявив, что отныне будет участвовать лишь в социалистическом движении, Бакунин предпринял попытки создать в Италии тайную организацию для пропаганды своих путаных теорий «революционного анархизма». Не всегда и не везде пропаганда Бакунина имела успех, однако в 1867—1868 гг. ему удавалось оказать некоторое влияние на создаваемые секции Интернационала.

В 1868 г. возникла секция Интернационала в Неаполе. В конце 1869 г. она уже насчитывала более 3700 чел. К началу 1870 г. были созданы секции Интернационала в ряде городов Сицилии. Неаполитанская секция принимала активное участие в забастовочном движении, и ее авторитет среди рабочих неуклонно возрастал. Но в конце 60-х годов усилилось влияние Бакунина в секциях Интернационала. Политически незрелым рабочим, пришедшим из деревень, и мелкобуржуазной интеллигенции, разочаровавшейся в «благах» буржуазного государства, импонировало учение Бакунина о «социальной революции» и уничтожении всякого государства. Это было реакцией на политику бюрократически-централизованного государства, созданного в результате объединения страны, государства, обрушившегося жестокими репрессиями на молодое рабочее и социалистическое движение. Почвой, питавшей анархизм, явились влившиеся в ряды пролетариата новые кадры рабочих, выходцев из крестьян и ремесленников, разорявшихся в условиях концентрации капиталистического производства. Но с ростом фабрично-заводского пролетариата увеличивалась политическая зрелость рабочих, освобождавшихся постепенно от влияния анархизма.

Завершение объединения Италии

Умеренные либералы, правившие в Сардинском королевстве до объединения, закрепили свою власть и в новом королевстве. Их группировка вошла в историю под названием «правой». Левое крыло умеренных либералов и часть бывших демократов, составившие в парламенте отдельную группировку, получили название «левой». 6 июня 1861 г. умер Кавур. Его заменил Беттино Рикасоли, также

принадлежавший к «правой». Все правительства, часто сменявшие друг друга в 60-е годы, принадлежали к этой группировке, которая правила 15 лет. Перед правительством «правой» встало много сложных проблем. Необходимо было укрепить финансы, истощенные в результате войны и революции; нужно было наладить работу государственного аппарата и создать администрацию в новых провинциях, реорганизовать армию, строить дороги и т. д. Однако правительство, которое отражало интересы обуржуазившихся помещиков и торгово-промышленной буржуазии, не в состоянии было решить эти проблемы. Оно пыталось выйти из положения путем усиления налогового пресса и за счет распродажи конфискованных церковных земель. Но бюджет ежегодно сводился с дефицитом, и государственный долг неуклонно увеличивался.

Наиболее острой была проблема Юга, возникшая после объединения страны. Правительство «правой» ничего не предпринимало, чтобы ликвидировать социально-экономическое различие между отсталым Югом и более развитым Севером. Политика правительства привела к тому, что позднее Юг был превращен в аграрный придаток промышленного Севера. Тяжелая участь широких масс народа Южной Италии, в особенности крестьянства, страдавшего от полуфеодального гнета крупных помещиков, их ненависть к бюрократическому государственному аппарату, состоявшему почти исключительно из пришельцев с Севера, приводили к стихийным выступлениям крестьян.

Лишившийся престола Франциск II засылал в Южную Италию агентов, возбуждавших крестьян против новой власти. Им помогали священники, поощряемые правительством Рима. В обстановке стихийных волнений реакционерам не трудно было привлечь на свою сторону многих невежественных крестьян, из которых они создавали террористические отряды. Эти отряды соединялись с блуждавшими по лесам Юга небольшими группами разбитой бурбонской армии и совершали террористические акты против представителей власти.

Одновременно в Южной Италии началось массовое движение, в которое включились десятки тысяч крестьян, выражавших протест против гнета баронов и аграрной буржуазии, против произвола властей, бесправия и голода[123]. Это было продолжением борьбы за землю, которую крестьяне Юга начали еще в 1860 г. Правительство «правой», воспользовавшись тем, что во многих случаях это движение получило легитимистскую окраску, объявило его «бандитским» и отождествляло с отрядами, организованными сторонниками Бурбонов и возглавлявшимися в большинстве случаев ино-

[123] См. *F. Molfese.* Storia del brigantaggio dopo l'unità. Milano, 1964, p. 408—410.

странными наемниками. Для подавления этого движения правительство прибегло к массовому террору и чрезвычайным законам («Закон Пика» от 15 августа 1863 г.— по имени депутата Дж. Пика, внесшего его в парламент). Были посланы карательные экспедиции регулярной армии численностью в десятки тысяч человек. Военные суды приговорили к смертной казни, к тюремному заключению и высылке многие тысячи крестьян.

Обрушившись на массовые движения и запутавшись в экономических трудностях, переживаемых новым государством, правительство «правой» не собиралось проявлять инициативу в решении вопроса о судьбе Рима и Венецианской области, остававшихся вне объединенной Италии. Завершение объединения Италии зависело от силы революционного движения.

Как и раньше, инициативу проявили демократы. Летом 1862 г. Гарибальди начал подготовку похода для освобождения Рима. 27 июня он с горстью сподвижников отплыл с Капреры в Сицилию, чтобы там организовать отряд волонтеров. Высадившись в Марсале, Гарибальди бросил клич «Рим или смерть». Народные массы Сицилии встретили своего освободителя с огромные энтузиазмом. В их памяти еще свежи были воспоминания о славных битвах 1860 г. К Гарибальди стали стекаться добровольцы со всего острова. С небольшим отрядом он направился в Палермо, и вскоре под его знаменами собралось более трех тысяч человек.

Узнав о походе Гарибальди, Наполеон III заявил, что Франция будет оборонять светскую власть папы и не позволит присоединить Рим к Италии. Виктор Эммануил II не замедлил выпустить прокламацию (3 августа), в которой оценивал поход Гарибальди как «мятеж» и угрожал строгой карой всем, кто присоединится к Гарибальди. Однако эти угрозы не остановили патриотов.

В Катании, куда Гарибальди проследовал из Палермо, чтобы переправиться на материк, отряд насчитывал уже 4 тыс. человек. Но на материк направились (24 августа) лишь 2 тыс. чел., так как больше не могло разместиться на имевшихся в распоряжении Гарибальди двух пароходах. Перед отплытием Гарибальди опубликовал в Катании прокламацию «К итальянцам». Он клеймил позором правительство, которое «является итальянским лишь по названию», а по существу выступает прислужником Наполеона III. Гарибальди призвал патриотов к борьбе за освобождение Рима и полное уничтожение иностранного господства.

На калабрийском берегу гарибальдийцев ожидали правительственные войска, специально посланные по указанию премьер-министра Раттацци. Чтобы избежать братоубийственной войны, Гарибальди отвел свой отряд в горы. 29 августа на горе Аспромонте королевские войска под командованием полковника Паллавичини настигли его и открыли огонь. Гарибальди приказал волонтерам

не стрелять. Однако на этот раз волонтеры ослушались своего вождя, и некоторые из них начали отвечать противнику огнем. Гарибальди встал между обеими армиями и попытался остановить стрельбу, но был ранен двумя пулями — одной в левое бедро, другой в лодыжку правой ноги (впоследствии знаменитый русский хирург Н. И. Пирогов спас Гарибальди от грозившей ему ампутации ноги).

Партизанский вождь был взят в плен и помещен в крепость Вариньяно, а затем отправлен в Специю. Оказались в плену и многие гарибальдийцы.

Одержав победу над демократическими силами путем предательства национальных интересов, правящие круги обсуждали вопрос: что делать с Гарибальди и его сподвижниками — судить их или нет? Несколько раз по этому вопросу происходили специальные заседания Совета министров, где вносилось предложение предать гарибальдийцев военному суду. Однако это предложение не получило большинства голосов. Сам король не решался подписать декрет об этом.

Народные массы негодовали против постыдных действий правительства. По всей стране прокатилась волна демонстраций и митингов протеста. Массы требовали освобождения Гарибальди и его сподвижников. Против содержания Гарибальди в заключении протестовали также народные массы и деятели культуры многих других стран, в особенности Англии. В ряде городов Англии состоялись бурные митинги рабочих в честь Гарибальди. Движение среди рабочих Англии было настолько сильным, что Маркс коснулся этого вопроса в двух статьях [124].

Виктору Эммануилу пришлось считаться с общественным мнением и «амнистировать» Гарибальди и его сподвижников, тем более что такой совет ему дал сам Наполеон.

Амнистия гарибальдийцев (декрет 5 октября 1862 г.) не спасла правительство Раттацци, которое скомпрометировало себя в глазах народа. В ноябре аспромонтское дело стало предметом острых дебатов в парламенте. 1 декабря Раттацци вынужден был подать в отставку.

Несмотря на неудачу, аспромонтский поход сыграл значительную роль, повлияв на последующую борьбу за завершение объединения Италии. Массы разуверились в способности Савойской династии осуществить надежды нации. Говоря о значении аспромонтского похода, Мадзини отмечал, что он показал всему миру, что в Италии не прекратится революционная борьба до тех пор, пока Рим не станет итальянским.

[124] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 15: «Митинг в защиту Гарибальди» и «Митинги гарибальдистов...».

Политика правящих кругов Италии становилась все более реакционной. Правительства, сменявшие друг друга в течение 60-х годов (за 9 лет 9 раз менялся состав правительства), вошли в историю под названием «консортерия», т. е. «клика». Эта консортерия, состоявшая из узкого круга правых либералов, раболепствовала перед Наполеоном III. В 1864 г. она пошла на новую сделку с императором французов, которую патриоты Италии считали актом национальной измены. Между Италией и Францией был подписан договор — так называемая Сентябрьская конвенция. Согласно этому договору, Италия взяла на себя обязательства соблюдать неприкосновенность Папского государства, а также защищать его военной силой от всякого нападения (имелась в виду возможность нового похода патриотов для освобождения Рима); Франция же обязалась в течение двух лет вывести войска из Рима, по мере того как папа создаст свою армию, достаточную для обороны государства. В конвенции был секретный параграф (содержание его скоро стало известно), по которому Италия обязывалась перенести столицу в другой город — якобы по «стратегическим» соображениям. Этим пунктом правительство Италии дало Наполеону III гарантию, что оно никогда не будет претендовать на Рим как на столицу.

Сентябрьская конвенция вызвала взрыв негодования во всей стране. В Турине вспыхнули сильные волнения. 20 сентября патриотические силы, среди которых особо выделялись рабочие, организовали огромную демонстрацию под лозунгами «Да здравствует Рим-столица, долой правительство!» На следующий день произошла еще более мощная демонстрация, закончившаяся кровопролитием. На площади Кастелло солдаты открыли огонь по безоружной толпе. 5 человек было убито, более 50 ранено. Эта кровавая расправа вызвала глубокое возмущение всех патриотов. 22 сентября в Турине продолжались столкновения между демонстрантами и выведенными на улицы войсками. Солдаты открыли по толпе, забросавшей их камнями, огонь. 21 человек был убит, более 100 ранено.

События в Турине показали, что политика консортерии встречает все более решительное сопротивление народа. После сентябрьских событий премьер-министр М. Мингетти подал в отставку.

В 1865 г. столица Италии была перенесена из Турина во Флоренцию. Однако правящим кругам все же пришлось решать римский и венецианский вопросы. По-прежнему они стремились достигнуть желанной цели путем династических сделок. Международная обстановка в этот период сложилась благоприятно для Италии. По существу на помощь итальянскому правительству пришли Наполеон III и Бисмарк. Летом 1865 г., когда отношения между Австрией и Пруссией обострились, последняя стала искать сближения с Италией. Пруссии нужен был союзник в подготавливаемой ею

войне против Австрии. Бисмарк хорошо понимал, что война Австрии одновременно на два фронта окажется для австрийской армии непосильной и это может обеспечить победу Пруссии. Поэтому Бисмарк предложил Италии заключить антиавстрийский союз. Правящие круги Италии, которые уже давно вынашивали план союза с Пруссией, с радостью приняли предложение, но все же считали необходимым согласовать вопрос с Наполеоном III. Наполеон III благожелательно отнесся к этому союзу, рассчитывая сыграть в этой войне роль вооруженного арбитра и добиться от Пруссии некоторых уступок на Рейне. Причем император предупредил итальянцев, чтобы в этой войне Италия «не пошла слишком далеко». Наполеон III не хотел серьезного ослабления Австрии и опасался усиления Италии [125].

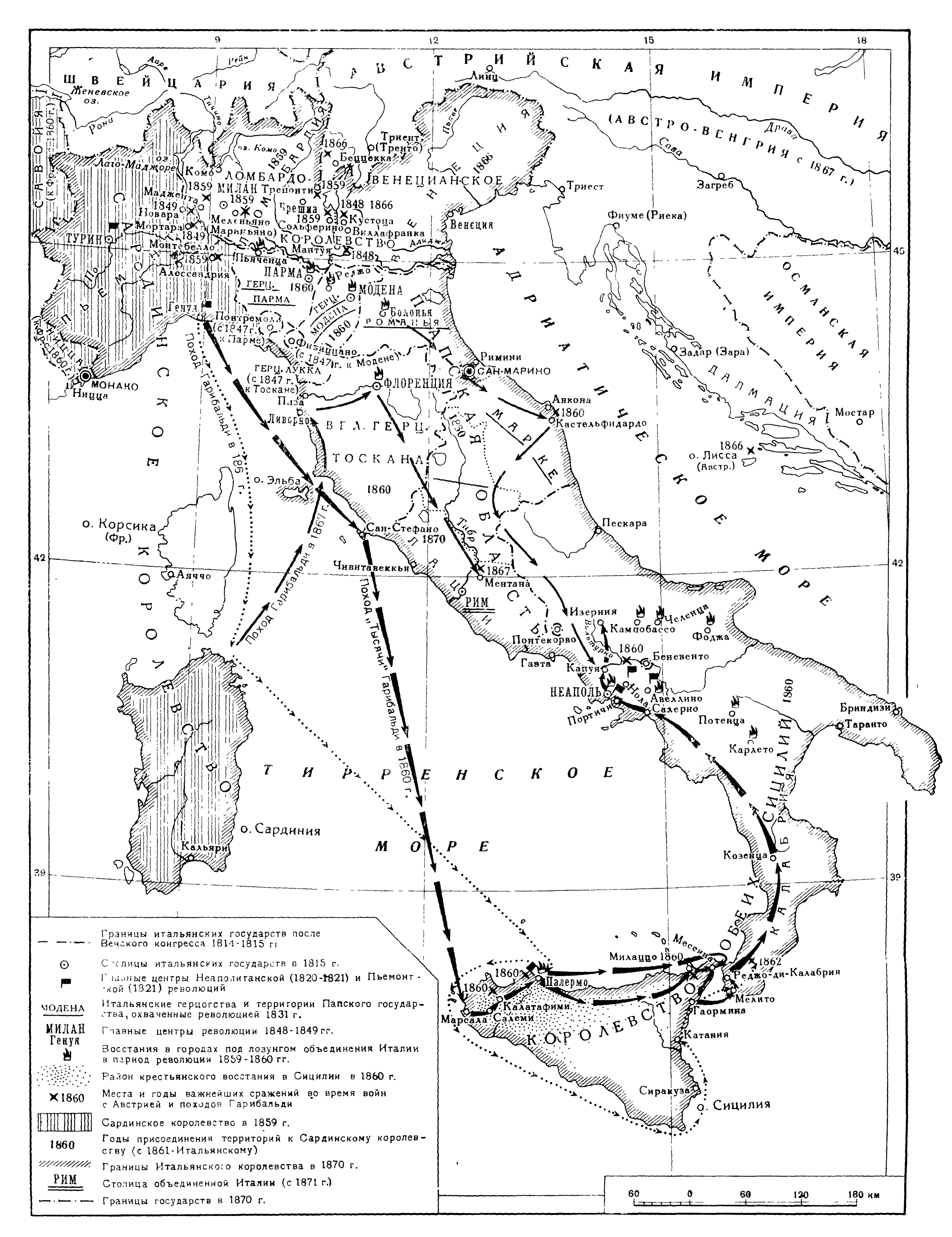
После длительных переговоров 8 апреля 1866 г. в Берлине между Италией и Пруссией было заключено секретное соглашение, по которому в случае войны между Пруссией и Австрией Италия объявляла войну Австрии. Стороны обязались не прекращать военных действий до тех пор, пока Италия не получит Венецию, а Пруссия — равноценных территорий в Германии, а также не заключать сепаратного мира.

16 июня Пруссия первой начала войну. 20 июня итальянские войска под верховным командованием Виктора Эммануила перешли границу Венецианской области. Король снова решил использовать популярность Гарибальди и пригласил его принять участие в войне во главе отряда волонтеров. Как и в 1859 г., отряд краснорубашечников был плохо вооружен и экипирован. К тому же правительство боялось слишком большого количества добровольцев, и народному герою не разрешили собрать под своим знаменем и третьей части того, что он мог бы собрать. Всего гарибальдийцев насчитывалось около 38 тыс. человек; вместе с ними численность итальянской армии превышала 250 тыс. человек. Численность же австрийской армии на венецианском фронте не достигала 150 тыс., но она была лучше вооружена и занимала сильные стратегические позиции в четырехугольнике крепостей [126].

24 июня итальянская армия под командованием генерала Ла Марморы потерпела тяжелое поражение в битве при Кустоце. В этой битве проявилась неподготовленность офицерского состава итальянской армии и неспособность Ла Марморы руководить сложными военными операциями.

[125] *S. Canzio*. Op. cit., p. 780. О политике России см. *В. Невлер*. Русские документы о движении за присоединение Венеции к Италии.— «Новая и новейшая история», 1967, № 4.

[126] Четырехугольник крепостей — небольшой плацдарм, образованный течением трех рек — Минчо, Адидже и По, где на расстоянии 15—20 миль одна от другой находились крепости Верона, Мантуя, Пескьера и Леньяго.

Италия в период Рисорджименто

Гарибальди поручили второстепенный участок фронта — Южный Тироль. Но и на этом участке он сумел нанести австрийцам ошеломляющие удары. Гарибальдийцы наголову разбили австрийцев и заняли почти весь Южный Тироль, населенный по преимуществу итальянцами.

3 июля 1866 г. австрийская армия была разбита прусскими войсками в сражении при Садове. Поражение австрийцев позволило итальянской армии снова перейти в наступление. Вышел в море итальянский флот. Однако командующий флотом адмирал Персано проявил нерешительность и трусость (после войны его предали суду), и в бою при острове Лисса 20 июля итальянский флот был разбит. В этой обстановке Наполеон III, полагая, что в сложившейся ситуации он сможет продиктовать выгодные ему условия мира, выступил с предложением о прекращении военных действий. При посредничестве Наполеона III 26 июля Пруссия без согласования с Италией заключила с Австрий прелиминарный мир, по которому, в частности, Австрия уступала Франции Венецию, а Франция соглашалась передать Венецию Италии.

Договор между Пруссией и Австрией, заключенный за спиной Италии, вызвал возмущение итальянцев. Даже либералы негодовали, и некоторые из них требовали продолжения войны. Гарибальди и все деятели демократического движения отказывались признать это соглашение: итальянские патриоты не хотели принимать Венецию в качестве «дара» Наполеона III. По стране прокатилась волна демонстраций, всюду раздавались возгласы: «Мы не хотим позорного мира!». Но победить в войне с Австрией Италия могла бы, только мобилизовав все силы нации. Однако этого как раз правящие круги не хотели. Они больше всего боялись участия в войне народных сил и поэтому ограничили действия корпуса волонтеров под командой Гарибальди — единственного итальянского подразделения, одержавшего победу в войне 1866 г.

Виктор Эммануил согласился на условия перемирия, продиктованные Наполеоном III и Бисмарком. В августе было заключено перемирие между Италией и Австрией, и 3 октября в Вене подписан мирный договор, по которому Австрия уступала Венецианскую область Наполеону III, а он передавал ее Италии. После плебисцита, проведенного в Венецианской области 21 октября, она была присоединена к Италии.

Таким образом, после 1866 г. вне пределов итальянского государства оставался лишь Рим с областью, где господствовала папская тирания. В то время как деятели «правой», в соответствии с Сентябрьской конвенцией, выступали в роли охранителей светской власти папы, инициативу борьбы за Рим снова взяли демократы. В декабре 1866 г. из Рима были выведены французские войска, оккупировавшие город в течение 17 лет. После этого подпольная

мадзинистская организация в Риме стала энергично подготавливать восстание и обратилась к Гарибальди за помощью. Летом 1867 г. Гарибальди совершил агитационную поездку по Северной и Центральной Италии. Он выступил во многих городах с речами, призывая к новому походу на Рим. Сподвижники Гарибальди в разных городах Италии начали организовывать отряды. Но 24 сентября Гарибальди был арестован и заключен в Алессандрийскую цитадель. Через несколько дней, ввиду возмущения масс его арестом, его освободили и под конвоем отправили на Капреру. Для того чтобы Гарибальди не мог убежать, по распоряжению правительства вокруг острова патрулировало несколько судов.

Между тем отряды волонтеров, организованные сподвижниками Гарибальди, вторглись в Папское государство. 19 октября Гарибальди удалось бежать с Капреры, и вскоре он во главе отряда двинулся в поход на Рим. Численность отрядов гарибальдийцев достигла 8 тыс. человек. У местечка Монтеротондо, близ Рима, отряды соединились и 25 октября разгромили папские войска.

Итальянское правительство, демонстрируя свою верность Сентябрьской конвенции 1864 г., выслало против Гарибальди армию. Виктор Эммануил выпустил прокламацию, в которой угрожал волонтерам, заявив, что не будет «терпеть их узурпацию». Наполеон III, не полагаясь на войска Виктора Эммануила, направил в Папское государство свой экспедиционный корпус. 30 октября французские войска вступили в Рим.

Попытка восстания в Риме кончилась трагически: повстанцы, на помощь которым поспешил небольшой отряд (70 человек) под командованием братьев Кайроли, были окружены папскими войсками и почти полностью уничтожены.

3 ноября в битве при Ментане объединенные силы французских и папских войск (9 тысяч против 4 тысяч волонтеров) нанесли гарибальдийцам поражение. Волонтеры сражались самоотверженно, но у них иссякли боеприпасы, и они не могли устоять против превосходящего их силами и вооружением противника (в этой битве французы испытывали новый вид оружия — скорострельные ружья «шаспо»). Гарибальдийцы потеряли около 400 человек убитыми и ранеными, 900 человек было взято в плен; остальным удалось отступить на территорию Итальянского королевства. Гарибальди был арестован и отправлен в крепость Вариньяно. Его снова собирались судить, но протест народных масс заставил правительство освободить Гарибальди (он пробыл в заключении три недели).

В период похода 1867 г. активное участие в патриотическом движении в Риме принимала русская писательница А. Н. Толиверова. Она всячески помогала римским гарибальдийцам, а после окончания похода посвятила себя уходу за ранеными. Позже Толиверова стала близким другом Гарибальди.

Несмотря на поражение демократических сил в 1867 г. и разгром гарибальдийцев при Ментане, патриотическое движение за освобождение Рима не прекратилось. Оставление Наполеоном III после Ментаны французского гарнизона в Риме, а затем созыв папой Вселенского собора в 1869—1870 гг. под охраной французских войск явились вызовом католической реакции итальянским патриотам и привели к обострению освободительной борьбы. Летом 1870 г. в Риме происходили народные волнения, переходившие в открытые революционные выступления. Во многих городах Италии народные массы все решительнее требовали освободить древнюю столицу от тирании папства и объявить Рим столицей Итальянского государства. То же самое требовала группа депутатов «левой», отдавая дань общественному мнению. Правительство Италии вело бесконечные переговоры с Пием IX и Наполеоном III об «уступке» Рима. В это время (19 июля 1870 г.) началась франко-прусская война. Наполеону III пришлось отозвать французский гарнизон из Папского государства. Уход французских войск облегчил продвижение к Риму повстанческого отряда волонтеров. Поражение французской армии при Седане 2 сентября 1870 г. окончательно лишило папу поддержки Франции. Теперь и Виктор Эммануил послал свою армию в Рим. 20 сентября итальянские добровольцы и войска Виктора Эммануила вступили в Рим, не встретив почти никакого сопротивления. Светская власть папы была свергнута, а территория Папского государства, после плебисцита 2 октября, присоединена к Итальянскому королевству.

В 1871 г. столица Италии была перенесена в Рим. Создание итальянского национального государства завершилось.

Но это не была та Италия, за которую много десятилетий боролись Мадзини и Гарибальди, все итальянские патриоты. Итальянская буржуазная революция осталась незавершенной. Италия стала конституционной монархией, закрепившей блок обуржуазившихся помещиков с крупной буржуазией. После объединения в стране сохранились феодальные пережитки, крупные помещичьи латифундии и бесправие народа. В объединенной Италии из 27-миллионного населения правом голоса пользовались немногим более полумиллиона человек. Реакционные черты итальянского государства явились тормозом в экономическом развитии страны, они препятствовали и политическому прогрессу и переходу к демократии.

Однако создание единого итальянского государства имело большое значение для продвижения итальянского народа по пути прогресса. Был создан национальный рынок, что стимулировало развитие капитализма. Утверждение капиталистических отношений и более быстрое экономическое развитие привели также к оформлению пролетариата в «класс для себя» и способствовали возникновению самостоятельного рабочего движения.

3

ИТАЛИЯ В 1870—1900 ГГ. ОФОРМЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННО-МОНАРХИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА. СТАНОВЛЕНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИТОГИ РИСОРДЖИМЕНТО. «ПРАВАЯ» У ВЛАСТИ

Присоединением Рима в 1870 г. завершилась борьба за единство Италии. Тем самым закончилась целая эпоха буржуазно-национальных движений, революций и войн. Страна вступила отныне в новую фазу своего исторического развития. В сложном процессе объединения Италии важную, а на некоторых этапах решающую роль сыграли революционные действия народных масс[1]. Но в борьбе за гегемонию в национальном движении перевес остался за умеренным крылом буржуазии, что и определило характер и основные линии политики новой государственной власти.

По своей политической форме единое итальянское государство было конституционной монархией. Его конституцией стал с 1861 г. статут Сардинского королевства, введенный Карлом Альбертом в начале революции 1848—1849 гг.

Хотя конституция ограничивала власть короля, она, тем не менее, оставляла за короной весьма значительные прерогативы. Король делил законодательные полномочия с парламентом, состоявшим из сената и палаты депутатов, а исполнительная власть принадлежала только ему. В качестве верховного главы государства король командовал всеми сухопутными и морскими силами, объявлял войну, заключал мирные, союзные, торговые и другие дого-

[1] См. *К. Ф. Мизиано*. Некоторые проблемы истории воссоединения Италии. М., 1955, стр. 70—71, 75.

воры, «доводя их до сведения палат в тех пределах, в каких то допускают интересы и безопасность государства, и присоединяя к ним соответственные сообщения»[2]. Согласие палат было обязательно для вступления в силу лишь таких договоров, с которыми были связаны финансовые расходы или изменение территории государства. Министры назначались и увольнялись королем, и конституция не указывала точно, перед кем именно они ответственны; в ней оговаривалось лишь право палаты депутатов возбуждать перед верховным судом обвинение против министров короля. По назначению короля формировался состав сената и замещались все государственные должности. Королем же назначались судьи, которые вершили правосудие от его имени.

Сенаторы, назначаемые пожизненно, отбирались королем из представителей высшей церковной иерархии, генералитета, высокопоставленного чиновничества различных ведомств, из тех, «кто своими заслугами и своими выдающимися талантами делают честь своей родине», а также из числа лиц, уплачивающих в течение по крайней мере трех лет не менее чем по 3000 лир прямых налогов со своей земельной собственности или промышленных предприятий. В сенат по закону входили также принцы королевского дома.

Палата депутатов была выборной, но избирательный закон 1860 г. давал право голоса лишь мужчинам в возрасте старше 25 лет, умеющим читать и писать и уплачивающим не менее 40 лир прямых налогов в год или же принадлежащим к определенным профессиональном категориям (чиновники, служащие и т. д). Состав избирательного корпуса регулировался прежде всего имущественным цензом, который отстранял от участия в голосовании не только рабочих и крестьян (часто не имевших избирательного права и по причине неграмотности), но и значительную часть городской мелкой и даже средней бружуазии. В результате всех этих ограничений в списки избирателей по закону 1860 г. попадало лишь около 2% всего населения Италии.

Конституция декларировала равенство перед законом всех уроженцев королевства, гарантию личной свободы, неприкосновенность жилища, свободу печати, право граждан «собираться мирно и без оружия, сообразуясь с законами, устанавливающими в интересах общественного блага правила о собраниях»[3]. Но в ней же самой содержались оговорки, ограничивавшие возможности практического осуществления основных демократических свобод. Так, печать объявлялась свободной с тем условием, что «закон будет карать ее злоупотребления»[4]. Статья о свободе собраний не относи-

[2] Конституции буржуазных стран, т. I. М.— Л., 1935, стр. 142.
[3] Там же, стр. 145.
[4] Там же, стр. 144.

лась к собраниям в общественных или открытых для публики местах, остававшимся — как указывалось в конституции — всецело в компетенции полицейского законодательства.

В числе основных прав граждан конституция провозглашала и неприкосновенность всякой без исключения собственности — с оговоркой о том, что, согласно законам, собственник может быть обязан уступить ее целиком или в части за справедливое вознаграждение в случае, если того требуют законно констатированные общественные интересы. Тем самым наряду с собственностью буржуазии бралась под защиту полуфеодальная собственность класса помещиков, чьи материальные привилегии не были затронуты в ходе Рисорджименто. Оставались в силе дворянские титулы, которые король, согласно конституции, мог жаловать и впредь.

Специфические интересы буржуазной частной собственности обеспечивались в конституции указанием на необходимость согласия палат для введения или взыскания любого долга, а также признанием нерушимости обязательств государства по отношению к его кредиторам.

В целом конституция Итальянского королевства оформила политическое господство буржуазии, но не в чистом виде, а на началах компромисса с консервативными силами итальянского общества. Отражением этого компромисса было и сохранение института монархии, и широта прерогатив короны при сравнительно скромном объеме полномочий палат, и возможность доступа к важным позициям власти для старой землевладельческой аристократии, из среды которой продолжал пополняться сенат, высшие военные и дипломатические кадры и т. д.

Непосредственно у власти в новом государстве находился лишь верхний слой землевладельческой, торговой и финансовой буржуазии, с которым практически слилась обуржуазившаяся часть дворянства. В ходе Рисорджименто эти силы прилагали все старания к тому, чтобы не допустить народные массы к активному участию в борьбе за национальное единство; естественным продолжением такого политического курса явилось закрепление конституцией норм буржуазной демократии в урезанном, ограниченном виде и цензовая избирательная система, превращавшая право голоса в привилегию имущих классов.

Вплоть до 1876 г. интересы крупной буржуазии и обуржуазившегося дворянства представляла в качестве правительственной партии умеренно-либеральная группировка кавуристского толка, за которой после объединения Италии утвердилось название «правой». Ее наиболее видными лидерами были такие политические деятели, как Джованни Ланца, Квинтино Селла, Марко Мингетти.

Еще при жизни Кавура, в 1859—1860 гг.— одновременно с политическим объединением большей части итальянских земель —

была осуществлена унификация их таможенного режима и ликвидированы таможенные барьеры между ними. В 1862 г. была введена единая для всей страны монетная система. Тем самым получили соответствующее юридическое оформление созданные объединением Италии новые условия развития национальной экономики, благоприятные для ее перестройки на буржуазной основе.

Расширению рыночных связей между различными областями Италии и ускоренному освоению буржуазией складывавшегося общенационального рынка способствовало развернувшееся в годы правления «правой» интенсивное строительство железных дорог, которое щедро субсидировалось государством. За период с 1862 по 1876 г. протяженность итальянской железнодорожной сети возросла почти втрое, а государственные субсидии железнодорожным компаниям составили 1172,48 млн. лир (около 7,5% расходов бюджета), в том числе 542,22 млн. на строительство и 630,26 млн.— на гарантии по эксплуатации [5].

Неизменно острой проблемой оставалось в годы правления «правой» состояние государственных финансов. Помимо обычных расходов казна должна была покрывать огромные материальные затраты, связанные с национальным объединением. Одна лишь война 1859 г. повлекла за собой издержки на общую сумму 443 млн. лир, а на протяжении 1861—1870 гг. расходы на военные нужды составили 2943 млн. лир, поглотив свыше 1/4 бюджетных ассигнований [6]. К тому же новое государство, где у власти встали поборники объединения «сверху», приняло на себя всю сумму государственных долгов свергнутых абсолютистских правительств и обязалось обеспечить пенсиями лиц, находившихся при этих правительствах на государственной службе.

Частично средства для оплаты всех этих «издержек по объединению» добывались путем займов. К 1876 г. государственный долг Итальянского королевства вырос более чем в 3,5 раза по сравнению с 1860 г. и составил вместе с процентами более 9162 млн. лир, что в 8 с лишним раз превышало величину доходной части бюджета [7]. Но главным способом пополнения финансовых ресурсов государства был непрерывно усиливавшийся нажим на налогоплательщиков. Общая сумма поступлений в казну по основным налогам увеличилась с 1862 по 1876 г. в 2,5 раза, причем к концу этого периода до 45% всех налоговых поступлений получалось за счет косвенных налогов, особенно обременительных для беднейших слоев

[5] Подсчет по данным: *A. Plebano.* Storia della finanza italiana dalla costituzione del nuovo Regno alla fine del secolo XIX, v. I. Torino, 1899, p. 495, 500.

[6] *Э. Серени.* Развитие капитализма в итальянской деревне (1860—1900). М., 1951, стр. 16.

[7] Подсчет по данным: *A. Plebano.* Op. cit., v. I, p. 495, 515.

населения[8]. Удельный вес налогов в составе доходной части бюджета возрос за это время с 76 до 81%, а поглощаемая ими доля национального дохода — с 6,96% в 1862 г. до 11,38% в 1880 г.[9] По тяжести налогообложения Италия тех лет держала печальное первенство среди всех европейских стран.

Унификация налоговой системы после объединения была проведена таким образом, что главным объектом фискальной эксплуатации оказались более отсталые в экономическом отношении южные области страны. В основу исчисления новых налогов были положены ставки, ранее действовавшие в Пьемонте, которые были гораздо выше, чем в бывшем Неаполитанском королевстве. В результате, например, размер налога на сделки по передаче недвижимого имущества после его унификации увеличился для Ломбардии и земель Центральной Италии в 1,5 раза, а для Юга — в 8 раз[10]. Унификация гербового сбора дала его увеличение в масштабе всей страны на 32 млн. лир, причем из этой суммы 22 млн. пришлось на долю Юга[11]. Некоторые налоги, введенные в Итальянском королевстве по пьемонтским образцам, на Юге до объединения вообще не взимались. А между тем к моменту объединения средний доход на душу населения на Юге был, по данным новейших исследований, примерно на 20% ниже, чем на Севере[12].

В ущерб Югу была проведена и такая операция, как предпринятая правительством для удовлетворения неотложных финансовых нужд распродажа государственных земель и земель, конфискованных у церкви. Всего с момента образования Итальянского королевства до 1876 г. казна получила от этой распродажи около 1 млрд. лир[13], причем главным образом за счет южных районов, где находилась основная масса бывших неотчуждаемых земель. Тем самым была изъята значительная часть того довольно скромного запаса свободных капиталов, которым располагал Юг, и серьезно ограничены возможности модернизации его экономики. Но в еще большей мере, чем нехваткой капиталов, экономическое развитие Юга тормозилось засильем полуфеодального помещичьего землевладения, нисколько не поколебленным аграрной политикой «правой».

[8] Подсчет по данным: *A. Plebano*. Op. cit., v. I, p. 502.

[9] Подсчет по данным: *A. Plebano*. Op. cit., v. I, p. 502; *R. Romeo*. Breve storia della grande industria in Italia. S. l., [1961], p. 33.

[10] *G. Carano-Donvito*. L'economia meridionale prima e dopo il Risorgimento. Firenze, 1928, p. 159 n.

[11] *A. Plebano*. Op. cit., v. I, p. 82.

[12] «Cento anni di economia italiana (1861—1960)». Edizione speciale di «Mondo Economico». [Milano, 1961], p. 114.

[13] *A. Plebano*. Op. cit., v. I, p. 513.

Побуждаемая заинтересованностью крупной торговой и землевладельческой буржуазии в широком доступе на внешние рынки, «правая» на протяжении всего своего пребывания у власти проводила политику свободы торговли. В известной степени эта политика была выгодна и промышленным кругам, так как давала им возможность по дешевой цене восполнять за счет импорта недостаток в самой Италии сырья и оборудования для предприятий. Но одновременно она поставила итальянскую промышленность под удары иностранной конкуренции. Промышленность Севера смогла выдержать это испытание, которое стало для нее дополнительным стимулом к техническому прогрессу. На Юге же при его бедности капиталами ускоренная политикой фритреда гибель ремесла и мануфактуры не была возмещена развитием новой фабричной промышленности и лишь усугубила состояние общей экономической депрессии.

Таким образом, экономическая политика «правой» с неизбежностью вела к усилению отставания Юга по сравнению с Севером, к тому, что чисто количественные различия между уровнями их развития начали перерастать в качественные. В экономическом отношении Юг постепенно превращался для североитальянской буржуазии в своего рода «внутреннюю колонию». А действовавшая в Италии цензовая избирательная система ставила относительно более бедный и отсталый Юг в условия политического неравноправия с Севером: в 60-е годы на Севере правом голоса пользовался каждый 12-й, а на Юге — лишь каждый 38-й житель[14].

Возникавшее противоречие между Севером и Югом новый правящий класс пытался преодолеть с помощью чисто бюрократических методов — введением единообразного административного устройства, основанного на принципах крайнего централизма. Самоуправление коммун и провинций было сведено до минимума, практически вся власть на местах находилась в руках префектов, назначаемых королем и подчиненных министерству внутренних дел. Кадры нового государственного аппарата формировались с явным предпочтением для выходцев из Пьемонта. На Юге представители новой власти действовали почти как в покоренной стране и в глазах населения оставались «чужаками», «завоевателями». В результате антагонизм между Севером и Югом не только не изживался, но становился все более острым.

В годы правления «правой» Юг неизменно оставался главным центром оппозиции ее политике. На парламентских выборах политические противники «правой» получали здесь бо́льшую поддержку, чем где бы то ни было. В кругах мелкой и средней буржуазии Юга в качестве реакции на фискальный и административный

[14] *A. Romano*. Storia del movimento socialista in Italia, v. I. Milano — Roma, 1954, p. 48.

нажим из центра распространялись имевшие явно оппозиционную окраску идеи административной децентрализации и федерализма. Но особенно грозным симптомом для нового режима было постоянное глухое брожение в южной деревне.

Крестьяне Юга имели много причин для недовольства. Они связывали с переменой власти надежды на получение земли, на освобождение от гнета помещиков — и были обмануты в своих ожиданиях. Зато новая власть принесла им дополнительные налоговые тяготы, поставила над ними чиновников-«чужаков», ввела рекрутский набор, которого на Юге раньше не знали. Все это вызывало в крестьянских массах стихийный протест, выражавшийся то в террористических актах против сборщиков налогов, то в уклонении от призыва в армию, то в сообщничестве с сицилийской мафией в борьбе против официальной законности, то в «беспорядках» перед зданиями сельских муниципалитетов. Иногда враждебное отношение крестьян к новому государству пытались использовать в своих целях силы, заинтересованные в реставрации монархии неаполитанских Бурбонов.

На пассивное или открытое неповиновение сельского населения Юга «правая», будучи неспособна искоренить его причины, отвечала лишь одним способом — насилием. В 1861—1862 гг. было разгромлено объявленное «бандитским» крестьянское движение в южных провинциях; оно являлось продолжением антифеодальной борьбы предшествующих лет, но проходило под легитимистскими лозунгами.

Сицилия в течение всего периода правления «правой» была подчинена режиму исключительных законов и чрезвычайных мер, введение которых мотивировалось плохим состоянием общественной безопасности на острове.

На Юге антикрестьянская направленность политики «правой» нашла наиболее отчетливое, но отнюдь не единственное проявление. От ее фискальных мероприятий, от легализованных новым правительством захватов «господами» общинных земель страдали крестьяне всей Италии. Введение в 1868 г. налога на помол зерна вызвало взрыв возмущения в деревнях не только Юга, но и северных и особенно центральных областей, подавленный — как и «бандитизм» начала 60-х годов — применением военной силы. По явно неполным данным, при этом было убито 257 чел., ранено 1099 и арестовано 3788 [15].

Имея против себя крестьянские массы, объективно заинтересованные в развитии буржуазной революции дальше достигнутых в Рисорджименто пределов, крупная итальянская буржуазия в то же время еще не чувствовала себя в безопасности и от врага справа в

[15] *Э. Серени.* Указ. соч., стр. 95.

лице феодально-клерикальной реакции. В лагере открытых противников национального единства ведущая роль принадлежала католической церкви, с которой у нового государства сложились весьма напряженные отношения.

В первые годы существования Итальянского королевства в политике «правой» по отношению к церкви и папству преобладало стремление к компромиссу. Либеральная буржуазия, придя к власти, не отважилась провести отделение церкви от государства. Специальная статья конституции провозглашала католицизм единственной религией государства, объявляя остальные культы лишь терпимыми. Правительственная политика в римском вопросе велась в духе максимальных уступок папскому престолу и католическим державам.

Однако надежды двора и правящей партии смягчить таким образом непримиримую враждебность папства делу объединения Италии оказались тщетными. В списке «заблуждений», осужденных «Силлабусом» Пия IX в 1864 г., фигурировал ряд общих принципов буржуазного либерализма, с большей или меньшей последовательностью проводившихся и в политике нового итальянского государства (в частности, идея верховенства гражданской власти по отношению к церкви при установлении тех границ, в которых церковь может пользоваться своими правами), а также и сама мысль о том, что папа может «пойти навстречу прогрессу, либерализму и современной цивилизации» и примириться с ними [16]. Наиболее фанатично настроенная часть католического духовенства вела активную пропаганду в пользу свергнутых в 1859—1860 гг. «законных» итальянских государей — особенно на Юге.

В этих условиях для правящих кругов независимо от их воли становилась жизненной необходимостью более решительная антиклерикальная политика. Проведенные в 1860—1861 гг. меры по частичной ликвидации церковной собственности были дополнены принятием в 1866 и 1867 гг. двух новых законов, на основании которых было упразднено 26 889 религиозных конгрегаций с ежегодным доходом в размере около 13 млн. лир [17]. Поступившие таким образом в распоряжение государства значительные земельные богатства были пущены в продажу. Эти мероприятия имели в виду не только надобности казны (о чем уже говорилось выше), но и чисто политическую цель: подрыв экономического могущества церки как наиболее опасного противника национального единства.

После присоединения Рима и ликвидации светской власти папы церковь и государство в Италии вступили в открытый и острый

[16] См. *Д. Канделоро*. Католическое движение в Италии. М., 1955, стр. 123—124.

[17] Там же, стр. 126.

конфликт. Энцикликой «Респициентес» (1 ноября 1870 г.) Пий IX отлучил от церкви всех тех, кто прямо или косвенно содействовал «узурпации» его владений. В марте 1871 г. был провозглашен принцип «non expedit» («не следует») в отношении участия итальянских католиков в парламентских выборах.

Весной 1871 г. был одобрен парламентом и подписан королем так называемый закон о гарантиях, которым впредь должны были регулироваться отношения итальянского государства со святым престолом. По этому закону персона папы объявлялась священной и неприкосновенной. Италия обязывалась предоставить папе полную свободу в осуществлении им функций своей духовной власти и ежегодно отпускать на нужды папского двора 3225 тыс. лир по цивильному листу. За папой признавалось право поддерживать дипломатические сношения с иностранными государствами. Отменялась присяга на верность королю для итальянских епископов и ранее обязательное королевское разрешение на публикацию и выполнение в Италии распоряжений церковных властей. Но владения папы ограничивались при этом лишь Ватиканским и Латеранским дворцами в Риме и загородной виллой в Кастельгандольфо, т. е. уничтожение светской власти папы над Римом и другими землями бывшей Папской области рассматривалось как окончательное и бесповоротное.

Пий IX отказался признать закон о гарантиях и обратился к духовенству с призывом добиваться восстановления прав святого престола, а себя объявил «Ватиканским узником», пленником итальянского государства.

Был момент, когда казалось, что низвержение светской власти папы не пройдет для Италии без серьезных внешнеполитических осложнений, особенно со стороны Франции. Уже перестал существовать бонапартистский режим, своими штыками охранявший незыблемость прерогатив папства, но его политику в римском вопросе унаследовало и продолжало сначала «правительство национальной обороны», а затем правительство Тьера. В порядке военной демонстрации в поддержку папы Франция еще осенью 1870 г. ввела свой крейсер «Ориноко» на рейд итальянского порта Чивиттавеккиа. После принятия в Италии закона о гарантиях французское духовенство попыталось сделать вопрос о светской власти папы предметом обсуждения европейской дипломатии. При самом папском дворе наиболее фанатично настроенные представители католической иерархии рассчитывали на прямую интервенцию Франции в пользу папы.

В правящих кругах Италии опасения насчет возможной французской интервенции то ослабевали, то усиливались в зависимости от бурных политических событий, которые переживала Франция с момента краха бонапартизма. Об этих колебаниях политической

погоды русский дипломат Н. Глинка две недели спустя после разгрома Парижской Коммуны писал Александру II:

«Пока продолжалась война (между Францией и Пруссией.— *И. Г.*), Италия считала себя защищенной от всякой непосредственной опасности, зная, что ее соседка переживает слишком угрожающий момент, чтобы рискнуть ввязаться еще и в другую борьбу. Заключение прелиминарного мира вызвало на какое-то время испуг, который прошел, когда правительству г-на Тьера пришлось направить все свои усилия на борьбу с коммунистическим восстанием. Но после сдачи Парижа версальским войскам прежние опасения возникли снова и более сильные, чем когда бы то ни было» [8].

Однако и после подавления Коммуны правительство Тьера не пошло на более решительные действия против Италии в связи с римским вопросом. Объединение Италии — теперь уже полное — было свершившимся фактом, с которым Тьер не мог не считаться.

С приходом к власти во Франции Мак-Магона (1873 г.) французские клерикальные круги вновь усилили агитацию за восстановление светской власти папы. Это побудило итальянскую монархию сделать первый шаг к сближению с центральными державами: в сентябре 1873 г. Виктор-Эммануил II нанес визиты в Вену и Берлин. Но дальнейшего развития эта тенденция тогда не получила. После войны 1866 г. и вплоть до конца правления «правой» Италия вообще не проявляла особой активности на международной арене, придерживаясь политики «чистых рук» (свободы от союзов). Новый господствующий класс был почти всецело поглощен проблемами внутренней жизни государства и использовал завоеванную наконец политическую власть прежде всего как мощный ускоритель процесса утверждения в Италии капиталистических общественных отношений.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИТАЛИИ В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ «ПРАВОЙ»

С объединением Италии в ее экономике и социальной структуре на протяжении полутора-двух десятилетий произошли существенные перемены.

К моменту объединения в итальянских землях далеко не была завершена фаза «предыстории» капиталистического способа производства — первоначальное накопление, т. е. «исторический процесс отделения производителя от средств производства» [19]. На-

[18] Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. Канцелярия, 1871 г., д. 95, лл. 185—185 об.

[19] *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 23, стр. 727.

чавшись в Италии раньше, чем в какой-либо иной стране, этот процесс затем надолго приостановился в своем развитии в силу причин, которые подробно выяснены в 1-м томе настоящей работы. В более или менее широких размерах он возобновился лишь во второй половине XVIII в. Но чтобы довести его до конца, итальянская буржуазия нуждалась в том же «концентрированном и организованном общественном насилии» (Маркс), с помощью которого он совершался повсюду, т. е. в прямом содействии государства. А это стало возможным лишь тогда, когда она овладела политической властью в общенациональном масштабе.

При всех особенностях процесса первоначального накопления в Италии его основу, как и в других странах, составляла массовая экспроприация крестьянства. Наиболее интенсивно она развернулась в 60—70-е годы под воздействием экономической политики «правой». Множество крестьянских хозяйств гибло от непосильной тяжести введенных новым государством налогов, в наибольшей степени обременявших именно сельское население (к началу 80-х годов одни лишь прямые налоги поглощали почти $^1/_3$ чистого дохода, создаваемого в сельском хозяйстве). Только за период с 1873 по 1881 г. было передано в казну за налоговые недоимки почти 62 тыс. земельных участков — главным образом мелких, владельцы которых не могли с них прокормиться больше 3—4 месяцев в году и были в сущности уже полупролетариями [20]. Пролетаризация беднейшей части крестьянства была ускорена и мероприятиями новой власти в области аграрных отношений, поскольку вместе с остатками феодального права в землевладении были уничтожены и все старинные льготы, которыми крестьяне еще пользовались на бывших неотчуждаемых землях, а сами эти земли достались исключительно буржуазии.

Несмотря на рост числа новых буржуазных землевладельцев, общее число земельных собственников в Италии сократилось на протяжении 1861—1881 гг. почти на 800 тыс., т. е. примерно на $^1/_5$ [21]. Эта цифра дает хотя бы приблизительное представление о том, какими темпами и в каких масштабах происходила экспроприация крестьянских наделов. Но крестьяне-собственники издавна составляли в Италии лишь часть класса мелких самостоятельных производителей в деревне, другая же его часть вела свое хозяйство на началах испольщины или издольной аренды земли у помещика. Пролетаризация широко затронула и эти категории крестьянства: в частности, удельный вес крестьян-издольщиков в составе самодеятельного сельскохозяйственного

[20] См. «Atti della giunta per la inchiesta agraria e sulle condizioni della classe agricola» (далее — «Inchiesta agraria»), v. XV. Roma, 1885, p. 32.

[21] Подсчет по данным: *Э. Серени.* Указ. соч., стр. 251.

населения Италии снизился за 10 лет (1871—1881 гг.) с 17 до 13,7% [22].

Другим аспектом процесса первоначального накопления было превращение богатства в капитал. В 60—70-е годы оно происходило в Италии по преимуществу в кредитно-финансовой сфере при активнейшей стумулирующей роли механизма государственного долга.

Кредитором государства выступал прежде всего эмиссионный Национальный банк, поставленный в привилегированные условия введением в 1866 г. принудительного курса на его банкноты: банкноты освобождались от обязательного размена и должны были приниматься к уплате по их номинальной стоимости, превращаясь в основное платежное средство внутри страны. За 6 лет после введения принудительного курса Национальный банк ссудил правительству в общей сложности 828 млн. лир [23]. Однако монопольное право выпуска неразменных банкнот, приравненных к государственным деньгам, позволяло Национальному банку непрерывно увеличивать их обращение сверх той суммы, которую он предоставлял в распоряжение казначейства: к концу 1867 г. такое превышение составило 222 млн. лир, а к 1870 г. — 422 млн. лир [24]. Из создававшейся таким образом инфляционной конъюнктуры банк извлекал большие выгоды для себя — к вящему недовольству других финансовых группировок, не причастных к его привилегиям.

В 1874 г. правительство пошло на ограничение привилегий Национального банка, передав право эмиссии банкнот с принудительным курсом консорциуму, в который вошло еще 5 более мелких банков. Принудительный курс присваивался только банкнотам, выпускавшимся в счет займа государству, которые впредь должны были и по внешнему виду отличаться от обычных кредитных билетов. Обращение банкнот с принудительным курсом было этим стабилизировано на уровне 1 млрд. лир. Но рост обращения кредитных билетов приостановился лишь для мелких банков, тогда как билеты Национального банка продолжали обращаться во всё возрастающем количестве (312 млн. лир в 1875 г., 461 млн.— в конце 1881 г.) [25]. Если учесть, что до введения принудительного курса банкноты Национального банка обращались на сумму около 100 млн. лир,— следует заключить, что система

[22] «Introduzione ai problemi del lavoro». Milano, 1952, p. 76.

[23] *М. Грунвальд*. Принудительный курс и восстановление валюты в Италии. СПб., 1896, стр. 19, 22, 48, 59 (данные суммированы мною.— *И. Г.*).

[24] Ср. *М. Грунвальд*. Указ. соч., стр. 19, 22, 48; *G. Luzzato*. L'economia italiana dal 1861 al 1914. Milano, 1963, p. 91 (подсчет мой.— *И. Г.*).

[25] *G. Luzzato*. Op. cit., p. 107.

государственных займов способствовала значительному укреплению его финансовой мощи.

Широко прибегало государство и к займам, размещавшимся посредством выпуска невыкупаемых облигаций: в 1861 г. был объявлен такой заем на сумму в 500 млн. лир, в 1866 г.— на 350 млн. лир [26]. Приобретение государственных облигаций поощрялось премией в размере около 30% их номинальной стоимости, что обеспечивало их держателям годовой процент значительно выше номинального (7 вместо 5) [27]. Таким образом, и по этой линии государственный долг действовал как средство ускоренной мобилизации капиталов.

О том, какую роль в накоплении капиталов играла на этой стадии сфера кредита, косвенно свидетельствует тот факт, что за двадцатилетие 1861—1881 гг. она показала рост дохода на 1000%, оставив далеко позади все другие отрасли хозяйства, даже те, которые в этом отношении выросли наиболее значительно (страхование — на 150%, торговля — на 117%, морской транспорт — на 81%) [28].

В процессе первоначального накопления в итальянских землях создавался внутренний рынок для капитализма, с объединением страны значительно увеличившийся вширь. Товарность экономики даже самых отсталых районов быстро возрастала благодаря развитию в общенациональном масштабе новых транспортных средств. Например, постройка одной только Адриатической железной дороги к началу 70-х годов произвела — по свидетельству вдумчивого исследователя итальянского Юга Леопольдо Франкетти — целую экономическую революцию в Абруццах и Молизе: открылись широкие возможности сбыта местной сельскохозяйственной продукции, цены не нее поднялись вдвое, начали возделываться новые культуры и т. д. [29].

Лишь за четыре года (1876—1880) количество свежего винограда, вывезенного по железной дороге через Болонью из трех провинций области Абруццы (Аквила, Кьети, Терамо), выросло почти в 5 раз [30]. Рост рыночных связей способствовал хозяйственной специализации по районам и отделению промышленности от земледелия.

Итальянская промышленность, находившаяся в момент объединения в основном на ремесленно-мануфактурной стадии с выходом

[26] *A. Plebano*. Op. cit., v. I, p. 95, 201.
[27] *G. Luzzato*. Op. cit., p. 54.
[28] *R. Romeo*. Op. cit., p. 38.
[29] *L. Franchetti*. Mezzogiorno e colonie. Firenze, 1950, p. 17.
[30] Подсчет по данным: «Inchiesta agraria», v. XII, fasc. I. Roma, 1885, p. 101—102.

на общенациональный рынок получила важнейший стимул для перестройки на базе машинной техники. В 60—70-е годы в Италии начало укореняться крупное фабричное производство, хотя промышленный переворот был еще далек от завершения и его экономический эффект сказывался пока лишь в незначительной степени: к 1881 г. чистый продукт обрабатывающей промышленности вырос всего на 27 процентов по сравнению с 1861 г.[31]

Наибольшие сдвиги промышленный переворот внес за два десятилетия в развитие текстильного производства. По утверждению видного деятеля «правой» Марко Мингетти, за период с 1863 по 1876 г. количество веретен в хлопчатобумажной промышленности увеличилось с 400 тыс. до 750 тыс., в шерстяной — с 200 тыс. до 300 с лишним тыс.[32]. Сравнительно быстро революционизировалась шелковая промышленность — в частности, прядение и особенно кручение шелка, обособившееся в самостоятельную отрасль, где уже к началу 80-х годов фабрика вытеснила домашний промысел и решительно преобладала над мануфактурой.

В других отраслях обрабатывающей промышленности переход к машинной технике и крупному производству совершался гораздо медленнее. Тяжелой промышленности в собственном смысле этого слова практически еще не было: техническая база черной металлургии была весьма отсталой, машиностроение было представлено лишь несколькими крупными предприятиями. Почти не была затронута промышленным переворотом и добывающая промышленность.

В географическом отношении развитие крупного машинного производства почти всецело органичивалось северными областями. В 1876 г. на долю Севера приходилось не менее 86% производственных мощностей итальянского шелкопрядения, около $^3/_4$ веретен, занятых в прядении шерсти, почти $^9/_{10}$ веретен, занятых в хлопкопрядении, примерно $^4/_5$ машинного производства льняной и пеньковой пряжи[33].

Доля промышленности в формировании национального дохода была еще очень незначительной и на протяжении 1861—1881 гг. даже сократилась (с 20,3 до 17%) вследствие роста удельного веса сектора торговли, транспорта и услуг[34]. Основой итальянской экономики еще долгое время будет оставатся сель-

[31] *R. Romeo.* Op. cit., p. 37.

[32] *R. Morandi.* Storia della grande industria in Italia. Bari, 1931, p. 104.

[33] Ibid., p. 104, 107, 114, 121, 123.

[34] *R. Romeo.* Op. cit., p. 12, 37.

ское хозяйство, которое в рассматриваемый период давало почти 58% национального дохода и поглощало примерно такую же часть самодеятельного населения страны[35].

Еще в эпоху Рисорджименто в итальянской деревне началось развитие капиталистических отношений, которое было серьезно ускорено национальным объединением[36]. Но оно приобрело в различных областях страны совершенно разные формы и масштабы.

В Северной Италии капиталистический уклад в сельском хозяйстве в 60—70-е годы был уже бесспорно господствующим. Значительной частью земель владела буржуазия, но и во многих дворянских имениях применялись типично капиталистические методы ведения хозяйства. Сложился особый слой капиталистических предпринимателей в земледелии — крупных арендаторов. Наемный труд в аграрной экономике Севера преобладал над трудом мелких самостоятельных производителей, крестьянская собственность на землю сохранилась лишь в горных районах, а среди крестьян-испольщиков происходила все более отчетливая имущественная дифференциация.

Более консервативный характер имело сельское хозяйство большинства областей Центра, где проникновение буржуазии в сферу поземельных отношений произошло задолго до того, как капитал оказался в состоянии подчинить себе сельскохозяйственное производство, и не сопровождалось радикальным изменением его традиционного уклада. Как переходная форма от феодальных отношений в деревне к капиталистическим здесь еще за несколько столетий до объединения Италии возникла испольщина классического типа, которая продолжала господствовать в Тоскане, Умбрии и Марках и в рассматриваемый нами период. Следствием этого был низкий уровень товарности сельского хозяйства, примитивность сельскохозяйственной техники, сохранение элементов личной зависимости крестьянина от собственника земли. Рост влияния капитала на жизнь села проявлялся по преимуществу в усилении ростовщической эксплуатации крестьян-испольщиков.

В еще меньшей степени развитие капитализма затронуло аграрную экономику Юга. Юг был основным средоточием тех пережитков феодализма, с которыми Италия вышла из эпохи буржуазных революций. Полновластным хозяином деревни оставался

[35] См. ibid.; «Introduzione ai problemi del lavoro», p. 68—69 (вкладная таблица).

[36] По данным Р. Ромео (op. cit., p. 27), стоимость сельскохозяйственной продукции Италии, исчисленная в лирах 1938 г., увеличилась с 19 млрд. лир в 1861 г. до 28 млрд. лир в 1880 г., что означало рост с 44,3 до 65,9% по отношению к принятому за 100% уровню 1938 г.

здесь крупный помещик-латифундист, эксплуатировавший крестьянина кабальными, полукрепостническими методами. Южноитальянская издольная аренда была по существу формой отработочной системы. В результате ликвидации фонда неотчуждаемых земель на Юге значительно расширилась земельная собственность буржуазии. Но при наличии огромной массы крестьян, задавленной и приниженной помещичьим гнетом, новым буржуазным землевладельцам оказывалось выгоднее воспринять господствующую систему полуфеодальной эксплуатации, чем ломать ее. В руки крупных собственников — помещиков и буржуа — быстро попадали и те участки, которые были куплены крестьянами или выделены им при разверстке общинных земель. Поистине чудовищных размеров достигало ростовщичество, бывшее в условиях полуфеодальной экономики Юга практически единственным полем приложения капитала.

Вовлечение Юга в сферу капиталистических общественных отношений происходило не столько «изнутри», сколько «извне». При активном вмешательстве государства экономическое развитие Юга направлялось так, что за ним чем дальше, тем больше закреплялась роль аграрного придатка растущей капиталистической промышленности Севера. Отношения между Севером и Югом постепенно становились специфической формой свойственной капиталистическому обществу противоположности между городом и деревней. Подчинение обремененного феодальными пережитками Юга системе капиталистической эксплуатации породило так называемый «южный вопрос», который и поныне остается в Италии одной из наиболее острых общественных проблем.

В своем развитии итальянский капитализм и в те годы, и позднее нес неизгладимую печать ущербности, слабости, связанную с тем, что в ходе Рисорджименто буржуазия пошла на компромисс с полуфеодальными силами. Воздействие национального объединения на экономический прогресс страны оказалось поэтому суженным. Промышленность по-прежнему страдала от недостаточной емкости рынка, обусловленной теперь уже не политической раздробленностью Италии, а низкой покупательной способностью трудящегося населения, особенно сельского. Медленность ее развития в первую очередь объяснялась именно этим. При незначительных темпах роста промышленность поглощала лишь относительно небольшую часть той рабочей силы, которая насильственно выбрасывалась из производственного процесса с гибелью мелкой собственности на условия труда.

Для «избыточной» части трудящегося населения единственным способом найти работу становилась эмиграция. На протяжении 1869—1880 гг. из Италии эмигрировало более 1300 тыс. чел., тогда как общая численность рабочих на итальянских фабриках, в копях

и рудниках была в 70-е годы — по весьма приближенной оценке — примерно втрое меньше[37].

Не разорвав до конца феодальных пут, капиталистический способ производства в Италии не мог обеспечить и таких масштабов накопления, которые бы отвечали неотложным потребностям его развития. В 60—70-е годы Италия оказалась поэтому в сильной зависимости от иностранного капитала. К 1865 г. на долю иностранных держателей долговых обязательств итальянского государства приходилось 1170 млн. лир, т. е. более 1/3 всей суммы государственного долга[38]. С участием иностранного капитала на сумму около 100 млн. лир складывался капитал создаваемых в это время кредитных банков[39]. Частный капитал, вложенный в 60-е годы в строительство итальянской железнодорожной сети, был по большей части иностранного, а не отечественного происхождения. Среди иностранных капиталовложений в Италии в то время преобладали французские. Меньшую роль играл английский капитал, который, однако, также закрепил за собой довольно серьезные позиции участием в сооружении канала Кавура, в эксплуатации железных рудников Ломбардии и серных копей Романьи, созданием Англо-Итальянского банка и т. д.[40] После франко-прусской войны 1870—1871 гг. начался прилив в Италию германского капитала[41].

Но при всех слабостях итальянского капитализма национальное объединение все же бесспорно ускорило его развитие. Крупная буржуазия, встав у власти, за два десятилетия основательно упрочила свое экономическое могущество. Ее облик постепенно менялся — рядом с банкиром, торговцем, буржуазным земельным собственником вырастала фигура промышленного капиталиста. А на другом полюсе складывалась армия наемного труда, которая уже начинала организовывать свои силы.

СТАНОВЛЕНИЕ РАБОЧЕГО И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Первые итальянские рабочие организации — общества взаимопомощи — возникли еще до революции 1848—1849 гг. Но лишь после объединения Италии рабочее движение начало выделяться

[37] Подсчет по данным: «Annuario statistico della emigrazione italiana dal 1876 al 1925». Roma, 1926, p. 8, 1709; *A. Cabrini.* La legislazione sociale (1859—1913). Roma, 1913, p. 13.

[38] *G. Luzzato.* Op. cit., p. 68.

[39] Ibid., p. 69.

[40] Ibid., p. 81—82.

[41] *М. Грунвальд.* Указ. соч., стр. 59.

из потока общедемократической борьбы и превращаться в самостоятельную политическую силу. Победа Рисорджименто создала для этого объективные предпосылки, ускорив превращение итальянского общества в общество буржуазное, с типичной для последнего социальной структурой и классовыми противоречиями. С другой стороны, завершение эпохи национально-буржуазных революций с необходимостью влекло за собой глубокую переоценку рабочим классом своего прежнего отношения к различным политическим течениям буржуазии, открыто противопоставило друг другу эти два класса не только в социальном, но и в политическом плане.

В первые десятилетия после национального объединения рабочий класс Италии ощутил резкое увеличение бремени капиталистической эксплуатации. Развертывавшийся в стране промышленный переворот ломал полупатриархальный уклад мелких предприятий, подчиняя рабочего казарменной дисциплине фабрики. Обилие дешевых рабочих рук, в избытке поставляемых деревней, позволяло предпринимателям перекладывать издержки политики свободы торговли на плечи рабочего класса, повышая конкурентоспособность итальянских товаров прежде всего за счет наступления на жизненный уровень трудящихся. Никакого законодательства об охране труда в Италии вплоть до 1886 г. не было. Длительность рабочего дня на предприятиях колебалась в пределах от 12 до 16 часов. Массовым явлением становилась с переходом к машинному производству эксплуатация женского и детского труда: к началу 70-х годов из 382 тыс. фабричных рабочих женщины составляли более 49% (188 тыс.) и дети обоего пола более 23% (90 тыс.) [42]. Женский труд оплачивался приблизительно вдвое, а детский — втрое дешевле мужского. Средний же заработок взрослого рабочего — мужчины в те годы не превышал 1,5—2 лир в день, что примерно соответствовало цене 4—5 кг хлеба.

Протестуя против хозяйского произвола и невыносимых условий труда, итальянский пролетариат делал свои первые шаги по пути классовой борьбы. Официальные статистические данные о забастовках при всей их неполноте отражают явное нарастание классовых конфликтов между трудом и капиталом в объединенной Италии: если за 1860—1869 гг. число забастовок по всей стране составило 132, то за последующие 10 лет оно поднялось до 553 [43].

Итальянское законодательство тех лет относило забастовку к уголовно наказуемым действиям, и фабриканты всегда могли рас-

[42] См. Storia d'Italia. A cura di N. Valeri, v. IV, 2ª ed. Torino, 1965, p. 467.

[43] См. «Statistica degli scioperi avvenuti nell'industria e nell'agricoltura durante gli anni dal 1884 al 1891». Roma, 1892, p. 4.

считывать на прямую поддержку полиции и воинских частей против стачечников.

В огромном большинстве случаев стачки возникали стихийно, без какой-либо предварительной подготовки и заранее продуманной программы требований. Общества взаимопомощи, которые вплоть до конца 60-х годов оставались в Италии единственной формой организации рабочих, были мало пригодны для руководства забастовочным движением как по своей структуре (чаще всего они строились по территориальному, а не по профессиональному принципу), так и по своему идейному направлению.

В 60-е годы большинство итальянских рабочих обществ в идейном отношении находилось под влиянием Мадзини. Сторонники Мадзини выступали за активное участие рабочих организаций в политической борьбе, что и обеспечило им после бурных политических событий 1859—1860 гг. перевес в рабочем движении над умеренными либералами — поборниками полной аполитичности рабочих обществ[44]. Но Мадзини имел в виду лишь блок рабочих с революционным крылом буржуазии в борьбе за общедемократические цели (завершение национального объединения, завоевание республики), отводя рабочему классу подчиненную роль и не выдвигая перед ним самостоятельных политических задач.

Социальная программа, которую Мадзини предлагал рабочему движению, сложилась под воздействием мелкобуржуазного утопического социализма. Критикуя крупную капиталистическую собственность, Мадзини рассматривал ее как злоупотребление, которое может быть уничтожено без посягательства на институт частной собственности как таковой. Его идеалом был социальный тип мелкого буржуа, являющегося одновременно и собственником, и тружеником. Добиться более равномерного распределения собственности и открыть доступ к ней тем, кто ее не имеет, Мадзини рассчитывал с помощью реформы налоговой системы, организации дешевого кредита и т. п. мер, вполне укладывающихся в рамки буржуазных общественных отношений. Реализация этих проектов должна была, по мысли Мадзини, осуществляться на началах сотрудничества между буржуазией и пролетариатом и привести их интересы к полному согласию. Исходя из желательности «гармонии классов», Мадзини резко осуждал любые проявления классовой борьбы — в частности, забастовки.

Пока антагонизм между трудом и капиталом еще не приобрел в Италии отчетливого выражения и рабочий класс сохранял полуремесленный облик, подобные идеи находили в его среде довольно

[44] Подробнее см.: *Г. Манакорда.* Итальянское рабочее движение по материалам съездов. От его зарождения до образования социалистической партии (1853—1892). М., 1955.

широкую поддержку. Но развитие крупной промышленности неизбежно должно было обнажить непримиримую противоположность материальных интересов тех классов, которые Мадзини звал к сотрудничеству. Повседневный опыт рабочих, стихийно становившихся на путь сопротивления капиталу, делал все менее убедительными для них мадзинистские рецепты разрешения социальной проблемы.

Постепенно рабочий класс Италии разочаровывался и в политической программе Мадзини. Активное участие в борьбе за национальное единство не принесло рабочим сколько-нибудь ощутимого улучшения их положения — наоборот, в новой Италии им жилось во многих отношениях хуже, чем раньше. Объективно исторические причины этого явления, коренившиеся в буржуазной классовой природе итальянской национальной революции и в специфических условиях эпохи промышленного переворота, могли быть уяснены рабочими массами лишь путем приобщения к научной социалистической теории. Но к концу 60-х годов этот процесс в Италии еще даже не начался, и тот факт, что непосредственно от национального объединения выиграла только буржуазия, воспринимался рабочими как результат обмана, жертвой которого они стали потому, что позволили увлечь себя на чуждый их действительным интересам путь политической борьбы.

Социально-политические идеи Мадзини все чаще подвергались критике и внутри самого лагеря мелкобуржуазной демократии — со стороны радикально настроенной молодой интеллигенции, прошедшей через опыт гарибальдийского движения и составлявшей левое крыло «Партии действия». Эта молодежь остро чувствовала несоответствие облика возникшей из Рисорджименто единой Италии тем идеалам, за которые она боролась, и искала ему объяснения.

Констатируя все более глубокий раскол итальянского общества на враждебные друг другу классы — буржуазию и пролетариат, леворесупбликанские публицисты усматривали его причину в том, что в ходе Рисорджименто в Италии осуществилась лишь чисто политическая революция, не затронувшая социальной сферы. То, что утверждение в Италии буржуазных отношений как раз и было исторически обусловленным социальным содержанием Рисорджименто, ускользало от их понимания: в их представлении Рисорджименто в социальном плане должно было привести к уничтожению всякого гнета и неравенства и всеобщему благоденствию. Но, хотя эти ожидания были лишь романтической иллюзией, неудовлетворенность социальными итогами Рисорджименто помогла левым республиканцам верно подметить вполне реальный изъян политической программы и тактики Мадзини — игнорирование им коренных материальных интересов широких масс народа.

Исходя из своих представлений о нерешенности социальных задач Рисорджименто, левые республиканцы 60-х годов в отличие от Мадзини считали предметом первостепенной важности именно социальные, а не политические проблемы. Их позитивная программа в этой области восходила к тем же мелкобуржуазным утопическим идеям, влияние которых испытал и Мадзини. Но им было уже совершенно чуждо свойственное Мадзини предубеждение против социализма как такового — наоборот, с их точки зрения последовательный демократ не мог не быть социалистом.

Со второй половины 60-х годов в среде леворреспубликанской молодежи стали зарождаться первые группы и кружки, которые открыто объявляли свою платформу социалистической. Идеи различных школ утопического социализма пропагандировались на страницах леворреспубликанских периодических изданий — таких, как «Пролетарио» во Флоренции, «Либерта э лаворо» и «Либерта э джустициа» в Неаполе, «Плебе» в Лоди. Отсюда же исходили и первые сочувственные отклики, которые нашла в Италии деятельность I Интернационала.

Но обращавшаяся в своих исканиях к социализму радикальная интеллигенция была в 60-е годы очень мало связана с рабочими и стояла совершенно в стороне от их практической борьбы в защиту своих интересов. Такой отрыв от рабочего движения предопределялся самим характером взглядов этих первых итальянских социалистов: оставаясь на почве утопических теорий, они горячо сочувствовали страданиям пролетариата, но не могли разглядеть заложенной в нем способности освободить себя своими собственными силами. С другой стороны, начавшийся процесс высвобождения рабочих из-под влияния идей Мадзини не мог завершиться до тех пор, пока не закончилась полностью борьба за национальное единство и сохранялась почва для связанных с ней патриотических иллюзий в рабочих массах.

Решительный шаг вперед в развитии социалистического и рабочего движения в Италии был сделан после Парижской Коммуны и под ее непосредственным воздействием.

Итальянский пролетариат был захвачен мощным стихийным порывом солидарности с Коммуной, впервые почувствовав глубокую общность интересов со своими братьями по классу по ту сторону национальных границ [45]. Этим был открыт путь широкому проникновению в Италию идей I Интернационала, в котором рабочие массы увидели не только провозвестника единения пролета-

[45] Подробнее см.: *И. В. Григорьева.* Итальянское революционное движение и Парижская Коммуна.— В сб.: «Объединение Италии. 100 лет борьбы за независимость и демократию». М., 1963; *ее же.* Рабочее и социалистическое движение в Италии в эпоху I Интернационала. М., 1966.

риев всех стран, но и гарантию грядущего торжества дела Коммуны. Резко отрицательное отношение к Коммуне и Интернационалу со стороны Мадзини привело к быстрому и окончательному упадку его влияния в итальянском рабочем движении и побудило сочувствовавшее социализму левое крыло мелкобуржуазной демократии к открытому разрыву с Мадзини. К началу 1872 г. в Италии насчитывалось — по данным социалистической печати — свыше 100 рабочих и демократических организаций, в той или иной форме заявивших о своей поддержке принципов Интернационала.

После Коммуны в Италии впервые стало широко известно имя К. Маркса. Летом 1871 г. молодой неаполитанский социалист Карло Кафьеро, незадолго до того вернувшийся из Лондона и лично знавший К. Маркса и Ф. Энгельса, приступил к переводу на итальянский язык написанного Марксом манифеста Генерального совета Интернационала по поводу Коммуны — «Гражданская война во Франции». Спустя несколько месяцев этот перевод начал публиковаться органом секции Интернационала в г. Джирдженти (Сицилия) газетой «Эгуальянца». Кафьеро поддерживал регулярную переписку с Энгельсом, который был по предложению Маркса назначен секретарем Генерального совета для Италии, и поместил в сочувствующих Интернационалу итальянских газетах целый ряд присланных Энгельсом документов. С Генеральным советом устанавливали связь секции Интернационала, возникавшие в различных городах Италии — Джирдженти, Равенне, Турине, Милане.

В идеях Интернационала итальянский рабочий класс искал ответа на самые насущные вопросы, возникавшие из практики классовой борьбы. Характерно, что в 1871—1872 гг. Интернационал находил в Италии приверженцев прежде всего в таких районах, где в эти же годы были отмечены стачки рабочих. Там, где секции Интернационала уже существовали, они нередко играли активную роль в классовых конфликтах, а иногда и создавались прямо в ходе забастовок.

Правящие круги Италии, напуганные примером Коммуны, были глубоко озабочены резко возросшим влиянием социалистических идей на итальянские трудящиеся массы. Уже летом 1871 г. полицейскими декретами были распущены Интернациональное демократическое общество Флоренции, дважды публично заявившее о своих симпатиях к Коммуне, и Неаполитанская секция Интернационала. Год спустя, когда по всей Северной Италии прокатилась волна вызванных дороговизной забастовок, министерство внутренних дел усмотрело в деятельности Интернационала главную причину их возникновения. В специальном докладе по этому поводу, с которым итальянское правительство ознакомило и иностранные дипломатические представительства в Риме, говорилось: «В наиболее насе-

ленных центрах влияние, оказываемое на рабочие классы Интернационалом, было констатировано с достаточной очевидностью. Причиной неумеренных требований рабочих и прекращения ими работы послужило в гораздо большей степени вмешательство этой ассоциации, чем необходимость перемен в положении рабочих классов»[46]. Конституция давала основу для легального существования секций Интернационала в Италии, но они могли в любой момент подвергнуться преследованиям в административном порядке по обвинению в «подстрекательстве» к забастовкам или в «мятежных» намерениях.

Сделав после Коммуны решительный выбор в пользу Интернационала, итальянское рабочее движение прошло, однако, весьма сложный путь освоения его идей. На этом пути оно испытало сильное и длительное — почти на целое десятилетие — воздействие анархистских воззрений Бакунина.

Бакунин еще в 60-е годы искал себе единомышленников в Италии среди сочувствовавшей социализму леореспубликанской молодежи. Ему удалось тогда завязать кое-какие связи в этих кругах, но скорее чисто дружеские, нежели идейные. После Коммуны Бакунин включился в полемику итальянских приверженцев Интернационала против Мадзини и этим привлек их первые симпатии.

Установив контакт с возникавшим в Италии интернационалистским движением, Бакунин начал усиленно пропагандировать среди своих новых друзей и учеников собственную, анархистскую интерпретацию программных принципов Интернационала. Он отождествлял социальное освобождение пролетариата прежде всего с уничтожением любых форм государственности, политической власти, отрицая роль политического действия как средства к достижению социалистического идеала.

Эти идеи Бакунина нашли в Италии весьма благоприятную почву. Их подхватила прежде всего отколовшаяся от Мадзини радикальная молодежь: она нашла у Бакунина в общетеоретической форме те же выводы, которые нащупывала сама в своих попытках осмыслить итоги итальянского Рисорджименто. С другой стороны, анархистская проповедь бесперспективности политического действия оказалась до какой-то степени созвучной и настроениям рабочих, среди которых в виде реакции на мадзинизм распространялось отрицательное отношение к политической борьбе. Стихийное сочувствие рабочих бакунинскому анархизму питалось и их ненавистью к буржуазно-помещичьему итальянскому государству с его тяжелыми налогами, рекрутскими наборами, репрессивными полицейскими мерами против любой попытки добиться более человеческих условий существования.

[46] АВПР, ф. Посольства в Риме, д. 1002, л. 138 об.

К весне 1872 г. Бакунину удалось завоевать на свою сторону большинство итальянских организаций, примыкавших к Интернационалу.

В конечном счете успех Бакунина в Италии был обусловлен тем, что итальянский пролетариат в начале 70-х годов еще только складывался как класс, вбирая в себя находившуюся в состоянии непрерывного брожения массу недавно экспроприированных крестьян и ремесленников. В самой Италии еще не накопился такой опыт классовой борьбы, который мог бы послужить теоретическому авангарду рабочего движения базой для выработки последовательно-социалистического мировоззрения. Потому первое поколение итальянских социалистов, отбросив вместе с мадзинизмом мелкобуржуазные утопии реформаторского толка, сделало от них шаг лишь к мелкобуржуазной революционности, а не к пролетарскому социализму.

Но естественный процесс роста рабочего движения с неизбежностью вел к преодолению им влияния бакунизма. Облик рабочего класса менялся, он приобретал новые качества — способность к организации и дисциплине, бóльшую стойкость и выдержку в борьбе за свои насущные интересы. Бакунисты же все дальше уходили от практических нужд этой борьбы в область абстрактных рассуждений о «социальной ликвидации», считая, что частичные завоевания пролетариата в рамках капитализма лишь отдаляют его полное освобождение. Постепенно они превратили итальянскую организацию Интернационала в тайное общество, имевшее своей единственной целью подготовку вооруженных выступлений — так называемую «пропаганду действием». Дважды — в 1874 и 1877 гг. — итальянские бакунисты предприняли такие выступления, но в обоих случаях потерпели полный провал, не получив никакой поддержки в массах. Разоблачению несостоятельности бакунистской программы и тактики способствовал и опыт широко освещавшихся итальянской печатью революционных событий 1873 г. в Испании, где последователи Бакунина, по словам Энгельса, дали «неподражаемый образчик того, как *не* следует делать революцию» [47].

Маркс и Энгельс еще с начала 70-х годов прилагали все усилия к тому, чтобы противодействовать бакунистской пропаганде в Италии. Они старались повысить теоретический уровень итальянского социалистического движения, помочь ему быстрее найти верный путь, раскрывая перед ним опыт борьбы пролетариата более передовых стран. Особое внимание Маркс и Энгельс уделяли при этом социалистическим организациям Севера, стремясь приобщить к иде-

[47] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 18, стр. 474; об откликах на испанскую революцию и восприятии ее уроков в Италии подробнее см.: *И. В. Григорьева*. Рабочее и социалистическое движение..., стр. 250—256.

ям научного социализма прежде всего фабрично-заводской пролетариат более развитых промышленных районов Италии.

К 1877 г. вокруг газеты «Плебе», которая уже на протяжении ряда лет была рупором оппозиции анархизму в Италии и поддерживала связь с Марксом и Энгельсом, объединились социалистические союзы и кружки общей численностью свыше 2 тыс. членов. Платформой этого течения было признание политической борьбы и необходимости организации пролетариата в самостоятельную политическую партию, а в области тактики — линия на сочетание в борьбе за конечную социалистическую цель разнообразных средств и методов (как насильственных, так и мирных). Свое идейное размежевание с анархистами сторонники «Плебе» закрепили открытым организационным разрывом.

Осознание лучшей частью итальянских социалистов возможности и необходимости самостоятельных политических действий пролетариата было тем более своевременно, что с конца 70-х гг. в политической жизни Италии происходили немаловажные сдвиги.

ПРИХОД К ВЛАСТИ «ЛЕВОЙ» И ЕЕ ПРАВЛЕНИЕ 1876—1887 ГГ.

Политика «правой» уже давно вызывала серьезное недовольство в самых широких слоях населения. Массы налогоплательщиков жаждали избавиться от невыносимых фискальных тягот. На Юге усиливался протест против полицейских репрессий и чрезвычайных мер, возведенных «правой» в систему управления этой частью страны. Дискредитации правительства способствовала и начавшаяся с лета 1874 г. волна преследований рабочих и демократических организаций — арест в Романье группы видных республиканцев (2 августа 1874 г.), роспуск в ответ на анархистскую «пропаганду действием» всех итальянских секций Интернационала (декрет 9 августа 1874 г.), судебные процессы против интернационалистов, происходившие на протяжении 1875 г. в Риме, Флоренции, Трани и т. д.

С другой стороны, курс «правой» в области экономической политики уже не во всем удовлетворял и определенную часть самого правящего класса. Окрепшая промышленная буржуазия больше не желала мириться с теми убытками, которые она несла от политики свободы торговли. Из среды предпринимателей раздавались требования относительно протекционистских пошлин, премий и других мер поощрения национальной промышленности. Интересам торговых кругов наносил серьезный ущерб принудительный курс, поскольку с ним был связан рост бумажного обращения и обесценение бумажных денег. Верхушка итальянской буржуазии не одобряла и провозглашенного «правой» принципа государственной

эксплуатации железных дорог, которые правительство с 1873 г. начало выкупать у компаний, владевших ими на правах концессии.

Эти различные русла оппозиционного «правой» движения слились в общий поток, который поднял к власти другую буржуазную политическую группировку — так называемую «левую».

«Левая» как политическое течение оформилась еще в 60-е годы. Как и «правая», она стояла на монархической платформе, однако выступала за более последовательное осуществление либерально-конституционных принципов во внутренней политике, за бóльшую административную децентрализацию, за сведение к минимуму вмешательства государства в экономику, критиковала крайности фискальной политики «правой» и т. д. Подобно «правой», «левая» не была политической партией в собственном смысле слова, с определенной программой и системой организации своих приверженцев. Она представляла из себя парламентскую группировку, основу которой составило левое крыло умеренных эпохи Рисорджименто во главе с Агостино Депретисом. Сюда влилась также часть бывших кадров «Партии действия», вставшая на путь компромисса с монархией (Франческо Криспи, Джованни Никотера и др.).

В марте 1876 г. министром общественных работ Сильвио Спавента был внесен в палату депутатов законопроект, предусматривавший полный переход к системе государственной эксплуатации железных дорог. Он встретил активное противодействие «левой», которая отвергала принцип государственной эксплуатации железнодорожной сети. Теоретическим обоснованием этой позиции служила либеральная экономическая доктрина, а практически она выражала возросший интерес к приложению капиталов в этой сфере со стороны влиятельных групп итальянской буржуазии. 18 марта палата отклонила законопроект Спавента, что повлекло за собой не только отставку очередного кабинета «правой», возглавлявшегося Марко Мингетти, но и потерю ею правительственной власти. Формирование нового кабинета король поручил лидеру «левой» Депретису.

В своей правительственной программе «левая» не могла не учесть необходимости расширения той опоры, на которой зиждилось господство в объединенной Италии блока различных фракций крупной буржуазии. Она обещала осуществить пересмотр избирательного закона в направлении его демократизации, ввести обязательное и бесплатное начальное образование (напомним, что грамотность была одним из условий предоставления избирательных прав), дать местной администрации бóльшую самостоятельность по отношению к центральной власти. Предполагались также некоторые реформы в области налогообложения и изучение возможностей отмены принудительного курса, вызывавшего недовольство не только в буржуазных кругах (о чем уже говорилось), но и в

массах трудящегося населения, для которого обесценение бумажных денег означало падение реальной заработной платы.

Приход к власти «левой» был воспринят итальянским общественным мнением как серьезный политический поворот. Последующие события показали, что с «парламентской революцией» 18 марта связывались во многом преувеличенные ожидания. Общая классовая основа правительственной политики осталась та же, что и при «правой»,— до известной степени изменилось лишь соотношение сил внутри правящего блока.

Наиболее значительным из проведенных «левой» преобразований была избирательная реформа 1882 г. По новому избирательному закону контингент лиц, имеющих право голоса, расширялся более чем втрое за счет снижения возрастного ценза (21 год вместо 25), возможности замены имущественного ценза образовательным (экзамен в объеме программы введенного с 1877 г. обязательного начального образования) и снижения самого имущественного ценза (уплата в год минимум 19,8 лир прямых налогов, или 500 лир за аренду земли, или 150 лир за наем помещения, или ведение испольного хозяйства на участке, облагаемом поземельным налогом не менее 80 лир в год) [48].

Основы итальянской налоговой системы не подверглись при «левой» сколько-нибудь серьезному пересмотру. Она по-прежнему служила важным рычагом перераспределения национального дохода в интересах верхушечного слоя буржуазии Севера. Свою налоговую политику «левая» строила исходя из стремления смягчить недовольство, вызванное фискальными мероприятиями «правой»,— но без какого бы то ни было уменьшения доходов казны. Поэтому, сократив налог на соль и поземельный налог, отменив — хотя и не сразу — налог на помол, она в то же время ввела новый налог — на производство и потребление сахара.

В 1881 г. палатами был принят закон об отмене принудительного курса, однако этот закон вступил в силу лишь два года спустя. Для обеспечения операции по восстановлению металлического обращения и свободного размена бумажных денег государство сделало заем на сумму в 644 млн. лир золотом и серебром из 5% годовых у четырех банков, из которых три были иностранными (английские Бэринг Бразерс и Хэмброу энд Сан и французский Кэсс д'Эсконт) [49]. Львиная доля облигаций этого займа была размещена за границей. Отмена принудительного курса вообще способствовала новому приливу иностранного капитала в Италию, поскольку она служила определенной гарантией устойчивости итальянской

[48] «Compendio delle statistiche elettorali italiane dal 1848 al 1934», v.I. Roma, 1946, p. 71, n. 2.

[49] G. *Luzzato*. Op. cit., p. 204—205.

экономики. Сумма иностранных капиталовложений в Италии помимо займа оценивается для 1882—1887 гг. в 500 млн. лир[50].

Отвергнув в принципе систему государственной эксплуатации железных дорог, «левая», однако, на протяжении ряда лет практически не могла отказаться от нее. Лишь в 1885 г. были одобрены парламентом новые конвенции, по условиям которых государство, оставаясь собственником большей части железнодорожных линий, передавало их в эксплуатацию трем компаниям. Эти компании были тесно связаны с несколькими крупными банками (Кредито Мобильяре, Банка ди Торино, Банка Дженерале), которые стали широко финансировать их деятельность.

О возросшем влиянии промышленных кругов на правительственную политику свидетельствовал осуществившийся при «левой» постепенный переход к протекционизму. Политические лидеры «левой» шли в этом направлении ощупью и неохотно, ссылаясь на несовместимость протекционизма как системы с либеральным принципом невмешательства государства в сферу предпринимательской деятельности. Но подобные теоретические доводы мало волновали крупных фабрикантов, вроде сенатора Алессандро Росси, кровно заинтересованных в протекционистских мерах и упорно добивавшихся своего — тем более перед лицом усиления протекционистских тенденций со стороны основных торговых партнеров Италии (Франция, Австро-Венгрия). Уже в 1878 г. были введены протекционистские пошлины на ввоз в Италию готовых изделий и полуфабрикатов, колебавшиеся в пределах от 10 до 40% их стоимости[51]. На протяжении 80-х годов протекционизм превратился в основополагающий принцип итальянской внешнеторговой политики.

Ограничение доступа на итальянский рынок для иностранных фабричных товаров способствовало дальнейшему углублению диспропорции в экономическом развитии Севера и Юга. Промышленность Севера, избавившись от иностранной конкуренции внутри страны, стала расти значительно быстрее, чем раньше, и сделалась монопольным поставщиком продуктов фабричного производства в южные районы, где своей промышленности практически не было. Цены на промышленную продукцию повысились, тогда как продукция экспортных отраслей сельского хозяйства Юга (цитрусовые, вина, оливковое масло и т. д.), лишившись свободного выхода на иностранные рынки, сильно упала в цене. Эти «ножницы цен» служили североитальянской буржуазии еще одним средством увеличивать за счет Юга присваиваемую ею часть национального дохода.

[50] Ibid., p. 208.

[51] Ibid., p. 198.

Отмечавшееся в Италии с начала 80-х годов общее падение сельскохозяйственных цен, отчасти связанное с отменой принудительного курса, было вместе с тем и прежде всего симптомом глубокого аграрного кризиса, который разразился тогда по всей Западной Европе в результате затопления мирового рынка массой дешевого заокеанского хлеба. Кризис превратил крупных производителей зерна — в том числе и южных латифундистов — в ревностных поборников аграрного протекционизма. В 1887 г. в дополнение к значительно повышенным пошлинам на ввоз промышленных товаров (особенно текстильной продукции, металлических изделий и механизмов) были введены ввозные пошлины на пшеницу в размере 3 лир за квинтал, вскоре увеличенные до 5, а затем до 7,5 лир [52]. Оградив стеной протекционистских тарифов также и сферу аграрных интересов, правящая верхушка буржуазии Севера окончательно скрепила свой союз с крупными землевладельцами Юга, который начал складываться после национального объединения.

Кризисные для сельского хозяйства 80-е годы в развитии итальянской промышленности были, наоборот, полосой спекулятивного подъема. Лишь за период с 1879 по 1883 г. ввоз в Италию каменного угля увеличился вдвое, ввоз железа и стали — более чем в 12 раз, ввоз необработанной шерсти и хлопка — соответственно в два и в три раза [53]. Индекс промышленного производства по шести крупным отраслям (горнодобывающая, пищевая, текстильная, металлообрабатывающая, машиностроительная, химическая), принятый за 100 для 1881 г., поднялся до 137 в 1887 г., что означало среднегодовой прирост в размере 4,6%. Особенно быстрые темпы роста показали металлообрабатывающая промышленность (в среднем на 22% в год), химия (15,1%) и машиностроение (9,2%) [54]. В г. Терни, где существовало несколько примитивных доменных печей и сталеплавилен «Командитного товарищества Кассиан, Бон и К°», было начато сооружение крупных металлургических заводов, а само это товарищество, капитал которого не превышал 800 тыс. лир, в 1884 г. было преобразовано при участии Банка Дженерале и Кредито Мобильяре в анонимное акционерное общество с капиталом в 6 млн. лир [55]. Общее число анонимных акционерных обществ в металлообрабатывающей промышленности и машиностроении за семь лет (1882—1889) возросло с 5 до 21, а их капитал — с 7,5 до 54,7 млн. лир. В химической промышленности, где в 1882 г. было всего 2 анонимных акционерных общества, к 1889 г,

[52] *G. Luzzato*. Op. cit., p. 225; *R. Romeo*. Op. cit., p. 56.
[53] *B. Croce*. Storia d'Italia dal 1871 al 1915. Bari, 1962, p. 61,
[54] *R. Romeo*. Op. cit., p. 48—49.
[55] *G. Luzzato*. Op. cit., p. 250—251.

их насчитывалось 17[56]. Некоторые из возникших в 80-е годы акционерных компаний станут потом крупнейшими монополистическими объединениями: «Пирелли» и «Монтекатини»— в химической промышленности, «Эдисон» — в электроэнергетической[57].

В связи с проведением обширных работ по благоустройству Рима и Неаполя начался ажиотаж вокруг строительных подрядов и бешеная спекуляция земельными участками под городскую застройку. Создавались акционерные общества и специализированные кредитные учреждения, которые должны были главным образом выполнять посреднические функции в сношениях с крупными банками (Банка Тиберина, Банко Сконто э Сете, Банка ди Торино, Сочьета делль Эскуилино, Банка ди Кредито Меридионале, эмиссионный Национальный банк), игравшими во всех этих аферах самую активную роль. Объем кредитных операций банков в условиях промышленной и строительной горячки рос с невиданной ранее быстротой: только для эмиссионных банков он увеличился с 2519 млн. лир в 1883 г. до 4438 млн. лир в 1887 г.[58]

В этой лихорадочной погоне за прибылями итальянская буржуазия пыталась как бы наверстать время, отнятое у нее исторически запоздавшими битвами за национальное единство. Италия с ее поздним капиталистическим развитием в сущности так и не знала классической фазы «свободного» капитализма: едва итальянский капитализм окреп настолько, чтобы частично отказаться от государственных «подпорок»,— уже появились некоторые черты, предвещавшие его переход в империалистическую стадию (начало сращивания банковского капитала с промышленным).

Развернувшаяся в преддверии империалистической эпохи ожесточенная борьба за территориальный раздел мира побудила итальянскую буржуазию начиная с конца 70-х годов активизировать свою внешнюю политику. С другой стороны, ее толкала к этому сама ее неспособность разрешить ряд проблем внутренней жизни страны, которые становились все более острыми.

Вторжение капитализма в деревню, не избавив крестьянство от земельной нужды и полуфеодальной эксплуатации, подорвало там не менее старый, застойный уклад жизни села, увеличило подвижность сельского населения, усилило в нем стремление к луч-

[56] Ibid., p. 210.

[57] Акционерное общество «Эдисон» было основано в Милане в 1884 г. с капиталом в 3 млн. лир и к 1889 г. удвоило его. Компания «Монтекатини» начала свою деятельность в 1889 г. в горнодобывающей промышленности, имея капитал в 2 млн. лир. Общество «Пирелли и К°», являющееся головным в группе Пирелли, существует с 1883 г.; его капитал при основании равнялся 2 млн. лир («Промышленные монополии Италии». М., 1951, стр. 118—119, 135—136, 151).

[58] *G. Luzzato*. Op. cit., p. 209.

шей жизни. Пассивная покорность крестьянина землевладельцу отходила в прошлое, что немало тревожило представителей имущих классов. Угрожающими темпами рос поток эмигрантов, особенно из южных районов, откуда он направлялся по преимуществу за океан [59]. В этих условиях активная внешняя политика, направленная на создание обширной колониальной империи, становилась в глазах господствующих классов не только вопросом «национального престижа», но и средством обезопасить свои социальные привилегии.

Для осуществления более или менее широкой программы колониальной экспансии уже не годилась проводившаяся при «правой» политика «чистых рук», так как итальянская буржуазия не рисковала вступить на этот путь в одиночку, без помощи более сильного партнера. Из европейских держав наиболее подходящим для Италии союзником в борьбе за колонии могла стать Германия, переживавшая после национального объединения период бурного экономического роста и все более бесцеремонно требовавшая для себя «места под солнцем». Ориентации итальянской внешней политики на Германию способствовало и дальнейшее ухудшение отношений между Италией и Францией на почве их соперничества в притязаниях на Тунис, а также обоюдного использования ими протекционистских мер.

Однако итало-германскому сближению препятствовали острые противоречия между Италией и Австро-Венгрией, которая с 1879 г. была связана с Германией союзными отношениями. Они восходили еще к эпохе Рисорджименто, когда Италии пришлось завоевывать свое единство и независимость в упорной борьбе против империи Габсбургов. Во второй половине 70-х годов появилось целое политическое течение, считавшее эту борьбу незаконченной и требовавшее присоединения к Италии Триеста и Южного Тироля (Трентино), где был значительный процент итальянского населения. Сторонников включения в состав итальянского государства этих «неискупленных земель» (terre irredente) стали называть ирредентистами Ирредентистское движение возникло как продолжение по преимуществу демократических традиций Рисорджименто, вобрав в себя немало бывших кадров «Партии действия» (основателем созданной в 1877 г. ассоциации «Италия ирредента» был участник гарибальдийских походов Маттео Ренато Имбриани, ее почетными предсе-

[59] В абсолютном выражении эмиграция с Юга оставалась в 80-е годы значительно меньшей, чем с Севера (503 203 чел. против 1 144 745 чел.), но отличалась от нее своим по преимуществу постоянным характером и росла намного быстрее: общее число эмигрантов за десятилетие — 1881—1890 гг. — по сравнению с 1871—1880 гг. увеличилось на Юге почти в 3,8 раза, тогда как на Севере — примерно в 1,3 раза (подсчет по данным: «Annuario statistico della emigrazione italiana...», p. 9, 11, 1713—1725).

дателями являлись Гарибальди и два видных сподвижника Мадзини — Аурелио Саффи и Федерико Кампанелла). Но к ирредентистам примыкала и часть приверженцев «левой» во главе с популярным политическим деятелем Бенедетто Кайроли, дважды возглавлявшим кабинет. Ирредентистские круги выступали за франкофильскую внешнеполитическую ориентацию.

Захват Туниса Францией (1881 г.) нанес тяжелый удар по экспансионистским планам Италии в Северной Африке и надолго оттолкнул ее от «латинской сестры». Стоявший у власти с июня 1879 г. второй кабинет Кайроли был вынужден уйти в отставку. Пост премьера вновь занял Депретис, известный своими прогерманскими симпатиями. Он довершил поворот во внешней политике Италии в сторону центральных держав: 20 мая 1882 г. Италия подписала с Германией и Австро-Венгрией договор, оформивший создание Тройственного союза.

К 80-м годам относятся первые шаги Италии на поприще колониальной экспансии в Африке — на побережье Красного моря. В 1882 г. была превращена в итальянскую колонию купленная пароходной компанией Рубаттино бухта Ассаб три года спустя последовала оккупация порта Массауа. Отсюда итальянские колонизаторы предполагали продвинуться в глубь территории, населенной эфиопскими племенами. Но попытка организовать крупную колониальную экспедицию в этом районе закончилась сокрушительным поражением итальянского экспедиционного корпуса при Догали в январе 1887 г.

С конца 80-х годов в политике итальянских господствующих классов наметился новый поворот, обусловленный далеко не в последнюю очередь тем, как изменилось к этому времени соотношение сил правящего буржуазно-помещичьего блока и противоположного ему классового стана.

ИТАЛЬЯНСКОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ НА ПУТИ К СОЗДАНИЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Идейное поражение анархизма в конце 70-х годов открыло в развитии итальянского рабочего движения новый этап, основным содержанием которого была организация пролетариата в политическую партию на марксистской платформе. Но прошло еще около полутора десятилетий напряженной подготовительной работы, прежде чем эта задача нашла свое практическое разрешение.

После 1877 г. с критикой анархизма все чаще выступали не только те, кто — подобно сторонникам «Плебе» — никогда не разделял полностью его идей, но и бывшие анархисты. Особенно важную роль в этом критическом переосмыслении анархистской докт-

рины и тактики сыграл поворот от анархизма к социализму Андреа Косты, в прошлом одного из ближайших сподвижников Бакунина в Италии.

Коста начал отходить от анархизма еще в 1876—1877 гг., но впервые публично высказал свои новые взгляды летом 1879 г. в письме, напечатанном в «Плебе» под названием «Моим друзьям из Романьи»[60] (Романья, откуда Коста был родом, в эпоху I Интернационала была главной «кузницей кадров» итальянского анархизма). Все сделанное в предшествующий период Коста считал полезным и разумным, но уже недостаточным в новых условиях, и призывал своих товарищей извлечь из прошлого необходимые уроки, чтобы быть в состоянии двигать вперед дело революционной освободительной борьбы. Эти уроки в его представлении заключались в том, чтобы в стремлении к конечной цели не забывать о задачах, выдвигаемых повседневной жизнью, и подходить к революции, как к серьезному делу, требующему длительной подготовки. Коста не раскрывал в письме своей позиции по таким вопросам, как отношение к правительству, к другим политическим партиям, значение борьбы за политические реформы, полагая, что все они должны стать предметом обсуждения на съезде его единомышленников; но уже из того, что он считал желательным обмен мнениями по всему этому комплексу проблем, ясно, что его больше не удовлетворяло старое, чисто негативное решение этих вопросов анархистами. Самую важную ближайшую задачу Коста видел в создании (или, как он считал, восстановлении) «Итальянской революционно-социалистической партии», которая вместе с подобными же партиями в других странах возродит на новой основе деятельность Интернационала.

Идеи, высказанные в письме Косты, поддержала значительная часть бывших анархистов, особенно в Романье, хотя были и такие, кто упорно цеплялся за старые позиции и обвинял Косту в измене принципам. Сам Коста отходил от анархизма не без колебаний — в частности, в вопросе о политической партии пролетариата — и ни тогда, ни позднее не хотел порывать с анархистами в организационном отношении. Но независимо от его субъективных помыслов его письмо положило начало не только идейному, но и организационному обособлению от анархистов вслед за сторонниками «Плебе» еще одного течения в итальянском социалистическом движении.

В августе 1881 г. на съезде в Римини последователи Косты основали так называемую Революционно-социалистическую партию Романьи. Решения о конституировании партии и о ее названии были одобрены большинством делегатов, в меньшинстве остались

[60] Текст см.: *Г. Манакорда.* Указ. соч., прилож. I А.

несколько присутствовавших на съезде анархистов. Проект программы и устава партии был разработан уже после съезда избранной им специальной комиссией и принят следующим съездом — в 1883 г.

Революционно-социалистическая партия строилась на основе как коллективного, так и индивидуального членства: в ее ряды принимались «общества и отдельные лица, которые признают общие принципы современного революционного социализма и по мере своих сил и возможностей содействуют их пропаганде и их осуществлению» [61]. Она не рассматривала себя как выражение всего итальянского социалистического движения и заявляла о своем намерении «содействовать созданию Итальянской революционно-социалистической партии, в которой сольются все социалистические и революционные течения Италии» [62], включая также и анархистов.

Но в области программных принципов Революционно-социалистическая партия отошла от анархистов уже гораздо дальше по сравнению с позицией Косты, изложенной в письме «Моим друзям из Романьи». В ее программе (автором которой был тот же Коста) анархическая, безгосударственная общественная организация рассматривалась не как непосредственный результат социальной революции пролетариата, а как итог длительного развития общества после революционного низвержения капиталистического строя. Программа не только ставила в позитивном плане проблему революционной власти, но в представлении об ее характере и задачах приближалась к понятию диктатуры пролетариата: «...Революция означает прежде всего временную диктатуру трудящихся классов, то есть сосредоточение всей общественной власти (экономической, политической и военной) в руках восставших трудящихся с целью уничтожения препятствий на пути установления нового порядка, чинимых старым порядком, с целью защиты революции, ее расширения и распространения на новые районы, с целью осуществления экспроприации владельцев частной собственности и установления коллективной собственности и общественной организации труда» [63].

В программе получила дальнейшее развитие уже раньше высказанная Костой мысль о необходимости серьезной подготовки к революции: «...Нужно, чтобы ей предшествовала широкая пропаганда революционно-социалистических идей и чтобы органом революции была хорошо организованная партия, которая сможет выступить ее зачинщиком, когда сложатся условия, необходимые для успеха революции, а когда революция вспыхнет, сможет быть ее вдохно-

[61] Там же, прилож. I Б, стр. 423.
[62] Там же, стр. 424.
[63] Там же, стр. 418—419.

вителем и даже руководителем»[64]. Подчеркивалось, что революция может осуществиться лишь в том случае, если сознательный социалистический авангард будет иметь на своей стороне массы трудящихся города и деревни. Как средство подготовки к революции в программе рассматривалось и участие революционных социалистов в борьбе за реформы в рамках капиталистического общества.

Программа рекомендовала в качестве одной из возможных форм деятельности партии выдвижение социалистических и рабочих кандидатов в парламент. Итальянское социалистическое движение впервые оказалось перед практической необходимостью определить свое отношение к парламентаризму после избирательной реформы 1882 г., когда часть рабочих получила право голоса. Социалисты Романьи тогда же высказались в пользу участия в парламентских выборах, но против принесения социалистическими депутатами присяги, что в сущности означало отказ от собственно парламентской деятельности. Многие из них пересмотрели свою позицию в вопросе о присяге в связи с избранием в 1882 г. в парламент Косты, который с согласия выдвинувшей его кандидатуру социалистической организации округа Равенна принес присягу и продолжал участвовать в заседаниях палаты. Учитывая как этот прецедент, так и не преодоленные до конца абстенционистские тенденции в партии, принятая в 1883 г. программа передавала вопрос о линии поведения избранных в парламент социалистов на решение местных организаций.

Через участие в избирательной борьбе и в работе парламента революционные социалисты шли к признанию допустимости тактических союзов с буржуазными демократами — в частности, с радикалами, как стала называться та фракция республиканцев, которая еще в 70-е годы отказалась от традиционного антипарламентаризма «Партии действия» (ее виднейшим лидером был бывший гарибальдиец Феличе Каваллотти). По инициативе Косты Революционно-социалистическая партия стала налаживать «единый фронт» и с ортодоксальными республиканцами Романьи.

Избирательная реформа и выборы 1882 г. ускорили дальнейший распад анархистского течения. Многие из тех, кто в 1879 г. с крайним неодобрением отнесся к повороту Косты, теперь в сущности солидаризировались с ним, признав в той или иной форме парламентскую тактику. Эти же события послужили толчком к созданию в Ломбардии новой значительной организации — Итальянской рабочей партии.

Впервые заявив о себе в ходе избирательной кампании 1882 г., Рабочая партия окончательно оформилась три года спустя, когда состоялся ее первый съезд. В отличие от Революционно-социали-

[64] Текст см.: *Г. Манакорда.* Указ. соч., прилож. I Б., стр. 420.

22. Андреа Коста

стической партии Романьи, деятельность которой носила по преимуществу теоретико-пропагандистский характер и была мало связана с борьбой рабочих за экономические требования, Рабочая партия действовала прежде всего как организатор «сопротивления капиталу» и в этом видела свою главную задачу. Она опиралась на объединения рабочих по профессиям и самим типом своей организации гораздо больше походила на федерацию профессиональных союзов, чем на партию.

Приняв участие в выборах 1882 г., Рабочая партия после этого по существу отстранилась от политической борьбы, хотя в принципе и не отвергала ее. Она подчеркивала в своем уставе, что «...не имеет ничего общего ни с какой политической партией...» [65] Это сближало Рабочую партию с анархистами, которые поддерживали с

[65] Там же, прилож. II стр. 427.

ней известный контакт, тогда как в отношении революционных социалистов состоявшийся в 1885 г. анархистский съезд занял непримиримо-враждебную позицию и призвал вести против них борьбу, «как против любой другой буржуазной партии» [66].

Программа Рабочей партии, принятая в 1885 г., отличалась от программы революционных социалистов Романьи большей четкостью в характеристике капиталистического общества и его классовой структуры, но была гораздо беднее по своему теоретическому содержанию. В ней крайне мало и туманно говорилось как о конечной цели рабочего движения («...постоянной и прямой целью трудящихся должно быть освобождение от капиталистического рабства»), так и о средствах к ее достижению («... для достижения этой цели трудящиеся должны организоваться, дабы противопоставить свои силы жестоким требованиям капиталистического класса и в ходе этой борьбы добиваться реального и все более значительного улучшения своего положения») [67]. Эти положения не имели социалистической окраски и весьма точно отражали чисто тред-юнионистскую суть деятельности Рабочей партии.

Теоретическая слабость программы Рабочей партии была обусловлена свойственным ей пренебрежением к теории вообще, другим последствием которого было организационное сектантство. Не чувствуя потребности в содействии интеллигентов-социалистов, выполняющих в рабочем движении по преимуществу функцию идеологов, Рабочая партия допускала в свои ряды лишь работников физического труда.

При всем том Рабочая партия оставила свой след в истории итальянского рабочего движения, так как на избранном ею поприще экономической борьбы сумела сомкнуться с массами трудящихся и действовала как решительный защитник их ближайших интересов. Почвой, питавшей ее корни, послужил значительный подъем классовой борьбы в городе и в деревне. В 1883—1885 гг. кривая забастовочного движения пошла круто вверх, забастовки отмечались не только в большем количестве по сравнению с предыдущими годами, но стали намного крупнее и чаще заканчивались победой рабочих [68]. В долине По с 1884—1885 гг. следовали одно за другим выступления батраков и крестьян, достигшие наибольшего размаха в провинции Мантуя. Роль Рабочей партии в ходе классовых битв тех лет еще не изучена конкретно, но не подлежит сомнению, что партия не стояла в стороне от них. Ее устав предусматривал существование специального забастовочного фонда и возлагал на ко-

[66] Текст см.: *Г. Манакорда.* Указ. соч., прилож. II, стр. 245.

[67] Там же, стр. 426.

[68] См. «Statistica degli scioperi...», p. 22, 25 (данные относятся лишь к забастовкам промышленных рабочих).

митеты отдельных федераций обязанность вести работу по организации забастовок в соответствующей местности. О росте авторитета Рабочей партии среди трудящихся, бесспорно связанном с поддержкой ею забастовочной борьбы, свидетельствует расширение сферы ее деятельности далеко за пределы Ломбардии: к 1886 г. она имела свои отделения в Пьемонте (в том числе ряд деревенских секций), Лигурии, Эмилии, Тоскане. В конце 1885 г. с ней слилась другая крупная организация — Рабочая конфедерация Ломбардии, которая, постепенно высвобождаясь из-под политического влияния радикалов, пришла к признанию классовой борьбы в том смысле, в каком ее понимала Рабочая партия.

К этому времени выросла из своих первоначальных географических рамок и основанная Костой Революционно-социалистическая партия. Из Романьи ее организация распространилась не только на другие области Центра (Эмилия, Тоскана, Марки, Лацио), но отчасти и на Север (Пьемонт, Лигурия, Венето) и даже на некоторые южные города (Неаполь, Бриндизи, Палермо). С 1884 г. она называлась Итальянской революционно-социалистической партией.

Революционные социалисты все более отчетливо осознавали необходимость соединить пропаганду общих принципов социализма с широким массовым движением рабочих. Первый шаг к этому они видели в сближении и сотрудничестве с Рабочей партией, с тем, чтобы в дальнейшем вместе с ней влиться в широкую и единую социалистическую партию итальянского пролетариата. Но со стороны Рабочей партии эта идея не встретила поддержки, что объяснялось в первую очередь ее скептическим отношением к политической борьбе вообще и парламентаризму в частности.

Подъем массового рабочего движения в середине 80-х годов заставил правящие круги осуществить, несмотря на противодействие крупного капитала, первые в Италии мероприятия в области социального законодательства. Несколькими законодательными актами, принятыми на протяжении 1883—85 гг., было введено страхование рабочих на случай производственных травм, хотя сенат отклонил неугодную работодателям статью о его обязательности. В 1886 г. был принят закон об охране труда малолетних, по которому запрещалось использование труда детей моложе 9 лет, а на подземных работах и в ночных сменах минимальный возраст работающих поднимался соответственно до 10—12 лет. Правительство внесло в парламент законопроект о праве на забастовку, который, однако, в феврале 1886 г. был отвергнут в палате 121 голосом против 117.

Но политика «левой» по отношению к рабочему движению отнюдь не сводилась только к уступкам и маневрам. По-прежнему широко использовался и метод репрессий: против бастующих батраков провинции Ровиго в 1884 г. были посланы войска, в марте 1885 г. были арестованы руководители батрацких выступлений в провинции Мантуя и 22 из них отданы под суд по обвинению в

покушении на безопасность государства, миланская префектура чинила препятствия деятельности Рабочей партии, отдав в апреле 1886 г. распоряжение арестовывать ее пропагандистов и распускать созываемые ими собрания. Поскольку, однако, подобные меры подчас уже не давали желаемого эффекта (в частности, процесс по делу о забастовках мантуанских батраков, происходивший в Венеции с 6 февраля по 27 марта 1886 г., закончился оправданием всех обвиняемых), правительство задумало и осуществило полицейскую операцию крупного масштаба: в июне 1886 г. была распущена Рабочая партия.

На некоторое время ряды Рабочей партии оказались смяты этим тяжелым ударом. Но очень скоро стало ясно, что открытая против нее кампания терпит провал. Арестованные летом 1886 г. руководители партии Джузеппе Кроче, Костантино Ладзари и другие должны были предстать перед судом, однако уже в ходе предварительного следствия рухнуло предъявленное им главное обвинение — в принадлежности к «сообществу злоумышленников», а на суде большинство из них было приговорено лишь к 2—3 месяцам тюрьмы за «подстрекательство к забастовкам». Организация партии была в обход полицейского запрета восстановлена и продолжала действовать.

Подвергшись атаке всех буржуазных политических сил, включая радикалов, Рабочая партия нашла своего единственного союзника в лице революционных социалистов. Это побудило ее во многом пересмотреть свое отношение к Революционно-социалистической партии и укрепить контакт с ней.

Сближение этих двух течений явилось необходимой ступенью к созданию партии, способной объединить все живые силы итальянского социалистического движения, внести в рабочие массы ясное представление о конечной цели их освободительной борьбы и путях, ведущих к ней, и практически руководить этой борьбой на самых различных уровнях. Но ни одно из них не было в состоянии дать партии идейную оснастку, соответствующую ее историческим задачам. Этой потребности отвечала лишь теория научного социализма.

Начало ознакомления итальянских социалистов с марксизмом относится еще к эпохе I Интернационала. В тот период в Италии стал широко известен написанный Марксом устав Международного Товарищества Рабочих с преамбулой программного характера, была частично опубликована «Гражданская война во Франции», получил некоторое распространение французский перевод I тома «Капитала». Экономическая теория Маркса уже тогда нашла отклик в академических кругах — попытки спорить с ней встречаются в ряде книг и статей буржуазных экономистов. Энгельса в 70-е годы знали в Италии почти исключительно по его корреспонденциям в «Плебе» и другим выступлениям в итальянской печати, связанным с поле-

микой против Мадзини и Бакунина. Кроме того, в изданном «Плебе» «Республиканском альманахе на 1874 г.» были опубликованы написанные Марксом и Энгельсом специально для итальянских читателей статьи против анархизма —«Политический индифферентизм» и «Об авторитете».

К концу 70-х годов на страницах «Плебе» начали упоминаться или цитироваться и другие работы Маркса и Энгельса —«Манифест Коммунистической партии», «Нищета философии», «К критике политической экономии» (предисловие)[69]. В феврале — марте 1879 г. «Плебе» в приложениях к нескольким номерам опубликовала часть главы 24 тома I «Капитала»—«Генезис промышленного капиталиста»[70]. Эта публикация была встречена читателями газеты с большим интересом. «Недавно опубликованные нами произведения Карла Маркса, — сообщала редакция, — вызвали множество пожеланий о том, чтобы мы содействовали гораздо большему, чем до сих пор, распространению в Италии теорий знаменитого немецкого социалиста»[71]. В ответ на эту просьбу читателей «Плебе» начала печатать написанное Карло Кафьеро краткое изложение т. I «Капитала», чтобы в популярной форме донести идеи Маркса до молодежи и рабочих.

Однако итальянское рабочее движение тогда еще явно не созрело для восприятия основополагающих принципов марксизма. Даже те из социалистов, кто был непосредственно знаком с работами Маркса и Энгельса (а таких было немного), усваивали из них лишь отдельные мысли, эклектически сочетая их с элементами социальных идей Мадзини и различных утопических доктрин.

В 80-е годы в распространении марксизма в Италии был достигнут значительный прогресс. Были опубликованы на итальянском языке важнейшие теоретические работы Маркса и Энгельса — «Развитие социализма от утопии к науке» (1883), «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1885 г.), «Капитал», т. I (1886 г.), «Манифест Коммунистической партии» (1889 г.). Перевод первых двух из них был сделан социалистом из г. Беневенто Паскуале Мартиньетти, который начал этим свою многолетнюю плодотворную деятельность по пропаганде в Италии трудов основоположников научного социализма. Со второй половины 80-х годов пропаганда идей марксизма перестала быть делом энтузиастов-одиночек — ее начали вести более или менее систематически печатные органы, группировавшие вокруг себя довольно значительные силы социалистов разных течений: «Ривиста итальяна

[69] См. «La Plebe» (Milano), 23. X 1878, 25. I 1879, 1. II 1879.
[70] «La Plebe», 11. II, 16. II, 25. II, 9. III 1879.
[71] «La Plebe», 16. III 1879.

дель сочиализмо» — в Романье, «Джустициа» — в Эмилии, «Куоре э критика» — в Ломбардии.

На рубеже 80—90-х годов пришел к марксизму выдающийся ученый — философ и историк Антонио Лабриола, который стал первым крупным представителем марксистской теоретической мысли в Италии. С кафедры Римского университета, где он был профессором, Лабриола развернул пропаганду теоретических принципов марксизма среди учащейся молодежи. В те годы Лабриола был тесно связан с римскими рабочими, активно содействуя их организации и приобщению к социалистическим идеям[72]. Социалистическое движение Лабриола сначала рассматривал как составную часть радикальной демократии, но примерно к 1890 г. отчетливо осознал необходимость его оформления в самостоятельную политическую партию рабочего класса. В качестве образца для итальянских социалистов Лабриола указывал на германскую социал-демократию, которая шла тогда в авангарде международного рабочего движения[73].

Практическую работу, направленную к созданию такой партии, возглавила Миланская социалистическая лига. Эта организация была основана в 1889 г. по инициативе молодого адвоката Филиппо Турати и его сподвижницы Анны Кулишовой (в прошлом участница русских народнических кружков, Кулишова в конце 70-х годов покинула родину и в дальнейшем стала играть видную роль в итальянском социалистическом движении). С первых же своих шагов Социалистическая лига обнаружила стремление развивать контакты с рабочими партиями и марксистскими социалистическими организациями других стран, опыт которых мог быть полезен ей. Этому благоприятствовало возобновление с 1889 г. созыва международных социалистических конгрессов, положившее начало существованию II Интернационала. Взоры Турати и его единомышленников обращались прежде всего к германской социал-демократии, в которой они, как и Лабриола, видели пример для будущей социалистической партии итальянского пролетариата.

С начала 1891 г. в Милане под редакцией Турати начал выходить журнал «Критика сочиале», возникший как продолжение «Куоре э критика». Задачей нового печатного органа была пропаганда идей научного социализма как в рабочем движении, так и в широких кругах демократической интеллигенции с тем, чтобы заложить таким образом теоретическую основу для создания партии. Журнал

[72] См. *Д. Берти.* Антонио Лабриола и итальянское социалистическое движение.— «Новая и новейшая история», 1959, № 3, стр. 14.

[73] О роли Лабриолы в итальянском социалистическом движении этого периода и его отношении к германской социал-демократии подробнее см.: *E. Ragionieri.* Socialdemocrazia tedesca e socialisti italiani 1875—1895. [Milano, 1961], p. 219—250.

23. Антонио Лабриола

регулярно посылался Энгельсу, с которым Турати и Кулишова вступили в переписку.

Однако направление «Критика сочиале» не было последовательно марксистским. Турати пришел к марксизму от буржуазного радикализма в политике и позитивизма в философии, и в его мировоззрении навсегда остался отпечаток этих идей, предопределивший во многом неполное и поверхностное восприятие им марксистского учения. К тому же, руководствуясь стремлением создать партию как можно более широкую и в частности не оттолкнуть сочувствующую социалистическому движению мелкобуржуазную интеллигенцию, Турати в своем истолковании марксизма часто шел на уступки ее вкусам. За это его справедливо критиковал Лабриола, именно по этой причине отклонивший приглашение сотрудничать в «Критика сочиале».

Весной 1891 г. «Критика сочиале» опубликовал написанную в основном Турати программу Миланской социалистической лиги.

В истории итальянского социалистического движения это был первый программный документ, который по замыслу его составителей должен был исходить из принципов научного социализма. Бесспорным достоинством миланской программы явилось данное в ней обоснование сущности социализма как закономерной ступени общественного развития, а также четкая постановка вопроса о соединении рабочего движения с социализмом через партию, которая должна быть «верным выразителем интересов и сознательным авангардом борющегося пролетариата» [74]. Целью партии провозглашалось «овладение средствами политической власти и использование их для уничтожения буржуазного государства и ликвидации классовых различий и противоречий» [75], что сразу отделяло ее в идейном отношении от анархистов. Но Турати, уже знавший к тому времени только что опубликованную Энгельсом Марксову «Критику Готской программы», не счел необходимым учесть в своей программе идею Маркса о том, что государство переходного от капитализма к коммунизму периода «не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*» [76].

Точно так же он не прислушался к критическим замечаниям Маркса по адресу германской социал-демократии за воспринятый ею от лассальянцев нигилизм в аграрно-крестьянском вопросе: этот вопрос, столь важный для Италии, был полностью обойден в программе Миланской социалистической лиги.

Программа эта мыслилась Турати как платформа для объединения всех тех сил, которые он предполагал вовлечь в социалистическую партию: течения, возглавляемого Миланской социалистической лигой, революционных социалистов во главе с Костой, Рабочей партии и признавших социалистические принципы рабочих обществ. Такое объединение еще нельзя было осуществить немедленно — в частности, потому, что Коста и его сторонники не хотели отдавать миланцам инициативы в этом деле, а Рабочая партия еще не до конца преодолела свое предубеждение против политической борьбы. Поэтому в августе 1891 г. в Милане был проведен съезд подготовительного характера с участием большинства названных выше течений, который постановил, что учредительный съезд новой партии должен быть созван через год, и избрал комиссию для разработки проектов ее программы и устава.

Однако эта комиссия не воспользовалась в качестве основы уже существовавшей программой Миланской социалистической лиги, а Турати даже не вошел в состав комиссии. Первостепенную роль в этой комиссии играл Антонио Маффи — рабочий лидер, взлелеян-

[74] *Г. Манакорда.* Указ. соч., стр. 370.

[75] Там же.

[76] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 19, стр. 27.

24. *Анна Кулишова*

ный радикалами и не отличавшийся ни ясностью взглядов, ни теоретической эрудицией. Составленный им проект программы был сплошным набором общих фраз в духе буржуазного радикализма, лишь слегка подкрашенного в социалистические тона, а проект устава был в сущности скопирован с устава Рабочей партии, в основе которого лежали тред-юнионистские, узкоцеховые представления о задачах классовой пролетарской организации.

За две недели до созыва съезда эти документы были опубликованы новой социалистической газетой «Лотта ди классе», фактическими руководителями которой были Турати и Кулишова, а затем в ней же подвергнуты критике. Главным вдохновителем этой критики был Антонио Лабриола, который весьма резко реагировал не только на проект Маффи, но и на поведение Турати, отдавшего в руки этого эклектика и оппортуниста выработку столь важного документа. Турати не мог не признать справедливости доводов Лабриолы и использовал их как в статьях в «Лотта ди классе», так и на съезде, куда сам Лабриола отказался приехать.

Съезд открылся в Генуе 14 августа 1892 г. На нем были представлены все течения итальянского социалистического движения, включая анархистов. Анархистское меньшинство, блокировавшись с частью делегатов Рабочей партии, сразу же — начиная с процедурных вопросов регламента — встало на путь обструкции. Это сделало невозможным какой бы то ни было разговор по существу вынесенных на обсуждение съезда вопросов до тех пор, пока не будет осуществлен организационный разрыв с анархистами. Поскольку же анархисты отказались подчиниться воле большинства и уйти со съезда, инициативу раскола взяли на себя делегаты большинства, решив собраться на следующий день отдельно от анархистов в другом помещении. Вне обоих съездов остался Коста со своими сторонниками, все еще надеявшийся, что в новой партии найдется место и анархистам, и не одобрявший формы осуществленного большинством раскола.

Отделившись от анархистов и их немногочисленных союзников, социалистический съезд провозгласил создание Партии итальянских трудящихся и принял ее программу и устав. Подготовленный Маффи проект программы подвергся при этом радикальной переработке в соответствии с идеями, изложенными в предсъездовских статьях и в выступлениях Турати. В частности, по настоянию Турати в программу был включен пункт о том, что «...трудящиеся смогут осуществить свое освобождение лишь через *обобществление* средств труда (земля, шахты, фабрики, средства транспорта и т. д.) и взяв в свои руки *управление* производством», и указание на необходимость для пролетариата вести не только экономическую борьбу, но и борьбу за завоевание политической власти, которая должна стать в его руках орудием экспроприации господствующего класса [77]. В результате программа приобрела в целом марксистский характер, хотя и не без теоретических изъянов, подобных тем, которые были свойственны программе Миланской социалистической лиги [78]. Проект устава претерпел меньшие изменения, так что свои первоначальные организационные принципы Партия итальянских трудящихся почти целиком заимствовала у Рабочей партии, отказавшись лишь от крайних проявлений «чисто рабочего» корпоративизма.

При всех слабостях молодой партии с ее созданием была завоевана качественно новая ступень организации боевых сил итальянского пролетариата. Рабочее движение в Италии перестало быть

[77] «Il Partito Socialista Italiano nei suoi Cengressi», v. I. A cura di F. Pedone. Milano, 1959, p. 18—19.

[78] Впрочем, отсутствие в программе постановки аграрно-крестьянского вопроса отчасти восполнялось тем, что съезд принял специальную резолюцию, посвященную трудящимся деревни (ibid., p. 25).

лишь выражением стихийного бунтарства угнетенного класса — оно вышло теперь под собственным знаменем на арену политической борьбы.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС 90-х ГОДОВ. ПРОВАЛ НАСТУПЛЕНИЯ РЕАКЦИИ

Вступая в последнее десятилетие века, Италия была уже во многом иной по сравнению с начальным периодом своего существования как единого государства. К 90-м годам в экономике страны утвердилось господство капиталистического способа производства, а сформированные его развитием классы — буржуазия и пролетариат — приобрели определяющее значение в характеристике социальной структуры итальянского общества. Возникло современное рабочее движение, образовалась самостоятельная политическая рабочая партия марксистского направления (причем по существу это была первая подлинная политическая партия в Италии, ибо итальянские господствующие классы начали создавать свои партии в современном смысле этого слова значительно позднее). Для правящего блока этот новый противник — рабочий класс — был куда опаснее, чем полные мятежного духа, но аморфные в политическом отношении крестьянские массы. В то же время развитие капитализма не снимало, а все более обостряло те проблемы, которые были порождены незавершенностью итальянской буржуазной революции («южный вопрос», эмиграция и т. д.). Италия продолжала далеко отставать от более передовых капиталистических стран по основным экономическим показателям, она была намного слабее их в военном отношении и не могла соперничать с ними ни по размерам колониальной добычи, ни по своей роли в европейской политике. Все это наталкивало правящие круги на мысль о неэффективности либерально-конституционного метода политического господства и побуждало их искать чрезвычайных средств для защиты от «внутреннего врага» и осуществления притязаний Италии на роль великой державы.

Так вызревал политический курс, сочетавший репрессии против рабочего движения и общее наступление на демократические свободы внутри страны с широкой программой колониальных захватов. Попытка практической реализации такой политики связана прежде всего с именем Франческо Криспи.

Криспи, в период Рисорджименто принадлежавший к «Партии действия», никогда не был человеком демократических убеждений. В тот период его целью было достижение политико-территориального единства Италии, и к этой цели он был готов идти любыми путями. От умеренных Криспи отталкивали не столько принципиальные расхождения (он сам, как отмечал Грамши, по своей програм-

ме был «стопроцентным умеренным»[79]), сколько неистовый темперамент, склонность действовать напролом, недоверие и ненависть к медленным обходным маневрам.

Политическая деятельность Криспи после объединения Италии развертывалась в рядах «левой». Здесь Криспи выступил как лидер оппозиционной Депретису группировки, которая сложилась в 1883 г.— после того как Депретис встал на путь компромисса с «правой», провозгласив приостановку дальнейших реформ.

Такой поворот в политике Депретиса был лишь одним из симптомов глубокого кризиса всех буржуазных и мелкобуржуазных политических течений, ведших свое происхождение от эпохи Рисорджименто. Разногласия между «правой» и «левой» постепенно стирались. «Партия действия» как таковая давно уже не существовала: считавшие себя ее наследниками республиканские группы были немногочисленны, вышедшие из ее лона радикалы, как уже упоминалось, отвергли ее тактику неучастия в монархическом парламенте, часть ее бывших приверженцев влилась в социалистическое движение, а другая часть, наоборот, резко поправела и перешла в консервативный лагерь. На этом общем фоне, когда правящие классы нуждались в «сильной личности», способной переступить через утратившие реальный смысл старые политические традиции, и произошло возвышение Криспи.

В августе 1887 г. Криспи сменил Депретиса на посту премьера и оставался во главе правительства в течение трех с половиной лет. Политика Криспи в этот период свидетельствует о том, что его оппозиция взятому Депретисом курсу вправо была лишь типичным для итальянской политической жизни того времени приемом борьбы за власть между соперничающими группировками. Оказавшись у власти, сам Криспи пошел в этом же направлении, но действовал гораздо жестче и определеннее.

Образцом, которому стремился следовать Криспи, став премьером, была политика Бисмарка в Германии — прежде всего по отношению к рабочему движению. Уже в первые годы своего правления Криспи открыл против него атаку. С принятием в 1889 г. нового уголовного кодекса было пересмотрено ранее действовавшее законодательство о забастовках. Формально преступным актом стала считаться уже не забастовка как таковая, а применение забастовщиками насилия или угроз, но для полиции никогда не составляло труда «доказать», что бастующие рабочие повинны в этом. В особенности же, как разъяснил в одной из своих речей сам Криспи, эта статья кодекса была направлена против стачек политического характера. В 1890 г. правительственным распоряжением была запрещена первомайская манифестация итальянских трудящихся.

[79] *А. Грамши.* Избр. произведения в трех томах, т. 3. М., 1959, стр. 352.

25. *Филиппо Турати*

Три недели спустя в Конселиче (провинция Равенна) произошел дотоле беспрецедентный факт: солдаты и карабинеры стреляли в толпу бастующих работниц рисовых плантаций и безработных батраков, убив троих из них. Но Криспи даже не удостоил ответом интерпелляцию в палате по этому поводу.

Имея в виду возвести полицейские меры против рабочего движения в систему, Криспи неминуемо должен был посягнуть на те конституционные свободы, которые были легальной основой деятельности рабочих организаций в Италии, т. е. встать на путь прямого ущемления демократии. В 1889 г. был введен закон об общественной безопасности, который серьезно ограничил право собраний, поставив его осуществление фактически в полную зависимость от произвола префектов и квесторов, и расширил возможности преследования в административном порядке лиц, заподозрен-

ных в политической неблагонадежности. Тогда же Криспи добился от палаты санкции на предание суду депутата парламента Андреа Косты, арестованного во время рабочей манифестации в Риме, а затем — согласия на исполнение приговора над ним (три года тюрьмы) и аннулирования его депутатского мандата. Расправа Криспи с депутатом-социалистом, который был вынужден скрыться за границу, явилась одним из предвестников откровенного покушения итальянской реакции на прерогативы парламента. Нарушением парламентской традиции было и сосредоточение в руках Криспи трех важнейших постов в правительстве (премьер-министра, министра иностранных дел и министра внутренних дел), а также формирование им после выборов 1889 г. нового кабинета без утверждения его кандидатуры палатами.

Всемерное укрепление союза с двумя реакционными империями — германской и австро-венгерской — было естественным продолжением антидемократической внутренней политики Криспи, и в свою очередь оказывало на нее обратное влияние, стимулируя диктаторские поползновения итальянского премьера. Одним из первых шагов Криспи на посту премьера была поездка в Германию для переговоров с Бисмарком (сентябрь — октябрь 1887 г.), подготовившая заключение в феврале 1888 г. итало-германской военной конвенции. По условиям конвенции Италия обязывалась в случае войны центральных держав с Францией и Россией атаковать Францию на альпийской границе, а также направить в Германию 6 армейских корпусов и 3 кавалерийских дивизии для содействия военным операциям германской армии на Рейне [80]. В октябре 1888 г.— после новой встречи Криспи с Бисмарком — состоялся визит в Италию только что вступившего на германский престол императора Вильгельма II.

Главной причиной заинтересованности правящих кругов Италии в Тройственном союзе по-прежнему оставались их неутоленные притязания на колонии. Криспи пришел к власти в момент, когда итальянский колониализм только что потерпел свое первое поражение в Африке и продолжал начатую Депретисом войну с Эфиопией. В 1889 г. Италии удалось навязать эфиопскому императору (негусу) Менелику II договор о дружбе и торговле и конвенцию о границе между итальянскими владениями и Эфиопией. Италия объявила об установлении протектората над Эфиопией. Год спустя захваченные итальянцами земли по побережью Красного моря были провозглашены колонией под названием Эритрея. Почти одновременно (в 1888 г.) был установлен итальянский протекторат над двумя княжествами полуострова Сомали, ознаменовавший начало

[80] *S. Cilibrizzi.* Storia parlamentare politica e diplomatica d'Italia. Da Novara a Vittorio Veneto, v. 2 (1870—1896). Napoli. 1939, p. 361.

колониальной экспансии Италии в этом районе. Криспи вынашивал мысль об оккупации Триполитании — одной из североафриканских провинций Османской империи. Но уже с конца 1890 г. колониальная политика Италии в Африке натолкнулась на новые препятствия: Эфиопия начала оказывать все более активный отпор действиям итальянских колонизаторов.

Тесно связав себя с германским блоком, Италия в годы правления Криспи оказалась в крайне напряженных отношениях с Францией. Итало-французские противоречия подогревались как колониальным соперничеством обеих стран в Африке, так и все усиливавшимися трениями между ними на почве торговых отношений и таможенной политики. Еще при Депретисе (в декабре 1886 г.) был денонсирован торговый договор с Францией. Этим Италия развязала себе руки для введения повышенных протекционистских тарифов 1887 г. Начавшиеся переговоры о возобновлении договора с приходом к власти Криспи были прерваны, и с 1888 г. между Францией и Италией разгорелась настоящая таможенная война, которая сопровождалась с французской стороны отказом Италии в займах, кампанией против итальянских ценных бумаг и т. д.

Безудержный протекционизм Криспи вполне отвечал требованиям промышленных кругов Севера, но их корыстные интересы вскоре ввергли итальянскую экономику в полосу серьезнейших трудностей. Разрыв торговых и финансовых отношений с Францией усугубил аграрный кризис (особенно в виноделии) и придал исключительно затяжной характер начавшемуся в конце 80-х годов кризису в промышленности, торговле и банковском деле, который последовал за спекулятивным подъемом предшествовавших лет. Кризис усилил недовольство политикой Криспи в стране и в парламенте, и в феврале 1891 г. его второй кабинет пал.

Преемник Криспи, Рудини, возглавил правительство в момент вызванного кризисом обострения социальных противоречий и продолжал политику террора по отношению к рабочему движению. Он запятнал себя кровавой расправой с первомайской демонстрацией 1891 г., когда в ряде городов полиция спровоцировала стычки с рабочими, а в Риме колонна манифестантов была расстреляна солдатами. Разногласия по вопросам финансовой политики внутри министерства Рудини привели к его отставке (апрель 1892 г.). Новый кабинет сформировал Джованни Джолитти — деятель, который позднее (в начале XX в.) сыграет крупнейшую роль в политической жизни Италии.

Джолитти, в отличие от Криспи и Рудини, был противником чрезвычайных мер и считал небходимым разрядить обстановку в стране с помощью реформы налоговой системы, улучшения социального законодательства и т. д. Но и его кабинет оказался недолговечным: в 1893 г. стали достоянием гласности скандальные

аферы Римского банка и связи с этим банком многих видных парламентариев и министров. Джолитти (лично неповинный в коррупции, но знавший об этих неприглядных фактах и долго противившийся их обнародованию) был вынужден уйти в отставку (ноябрь 1893 г.).

Скандал с Римским банком до крайности накалил политическую атмосферу. В то же время господствующие классы были напуганы начавшимся в Сицилии массовым крестьянским движением, во главе которого стояли так называемые «Союзы трудящихся» («Фаши деи лаваратори»). Эти организации стали создаваться на острове еще с 1889 г., сначала в крупных городах (Мессина, Катания, Палермо), а затем в сельских местностях. Они охватывали крестьян и рабочих серных рудников и действовали под руководством социалистов. В мае 1893 г. «фаши» объединились в Сицилийскую социалистическую федерацию, численность которой составляла, по имеющимся данным, около 50 тыс. членов[81].

Движение «фаши», развертывавшееся в течение всего 1893 г. в форме крестьянских забастовок и манифестаций, давления на землевладельцев с помощью бойкота и т. д., особенно активизировалось с осени, когда латифундисты, использовав как предлог продолжающееся в результате аграрного кризиса падение цен на зерно, отказались выполнять условия подписанных ранее контрактов с крестьянами-издольщиками о разделе урожая. Сам же урожай был плохой, как и в предыдущем году. Крестьянская беднота оказалась вынужденной шире, чем раньше, прибегать к покупке хлеба и при этом платить значительно удорожавший его муниципальный налог. Сельский муниципалитет выступал как враждебная крестьянам сила и потому, что обычно находился в руках зажиточных местных буржуа и активно содействовал узурпации ими земель из общинного фонда. Жестокие полицейские преследования, которым подвергались «фаши» уже при Джолитти, и прямые провокации со стороны полиции делали положение в Сицилии все более напряженным. В этой обстановке правительственный кризис, вызванный падением кабинета Джолитти, разрешился в декабре 1893 г. возвращением Криспи и возобновлением политики «железного кулака».

Тем временем в Сицилии началась полоса бурных народных волнений. Крестьяне захватывали и громили здания муниципалитетов, требовали снижения цен на хлеб и отмены коммунальных налогов. Движение развивалось в значительной мере стихийно, но центральный комитет «фаши» стремился направлять его, выдвинув в своем обращении от 3 января 1894 г. следующую программу требований: отмена коммунальных налогов на зерно, пересмотр условий сельскохозяйственных контрактов в пользу крестьян, передача необработанных земель и подрядов на общественные работы коопера-

[81] Storia d'Italia, Coordinata di N. Valeri, v. IV. Torino, 1965, p. 559.

26. *Движение фаши.*
Народное выступление в Кастель Верано

тивам трудящихся при финансовой помощи им со стороны государства, установление в законодательном порядке минимума зарплаты и максимальной продолжительности рабочего дня. Трудящимся рекомендовалось соблюдать спокойствие и организованность, действуя в зависимости от того, как поведет себя правительство.

Но линия правительственной политики была уже совершенно ясна. Одна коммуна за другой становились ареной кровавых насилий над крестьянами со стороны полиции и солдат; потери крестьян исчислялись несколькими десятками убитых. В начале января

1894 г. Криспи направил в Сицилию воинские подкрепления и объявил остров на осадном положении. Около двух тысяч членов «фаши» были сосланы под надзор полиции, сами эти организации распущены, а наиболее видные руководители движения — Джузеппе Де Феличе Джуффрида (депутат парламента), Розарио Гарибальди Боско, Никола Барбато и другие — отданы под суд военного трибунала и приговорены к многолетнему тюремному заключению. Для оправдания своих террористических мер Криспи прибег к провокационному обвинению социалистических лидеров «фаши» в том, что они действовали в тайном сговоре с Францией и Россией и стремились отторгнуть в пользу этих держав Сицилию от Италии. Почти одновременно с Сицилией было введено осадное положение в районе Луниджана (Тоскана), где анархисты попытались поднять рабочих мраморных копей на вооруженное восстание.

Подавив движение сицилийских крестьян, Криспи воспользовался участившимися актами индивидуального террора со стороны анархистов, чтобы провести в июле 1894 г. через парламент закон о чрезвычайных мерах по охране общественной безопасности сроком действия до 31 декабря 1895 г. В дополнение к этому закону 22 октября 1894 г. был обнародован специальный министерский декрет, который запрещал как «анархистские» все существовавшие в Италии рабочие организации — кассы взаимопомощи, просветительные кружки, профессиональные лиги, палаты труда (нечто вроде городских советов профессиональных союзов) и прежде всего Партию итальянских трудящихся. Криспи явно вдохновлялся образцом исключительного закона против социалистов, введенного в свое время Бисмарком в Германии.

Результатом была еще одна волна полицейского террора, прокатившаяся по всей Италии. Единственным оплотом легальной деятельности социалистической партии осталась ее парламентская фракция, в которую входило, не считая брошенного в тюрьму Де Феличе — пять депутатов (Прамполини, Аньини, Беренини, Бадалони, Казилли). Вскоре к ним присоединился еще Коста, избранный на дополнительных выборах в одном из округов Эмилии, где он одержал победу над сторонником Криспи генералом Мирри.

В декабре 1894 г. вокруг Криспи разразился громкий политический скандал. Стало известно, что в руках Джолитти находятся компрометирующие Криспи документы о его взаимоотношениях с Римским банком, а затем они были представлены палате [82]. Но когда назначенная палатой комиссия для расследования обвинений против Криспи огласила свой доклад, Криспи добился от короля

[82] Кристи обвинялся в том, что в Римском банке был обнаружен его неоплаченный вексель на сумму в 244 тыс. лир, предоставленную ему банком при вступлении на министерский пост весной 1887 г.

декрета о закрытии парламентской сессии, а затем (в мае 1895 г.) — досрочного роспуска палаты. Во время перерыва в работе парламента были арестованы депутаты-социалисты.

Выборы 26 мая —2 июня 1895 г. показали, что в стране нарастает сопротивление реакционной политике Криспи. Несмотря на сильнейший нажим в пользу правительственных кандидатов, они потеряли значительное число голосов. Зато загнанная в подполье Итальянская социалистическая партия (так она стала называться с начала 1895 г.) собрала 76 тыс. голосов против 20 тыс., поданных за нее на выборах 1892 г.[83] В новый состав палаты было избрано 11 социалистов, в том числе осужденные военными трибуналами руководители «фаши» — Барбато, Де Феличе, Боско. Палата отказалась признать их мандаты, но через три месяца на дополнительных выборах в соответствующих округах они были в знак протеста избраны еще раз. Избиратели поддержали и наиболее решительных противников Криспи из среды республиканцев и радикалов — Наполеоне Колаянни, Феличе Каваллотти и др.

Чувствуя, что его позиции становятся все более шаткими, Криспи попытался упрочить их активизацией колониальной экспансии в Африке. Его толкали на этот путь великодержавные интересы складывавшегося в Италии империализма, а также расчет на то, что завоевание колоний даст безболезненный для имущих классов способ решения южной проблемы и предотвратит тем самым возможность взрыва, подобного недавним событиям в Сицилии.

В течение уже нескольких лет итальянская колониальная администрация в Эритрее беззастенчиво вмешивалась в междоусобную борьбу эфиопских племенных вождей (расов), используя ее как предлог для новых вооруженных захватов на территории Эфиопии. Летом 1895 г., рассчитывая на поддержку правителя области Тигре́ раса Мангаша́, взбунтовавшегося против негуса Менелика II, губернатор Эритреи генерал Баратьери объявил об аннексии Тигрè. Но в условиях открытой итальянской агрессии Мангаша́ пошел на соглашение с Менеликом. В декабре 1895 г. армия Менелика, сумевшего сплотить все племена для совместного отпора колонизаторам, нанесла итальянским войскам серьезное поражение у Амба Аладжи. Несмотря на большой численный перевес противника, генерал Баратьери, повинуясь настойчивым требованиям Криспи, попытался предпринять ответное наступление и был наголову разбит Менеликом в сражении при Адуа 1 марта 1896 г. Итальянская армия потеряла 4600 чел. убитыми, 2000 чел. ранеными, 1500 чел. пленными, всю артиллерию и обоз [84].

[83] *G. Trevisani.* Lineamenti di una storia del movimento operaio italiano. Dalla I-a Internazionale a fine secolo. Milano, 1960, p. 271.

[84] *B. Croce.* Op. cit., p. 211—212.

Известие о катастрофе в Африке вызвало в Италии волну негодования, которая опрокинула кабинет Криспи 5 марта 1896 г. Уход Криспи с политической сцены был теперь уже окончательным.

Преемником Криспи снова оказался Рудини, который на этот раз пришел к власти в столь критической ситуации, что вначале был вынужден довольно сильно повернуть руль правительственной политики. Королевским декретом от 14 марта 1896 г. была провозглашена амнистия осужденным участникам движения «фаши» и выступления в Луниджане. С Эфиопией 26 октября 1896 г. был заключен мир, по условиям которого Италия отказывалась от притязаний на протекторат и признавала «абсолютную и безоговорочную независимость абиссинской империи как суверенного и свободного государства»[85]. Подписав с Францией три специальных конвенции о Тунисе (28 сентября 1896 г.), Италия фактически признала французский протекторат над ним. Это был первый шаг к улучшению отношений с Францией, за которым последовало прекращение таможенной войны. Начавшееся обострение англо-германского антагонизма побуждало Италию искать сближения также и с Англией, поскольку перспектива военного столкновения с «владычицей морей» была отнюдь не в ее интересах. К попыткам пересмотра ориентации на Тройственный союз правящие круги склонялись и исходя из опыта недавнего поражения в Африке.

Эти действия Рудини не означали коренного разрыва с политикой Криспи, а были лишь попыткой смягчить ее наиболее опасные последствия. И все же сделанные им уступки были первым завоеванием тех сил, против которых был направлен главный удар в ходе недавнего наступления реакции.

Социалистическая партия, с честью выдержав испытание подполья, использовала возврат к легальности для укрепления своих связей с массами, расширения идейного воздействия на них и более эффективного руководства их повседневной борьбой. С декабря 1896 г. было начато издание ежедневной газеты «Аванти!», которая и поныне остается центральным органом итальянских социалистов. Под влиянием сицилийских событий партия стала уделять большее внимание аграрному вопросу, который был вынесен на обсуждение двух ее съездов — IV и V (1896 и 1897 гг.). Особым решением V съезда членам партии вменялось в обязанность вести пропаганду социалистических идей в профсоюзах, участвовать в организации забастовок и т. д. Состоявшиеся в 1897 г. парламентские выборы явились свидетельством дальнейшего роста влияния партии: количество поданных за нее голосов составило более 131 тыс., а число ее представителей в палате увеличилось до 15[86].

[85] *S. Cilibrizzi*. Op. cit., v. 3. Napoli, 1939, p. 22.

[86] *G. Trevisani*. Op. cit., p. 288.

Но в эти же годы, ознаменованные ростом политического влияния социалистов, в Италии впервые начали звучать призывы к ревизии марксистского учения. Одним из духовных вождей не только итальянского, но и международного ревизионизма выступил философ и историк Бенедетто Кроче. Он утверждал, что Маркс не дал общефилософского обоснования материалистическому пониманию истории, что последнее является лишь удачно найденным «эмпирическим каноном исторического исследования» и совместимо поэтому с любой системой философских взглядов. Кроче подверг пересмотру также ряд положений экономической теории Маркса, отрицая, в частности, существование прибавочной стоимости как реальной экономической категории капиталистического общества. Видное место среди итальянских поборников ревизии марксизма занял бывший анархист Франческо Саверио Мерлино, чьи взгляды на классовую борьбу, диктатуру пролетариата, цели и тактику социалистического движения были во многом родственны идеям Бернштейна. Ни Мерлино (в то время), ни Кроче не были членами социалистической партии. Однако ревизионистские настроения стали проявляться и в партийной среде, как это было, например, на V съезде партии, где докладчик по аграрному вопросу Джероламо Гатти развивал мысль о якобы не предвиденной Марксом устойчивости мелкого производства в земледелии и приписывал сельскохозяйственной кооперации способность обеспечить развитие деревни по некапиталистическому пути внутри буржуазной системы общественных отношений.

Относящиеся к 1897—1898 гг. первые попытки ревизии марксизма встретили со стороны социалистической партии известное противодействие. Ревизионистские идеи Гатти по аграрному вопросу были отвергнуты партийным съездом. В журнале «Критика Сочиале» были помещены полемические рецензии на две книги Мерлино, оспаривались некоторые ревизионистские утверждения теоретика французского анархо-синдикализма Ж. Сореля. Но склонность Турати и других лидеров партии к реформистскому истолкованию марксизма делала их критику ревизионизма непоследовательной, а позднее привела их самих на ревизионистские позиции [87].

Успехи социалистического движения очень скоро побудили Рудини от первоначальных уступок рабочим организациям вернуться к методам их подавления. Эта тенденция в его политике усиливалась по мере нового обострения классовой борьбы, которое наблюдалось в Италии с 1897 г. на почве дороговизны продуктов питания, особенно хлеба.

[87] О ревизионизме в Италии см. подробнее: *E. Santarelli.* La revisione del marxisme in Italia [Milano, 1964].

Одновременно в правящих сферах вызревал план пересмотра в реакционном духе действующих в Италии конституционных норм. В январе 1897 г. влиятельный журнал «Нуова антолоджиа» опубликовал статью известного деятеля «правой» Сиднея Соннино под названием «Вернемся к Статуту», основная идея которой заключалась в том, что истинному духу статута Карла Альберта соответствует принцип ответственности министров перед королем, а не перед парламентом. Эта статья задала тон открытым нападкам всего реакционного лагеря на парламент, конституционные свободы и т. д.

Зимой 1897—98 гг. в ряде городов и местечек вспыхнули стихийные голодные бунты, сопровождавшиеся разгромом продовольственных лавок, зданий муниципалитетов и домов спекулянтов-буржуа. При подавлении этого движения было около десятка жертв. Продовольственное положение еще более ухудшилось в весенние месяцы, когда запасы зерна на местах были исчерпаны, а ввоз из-за рубежа значительно сократился в связи с начавшейся в 1898 г. испано-американской войной. В последних числах апреля поднялась новая волна народных выступлений, охватившая через несколько дней всю страну. Своей высшей точки она достигла в Милане, где 6 мая в ответ на запрещение квестурой социалистической листовки начались столкновения рабочих с полицией, которые переросли в настоящие баррикадные бои, продолжавшиеся в течение пяти дней.

В Милане было объявлено осадное положение, а вся полнота власти передана генералу Бава-Беккарису, который учинил кровавую расправу с восставшими рабочими. В ход были пущены пехотные и кавалерийские воинские части и артиллерия. По официальным данным, в Милане было убито 80 и ранено 450 чел., причем только двое из пострадавших принадлежали к «силам порядка» [88]. Среди сотен арестованных были депутаты-социалисты — Турати, Коста, Биссолати, а также Анна Кулишова.

Массовые аресты происходили и в других городах. В Бари только в один день было арестовано 500 чел., в Ливорно — 300, в Неаполе полиция в несколько приемов произвела около 1000 арестов, а всего в Италии в ходе весенних волнений 1898 г. было арестовано, по-видимому, несколько десятков тысяч человек [89]. Перестало выходить свыше сотни газет. Вновь начали действовать военные суды, выносившие суровые приговоры (в частности, Турати был приговорен к 12 годам тюремного заключения), вновь, как во времена Криспи, были распущены социалистическая партия и все рабочие организации.

[88] *G. Trevisani*. Op. cit., p. 292.
[89] Ibid., p. 293.

В этой обстановке террора Рудини внес в парламент законопроекты, согласно которым органы исполнительной власти получали право применять в целях защиты «общественного порядка» законы военного времени, предусматривалось усиление санкций против печати, всем общественным организациям вменялось в обязанность представлять в полицию списки своих членов, запрещалось под страхом уголовной ответственности создание организаций, «опасных для общественного порядка», и т. д. Но при обсуждении этих законопроектов премьер-министр оказался под огнем оппозиции как слева, так и справа — со стороны консерваторов, обвинявших его в том, что он не сумел предотвратить бурные майские события,— и 18 июня 1898 г. заявил об отставке кабинета. Новое министерство было сформировано генералом Луиджи Пеллу́.

В феврале 1899 г. Пеллу предложил парламенту проекты целой серии чрезвычайных законов. Речь шла о милитаризации персонала железных дорог и ведомства связи, запрещении забастовок служащих и работников коммунального хозяйства, введении в норму полицейских мер против собраний на открытом воздухе и неугодных властям организаций, фактическом упразднении свободы печати и т. д. Одновременно Пеллу, по примеру Криспи, попытался активизировать политику колониальной экспансии, имея в виду обеспечить участие Италии в империалистическом дележе сфер влияния в Китае. В начале марта 1899 г. итальянский посол в Пекине Де Мартино попытался навязать китайскому правительству переговоры об уступке Италии опорного пункта в заливе Саньмыньвань (на побережье Восточно-Китайского моря), но потерпел неудачу. Тогда 10 марта Китаю был предъявлен ультиматум, ставивший четырехдневный срок для ответа на итальянские требования. Свои «аргументы» итальянская сторона подкрепила введением в залив Саньмыньвань двух военных судов и высадкой десанта на островах бухты. Однако этот демарш не только оказался совершенно безрезультатным, но и закончился дипломатическим скандалом. Поскольку он вызвал неудовольствие Англии, Италии пришлось спешно дезавуировать и отозвать из Китая своего посла.

Начавшиеся 1 мая дебаты в парламенте по вопросу о политике в Китае показали, что большинство депутатов не одобряет действий правительства. В этой ситуации Пеллу, не дожидаясь голосования палаты, подал в отставку, но король вновь поручил ему сформировать кабинет.

С образованием второго министерства Пеллу (14 мая 1899 г.) против него сложилась широкая оппозиция в парламенте. В нее входили не только социалисты и мелкобуржуазные политические течения (республиканцы, радикалы), образовавшие блок под названием «Крайней левой», но и часть либералов во главе с Дзанарделли и Джолитти. Депутаты «Крайней левой» развернули начиная

с лета 1899 г. активную борьбу против правительственных проектов чрезвычайных законов. Они применили при этом тактику обструкции, используя все возможности парламентского регламента для затягивания дискуссии.

В ответ на это Пеллу попытался провести в жизнь свои антидемократические меры внепарламентским путем — с помощью королевского декрета, согласно которому предложенные правительством законопроекты должны были вступить в силу с 20 июля, независимо от согласия или несогласия палаты. По настоянию Пеллу в повестку дня заседания палаты, намеченного на 1 июля, было включено предложение одобрить этот декрет в качестве закона. Но накануне — после того как депутаты «Крайней левой» прибегли к обструкционистским действиям, чтобы воспрепятствовать изменению регламента палаты, и дело дошло до рукопашных схваток в зале заседаний и поломки урн для голосования,— было объявлено о закрытии парламентской сессии.

Продолжением острой борьбы между правительственным и оппозиционным лагерем стали выборы в муниципалитеты и органы провинциальной администрации, проходившие в значительной части страны в июне — октябре 1899 г. На этих выборах партии «Крайней левой» выступили с едиными списками и добились победы в Милане и в ряде других городов, а также в провинциях Палермо и Мессина.

Пеллу рассчитывал на благоприятное для кабинета воздействие провозглашенной королем сначала частичной, а затем (с 1 января 1900 г.) полной амнистии осужденным за участие в майских событиях 1898 г. Но эта уступка демократическому общественному мнению не могла остановить растущую в стране волну оппозиции правительственной политике.

20 февраля 1900 г. решением Кассационной палаты[90] по делу анархиста Антонио Гаваллацци декрет, вводивший предложенные Пеллу чрезвычайные меры без санкции парламента, был официально признан противоречащим конституции и юридически недействительным. Таким образом, внесенные за год до этого законопроекты Пеллу вернулись на рассмотрение палаты и были снова встречены обструкцией.

Убедившись, что добиться одобрения чрезвычайных законов данным составом палаты не удастся, Пеллу потребовал от короля назначения новых выборов. Выборы состоялись в начале июня 1900 г. и принесли полное поражение сторонникам антидемократического правительственного курса: они получили на 138 тыс. голо-

[90] Орган, осуществлявший надзор за единообразным толкованием и правильным применением законодательных норм в судопроизводстве.

сов меньше, чем лагерь оппозиции[91]. Социалистическая партия собрала более 215 тыс. голосов и провела в парламент 33 депутата[92].

Итоги выборов предопределили не только отставку Пелу, но и начало пересмотра того направления правительственной политики, которое на протяжении целого десятилетия было преобладающим. Первым шагом к этому было занятие поста премьера старым либералом Джузеппе Саракко (24 июня 1900 г.). Месяц спустя после его прихода к власти анархистом Гаэтано Бреши был убит король Умберто I, с чьим именем связывались все те реакционные тенденции правящего лагеря, которые нашли выражение в политике Криспи, Рудини и Пелу. Новый король, Виктор Эммануил III, вступая на престол, обещал посвятить свои усилия «защите свободы» и дал заверения в том, что конституционные принципы остаются нерушимыми.

Анализируя исторические уроки того затяжного политического кризиса, который пережила Италия в 90-е годы, Антонио Грамши писал: «Восстание сицилийских крестьян в 1894 году и восстание в Милане в 1898 году были experimentum crucis (решающим опытом) итальянской буржуазии. После кровавого десятилетия 1890—1900 годов буржуазия была вынуждена отказаться от диктатуры чересчур неограниченной, чересчур насильственной, чересчур прямой: против нее *одновременно* (хотя и не согласованно) восстали крестьяне Юга и рабочие Севера. В новом веке господствующий класс положил начало новой политике, политике классовых союзов, классовых политических блоков, то есть буржуазной демократии»[93]. События этого периода не прошли бесследно и для итальянского рабочего класса. Он показал себя как одна из самых активных сил, противостоявших натиску реакции. Именно с того времени ведет начало одна из славных традиций итальянского рабочего движения — сознание рабочим классом, борющимся за социализм, своей высокой ответственности за судьбы демократии в стране.

[91] *G. Trevisani*. Op. cit., p. 307.

[92] Ibid., p. 306—307.

[93] *А. Грамши*. Указ. соч., т. 1. М., 1957, стр. 488.

4

ИТАЛИЯ В 1900—1914 ГГ. ПЕРЕРАСТАНИЕ ДОМОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА В ИМПЕРИАЛИЗМ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИТАЛИИ В НАЧАЛЕ XX В. И ОСОБЕННОСТИ ИТАЛЬЯНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

Вступлением Италии в XX в. открывается новый этап в ее историческом развитии. Подготовленный предшествующими десятилетиями, он совпал во времени с началом новой эпохи всемирной истории — эпохи империализма.

Перерастание капитализма в монополистическую его фазу, разгоревшееся соперничество великих держав, добивавшихся окончательного раздела и передела мира, резкое обострение классовых противоречий в отдельных странах и небывалый еще накал борьбы между трудом и капиталом — таков был международный климат, в котором в Италии созревали экономические и политические процессы, вызывавшие необходимость крутого поворота в общественной жизни.

Запоздало, с трудом преодолевая препятствия, продолжая страдать «не только от развития капиталистического производства, но и от недостатка его развития» [1], следовала Италия за опередившими ее более сильными державами. Неравномерно, в своеобразной форме, обусловленной социально-экономическими особенностями развития страны, протекал процесс перерастания итальянского капитализма в империализм. В отличие от высокоразвитых капиталистических стран, Италия была страной сравнительно отсталой, обремененной феодальными пережитками, почти лишенной естественных

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 23, стр. 9.

ресурсов, страной, трудящееся население которой в большинстве своем влачило нищенское существование. Своеобразная особенность экономической и социальной структуры Италии заключалась также в резкой диспропорции в уровне развития отдельных частей страны; индустриальный Север и отсталый аграрный Юг составляли как бы две различные, обособленные страны, «две Италии», как говорили в те годы.

Отсюда прерывистый, скачкообразный ход развития, отмеченный то быстрым нарастанием, то замедлением и даже резким спадом хозяйственной деятельности. Так, выйдя в самом конце XIX в. из экономического тупика 1887—1896 гг., Италия пережила затем период беспрецедентного экономического подъема, продолжавшийся — не без остановок и срывов — до 1907—1908 гг., когда экономический кризис принял в этой стране весьма острый и затяжной характер. Последствия его сказывались до самого конца мировой войны, ускорив процесс концентрации промышленности и капиталов, еще более усилив роль банков в народном хозяйстве, тем самым содействуя образованию финансового капитала.

Итальянский капитализм, для форсированного развития которого лишь с объединением страны в 1860—1870 гг. создались необходимые предпосылки, уже к концу века стал перерастать в капитализм монополистический. Это обстоятельство наложило свой отпечаток на формы и методы осуществления индустриализации страны; крупная промышленность современного типа складывалась в Италии (в отличие от английской или французской) не в период домонополистического капитализма, а преимущественно под эгидой финансового капитала [2].

Отличительной особенностью развития Италии являлись и хронологические рамки, в которых развернулся процесс перерастания итальянского капитализма в империализм. Начавшись на стыке старого и нового веков, этот процесс далеко еще не завершился к началу первой мировой войны. Однако сдвинутый во времени, он происходил в более сжатые сроки, нежели в передовых европейских странах. Сравнительно быстрые темпы развития итальянского монополистического капитала обусловливались факторами внутреннего и внешнего порядка. Таковыми являлись прежде всего: жестокая эксплуатация труда (так, заработная плата итальянских рабочих была одной из самых низких в Европе); наряду с капиталистическими по-прежнему применялись и полуфеодальные методы ограбления масс; значительную роль играло проникновение в страну иностранных капиталов, преимущественно германских, что ускоряло появление на итальянской почве присущих более развитым

[2] *Э. Серени.* Аграрный вопрос в Италии. М., 1949, стр. 45—47; *E. Sereni.* Capitalismo e mercato nazionale in Italia. Roma, 1966, p. 101—277.

странам форм и методов организации производства. Подобного рода «модернизация» экономики подстегивалась ожесточенной конкуренцией, с которой итальянским предпринимателям приходилось сталкиваться на мировых рынках, а также нараставшими экспансионистскими устремлениями наиболее агрессивных сил итальянского капитализма. Наконец, решающее значение для развития этих процессов имело возраставшее вмешательство государства в экономическую жизнь страны — вмешательство, которое все более явно диктовалось интересами заправил крупных предприятий и верфей, акционерных обществ и банков. т. е. капиталистических групп более современной формации, которые уже успели сложиться к началу XX в. и являлись носителями созвучных новой эпохе экономических тенденций, политических воззрений и психологии.

Преимущественно в угоду этим классовым силам все решительнее проводилась экономическая политика ускоренной индустриализации, предусматривавшая таможенный протекционизм, щедрые субсидии и прибыльные заказы определенным отраслям промышленности — таковыми были в начале века металлургия и судостроение, хлопчатобумажное и сахарное производство. Интересы этих новых капиталистических групп накладывали чем дальше, тем больший отпечаток на внутриполитический курс страны, усиливая в нем антидемократические тенденции, а также на внешнюю политику, которая под флагом завоевания Италией «подобающего ей места» в концерте великих держав приобретала все более агрессивный экспансионистский характер.

На этой почве стали складываться политико-идеологические воззрения, которые при всей их первоначальной хаотичности все же явно предназначены были служить антитезисом сначала социалистическим и демократическим, а впоследствии и либеральным концепциям. Зарождалась националистическая идеология, которой суждено было получить бурное развитие в канун мировой войны. И хотя проповедниками ее были в те первые годы пестрые по своему составу кадры интеллигенции, чаще всего не осознававшие выполнявшуюся ими роль, на деле они готовили итальянскому империализму острое идейное оружие [3].

Однако в первые годы нового столетия финансовый капитал только формировался, и эти тенденции не проявлялись еще отчетливо.

Впрочем, они ни тогда, ни позже не могли проявляться прямолинейно, в «чистом виде». Постепенно набирая силу, националистические тенденции переплетались с устремлениями традиционно-

[3] Таковой оказалась, в частности, роль появившегося в 1903 г. журнала «Regno» (не случайно опубликовавшего в первом же номере статью под заголовком «Империалистическая идея»).

реакционных или консервативных сил (крупных помещиков, преимущественно юга Италии, дворцовой аристократии, ростовщическо-торговой буржуазии старого склада), упрямо отстаивавших отжившие методы управления как в хозяйственной, так и в политической жизни. Но в начале века преобладали иные тенденции, порождавшиеся в конечном счете потребностями экономического развития страны.

Преодолеть препятствия на пути осуществления объективно назревших преобразований, основным элементом которых было быстрое наращивание промышленного потенциала, представлялось нелегкой задачей для аграрной страны с узким внутренним рынком, для страны, сотрясавшейся острыми социальными и политическими конфликтами. Экономический подъем был неотделим от обеспечения на фронте борьбы между трудом и капиталом хотя бы относительного «социального мира», равно как и от достижения политической разрядки в общественной жизни. Объективные потребности прогресса находили таким образом политическое выражение в тенденциях буржуазно-либерального реформаторства, встречавших сочувственный отклик в разнородных общественных слоях. «Нормальное капиталистическое общество,— отмечал В. И. Ленин,— не может успешно развиваться без упроченного представительского строя, без известных политических прав населения...»[4]

На протяжении всего последнего десятилетия XIX в. неослабевавшая, напряженная классовая и политическая борьба охватывала все сферы общественной жизни. В центре этой борьбы стояли основные вопросы социально-экономического и политического развития страны; решающим, однако, был вопрос о формах и методах управления итальянским государством.

Против реакционного авторитарного режима, потерпевшего крушение в конце XIX в., объединился широкий фронт социальных сил (от трудящихся масс до определенных слоев крупной буржуазии), в котором активную роль играл молодой рабочий класс. Изменения в расстановке и соотношении сил происходили не только на политической арене, где сталкивались различные классы и партии, но и в «верхах», внутри правящего «аграрно-индустриального блока», в котором удельный вес и влияние промышленной и банковской буржуазии постепенно возрастали. Политическая демаркационная линия и здесь, в правящих сферах, определялась отношением к системе и методам управления страной. Реакционные силы упорнее противились политике либеральных реформ, предполагавшей, в частности, расширение политических свобод. В то же время наиболее гибкие, динамичные капиталистические группы постепенно начинали понимать неотвратимость перехода к новой либераль-

[4] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 68.

ной системе управления, к чему призывали их наиболее дальновидные буржуазные политические деятели и идеологи. Делать такой выбор их побуждала наряду с причинами объективно-экономического порядка (о которых речь шла выше) сама логика классовой борьбы. С одной стороны, чтобы добиться ведущей роли в правящем блоке, надо было оттеснить от власти силы «старого режима», представленные главным образом южными землевладельцами; следовательно, надо было противопоставить обанкротившейся реакционной системе иной политический курс. С другой стороны — в этом заключалась главная задача,— необходимо было предотвратить новые взрывы возмущения масс, перед которыми насилие оказалось бессильным.

Отсюда потребность в политических переменах, в новой тактике, позволяющей укрепить основы господствующего строя путем подчинения масс гегемонии буржуазии, для чего, противопоставляя реформу революции, необходимо было расколоть, парализовать социалистическое движение.

В столь сложном, противоречивом ходе исторического развития заключается причина того, что вплоть до кануна первой мировой войны перерастание капитализма в империализм в Италии совпало с утверждением в государственно-политической жизни страны либерального курса, связанного с именем Джованни Джолитти, политического курса, которому в идеологической области больше всего соответствовали философские и исторические концепции Бенедетто Кроче [5]. В то же время не случайно, что именно в период так называемой либеральной эры развернулись все те процессы, в том числе и небывалый еще промышленный подъем, в результате которых и сложилась Италия империалистическая.

Истоки нового этапа в историческом развитии Италии восходят, как уже отмечалось, к последним, переломным годам XIX в. К этому времени относится и возобновление приостановленного было кризисом 1887—1896 гг. экономического прогресса. Кривая промышленного производства поначалу медленно, а затем все стремительнее пошла вверх. Индекс промышленной продукции, принятый для 1900 г. за 100, повысился к 1907 г. до 152, а к 1913 г. до 184 [6].

[5] Подробнее о Б. Кроче см. ниже, в гл. 7.

[6] *A. Gerschenkron.* Il problema storico dell'arretratezza economica. Torino, 1965. Индекс рассчитан применительно к шести важнейшим отраслям промышленности: горнорудной, металлургической, машиностроительной, текстильной, химической, пищевой.

При этом происходило дальнейшее развитие и перевооружение таких традиционных отраслей промышленности, как текстильная, в которой резко возрос удельный вес хлопчатобумажного производства, пользовавшегося особым покровительством государства; за 1900—1913 гг. производство хлопчатобумажной пряжи увеличилось с 118 602 тонн до 175 570 тонн [7]. Подъемом были охвачены также ключевые отрасли современной крупной индустрии: металлургия, электроэнергетика, химическая промышленность, отдельные отрасли машиностроения, находившиеся до этого либо в начальной стадии развития, либо еще не существовавшие вовсе [8]. Важным компонентом и условием экономического подъема был процесс концентрации производства, развернувшийся ускоренными темпами, с учетом опыта, накопленного в передовых странах. На почве его складывались первые итальянские монополистические организации. Не в малой степени этому содействовало многократно возросшее участие банков в развитии промышленности. Основанные при участии германского капитала Итальянский Коммерческий банк (1894 г.) и Кредитный банк (1895 г.), а также созданный еще в 1880 г. Римский банк стояли у колыбели итальянской крупной индустрии. Перенося на итальянскую почву германский опыт, банковский капитал прививал итальянской промышленности организационные и технические формы, свойственные индустрии более развитых капиталистических стран (тем более, что иностранный капитал играл и в этот период немалую роль в итальянской экономике). В различной форме и степени сказывалось влияние германского капитала, занявшего в общем значительные позиции в административных советах банков, страховых обществ, во внешней торговле и в развитии новых отраслей промышленности.

Промышленный подъем и начавшееся образование монополий стимулировались весьма активным вмешательством государства в сферу экономической деятельности. Диктат банков, с одной стороны, протекционистская политика государства, с другой, предопределяли преимущественное развитие одних отраслей в ущерб другим, да и особенности экономического развития Италии в целом.

Одной из первых отраслей, в которой новые тенденции сказались вполне отчетливо, было сахарное производство, пользовавшееся преимуществами высоких протекционистских тарифов. С 1900 по

[7] *R. Romeo*. Breve storia della grande industria in Italia. Roma, 1963, II ed., Tav. 11, p. 223.

[8] Если в 1896 г. производство средств производства составляло 28% промышленного производства, то в 1913 г. удельный вес его возрос до 47%. К 1911 г. в тяжелой индустрии было занято 35% фабрично-заводских рабочих Италии (*A. Gerschenkron*. Op. cit., p. 76; *R. Tremelloni*. Storia recente dell'industria italiana. Milano, 1956, p. 54).

[9] *R. Romeo*. Op. cit., Tav. 10, p. 220.

1913 г. производство сахара увеличилось в 5 раз (с 60 тыс. до 300 тыс. тонн) [9]. Влиятельные акционерные компании, объединенные в 1904 г. в сахарный трест, завладели монопольным положением в производстве и сбыте продукции, навязав потребителю грабительские цены.

Процесс сращивания банковского и промышленного капиталов развернулся наиболее быстрыми темпами в металлургии и машиностроении. Металлургия ограждалась таможенными барьерами, поощрялась разного рода льготами. Коммерческий банк принял решающее участие в создании в 1902 г. крупного объединения, включавшего в частности металлургические группы Терни, Раджио и судостроительные группы Одеро и Орландо. Этому объединению была предоставлена государством почти безвозмездно концессия на разработку рудных залежей на острове Эльба. В 1905 г. в результате слияния его с соперничавшими с ним группами образовался консорциум Ильва. Впоследствии в руках крупнейших объединений был сосредоточен контроль над всем производством чугуна и 58% производства стали [10].

Огромную роль сыграл банковский капитал и при создании энергетической базы итальянской промышленности. Под эгидой крупных акционерных обществ (Эдисон, Брешьяна, генуэзские электропредприятия и др.) развитие энергетической промышленности приняло большой размах, в том числе производство «белого угля», возбудившее поначалу столько радужных надежд [11]. И хотя эти надежды оправдались далеко не полностью, тем не менее наличие — пусть ограниченной — энергетической базы не могло не содействовать индустриальному прогрессу.

Наряду с прочими факторами оно сказалось, в частности, на развитии химической промышленности, отдельные отрасли которой добились в десятилетие, предшествовавшее мировой войне, значительных успехов; так, например, развернулось резиновое производство (в котором главенствовало акционерное общество Пирелли), производство химических удобрений и электрохимическая индустрия, находившаяся в основном под контролем Коммерческого и Кредитного банков.

Более медленными темпами развивалось машиностроение, которое в то время было представлено главным образом судостроением, производством железнодорожного оборудования, производством вооружения — последнее поощрялось государственными субсидиями и заказами. Но и в этой области стали возникать крупные

[10] *R. Romeo*. Op. cit., Tav. 10, p. 81.

[11] Производство электроэнергии, составлявшее в 1900 г. всего 160 млн. квч., достигло в 1908 г. 1150 млн. квч. (*R. Romeo*. Op. cit., Appendice, Tav. 17, p. 232).

объединения отчасти под воздействием банков (как в случае с Терни, контролировавшимся все тем же Коммерческим банком), отчасти благодаря инициативе акционерного капитала, как, например, объединения Бреда, Ансальдо и др.

Исключительным оказался путь развития автомобильной промышленности. Едва возникнув в самом конце XIX в., автомобильные компании стали стремительно расширять производство. Автомобильная «лихорадка» охватила деловой мир, буржуазное «высшее общество», туринскую знать. В автомобильных гонках, о которых, захлебываясь, сообщала печать, принимал участие даже отпрыск королевского дома, герцог Абруццский. «Всего за несколько дней,— сообщала 10 ноября 1901 г. газета «Стампа»,— почти все носители княжеского титула стали владельцами машин, приобретенных у фирмы Фиат». К 1907 г. насчитывалось уже 70 автомобильных фирм с капиталом в 90 млн. лир. Итальянские машины успешно конкурировали с зарубежными автомобилями — Рено, Мерседес и др.[12]; в автомобильной промышленности Италии спустя два года ведущую роль стали играть четыре фирмы — Фиат, Итала, Спа, Ланча.

В экономике страны произошли, следовательно, существенные сдвиги, значение которых не следует, однако, переоценивать, ибо крупная индустрия современного типа, несмотря на возросший ее удельный вес, еще только создавалась. Даже в 1911—1915 гг. отрасли тяжелой промышленности производили не более 30,6% всей промышленной продукции[13].

Бóльшая доля промышленной продукции (59,2%) падала на текстильную, пищевую, табачную промышленность, т. е. на отрасли, которые отличались преимущественно слабой концентрацией производства и резко отставали от технического и организационного уровня высокоразвитой индустрии.

Громадное число предприятий на деле походило скорее всего на мастерские ремесленного типа[14].

В целом же Италия оставалась страной аграрной: свыше половины населения ее занималось сельским хозяйством. Более того, отсталое, отягощенное феодальными пережитками сельское

[12] *R. Morandi*. Storia della grande industria in Italia. Bari, 1931, p. 210—211; *P. Spriano*. Socialismo e classe operaia a Torino dal 1892 al 1913. Torino, 1958, p. 152—156, 242—243.

[13] *R. Romeo*. Op. cit., p. 67.

[14] В 1911 г. лишь 7% предприятий (3312 из 244 тыс.) насчитывали от 100 до 1000 рабочих, т. е. могли быть отнесены к крупным предприятиям современного типа. 90% и того более составляли мелкие и мельчайшие предприятия ремесленного типа (с числом рабочих до 10 чел.) (Censimento degli opifici e delle imprese industriali, al 10 giugno 1911. Roma, 1913—1916, v. V, p. 158).

хозяйство во многом определяло состояние национальной экономики. Сохранение крупного помещичьего землевладения и полуфеодальных методов эксплуатации труда, типичное для Италии, порождало острое безземелие крестьянства. В первое десятилетие века из общего числа в 10 млн. крестьян 4,4 млн. составляли батраки, 3,2 млн.— арендаторы и испольщики и лишь 1,8 млн.— крестьяне-собственники [15].

Сельское хозяйство в большей части страны находилось в состоянии застоя. Лишь в некоторых районах, главным образом Северной Италии, укрепились крупнокапиталистические предприятия, производившие, правда, значительную часть валовой продукции и представлявшие собой, как отмечает Э. Серени, «жизненный центр сельскохозяйственного производства» [16]. Но даже эти крупные предприятия, не говоря уже о прозябавших крестьянских хозяйствах Юга, страдали от политики промышленного протекционизма, лишавшей их зарубежных рынков сбыта и вынуждавшей их в то же время приобретать изделия промышленности по искусственно взвинченным, непомерно высоким ценам. Что же касается оградительных тарифов, какими поощрялось производство зерновых культур и сахарной свеклы, то на деле они лишь ограждали интересы крупных землевладельцев, а также заправил сахарной монополии. Сохранение отживших производственных отношений в земледелии, в особенности в южных районах страны, откуда выкачивалась своего рода «колониальная дань», была оборотной стороной процесса индустриализации, охватившего почти исключительно Север. Таким образом, неравномерность экономического развития Италии, усиливавшаяся в первое десятилетие нового века, обострила возникшие ранее контрасты и противоречия: еще резче проявилась диспропорция в развитии промышленности, с одной стороны, сельского хозяйства, с другой, еще глубже обозначился разрыв в уровне развития Севера и Юга страны. «Южный вопрос» стал острейшим вопросом национальной жизни. Так, если к 1911 г. в северных районах страны была сосредоточена подавляющая часть (от 65 до 71%) крупных предприятий, насчитывавших от 100 до 1000 и более рабочих, то в южных районах, обладавших весьма ограниченным промышленным потенциалом, по-прежнему преобладали ремесленные мастерские. И хотя в этих районах проживало до 40% всего населения страны, лишь 9,5% местных жителей было занято в промышленности [17]. Но и основная отрасль хозяйства — земледелие —

[15] *A. Serpieri.* La guerra e le classi rurali italiane. Bari, 1930, p. 8.

[16] *Э. Серени.* Развитие капитализма в итальянской деревне (1860—1900). М., 1951, стр. 322.

[17] *R. Romeo.* Op. cit., p. 105.

развивалась крайне медленно, а в некоторых районах даже деградировала. Показательно, что производство зерновых, в частности, редко превышало в предвоенные годы 3—5 центнеров с гектара (при отнюдь не высокой средненациональной норме в 10—11 центнеров)[18].

Отсталость южных районов проявлялась во всех областях общественной жизни: население Юга страдало от бездорожья и нехватки жилищ, от вопиющего недостатка больниц и школ. Не случайно процент смертности был здесь наиболее высоким, а число неграмотных составляло, по данным 1911 г., от 54 до 90% местного населения[19].

Создавшееся положение было в значительной мере результатом «политического выбора» правящих групп, не только практически противившихся осуществлению серьезных мер по «возрождению» Юга, но приносивших эти районы страны в жертву процессу индустриализации Севера, о чем свидетельствовало, в частности, непосильное налоговое бремя, которое ложилось на плечи трудящихся Юга,— бремя налогов, какого не знали сравнительно более богатые районы Севера[20]. Хищнические формы эксплуатации, хроническая безработица, ибо ни отсталое земледелие Юга, ни промышленность Севера не в состоянии были поглотить «избыточную» рабочую силу,— таков был удел крестьянских масс Южной Италии, обреченных на невыносимую нужду.

Эмиграционный поток, еще в конце XIX в. принявший внушительные размеры, достиг теперь еще большего размаха. Это было подлинное бегство гонимых голодом людей, которым родина не могла обеспечить элементарных условий существования. Число эмигрантов, составлявшее в 1900 г. 352 тыс. чел., поднялось в последующий период в среднем до 600 тыс. чел. в год, а в 1913 г. достигло наивысшего предела — 872 тыс. чел. Всего за эти годы покинуло Италию свыше 8 млн. человек, причем 46,7% составляли жители Юга страны, чаще всего навсегда оставившие родину[21]. Массовую эмиграцию — это типичное для Италии явление — В. И. Ленин связывал со своеобразным характером итальянского империализма[22], прозванного «империализмом бедняков».

Нищета трудового народа, обусловливавшая узость внутреннего рынка, сковывала движение вперед. Это сказывалось, в част-

[18] Ibid., p. 99.

[19] *C. Seton-Watson.* Storia d'Italia, Bari, 1967, p. 357—358.

[20] *F. Nitti.* La ricchezza d'Italia. Napoli, 1904, p. 130.

[21] L'Emigrazione italiana dal 1910 al 1913, v. I. Roma, 1926, Цит по: *A. Fontani.* Gli emigranti. Roma, 1961, p. 288.

[22] См. *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 16—17.

ности, на ходе и результатах промышленного развития страны. Так, хотя Италия в первые годы нового века по индексу прироста промышленной продукции опережала страны так называемого «старого европейского капитализма», она, однако, по абсолютным показателям все еще сильно отставала от них, а также — причем в еще большей степени — от Германии, сравнительно поздно вступившей на путь индустриализации, но стремительно вырвавшейся вперед. К концу первого десятилетия нового века, точнее — в 1911 г., Италия производила всего 400 тыс. т. чугуна и 900 тыс. т. стали (против 14,7 млн. т. чугуна и 14 млн. т. стали, производившихся Германией, и 11 млн. т. чугуна и 6,5 млн. т. стали — Великобританией)[23]. Но так или иначе в канун мировой войны экономический облик Италии был уже существенно иным, нежели в конце XIX в.

Сдвиги, происшедшие в экономическом развитии страны, повлекли за собой существенные изменения в ее социальной структуре, в расстановке классовых и политических сил. С большей или меньшей ясностью проявились в эти годы основные тенденции и течения, присущие эпохе довоенного империализма: возобладавший до кануна мировой войны буржуазный либерализм и наряду с ним реакционное течение, в фарватере которого усиливалась новая по своему характеру националистическая тенденция, далее — католическое течение и мелкобуржуазный радикализм и, наконец, завоевавшее значительные позиции социалистическое движение, отражавшее растущую силу и боеспособность рабочего класса. Переплетаясь и размежевываясь, временно совпадая в своем развитии ожесточенно сталкиваясь в непримиримой борьбе, эти разнородные политические тенденции и течения в совокупности своей и создавали политическую историю довоенной Италии, отмеченную глубокими противоречиями и острыми, подчас драматическими конфликтами.

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП «ЛИБЕРАЛЬНОЙ ЭРЫ». ПОДЪЕМ ЗАБАСТОВОЧНОГО ДВИЖЕНИЯ. ФОРМИРОВАНИЕ ДВУХ ТЕЧЕНИЙ В ИТАЛЬЯНСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

После бурных политических событий лета 1900 г.— поражения реакции на парламентских выборах, убийства короля Умберто I и восшествия на трон Виктора Эммануила III — в стране воцарилась атмосфера напряженного ожидания перемен, которые должны были обеспечить выход из создавшегося сложного и тре-

[23] *R. Romeo.* Op. cit., p. 112.

вожного положения. В центре острой политической борьбы, как и развернувшейся оживленной газетной полемики, стояли кардинальные вопросы дальнейшего общественного развития страны. Не осознав подлинного смысла событий, реакционные круги требовали возврата к «сильной власти», к политике репрессий, направленной против партий «Крайней левой». Однако возврат к прошлому был уже невозможен. Об этом свидетельствовали проекты реформ, выдвигавшиеся наиболее серьезными и авторитетными политическими деятелями как либерального, так и консервативного направления. Знаменательно при этом, что каково бы ни было содержание предлагавшихся проектов, важнейшим их аспектом являлась так называемая «социальная проблема», поставленная на очередь дня ожесточенной борьбой между трудом и капиталом,— иными словами, вопрос о том, какими методами и средствами следует добиваться «социального мира». В сущности же речь шла об определении методов и форм управления страной.

С консервативных позиций на эти «требования времени» откликнулся Сидней Соннино, видный лидер правых либералов. Его программное выступление, опубликованное на страницах журнала «Нуова антолоджиа», сразу же (как и предыдущая его статья [24]) стало предметом острых дебатов и противоречивой общественной реакции.

В отличие от прежней эта статья Соннино отводила особое место реформаторской деятельности правителей, направленной к «возвышению бедных классов». Однако осью предлагаемой им программы были меры, рассчитанные на укрепление основ государственного строя, ибо «великое требование времени» Соннино видел в «организации сильного государства, управляемого сильным правительством». При этом упор делался уже не на прерогативы монарха, а на объединение в единую партию консервативно-либеральных сил, верных монархическому строю, чтобы противопоставить их блоку «народных партий» [25].

Однако призыв Соннино, встреченный с энтузиазмом в консервативном лагере, не был подхвачен теми, на кого он был непосредственно рассчитан. Отражая настроения леволиберальных кругов, Джолитти ответил на «объединительный призыв» Соннино фактическим отказом. Позиция эта не являлась неожиданной. Еще в 1899 г. Джолитти в нашумевшей речи, произнесенной им в Буска, отверг идею создания единого консервативного блока, ссылаясь на существенные разногласия, разделявшие консти-

[24] «Вернемся к статуту» — см. предыдущую главу.

[25] *S. Sonnino*. Quid agendum.— «Nuova Antologia», 16. IX 1900. p. 351—352, 363—364; 16. X 1900, p. 725, 728, 735.

туционные партии. В сущности позиция Джолитти определялась иной, нежели у Соннино, концепцией политического развития страны. Джолитти исходил из убеждения, что реакционная политика была бы роковой для существующих конституционных учреждений, ибо, указывал он, такая политика «поставила бы эти учреждения на службу ничтожного меньшинства, в в то время как она восстановила бы против них самые живые, неистребимые силы современного общества, т. е. интересы наиболее многочисленных классов и чувства наиболее образованных людей...»[26].

Иными словами, речь шла о более гибкой, либеральной концепции, предполагавшей, что основным методом политического управления страной должно стать не насильственное подавление, а политическое подчинение широких социальных сил и партий гегемонии правящих классов, дабы тем самым расширить и упрочить массовую базу буржуазно-монархического строя. Важнейшим элементом этой концепции было новое, «более современное», как указывалось тогда, отношение к рабочему классу и к утвердившемуся в политической жизни социалистическому движению.

В политическом поединке с Соннино, происшедшем в эти переломные месяцы 1900 г. (как, впрочем, не раз и впоследствии), победителем вышел Джованни Джолитти. Он превосходил своего политического соперника не только решимостью и энергией «человека действия», гибкостью и способностью к тактическому маневрированию, да и к политическим комбинациям, наконец, лучшим знанием сложной механики политической борьбы и бюрократической системы власти. Сила Джолитти заключалась в ту пору главным образом в том, что среди государственных деятелей именно он яснее, реалистичнее и, видимо, глубже других представителей итальянских правящих кругов умел оценивать происшедшие в обществе перемены и — до поры до времени — инстинктивно улавливать динамику общественного развития. Эта способность лишь отчасти объяснялась свойствами его одаренной и сильной индивидуальности.

Джолитти происходил из среды пьемонтского буржуазного чиновничества, не чуждой влияниям умеренного либерализма времен Кавура. Укладом жизни семьи, воспитанием, строгим и вместе с тем в достаточной степени свободным от консервативных предрассудков, наконец, ранним вступлением на путь служебной карьеры (18 лет, завершив юридическое образование, он уже работал в министерстве юстиции) Джолитти был в большей мере, нежели многие другие политические деятели его круга, подготовлен к восприятию тех новых социальных явлений, которые несла с собой

[26] *G. Giolitti.* Memorie della mia vita. Monza, 1945, p. 157.

бурно развивавшаяся итальянская действительность конца XIX в. К тому же к 1900 г. он успел накопить и известный опыт политической и государственной деятельности, подкрепленный уроками политической истории других стран и примером европейских деятелей его времени, среди которых впоследствии он особо выделял *Ллойд Джорджа*.

Продолжая традиции пьемонтского либерализма, Джолитти вместе с тем склонен был внести в его концепции и нечто принципиально «новое». Отклонив идею единой консервативной партии, он подверг критике и предложенную Соннино программу реформ. Руководствуясь политическим расчетом, Джолитти преднамеренно нападал на социальный аспект этой программы, дискредитируя ее в глазах консерваторов за содержащиеся будто бы в ней уступки... социализму. В то же время он осуждал программу Соннино за отсутствие в ней мер, предусматривавших облегчение налогового бремени, в чем столь остро нуждались народные массы, «смиренность и долготерпение которых наполняли его (Джолитти. — *К. М.*) восхищением, а последствия возможного их пробуждения — ужасом» [27].

Опасаясь последствий такого «пробуждения» (причем едва ли не в меньшей степени, чем Соннино), Джолитти иным путем и иными средствами предполагал предотвратить опасности, угрожавшие существующему строю. «...Единственный путь предотвращения угроз, нависших над страной в результате всеобщего неблагополучия, а также происков реакции, — считал он,— это осуществление либеральной программы, ставящей себе целью устранить — в пределах возможного — причины недовольства посредством глубокого и радикального пересмотра как методов управления, так и существующего законодательства» [28].

Позиция Джолитти встречала сочувствие в разнообразных политических кругах, в либеральном лагере и тем более среди сторонников левых партий. Особое значение приобретало то обстоятельство, что в противовес былой позиции социалистов теперь среди них все более широкое распространение получала концепция, допускавшая взаимодействие политической партии рабочего класса с буржуазным правительством «демократического» толка.

Наметившиеся в «верхах» политические сдвиги ускоряли идейную эволюцию в рядах социалистического движения, содействуя развитию реформистской тенденции, которая, едва зародившись, уже успела к этому времени стать в партии преобладающей. Аналогичные процессы происходили и за пределами Италии, причем,

[27] «Stampa», 23. IX 1900. Цит. по: *G. Giolitti*. Discorsi extraparlamentari. Torino, 1952, p. 241.

[28] *G. Giolitti*. Memorie della mia vita, p. 157—158.

как известно, в еще более резкой форме и крупных масштабах. Так, в эти же годы создание во Франции правительства «республиканской концентрации», в которое вошел Мильеран, ознаменовало собой новое, характерное для начала века явление, когда правящие классы пытались противодействовать росту рабочего движения с помощью своеобразного компромисса между либерализмом и реформизмом.

Как и в других странах, реформистская тенденция порождалась в Италии ростом экономической и политической силы буржуазии, чье влияние распространялось и на рабочее движение; ее усиливал хозяйственный подъем, суливший как будто перспективу автоматического улучшения материального положения рабочего класса; в связи с этим возникли представления, будто политическое действие масс, революционная борьба теряли если не свое принципиальное значение, то свою актуальность. В еще большей мере реформизм порождался специфической структурой рабочего класса, ряды которого непрерывно пополнялись мелкобуржуазными элементами и особенно социальным составом самой социалистической партии, в которой мелкобуржуазная интеллигенция играла весьма значительную роль. Успеху реформистской идеологии содействовали и другие причины. Сложившиеся в совместной борьбе против реакции политические связи и союзы с буржуазной демократией, одержанные в этой борьбе победы, а также избирательные успехи самой социалистической партии, рост ее численности — все эти реальные факторы порождали в определенных партийных кругах иллюзорные представления и надежды, сквозь призму которых искаженно воспринимались не только пройденный путь, но и ближайшие политические перспективы. Эти настроения еще усиливались сознанием победы, одержанной над анархизмом, отрицавшим политическую борьбу и роль политической организации. Не удивительно поэтому, что Бернштейн и Мильеран нашли последователей в итальянском социалистическом движении; более того, на идеологию итальянского социализма того времени преимущественное влияние оказали «готовые формулы», выработанные международным ревизионизмом.

«Демократические» иллюзии, увлечение сотрудничеством с буржуазно-либеральным крылом, переоценка значения парламентской деятельности и в противовес этому недооценка революционных форм и методов борьбы — эти основные элементы ревизионизма «справа» (т. е. реформизма) привносились в итальянское социалистическое движение активной пропагандой таких социалистических лидеров, как Турати, Кулишова, Биссолати и других видных деятелей реформистского течения. В революционном опыте предшествовавших десятилетий они видели преимущественно «трагическое поражение безрассудного бунтарства», которому следовало

противопоставить «разумную политику реформ и гибкую тактику союзов». В этих условиях глубокий смысл и значение приобретали для них либеральная программа Джолитти, проявленное им понимание необходимости резкого изменения политического курса.

Правильно указывая на возможность использовать противоречия в лагере господствующих классов, итальянские реформисты, однако, явно переоценивали эту возможность, как и собственную силу воздействия на политику «верхов». Так создавалась идейная основа, исходя из которой они впоследствии пошли на беспринципные компромиссы, уступая буржуазии руководящую роль в заключаемых с нею блоках и соглашениях, а главное, подчиняя перспективе сотрудничества с буржуазией коренные интересы рабочего класса.

Тенденция эта проявилась весьма отчетливо на очередном съезде социалистической партии, состоявшемся в Риме 8—11 сентября 1900 г. Это был первый легальный съезд, собравшийся после долгих лет подполья, преследований и репрессий. Как отмечали его участники, по составу своему он «походил скорее всего на собрание бывших политических узников»[29]. Не случайно поэтому на съезде царила атмосфера подъема и оптимизма, в которой сильнее всего проявлялось стремление к единству, к сглаживанию разногласий, реально существовавших, хотя и не носивших еще острого характера. Правда, на самом съезде — а до него на страницах печати — установки реформистов подвергались критике слева. Так, в предсъездовской дискуссии реформистов упрекали в чрезмерном увлечении «законностью», в пренебрежении к революционным средствам и методам борьбы. Оппоненты (таковым был, в частности, Гаэтано Сальвемини) критиковали реформистов за слепую веру в чудодейственность тактики союзов с левобуржуазными партиями, тактики, которая не сопровождалась требованием «безоговорочной поддержки» этими партиями конкретной программы «неотложных политических и финансовых реформ»[30].

Возражения вызывали и отдельные положения проекта «программы-минимум», опубликованного в «Критика сочиале» и предназначенного для обсуждения съездом. В нем предлагались политические и экономические реформы, направленные к демократизации политической жизни, расширению гражданских прав трудящихся, улучшению их условий труда и существования. Правда, составители проекта уверяли, что он «качественно» отличается от программы буржуазных реформаторов, поскольку предлагавшаяся «программа-

[29] «Critica Sociale», 16. IX 1900, p. 273.
[30] Travet Commenti forse utili.— «Critica Sociale», 16. II 1900, p. 54—58.

минимум» является не самоцелью, а лишь «средством к достижению цели»[31]. Однако конечная цель фактически предавалась забвению, и пролетариат, усыпленный реформистскими иллюзиями, терял свою классовую самостоятельность.

С этих позиций предложенный проект программы подвергся критике и на самом съезде: указывалось, что раздвоение программ ведет к отрыву «программы-минимум» от конечных целей движения, что лишает ее подлинно социалистического характера. Высказывалось также опасение, не приведет ли содержавшееся в проекте программы предложение о национализации отдельных отраслей производства к... «зарождению государственного социализма».

Однако наиболее острую полемику вызвал — как в печати, так и на самом съезде — вопрос об избирательных блоках с левобуржуазными партиями, вопрос, который, как известно, волновал не одних итальянских социалистов: две недели спустя после Римского съезда ИСП он горячо обсуждался на Парижском конгрессе II Интернационала. В Риме, как затем и в Париже, было отклонено требование крайне левых о проведении «строго классовой политики» и «непримиримой» тактики, предусматривавшей отказ от избирательных блоков с буржуазно-демократическими партиями. Точку зрения «непримиримых» отстаивал на съезде Энрико Ферри (ставший впоследствии одним из их лидеров), его поддержали делегаты Пьемонта и отчасти Тосканы. Ферри доказывал, что в обстановке, созданной поражением реакции, тактика блоков уже нецелесообразна, ибо способна «подорвать основы социалистической идеологии». Эта аргументация, носившая на себе отпечаток сектантской узости, была весьма характерна для той реакции, которой левые элементы отвечали на засилие реформизма. Но на Римском съезде она успеха не имела. Большинством голосов (106 против 69 при 2 воздержавшихся) была принята резолюция, предложенная реформистами, согласно которой местным организациям предоставлялась «полная автономия», т. е. свобода действий в деле заключения избирательных союзов с так называемыми родственными, демократическими партиями[32].

Примечательно, однако, что разгоравшиеся на съезде страсти легко угасали. Так, Ферри, неоднократно выступавший с критикой реформистов, в то же время горячо призывал делегатов к сплочению рядов, указывая, что, каковы бы ни были решения съезда, на нем не могло быть «ни побежденных, ни победителей». Артуро Лабриола, в дальнейшем лидер «непримиримых», воздавал хвалу газете «Аванти!» и ее редактору, реформисту Биссолати, фактически отмежевываясь от критики, которой подверглась газета за перво-

[31] «Critica Sociale», 16. II 1900, p. 54—58; 1. IX 1900, p. 258—261.

[32] Il Partito Socialista Italiani nei suoi Congressi, v. I. Milano, 1959, p. 131—132.

27. *Стачка портовых рабочих в Генуе в знак протеста против роспуска Палаты труда*

начальную поддержку вступившего в буржуазное правительство французского социалиста Мильерана [33].

Съезд закончился под знаком всеобщего согласия и единства. И хотя внешним единодушием прикрывались первые признаки назревавших уже в партии серьезных идейных разногласий, победа

[33] «Critica Sociale», 16. IX 1900, p. 273—274.

реформистской тенденции представлялась несомненной. Более того, последующий период был «золотой порой» реформизма, окрепшего в условиях либерального поворота в политической жизни страны.

Но знаменательно, что переход к либеральной политике наступил не в результате верхушечных комбинаций и удачного компромисса: его ускорили и в сущности предопределили действия масс. На исходе 1900 г. в Генуе вспыхнула забастовка, оказавшаяся в центре внимания общественного мнения всей страны. Объявленная 6 тысячами рабочих генуэзского порта стачка охватила затем металлургов, судостроителей, рабочих других категорий; всего забастовало 20 тыс. человек [34]. Опустел порт, остановились заводы. Забастовку поддержали широкие слои населения города. Таков был ответ рабочих на роспуск префектом Палаты труда. Генуя единодушно выступила против произвола властей, в защиту права рабочего класса на организацию, в защиту его гражданских прав.

Правительство Саракко, до этого подавлявшее забастовки батраков при помощи войсковых частей, на этот раз отступило. Палата труда была восстановлена. Рабочие одержали полную победу.

Политические последствия генуэзской забастовки не замедлили сказаться, причем в масштабах, какие нелегко было предвидеть. В палате депутатов правительство Саракко подверглось яростным атакам: в то время как консервативные фракции парламента обвиняли правительство в капитуляции перед массами, «Крайняя левая» и леволиберальная фракция Дзанарделли — Джолитти нападали на внутриполитический курс кабинета, протестовали против произвола префектов, требовали политических перемен. Решительную позицию занял Джолитти, чья речь, отражавшая настроения леволиберальной фракции парламента, была по существу программной. Критикуя политическую слепоту реакционеров, опасавшихся объединения рабочих, Джолитти отстаивал правомерность такого рода организаций, которые, как отмечал он, «представляют законные интересы трудящихся..., а при разумном использовании их правительством могли бы стать весьма полезными посредниками между капиталом и трудом» [35]. При этом он поддерживал требование о повышении заработной платы рабочих, ибо, говорил он, «ошибочно полагать, будто низкие ставки содействуют прогрессу промышленности..., во главе промышленного прогресса как раз страны с высокими ставками заработной платы». Бесспорно, учитывая требования слева, Джолитти пользовался — и весьма искусно — орудием социальной демагогии. Однако, как уже отмечалось, он отдавал се-

[34] *R. Rigola.* Storia del movimento operaio italiano. Milano, 1947, p. 192—197.

[35] Discorsi parlamentari di Giovanni Giolitti, v. 2. Roma, MCML, III, p. 627—628.

бе отчет в необходимости стимулировать экономическое, и прежде всего индустриальное, развитие страны. В то же время он понимал и важность той роли, которую рабочие массы играли в жизни страны как решающий фактор экономического прогресса. С этим представлением была связана и его либеральная концепция «рабочего вопроса», содержавшая в сущности консервативную идею: благоразумными уступками, тактическими союзами добиться «сотрудничества труда и капитала» в интересах господствующих классов. В той же речи Джолитти недвусмысленно заявлял: «От нас, главным образом от отношения конституционных партий с народными классами, зависит, станет ли движение этих классов новой консервативной силой или разрушительным ураганом, угрожающим судьбам родины» [36].

Речь Джолитти открывала, таким образом, путь либеральной эволюции, иными словами, выдвигала политическую альтернативу обанкротившейся политики репрессий и осадного положения.

Правительство Саракко не выдержало натиска справа и слева и 7 февраля 1901 г. подало в отставку.

К власти пришло правительство Дзанарделли, в котором главной политической фигурой стал министр внутренних дел Джованни Джолитти.

*

Министерство Дзанарделли, просуществовавшее с февраля 1901 г. по октябрь 1903 г., положило начало новой, либеральной ориентации итальянских правящих кругов. И хотя вновь сформированное правительство не отличалось сколько-нибудь значительно от предыдущего практической программой или составом (наряду с либералами типа Дзанарделли и Джолитти в него входили и представители правых консервативных кругов), однако с первых же шагов ему оказались свойственны новые существенные черты. Так, правительственная декларация, возвещавшая новый политический курс, более расширительно трактовала «принципы свободы», распространяя их на так называемые низшие сословия: она обещала трудящимся свободу организации и уважение их законных прав. Новым важным моментом было то, что вновь созданное правительство впервые опиралось в парламенте на левые фракции. Большинство в 264 голоса (против 184), поддержавшее министерство Дзанарделли — Джолитти, включало помимо конституционной фракции также депутатов «Крайней левой», в том числе депутатов-социалистов. Таково было новое политическое равновесие, создавшееся в результате взаимодействия разнородных классовых сил.

[36] Ibid., p. 633.

Новый либеральный курс стал осуществляться сразу же. Как в экономической, так и в социально-политической области он преследовал в конечном счете вполне определенные цели, хотя реализовался в достаточной степени стихийно, эмпирически и не без глубоких подчас противоречий. Его основное назначение заключалось в том, чтобы расчистить путь индустриальному развитию Италии, оздоровить государственные финансы, обеспечить укрепление социальных и политических основ буржуазного государства и, наконец, активизировать внешнюю политику, дабы Италия могла во всеоружии выступить на накаленной конфликтами международной арене.

В десятилетие так называемой либеральной эры, в особенности в 1906—1909 гг., когда полнее утвердилась политическая система Джолитти, в Италии действительно были достигнуты результаты, которые, как уже показывалось выше, существенно изменили ее экономический, а следовательно, и социальный облик. В этих преобразованиях, в особенности в возникновении и росте новых, экономически все более сильных и политически агрессивных капиталистических сил, с одной стороны, в росте рабочего класса, усилении его боевитости и сознательности, с другой,— заключались решающие причины будущего кризиса политики Джолитти, крушения его системы «политического равновесия», важным звеном которой была его концепция об особой роли и функциях государства. Сторонник решительного государственного вмешательства в сферу экономических и социальных отношений, Джолитти утверждал, что именно государству надлежало быть полновластным хозяином в стране, и в случае необходимости оно должно было обуздывать деятельность капиталистических групп, проявлявших чрезмерную автономию, или консервативных земельных собственников, упрямо цеплявшихся за прошлое. Что же касается социально-политической области, то Джолитти объявлял обязанностью государства осуществление «умиротворяющей и подчас даже примиряющей деятельности» в боях между трудом и капиталом, а задачей правительства — быть «беспристрастным покровителем» всех классов общества [37].

Однако, что бы ни думал и ни говорил Джолитти о «надклассовом государстве», о его функции «беспристрастного арбитра» в конфликтах общественной жизни, либеральный министр выражал объективно интересы и волю правящих классов, точнее, наиболее сильных, «современных» капиталистических групп. Верно, что созданная им политическая система опиралась на «подвижное парламентское большинство» (состав которого становился все более консервативным, причем не без участия самого Джолитти),

[37] *G. Giolitti.* Memorie della mia vita, p. 165, 166.

на послушный централизованный аппарат и на «местные» кадры лично преданных ему приверженцев. Вся эта система, включавшая также беззастенчивые методы подкупа и коррупции, позволяла Джолитти крепко держать в своих руках бразды правления (и тогда, когда он был премьер-министром, а также в значительной степени тогда, когда он отходил от власти). Однако не было тайной, что по крайней мере в первое десятилетие либерального правления за влиятельным министром внутренних дел, а затем и всесильным премьером стояли заправилы Коммерческого банка, а также связанные с ним магнаты хлопчатобумажной промышленности, металлургии, судостроения, сахарного треста, от которых во многом и зависел общий политический курс и в особенности направление экономической политики.

Но поначалу пришедшее к власти правительство Дзанарделли — Джолитти заявило о намечавшемся политическом повороте вовсе не изменением экономической ориентации. В деятельности его на первый план выступил социальный аспект «нового курса», осью которого было фактическое признание права рабочего класса на организацию и свободу стачек [38], провозглашение беспристрастности, «нейтралитета» государства и полицейских сил в конфликтах между трудом и капиталом.

Разумеется, не эти новые установки либерального министерства явились причиной того взлета массового движения, которым ознаменовался первый год нового столетия. Невыносимые условия существования, в которых пребывали массы и на пороге нового века, неумолимо толкали их на путь борьбы. Непосильный труд, продолжительность которого колебалась в пределах от 10 часов в металлургии и машиностроении до 16 часов в отраслях, где преобладало мелкое производство, нищенская заработная плата, низкие ставки которой закреплялись наличием громадной резервной армии рабочей силы, наконец произвол хозяев и почти полное отсутствие социального законодательства — таковы тяжкие условия труда, на которые были обречены свыше 2,5 млн. рабочих, занятых в различных отраслях итальянской промышленности. Еще мучительнее была участь сельскохозяйственных пролетариев, находившихся в двойной кабальной зависимости от землевладельцев и арендаторов-посредников: полуголодное существование, изнурительный труд от зари до зари, часто в болотистых, малярийных районах, постоянные, нередко безрезультатные поиски работы и в качестве последнего выхода — эмиграция, мучительный труд на чужбине.

В изменившейся политической обстановке движение трудящихся развернулось с небывалой еще силой. Волна забастовок прокати-

[38] Юридически свобода союзов и стачек была признана еще в 1899 г., но этой свободы не существовало на деле.

лась по стране: 1034 забастовки в промышленности и 629 в сельском хозяйстве, в которых участвовало соответственно 189 271 и 222 985 чел., а следовательно, в общей сложности 1663 забастовки и 412 256 забастовщиков [39]. Таков был в 1901 г. размах забастовочного движения; он застал имущие классы врасплох, вызвал в их среде глубокую растерянность и страх. Сильное впечатление произвело, в частности, массовое выступление крестьян, вставших на путь организованной борьбы. «Забастовочное движение, издавна укоренившееся в промышленности,— констатировал Джолитти во время бурных парламентских дебатов,— перекинулось теперь на деревню. Именно потому, что речь идет о новом явлении, оно встревожило консервативные классы» [40]. Сотни тысяч крестьян поднялись на борьбу в долине По, в деревнях Ломбардии, в провинциях Мантуя и Кремона, где в 51 общине развернулась всеобщая забастовка, и, наконец, в прежде не тронутых стачками районах Центральной и Южной Италии.

Особенностью движения были его наступательный характер, а также упорство и продолжительность забастовок, подавляющая часть которых завершилась победой бастующих. Увеличение заработной платы, которого добились бастующие, составило в 1901 г. 150 млн. лир. Наконец, хотя большинство стачек (примерно 900 из 1034 [41]) явилось результатом стихийного порыва, инициативы «снизу», движение отличалось значительно большей, чем в прежние годы, организованностью, сплоченностью, дисциплиной. Еще сильнее эти тенденции сказались в позднейшие годы

Подъем массового движения выразился в 1901—1902 гг. и в другом: именно в эти годы были заложены основы профсоюзной организации современного типа, какой явились отраслевые федерации. Большинство этих федераций (21 из 25), в том числе и такие крупные, как федерация железнодорожников, текстильщиков и металлургов, возникли в 1900—1903 гг. и насчитывали в общей сложности свыше 200 тыс. членов [42]. Еще значительнее, после выигранной в Генуе битвы, был процесс развития Палат труда: число их возросло с 9 в 1900 г. до 58 в 1901 г. и 71 в 1902 г., когда Палаты труда охватывали уже 284 430 членов [43]. Отражая специфическую черту итальянского рабочего движения, Палаты труда, объ-

[39] Ministero di agricoltura, industria e commercio. Statistica degli scioperi avvenuti nell'industria e nell'agricoltura durante il 1901. Roma, 1904, p. XX, XL. Для сравнения следует учесть, что в 1900 г. произошло всего 410 забастовок, в которых участвовало лишь 80 858 чел. (*R. Rigola*. Op. cit., p. 214).

[40] Discorsi parlamentari di Giovanni Giolitti, v. 2, p. 652—653.

[41] Statistica scioperi, 1901—1905 tav. VII, p. 64—65.

[42] *G. Procacci*. La lotta di classe in Italia agli inizi del secolo XX. Roma, 1970, p. 25—28.

единявшие трудящихся данного города или сельской местности независимо от профессии, вопреки декларируемой ими «аполитичности», носили на деле бесспорно политический характер, выступая (как это имело место в Генуе и многократно впоследствии) в защиту не только экономических требований трудящихся, но и политических прав и свобод широких слоев населения.

В 1902 г. на совместном съезде профессиональных федераций и Палат труда был создан Центральный секретариат сопротивления, объединявший 480 тыс. чел.; из них примерно половину составляли крестьяне[44]. Тяга сельских масс к объединению, к организации привела к созданию широкой сети крестьянских лиг, охватившей к началу века всю страну. На основе этих лиг в конце ноября 1901 г. возникла Национальная федерация трудящихся земли, объединявшая 704 лиги с числом членов 152 122 чел.[45].

После первоначального замешательства, вызванного неожиданным размахом движения масс, консервативные силы не замедлили перейти в контрнаступление. То была яростная, ожесточенная реакция всех кругов — придворной знати, крупной буржуазии, земельных собственников (в особенности Юга), которым эта «пробудившаяся новая Италия», выступавшая на авансцену истории, внушала ненависть и страх. Уже в июне 1901 г. в парламенте оппозиция атаковала правительство, и прежде всего министра внутренних дел, настаивая на прекращении «пагубной» политики, якобы толкавшей массы на «безрассудство» забастовок.

Но правительство Дзанарделли в основном выдержало натиск консерваторов. При обсуждении бюджета министерства внутренних дел Джолитти решительно отстаивал либеральный курс, взятый правительством. Подтверждая тезис о «нейтралитете государства» в социальных конфликтах, Джолитти доказывал правомерность забастовок не только как средства стимулирования экономического прогресса, но и как законного средства улучшения условий труда и существования обездоленных масс и, следовательно, достижения «социального мира», столь необходимого для укрепления основ господствующего строя. В значительной мере благодаря занятой Джолитти и поддержанной Дзанарделли позиции правительство получило в палате депутатов большинство в 264 против 184 голосов, закрепив за собой поддержку «Крайней левой», в том числе и социалистической партии.

[43] *R. Rigola*. Op. cit., p. 220—221. Согласно данным Дж. Прокаччи, в 1900 г. насчитывалось 14 палат труда, в 1901—57, в 1902—76 (*G. Procacci*. Op. cit., p. 53, n. 1).

[44] *L. Valiani*. L'Italia dal 1876 al 1915.— «Storia d'Italia». Torino, 1960, p. 531.

[45] Lotte agrarie in Italia. La Federazione nazionale dei lavoratori della terra 1901—1926. A cura di Zangheri. Milano, 1960, p. 6—7.

Однако наступление консервативных сил не прекращалось. Особенно яростным оно было в деревне. Землевладельцы пытались теперь свести на нет завоевания крестьян. Все чаще прибегали они к массовым увольнениям, замене бастующих штрейкбрехерами, которых привозили из отдаленных мест, к урезыванию оплачиваемого рабочего времени, шантажируя бастующих страшной угрозой безработицы.

Но и сопротивление бастующих оставалось в эти трудные месяцы 1902 г. по-прежнему упорным, преисполненным воли к борьбе и победе. Таковым было выступление железнодорожников, которые решили организовать всеобщую забастовку в случае отказа железнодорожных компаний принять их требования о повышении зарплаты, изменении условий труда, обеспечении норм безопасности и др. Ссылаясь на «общественную значимость» транспорта, правительство, вопреки декларациям о «нейтралитете», поспешило вмешаться в разгоравшийся длительный конфликт (февраль — март 1902 г.) и объявить «милитаризацию», т. е. призыв на военную службу, значительной части рабочих и служащих железных дорог. В то же время оно вынуждено было оказать давление на частные компании, побудив их пойти на уступки. При этом, оберегая интересы последних, правительство обязалось покрыть бо́льшую часть издержек, связанных с повышением заработной платы, средствами государственной казны [46]. Оно сделало это, как отметил тогда же Джолитти, «в интересах сохранения общественного порядка».

Упорной была и борьба туринского пролетариата: ее начали в феврале 1902 г. рабочие-газовщики, требовавшие улучшения условий труда. Когда же газовые компании заменили бастующих солдатами, а против тысячной демонстрации солидарности была брошена кавалерия, в Турине вспыхнула всеобщая забастовка [47]. В 1902 г. произошли забастовки 6500 металлистов флорентийского завода «Пиньоне» и текстильщиков предприятий в области Комо и в Монце, однако эти стачки, натолкнувшись на ожесточенное сопротивление предпринимателей и подорванные нерешительной позицией профсоюзных лидеров, потерпели поражение.

Еще более сильным ударам подверглось движение сельскохозяйственного пролетариата. Обреченной оказалась длительная и упорная борьба крестьян в районах Полезины и Мантуи, как и в ряде других мест. Земельные собственники не только не пожелали пойти хотя бы на малейший компромисс, но избрали основным объектом наступлений самые крестьянские лиги. Национальная федерация трудящихся земли, насчитывавшая в первые месяцы

[46] *L. Guerrini*. Organizzazione e lotte dei ferrovieri italiani (1862—1907). A cura del Sindacato ferrovieri italiani, v. I. Firenze, 1957, p. 191—198.

[47] *P. Spriano*. Op. cit., p. 100—107.

1902 г.—227 791 члена, сохранила в 1903 г. в своих рядах лишь 45 тыс. чел. и лишь в последовавшие за тем годы медленно начала снова набирать силу [48].

В свете происходивших в 1902 г. классовых боев яснее начали определяться и позиция либерального правительства, и классовая ограниченность его буржуазного реформаторства. Правда, еще в марте-апреле 1902 г., в самый разгар борьбы, Джолитти, отвечая в палате и сенате на враждебные интерпелляции правой оппозиции, настаивал на закономерности и законности стачечного движения. Но при этом он проводил четкую грань между дозволенными и противозаконными, по его мнению, выступлениями масс; противозаконными он считал забастовки и выступления, которые посягали на «свободу труда», т. е. препятствовали применению труда штрейкбрехеров [49].

Но как искусно Джолитти ни лавировал, он не мог, естественно, примирить и тем более устранить антагонистические силы и глубокие противоречия итальянской действительности. Тщетно он стремился одолеть их созданием сплоченного правящего блока, опиравшегося на широкую основу,— блока, которому удалось бы «поглотить», вернее — обезоружить, социальные силы и политические течения, представлявшие угрозу осуществлению его «либерального курса» как справа, так, особенно, слева. Стремление это было в значительной мере утопичным. Нереальными были расчеты на сколько-нибудь прочный компромисс между рабочими и предпринимателями (не говоря уже о примирении, а тем более — о «сотрудничестве» классов в сфере производства). Со всей очевидностью это обнаружилось в последующие годы и с особой силой в канун мировой войны. Еще менее реальным было ослабление противоречий, раздиравших итальянскую деревню, поскольку помещичьи классы, как явно показали события 1902 г., яростно сопротивлялись преобразованию земельных отношений и освобождению крестьян от полуфеодальных форм эксплуатации. Этой позиции они, несомненно, придерживались и в дальнейшем. Джолитти же отступил в 1902 г., как, впрочем, отступал и позже, перед непримиримостью земледельческих классов.

Более того, тот же Джолитти, который провозглашал принцип «нейтралитета» и «умиротворяющего посредничества» государства в конфликтах между трудом и капиталом, ни в те первые, ни в последующие годы либерального правления не распространял этот принцип на классовые бои за землю: «бунтующих» крестьян —

[48] В 1904 г. она объединяла 70 000, а в 1913 — даже 159 243 члена (Statistica delle organizzazioni dei lavoratori al 1° gennaio 1913. Roma, 1914, p. 151).

[49] Discorsi parlamentari di Giovanni Giolitti, v. 2, p. 686—687.

чаще всего это происходило на Юге страны, не «умиротворяли» с помощью «посредничества» властей, а жестоко усмиряли вооруженной силой [50].

Консервативное отношение либерального правительства, и в частности Джолитти, к столь важной проблеме национальной жизни, какой являлась крестьянская проблема, не было случайностью и не объяснялось лишь традиционными для либеральной буржуазии представлениями, проявлявшимися еще в эпоху Рисорджименто. Основная причина такой политики заключалась в реальных факторах: в самой структуре государственной власти, которая опиралась на компромисс буржуазии и «феодальных» помещиков, на силу и влияние, которые последние, несмотря на известное изменение в соотношении сил, сохраняли еще в правящем блоке.

В результате и в годы либерального правления в итальянской деревне сохранялись отсталые земельные отношения, пропасть между Севером и Югом не только не устранялась, а все более углублялась, вопросы аграрный и южный оставались источником острейших классовых конфликтов. «Новый курс» обнаруживал свою органическую слабость. Впрочем, Джолитти сам признавал в 1902 г., что «либеральная система вступала в конфликт с определенными интересами наиболее состоятельных классов и возбуждала в трудящихся массах надежды, идущие значительно дальше того, что было реально осуществимо» [51].

Отсюда сочетание либеральных тенденций и беззастенчивой социальной демагогии, либерального отношения к наболевшей социальной проблеме и политики «твердой руки» в деле обеспечения «порядка». К тому же Джолитти, остававшийся прежде всего представителем и защитником интересов господствующих классов, вовсе не предполагал расширять рамки предоставляемой народу свободы далее весьма определенных, контролируемых «сверху» пределов. Отсюда и ограниченность реформаторской деятельности нового правительства. Неоднократно провозглашавшаяся готовность осуществлять «социальные» реформы свелась по существу в эти годы лишь к некоторым сравнительно скромным нововведениям. Закон 1902 г. ввел новые нормы, ограничившие применение женского и детского труда [52].

[50] *R. Villari.* Il sud nella d'Italia. Bari, 1961, p. 312—313.

[51] Discorsi parlamentari di Giovanni Giolitti, v. 2, p. 721.

[52] Согласно закону, запрещалось принимать на работу детей в возрасте моложе 12 лет (вместо прежних 9 лет), на шахтах — детей моложе 14 лет. Женский труд на шахтах был вовсе запрещен. Кроме того, для детей в возрасте менее 15 лет рабочий день не должен был превышать 11 часов, а для женщин — 12 часов. Наконец, предусматривались льготы для работниц в период беременности.

Значение этого закона, за принятие которого социалистическая партия провела широкую кампанию, объяснялось высоким удельным весом женского и детского труда в Италии (женщины и дети составляли свыше 40% общего количества лиц, занятых в итальянской промышленности). Был также принят закон, предусматривавший обязательное страхование рабочих от несчастных случаев на производстве, учреждено Бюро труда, сократился налог за муку и т. д. Однако все это были лишь робкие меры, в то время как страна нуждалась в глубоких преобразованиях. Между тем даже налоговая реформа, предложенная в июле 1901 г. министром финансов Волленбергом (выступившим за упразднение особенно тяжких косвенных налогов, взамен которых он предполагал ввести налог на биржевые сделки и пр.), встретила столь резкое сопротивление в совете министров и стоявших за ним влиятельных кругах, что министру пришлось подать в отставку. Отказом были встречены и требования партий «Крайней левой» о сокращении военных расходов.

Но ярче всего классовая сущность правительственной политики проявлялась в поистине железной непреклонности, с которой министр внутренних дел обеспечивал то, что он называл «общественным порядком». С санкции Джолитти, а нередко по его прямому указанию префекты и полиция под предлогом «защиты свободы труда» или «восстановления порядка» осуществляли кровавые расправы над безоружными крестьянами. Уже в 1901—1902 гг. многократно лилась кровь бастующих батраков: в июне 1901 г. в Берре, в провинции Феррары, а затем трижды в 1902 г. на Юге страны, в селах Апулии и Сицилии.

В итоге по истечении почти двух лет «либерального правления» накопился двойственный, противоречивый опыт, который не мог не отозваться столь же двойственной, противоречивой реакцией итальянского общественного мнения.

В той мере, в какой политика Джолитти примиряла с собой оппозицию справа, она вызывала разочарование и брожение в массах и усиливала разногласия в партиях «Крайней левой».

Особенно острым было положение, создавшееся в социалистической партии. Со времени Римского съезда в партии усилилось революционное течение, все решительнее выступавшее против партийного руководства. Назревавшая в партии идейная борьба вспыхнула с особой силой в связи с тем, что в июне 1901 г. социалистическая фракция голосовала в палате за доверие правительству

К 1902 г. стало оформляться левое течение, так называемые «непримиримые», все решительнее выражавшее стихийный революционный протест партийных «низов» против политики соглашательства и классового сотрудничества с буржуазией. Оно объединяло отдельные группы и фракции, во главе которых стали весьма

различные по своим качествам лидеры. В Риме одним из видных представителей «непримиримых» был Энрико Ферри, поднявшийся в разряд лидеров на волне нараставшего в партии недовольства политикой реформистов, а также благодаря присущим ему личным качествам — властному нраву и ораторским способностям наряду с изрядной долей тщеславия и авантюризма. В самом начале 1902 г. он начал издавать журнал «Сочиализмо», в первом номере которого, критикуя «либералов у власти», он призывал социалистическую партию отказаться от «министериалистских поползновений и вернуться к своей миссии зачинателя и побудителя..., опираясь на давление организованного экономически и политически пролетариата» [53]. Другим центром оппозиционно-революционных настроений была неаполитанская газета «Пропаганда», объединявшая значительную группу интеллигентов-южан, среди которых выделялся Артуро Лабриола. Весьма острые формы приняла в тот период борьба в миланской социалистической федерации. Турати, Кулишова, Тревес и другие сторонники реформистского течения (всего 60 чел.), атакуемые слева газетой Вальтера Мокки «Ационе сочиалиста», вышли из состава федерации и образовали Миланский социалистический союз.

В марте 1902 г. социалистическая фракция снова поддерживала правительство при голосовании вопроса о доверии. Реформистские лидеры заняли неодобрительную позицию по отношению к забастовкам, возмутившую революционное крыло партии и вызвавшую удовлетворение в консервативных кругах. А затем произошли новые кровавые столкновения и расстрелы батраков в Южной Италии. Не случайно поэтому очередной съезд социалистической партии, состоявшийся в Имоле в сентябре 1902 г., стал ареной ожесточенного столкновения сложившихся в партии течений.

Реформистская позиция отстаивалась ее сторонниками с помощью аргументации, которую они упорно развивали в течение ряда лет. Указывая на необходимость дифференцированного подхода к неоднородной по своему характеру и составу буржуазии, они обосновывали целесообразность союзов с буржуазными партиями и поддержки либерального правительства, чем в сущности лишали социалистическое движение своей классовой самостоятельности и объективно подчиняли гегемонии буржуазии. Они подчеркивали необходимость использования реформ для расширения рамок легальности и для воспитания отсталых еще масс. Свои доводы они подкрепляли ссылкой на реальные результаты, достигнутые рабочим движением в первые два года «либерального правления».

Атаковавшие их «непримиримые» (революционеры) с полным основанием выступали против увлечения дарованными «сверху» ре-

[53] «Il Socialismo», 25 febbraio 1902.

формами и требовали, чтобы социалистическая партия «вела впредь независимую линию, обособленно от других социальных классов и групп, как и политических партий»[54]. Однако установки эти, не подкрепленные конкретной программой действий, не могли увлечь делегатов, находившихся все еще в плену реформистских иллюзий. К тому же «непримиримые» вслед за реформистами взывали к единству партии, которое, и по их мнению, следовало безоговорочно сохранять и укреплять.

Голосование подтвердило, сколь значительным был еще перевес реформистов: предложенная Бономи резолюция, включавшая тезис о постепенном преобразовании итальянского общества и одобрявшая поддержку правительства, предотвратившую возможный возврат реакции, была принята подавляющим большинством голосов, в то время как резолюция Ферри, Лабриолы и других «непримиримых» была отвергнута 456 голосами против 297 при 14 воздержавшихся[55].

Приветствуя результаты голосования, орган реформистов «Критика сочиале» писала: «Съезд бесповоротно расчистил нам путь... Победа прорвалась неудержимо, подобно лавине»[56]. Однако последующие годы опровергли радужные представления реформистов. Под покровом единства в партии нарастал идейный кризис, отражавший резкое обострение классовых и политических противоречий в стране.

Первое двухлетие «либеральной эры» с его реальными политическими переменами и иллюзорными надеждами сменилось новым периодом классовой борьбы, в котором яснее выявились не только истинное значение достигнутого, т. е. ограниченность конкретных преобразований и беспочвенность непомерных иллюзий, но и неодолимая сила противоречий, присущих итальянскому обществу.

В 1903 г. экономическое положение страны начало ухудшаться: помимо внутренних причин, сказалось воздействие неблагополучной международной конъюнктуры (падение цен и пр.). Наметился спад производственной и торговой деятельности, коснувшийся текстильной и особенно шелковой промышленности.

В сельском хозяйстве развертывавшийся кризис повлек за собой сокращение и без того нищенской заработной платы и дальнейший рост «резервной армии» труда.

54 *A. Angiolini*. Socialismo e socialisti in Italia. Roma, 1966, p. 409.

55 Il Partito Socialista Italiano nei suoi Congressi, v. I, p. 168; *A. Angiolini*. Op. cit., p. 410.

56 «Critica Sociale», Settembre 1902.

Недовольство, гнев, отчаяние охватывали массы. В деревнях Южной Италии вспыхивали крестьянские волнения, кончавшиеся кровавой расправой. Вслед за сентябрьским расстрелом батраков в местечке Кандела (провинция Фоджа), когда от огня карателей пало 5 человек и 10 было тяжело ранено, в новом столкновении в сицилийской деревне Джарратана 13 октября 1902 г. было убито два батрака и ранено 50, а в начале 1903 г. дважды —23 февраля в Петаччато и 14 марта в Путиньяно (область Апулия)— жертвами полицейской расправы стали безработные крестьяне. На протяжении многих месяцев вести о драматических эпизодах классовой борьбы не сходили со страниц газет разного направления; эпизоды эти были предметом жарких парламентских дебатов, волнующих уличных манифестаций. В данной связи два вопроса снова выдвигались в центр внимания общественности: южный вопрос и связанный с ним вопрос о политике правительства по отношению к трудящимся вообще, к крестьянским массам Юга в особенности.

Как решать тревожную проблему экономической и политической отсталости южных областей страны? Этой задачей, впервые официально объявленной всеобщей «национальной обязанностью», занимались, исходя из разных позиций, многие государственные и политические деятели. Глава правительства Дзанарделли предпринял путешествие по обездоленной Базиликате, видный либеральный деятель Ф. С. Нитти выступил с планом индустриализации Неаполя, а лидер консервативной оппозиции Соннино, критикуя бездействие правительства, предлагал сокращение налогообложения земельной собственности (т. е. латифундий), что, по его мнению, должно было стимулировать подъем сельского хозяйства.

Острые дебаты возникли в этой связи и в социалистической партии, в рядах которой отношение к южному вопросу являлось одним из мотивов все более четкого размежевания течений. Неаполитанская газета «Пропаганда» в полемике с реформистами осуждала безразличие последних к судьбам Юга, недооценку ими возможности роста социалистической партии в южных районах страны, а в том, что касалось предложений Соннино, критиковала колеблющуюся позицию реформистов, отвергавших эти предложения, ибо, указывала «Пропаганда», они опасаются всего, что может нанести удар правительству Дзанарделли — Джолитти. Подчеркивая, что социалистическая партия должна выработать собственную программу, «Пропаганда» считала, что вместе с тем следует поддержать те предложения, которые с ней согласуются, и оценивать их, руководствуясь объективными критериями, а отнюдь не «министериальными симпатиями» [57].

[57] «Propaganda», 11. I—12. II 1903.

Таким образом, в центре разгоревшейся в партии дискуссии стоял и в данном случае вопрос об отношении к правительству Дзанарделли — Джолитти, точнее, об оценке его «либерального эксперимента».

К весне 1903 г. недовольство, овладевшее массами, приняло столь острые формы, что дальнейшая поддержка правительства социалистами угрожала партии серьезными последствиями. К тому же со времени съезда в Имоле идейная борьба в ее рядах резко усилилась. Помимо неаполитанской группы «Пропаганда» теперь существовал и другой антиреформистский центр, возникший в декабре 1902 г. в Милане, впрочем, также по инициативе социалистов-южан. Покинув родной Неаполь, Лабриола, в это время один из признанных лидеров «непримиримых», переселился в Милан, чтобы дать бой реформистскому «северному социализму» в его собственной цитадели. Связывая Неаполь и Милан, он предполагал придать борьбе с реформизмом общенациональный характер. Опираясь на идейную поддержку Вальтера Мокки (как и он — уроженец Юга и сторонник «непримиримых»), Лабриола основал здесь газету «Авангуардиа сочиалиста», вскоре завоевавшую немалую популярность. Позиция южных социалистов, не веривших в реформы буржуазного правительства и отвергавших какие бы то ни было соглашения с буржуазными элементами, нашла сочувственный отклик у социалистов Милана, в частности у Костантино Ладзари, ставшего одним из сотрудников новой газеты. Подобно «неаполитанской партии»,— как именовал Лабриола южную оппозиционную группу,— миланские «непримиримые», поддерживавшие «Авангуардиа сочиалиста», выражали в ошибочной сектантской форме революционный по сути протест против политики «классового сотрудничества», проводимой реформистами.

В результате политическое равновесие, достигнутое было за два года до этого на основе взаимодействия либерализма и реформизма, к весне 1903 г. оказалось нарушенным. 23 марта парламентская фракция социалистической партии решила отказаться от «благожелательного нейтралитета» и перейти в оппозицию к правительству. Ее примеру последовали республиканцы, среди которых еще в 1902 г. выделилось течение, противившееся дальнейшему сотрудничеству с правительством Дзанарделли — Джолитти.

Вскоре новое обстоятельство отразило изменившуюся обстановку внутри социалистической партии: острый финансовый кризис, переживаемый «Аванти!», дал повод для выявления нараставшего в партии сопротивления политической линии газеты. Атакуемый местными организациями редактор газеты Л. Биссолати вынужден был подать в отставку, которую руководство партии приняло вопреки протестам реформистов. 3 апреля его сменил Э. Ферри. Смысл переворота в редакции «Аванти!» был вполне очевиден: направле-

ние газеты должно было соответствовать происшедшему полевению партийных низов. Этот факт — а в еще большей мере переход левых фракций в оппозицию — свидетельствовал о политической радикализации масс и в об ослаблении позиции правительства в парламенте и стране.

Недовольство общественного мнения вызывала не только внутренняя политика кабинета Дзанарделли. Неясным, колеблющимся представлялся и внешнеполитический курс правительства. С приходом этого кабинета к власти Италия, лавируя между Тройственным Союзом (в рамках которого трудно было преодолеть разделявшие ее противоречия с Австро-Венгрией) и другими великими державами, все решительнее стала сближаться с последними. В июне 1902 г., согласившись возобновить договор о Тройственном союзе, Италия одновременно заключила соглашение с Францией (оставшееся в тайне до 1 ноября того же года), которое формально не противоречило Тройственному Союзу, однако фактически сводило на нет обязательства Италии по отношению к ее союзницам [58]. Не случайно также, что первый визит, который, согласно традиции, молодой король нанес иностранным государствам, привел его в Петербург, ибо Итальянское королевство стремилось установить прочные дружественные отношения с Россией. В то же время со стороны Италии, а также и Англии была проявлена готовность к укреплению отношений между обеими странами, что, в частности, засвидетельствовано было во время посещения Рима Эдуардом VII весной 1903 г. На этом пути итальянские правящие круги надеялись успешнее всего реализовать экспансионистские планы, связанные с Балканским полуостровом, где главным объектом их агрессивных устремлений являлась Албания.

Весной 1903 г. не только в правящих сферах, но и в близких к ним политических кругах усилилось недоверие к австрийской союзнице, в которой не без основания видели главного противника проникновения Италии на Балканы. В палате депутатов и в официозной печати выражалось беспокойство и раздражение по поводу наступательной внешней политики Австро-Венгрии и решительно ставился вопрос о компенсации, которую следовало бы получить Италии в случае расширения австрийских владений. При этом столь же решительно и без обиняков велась речь об итальянских притязаниях на Адриатическое побережье. Во время посещения Рима кайзером Вильгельмом II в мае 1903 г. Виктор Эммануил III подчеркнул, что «Италия не может позволить какой-либо другой державе, Австро-Венгрии в особенности, утвердиться в Албании. Вы-

[58] По условиям этого соглашения, Италия обязывалась соблюдать «строгий нейтралитет» в случае, если Франция подвергнется нападению или если она вследствие прямого вызова окажется вынужденной объявить войну.

садка ее в Валоне, отделенной лишь узкой морской полосой от итальянского побережья, означала бы конец итальянской династии»[59].

В этих условиях трудно было рассчитывать на ослабление итало-австрийских противоречий и на упрочение Тройственного союза, а тем более на рост его популярности в стране. Более того: встречая то скрытую, то явную поддержку двора и влиятельных кругов, оживилось антиавстрийское ирредентистское движение, которое, хотя и опиралось на патриотические традиции времен Рисорджименто, однако чем дальше, тем откровеннее принимало агрессивный националистический характер, отражая идеологию зарождавшейся империалистической буржуазии. В конце мая 1903 г. волна антиавстрийских демонстраций прокатилась по всей Италии.

Дипломатические осложнения назревали и на другом внешнеполитическом участке. Важным элементом итальянской внешней политики было, как уже отмечалось, сближение с царской Россией, что обусловливалось прежде всего итало-австрийскими противоречиями. В заявлениях итальянских официальных лиц неизменно подчеркивалось желание укреплять отношения с Россией, что, впрочем, встречало благоприятный отклик в Петербурге[60]. В этом плане в итальянских правящих кругах придавалось особое значение ответному визиту Николая II в Рим. Однако официозной пропаганде нелегко было создать вокруг ожидавшегося приезда русского царя атмосферу формальной торжественности, а тем паче — искреннего радушия.

Вопреки предположениям, будто далекая Россия остается для европейского общественного мнения «малоинтересным незнакомцем»[61], на деле эта страна, ее народ возбуждали в Италии живой, все возраставший интерес.

Правда, необозримая Российская империя с ее сложной, драматической историей действительно оставалась для итальянцев во многом неведомой и непостижимой. Однако в начале XX в. судьба России теснее, чем когда бы то ни было прежде, переплеталась с судьбами других стран — столь важна была ее роль в международной политике, столь велики были отзвуки ее внутренних событий и значимость передовой русской культуры в европейской общественной жизни. Сильнее же всего действовала на воображение и чувства итальянцев героическая борьба русского народа против гнета самодержавия.

[59] L. *Albertini.* Venti anni di vita politica, v. I. Bologna, 1950, p.118—119.

[60] Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. Канцелярия, 1903 г., оп. 470, д. 92, т. I, лл. 101—102; 104—105; там же, д. 92, т. II, лл. 262—266.

[61] «Искра», 15. VIII 1903.

Не только социалистическая печать, но и газеты других направлений все чаще и подробнее освещали происходившие в России события, в особенности нараставшее там рабочее революционное движение. Весной 1903 г. неожиданное происшествие взволновало итальянское общественное мнение: в Неаполе был арестован прибывший из Парижа русский революционер Моисей Гоц, причем арест его, как сообщалось в печати, был произведен по настоянию Петербурга, официально потребовавшего выдачи арестованного. Социалистическая партия повела решительную кампанию в защиту Гоца: выступая в партийной печати, на массовых митингах в Неаполе и в Милане, социалисты добивались немедленного его освобождения. В результате итальянские власти не решились удовлетворить требование о выдаче Гоца. Суд отверг это требование, и Гоца освободили из-под стражи.

Волнение, возбужденное делом Гоца, еще не улеглось, когда возобновились официальные переговоры о приезде Николая II в Италию. 5 июня на очередном бурном заседании палаты авторитетный деятель социалистической партии депутат Оддино Моргари выступил с запросом о том, соответствуют ли действительности сведения о приезде царя, и, получив утвердительный ответ, заявил, что «в случае, если царь решится прибыть в Италию, итальянские социалисты его освистают» [62]. Революционное крыло социалистической партии, не поддержанное реформистами, подхватило инициативу Моргари и развернуло широкую газетную кампанию, которая вызвала резкую реакцию правительственной печати.

В то же время официальные круги попытались смягчить впечатление, которое запрос Моргари и решительная позиция «Крайней левой» произвели на царское правительство и самого Николая II. Так, министр иностранных дел просил русского посла Нелидова передать в Петербург, что итальянское правительство преисполнено «негодования и возмущения», а Виктор Эммануил III заверил русского посла, что происшедший в палате инцидент лишен «какого-либо значения» [63].

Политическую обстановку осложнило и другое обстоятельство: на страницах «Аванти!» вновь назначенный редактор Э. Ферри развернул разоблачительную кампанию, направленную против морского министерства и самого министра Беттоло. Газета обвиняла министра в незаконных действиях в пользу предприятий «Терни», которые он небескорыстно обеспечивал выгодными заказами на оборудование для морского флота. Разразился скандал, имевший

[62] Atti del Parlamento italiano. Camera dei Deputati. Sessione 1902—1903, v. IX, p. 8691—8692.

[63] АВПР, ф. Канцелярия, 1903 г., оп. 470, д. 92, т. II, лл. 60—61, 68—72.

серьезные последствия. 10 июня правительство, отклонив предложение о парламентском расследовании дела о морском министерстве, получило при голосовании в палате депутатов лишь небольшой перевес голосов. Ссылаясь на шаткую базу кабинета, Джолитти подал в отставку, развязав тем самым правительственный кризис. Сформированное Дзанарделли новое министерство, в которое Джолитти отказался войти, заведомо не могло овладеть положением. По-прежнему лишенное поддержки «Крайней левой», оно было бессильно решить стоявшие перед ним сложные внутренние и внешнеполитические задачи. Среди них первоочередное значение приобретало обеспечение приезда в Италию Николая II, в чем правящие круги были крайне заинтересованы. Между тем движение против приезда царя в Италию развертывалось в нараставшем темпе и расширявшихся масштабах. Создавались особые комитеты, в которых наряду с социалистами участвовали республиканцы, анархисты, левые радикалы; организовывались митинги, проводились демонстрации, расклеивались прокламации и распространялись листовки. Тщетно правительство принимало меры к тому, чтобы «удержать движение в надлежащих рамках»,— распускало собрания и демонстрации, конфисковывало газеты, арестовывало «подозрительных», чаще всего анархистов, усиливало слежку за русскими эмигрантами.

Значение этого движения было отмечено и за пределами Италии. Международное социалистическое бюро подавляющим большинством голосов (вопреки мнению Ж. Жореса, Р. Фишера и др.) приняло резолюцию, в которой выражало итальянской социалистической партии «чувство своей солидарности» и высказывало «свое отвращение к русскому царизму и его преступлениям» [64]. Кампанию протеста, организованную итальянскими социалистами, приветствовал Г. В. Плеханов, чье интервью, данное газете «Темпо» и перепечатанное «Аванти!», произвело в Италии сильное впечатление [65]. Итальянское правительство было встревожено. Оно удвоило усилия к обеспечению «общественного порядка» и заверяло, что «царю будет оказан наилучший прием». Оно настойчиво добивалось обещанного визита царя, тем более что в связи с разгоревшимся на Балканах македонским конфликтом Италия, домогаясь «роли третьей, наиболее заинтересованной державы... в прямом соперничестве со своей союзницей» [66] Австро-Венгрией, нуждалась в улучшении отношений с Россией. Между тем именно в этот период обострение империалистических противоречий на Балканах и на Дальнем Востоке обусловливало русско-австрийское сближение, благосклонно

[64] «Искра», 15 августа 1903.

[65] Archivio Istituto G. G. Feltrinelli, Fondo Plechanov; «Tempo», 10.X 1903; «Avanti!», 11.X 1903.

[66] АВПР, ф. Канцелярия, 1903 г., оп. 470, д. 110, л. 153.

поддержанное Германией, о чем недвусмысленно свидетельствовала встреча австрийского и русского императоров в 1903 г. в Мюрцштеге. Не случайно об отказе Николая II от поездки в Италию, точнее, об отсрочке этой поездки, было объявлено вскоре же после окончания Мюрцштегского свидания, что, естественно, не могло не подсказать современникам, да и позднейшим исследователям, мысль о непосредственной связи между этими событиями [67].

В дипломатических донесениях и в большей части газет обеих стран в качестве решающего мотива отсрочки называлась враждебная агитация итальянских социалистов. Надо полагать, что в той или иной степени действовали оба мотива. Во всяком случае «Аванти!» не без основания могла заявить: «Мы не поем победных гимнов, но мы констатируем, что впервые в условиях господствующего монархического строя пролетариат смог посредством своей политической организации оказать действенное влияние на события внешней политики. Царь не приедет в Италию, чтобы избежать враждебных манифестаций. В действительности же, отказываясь от поездки, он придает протесту еще бóльшую значимость и торжественность» [68].

Со своей стороны, оценивая исход кампании вокруг визита царя, «Искра» писала: «Мы, русские социал-демократы, можем только радоваться победе итальянских товарищей и благодарить их за энергичную борьбу, ибо эта борьба велась главным образом в нашу пользу...» [69]

Отсрочка визита царя нанесла правительству Дзанарделли тяжкий удар. Столь очевидная внешнеполитическая неудача послужила поводом для ожесточенных атак против кабинета и самого премьера. С разных сторон, но преимущественно справа, правительство обвиняли в непростительной слабости, «весьма пагубной во внутренней политике и подрывающей престиж Италии в мире». В этой обстановке все шире в политических кругах распространялось мнение. что один лишь Джолитти способен восстановить порядок, обеспечить стране прочную власть, внутреннее спокойствие и уважение Европы. Отказавшись от прежнего, резко враждебного или настороженного отношения к Джолитти, к этому мнению склонялась теперь и часть консервативных кругов. Неизбежная в таких условиях развязка была ускорена тяжелой болезнью премьер-министра. 21 октября Дзанарделли подал в отставку. На смену ему пришел Джованни Джолитти.

[67] *A. Labriola.* Storia di dieci anni (1894—1904). Milano, 1910, p. 64; *L. Salvatorelli.* La Triplice Alleanza. Milano, 1939, p. 268—273.

[68] «Avanti!», 14.X 1903.

[69] «Искра», 15. X 1903.

ОБОСТРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В ИТАЛИИ. ПЕРВЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ КРИЗИСА ЛИБЕРАЛЬНОГО КУРСА ДЖОЛИТТИ. ВСЕОБЩАЯ ЗАБАСТОВКА 1904 Г.

Наступил период, когда яснее и четче прежнего определилась сущность того нового либерального режима, который и до этого, а тем более впоследствии связывали с именем Джолитти. Оказавшись во главе кабинета, Джолитти располагал теперь еще большей, чем прежде, свободой действия: казалось, прогрессивные тенденции итальянского либерализма могли теперь развиваться шире и легче, чем в прошлом. Между тем именно теперь, когда Джолитти стал премьером, проявились не только и не столько прогрессивные возможности, сколько ограниченность и непрочность либеральных завоеваний. Более того, стали явственно видны те пределы, за которыми либерализм — в условиях обостряющейся классовой борьбы — может обернуться консерватизмом, а иногда даже реакционностью.

Вернувшись к власти, Джолитти пожелал продемонстрировать верность ранее декларированным либеральным принципам. Он предложил участие в правительстве социалистам и радикалам, хотя сам сомневался в возможности принятия этого предложения социалистами [70].

И действительно, Турати, которому предложили министерский портфель, от участия в кабинете отказался. По его поручению Биссолати в конфиденциальной беседе с Джолитти мотивировал отказ тем, что вступление социалистов в состав правительства по крайней мере преждевременно и не будет понято массами [71]. Несмотря на настойчивые обращения Джолитти, на проявленную им уступчивость в вопросе о возможности сокращения военных расходов, отказом ответили также и лидеры радикалов. В данном случае камнем преткновения оказалось, в частности, намерение Джолитти (затем осуществленное) включить в состав правительства ряд деятелей — Титтони, Луццатти и других, известных своей консервативной или реакционной ориентацией. Однако Джолитти не пожелал уступить в этом, по-видимому, важном для него вопросе.

На деле же политический поворот, о котором возвещал состав сформированного в конце концов кабинета, являлся лишь первым проявлением закономерного хода вещей, отражавшегося в действиях премьер-министра. С этого времени в деятельности Джолитти все ощутимее стала сказываться тенденция к сближению с консер-

[70] Dalle Carte di Giovanni Giolitti. Quarant'anni di politica italiana, v. 2. Milano, 1962, p. 332—333.

[71] Ibidem.

вативными силами в парламенте и за его пределами. С другой стороны, решающими элементами и опорой политической системы Джолитти отныне — чем дальше, тем больше — становились не политические партии, а, как уже отмечалось, менявшееся, но покорное ему парламентское большинство, местные «клиентелы», создававшиеся с помощью заигрывания и беззастенчивой коррупции.

Представшему перед палатой новому кабинету было выражено доверие значительным большинством в 284 (т. е. основной массой либералов и консерваторов) против 117 голосов делегатов «Крайней левой». Итоги голосования подтвердили происшедшие политические сдвиги.

В программной декларации нового кабинета Джолитти провозгласил начало периода социальных, экономических и финансовых реформ [72].

Практически, однако, обещанные им реформы свелись лишь к расширению объема общественных работ путем предоставления государственных заказов производственным и сельскохозяйственным кооперативам и к некоторому увеличению пособий инвалидам и престарелым.

Большее значение имели намеченные правительством мероприятия по стимулированию экономического, в особенности промышленного, развития страны. В этой области предусматривалось возобновление торговых договоров с рядом стран, упорядочение статуса железных дорог, которые предполагалось передать в ведение государства, и, наконец, оздоровление государственных финансов. В дальнейшем правительство действительно осуществило ряд мер, соответствовавших этим программным установкам. Известное внимание было уделено и тяжелому положению Юга, экономический подъем которого, как указывалось в программной декларации кабинета, являлся не только «политической потребностью, но и национальной обязанностью» [73].

Однако все эти словесные посулы да и позднейшие конкретные меры не затрагивали существа проблем, решения которых настоятельно требовала страна. Отражением этих процессов явилось резкое усиление идейной борьбы и все более четкое размежевание течений в социалистическом движении. Влияние «непримиримых» в социалистической партии к этому времени сильно возросло. Они прочно обосновались в Милане, где наряду с местной социалистической федерацией их цитаделью стала Палата труда, завоевали сочувствие туринской секции социалистической партии и пармской Палаты труда, сильной своими связями с батрацкими массами, и, наконец, пользовались неизменно большим влиянием в Неаполе, где

[72] Discorsi parlamentari di Giovanni Giolitti, v. 2, p. 759.
[73] Ibidem.

28. Джованни Джолитти

газета «Пропаганда» по-прежнему решительно противостояла реформизму.

Во второй половине 1903 г. участились случаи раскола партийных федераций. Римская федерация вынесла даже решение об исключении Турати из партии, поскольку его «политическая деятельность направлена против партии» [74]. Это решение не было утверждено руководством партии, но тем не менее вызвало бурную реакцию в реформистских кругах Милана. Таково было положение к началу 1904 г., когда развернулась подготовка к очередному съезду партии.

К этому времени среди «непримиримых» стала определяться тенденция «революционно-синдикалистского» или «анархо-синдикалистского» толка. Ее представляла прежде всего группа «Авангуардиа сочиалиста» во главе с Артуро Лабриолой. В Италии

[74] «Tempo», 30. VII 1903.

революционный синдикализм сложился под влиянием идей французского анархо-синдикалиста Ж. Сореля, которые стали проникать в Италию начиная с 1903 г., хотя на итальянской почве эти идеи претерпели известные изменения. Так, Лабриола уже в своей ранней работе «Реформы и социальная революция» вслед за Сорелем подчеркивал роль насилия в процессе революционного захвата власти и особое значение всеобщей политической стачки, «взрывающей» реформистскую платформу «сотрудничества классов». Но он не отрицал возможности иных путей осуществления социальных преобразований, как и наличия — помимо всеобщей стачки — и других действенных революционных средств. Так, отступлением от «классического» синдикализма являлось признание Лабриолой целесообразности активного участия социалистов в политической, в частности парламентской, борьбе. Наконец, важнейшим элементом синдикалистской концепции Лабриолы было объявление профсоюза «решающим орудием социальной революции» в противовес партии, которая, по его мнению, была обречена на вырождение пагубным влиянием парламентаризма.

Взгляды эти (в том или ином виде разделявшиеся и другими последователями Сореля — Э. Леоне, В. Мокки и др.) вскоре получили в Италии широкое распространение. Но успех синдикализма был бы необъясним без учета стихийного сопротивления и все растущего протеста рабочих и батрацких масс, как и определенной части интеллигенции, преимущественно выходцев с Юга, против реформистского курса Турати и его единомышленников.

Происшедший резкий сдвиг в выступлениях партийных «низов» отразился на итогах съезда партии, состоявшегося в апреле 1904 г. в Болонье и протекавшего в накаленной обстановке. Основное столкновение произошло между сторонниками «Авангуардиа социалиста» и реформистами. Выступавший от имени первых Лабриола, отвергая какие бы то ни было формы сотрудничества с буржуазией («министериализм» реформистов), высказывался в своем проекте резолюции против реформ, которые не затрагивали «основной механизм капиталистического производства», и предлагал использовать против правительства «любые средства нападения и защиты, в том числе и революционное насилие, если этого потребуют обстоятельства». Этому проекту противостояла резолюция Биссолати, подтверждавшая прежнюю реформистскую платформу, т. е. поддержку того «направления правительственной деятельности, которое обеспечивало бы пролетариату нужные ему реформы» [75].

Ни одна из этих резолюций не получила большинства. Победила внесенная Э. Ферри резолюция от имени «непримиримых». Выдержанная в компромиссных тонах (ее квалифицировали на съезде

[75] Il Partito Socialista Italiano nei suoi Cingressi, v. II. Milano, 1961, p. 34—35.

как «левоцентристскую»), она представляла собой попытку соединить осуждение «министериализма» с признанием необходимости завоевания экономических, политических и административных реформ. В противовес мнению как Турати, так и Лабриолы, указавших в своих выступлениях на невозможность сосуществования в одной партии реформистского течения с течением «революционным», т. е. течений, которые придерживались принципиально несовместимых позиций, в резолюции содержался призыв к сохранению единства партии. Чтобы предотвратить победу реформистов, значительная часть сторонников Лабриолы голосовала за резолюцию Ферри [76].

В последующие месяцы идейная борьба еще более обострилась. Тому содействовали и решения Амстердамского конгресса II Интернационала (август 1904 г.), в центре внимания которого стояли острейшие вопросы, волновавшие и итальянское социалистическое движение. Осуждение конгрессом политики «классового сотрудничества», а следовательно, и поддержки социалистами буржуазного правительства, признание (хотя и с оговорками) целесообразности «массовой забастовки» как средства революционной борьбы — эти решения конгресса окрылили итальянских синдикалистов. На страницах «Аванти!» Мокки объявлял амстердамские решения «торжеством подлинно социалистической тактики» [77]. Усилились атаки слева на реформистов, причем не случайно одним из основных объектов полемики стал вопрос о «массовой забастовке», имевший для итальянского рабочего движения особую актуальность.

Новые кровавые события, переполнив чашу терпения, вызвали взрыв народного возмущения.

В сентябре 1904 г. в Италии на протяжении 10 дней дважды пролилась кровь трудящихся: 3 сентября в Буджерру (Сардиния) войсковые и полицейские отряды открыли огонь по бастующим горнякам, а 14 сентября в Кастеллуццо (Сицилия) жестоко расправились с безоружными батраками. В обоих случаях на поле боя остались убитые и много раненых. Реакция трудящихся была мгновенной. Идея всеобщей забастовки как действенной ответной меры уже созревала в массах. Еще 11 сентября такое предложение было сформулировано на многолюдном митинге в Милане, созванном местной Палатой труда, которая находилась под влиянием революционных синдикалистов. Осуществить это предложение предполагалось лишь по истечении 8 дней. Но как только весть о событиях в Кастеллуццо облетела Италию, всеобщая забастовка вспыхнула 16 сентября стихийно. Центром борьбы стал Милан.

[76] Ibid., p. 35—36; *G. Trevisani*. Storia del movimento operaio italiano. Milano, 1965, v. 3, p. 54—55.

[77] «Avanti!», 24.VIII 1904.

Забастовка приобрела поистине общенациональный характер, и «Аванти!» с гордостью заявила, что это «наиболее значительная всеобщая забастовка, которую знает история международного рабочего движения» [78]. И действительно: вся Италия — от Турина и Венеции до Неаполя и Палермо, крупные центры и мелкие села — была охвачена стачечной борьбой небывалой еще силы. Опустели фабрики и заводы, остановилось во многих зонах движение поездов и городского транспорта, закрылись магазины. В ряде сельских районов полностью прекратились работы. Митинги, манифестации, нередко сопровождавшиеся столкновениями с полицией, происходили во многих городах.

Консервативные круги были охвачены паникой: казалось, писал впоследствии Кроче, что вся Италия очутилась в руках рабочих, которые могли распоряжаться ею по собственной воле [79]. Они требовали от премьер-министра решительных действий. Между тем тактика Джолитти заключалась в том, чтобы не разжигать искусственно страсти, а дать забастовке исчерпать себя, т. е. зайти в тупик. Он понимал, что движение лишено согласованного и целенаправленного руководства и что он может рассчитывать на объективное содействие реформистских лидеров в достижении сравнительно благоприятного для правительства или во всяком случае менее опасного исхода классового поединка. Поэтому, демонстративно направляя военные корабли в порты Генуи и Неаполя, Джолитти в то же время предписывал префектам относиться к забастовке «спокойно, без излишней озабоченности» [80].

И на самом деле, в стране не оказалось политической силы, способной объединить развернувшееся в общенациональном масштабе массовое движение, координировать действия его участников, а главное — поставить перед ними ясные, реально достижимые цели.

Реформисты, с самого начала не скрывая своих сомнений и предубеждений, все же оказались вынужденными присоединиться к этому «широкому и благородному выступлению протеста» [81]. Однако они все более откровенно стремились умерить его размах и ограничить его политическое содержание. Синдикалистское течение, наиболее ярко представленное группой «Авангуардиа сочиалиста», было в ходе забастовки ее стимулирующей и в известном смысле ведущей силой. Из Милана, его Палаты труда, редакции «Авангуардиа сочиалиста» исходили наиболее сильные импульсы, толкавшие движение вперед. Но миланская группа, тоже застигнутая врас-

[78] «Avanti!», 20.IX 1904.

[79] *B. Croce.* Storia d'Italia dal 1871 al 1915. Bari, 1928, p. 229—230.

[80] *G. Giolitti.* Memorie della mia vita, p. 211.

[81] См. речь Турати— «Tempo», 21.IX 1904.

плох стихийно развернувшейся забастовкой, ее неожиданным размахом, не сумела выработать сколько-нибудь четкую, согласованную программу действий.

Попытка конкретизировать политические требования забастовки предпринималась «снизу», в частности на массовых митингах, где ораторы решительно настаивали на выработке закона, запрещающего вооруженной силе вмешиваться в конфликты между трудом и капиталом. Но эти требования не встречали поддержки у реформистских лидеров. Разнобой во мнениях, сопротивление энергичным политическим действиям характеризовали обстановку на заседании представителей парламентских фракций «Крайней левой», которое состоялось 21 сентября, когда всеобщая забастовка фактически уже прекратилась. Собравшиеся ограничились решением потребовать срочного созыва парламента [82]. Между тем Джолитти, воспользовавшись обострившейся в связи с забастовкой обстановкой, досрочно распустил парламент, рассчитывая тем самым нанести удар социалистам, т. е. подорвать их позиции.

Таков эпилог одной из крупнейших битв итальянского рабочего класса. Ее конкретный итог — скорее негативен: ни одно из требований, выдвинутых в ходе борьбы (отставка правительства, запрещение вмешательства вооруженных сил в конфликты между трудом и капиталом), не было реализовано. Однако значение сентябрьской всеобщей забастовки не исчерпывалось непосредственными ее результатами. Она показала боевую энергию и революционную силу масс, обогатила рабочее движение многогранным опытом; нанеся удар реформистским иллюзиям «классового сотрудничества», она обнаружила все углублявшийся раскол в рядах социалистической партии, лишенной подлинно революционного руководства. Иными словами, она наглядно выявила как сильные, так и слабые стороны итальянского рабочего движения. Все это имело весьма важное принципиальное значение, хотя на пути преодоления этих слабостей и трудностей рабочий класс Италии делал тогда лишь первые неуверенные шаги. Наконец, сентябрьская забастовка ускорила уже наметившееся новое размежевание социальных и политических сил, яснее определив позиции отдельных классов и партий.

Парламентские выборы, происходившие в ноябре 1904 г. в атмосфере «крестового похода» буржуазно-клерикального лагеря против социалистической партии, подтвердили происшедшие перемены. Партии «Крайней левой», в стане которых под воздействием сентябрьской забастовки обострились разногласия, выступили в избирательной кампании разрозненно. По сравнению с 1900 г. «Крайняя левая» лишилась 13 депутатских мандатов [83]; два мандата

[82] «Avanti!», 23.IX 1904.
[83] «Avanti!», 9.XI 1904.

потеряли социалисты. Наряду с поправением партии радикалов и фактическим распадом блока «Крайней левой» важным признаком изменившейся ситуации было массовое включение в политическую борьбу клерикальных сил. Впервые со времени энциклики «non expedit» католики приняли активное участие в выборах, обеспечив избрание в палату первого своего кандидата и тем усилив в ней консервативный лагерь. Джолитти опирался теперь на либерально-консервативное большинство палаты, поддержанное клерикалами. Это не означало, однако, что он отказывался от политического балансирования между крайними политическими лагерями: он противился явно реакционному курсу, но в то же время стремился «обуздать» революционное движение, подчинить его своей опеке.

ПОПРАВЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА ПРАВЯЩИХ КРУГОВ. ОБЩЕИТАЛЬЯНСКАЯ ЗАБАСТОВКА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ. ДВИЖЕНИЕ СОЛИДАРНОСТИ С ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ (1905—1906 ГГ.)

Последовавшие затем годы ознаменовались противоречивыми процессами: возобновился экономический подъем, длившийся до 1908 г., но он охватил лишь отдельные, преимущественно вновь созданные отрасли промышленности и не коснулся сельского хозяйства Юга, усугубив тем самым существовавшие в экономике диспропорции и обострив социальные контрасты. Нерешенными оставались сложные вопросы, поставленные недавними бурными выступлениями масс. Между тем решение их представлялось еще более трудным в создавшейся после выборов обстановке, ибо против рабочего движения объединился теперь широкий блок сил — от консерваторов и клерикалов до антисоциалистически настроенных радикалов, блок сил, опиравшийся на прочное парламентское большинство.

В результате политика политического балансирования — излюбленная политика Джолитти — наталкивалась на возросшие препятствия, тем более что к внутриполитическим трудностям прибавлялись осложнения международного порядка. В 1904 г. англо-французское сближение привело к созданию Антанты, открыто противостоявшей теперь Тройственному союзу. Особую напряженность внесла в международные отношения русско-японская война 1904—1905 гг., которая повлекла за собой глубокие революционные потрясения в самой Российской империи. С первых же месяцев 1905 г. Италия была вновь охвачена волнениями: разные по своему характеру и масштабу события оказались в центре политической

Avanti!

giornale del Partito socialista

L'ORA DELLA RIVOLUZIONE IN RUSSIA

Avanti!

giornale del Partito socialista

GIORNATE DI SANGUE E DI TERRORE A PIETROBURGO

"Lo czar ha spezzato i legami morali fra sè ed il popolo" – Una notte di sangue – Migliaia di morti

Avanti!

giornale del Partito socialista

Le giornate della rivoluzione in Russia

Avanti!

giornale del Partito socialista

LE GIORNATE RIVOLUZIONARIE IN RUSSIA

LO TSAR MASSACRATORE

Avanti!

giornale del Partito socialista

LE GIORNATE DELLA RIVOLUZIONE IN RUSSIA

29. *Заголовки статей о революционных событиях в России в 1905 г. в «Аванти!»*

жизни страны, вызвав глубокий отклик в широких слоях населения. Происходившие в России драматические события («Кровавое воскресенье») потрясли итальянские народные массы и произвели глубокое впечатление на самые широкие общественные круги. Бурные митинги и массовые демонстрации, поток резолюций муниципальных советов и других общественных и политических организаций, газетные полосы, посвященные русским событиям, интерпелляции и энергичные выступления в парламенте, решительные требования об освобождении из-под ареста Максима Горького — таковы различные формы развернувшегося в Италии поистине общенационального движения протеста против злодеяний царского режима. В нем по-разному принимали участие представители разных классов и политических течений — от рабочих и батраков, социалистов, беспартийных студентов и мелкобуржуазных республиканцев до представителей либерально-консервативных фракций палаты депутатов [84].

Министр иностранных дел Титтони официально сообщил русскому послу, что итальянский кабинет решительно осуждает эти манифестации и заверяет царское правительство в своем непреклонном намерении «поддерживать и улучшать дружественные взаимоотношения с Российской империей» [85]. В соответствии с правительственными директивами власти стали запрещать уличные манифестации, полиция перешла к «решительным действиям». Так было, к примеру, в Риме и Неаполе, где дело дошло до серьезных столкновений; начались аресты и судебные процессы над участниками движения солидарности с русским пролетариатом.

В те же месяцы другого рода обстоятельства, на этот раз вызванные внутренними причинами, послужили поводом для возникновения правительственного кризиса.

23 февраля 1905 г. правительство внесло в палату депутатов законопроект, окончательно определявший статус железных дорог, которые отныне должны были перейти целиком в ведение государства. В то же время законопроект вводил суровые наказания для железнодорожных рабочих и служащих, повинных в «нарушении нормальной работы транспорта», что, по существу, было равносильно запрету забастовок. Железнодорожники ответили на правительственный законопроект новой своеобразной формой борьбы, которая затем получила наименование «итальянской забастовки» —

[84] «Avanti!», 24—31.I 1905; «Tempo», 31.I 1905; Atti del Parlamento italiano. Camera dei Deputati. Sessione 1904—1905, v. I. Discussioni, p. 724; *Г. Манакорда.* Отклики в Италии на первую русскую революцию.— В сб.: «Первая русская революция и международное революционное движение». М., 1956.

[85] *F. Tommasini.* L'Italia alla vigilia della guerra. La politica di Tommaso Tittoni, v. I. Bologna, 1934, p. 486—487.

педантичным выполнением всех пунктов установленного администрацией регламента. Действие этой меры превзошло все ожидания. Спустя несколько дней на железных дорогах воцарился «настоящий хаос»: поезда регулярно запаздывали либо вовсе перестали ходить [86].

Решимость забастовщиков была вполне очевидна; с другой же стороны, консервативные круги и парламентское большинство требовали от правительства энергичного подавления забастовки. Джолитти предпочел поэтому не вступать лично в бой и, сославшись на нездоровье, подал в отставку, порекомендовав королю поручить образование нового кабинета Алессандро Фортису. Кандидатура Фортиса, по мнению Джолитти, должна была вызвать одобрение как «Крайней левой», поскольку он был когда-то ярым республиканцем, так и правой части палаты — из-за его связей с Криспи. Но главное «достоинство» Фортиса заключалось в том, что, будучи личным другом бывшего премьер-министра, он призван был выполнять фактически лишь роль его «доверенного лица». И действительно, когда после затянувшегося правительственного кризиса Фортис, наконец, образовал в марте 1905 г. новое министерство, стало вполне очевидным, что он всего-навсего собирался продолжать политику своего предшественника. В частности, по вопросу о железных дорогах премьер-министр внес в палату депутатов новый законопроект, лишь слегка смягчавший по сравнению с предыдущим санкции, предусматривавшиеся на случай забастовок.

Реакция железнодорожников была на этот раз еще решительнее. В то время как в палате шло обсуждение законопроекта, 17 апреля 1905 г. в стране развернулась забастовка протеста, охватившая все основные железнодорожные узлы. Масштабы стачки, в ходе которой не обошлось без кровавых репрессий (в городе Фоджа было убито три и ранено семь участников манифестации солидарности с бастующими), тем поразительнее, что и это движение не имело единого, целеустремленного руководства. За день до начала стачки, 16 апреля, на совместном заседании представителей федерации железнодорожников, Палат труда и социалистической партии реформисты высказались против объявления забастовки, предлагая ограничиться парламентской акцией и агитационной кампанией в стране. Но в ходе стачечной борьбы даже «парламентская акция» свелась лишь к формальной речи Ферри и к еще менее конкретным, кратким выступлениям реформистов Дзербини, Биссолати и др. [87] Важнее всего было, однако, то, что руководимый реформистами Центральный секретариат сопротивления отказался

[86] *L. Guerrini*. Op. cit., v. I, p. 215.
[87] Ibid., c. 216—220.

объявить всеобщую забастовку солидарности с железнодорожниками, хотя в массе трудящихся это предложение революционных синдикалистов встречало сочувственный отклик [88]. Таким образом, железнодорожники оказались изолированы и обречены на поражение.

Законопроект, за который 19 апреля высказались в палате также и видные представители «Крайней левой», был принят подавляющим большинством голосов (306 против 45) [89]. Бастующие же, не получив поддержки других отрядов рабочего класса, сбитые с толку позицией реформистов и пассивностью социалистической фракции парламента, вынуждены были прекратить борьбу. Впрочем, к этому призывал их и руководящий стачечный комитет, констатировавший саботаж реформистов, но считавший все же необходимым «сложить оружие» и воспользоваться обещанием премьера не применять на этот раз санкции к возвращающимся на работу [90].

Поражение этой забастовки не остановило дальнейшей борьбы рабочего класса — новые забастовки развернулись в том же, да и в следующем, 1906 г. Однако оно усилило разброд в рядах рабочего движения. Полемика, носившая после сентябрьской всеобщей забастовки и ноябрьских выборов 1904 г. и без того ожесточенный характер, вспыхнула теперь с новой силой: реформисты возлагали на революционное крыло всю ответственность за цепь тяжких неудач, а представители последнего обвиняли реформистов в прямом предательстве интересов трудящихся [91]. На другом полюсе одержанная правительством победа над железнодорожниками лишь ненадолго облегчила положение кабинета. Резкое сопротивление не только левых фракций палаты, но даже парламентской комиссии встретили выработанные Фортисом условия национализации железных дорог, весьма выгодные частным компаниям. Бурные дебаты разгорелись летом 1905 г. вокруг «южной проблемы», об остроте которой вновь напомнили кровавые события 16 августа в местечке Гранмикеле (Сицилия), где полиция учинила зверскую расправу над взбунтовавшимися крестьянами. В печати, на митингах, в палате депутатов вновь выдвигалось требование о проведении серьезных реформ, способных возродить южные провинции. В 1906 г. в связи с поразившим Калабрию землетрясением, трагедия итальянского Юга, безысходная нужда и страдания его населения приковали к себе внимание всей страны.

83 *L. Guerrini*. Op. cit., v. I, p. 222.

89 Atti del Parlamento italiano. Camera dei Deputati. Sessione 1904—1905, v. II, p. 2611—2658.

90 *L. Guerrini*. Op. cit., v. I, p. 222; «Avanti!», 22.IV 1905.

91 «Avanguardia Socialista», 24.IV 1905.

В создавшейся трудной ситуации правительство Фортиса проявляло не только инертность и даже беспомощность в практическом решении сложных проблем, но и неспособность противостоять атакам оппозиции, которым оно теперь все чаще подвергалось как слева, так и справа. Уже в декабре 1905 г. оно потерпело решающее поражение в парламенте при обсуждении проекта нового торгового договора с Испанией, наносившего ущерб итальянскому виноделию. Проект был отклонен, и правительству пришлось подать в отставку. Не без содействия Джолитти Фортису поручили формирование нового кабинета, однако и это правительство просуществовало недолго. В феврале 1906 г. против него голосовало подавляющее большинство депутатов.

Одной из причин недовольства консерваторов была недостаточно решительная, по их мнению, реакция властей на народное движение солидарности с русской революцией. На этот раз отставка Фортиса была окончательной.

Фортиса на посту премьер-министра сменил Сидней Соннино. Период его правления, не без иронии названный «Сто дней Соннино», был действительно весьма кратким: он длился с 8 февраля по 15 мая 1906 г. Новый премьер, когда-то ратовавший за создание сильной консервативно-либеральной партии, дабы противостоять «Крайней левой», теперь не только сблизился с последней, но и добился того, чего не удалось добиться Джолитти: в состав сформированного им правительства наряду с явными консерваторами вошли представители радикалов и республиканцев. Да и социалистическая фракция парламента поначалу сочувственно отнеслась к новому кабинету. Прошедшие годы изменили не только объективные условия борьбы, но и состав ее действующих лиц. Политике Джолитти, которая в сущности продолжала проводиться и при Фортисе, в той или иной степени и по разным поводам противились как консерваторы, так и часть бывшей «Крайней левой». И те и другие искали выхода из сложившегося положения.

Правительство Соннино, казалось, удовлетворяло требованиям, выдвигавшимся как справа, так и слева. Объяснялось это не в последнюю очередь позицией, которую новый премьер издавна занимал в «южном вопросе», а также критическим отношением его к методам управления Джолитти. И действительно, центральное место в программе Соннино занимала «южная проблема», которую премьер назвал «основной, решающей проблемой национальной жизни». Программа намечала ряд конкретных мер: сокращение поземельного налога, ирригационные и мелиоративные работы, кредитование крестьян-собственников и организация кооперативов, пересмотр аграрных договоров; целью их было содействовать подъему сельского хозяйства Юга, но, разумеется, они ни в какой мере не затрагивали интересы крупных земельных собственников. Далее

правительственная программа предусматривала организацию министерства труда, ограничение права префектов распускать местные органы самоуправления и ряд других реформ. В противовес Джолитти, предполагавшего расширить массовую базу режима посредством политики «классового сотрудничества» предпринимателей и рабочих, Соннино стремился создать своеобразный социальный блок помещичье-крестьянских сил Юга, который и должен был явиться опорой существующего строя. При этом, разумеется, и он подчинял свою реформаторскую деятельность интересам господствующих классов, чью гегемонию он и хотел утвердить.

Однако большинство предусмотренных программой мер повисло в возухе, ибо вслед за первоначальным почти единодушным одобрением их начало проявляться возрастающее недовольство новым правительством. От него стали отходить как правые, так и левые элементы. Так, консервативно настроенные депутаты, которые уже в момент образования кабинета не могли простить Соннино включения в правительство представителя республиканцев, в дальнейшем все определеннее стали высказываться против правительства, критикуя как «чересчур левые» предложенные им аграрные мероприятия, так и меры, направленные будто бы к ослаблению центральной власти. К оппозиции справа примкнули и представители влиятельных промышленных кругов, опасавшихся, что установки премьера в экономической области лишат их предоставленных им во времена Джолитти привилегий.

Но кризис кабинета разразился в результате нового обострения классовой борьбы между трудом и капиталом, вынудившего представителей левых партий, и прежде всего социалистическую партию, занять отрицательную позицию в отношении правительства.

С конца 1905 г. внимание общественности было привлечено волнениями, центром которых стала цитадель итальянской промышленности — Турин.

На ряде предприятий — машиностроительных и химических — вспыхнули забастовки. Рабочие боролись за 10-часовой рабочий день, за отмену штрафов и пр., а также, что особенно важно, за признание хозяевами права рабочих на образование внутренних комиссий (это требование выдвигалось впервые) и на празднование 1 мая [92]. В 1906 г. стачечная борьба приняла еще более широкий размах и острый характер. В феврале в нее включились рабочие автомобильной промышленности, добившиеся серьезной победы: предприниматели оказались вынужденными согласиться на 10-часовой рабочий день и на решение спорных вопросов с участием представителей рабочих.

[92] *P. Soriano.* Op. cit., p. 158.

Успех, достигнутый в автомобильной промышленности, вдохновил на борьбу за 10-часовой рабочий день туринских текстильщиков. В течение нескольких дней мая стачки охватили до 25 тыс. человек. 7 мая против демонстрации бастующих была брошена кавалерия, завязалось столкновение, в котором один демонстрант был убит и многие ранены. В ответ на эту расправу в Турине стихийно вспыхнула общегородская забастовка, перекинувшаяся затем на Милан, Болонью, Флоренцию, Рим и другие города и превратившаяся, таким образом, во внушительную демонстрацию протеста, охватившую важнейшие центры страны [93].

Политическое возбуждение усилилось еще больше, когда распространилась весть о новой расправе с крестьянами в Сардинии, где волнения, вспыхнувшие в ряде мест в знак протеста против дороговизны, были усмирены картечью (11 человек было убито и многие ранены). Кровавые репрессии обрушились и на крестьян провинции Лечче (Апулия).

Эти события вызвали в ответ крупные массовые народные выступления, носившие и на этот раз ярко выраженный политический характер.

Новый размах приняла с конца 1905 г. — после всероссийской октябрьской стачки и декабрьского восстания в Москве — и кампания солидарности с русской революцией. В движении протеста против злодеяний царизма по-прежнему участвовали широкие демократические круги и даже часть представителей либерально-консервативного лагеря, выступавшие против преследования свободы вероисповеданий и разжигания антисемитизма [94]. Движущей силой этой кампании оставались по-прежнему пролетарские массы, для которых русская революция была не только близким, родным делом, но и источником бесценного политического опыта. Не случайно в рядах социалистической партии в 1905—1906 гг. возобновилось обсуждение вопроса о всеобщей стачке и развернулась оживленная дискуссия по вопросу о характере русской революции и ее движущих силах. И хотя в решении последнего вопроса итальянское социалистическое движение не поднялось, да и не могло подняться, до того высокого теоретического уровня, какой был достигнут — главным образом благодаря В. И. Ленину — в русской социал-демократии, однако итальянские социалисты инстинктивно улавливали своеобразие этой первой революции XX в., гегемоном которой был рабочий класс.

В разгар декабрьского вооруженного восстания в России газета «Аванти!», посвятившая не одну статью выяснению характера

[93] *P. Spriano.* Op. cit., p. 166.

[94] *Г. Манакорда.* Указ. соч., стр. 117.

революционных событий в России, теперь — в противовес предыдущим суждениям — отмечала отличие русской революции от буржуазных революций прошлого. «Совершенно иным,— писала газета,— является характер русской революции не только ввиду совершенно иного развития, которого достигли в современной России буржуазия и пролетариат, но прежде всего благодаря самосознанию, с которым пролетариат действовал». И далее: «Речь идет о пролетариате, который теперь, в момент революции, стал более зрелым и лучше сознает свой долг и свои пролетарские цели, чем пролетариат 1848 года» [95].

Итальянские трудящиеся массы сердцем чувствовали величие роли, которую русский пролетариат сыграл в революции.

Многолюдные митинги, массовые демонстрации происходили в конце 1905 г. в крупнейших городах Италии. Новыми манифестациями была отмечена в январе 1906 г. годовщина «Кровавого воскресенья». Активней прежнего развернулась кампания по сбору средств в пользу русских революционеров. Наконец, взволнованный отклик вызвали в стране слухи о предполагавшемся будто бы итальянском займе царской России: на рабочих собраниях принимались резолюции протеста против какой-либо формы помощи царскому режиму [96].

Еще бо́льшую тревогу продолжали возбуждать слухи об угрозе вооруженной интервенции в России европейских держав — угрозе, о которой еще в июле 1905 г В. И. Ленин предупреждал Международное социалистическое бюро [97].

Обеспокоенная этими слухами, миланская федерация социалистической партии, в которой, как известно, руководящую роль играли синдикалисты, обратилась к итальянским и зарубежным социалистам с призывом оказать русским революционерам в случае необходимости вооруженную помощь, о чем и было поставлено в известность Международное социалистическое бюро [98].

Призыв этот был тогда же подхвачен Ладзари, выступавшим на страницах «Авангуардиа сочиалиста» [99]. В августе 1906 г. миланская федерация вновь поставила вопрос об «интервенции в пользу революционной России в случае интервенции со стороны Германии или Австрии в пользу царя», обратившись с этим вопросом непосредственно к Международному социалистическому бюро [100].

[95] «Avanti!», 20.XII 1905.

[96] «Avanti!», 22—25.I 1906; Archivio Istituto G. G. Feltrinelli. II Internazionale. I. 1900—1910. Fondo Huysmans. Fascicolo Varazzani; Fascicolo Balabanoff.

[97] См. *В. И. Ленин*. Полное собрание сочинений, т. 10. стр. 328—331.

[98] Archivio Istituto G. G. Feltrinelli... Fascicolo Ferri.

[99] «Avanguardia Socialista», 4.XI 1905.

[100] Archivio Istituto G. G. Feltrinelli... Fascicolo 1906—1912.

30. Билет социалистической партии

Так на протяжении всего 1906 г. и в период спада революционной волны события, происходившие в России, продолжали волновать умы итальянцев.

Сочетание всех упомянутых выше обстоятельств, будораживших массы и осложнявших положение в стране, подорвало позиции правительства Соннино. Оно оказалось бессильным противостоять оппозиции, образовавшейся в парламенте.

Еще 11 мая правительство Соннино окончательно порвало с социалистической фракцией, ибо премьер-министр решительно выступил против предложенного социалистами после расстрела туринской демонстрации законопроекта, предусматривающего принятие мер для предотвращения «расстрелов пролетариев». Встретив отказ, социалистические делегаты, учитывая настроения масс, вынуждены были в знак протеста покинуть палату и отказаться от парламентского мандата. Но и консерваторы, располагавшие теперь значительным числом приверженцев, разуверились в правительстве Соннино, в его способности «держать в узде» массы.

Воспользовавшись обсуждением второстепенного процедурного вопроса, большинство палаты отвергло внесенное правительством предложение, нанеся ему, и прежде всего самому премьеру, моральное поражение.

27 мая кабинет Соннино был вынужден уйти в отставку. К власти снова пришел Джолитти. Наступил период его «долгого министерства», просуществовавшего с 27 мая 1906 г. до 10 декабря 1909 г.

НОВЫЙ ЭТАП «ЛИБЕРАЛЬНОЙ ЭРЫ». ПОЛИТИЧЕСКАЯ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА В 1906—1909 ГГ.

Так называемое «долгое министерство» Джолитти пришло к власти в сложных условиях. Осуществляемая — с зигзагами и колебаниями — с начала XX в. либеральная политика не принесла избавления от острых социальных конфликтов. Ограниченные реформы, проведенные в начале века в области социального законодательства, не улучшили сколько-нибудь значительно положения трудящихся масс, тем более что они касались лишь некоторых отрядов рабочего класса и не распространялись на сельское население. Тяжелые последствия извержения Везувия и землетрясения в Калабрии, разразившихся в 1906 г., незадолго до прихода Джолитти к власти, вновь привлекли внимание общественности к нерешенным проблемам Юга. На фоне бурного роста промышленности в северных провинциях, возобновившегося после кризиса 1903 г., обнаружились изъяны итальянской экономики, тормозившие индустриальное развитие страны: узость внутреннего рынка, нехватка квалифицированных кадров, несовершенство средств сообщения, без которых немыслимо развитие крупной промышленности, и др.

Возглавив правительство и одновременно, как и прежде, министерство внутренних дел, Джолитти подтвердил вновь свою концепцию о призвании государства сохранять «нейтралитет» в борьбе между капиталом и трудом и обеспечить социальный мир в стране «путем строгого и справедливого соблюдения общественных свобод и законов» и заботы об удовлетворении «законных чаяний трудящихся масс» [101]. В противовес консервативной и даже либеральной печати, не прекращавшей грубых нападок на забастовщиков, объявлявшей их смутьянами, лодырями, желающими жить за счет общества, Джолитти признал, что проблема, которая доминирует в этот момент над всеми остальными,— это проблема улучшения положения трудящихся масс.

Выход Джолитти видел в совместной борьбе правящих кругов и трудящихся масс за подъем экономики страны. «Благосостояние трудящихся классов,— пояснял он свою мысль,— неразрывно связано с процветанием сельского хозяйства, промышленности, торговли, потому что только там, где имеются в изобилии капитал и труд, могут быть высокие заработки и хорошие условия труда» [102]. Начиная с «долгого министерства» джолиттианская либеральная система правления вступила в новую, высшую фазу своего развития, продолжавшуюся (исключая кратковременный уход Джолитти

[101] Dalle carte di Giovanni Giolitti. Quarant'anni di politica italiana, v. II. Milano, 1962, p. 423.

[102] *G. Giolitti.* Memorie della mia vita. Monza, 1945, p. 239.

от власти в конце 1909 — марте 1911 г.) вплоть до Ливийской войны. Именно в этот период были предприняты наиболее значительные экономические и социальные мероприятия, направленные на то, чтобы стимулировать экономическое развитие Италии, прежде всего — промышленности в северных районах, ликвидировать отставание Италии от развитых индустриальных держав и на базе экономического прогресса страны расширить политическую основу буржуазного строя путем сотрудничества с реформистским крылом ИСП и создания политического союза промышленной буржуазии и пролетарских масс Севера. В то же время именно в эти годы выявились со всей очевидностью ограниченные возможности осуществления либеральной политики в стране, над которой тяготел груз нерешенных в эпоху Рисорджименто задач ликвидации феодальных пережитков, экономической отсталости, нищеты трудящихся масс. Сам либеральный курс Джолитти, отражая консервативную природу итальянской буржуазии, не способен был внести качественные изменения в экономическую и социальную структуру страны, сводясь к паллиативным мероприятиям.

Экономическая политика «долгого министерства» была направлена на упорядочение средств сообщения в стране путем расширения сети железных дорог, развития торгового флота, строительства и модернизации портов, содействия развитию промышленного кредита. Важной экономической мерой кабинета Джолитти явилась конверсия внутренних и внешних государственных займов со снижением процентной ставки с 5 до 3,5, укрепившая бюджет страны. Были предприняты меры по совершенствованию системы народного образования путем передачи в ведение государства начальных школ (что было данью времени и вызвано потребностями экономики страны, нуждавшейся в повышении общеобразовательного уровня кадров промышленных рабочих). Вплоть до лета 1907 г., когда на Италию распространился мировой экономический кризис, в стране сохранялась высокая экономическая конъюнктура. Шел интенсивный процесс учреждения новых акционерных обществ, небывалого размаха достигли биржевые спекуляции. Возрос авторитет Джолитти в деловых кругах. Однако экономические меры правительства Джолитти, дав новый толчок индустриализации страны, не оздоровили экономики страны в целом. Кризис 1907—1908 гг. прервал продолжавшийся в Италии с конца XIX в. (с некоторыми перерывами) промышленный бум, причинив серьезный ущерб промышленности, торговле, финансам, сельскому хозяйству, увеличив безработицу и дороговизну и усилив процесс разорения мелких собственников и концентрации производства и капиталов.

Ахиллесовой пятой джолиттианской политики продолжал оставаться аграрный вопрос, принявший в Италии специфическую форму «южного вопроса». Джолитти, который ранее оставался равно-

душным к проблемам Юга, на этот раз был вынужден спешно утвердить разработанные его предшественником Соннино некоторые меры для облегчения положения населения южных районов. Летом 1906 г. был принят закон об оказании помощи пострадавшим от землетрясения в Калабрии и выделении суммы в 120 тыс. лир на строительство дорог, портов и проведение других общественных работ. В качестве чрезвычайной меры был отменен налог с сельскохозяйственной продукции южных районов, несколько снижены налоги с недвижимой собственности, учреждены государственные кассы сельского кредита [103] и т. п.

Эти мероприятия пошли на пользу главным образом крупным помещикам-латифундистам, но не улучшили ни положения основной массы сельского населения, ни общего состояния экономики южных районов. Это стало очевидно уже в 1907 г., когда были опубликованы отчеты специальных парламентских комиссий, учрежденных в 1906 г. для обследования положения южных провинций, Сицилии и Сардинии. В объемистых томах, представленных комиссиями по завершении работы, была зафиксирована потрясающая картина безмерной нищеты жителей, сплошной неграмотности, хронического голода и болезней, засилия крупных латифундий и бесконтрольного произвола местных властей, хищнического разрушения природных богатств в результате сведе́ния лесов и нарушения водного режима, усилившегося бесплодия почвы и других бесчисленных бед этой фактически внутреннней колонии Италии, которые могли быть устранены коренным преобразованием всей политической и социальной системы, но не паллиативными мерами.

Страшным бедствием явилось разразившееся ночью 28 декабря 1908 г. Мессинское землетрясение, разрушившее города Мессину и Реджо и их окрестности. Было убито, ранено и искалечено свыше 8 тыс. чел. Первую помощь жертвам землетрясения оказали моряки иностранных судов, оказавшихся поблизости, и особенно моряки русской балтийской эскадры, находившейся в итальянских водах с дружественным визитом. Восстановительные работы потребовали серьезных затрат и длительного времени. Лишь через несколько лет жизнь района, пострадавшего от землетрясения, вошла в нормальное русло. Медлительность, с которой местные и центральные власти организовали спасательные работы, скудость ассигнований на оказание помощи жертвам землетрясения, поспешное введение в районах бедствия осадного положения вызвали резкие нападки демократических сил страны на правительство.

Конфликт между централизованным государством и автономистскими устремлениями населения Юга, истоки которого уходили в незавершенность буржуазно-демократических преобразований в

[103] *G. Volpe.* L'Italia moderna, v. II. Firenze. 1949, p. 440—441.

эпоху Рисорджименто, дал о себе знать с новой силой в период «долгого министерства». Юг страны то и дело потрясали антиправительственные выступления. Невежество и политическое бесправие крестьянства южных районов, а также слабость рабочих и социалистических организаций на Юге, усугубляемая полным пренебрежением реформистского руководства социалистической партии к «южной проблеме», способствовали укреплению в политической жизни южных районов триединого союза помещика, священника и представителя местной власти. Это крайне затрудняло борьбу народных масс Юга за возрождение их родного края, за социальный и политический прогресс. В ряде случаев представителям феодальной реакции удавалось направить народные выступления в русло сепаратистского движения.

Жесткая централизаторская антидемократическая политика правительства по отношению к южным районам, сочетавшаяся с пагубной для экономики Юга налоговой политикой и протекционистским курсом, усилила оппозицию либеральному курсу Джолитти со стороны группы демократически настроенных интеллигентов-южан — меридионалистов. Лидером меридионализма выступил известный уже в то время историк, публицист, неутомимый поборник возрождения Юга, непримиримый оппонент Джолитти — Гаэтано Сальвемини. Неоспоримой заслугой Сальвемини было то, что, являясь «радикально настроенным представителем крестьянских масс Юга» [104], он стремился поставить проблему Юга как общенациональную систему, решение которой являлось, по его глубокому убеждению, непременным условием кардинального демократического обновления итальянского общества. Программа меридионалистов предусматривала демократизацию политической жизни южных районов, как и всей Италии, путем введения всеобщего избирательного права и ликвидации системы коррупции и политической клиентелы, а также отказ от протекционизма и кардинальную реформу налоговой системы [105]. К меридионалистам примкнули поэтому фритредерски настроенные круги буржуазии, чьи интересы ущемляла протекционистская политика правительства. Лично Сальвемини полагал, что предложенная меридионалистами программа поможет ограничить всевластие на Юге крупных землевладельцев-латифундистов, решив земельный вопрос в пользу крестьян.

В ряде статей и получившем широкую известность памфлете «Министр преступного мира» Сальвемини предъявил суровое обвинение Джолитти в насаждении в южных районах позорных политических нравов, поощрявших злоупотребления, подкуп, сотрудниче-

[104] *А. Грамши.* Избранные произведения, т. I. М., 1957, стр. 482.

[105] *G. Salvemini.* Scritti sulla questione meridionale (1896—1955). Torino, 1955, p. 166—182 ecc.

ство местных властей с худшими элементами уголовного мира. «Джолитти,— писал он в 1909 г.,— конечно, не первый государственный деятель Италии, который смотрит на Юг, как на завоеванную землю, доступную всякому грубому посягательству. Но никто и никогда не делал это так грубо, так цинично, так откровенно, как он, основывая собственное политическое могущество на порабощении, развращении Юга Италии и пренебрежении к нему; никто до него не применял так систематически и бесстыдно в ходе выборов на Юге всякого рода насилия и преступления» [106].

Критика джолиттианской системы сочеталась у Сальвемини с полемикой против реформистского крыла ИСП, выступавшего за сотрудничество с Джолитти и пренебрегавшего «южной проблемой». В 1911 г. Сальвемини вышел из рядов ИСП. Группа меридионалистов в своей попытке разработать демократическую программу решения «южной проблемы» оказалась одинокой. Она не нашла поддержки у так называемой «Крайней левой» — социалистической, республиканской и радикальной партий.

«Либеральная эра» Джолитти поставила перед партиями «Крайней левой» дилемму: либо включиться в парламентский механизм и превратиться в «конституционную», «прирученную» оппозицию, либо противопоставить страдавшему многими пороками либерализму подлинно демократическую, революционную альтернативу, которая бы обеспечила решение кардинальных экономических, социальных и политических проблем страны в интересах как рабочего класса, так и крестьянства и средних слоев. И радикальная, и республиканская партии, опиравшиеся в основном на слои средней и мелкой буржуазии и интеллигенции, несмотря на сопротивление левых течений этих партий, шли все дальше по первому пути, а их республиканизм и радикализм все более блек, в чем находили отражение глубинные политические тенденции, свойственные в период довоенного империализма отнюдь не одной только итальянской буржуазной демократии [107].

Неизмеримо сложнее складывались отношения между либеральным правительством и социалистической партией и рабочим движением в целом.

1906—1908 гг. ознаменовались в Италии небывалым до этого размахом забастовочного движения и массовых выступлений промышленного, сельскохозяйственного пролетариата, служащих, кре-

[106] G. *Salvemini*. Il ministro della mala vita e altri scritti sull'Italia giolittiana. Milano, 1962, p. 138.

[107] Характерно, что на IX съезде республиканской партии, состоявшемся в Риме в 1908 г., был практически снят с повестки дня лозунг борьбы за республику. Ее установление было объявлено делом отдаленного будущего, когда народ будет подготовлен к восприятию республиканского идеала.

ствянства. Немалую роль в новом подъеме народного движения сыграло влияние первой русской революции, содействовавшей росту политической активности итальянских трудящихся[108]. В 1906 г. официальной статистикой было зарегистрировано 1649 забастовок в промышленности и в сельском хозяйстве с общим числом участников 381 624 чел., а в 1907 г. — 2168 забастовок с участием 581 244 чел.[109] Наиболее значительным был размах стачечной борьбы в Пьемонте, Лигурии, Ломбардии, Сицилии. Возникая на почве экономических требований, забастовки нередко перерастали в вооруженные столкновения с полицией и войсками. Рабочий класс широко применил в эти годы оружие всеобщей стачки.

Большой размах приобрела забастовка рабочих газовой промышленности осенью 1906 г. Начавшись в Милане, она перекинулась затем в Турин, Болонью, Парму и другие города.

Крупным событием в рабочем движении этих лет стала борьба железнодорожников за улучшение своего положения и профсоюзные свободы, особенно после того, как летом 1907 г. был принят специальный закон, запрещавший под страхом уголовной ответственности и административных мер стачки рабочих и служащих на государственных железных дорогах. Ответом на эти драконовские меры явилась всеобщая стачка железнодорожников 12—17 октября 1907 г. Правительство Джолитти прибегло к полицейским и административным мерам, используя против бастующих войска и полицию, а затем объявив об увольнении с работы организаторов забастовки и снижении окладов ее активным участникам. Однако вслед за железнодорожниками на борьбу за улучшение условий труда и повышение зарплаты выступили служащие почты, телеграфа, преподаватели учебных заведений и другие категории, вплоть до полицейских. Летом 1908 г. парламент принял закон о государственных служащих. Закон предусматривал увеличение фонда зарплаты государственным служащим на 17,5 млн. лир; формально признавалось право служащих на ассоциации. В то же время запрет забастовок был распространен, помимо железнодорожников, на все категории государственных служащих.

В борьбу за улучшение условий труда активно включились в 1906—1908 гг. различные категории сельского населения Северной и Центральной Италии, особенно батраки и испольщики-колоны провинции Равенна. В упорной борьбе, используя метод бойкота, забастовок, саботажа, отражая атаки предпринимателей, опиравшихся на поддержку полиции и войск, батраки и испольщики добива-

[108] См. *Г. Манакорда.* Отклики на первую русскую революцию. — Сб. «Первая русская революция 1905—1907 гг. и международное революционное движение», ч. II. М., 1956.

[109] «Annuario statistico italiano», sec. ser., v. I, 1911. Roma, 1912, p. 234, 237.

лись улучшения условий аренды земли, оплаты труда, гарантий обеспечения работой, признания права профсоюзов участвовать в урегулировании трудовых конфликтов и в решении вопроса о найме на работу и т. д.[110]

В условиях подъема массового движения окрепли организации пролетариата. С 1906 г. возобновила свою деятельность Национальная федерация трудящихся земли, объединив к 1907 г. в своих рядах 107 153 чел.[111] Серьезным успехом профсоюзного движения явилось создание в сентябре 1906 г. на общеитальянском съезде в Милане, представлявшем 700 профсоюзных лиг с 250 тыс. членов, Всеобщей конфедерации труда. Этим решением было достигнуто объединение в общенациональном масштабе до этого разрозненных профсоюзных организаций.

Однако, едва возникнув, Всеобщая конфедерация труда стала объектом острой борьбы между анархо-синдикалистами и реформистами. Первые настаивали, чтобы деятельность ВКТ была поставлена вне контроля со стороны ИСП. Они требовали зафиксировать в программе ВКТ принцип классовой борьбы, «прямого действия» и организации антимонархической, антиклерикальной, антимилитаристской пропаганды. Реформисты, игравшие на съезде ведущую роль, стремились направить деятельность организации в русло корпоративизма и тред-юнионизма. Им удалось провести на съезде выдержанный в реформистском духе устав, в котором указывалось, что цель ВКТ — «направлять борьбу трудящихся против капиталистической эксплуатации» и вести борьбу за социальное законодательство[112]. К руководству исполкомом конфедерации в 1907 г. пришел Ринальдо Ригола, единомышленник Турати, остававшийся на этом посту более 10 лет.

Обострение классовой борьбы в Италии в 1906—1908 гг. усилило выявившиеся уже в предыдущие годы разногласия в рядах социалистической партии между реформистским и анархо-синдикалистским направлениями. Анархо-синдикализм был, по выражению А. Грамши, «инстинктивным, элементарным, примитивным, но здоровым выражением выступления рабочих против блока с буржуазией и за блок с крестьянами, в первую очередь с крестьянами Юга»[113]. Теоретики анархо-синдикализма — Артуро Лабриола, Леоне, Оливетти, Орано — на страницах «Авангуардиа сочиалиста», «Паджине либере» и других анархо-синдикалистских органов

[110] См. *L. Radi.* I mezzadri (Le lotte contadine nell'Italia Centrale). Roma, 1962, p. 106—109.

[111] Lotte agrarie in Italia. La Federazione nazionale dei lavoratori della terra 1901—1926, a cura di Renato Zangheri. Milano, 1960, p. 159.

[112] *R. Rigola.* Storia del movimento operaio italiano. Milano, 1947, p. 310.

[113] *А. Грамши.* Указ. соч., т. I, стр. 489.

31. Нападение бастующих рабочих на поезд со штрейкбрехерами

развернули острую полемику против реформистов, критикуя их за одностороннее увлечение парламентской деятельностью и сотрудничество с буржуазными партиями, за отход от концепций классовой борьбы и проповедь эволюционного пути общественного развития, за боязнь массового движения и т. д.

Критика анархо-синдикалистов в известной мере затрудняла сползание ИСП на реформистские позиции. Однако, исходя из антимарксистских концепций, анархо-синдикалисты оказались не в состоянии предложить партии подлинно революционную альтернативу. Следуя за Сорелем, они отрицали значение политической

партии, ратуя за перенесение всей деятельности в профсоюзы и за так называемое «прямое действие» пролетарских масс — всеобщую стачку, с помощью которой анархо-синдикалисты надеялись сокрушить капиталистический строй. Полемика против реформистов перерастала у анархо-синдикалистов в борьбу против самой социалистической партии, против участия интеллигенции в социалистическом движении, в превознесение стихийности и бунтарских настроений, а также в отрицание борьбы за непосредственные требования трудящихся, в антипарламентаризм и т. п.

В 1906 г. на съезде в Риме борьба между реформистами и анархо-синдикалистами достигла небывалой до этого остроты. Группа Лабриола — Леоне, настаивавшая на признании принципа революционной борьбы как основы политического курса партии, потерпела поражение. Против нее выступили единым фронтом не только реформисты, поставившие вопрос о несовместимости пребывания в одной партии анархо-синдикалистов и реформистов, но и центристски настроенное большинство съезда, составившее «интегралистское» направление (от итал. integrale — «единый», «целый»). Ратовавшие за единство партии любой ценой, на платформе, промежуточной между концепциями анархо-синдикалистов и реформистов, интегралисты во главе с Моргари и примкнувшим к новой группировке Ферри сумели одержать победу на съезде. В резолюции, принятой съездом, отразились эклектичные установки интегрализма, исходившего из того, что, как заявлял Моргари, «каждый социалист должен быть в одно и то же время реформистом и революционером» [114]. Словесно осудив политику систематического сотрудничества с буржуазными партиями и правительством и выступив в поддержку метода классовой борьбы, интегралисты допускали в исключительных случаях возможность соглашения с буржуазными партиями и правительством [115], что было весьма на руку реформистам.

Под прикрытием интегралистов, вставших после Римского съезда во главе партии, в ее рядах все выше поднимал голову реформизм. Программным манифестом реформистского течения стала вышедшая в свет в 1907 г. книга Бономи «Новые пути социализма», в которой автор с бернштейнианских позиций подверг ревизии коренные теоретические положения марксизма о классовой борьбе, революции, диктатуре пролетариата. Заявляя, что в связи с эволюцией демократии и социальным прогрессом марксизм устарел, Бономи отрицал необходимость в новых условиях революции, утверждая, что переход от капитализма к социализму

[114] См. *P. Spriano*. Socialismo e classe operaia a Torino dal 1892 al 1913. Torino, 1958. p. 196.

[115] Il Partito Socialista Italiano nei suoi Congressi. v. II. Milano, 1961, p. 63.

возможен эволюционным путем, без устранения политического господства буржуазии. Отвергая, подобно Бернштейну, тезис о классовой природе государства в капиталистическом обществе, он заявлял, что правительство в Италии в начале XX в. «не является более правительством одного класса, а тем более одной партии»[116], и что целью пролетариата должно быть сотрудничество в рамках этого правительства с прогрессивными слоями буржуазии для обеспечения социального прогресса трудящихся.

Считая ненужным и устаревшим «лозунг старой тактики — революционную диктатуру» [117], Бономи усматривал в «казусе Мильерана» и в фактах поддержки итальянскими социалистами буржуазных правительств «великий эксперимент эффективного частичного завоевания власти». Тактика избирательных блоков и огранической законодательной деятельности социалистов в парламенте (в условиях, когда социалисты к тому же не располагали сколько-нибудь серьезными позициями в парламенте), всемерное содействие экономической эволюции капиталистического общества как средство приблизить социализм, наконец, призыв к замене социалистической партии широкой аморфной рабочей партией наподобие лейбористской партии в Англии — такова была, по мнению Бономи, программа действий итальянских социалистов в новых условиях, созданных либеральными мероприятиями Джолитти. При этом конечная цель движения — борьба за завоевание власти и построение социализма в результате революционной борьбы трудящихся масс — подменялась Бономи борьбой за частичные реформы в рамках буржуазного общества в духе крылатого выражения Бернштейна: «Движение — все, конечная цель — ничто». Объективно программа, предложенная Бономи, в случае ее претворения в жизнь обрекала ИСП на роль придатка радикальной буржуазии.

В этих условиях анархо-синдикалисты стали все больше переносить центр тяжести своей деятельности за рамки партии. Используя недовольство реформистским курсом ВКТ части профсоюзов и палат труда, координировавших на местах борьбу рабочих различных отраслей, анархо-синдикалисты с их помощью активизировали пропаганду своих взглядов и возглавили ряд выступлений промышленных и сельскохозяйственных рабочих.

Последним крупным событием, завершившим один из напряженнейших в истории либеральной Италии этапов классовой борьбы, явилась пармская забастовка 1908 г. Ей предшествовала длительная упорная борьба сельскохозяйственных рабочих и арендаторов этой провинции против аграриев. Анархо-синдикалисты, воспользовавшись боевым настроением масс пармского сельскохо-

[116] *I. Bonomi.* Le vie nuove del socialismo. Milano—Palermo—Napoli, 1907, p. 51.
[117] Ibid., p. 87, 91.

зяйственного пролетариата, поспешили превратить Парму в свой опорный пункт и экспериментальную базу. В 1907 г. им удалось занять командные позиции в местной палате труда и профсоюзных организациях, добившись их разрыва с ВКТ и прекращение всяких связей с ИСП. Применяя на практике принцип действия ради действия, анархо-синдикалисты за 10 месяцев пребывания у руководства пармской палатой труда организовали 34 забастовки различных категорий сельскохозяйственных рабочих[118]. Частые выступления трудящихся (вместо того чтобы вопитывать, как полагали анархо-синдикалисты, революционную энергию масс и готовить их к всеобщей забастовке, которая в один прекрасный день сможет якобы сокрушить капиталистический строй), к тому же далеко не всегда успешные и сопряженные с большими лишениями для бастующих, порождали у последних усталость и разочарование.

Ошибками анархо-синдикалистов не преминули воспользоваться местные аграрии, которые весной 1908 г. решили дать бой и сломить профсоюзные организации и забастовочное движение. Местная ассоциация аграриев приняла решение не идти ни на какие уступки батракам и испольщикам. Готовясь к решительной схватке, землевладельцы поспешно приобретали сельскохозяйственные машины, переправляли скот в соседние провинции, вербовали в других местностях штрейкбрехеров, создавали вооруженные отряды и т. д.[119] Игнорируя достигнутое в 1907 г. соглашение о применении арбитража в случае трудовых конфликтов, аграрии прибегли весной 1908 г. к увольнению активных участников движения, провоцируя тем самым конфликт.

В ответ на эти действия палата труда, возглавляемая анархо-синдикалистом Альчесте де Амбрисом, объявила забастовку протеста и потребовала одновременно установления новых тарифов оплаты труда батраков. 1 мая началась всеобщая забастовка батраков провинции, затянувшаяся на два месяца. Несмотря на то, что ВКТ и ИСП отказались поддержать бастующих и этим затруднили их борьбу, трудящиеся Италии пришли на помощь забастовщикам, организуя сбор средств, приютив детей забастовщиков, терпевших страшные лишения, и т. д. Борьба приняла исключительно упорный характер. Предвосхищая методы фашистских сквадристов, сынки богачей терроризировали организаторов забастовки, устраивали нападения на жилища и т. п. По настоянию аграриев против бастующих были брошены войска и полиция, взявшие под защиту ввозимых из других провинций штрейкбрехеров, что вызвало кровавые столкновения, а затем и расправу с бастующими. Палата труда была взята штурмом, а забастовка слом-

[118] *A. Colombi.* Pagine di storia del movimento operaio. Roma, 1951, p. 61.
[119] Ibid., p. 60—67.

лена силой. Оправдывая позднее действия правительства, Джолитти заявлял, что смысл их был в том, чтобы «заставить соблюдать законы, гарантируя, следовательно, свободу тех, кто хочет работать, и свободу тех, кто хочет бастовать» [120].

Характеризуя по свежим следам событий развитие классовой борьбы в романских странах, В. И. Ленин писал в июле 1908 г., что в Италии, как и во Франции, «обострение классовой борьбы проявляется в особенно бурных, резких, частью прямо революционных взрывах, когда затаенная ненависть пролетариата к его угнетателям вырывается с внезапной силой, и «мирная» обстановка парламентской борьбы сменяется сценами настоящей гражданской войны» [121].

Неудача пармской забастовки свидетельствовала о несостоятельности надежд ее руководителей на то, что борьба в Парме послужит началом общенациональной всеобщей стачки, которая похоронит капитализм. Неумение анархо-синдикалистов пользоваться грозным оружием стачки, их подход к стачке как к своего рода революционной гимнастике, без учета реальных условий, шансов на успех, неспособность связать борьбу за экономические требования с политическими лозунгами и т. д.— все это свидетельствовало о несостоятельности анархо-синдикализма и способствовало его дискредитации среди трудящихся.

На X съезде ИСП, состоявшемся во Флоренции вскоре после поражения пармской забастовки, анархо-синдикализм был признан несовместимым с программой и задачами партии течением. Это решение, поставив анархо-синдикалистов вне партии, означало важный шаг на пути преодоления мелкобуржуазной революционности в итальянском социалистическом движении. После 1908 г. анархо-синдикализм вступил в полосу длительного кризиса. Его лидеры — Лабриола, Орано, Оливетти и другие — быстро эволюционировали вправо, сомкнувшись в 1911—1912 гг. с империалистическими группировками в проповеди культа силы и «революционных» действий на внешнеполитической арене, восхваляя колониальную экспансию, как якобы всесильное средство борьбы против нищеты, эмиграции и т. д. Часть же анархо-синдикалистов — «революционные синдикалисты» (Ф. Корридони, Альчесте де Амбрис и др.), — оставшись верна синдикалистским взглядам, сохранила связь с рабочими, по-прежнему руководя массовыми выступлениями пролетариата и противостоя реформистской тактике вождей ИСП и ВКТ.

Однако оборотной стороной осуждения анархо-синдикализма и размежевания с ним было упрочение в социалистическом движении Италии реформизма, занявшего господствующие позиции в

[120] Discorsi parlamentari di Giovanni Giolitti, v. III. Roma, 1954, p. 1261.

[121] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 181.

партии вплоть до 1912 г. Съезд поспешил осудить применение всеобщей стачки, оговорив, что она может быть использована лишь в исключительных случаях в масштабах отдельной местности или отрасли промышленности, а в национальном масштабе — только перед лицом угрозы реакции в стране [122]. Наряду с этим Флорентийский съезд отверг принцип постоянной оппозиции социалистов буржуазному правительству, ратуя за «позитивную работу» в государственных учреждениях. Программа-минимум, принятая Флорентийским съездом, носила откровенно реформистский характер. В ней не нашлось места ни коренному общедемократическому лозунгу борьбы за республику, ни требованию ликвидации крупного помещичьего землевладения и наделения землей крестьян, ни лозунгу 8-часового рабочего дня. Программа включала лишь требования всеобщего избирательного права, прогрессивного налога, светского образования, социального обеспечения матерей, инвалидов, стариков, уничтожения налога на зерно, сокращения срока военной службы и т. д. Она не отличалась ничем от аналогичных программ республиканцев и радикалов.

Интегрализм, чья роль «буфера» между крайними течениями в партии оказалась после размежевания с анархо-синдикалистами исчерпанной, после 1908 г. сошел на нет, превратившись в небольшую, маловлиятельную фракцию, которая и в дальнейшем в борьбе группировок занимала центристские позиции.

Переход руководства партией, парламентской фракцией, центральными органами партии в руки реформистов, а также преобладание реформистов во Всеобщей конфедерации труда пагубно отразились на массовом движении в стране, парализовав на время забастовочные выступления, кривая которых с 1909 г. поползла вниз. В то же время господство реформистов в партии привело к падению влияния партии в массах, содействуя уменьшению численности ее рядов и грозя отрывом ее от пролетарских масс.

Одной из важных проблем политической жизни Италии в период «долгого министерства» была проблема взаимоотношений либерального государства с Ватиканом. Новый век принес папству немало тревог. Антинациональный курс на изоляцию Италии, проводимый Ватиканом после объединения, и надежды на возвращение светской власти церкви с помощью иностранных штыков оказались бесплодными. Затянувшийся конфликт между Итальянским королевством и папством отнюдь не содействовал росту авторитета католической церкви, сужая возможности ее активного вмешательства в политическую жизнь. Бурный научный прогресс, успехи марксизма и рост рабочего и социалистического движения

[122] *G. Zibordi.* Storia dell Partito socialista italiano attraverso i suoi congressi. Reggio Emilia, 1958, p. 70.

способствовали усилению антиклерикальных настроений как в самой Италии, так и в других странах — Франции, Испании, Австро-Венгрии, где развертывалась широкая кампания за светское образование, за отделение церкви от государства, за ограничение деятельности религиозных конгрегаций и т. д. В самом лоне католической церкви с конца XIX в. усилилась оппозиция, настаивавшая на некоторой модернизации религиозных догм с учетом прогресса науки и на повороте церкви лицом к новым социальным и политическим проблемам, — течение, получившее название модернизма. Лидер оппозиции Мурри ратовал за расширение социальной и политической деятельности церкви среди трудящихся масс путем создания христианско-демократической партии.

Папа Пий X, находившийся на папском престоле с 1903 по 1914 г., попытался пресечь непокорность в рядах духовенства. Мурри в 1909 г. был отлучен от церкви, модернизм объявлен «худшей из ересей». Ряд энциклик и распоряжений инквизиции сурово осудили проповедь модернистами свободы изучения и критики церковных догматов и их выступления против организационной структуры церкви [123]. Но в своей практической деятельности Ватикан вынужден был проводить более гибкую тактику в отношении как светских властей, так и масс. Поддержка католиками либеральной коалиции на выборах 1904 г. против растущего влияния социалистов была подкреплена широкой деятельностью по созданию массовых организаций среди рабочих и крестьян.

В 1906 г. с ведома и благословения Ватикана были основаны Народный союз католиков Италии, Социально-экономический союз итальянских католиков и Итальянский католический избирательный союз, к которым в 1908 г. добавился Союз католических женщин Италии. В 1909 г. они были объединены в единой ассоциации, координировавшей их действия. Шел процесс оформления католических кооперативов, «белых лиг» — католических профсоюзов, касс взаимопомощи, так называемых «народных банков». В конце 1910 г. католические профсоюзные организации, общества взаимопомощи и кооперативы насчитывали в общей сложности 346 864 члена [124]. Таким путем Ватикану удалось упрочить свое влияние среди различных категорий сельского населения (от кулаков до батраков), рабочих текстильной и других отраслей промышленности, служащих и т. п.

Деятельность Ватикана, направленная своим острием против социалистов, находила сочувствие и понимание не только у консер-

[123] См. *Д. Канделоро*. Католическое движение в Италии. М., 1955, гл. VII—VIII.

[124] *Д. Канделоро*. Указ. соч., стр. 370.

вативных политических группировок, но и у части либералов. В противовес им демократические силы Италии страстно протестовали против попустительств церкви и религиозным организациям, настаивая на отделении школы от церкви и других антицерковных мерах. Первое десятилетие XX в. ознаменовалось в Италии бурными антиклерикальными выступлениями, в которых (как это было в кампании протеста против расправы испанской реакции с убежденным антиклерикалом Ф. Феррером в 1909 г. и в годовщину сожжения Джордано Бруно в 1910 г.) принимали участие широкие народные массы, особенно северных районов страны.

Оказавшись между двух огней, Джолитти, верный своим принципам борьбы за политическое равновесие сил, исходил из принципа невмешательства государства в дела церкви, тогда как демократические силы ожидали от него действенной антиклерикальной политики. «Я не хочу ни вмешательства государства в дела церкви, ни вмешательства церкви в дела государства,— заявил он в парламенте 9 марта 1909 г.— Государство должно быть абсолютным сувереном, но должно уважать все верования и поддерживать максимальную свободу для всех» [125].

Идя по этому пути, «долгое министерство» Джолитти саботировало требования левых сил о светском образовании в стране. Новый устав начальной школы, принятый в 1908 г. по настоянию Джолитти, передавал решение вопроса о преподавании в школе закона божьего на усмотрение родителей и коммун на местах. Правительство Джолитти остерегалось скомпрометировать себя поддержкой антиклерикальных выступлений в стране, чем заслужило известное благорасположение руководства Ватикана. Как отмечал посланник России при Ватикане Сазонов, между правительством и Ватиканом стали складываться отношения, «формально чрезвычайно неопределенные, но фактически, благодаря постоянным неизбежным сношениям, почти неизменно гладкие» [126].

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА «ДОЛГОГО МИНИСТЕРСТВА» ДЖОЛИТТИ. ФОРМИРОВАНИЕ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В ИТАЛИИ

Внешнеполитический курс «долгого министерства» Джолитти основывался на сохранении Тройственного союза при одновременном улучшении отношений с Англией, Францией и Россией. Лавирование Италии между двумя блоками в решающей мере определя-

[125] Discorsi parlamentari di Giovanni Giolitti, v. III, p. 231.
[126] АВПР, ф. Ватикан, д. 17, л. 84.

лось возросшими агрессивными притязаниями итальянского империализма в бассейне Средиземного моря. Главным объектом итальянской экспансии по-прежнему оставался африканский континент, особенно Северо-Восточная Африка. Итальянские колониальные власти Эритреи и Бенадира не прекращали расширять колониальные владения Италии за счет Эфиопии, провоцируя бесконечные пограничные инциденты. 5 апреля 1908 г. из Бенадира и вновь захваченных территорий была создана новая колония, получившая название Итальянского Сомали. По мере развития и укрепления итальянских банков и промышленности в первом десятилетии XX в. усилился вывоз итальянских промышленных товаров и капиталов на Балканы, в Турцию, в североафриканские вилайеты Османской империи — Триполитанию и Киренаику, занявшие важное место в колониальных планах итальянского правительства и экспансионистских кругов Италии. Особенно активизировалась внешнеполитическая деятельность римского кабинета в 1908 г., в связи с обострением «восточного вопроса» и начавшимся осенью 1908 г. боснийским кризисом, в ходе которого выявились острые разногласия между Италией и Австро-Венгрией. Воспользовавшись кризисом Османской империи, итальянское правительство, прибегнув к военно-морской демонстрации, добилось в Константинополе ряда льгот, облегчавших экономическую экспансию в Триполитанию и Киренаику, а отчасти и в Малую Азию. Итальянские банки с помощью правительства активизировали свою деятельность в Черногории и Албании.

Итальянское правительство, рассчитывая на поддержку царской России в противодействии экспансии Австро-Венгрии на Балканах, проявило большую заинтересованность в сближении с Россией. После длительных переговоров между Римом и Петербургом, несмотря на протест социалистов, состоялся, наконец, визит Николая II в Италию. 24 октября 1909 г. в Раккониджи в результате переговоров между министрами иностранных дел Титтони и Извольским была заключена империалистическая сделка царизма и итальянской монархии о сотрудничестве на Балканах и в Средиземноморском бассейне. Обе стороны принимали на себя обязательство поддерживать статус-кво на Балканах и не заключать впредь с третьими державами новых соглашений о Балканах «без соучастия другой» (пункт, направленный своим острием против Австро-Венгрии).

Италия и Россия достигли также соглашения о взаимной поддержке в вопросах пересмотра режима проливов в интересах России и притязаний Италии на Триполитанию и Киренаику.

В то же время римский кабинет предпринял меры для нормализации отношений с Австро-Венгрией, непосредственно вслед за «свиданием в Раккониджи» подготовив новое итало-австрийское

соглашение о Балканах (оно было подписано в декабре 1909 г. сменившим кабинет Джолитти правительством Соннино). Соглашение, которое по желанию обеих сторон должно было содержаться в строжайшей тайне от всех держав, кроме Германии, включало обязательство держав взаимно информировать друг друга о важнейших вопросах балканской политики и — серьезная уступка венского кабинета союзнице — обещание Австро-Венгрии в случае оккупации ею Новипазарского санджака предоставить компенсацию Италии. Двусторонние соглашения о Балканах с Россией и Австро-Венгрией имели целью добиться признания этими державами, игравшими значительную роль на Балканах, «особых интересов» Италии в этом районе. Опираясь на них, итальянскому империализму удалось впоследствии, в период итало-турецкой и балканской войн, серьезно укрепить свои позиции в Средиземноморском бассейне.

Внешнеполитический курс и колониальная экспансия являлись объектом острой политической борьбы внутри Италии. Правые консервативные силы, в том числе группировка Соннино, ратовали за верность Тройственному союзу, усматривая в нем оплот незыблемости монархического строя в Италии и залог прочных международных позиций страны и успешной экспансии. В противовес им республиканцы, радикалы и часть социалистов, как и в конце XIX в., выступали за разрыв Италии с Тройственным союзом и сближение со странами Антанты, полагая, что отказ от союза с монархиями Гогенцоллернов и Габсбургов пойдет на пользу миру в Европе и делу демократии и прогресса в самой Италии. Немалую роль в антантофильских настроениях буржуазно-демократических группировок играли ирредентистские мотивы. Они выдвигали лозунг присоединения к Италии пограничных земель с итальянским населением (ирреденто — по-итальянски: «неосвобожденный», «находящийся под чужим владычеством») любыми средствами, не исключая войны с Австро-Венгрией, которая расценивалась ими как главный враг Италии и дела независимости народов Юго-Восточной Европы. Если в 70—80-х годах XIX в. ирредентизм был боевым лозунгом буржуазной демократии, выступавшей за завершение объединения Италии, то в новых условиях он утратил прогрессивный характер, превратившись объективно в рупор империалистических сил, добивавшихся расширения итальянской экспансии на Балканах.

Наряду с правыми консервативными группировками, ратовавшими за продолжение дела Криспи и активную колониальную политику, а также ирредентистами немалую роль в становлении империалистической идеологии в Италии в XX в. сыграл национализм, сложившийся в самостоятельную силу в период боснийского кризиса,

Программа национализма, основные идеи которого уже нашли отражение в журнале «Реньо» (начавшем выходить в 1903 г.), была сформулирована в 1908 г. Энрико Коррадини, вставшим во главе движения, в «Принципах национализма» и развита в его дальнейших работах и в работах его последователей. Коррадини утверждал, что «национализм является доктриной тех, кто рассматривает нацию... как единый и целостный большой индивидуум», что «непременным условием консолидации наций является непрерывная борьба одной нации против другой». «Национализм,— заявлял Коррадини,— утверждает необходимость борьбы на международной арене, чтобы нация могла занять достойное экономическое и моральное место в мире» [127]. Коррадини провозгласил, что Италия якобы является «пролетарской нацией», угнетаемой другими «плутократическими» странами, а поэтому, де, нужно перенести центр тяжести с классовой борьбы внутри страны на борьбу между нациями [128]. Главным своим врагом национализм объявлял социалистов.

Продолжая и развивая идеи Коррадини, его близкий единомышленник Луиджи Федерцони ратовал за «глубоко рациональную и эгоистичную внешнюю политику», которая бы способствовала экономической и колониальной экспансии и распространила бы итальянскую цивилизацию «на весь мир» [129].

Формирование империалистической идеологии в Италии сопровождалось усилением милитаризации страны. Правительство Джолитти уделяло немало внимания упрочению военно-морского флота, улучшению технической вооруженности армии, увеличивая из года в год военные расходы. Социалистическая партия, осуждая милитаризм и уделяя немало места разоблачению роста военной опасности в Европе, не сумела, однако, противопоставить позиции правительства и буржуазного лагеря последовательно-интернационалистскую программу действий. Среди итальянских социалистов и особенно анархо-синдикалистов немалым влиянием пользовались идеи французского социалиста Эрве, призывавшего ответить на войну всеобщей забастовкой и объявлявшего понятия нации и отечества не имеющими никакой ценности для пролетариата. Обратной крайностью было сползание реформистов на позиции буржуазного патриотизма, что нашло выражение в голосовании социалистов-парламентариев в 1909 г. за увеличение военных расходов «в интересах укрепления обороны».

[127] *E. Corradini.* Le nazioni proletarie ed il nazionalismo. Roma, 1911, p. 21.

[128] *E. Anchieri.* Antologia storico-diplomatica. Raccolta ordinata di documenti diplomatici, politici, memorialistici, di trattati e convenzioni dal 1815 al 1940 (S. a.), p. 323—325.

[129] Ibid., p. 325—326.

К 1909 г. в джолиттианской системе вновь дали себя знать серьезные перебои. Внутриполитический и внешнеполитический курс правительства в конце 1908 — начале 1909 г. подвергся острой критике как правых, так и левых сил. С трудом, посредством парламентских маневров, была предотвращена отставка министра иностранных дел Титтони. Будучи опытным, искушенным в парламентской игре деятелем, Джолитти поспешил добиться от короля согласия на роспуск парламента и проведение досрочных парламентских выборов 7—14 марта 1909 г. В ходе этих выборов партии «Левой» сумели взять реванш за поражение, нанесенное им силами «порядка» в 1904 г., завоевав в общей сложности 110 мест. Социалисты получили 42 мандата, на 16 больше, чем в 1904 г. Клерикалам удалось провести в парламент 16 депутатов, пополнивших ряды правой оппозиции Джолитти.

Несмотря на то, что Джолитти и его сторонникам вновь удалось завоевать серьезные позиции в парламенте, против кабинета Джолитти на протяжении всего 1909 г. энергично выступали силы и правой, и левой оппозиции. Объектом острой борьбы в парламенте стал вопрос об организации морских служб и перевозок, находившейся в руках частной компании. Попытки правительства пересмотреть условия конвенции, упорядочив перевозку морских грузов, затронули интересы самых различных сил и были использованы оппозицией для того, чтобы свалить Джолитти. Когда стало очевидно, что правительству не удастся провести в парламенте свой законопроект, Джолитти решил пойти ва-банк и склонить левые силы к прямой поддержке кабинета. Он предложил проекты законов о снижении налога на сахар и введении прогрессивного налога на доходы от движимого имущества, на землю и строения.

Встретив сильную оппозицию правых группировок и не получив ожидаемой поддержки со стороны партий «Крайней левой», Джолитти 9 декабря 1909 г. был вынужден уйти в отставку. Однако предложенные Джолитти законопроекты позволили ему сохранить ореол поборника демократических реформ, создав условия для возвращения в будущем к власти.

ОБОСТРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ ВОКРУГ ЛИБЕРАЛЬНОГО КУРСА В 1909—1911 ГГ.

Временным поражением Джолитти попытались воспользоваться консервативные силы. 11 декабря 1909 г. Соннино сформировал кабинет преимущественно из деятелей правого толка. Однако и его политические позиции были непрочными. В противоположность «100 дням» Соннино 1906 г. социалисты, равно как и радикалы, на

этот раз отказали ему в поддержке. Попытка апеллировать к левой части джолиттианского либерального большинства также оказалась неудачной. Годы либерального правления устранили возможность проведения консервативного, в духе традиций XIX в., курса, за который ратовал Соннино. Выработанная с большим трудом правительственная программа, имея целью достичь компромисса между правыми силами и сторонниками Джолитти, не удовлетворила ни тех, ни других. Правительство обещало урегулировать вопрос о морских конвенциях, основать Банк кооперации и труда, оказать содействие аграрному кредиту, провести реформу местных налогов и образования. Во внешней политике правительство провозгласило курс на создание сильной армии, укрепление границ, упрочение Тройственного союза и т. д. Но из всех этих мероприятий кабинету Соннино удалось лишь ратифицировать подготовленное еще Титтони соглашение с Австро-Венгрией (см. выше). Вопрос о конвенции на морские перевозки явился подводным рифом, который сокрушил кабинет Соннино, а вместе с ним и надежды старых консервативных сил противопоставить либеральному курсу блок крупной буржуазии и аграриев Юга, а курсу социальных реформ и сотрудничества с социалистами — политику консервативного патернализма.

После длительных и трудных переговоров 31 марта был составлен коалиционный кабинет Луццатти, в который вошли представители всех оттенков либерального большинства парламента и два радикала — Сакки и Кредаро. Луццатти удалось заручиться поддержкой социалистов и других левых сил благодаря выдвинутому им проекту избирательной реформы, обещаниям проводить антицерковный курс в духе традиций итальянского либерализма, провести реформу сената, создать кассу материнства, Трудовой банк и т. п. Опираясь практически на те же силы, что и Джолитти, Луццатти фактически выступал проводником джолиттианского курса до того момента, когда Джолитти счел возможным вернуться вновь к власти.

Приход Луццатти к власти совпал с полосой серьезных экономических трудностей. Тяжелый неурожай 1910 г. дополнился в 1910—1911 гг. спадом производства в ряде отраслей итальянской промышленности — судостроительной, металлургической, текстильной и др. В стране усилились дороговизна и безработица, на Юге (Неаполь, Салерно) начала распространяться холера. Вспыхивали холерные бунты, когда отчаявшиеся толпы, не встречая помощи со стороны местных властей, нападали на муниципалитеты, лазареты, вступали в борьбу с войсками, посланными на усмирение. В связи с ростом притязаний экспансионистских сил Италии на Триполитанию и Киренаику обострились отношения Италии с Османской империей.

В стране все выше поднимали голову новые империалистические силы, призывавшие преодолеть внутренние трудности на путях колониальной экспансии и создания сильной власти. В 1910 г. состоялся учредительный съезд «Националистической ассоциации». Вся его работа была проникнута духом шовинизма, восхвалением войны, призывом к классовому перемирию во имя «общенациональных интересов». На съезде была сформулирована программа итальянских территориальных захватов. Националисты заявили, что «Великая Италия» должна господствовать на Средиземном, Адриатическом, Тирренском морях, распространиться на Северную Африку и упрочиться в Малой Азии. После съезда «Националистическая ассоциация» стала создавать свои отделения по всей стране. Орган националистов газета «Идеа национале» усиленно прославляла культ сильной власти. Римскую империю, усматривая в былом могуществе античного Рима оправдание колониальных устремлений Италии в Средиземноморском бассейне и призывая к борьбе против социализма, демократии и парламентарного строя.

В рабочем и социалистическом движении Италии вновь обострилась борьба реформистского и революционного направлений. Засилье реформизма в партии ускорило сползание правого крыла реформистов во главе с Биссолати и Бономи на позиции социалшовинизма и открытого союза с буржуазией. На очередном съезде ИСП в Милане (1910 г.) Биссолати призвал социалистов довести до логического конца реформистские установки о классовом сотрудничестве путем участия в буржуазном правительстве. Самостоятельную социалистическую партию Биссолати объявил «сухой ветвью» рабочего движения. В унисон с Биссолати лидер ВКТ Р. Ригола выступил с ликвидаторским предложением слияния партии с профсоюзами, чтобы создать широкую «рабочую» партию с тред-юнионистскими задачами. Турати и его сторонники не разделяли крайних концепций Биссолати, опасаясь не без основания, что их претворение в жизнь ослабит связи партии с массами. Это не мешало им проповедовать и проводить курс поддержки правительства Луццатти из-за боязни помешать осуществлению предложенных им реформ, которым они придавали непомерное значение.

Между тем реформаторская деятельность Луццатти носила крайне умеренный характер. Широко разрекламированная реформа сената свелась к предоставлению сенату права избирать своего председателя и его заместителей. Проект избирательной реформы Луццатти предусматривал частичную отмену образовательного ценза для граждан свыше 30 лет, что расширило бы избирательный корпус с 3 до 5 млн. чел. Однако проект не ликвидировал высокого возрастного ценза и других ограничений, в нем предусматривалось введение принципа обязательности голосования под угрозой судебной ответственности, что настроило против Луццатти социалистов

и другие демократические группировки. Вокруг проекта избирательной реформы в парламенте развернулась напряженная борьба.

В крайне напряженной внутриполитической и внешнеполитической обстановке, сложившейся к концу первого десятилетия XX в., правящие круги Италии нуждались в более опытном и авторитетном государственном деятеле, чем Луццатти. И вновь, как в 1903 и в 1906 гг., жребий пал на Джованни Джолитти, который, даже оставаясь не у дел, пользовался огромным влиянием в политических кругах. Воспользовавшись парламентской дискуссией, развернувшейся вокруг законопроекта об избирательной реформе, он 12 марта 1911 г. при восторженном одобрении депутатов «Крайней левой» высказался в пользу более радикального изменения избирательной системы.

«За двадцать лет, прошедших со времени последнего избирательного закона,— заявил он,— в Италии произошла великая социальная революция, которая обеспечила большой прогресс в экономическом, интеллектуальном и моральном состоянии народных классов. Этому прогрессу, по моему мнению, соответствует их право на самое прямое участие в политической жизни страны» [130]. Судьба кабинета Луццатти этим выступлением была решена. Представители радикальной партии в правительстве в тот же день подали в отставку, а вслед за этим и сам Луццатти сложил с себя обязанности председателя кабинета министров.

Вернувшись к власти, Джолитти предпринял наиболее энергичные за все годы своего правления меры, чтобы реализовать свой идеал либерального государства. В этом государстве правящие круги, по мнению Джолитти, располагали бы широкой социальной базой в лице трудящихся масс, включенных в политическую жизнь страны, но не в качестве самостоятельной силы, а послушного орудия в руках наиболее прогрессивных слоев буржуазии. Главной заботой Джолитти, как и в предыдущие годы, было обеспечить себе поддержку партий «Крайней левой», и прежде всего социалистов, с тем чтобы совлечь рабочий класс с пути революционной борьбы, навязав ему политику классового сотрудничества с буржуазией.

Джолитти предложил предоставить избирательное право всем гражданам мужского пола старше 21 года, умеющим читать и писать, а для тех, кто отслужил срок военной службы или достиг возраста 30 лет, отменить также и образовательный ценз. Благодаря этому число избирателей возрастало с 3 до 8 млн., охватывая бо́льшую часть мужского населения страны (женщины, вопреки требованиям социалистов, по проекту Джолитти по-прежнему были устранены от участия в выборах). Кроме того, Джолитти внес проект об упразднении многочисленных частных страховых об-

[130] Discorsi parlamentari di Giovanni Giolitti, v. III, p. 1364—1365.

ществ и передаче дела страхования в руки государства. Доходы от государственной монополии страхования должны были пойти на социальное страхование по старости и нетрудоспособности.

За правительственную программу при обсуждении ее в парламенте проголосовало 340 депутатов, в том числе 232 депутата так называемой «Конституционной левой» (депутаты-либералы джолиттианского толка), 41 радикал, 30 социалистов. Такого успеха не имел еще ни один кабинет Джолитти. В оппозиции оказались правые фракции — большинство депутатов католиков, группировка Соннино — Саландра, озабоченная перспективой сотрудничества Джолитти с социалистами, сторонники Рудини и некоторые представители «Крайней левой», недовольные политикой Джолитти в отношении южных районов [131].

Джолитти предложил пост министра земледелия Биссолати, который неоднократно высказывался в пользу участия социалистов в буржуазном правительстве. Биссолати счел возможным принять участие в переговорах о составе кабинета, что благодаря прессе получило широкую огласку и вызвало бурю негодования среди низовых организаций социалистической партии и страстные дискуссии в прессе, руководстве партии и ее парламентской группе. Биссолати уже по первой реакции понял, что, приняв предложение, он не получит одобрения партии, а без поддержки трудящихся масс его участие в правительстве было лишено, как заявил он позднее, в 1912 г., «всякого политического смысла» [132]. Он отклонил предложенный ему министерский пост, обещав при этом Джолитти всемерную поддержку его мероприятиям.

Предстоящая реформа избирательной системы, которая всегда трактовалась реформистами как главное условие демократического обновления политической жизни и завоевания власти рабочим классом, и «казус Биссолати» (т. е. факт посещения социалистом королевского дворца — вещь неслыханная для итальянских социалистов, всегда гордившихся непримиримостью своих республиканских убеждений) поставили перед Итальянской социалистической партией во весь рост те проблемы, которые были предметом ожесточенных дискуссий в международном социалистическом движении. В основе этих проблем — отношение к реформам и буржуазному государству, к парламентской деятельности, взаимоотношения между партией и парламентскими ее представителями и др.— лежал кар-

[131] Atti del parlamento italiano. Camera dei deputati. Sessione 1909—1912. Discussioni, v. XV. Roma 1912, p. 17147.

[132] Direzione del Partito Socialista Italiano. Resoconto stenografico del XII congresso nazionale del Partito Socialista Italiano. Modena, 15—18 ottobre (далее — Resoconto stenografico del XII congresso nazionale del PSI). Milano, 1912, p. 236—237.

динальный вопрос о путях и методах классовой борьбы и завоевания власти рабочим классом.

«Казус Биссолати» явился закономерным результатом того курса, который проводили реформисты в социалистической партии и Всеобщей конфедерации труда после поражения анархо-синдикалистов в 1908 г. Считая революцию делом далекого будущего или, подобно Бономи, отрицая вообще ее необходимость, реформисты сдерживали революционный порыв масс, признавая пользу массовых движений лишь в борьбе за социальное законодательство и экономические требования. Неоднократно реформистское руководство ИСП и ВКТ саботировало забастовочную борьбу, бросая на произвол судьбы забастовщиков, обвиняя их в приверженности к анархо-синдикализму. Одержимые страхом помешать осуществлению реформ сверху, действуя из-за боязни возврата реакции в стране по принципу «наименьшего зла», реформисты погрузились в парламентскую борьбу, превращая партию в придаток парламентской фракции. Ликвидаторская проповедь Биссолати и его единомышленников плачевно отразилась на партийной дисциплине и организации, усилив разброд внутри партии. Теоретические органы партии, находясь в руках реформистов, усиленно ревизовали марксизм, проповедуя позитивизм, являвшийся с конца XIX в. официальной идейной платформой партии, и различные разновидности субъективного идеализма, объявляя устаревшим экономическое учение Маркса и т. д. В этих условиях ратовать за участие в правительстве или, как это делали сторонники Турати, за поддержку либеральных реформ значило превратить социалистическую партию в составную часть правительственного механизма и в придаток буржуазных партий, к чему объективно и стремился Джолитти, свести задачи партии к содействию капиталистическому прогрессу, отказавшись от революционной борьбы против самой системы эксплуатации.

Однако надежды Джолитти на сотрудничество с ИСП и ответное стремление к сотрудничеству с ним реформистского руководства ИСП встретили противодействие со стороны массы итальянского пролетариата и рядовых социалистов. Весь опыт джолиттианского десятилетия убедительно свидетельствовал о слабости массовой базы реформизма в стране, где отсутствовала сколько-нибудь значительная прослойка рабочей аристократии, в стране нищего, безземельного крестьянства, массовой эмиграции и одного из самых низких в Европе жизненного уровня трудящихся. В этих условиях проповедь реформизма неминуемо наталкивалась на сопротивление масс, своей борьбой заставлявших считаться с их позицией даже откровенно правых реформистов.

Со времени Миланского съезда внутри ИСП конституировалась «революционная фракция», выступившая за отказ от реформистской политики руководства и за возврат партии на путь классовой

борьбы. Один из лидеров фракции Дж. Лерда, формулируя ее задачи, указывал, что в основе деятельности фракции лежат принципы, «общие и понятные для всех,— антипоссибилизм и антиминистериализм» [133]. Орган фракции «Соффитта», начавший выходить 1 мая 1911 г., организовал широкую дискуссию вокруг «казуса Биссолати» и проблемы отношения социалистов к буржуазному правительству. 15 мая 1911 г. в «Соффитта» была опубликована статья Р. Люксембург о положении в Итальянской социалистической партии, в которой она констатировала, что, дав свободу правым течениям, партия «движется по пути, который ведет в пропасть. Не та или иная политика, не та или другая тенденция, но будущее и само существование партии поставлены под вопрос» [134]. Р. Люксембург подчеркивала, что, став простым придатком парламентской фракции, ИСП утрачивает контакт с массами пролетариата, «превращаясь в игрушку буржуазной политики и влача за собой, как тень собственной слабости, синдикализм, эту анархистскую карикатуру на революционный социализм» [135]. Она призывала возродить научный социализм, преданный забвению реформистами, усилить революционную пропаганду в массах, превратить партию в сознательный авангард пролетариата.

ЦК «революционной фракции» при поддержке масс добился решения о созыве в октябре 1911 г. чрезвычайного съезда ИСП для обсуждения вопроса об отношении социалистов к буржуазному правительству. Фракция достигла серьезных успехов; к осени она располагала поддержкой социалистов Тосканы, Римского социалистического союза, Турина и ряда других местностей.

Борьба внутри ИСП нанесла серьезный удар по планам Джолитти. Правда, ему удалось заручиться на этот раз поддержкой радикалов и их участием в правительстве, однако оппозиция социалистов и республиканцев, особенно в ходе обсуждения законопроектов о реформе избирательного права и введения государственной монополии страхования, осложнила политические позиции правительства. Правые силы подвергли резким нападкам оба проекта, усматривая в них опасное усиление политических позиций социалистов и покушение на принцип частной собственности. Столкнувшись с сильным сопротивлением в парламенте и левых и правых сил, которые по диаметрально противоположным мотивам не считали для себя возможным одобрить правительственные предложения, Джолитти распустил парламент на летние каникулы.

Острая борьба вокруг внутренних реформ в стране переплеталась с широкой дискуссией по внешнеполитическим вопросам.

133 «La Soffitta», 1.IX 1911.
134 «La Soffitta», 15.V 1911.
135 Ibidem.

ИТАЛО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1911—1912 ГГ. И ПОЛЯРИЗАЦИЯ КЛАССОВЫХ СИЛ ИТАЛЬЯНСКОГО ОБЩЕСТВА

Проходившие в 1911 г. торжества по случаю 50-летия образования Итальянского королевства были использованы правящими кругами для активизации шовинистической и колониальной пропаганды в стране. С церковного амвона, в прессе, с парламентской трибуны звучали призывы обеспечить Италии достойное место среди великих держав и вернуть ей былое величие Римской империи. К лету — осени 1911 г. в стране сложился сильный лагерь сторонников колониальной экспансии в Северной Африке. Основу его составляла крупная финансовая и промышленная буржуазия, аграрии, латифундисты Юга, духовенство, военная и чиновничья верхушка. К нему примкнула также значительная часть интеллигенции и городской мелкой буржуазии.

Правительство Джолитти, создавая видимость, что оно вынуждено к решительным действиям только под давлением общественного мнения, в период марокканского кризиса 1911 г. начало активную подготовку колониальной экспедиции в Северную Африку. С помощью победоносной колониальной войны оно рассчитывало заключить союз с консервативными и империалистическими группировками, отвлечь внимание трудящихся от насущных внутренних проблем, облегчить эмиграцию и, посулив крестьянству Юга «заморские земли», ослабить остроту конфликта с южными районами. Обладание Триполитанией и Киренаикой рассматривалось правящими кругами как непременное условие создания обширной колониальной империи в Африке и укрепления позиций Италии в средиземноморском бассейне.

27 сентября 1911 г. итальянское правительство предъявило Турции ультиматум, заявив о своем намерении оккупировать Триполитанию и Киренаику с целью «приобщить эти области к прогрессу» и вывести их из «состояния беспорядка и заброшенности». Несмотря на готовность турецкого правительства урегулировать конфликт мирным путем, римский кабинет 29 сентября объявил Турции войну, вошедшую в историю под названием Ливийской, или Триполитанской. Итальянские экспедиционные силы высадились в приморских городах Триполитании и Киренаики — Триполи, Хомсе, Дерне, Бенгази, Тобруке. Однако им не удалось разгромить турецкие регулярные части, отступившие внутрь страны. Местное население, вопреки расчетам Рима, оказало вооруженное сопротивление итальянским оккупантам, поднявшись на национально-освободительную борьбу. «Легкая военная прогулка», которую сулили националистические органы, превратилась в изнурительную колониальную войну, потребовавшую больших усилий.

Попытки итальянского правительства расширить сферу военных действий в Адриатике и Восточном Средиземноморье осложнили его отношения с правящими кругами европейских стран, настаивавшими на локализации военных действий из опасений перед возможностью усиления национально-освободительного движения балканских народов. Колониальные методы ведения войны итальянскими экспедиционными силами и беспощадная расправа с мирными жителями вызвали возмущение демократической общественности, резко осудившей разбойничьи действия итальянского правительства. В самой Италии Ливийская война усилила политическую борьбу, разделив страну на два лагеря — сторонников и противников колониальной агрессии. В ходе войны произошла консолидация буржуазных политических партий и группировок на платформе милитаризма, воинствующего национализма и реакции.

Лагерь сторонников колониальной войны — «триполитанцев», как их стали называть в Италии,— включал правые консервативные силы, в том числе и Ватикан, все оттенки либералов от правой группы Соннино — Саландра и «молодых либералов» (Борелли, Канончини, Джованни Амендола) до левых либералов джолиттианского толка, часть радикалов и республиканцев, анархо-синдикалистов и деятелей социалистической партии (Лабриола, Ферри, Биссолати и др.).

Давление консервативных группировок не прошло бесследно для правительства Джолитти, усилив кризис либерализма и дальнейшее поправение джолиттианского курса.

Правда, Джолитти, стремясь обеспечить себе поддержку со стороны реформистов, поспешил заверить, что война не повлияет никоим образом на внутреннюю политику и не помешает осуществлению намеченных реформ. В известной речи, произнесенной им 7 октября 1911 г. в Турине, Джолитти говорил о необходимости заменить классовую борьбу сотрудничеством различных социальных классов. Взывая к благоразумию правящих классов и трудящихся масс, Джолитти воздавал хвалу колониальной войне, трактуя ее как истинно национальное мероприятие и призывая все партии оказать поддержку правительству, оставив в стороне разногласия [136].

Претензия правительства Джолитти выступить в роли правительства национальной концентрации, выражающего интересы всех партий и группировок, практически означала пересмотр прежнего курса Джолитти на изоляцию правых сил и призыв к сотрудничеству с ними, равно как и с силами «Крайней левой». Это не могло не усилить конфликта либерального правительства с социалистической партией и демократическими течениями, выступавши-

[136] *G. Giolitti.* Discorsi extraparlamentari. Torino, 1952, p. 260—264.

32. Скаларини. «Аэроплан». Антивоенный рисунок

ми против колониальной агрессии (левые республиканцы, группа «Унита» Сальвемини и некоторые др.).

Верный интернационалистским традициям борьбы против войн, колониальной экспансии и милитаризма, авангард рабочего класса, вопреки националистской и шовинистической пропаганде, сумел пойти наперекор волне национализма, захлестнувшей итальянское общество в 1911—1912 гг. Под давлением низовых секций социалистической партии и «революционной фракции» руководство ИСП и ВКТ на совместном заседании 25 сентября 1911 г. приняло манифест, осуждавший войну, и призвало начать 27 сентября 24-часовую всеобщую забастовку протеста.

Правительство Джолитти приняло все меры, чтобы сорвать забастовку. В Рим, Милан и другие промышленные центры были стянуты войска. Антивоенные митинги были фактически запрещены. Местные власти всячески содействовали проведению «патриотических» манифестаций, в организации которых особенно усердствовали националисты. Вся буржуазная пресса обрушила на социалистов обвинения в государственной измене, называя противников войны «турками». На улицах развертывались схватки сторонников и противников войны. Несмотря на это, 27 сентября во многих городах и населенных пунктах прошли антивоенные

забастовки и демонстрации протеста. Особенно успешными они были в Северной и отчасти Центральной Италии.

15—18 октября 1911 г. в Модене собрался чрезвычайный съезд ИСП, принявший специальную резолюцию о войне. В этой резолюции была выражена «непримиримая враждебность войне со стороны социалистической партии и организованного пролетариата»[137]. На съезде «революционная фракция» развернула борьбу против сторонников участия социалистов в буржуазном правительстве и поддержки его, указав, что это противоречит концепции и практике классовой борьбы и особенно нетерпимо в условиях колониальной войны[138]. Реформисты туратианского направления, расценивающие войну как препятствие для социального и политического прогресса Италии, не отказываясь от реформистской концепции классовой борьбы, заявили о своем решении перейти в оппозицию правительству[139]. Биссолати и его сторонники видели в войне осуществление Италией цивилизаторской миссии в Африке и считали, что переход социалистов в оппозицию может затруднить проведение реформ. Со времени съезда в Модене в реформистском направлении выделились, таким образом, два течения — правых и левых реформистов, которые, исходя из общих программных установок, тем не менее разошлись в тактических вопросах. Но, учитывая, что резолюция «революционной фракции» с осуждением реформистского курса партии собрала 38% голосов и, таким образом, возникла угроза перехода в ее руки руководства партией, правые реформисты вместе с интегралистами, занимавшими позицию, близкую к Турати, поспешили поддержать проект резолюции левых реформистов. Проект левых реформистов, хотя и предусматривал переход ИСП в оппозицию правительству, расценивал это как тактический шаг, а не как отказ от реформистской линии партии. Ценой перехода в оппозицию правительству реформизм смог сохранить руководящие позиции в партии и создать видимость единства ее рядов. Съезд не принял никаких организационных мер ни к Биссолати, ни к его единомышленникам, которые в дальнейшем, грубо попирая решения съезда, сползли на социал-шовинистические позиции.

Тем временем жизнь подтверждала предсказания противников войны о пагубных последствиях ее для политической жизни Италии. В первые же дни войны правительство ввело жесткую цензуру, существенно ограничив свободу печати в стране. Органы социалистической и синдикалистской печати, которые вели активную антивоенную пропаганду,— «Авангуардиа», «Интернациона-

[137] Resoconto stenografico del XII congresso nazionale del PSI, p. 156.
[138] Ibid. p. 184—187.
[139] Ibid., p. 36.

ле ди Парма», «Джовенту сочиалиста», «Пропаганда» и другие — неоднократно повергались судебным преследованиям. По всей стране действовали военные трибуналы; к марту 1912 г. за выступления против войны около 220 чел. было арестовано и находилось в тюрьмах, 60 — были в изгнании, против 20 чел. возбуждены судебные преследования [140].

Правительство Джолитти с молчаливого согласия буржуазных политических партий объявило войну без санкции парламента и оттягивало возобновление парламентской сессии вплоть до февраля 1912 г., поставив, таким образом, свою деятельность вне контроля парламента. Когда же в феврале 1912 г. парламент возобновил работу, в нем уже господствовали шовинистические настроения, захватившие и часть представителей «Крайней левой». Голоса Турати, представителя республиканской парламентской фракции Кьеза и других ораторов, пытавшихся пойти против течения, потонули в общем хоре националистически настроенных депутатов, одобривших колониальную войну.

Стремясь закрепить разрыв Джолитти с социалистами, правые группировки парламента во имя «национального единства» одобрили весной 1912 г. те самые законопроекты о государственном страховании и реформе избирательной системы, против которых они так страстно возражали в 1911 г.

Избирательная реформа, открывавшая доступ к участию в политической жизни страны миллионам трудящихся города и деревни, в новых условиях превращалась в известной мере в маневр Джолитти и правых сил, имевший целью противопоставить промышленному пролетариату Севера голоса отсталых, политически невежественных крестьян Юга. Характерно, что в манифесте, принятом на совещании представителей католических организаций в Риме в марте 1912 г., указывалось, что поддержка католиками избирательной реформы вызвана тем, что при существующей избирательной системе рабочие, находящиеся под влиянием «врагов религии», могут оказывать значительное влияние на результаты голосования, тогда как «лучшая часть народа, сохранившая еще живую веру..., лишена избирательного права» [141]. Сам Джолитти, получив поддержку со стороны правых сил, поспешил сделать в парламенте многозначительное признание: «Теперь, когда я вижу, что имеется большинство даже без голосов социалистов, она (помощь социалистической партии.— *З. Я.*) не является необходимой» [142].

[140] «La Soffitta», 15.III 1912.

[141] АВПР, ф. Ватикан, д. 31, л. 38.

[142] Atti del Parlamento italiano. Camera dei deputati. Sessione 1909—1912, v. XVI. Roma, 1912, p. 18965.

Антидемократическое и националистическое обличье джолиттианского либерализма, проявившееся в период Ливийской войны, способствовало не только нарастанию антивоенных настроений в рабочих массах и отрезвлению части демократических группировок, поддавшихся в первые месяцы войны националистической шумихе. Оно способствовало нарастанию оппозиции всему буржуазному строю в рядах пролетариата. Стало очевидно, что ни проповедь реформистов, ни обещания реформ буржуазным правительством не в состоянии скрыть явственно проступившей в ходе войны пропасти между классовыми интересами пролетариата и окрепшей в ходе войны монополистической буржуазии. Антивоенные выступления и митинги, не прекращавшиеся на всем протяжении войны, переплетались с битвами пролетариата за свои экономические и политические права. На конец 1911—1912 г. приходятся такие крупные выступления, как шестимесячная забастовка рабочих рудников Эльба и предприятий Пьомбино против металлургического треста Ильва, 65-дневная забастовка туринских рабочих против автомобильного треста Фиат, 9-месячная забастовка металлургов Торре Аннунциата и др.

Оправляясь от удара, нанесенного рабочему движению сначала «революционной гимнастикой» анархо-синдикалистов, а затем засильем реформистов, рабочий класс в ходе Ливийской войны вновь применил могучее оружие в борьбе против классового врага, возрождая в своих организациях дух непримиримости.

Это придавало особую остроту борьбе внутри ИСП реформистского и левого направлений, усиливая оппозицию массы социалистов реформистскому курсу руководства. Особое возмущение вызывало поведение парламентской фракции, подавляющее большинство членов которой в феврале 1912 г. проголосовало в парламенте за принятие декрета об аннексииТриполитании и Киренаики. Когда 14 марта 1912 г. на Виктора Эммануила было совершено покушение анархистом, правые реформисты — Биссолати, Бономи, Кабрини — приняли участие в организованной буржуазными парламентариями монархической манифестации и посетили королевский дворец. Однако руководство партии ничего не сделало, чтобы призвать в порядку парламентариев-социалистов. Левые реформисты, пытаясь спасти от критики реформизм как идейное течение, стремились доказать, что водораздел в партии проходит между сторонниками и противниками войны. Но, несмотря на их усилия, борьба в партии превратилась в борьбу левых элементов против всего реформистского направления.

7—10 июля 1912 г. на очередном XIII съезде ИСП в Реджо-Эмилии обсуждение всех основных вопросов — отчета о работе руководства партии, отчетов парламентской группы и редакции «Аванти!» переросло по существу в обсуждение принципиальных проблем

стратегии и тактики социалистической партии, ее организационных принципов и т. д. Дискуссия выявила полную изоляцию правых, ослабление позиций левых реформистов и усиление «революционной фракции». Попытки и правых и левых реформистов отстоять свою концепцию классовой борьбы, не увенчались успехом. Большинство съезда поддержало требование «революционной фракции» об исключении из ИСП правых реформистов (Биссолати, Бономи, Кабрини, Подрекка и др.). Съезд большинством голосов осудил политическую линию руководства партии и парламентской фракции и потребовал проведения непримиримой политики в отношении буржуазного правительства и буржуазных партий, а также возврата на путь классовой борьбы. Руководство партией перешло к «революционной фракции».

Исключенные из партии правые реформисты поспешили создать «реформистскую социалистическую партию», заявив, что ее принципами являются «полная свобода от марксистских формул и других доктрин», стремление к эмансипации трудящихся и союз с буржуазными партиями [143]. Этой партии удалось завоевать некоторые позиции среди мелкобуржуазных слоев — ремесленников, служащих, части политически отсталых слоев пролетариата, но все попытки ее привлечь на свою сторону промышленный пролетариат и ВКТ не увенчались успехом, так что партия, по признанию Бономи, «оказалась в положении «генералов без армии» [144].

В. И. Ленин, положительно оценивал решение съезда в Реджо-Эмилии об исключении правых реформистов, подчеркивая, что ИСП, исключив из своих рядов анархо-синдикалистов и правых реформистов, «встала на верный путь»[145]. Однако Ленин не склонен был переоценивать результаты борьбы с реформизмом в ИСП, ибо Турати и другие последователи реформизма остались в рядах партии, мешая ее переходу на действительно революционные позиции.

Непоследовательность сделанного ИСП шага влево была связана со слабостями пришедшей к руководству партией «революционной фракции», не имевшей четкой программы борьбы за социалистическую революцию и весьма далекой от марксизма в теоретическом отношении. Концепция роли социалистической партии, выдвигаемая деятелями фракции, не имела в виду действенного руководства борьбой пролетариата. Основную задачу партии они видели в «революционной воспитательной работе» «по психологической подготовке пролетариата к применению насильственных мер в нужный момент» [146].

[143] *I. Bonomi.* Bissolati e il movimento socialista in Italia. Roma, 1945, p. 134.
[144] Ibid., p. 141.
[145] См. *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 21, стр. 409.
[146] Resoconto stenografico del XIII congresso nazionale PSI. Reggio Emilia, 7—10.VII 1912. Roma, 1913, p. 213 (речь Чиккоти).

Среди лидеров «революционной фракции» наряду с искренне преданными делу рабочего класса руководителями (прежде всего Серрати) были лица, изменившие впоследствии социалистическим идеалам и оказавшиеся в числе злейших врагов рабочего движения. Достаточно сказать, что на съезде в Реджо-Эмилии в качестве одного из ведущих деятелей фракции подвизался Бенито Муссолини.

Муссолини родился в 1883 г. в семье ремесленника-кузнеца, симпатизировавшего анархистам. После окончания учительской семинарии был учителем, служащим, журналистом, некоторое время в эмиграции в Швейцарии зарабатывал на жизнь физическим трудом. С 1903 г. стал членом социалистической партии, сотрудничал в ряде социалистических органов. В 1910 г. стал секретарем социалистической федерации Романьи и в качестве такового сыграл активную роль в организации антивоенной забастовки в Форли в сентябре 1911 г. По своим политическим и теоретическим взглядам Муссолини был весьма далек от марксизма, испытав на себе влияние Сореля, Ницше, прагматизма и других новомодных теорий. Но его словесный экстремизм и нападки на реформистское руководство обеспечили ему немалую популярность среди рядовых членов партии.

Муссолини заявил на съезде, что парламентаризм в Италии якобы изжил себя, что в противовес ему возникает «антипарламентский социализм», что всеобщее избирательное право не имеет никакой политической ценности и т. п. Именно он зачитал резолюцию «революционной фракции» об исключении правых реформистов из партии и был избран на съезде в руководство ИСП, а позднее стал редактором «Аванти!» [147].

А. Грамши, анализируя особенности итальянского социалистического движения в начале XX в., отмечал, что ввиду отсутствия в Италии «сильной и однородной группы революционных руководителей, связанных с основным пролетарским ядром социалистической партии» в социалистическом движении всегда существовала «обстановка, благоприятствующая бонапартизму, в которой более или менее решительные люди могли на основании преходящих личных успехов... захватить самый высокий руководящий пост путем неожиданных и внезапных действий» [148]. Более чем к кому-либо последнее относится к Муссолини, который, примкнув к «революционной фракции» (в силу безмерного честолюбия и карьеризма),

[147] Интересный материал о формировании взглядов Муссолини и его политической деятельности содержится в работе: *R. De Felice*. Mussolini il rivoluzionario (1883—1920). Torino, 1965.

[148] *А. Грамши*. Товарищ Серрати и два поколения в итальянском социалистическом движении.— «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии». М., 1953, стр. 184—185.

уже в 1915 г. был исключен из партии за социал-патриотизм, а в 20-е годы стал фашистским диктатором.

Но при всех недостатках и пороках левого направления в социалистической партии съезд нанес серьезный удар по реформизму и свидетельствовал о полевении социалистического и рабочего движения Италии, ускоренного опытом колониальной войны. Ливийская война, подчеркивал П. Тольятти, «толкнула авангард рабочих масс на путь радикальной критики всего режима, превратив в «сухую ветвь» группу друзей Джолитти в лоне социалистической партии» [149].

Ливийская война продемонстрировала относительную военную и экономическую слабость итальянского империализма. Попытки овладеть внутренними районами Триполитании и Киренаики, предпринятые с весны 1912 г., несмотря на сосредоточение в Северной Африке значительных вооруженных сил и военной техники, оказались неудачными. Военные расходы истощали финансы страны. Стремясь ускорить капитуляцию Турции и вместе с тем усилить свои позиции в Восточном Средиземноморье, Италия овладела Додеканесскими островами в Эгейском море и дважды предприняла — в апреле и июле 1912 г.— атаку Дарданелл.

Нарастание антитурецкого движения на Балканах, а затем начавшаяся балканская война вынудили турецкое правительство ускорить заключение мира. Согласно мирному договору, подписанному в Лозанне 18 октября 1912 г., североафриканские вилайеты Турции перешли к Италии. Италия обязалась возвратить Турции Додеканесские острова и выплатить денежную компенсацию за Триполитанию и Киренаику.

Итоги войны явились предметом восторженных дифирамбов правительственной прессы. Специальным королевским декретом было создано новое министерство колоний; из захваченных Триполитании и Киренаики была образована единая колония Ливия.

Однако и после заключения мира жители Триполитании и Киренаики продолжали оказывать вооруженное сопротивление оккупантам, делая непрочными позиции итальянского империализма в Северной Африке. Итальянские войска вплоть до начала первой мировой войны вели тяжелые бои в оазисе Джоффра, Феццане и других внутренних районах Триполитании. В Киренаике же, несмотря на примененную в конце 1913 г. генералом Амельо тактику «выжженной земли» и методическое разрушение населенных пунктов и оазисов, итальянские силы по-прежнему были скованы в приморской полосе.

[149] *P. Togliatti.* Discorso su Giolitti. Roma, 1950, p. 73.

ЗАКАТ ДЖОЛИТТИАНСКОЙ «ЛИБЕРАЛЬНОЙ ЭРЫ» И НАРАСТАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА. «КРАСНАЯ НЕДЕЛЯ» 1914 Г.

Развязанная итальянским империализмом война закончилась победой Италии, но обошлась итальянскому народу дорогой ценой. Военные действия в Северной Африке тяжелым бременем легли на итальянскую экономику. По официальным данным, прямые расходы на оккупацию Триполитании и Киренаики с осени 1911 г. по 31 декабря 1913 г. составили 903 891 тыс. лир; расходы на оккупацию Эгейских островов — 21 857 тыс. лир, а в целом расходы на военные нужды за этот период составили 1 149 457 тыс. лир [150]. В ходе войны возросли косвенные налоги и цены на продукты первой необходимости, особенно на зерно и хлеб.

Война и военные заказы дали толчок развитию металлургической, машиностроительной, горнодобывающей промышленности, обеспечив процветание монополий — Ансальдо, Бреда, Терни, Ильва, Эльба и др. Заметно возросла концентрация производства в металлургической, машиностроительной, химической, судостроительной отраслях. Значительно обогатились на войне крупнейшие банки. 1911—1912 финансовый год был закончен Итальянским коммерческим банком с чистой прибылью в 10 451 тыс. лир, Римским банком — 11 494 тыс. лир, Итальянским кредитом — 5 363,9 тыс. лир [151]. Но в тех секторах итальянской экономики, которые не были непосредственно связаны с военными нуждами,— текстильной, бумажной, стекольной, строительной и ряде других отраслей промышленности — война усилила кризисные явления.

Возросла безработица, усилилось разорение ремесленников и мелких предпринимателей. Война довела до рекордных размеров эмиграцию: в 1912 г. эмигрировало за границу 711 446 чел. (т. е. 2% всего населения), а в 1913 г. — 872 598 (2,5%) [152].

Окрепшая в результате Ливийской войны монополистическая буржуазия, ободренная колониальным успехом, с новой силой устремилась к завоеванию рынков сбыта и сфер влияния, подвергая страну реальной опасности военных авантюр. В период балканских войн и по их окончании вплоть до первой мировой войны финансовые круги Италии, и прежде всего Итальянский коммерческий банк и Римский банк, при поддержке правительства активно включились в борьбу за сферы влияния на Балканах и особенно в Албании, а также в Малой Азии. Используя экономические трудности балканских стран, усиленные военными действиями

150 «Annuario statistico italiano», sec. ser., v. III, 1913. Roma, 1914, p. 412.

151 «La Soffitta», 15.VI 1912.

152 «Annuario statistico italiano», sec. ser., v. III, p. 447.

1912—1913 гг., итальянские банки участвовали в борьбе финансовых групп европейских стран за железнодорожные концессии в Сербии, Черногории и в Албании, за экономический контроль над ними путем предоставления займов, учреждения банков и т. д.

Досрочно обновив в 1912 г. Тройственный союз, действуя в унисон с венским кабинетом, итальянское правительство поддержало создание Албанского государства, с тем, однако, чтобы превратить его в австро-итальянский кондоминиум. Правительственные и финансовые круги Италии, стремясь максимально упрочить влияние в Южной Албании, использовали междоусобную борьбу албанских племен. Римский кабинет вступил в острый конфликт по вопросу об албанских границах с Белградом, Цетиньи, Афинами и стоявшими за ними Францией, Россией, отчасти Германией. В результате острого соперничества между Италией и ее союзницей Австро-Венгрией за преобладание в Албании с конца 1913 г. стали обостряться австро-итальянские отношения, усиливая общую напряженность международной обстановки как на Балканах, так и в Европе в целом.

Итальянское правительство саботировало выполнение статьи Лозаннского договора о возвращении Турции оккупированных Италией в 1912 г. островов Эгейского моря. Итальянские капиталы интенсивно внедрялись в экономику Родоса и других островов; итальянские военные власти делали все, чтобы задушить борьбу местных жителей за независимость, насаждая итальянский язык, культуру, политические учреждения. Используя трудности разгромленной блоком балканских стран Турции, итальянское правительство добилось от турецкого правительства железнодорожных концессий в округе Адалия, создав там итальянскую сферу влияния.

Активизация итальянского империализма на международной арене накануне первой мировой войны, явившаяся результатом интенсивного складывания в Италии с конца XIX — начала XX в. крупной монополистической буржуазии, оказывала немалое обратное воздействие на внутреннюю жизнь страны, способствуя усилению на политической арене новых правых группировок, отражавших чаяния империалистических сил.

Ливийская война создала новый духовный и политический климат в Италии, усилив милитаристские и шовинистические настроения в правящих кругах, а отчасти — и в среде интеллигенции, мелкой буржуазии и в определенных слоях крестьянства и рабочего класса. Империалистская идеология пустила глубокие корни в итальянском обществе, став идейным знаменем новых консервативных сил, добивавшихся от правительства осуществления активной внешней политики, резко критиковавших «радикальную и социалистическую демократию» Джолитти. Националисты видели глав-

ный итог Ливийской войны в том, что она пробудила националистическое сознание новой Италии[153]. II съезд «Националистической ассоциации», состоявшийся 20—22 декабря 1912 г. в Риме, прошел под знаком упрочения в националистическом движении правых группировок его в противовес тем, кто ратовал за синтез национализма с демократическими концепциями. Конгресс призвал сторонников национализма к решительной борьбе против «демократических и социальных партий». Он выразил солидарность с концепцией сильного государства «в духе традиций Кавура и Криспи» и осудил «роковую политику Джолитти по его возвращении к власти, политику по существу своему антинациональную, вдохновляемую самыми неблагородными компромиссами...»[154]

Национализм, размежевавшись в ходе II съезда с мелкобуржуазными попутчиками и порвав с псевдодемократической фразеологией, которой он не прочь был щеголять на первых порах, все явственнее обнаруживал свою истинную социальную роль идеолога крупной империалистической буржуазии, выросшей в Италии в период джолиттианской эры. В 1913—1914 гг. националисты, в организационном отношении отмежевываясь от других правых течений, придававших, по их мнению, слишком большое значение либеральным традициям XIX в., все более сближались с теми силами, в которых они видели союзников в борьбе против либерального государства, в частности с католиками.

Активизировала свою деятельность по окончании Ливийской войны фракция правых либералов во главе с Соннино и Саландрой. Для нее не прошел бесследно опыт политической борьбы в первом десятилетии XX в. Поддерживая правительство Джолитти в негативных аспектах его политики (колониальная война, союз с крупными землевладельцами против крестьян Юга), отвергая его курс на сотрудничество с левыми силами, они в новых условиях выступили глашатаями объединения в рамках национальной либеральной партии всех фракций и течений, представлявших правящие классы страны,— от левых либералов джолиттианского типа до правых фракций вплоть до католиков. Они обвиняли Джолитти в том, что своей ориентацией на сотрудничество с партиями «Крайней левой» он ослабляет силы социального порядка в стране и подрывает устои либерализма.

Обнаружившаяся в период Ливийской войны зависимость Джолитти от этих новых и старых правых течений делала его весьма чувствительным к их критике, заставляя идти на все более серьезные уступки.

[153] *S. Sighele.* Ultime pagine nazionaliste. Milano, 1912, p. VIII—IX.

[154] Цит. по: *F. Gaeta.* Nazionalismo italiano. Napoli, 1965, p. 192.

В то же время Ливийская война обнаружила практическую неосуществимость создания политического блока промышленной буржуазии и рабочих Севера против крестьянских масс Юга. Слабость экономических позиций итальянского империализма, которую не смогли преодолеть ни промышленный подъем начала XX в., ни политика колониальных захватов, не позволила итальянской буржуазии практиковать в широких размерах подкуп верхушки рабочего класса, как это делала более сильная экономически английская, американская, германская буржуазия. Ни реформы в области социального страхования, ни политические мероприятия Джолитти не изменили существенно положения всей массы рабочего класса, а тяготы войны и усилившееся с 1911—1912 гг. наступление предпринимателей на жизненный уровень и политические права рабочих привели по окончании войны к дальнейшему обострению социальных конфликтов.

Характерной чертой народных выступлений в Италии после Ливийской войны было то, что при продолжавшихся стихийных крестьянских бунтах и полуанархистских выступлениях рабочих и ремесленников центр тяжести борьбы в 1912—1914 гг. переместился на крупные предприятия современной фабрично-заводской промышленности. В конце 1912—1913 г. развернулись упорные классовые бои в металлургической, автомобильной и других отраслях промышленности, где рабочему классу непосредственно противостояла усилившаяся в ходе Ливийской войны крупная монополистическая буржуазия. Консолидируя свои силы как на местах, так и в национальном масштабе (в 1910 г. по инициативе туринских промышленников была создана Конфиндустрия, объединившая владельцев промышленных предприятий в целях защиты их социальных интересов), предприниматели перешли в наступление на профсоюзные права, оспаривая провозглашенный Джолитти принцип свободы трудовых конфликтов и прибегая к массовым локаутам, увольнениям профсоюзных активистов, к помощи штрейкбрехеров и т. д.

Важное место в выступлениях предвоенных лет занимает забастовка рабочих автомобильной промышленности Турина в 1913 г. В ней наиболее ярко обнаружились новые черты рабочего движения, связанные с переходом руководящей роли в этом движении от пролетариата полуремесленного типа и сельскохозяйственных рабочих (как это было в конце XIX — начале XX в.) к современному фабрично-заводскому пролетариату, связанному с наиболее передовыми формами производства. После поражения забастовки 1912 г., вызванной разобщенностью действий рабочих организаций, к руководству профсоюзной федерации металлистов (ФИОМ) пришли в Турине левые элементы во главе с Бруно Буоцци. При активном участии рабочих ФИОМ разработала программу борьбы за экономические и профсоюзные права металлистов, потребовав сокращения

рабочей недели с 60 до 54 часов при сохранении прежней зарплаты, ограничения сверхурочных часов, пересмотра сдельной оплаты, признания внутренних комиссий на предприятиях, права ФИОМ представлять рабочих в ходе трудовых конфликтов и др.[155] Однако местная предпринимательская организация Конфиндустрии отвергла эти требования, пригрозив локаутом. 19 марта 6 500 рабочих автомобильных заводов начали всеобщую забастовку, продемонстрировав свою сплоченность, дисциплинированность и выдержку.

Конфликт в Турине приковал к себе внимание всей страны. Бастующим оказали действенную материальную и моральную поддержку как трудящиеся Турина, так и все промышленные центры Италии.

Предприниматели Турина, осложняя своей непримиримостью ситуацию, пригрозили прибегнуть к массовому локауту на всех предприятиях города, даже не принимавших участия в забастовке. Понимая, что расширение рамок конфликта чревато распространением волнений во всей стране, Джолитти осудил провокационную позицию туринских предпринимателей[156]. Как заявил префект Турина, в случае локаута предприниматели «не могут рассчитывать на защиту предприятий силами полиции»[157]. Рабочие же Турина в ответ на угрозы выразили решимость продолжать борьбу. В конечном счете предприниматели были вынуждены капитулировать и принять требования бастующих, согласившись на уменьшение рабочего дня, создание специальных арбитражных комиссий и участие ФИОМ в урегулировании трудовых конфликтов.

Победа рабочих Турина, одержанная в трудной борьбе с особенно нетерпимым отрядом новой монополистической буржуазии, имела огромное моральное и политическое значение. Вместе с тем она ознаменовала начало пути по преодолению реформистско-корпоративистских и анархо-синдикалистских пороков, свойственных рабочему движению Италии. С этого времени идет процесс превращения туринского пролетариата в «вождя духовной жизни итальянских рабочих масс», по определению А. Грамши[158], что в полной мере обнаружилось в годы первой мировой войны и революционного подъема 20-х годов.

Правительство Джолитти подверглось резкой критике правых сил за позицию, занятую им во время туринской забастовки. Поэтому, когда вслед за событиями в Турине началась всеобщая за-

[155] *P. Spriano*. Socialismo e classe operaia a Torino dal 1892 al 1913, p. 292—293.

[156] Ibid., p. 299.

[157] Ibid., p. 300.

[158] См. *Л. Ломбардо-Радиче, Д. Карбоне*. Жизнь Антонио Грамши. М., 1953, стр. 26.

бастовка миланских рабочих, «немедленно из Рима были даны,— по сообщению посла России Крупенского,— быть может, в первый раз за многие годы, категорические приказания немедленно арестовать главных зачинщиков движения, задержание коих вызвало кровопролитие в Милане» [159].

Наряду с выступлениями туринских и миланских рабочих в Италии развертывалось движение горняков, каменщиков, служащих, железнодорожников, батраков, испольщиков. Исключительным упорством отличалась 6-месячная борьба испольщиков и батраков в Массафискалья (провинция Феррара) против объединенного фронта землевладельцев, местных властей и полиции, стремившихся сломить бастующих голодом, полицейскими репрессиями и другими мерами [160]. С борьбой против дороговизны, безработицы, произвола предпринимателей и землевладельцев переплетались антивоенные акции, которые в Италии принимали форму протеста не только против военных расходов, колониальной экспансии и надвигавшейся мировой войны, но и против применения вооруженных сил против народа. Всеобщее негодование в стране вызвала весть о расстрелах батраков в местечках Роккагорга и Палиано в 1913 г., дополнивших перечень кровавых расправ правительства с народными массами.

Отражением нового подъема массового движения в Италии был сдвиг влево социалистической партии, а также Всеобщей конфедерации труда и других рабочих организаций. После XIII съезда ИСП в Реджо-Эмилии внутри социалистической партии активизировались поборники непримиримой классовой борьбы и усиления работы по революционному воспитанию пролетариата. В соответствии с решениями XIII съезда ИСП перешла к тактике решительной оппозиции правительству, осудив практику блокирования с буржуазными партиями. Даже реформисты туратианского направления были вынуждены после Ливийской войны признать невозможность поддержки правительства Джолитти, не оправдавшего их надежд на осуществление радикальной демократической перестройки итальянского общества.

В «революционном руководстве» Итальянской социалистической партии, начиная со времени съезда в Реджо-Эмилии, выявились два направления — максималистское течение, представленное старой редакцией «Соффитта» во главе с Лерда, Музатти, Аньини, Ладзари, и течение, во главе которого встал Муссолини [161]. Первое направление страдало известной расплывчатостью программы. Главным лейтмотивом требований максималистов был призыв к

[159] АВПР, ф. Канцелярия, 1913 г., д. 69, л. 2.
[160] Lotte agraria in Italia..., p. LVI.
[161] *E. Santarelli.* Le origini del fascismo. 1911—1919. Argalia, 1962, p. 48.

возрождению непримиримой классовой борьбы в противовес реформистским идеям классового сотрудничества. Однако в их программе отсутствовала четкая концепция путей подвода масс к революции, к борьбе за власть.

Известная риторичность и догматичность концепции максималистов облегчила Муссолини распространение в среде социалистов своих взглядов.

Для воззрений Муссолини тех лет была характерна волюнтаристская трактовка классовой борьбы, презрение к массам, дававшее себя знать уже в те годы, трактовка революции как своего рода государственного переворота, как борьбы «социалистического революционного» большинства против господствующего «буржуазного меньшинства» при пассивности основных масс народа[161а] и т. п. Используя идейную слабость своих оппонентов, показав себя неплохим психологом и тактиком, Муссолини учел новое настроение умов и глубокую тягу рядовых социалистов к возрождению революционных методов борьбы, долгое время преданных забвению реформистами. Главными темами «Аванти!», редактором которой Муссолини стал в конце 1912 г., стали осуждение милитаризма, колониальной политики, реакции, проповедь революционного насилия. В ответ на события в Роккагорга по инициативе «Аванти!» в партии был проведен референдум об отношении к всеобщей забастовке. В ходе референдума большинство социалистических секций и местных органов партийной печати признало целесообразным и необходимым применение всеобщей стачки. Это решение было закреплено специальными постановлениями руководства ИСП и ВКТ. Вне партии заметно активизировали свою деятельность среди рабочих масс анархисты, анархо-синдикалисты и левое крыло республиканской партии, поднимавшие также на щит проповедь революционного насилия и действия, хотя и во имя различных конечных целей. Эти разнородные по своему характеру течения, представлявшие различные слои рабочего класса и мелкобуржуазные массы, тем не менее сошлись после Ливийской войны на непринятии джолиттианской политики.

Полевение рабочего класса и обнаружившаяся в ходе Ливийской войны пропасть между джолиттианской политикой и интересами рабочего класса заставили правящие круги и самого Джолитти с большой тревогой ожидать результатов первого применения нового избирательного закона в ходе парламентских выборов осенью 1913 г. К опасениям перед социалистами добавлялся страх перед крестьянскими массами Центральной и Южной Италии, впервые допущенными к избирательным урнам. Учитывая слабые пози-

[161а] См. *E. Santarelli.* Il socialismo anarchico in Italia. Milano, 1956, p. 140.

ции на Юге страны либеральных группировок и антиправительственные настроения большинства жителей Юга, Джолитти не без оснований опасался, что собственными силами либералы даже при поддержке властей не смогут повести за собой большинство избирателей, тем более что вследствие политики трансформизма и неоднородности либерального лагеря либералы не имели централизованной, единой организации. Единственной политической силой, способной оказать влияние на основную массу избирателей в сельских и южных районах, удержав их от голосования за левые антиправительственные партии и течения, была церковь, и именно к ней обратился Джолитти в ходе подготовки к выборам.

С целью нанести удар социалистической партии либералы в ходе избирательной кампании, начавшейся практически по окончании Ливийской войны, выступили почти повсеместно в блоке с католиками. Ватикан, опасавшийся усиления в парламенте левых антиклерикальных сил, на этот раз снял запрет на участие в выборах католиков в 330 округах и разрешил поддержать кандидатов правительственного блока в 228 округах, где позиции последних были особенно неблагоприятны. Поддержка католиками либеральных кандидатов каждый раз скреплялась специальным соглашением, по большей части письменным, по которому кандидат в случае победы на выборах брал на себя обязательство выступать против любых антицерковных мероприятий, будь то вопрос об отделении школы от церкви или вопросы о разрешении развода, запрет религиозных конгрегаций и т. п. Этот блок католиков и либералов вошел в историю под условным названием пакта Джолитти — Джентилони (Джентилони в то время возглавлял Католический избирательный союз).

Избирательная кампания развертывалась под знаком сплочения всех «партий порядка» против социалистической партии. Поскольку социалисты включили в свою избирательную программу призыв к «твердой и последовательной оппозиции политике колониальных авантюр и военных расходов», против них широко использовалось обвинение в предательстве национальных интересов, государственной измене и т. п. Важное место в предвыборных выступлениях кандидатов от либералов и правых группировок занимали восхваление колониальных завоеваний и упрочения престижа Италии на международной арене, проповедь единства нации и общности интересов всех классов итальянского общества. Особенно отличались этим предвыборные речи националистов и поддерживавших их футуристов во главе с Маринетти.

В противовес единому правящему лагерю демократические силы были разобщены. Радикалы поспешили солидаризироваться с «партиями порядка». Республиканская партия — малочисленная, раздираемая внутренними противоречиями, не сумела удержать

своих прежних позиций. Социалисты, отказавшиеся от блокирования на выборах с буржуазными партиями, значительно упрочили этим свои позиции в пролетарской среде, но не смогли опереться на союзников — крестьянские массы, ремесленников и т. п. Слабость социалистических секций в южных районах страны в свою очередь затрудняла противодействие объединенному фронту либералов и католиков.

В день выборов для охраны порядка были приведены в состояние готовности войска и полиция, особенно на Юге, где опасались анархистских выступлений. В Сицилии, Неаполе и в ряде населенных пунктов Эмилии имели место кровавые столкновения жителей с солдатами и карабинерами.

В результате активного включения католиков в избирательную кампанию в парламент было избрано 29 депутатов католиков и католиков-консерваторов [162]. Либералы различных оттенков с помощью католиков завоевали 280 мест, сторонники правых групп — 40 мест, радикалы, примкнувшие к джолиттианскому курсу,— 62 места. Выборы принесли потери республиканской партии, получившей 17 мест против 24 в прежнем составе палаты. Зато социалистическая партия, выступавшая на выборах под лозунгами классовой борьбы, получила 52 места против 41 места на выборах 1909 г. Социал-реформистской партии Биссолати, в чьих рядах было немало опытных парламентариев, пользовавшихся еще определенным авторитетом в массах, удалось завоевать 19 мест. 8 мест, помимо этого, завоевали независимые социалисты и синдикалисты [163]. Таким образом, несмотря на объединенные действия либералов и католиков, буржуазным партиям не удалось ослабить политические позиции социалистов.

Итоги выборов были красноречивым свидетельством крушения политического курса Джолитти, вынужденного прибегнуть к помощи католиков против тех самых социалистов, которых он надеялся использовать в целях упрочения массовой базы буржуазного режима. Неосторожная откровенность Джентилони, который в интервью для газеты «Джорнале д'Италиа» по окончании выборов раскрыл тайну избирательного блока, заявив, что две трети депутатов-либералов избраны только благодаря поддержке католиков, обнаружила возросшую зависимость джолиттианского большинства от правых политических сил. Характеризуя изменение в расстановке политических сил в стране в связи с выборами 1913 г., А. Грамши писал: «Промышленный блок, поддерживаемый и возглавляемый Джолитти, теряет свою эффективность, и Джолитти,

[162] *Дж. Канделоро.* Указ. соч., стр. 403.
[163] «Almanacco socialista italiano». Milano, 1917, p. 208—211.

перекладывает свою винтовку на другое плечо. Союз буржуазии и рабочих заменяется союзом буржуазии и католиков, которые представляют собой крестьянские массы Северной и Центральной Италии» [164]. Но подобный поворот предполагал изменение и методов правления, и внутриполитического курса, с чем не мог смириться Джолитти. В изменившихся условиях он пытался править прежними методами, что практически было уже невозможно. 9 декабря 1913 г., выступая с парламентской трибуны перед обновленным парламентом, А. Лабриола выразил смысл новой политической ситуации в ставшей широко известной фразе: «С одной стороны, есть Италия националистическая, с другой — Италия социалистическая, но нет больше Италии джолиттианской» [165].

К 1913 г. стали очевидны неудачи попыток Джолитти создать блок буржуазии Севера с промышленным пролетариатом, чтобы с помощью этого блока упрочить в Италии буржуазно-демократический режим. П. Тольятти видел причину этих неудач прежде всего в особенностях социально-экономической структуры страны и в консервативной природе либерализма Джолитти. «Итальянский империализм,— говорил Тольятти в речи о Джолитти в 1950 г.,— как новый экономический строй, основанный на быстром развитии промышленности, обнаружил весьма быстро свои слабости и ограниченные возможности. Старая, отсталая, полуфеодальная структура не была им ни разрушена, ни обновлена, равно как новые экономические силы шли по старой дороге компромисса с прошлым; попытка более современного политического блока исчерпала себя; уступка всеобщего избирательного права ускорила возникновение более прочного промышленно-аграрного блока, которому католическая церковь предложила свои услуги в качестве более эффективного инструмента влияния на массы, последнего резерва социального консерватизма» [166].

Дала себя знать и внутренняя противоречивость либерального курса Джолитти, неуклонно эволюционировавшего вправо, что с особой силой обнаружилось в период Ливийской войны и избирательной кампании 1913 г. Либеральная система Джолитти при всей ее прогрессивности по сравнению с реакционными режимами последнего десятилетия XIX в. не предоставила стране ни подлинной демократии, ни коренного улучшения положения всей массы трудящегося населения. Она оказалась бессильной перед лицом резкой поляризации классовых сил итальянского общества, обозначившейся накануне мировой войны.

[164] *А. Грамши*. Указ. соч., т. I, стр. 491.

[165] См. *P. Spriano*. Torino operaio nella grande guerra (1914—1918). Torino, 1960, p. 11.

[166] *P. Togliatti*. Discorso su Giolitti, p. 40.

Монополистическая буржуазия, до поры до времени мирившаяся с политическими экспериментами Джолитти ради реальных политических и экономических выгод, обеспечиваемых ей либеральной эрой, к кануну первой мировой войны начала склоняться к правым группировкам, как более надежным выразителям своих классовых и политических интересов. Трудящиеся же массы Италии, и прежде всего сложившийся в годы промышленного подъема фабрично-заводской пролетариат, отвергли либеральную политику Джолитти, встав на путь оппозиции всему буржуазному строю. В этих условиях сторонники Джолитти из демократического лагеря — социалисты, республиканцы и даже радикалы,— разочарованные его непоследовательностью, а радикалы — блоком с католиками, также отошли от сотрудничества с ним.

Усилившаяся изоляция Джолитти обнаружилась сразу же после выборов. В результате острой внутрипартийной борьбы министры-радикалы 7 марта 1914 г. подали в отставку. Либерально-радикальный блок, на который опирался Джолитти в последние годы своего правления, перестал существовать. Вместе с радикалами-министрами ушел в отставку и весь кабинет Джолитти. Во главе нового правительства 24 марта 1914 г. встал правый либерал Саландра.

Новый кабинет первоначально напоминал промежуточные и недолговечные кабинеты Фортиса, Соннино, Луццатти, прокладывавшие вновь и вновь дорогу к власти «диктатору из Кунео». Саландра первоначально выдвинул программу реформ в духе Джолитти. Он обещал ввести прогрессивный подоходный налог, пересмотреть финансовое законодательство, увеличить оклады служащим, улучшить условия труда и жизни городского и сельского населения и т. д. Однако на этот раз уход Джолитти знаменовал завершение либеральной эры. Новый кабинет все больше шел на поводу у окрепшей к концу первого десятилетия XX в. крупной монополистической буржуазии, тянувшей страну на путь активной внешней политики и отказа от либеральных методов правления, а сам Саландра с его идеей сплочения всех сил либерального лагеря и правых группировок оказывался для буржуазно-помещичьего блока наиболее подходящей фигурой, способной проводить в жизнь последовательно антисоциалистический курс.

Сплочение политических группировок правящего блока на выборах 1913 г. в свою очередь вызывало ответное стремление трудящихся масс Италии, правда, достаточно смутное и неопределенное, создать блок народных сил, противостоящий буржуазному государству и самому буржуазному обществу [167].

Успех социалистов на выборах ободрил сторонников непримиримой тактики в рядах социалистической партии и рабочих органи-

[167] *E. Santarelli.* Il socialismo anarchico in Italia, p. 142.

заций. На XIV съезде социалистической партии в Анконе 26—29 апреля 1914 г. были подведены итоги деятельности социалистов после перехода руководства партией в руки «революционной фракции». С 1912 г. число членов партии возросло ко времени съезда с 28 689 до 49 148 чел.[168], что свидетельствовало о возросшем авторитете партии в массах. Съезд прошел под знаком полного преобладания сторонников «непримиримой» политики. Даже реформисты, которые не прекращали своей полемики против руководства, обвиняя его за подстрекательство масс к действиям, чреватым ответными убийствами и террором, были вынуждены признать, что «непримиримая тактика» является для данного момента наиболее подходящей ввиду изменившейся обстановки в стране[169]. Съезд одобрил предложенную руководством «непримиримую тактику» в предстоявшей избирательной кампании 1914 г. по выборам в местные органы власти. В принципиальном отношении этим подчеркивалась социалистическая природа пролетарского движения и противоположность его интересов буржуазии, а также непримиримое отношение к буржуазному строю. Но в то же время в этой тактике было немало от сектантства, от пренебрежения общедемократическими задачами сплочения вокруг пролетариата союзников в лице крестьянства и средних городских слоев при обеспечении гегемонии социалистической партии.

Страстную полемику на съезде вызвал вопрос об отношении к милитаризму. Нараставшая угроза войны, опыт недавней колониальной авантюры, решения Базельского конгресса II Интернационала (1912 г.), направленные на борьбу против военной опасности и милитаризма, наконец, возмущение участившимися фактами применения правительством войск против бастующих рабочих и крестьянских выступлений — все это обусловило решительное осуждение съездом всех проявлений милитаризма. Съезд одобрил протест парламентской фракции против увеличения военных расходов в 1913—1914 гг., антивоенную деятельность молодежных социалистических организаций, призвал усилить антивоенную пропаганду во всех организациях и обратился с призывом ко II Интернационалу определить на очередном Венском конгрессе решительные меры борьбы с военной угрозой[170].

К лету 1914 г. проблемы борьбы с военной опасностью и ростом милитаризма в Италии заняли также важное место в деятельности республиканской партии, особенно в Анконе, где левые республиканцы во главе с Пьетро Ненни ратовали за революцию

[168] Direzione del PSI. Resoconto stenografico del XIV congresso nazionale del PSI. Ancona, 26—29 aprile 1914. Roma, 1914, p. 25.

[169] Ibid., p. 50.

[170] Ibid., p. 267—270.

против эволюции, за социальную республику против «буржуазной милитаристской монархии» и выступили с признанием «прямого действия» и всеобщей забастовки[171]. Это открывало, несмотря на официальный разрыв политического союза республиканской и социалистической партий, возможность сотрудничества в борьбе против общего врага.

Значительную силу, несмотря на преобладание в руководстве реформистских элементов, представляла к 1914 г. Всеобщая конфедерация труда, насчитывавшая в своих рядах до 300 тыс. членов. Наряду с ВКТ немалым влиянием пользовался Итальянский синдикальный союз (УСИ), созданный в 1912 г. по инициативе «революционных синдикалистов» из автономных профсоюзных организаций и Палат труда, представлявших главным образом сельскохозяйственных рабочих и каменщиков. В 1913 г. в рядах Итальянского синдикального союза насчитывалось 101 729 членов. Особенно были сильны его позиции в Эмилии, Ломбардии и Тоскане. Программные установки руководства союза исходили по-прежнему из анархо-синдикалистских концепций: восхваление профсоюзов как единственных организаций, способных обеспечить освобождение пролетариата, и всеобщей стачки как единственного средства экспроприации буржуазии и борьбы против буржуазного государства.

Летом 1914 г. ИСП и ВКТ призвали трудящихся провести повсеместно 7 июня выступления против милитаризма. Это предложение поддержали республиканцы, УСИ, а также анархисты во главе с Э. Малатеста, лидером анархизма, незадолго до этого возвратившимся в Италию. Правительство Саландры ответило на это запретом всяких антивоенных митингов и демонстраций, а когда, вопреки правительственному распоряжению, они все же прошли в ряде городов, применило войска и полицию для разгона манифестантов. В результате стычки между войсками и демонстрантами в Анконе были убиты двое рабочих, а один — серьезно ранен. Известие об этом послужило сигналом к повсеместным антиправительственным выступлениям, получившим название «Красной недели».

К вечеру 7 июня 1914 г. Палата труда Анконы, не дожидаясь решения центральных организаций, призвала ко всеобщей забастовке протеста. 8 июня 1914 г. после переговоров между руководством ИСП и ВКТ последовал призыв к общенациональной забастовке, который подтвердили со своей стороны действовавшие автономно республиканская партия, Итальянский синдикальный союз и анархисты. 9 июня 1914 г. забастовка, которая в ряде мест началась еще 7—8 июня, распространилась на всю Италию. Она охватила все крупные промышленные центры и часть сельских местностей Северной и особенно Центральной Италии. В Риме, Флоренции, Ливорно,

[171] *E. Santarelli.* Il socialismo anarchico in Italia, p. 148.

Милане, Болонье, Модене и многих других городах и населенных пунктах экономическая жизнь была полностью парализована. Остановились предприятия, под давлением демонстрантов были закрыты магазины и лавки, замер городской транспорт. В ряде мест было прервано железнодорожное сообщение, хотя в целом из-за саботажа руководства профсоюза железнодорожников железнодорожники включились в борьбу с большим опозданием, когда забастовка уже шла на убыль, что позволило правительству без особых трудностей осуществить переброску войск для подавления народных движений.

Политическая забастовка протеста против репрессий в ряде мест переросла в революционные выступления против монархии и буржуазных порядков. На улицах Рима, Милана, Флоренции, Анконы возникали баррикады, раздавались призывы к вооружению народа, развертывались жаркие схватки с полицией и войсками. Предпринимались попытки захвата оружейных складов, лавок и магазинов. Подвергались осаде правительственные здания. В сельских местностях, особенно в Романье, голодающее население конфисковывало хлеб, зерно. Забастовочное движение повсеместно сопровождалось многотысячными митингами и манифестациями. В двух областях — Романье и Марке, ставших эпицентрами движения, забастовка переросла в восстание и привела к провозглашению на местах республик. Были созданы «Комитеты единства», куда вошли, помимо социалистов, республиканцы, анархо-синдикалисты и анархисты. Над Равенной и Анконой взвилось красное знамя [172].

Единство действий социалистов и республиканцев, нарушенное событиями Ливийской войны, возродилось вновь перед угрозой повторения кровавых событий 1898 г. В парламенте депутаты социалистической, республиканской и радикальной партий, протестуя против полицейских репрессий, предложили выразить вотум недоверия правительству [173]. Либеральное и консервативное большинство парламента, включая группировку левых либералов, заявило, что, учитывая серьезность момента, оно не намерено провоцировать министерский кризис [174]. Полномочия кабинета Саландры были подтверждены 254 голосами против 112 и одного воздержавшегося [175]. Тем не менее события «Красной недели» свидетельствовали о серьезных политических трудностях правящих сил страны. Даже такой консервативный свидетель, как посол России Крупенский, констатировал в своем донесении: «На правительстве лежит тяже-

[172] См. ibid., p. 157—168; *L. Lotti.* La settimana rossa. Firenze, 1965.
[173] Atti del Parlamento italiano. Camera dei deputati. Sessione 1913—1914, Discussioni, v. V. Roma, 1914, p. 3954—3959.
[174] Ibid., p. 3965—3966.
[175] Ibid., p. 3970.

лая обязанность найти выход из создавшегося положения, залечить раны, открывшиеся на народном организме, и ясно сознать, что движение, подобное нынешнему, не есть явление случайное, но причины его лежат глубоко, в тяжелом экономическом положении народных масс, поднять которое следует признать первостепенной необходимостью для правительства» [176].

События «Красной недели» были органической частью предвоенного политического кризиса, развернувшегося в капиталистическом мире. Они свидетельствовали об огромном горючем материале, накопившемся в Италии, и стихийном порыве народных масс к революционной борьбе. Однако руководство ИСП и ВКТ оказалось не на высоте событий. Реформистские вожди ВКТ стремились свести забастовку к демонстрации протеста и уже 11 июня 1914 г. поспешили заявить о ее прекращении, внеся сумятицу в ряды бастующих и ускорив свертывание забастовки. Лидеры же ИСП обнаружили в этих условиях свою неспособность руководить широкими массами, внести дух организованности, поставить четкую перспективу борьбы. Экстремизм анархистов, части социалистов и республиканцев, считавших возможным совершить революцию без учета объективных и субъективных условий, революцию в форме стихийного, никем не направляемого движения народных масс стимулировал проявление бунтарских настроений среди части борющихся.

«Красная неделя» продемонстрировала главную слабость рабочего движения в Италии в начале XX в. — отсутствие у пролетариата революционного руководителя в лице партии, вооруженной марксистской теорией, способной дать глубокий анализ политических и экономических сдвигов в итальянском обществе и определить, исходя из этого, программу и тактику движения. Несмотря на приход в 1912 г. к руководству партией левого крыла, ИСП попрежнему сохраняла пороки, свойственные партиям II Интернационала.

«Красная неделя» обнаружила глубину социальных и классовых противоречий в стране, возвестив вслед за Ливийской войной окончательное крушение либеральной эры Джолитти. Италия вступала в новую полосу политических и социальных битв, и одной из первых проблем, вставших во весь рост перед партиями и группировками итальянского общества на этом новом отрезке пути, стала мировая война 1914—1918 гг.

[176] АВПР, ф. Канцелярия, 1914 г., д. 250, л. 41.

5

ИТАЛИЯ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914—1918 ГГ.

ИТАЛИЯ В ПЕРИОД ЕЕ НЕЙТРАЛИТЕТА (АВГУСТ 1914 — МАЙ 1915 Г.)

Начало первой мировой войны застигло итальянские правящие классы в момент, когда и внешнеполитические соображения и внутреннее положение страны требовали сохранения мира.

С момента окончания Ливийской войны прошло около двух лет, но новая колония все еще не была замирена, подавление партизанского в ней движения и экономическое ее освоение еще требовали времени, сил и средств. В то же время внедрение в Малую Азию, в которой итальянский империализм видел теперь очередной объект своей экспансии, еще только начиналось, и Италии не приходилось рассчитывать на сколько-нибудь солидный куш в случае скорого (в результате войны) раздела турецкого наследства.

В Малой Азии, как и на Балканах, Италия нуждалась в длительном периоде «мирного проникновения», которое подготовило бы будущие захваты.

Внутри страны в это время еще не замолкли отзвуки «Красной недели» июня 1914 г., потрясшей, как ничто еще до тех пор не потрясало, самые основы итальянского буржуазного государства. В июле 1914 г., когда вопрос о том, быть или не быть войне, решался в дипломатических канцеляриях великих держав, над итальянскими правящими классами еще висела угроза возобновления всеобщей стачки железнодорожников. Положение итальянского правительства еще более осложнялось натянутыми отношениями Италии с ее официальными союзниками: итальянские промышленники и монополи-

сты тяготились немецким демпингом и немецкой опекой. Противоречия Италии с Австро-Венгрией на Адриатике, с Австро-Венгрией и Германией на Балканах, в Малой Азии, на всем Восточном Средиземноморье делали выступление Италии на стороне центральных держав невозможным. Уже самый ультиматум, предъявленный Австро-Венгрией Сербии, грозил нарушить — к выгоде Австро-Венгрии и к ущербу Италии — то неустойчивое равновесие сил на Балканах, которое итальянские дипломаты ревностно оберегали.

Нельзя было не считаться и с традиционной, идущей еще со времен Рисорджименто неприязнью широких слоев итальянского населения к Австрии и с волей итальянского пролетариата к миру, явственно сказавшейся на массовых антивоенных митингах, созванных ИСП в последних числах июля 1914 г. В результате за «выполнение долга» по отношению к центральным державам выступили в Италии в дни июльского кризиса лишь отдельные политические группы, в частности клерикалы (следовавшие за проавстрийской политикой Ватикана), а когда Итальянское правительство объявило 2 августа о нейтралитете Италии в Европейской войне, это было встречено одобрением большинства политических партий и групп страны. Дело было не только в нежелании воевать на стороне Австро-Венгрии и Германии. Растерянность, овладевшая итальянскими правящими классами перед лицом европейской (как тогда считали) войны [1], побуждала их приветствовать нейтралитет, как возможность осмотреться, выиграть время. Мало кто знал в эти первые смутные дни, что следует делать дальше. Ясно было лишь одно: объявив нейтралитет, буржуазная Италия отнюдь не собиралась оставаться простой свидетельницей событий и отказываться от «своей доли» военной добычи; на том же заседании итальянского совета министров, на котором было принято решение о нейтралитете, постановили вести военные приготовления, «как если бы Италия с минуты на минуту должна была вступить в войну» [2].

Уже в первых числах августа от правительств Антанты пришло первое предложение Италии выступить на их стороне. Начались переговоры, которые шли в глубочайшей тайне. Готовясь расплачиваться из чужого кошелька, дипломаты Антанты не скупились: они обещали Италии принадлежавшие Австро-Венгрии Трентино и Триест, албанскую Валлону, готовы были благожелательно рассмотреть вопрос о выделении ей «доли» турецкого наследства. Но итальянская армия еще не оправилась после колониальной войны с Турцией, а для подготовки общественного мнения к столь резко-

[1] Об этом см. *Br. Vigezzi.* L'Italia di fronte della prima guerra mondiale, v. I. L'Italia di neutrale. Milano — Napoli, 1966.

[2] «La Stampa», 3. VIII 1914.

му повороту от Тройственного союза к Антанте требовалось время, и, самое главное, конечная победа Антанты отнюдь еще не была очевидна.

В середине августа 1914 г., когда немецкая армия, сдерживаемая героическим сопротивлением бельгийцев, топталась у Льежа, переговоры Италии с Антантой шли бойко. Но, когда немецкие армии вторглись во Францию, благоразумие в Италии взяло верх, и итальянский министр иностранных дел Сан-Джулиано начал избегать встреч с дипломатами Антанты. А в последних числах августа, когда немцы грозили Парижу, правительствам Антанты было и вовсе сообщено, что Италия решила соблюдать нейтралитет. Им, однако, тут же дали понять, что это решение — не окончательное и может быть пересмотрено, если обстоятельства изменятся [3] (т. е. если военное счастье окажется на их стороне). Самое выступление Италии, буде оно состоится, — было отложено итальянским правительством до весны. Держалось все это в тайне.

В октябре 1914 г. Сан-Джулиано умер. Новый министр иностранных дел, барон Сидней Соннино, считался до начала первой мировой войны сторонником Тройственного союза. Склоняясь теперь к выступлению на стороне Антанты, он считал все же необходимым предварительно выяснить: не сможет ли Италия получить у Австро-Венгрии за сохранение нейтралитета «компенсацию», которую Антанта предлагает в качестве платы за опасности и риск войны. В декабре 1914 г. он поручил своему послу в Вене вступить на эту тему в тайные переговоры с Австро-Венгрией.

Все это время Италия напряженно готовилась к войне: призывались новые возраста, производилось вооружение. В стране шла бурная и страстная полемика на тему о том, должна ли Италия вступить в войну или сохранить нейтралитет.

Эта полемика — характерная особенность предвоенных месяцев в Италии. В странах, которые вступили в войну в «первую очередь» и население которых было захвачено войной врасплох, ее не было, да и не могло быть.

Застрельщиками интервентизма, т. е. вступления Италии в войну на стороне Антанты, стали те же партии, которые в предвоенные годы требовали от итальянского правительства ориентации на Антанту, а не на Тройственный союз. Это была так называемая «демократическая левая» итальянского парламента — социал-реформисты, республиканцы и радикалы. Лидер социал-реформистов Л. Биссолати уже 2 августа писал своему другу и соратнику И. Бономи, что он начал «готовить души пролетариата к войне» и ждет

[3] I Documenti diplomatici italiani (далее — DDI), serie V, v. I. Roma, 1954, p. 264; Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. Секретный архив, д. 513, л. 179—180.

от Бономи того же[4]. В первой половине августа к «демократической левой» присоединились националисты. Для этих идеологов итальянского империализма война являлась самоцелью. Она должна была, по их мнению, не только создать Италии колониальную империю и вернуть ей «славу древнего Рима», но и приглушить остроту классовых противоречий в стране. И если выступление на стороне центральных держав наталкивалось на трудности, они готовы были со всем пылом звать к выступлению на стороне Антанты.

И националисты, и партии «демократической левой» были численно невелики, а количество мест, принадлежавших им в итальянском парламенте, исчислялось единицами. Но за ними стояла сила рвущихся к военным сверхприбылям и колониальным захватам итальянских монополий; интервентисты вели шумную и активную пропаганду войны. С августа 1914 г. по конец мая 1915 г. они непрерывно устраивали милитаристские митинги, демонстрации, выступали с призывами к войне с Германией и Австро-Венгрией в итальянской печати, парламенте, на разного рода собраниях и т. п. Самую войну они рисовали при этом чем-то вроде увеселительной прогулки, а победу, которую Италия одержит над своими врагами,— молниеносной, легкой, сулящей стране невиданные прибыли и богатства.

Полного единства среди интервентистов, однако, не было. Интервентистская (или «демократическая») левая звала к войне во имя защиты западной демократии от тевтонского милитаризма. Это была, по сути, та же концепция войны, что у буржуазии стран Антанты, в частности Франции, на которую итальянские социал-реформисты, республиканцы и радикалы издавна ориентировались. В Италии к этой концепции прибавлялись еще и призывы к освобождению «угнетенных братьев», т. е. итальянцев, живущих в адриатических провинциях Австрии. Часть социал-реформистов во главе с Биссолати выдвигала также лозунг союза с южными славянами во имя совместной борьбы с габсбургским игом и звала итальянское правительство к отказу ради этого союза от претензий на Далмацию, населенную в основном южными славянами.

Националисты встречали этот призыв в штыки. Они ни от чего не хотели отказываться. К тому же призывы интервентистской левой к борьбе за «потоптанную немецкими ордами демократию» казались националистам чрезмерно левыми и чуть ли не революционными, и они противопоставляли им откровенную апологию империалистических захватов и войн. Ни мало ни заботясь о фиговых листках, они открыто заявляли, что война нужна Италии «для господства на Адриатике, увеличения своих владений на Средиземном

[4] *I. Bonomi.* L. Bissolati e il movimento socialista in Italia. Roma, 1945, p. 145—146.

море и на Балканах, для усиления экспансии на Ближнем Востоке и для того, чтобы стать наследницей Турции в Малой Азии»[5], а также для борьбы с революционным настроением и движением масс.

Споры между интервентистской правой (т. е. националистами) и левой, начавшись в период нейтралитета, шли и в последующие годы участия Италии в мировой войне и принимали подчас подчеркнуто шумный характер. Однако они сменялись дружеским единением, когда интервентистам нужно было совместно доказывать «необходимость» войны и обрушиваться на ее противников.

Лагерь противников войны формировался в Италии медленней, чем лагерь интервентистов. В сентябре — октябре 1914 г. итальянские политические партии и группы начали на экстренно созываемых съездах, на заседаниях руководств и т. п. определять свое отношение к войне. Тогда выяснилось, что большинство буржуазных политических деятелей стоит на позиции условного нейтралитета: решительно отвергая выступление Италии на стороне Германии и Австро-Венгрии, они не отрицали в принципе возможность выступления на стороне Антанты, но только «в подходящий момент и на подходящих условиях». В настоящий же момент Италии надо было, как они считали, вооружаться, присматриваться, выжидать. Многие возлагали надежды на дипломатические переговоры Италии с центральными державами и Антантой. Они считали, что подобные переговоры позволят Италии использовать свое выгодное положение страны, находящейся между двумя враждующими лагерями, и добиться территориальных приращений без лишений и риска войны.

В январе 1915 г. Джолитти сформулировал эту программу в своем нашумевшем «Письме к Пеано» (одному из ближайших его друзей и помощников). Объявляя войну «несчастьем», на которое следует идти, «лишь если это окажется необходимым для чести и высших интересов страны», Джолитти утверждал, что «при нынешнем положении в Европе можно немалого достичь и без войны», т. е. путем дипломатических переговоров[6].

Простояв добрый десяток лет у руля итальянского государственного корабля, Джолитти слишком хорошо знал внутреннюю слабость итальянского империализма, чтобы поверить утверждениям интервентистов, будто победа Италии над ее врагами будет быстрой и легкой. Предвидя затяжной характер войны, он боялся, что итальянская армия дрогнет под напором врага, боялся, что война приведет Италию к экономическому краху, а это в свою оче-

[5] *F. Cappola.* La crisi italiana (статьи автора, опубликованные в «L'Idea Nazionale» в 1914—1915 гг.). Roma, 1916, p. 37.

[6] *G. Giolitti.* Discorsi extraparlamentari. Torino, 1952, p. 280.

редь станет причиной революционного взрыва в стране. Этими опасениями и расчетом на дипломатические переговоры и определялась нейтралистская позиция, занятая в 1914—1915 гг. Джолитти, этим недавним главой «правительства Ливийской войны».

Его письмо, опубликованное 2 февраля 1915 г. в «Трибуне», вызвало массовые отклики в Италии и за границей. Став как бы программой и знаменем буржуазных нейтралистов, оно превратило самого Джолитти в их признанного главу. Различные люди и различные социальные и политические группы собирались теперь вокруг экс-премьера. Здесь была и его обычная парламентская «клиентела», связанная с ним множеством нитей экономических, политических и др. Здесь были и клерикалы, и различные группы итальянских буржуа и аграриев, заинтересованные в экономическом сотрудничестве с немецким и австрийским капиталом и стремившиеся сохранить по отношению к Германии и Австро-Венгрии хотя бы благожелательный нейтралитет. Были здесь и политические деятели, боявшиеся, как и Джолитти, что участие в мировой войне окажется непосильным для Италии, и втайне благоговевшие перед военной мощью Германии. Но больше всего здесь было мелких и средних буржуа — владельцев предприятий легкой (гражданской) промышленности. Не ожидая для себя от войны особых выгод, они боялись ее, ибо хорошо помнили, какие лишения и потери принесла им (не говоря уже о рабочих и крестьянах) даже и сравнительно легкая колониальная война с Турцией.

С дальнейшей поляризацией сил в стране сторонникам «войны во что бы то ни стало» удалось перетянуть на свою сторону какую-то часть мелкобуржуазной интеллигенции (в том числе часть студентов и мелких служащих). К ним присоединились также новые группы крупной финансовой и промышленной буржуазии и аграриев, соблазненные высокими прибылями, которые война приносила капиталистам Англии, Франции и России.

Все же интервентисты и после этого составляли среди итальянской буржуазии явное меньшинство. Буржуазные нейтралисты были, однако, слишком аморфны и пассивны, чтобы им противостоять. Не решаясь опереться на итальянский народ, они ограничивали свою борьбу против военной угрозы кулуарными интригами. А между тем именно народ и был той силой, которая могла бы склонить в Италии чашу весов в пользу сохранения мира.

Экономический кризис и массовые выступления зимой 1914/15 г. Позиция ИСП

Разорвав международные торговые связи и парализовав систему международного кредита, мировая война уже в первые свои дни нанесла сильный удар экономике воюющих стран. «Сложная систе-

ма международной экономики,— писал современник событий,— распалась на составные части... бо́льшая часть взаимосвязей была порвана, экономика отдельных наций, особенно в первые, смутные недели, оказалась словно изолированной»[7]. Экономическая слабость Италии и ее зависимость от заморского ввоза (страна ввозила 15—20, а в иные годы и 25% потребляемого ею зерна, почти весь нужный промышленности и населению уголь, многие виды промышленного сырья и полуфабрикатов) обусловили тот факт, что экономика Италии жестоко страдала от мировой войны уже в то время, когда Италия еще не принимала в войне участия. Первые дни и недели мировой войны привели итальянскую экономику в состояние своеобразного шока. Прекратился, и, как в первый момент казалось, надолго, ввоз угля из Англии, и итальянские фабрики и заводы — мелкие, средние и даже крупные, не имевшие нужных запасов, начали одна за другой прекращать работу. Не хватало, хотя и не так остро, как угля, многих видов промышленного сырья. Не хватало средств, и встревоженные вкладчики штурмовали помещения сберкасс и банков. Резко возросли цены на все, даже отечественного производства, продукты.

В последующие недели, после того как английское правительство разрешило вывоз угля в Италию, «угольная паника» несколько стихла. Первоначальный шок начал проходить, и наиболее крупные и жизнеспособные из закрывшихся было предприятий открылись вновь. А в октябре — ноябре 1914 г. военные заводы уже работали в две и даже в три смены, выполняя заказы итальянского правительства, равно как и правительств обеих враждующих группировок. Строились новые предприятия. Военный ажиотаж охватывал и предприятия легкой промышленности, связанные с поставками для армии. Росли прибыли оружейников, текстильщиков, обувщиков.

Предприятия, связанные с военными поставками, снабжались военным ведомством углем из запасов государственного управления железных дорог по сравнительно умеренным ценам. Но на «вольном рынке» цены на уголь и импортное сырье продолжали расти и к весне 1915 г. превышали довоенные в 2, 3 раза, а то и более. Положение гражданской промышленности оставалось чрезвычайно трудным, и многие ее предприятия, выдержав первые удары экономического кризиса в августе — сентябре 1914 г., закрылись поздней осенью и зимой. Шел тот процесс сжатия (свертывания) гражданской промышленности, какой был характерен в 1914—1918 гг. едва ли не для всех воюющих стран, но в экономически слабой Италии сказывался особенно сильно.

[7] *R. Bachi.* L'Italia economica nell'anno 1914—1918. Città di Castello, 1915—1919, p. VIII.

Экономический кризис, порожденный войной, не замедлил сказаться на положении широких масс итальянского народа. Уже в первых числах августа, одновременно с сообщениями о закрывающихся предприятиях, в итальянской печати замелькали сообщения о безработице, которая «пугает» и «растет с потрясающей быстротой». В промышленных центрах, таких, как Милан и Турин, к сентябрю 1914 г. были без работы до 30 и более процентов всех рабочих — многие десятки тысяч человек. В последующие недели и месяцы нейтралитета, с оживлением военной промышленности, безработица здесь уменьшилась, хотя окончательно не исчезла. В отдаленных от жизненных центров местностях, особенно в Центральной и Южной Италии, число безработных продолжало расти. В довершение всего в страну возвратилось с началом военных действий в Европе до 600 тыс. эмигрантов из Франции, Швейцарии, Германии, Австро-Венгрии и других стран. Это были в большинстве крестьяне. Их возвращение еще более увеличило безработицу батраков, характерную для итальянской деревни и в мирные годы. Государственных пособий по безработице в Италии не было. Цены на продукты, взвинчиваемые спекулянтами, продолжали расти. К январю 1915 г. цена на хлеб, до войны достигавшая 40—45 чентезимо за килограмм, дошла в некоторых местностях до 60 и даже до 70 чентезимо.

Приносимые военным временем лишения еще более усилили ненависть итальянского народа к войне. Уже в первые дни августа 1914 г. в стране развернулось народное движение против безработицы и дороговизны. Проходили массовые митинги, демонстрации. Большинство выступлений носило политический характер. Демонстранты направлялись к зданиям местных муниципалитетов протестовать против бездействия властей. Они требовали хлеба и работы. Но все чаще в их рядах раздавался также и возглас «Долой войну!». На страницах центрального органа социалистической партии — газеты «Аванти!» — из номера в номер публиковались многочисленные резолюции рабочих собраний, низовых социалистических секций, профсоюзов, клубов, крестьянских лиг, просто письма рабочих, протестующих против войны и требующих сохранения мира.

«Вот уже 2 месяца, как у нас проходят антивоенные собрания,— читаем мы в сообщении из Варезе,— повсюду рабочие высказываются сердечно и просто... Они остро чувствуют тяготы войны и мечтают о времени, когда наступит мир и они смогут работать, чтобы их дети не голодали» [8].

С окончанием сельскохозяйственных работ для итальянской деревни наступила пора, когда даже и в довоенные годы значитель-

[8] «Avanti!», 3.X 1914.

ная часть батраков оставалась без работы. Классовая борьба в Италии резко обострилась, и в январе 1915 г. в стране начались массовые вспышки народных волнений. Бурные толпы городской и деревенской бедноты демонстрировали по улицам итальянских городов и деревень с возгласами «Долой войну!» и «Хотим дешевого хлеба!», громили хлебные лавки, склады зерна, били стекла в домах спекулянтов и богачей, захватывали помещения муниципалитетов, вступали в рукопашные стычки с карабинерами и полицией. В ряде городов проходили, несмотря на безработицу, грандиозные стачки промышленного пролетариата.

В феврале — марте 1915 г. нехватка хлеба на рынках Италии ощущалась все острей, цена на него дошла в отдельных местностях до 80—85 чентезимо за килограмм. Народные выступления вспыхнули с новой силой. В Венето, куда с начала войны вернулось особенно много эмигрантов и где народная нужда и безработица были особенно жестокими, народные волнения проходили повсеместно. Начавшись в одной коммуне, они перекидывались в другую, захватывали города, приводили порой к форменным боям между беднотой и войсками. Местная печать с возрастающей тревогой регистрировала здесь случаи осады и разгрома крестьянами помещичьих дворцов.

Народные выступления против безработицы и дороговизны происходили также в провинциях Феррара, Болонья, Модена, Пьяченца, захватывали некоторые районы Умбрии, Марке, вспыхивали в Тоскане и в Южной Италии.

С осени 1914 по весну 1915 г. борьба против безработицы и дороговизны охватила — в большей или в меньшей степени, в зависимости от размеров безработицы и уровня цен на хлеб — все основные сельскохозяйственные районы страны. Затихая в одном конце Италии, она тут же вспыхивала в другом. Главной движущей силой в этой борьбе были безработные батраки, но вместе с ними выступали подчас и испольщики, и колоны, и мелкие землевладельцы горных районов, а также ремесленники и промышленные рабочие [9].

В промышленных центрах страны, где безработные находили работу на расширяющихся предприятиях военной промышленности, движение было значительно слабее и за отдельными исключениями не выходило за рамки буржуазной законности.

Параллельно с выступлениями против безработицы и дороговизны, а подчас неразрывно переплетаясь с ними, разворачивалась зимой 1914/15 г. и собственно антивоенная борьба итальянского народа. «В демонстрациях в пользу сохранения нейтралитета,—

[9] *К. Э. Кирова*. Революционное движение в Италии в 1914—1917 гг. М., 1962, стр. 108.

вспоминал впоследствии М. Монтаньяна,— участвовало все больше женщин и мужчин. Громадные кортежи проходили по улицам и площадям всех больших городов с пением гимна трудящихся «Война царству войны, смерть царству смерти...» [10]

Итальянская социалистическая партия сумела сохранить верность традициям интернационализма и антивоенной борьбы и в условиях краха II Интернационала, когда волна шовинизма захлестнула социалистическое движение большинства европейских стран и поднималась также и в Италии. После 2 августа 1914 г. ее лозунгом стало сохранение Италией нейтралитета. Это не должен был быть тот условный нейтралитет, к которому стремились буржуазные пацифисты и который мог в любой «удобный» момент перейти в войну. Нейтралитет, которого требовали итальянские социалисты, был безусловным и не зависел от соотношения сил и предлагаемых Италии «компенсаций». Борясь за такой нейтралитет, итальянские социалисты выступали организаторами антивоенных митингов и демонстраций, хотя многие из этих митингов и демонстраций вспыхивали в те дни и стихийно.

Итальянская социалистическая пресса разоблачала империалистический характер войны. Известны одобрительные высказывания В. И. Ленина о некоторых антивоенных статьях «Аванти!».

Борясь за сохранение мира, партия не связывала, однако, эту борьбу с пропагандой лозунга пролетарской революции и не сумела поэтому открыть перед итальянским пролетариатом ту революционную перспективу, отсутствие которой и в предвоенные годы было трагедией итальянского рабочего движения [11]. К тому же антивоенная позиция, занятая ИСП, встречала одобрение отнюдь не всех членов партии.

Партия не была едина. Во главе ее, как известно, с 1912 г. стояли левые социалисты во главе с Ладзари, но ее реформистское, правое крыло, возглавленное Турати и Тревесом, занимало ведущие позиции в парламентской группе ИСП, в руководстве Всеобщей конфедерации труда и многих профсоюзов. Руководство ИСП боялось раскола с правыми, и это побуждало его подчас проводить колеблющуюся, центристскую политику, не всегда одобряемую всеми членами партии. В результате в ИСП уже в 1914 г. были отдельные группы социалистов, занимавшие более левые позиции, чем руководство партией.

В конце июля — первых числах августа, когда Италии грозила война на стороне центральных держав, все итальянские социалисты (правые и левые) выступали за сохранение мира. Но в последую-

[10] *M. Montagnana.* Ricordi di un operaio torinese, v. I. Roma, 1949, p. 41—42.

[11] См. *P. Togliatti.* Il partito rivoluzionario della classe operaio nel pensiero e nell' azione di Gramsci.— «Rinascita», 1958. № 3, p. 184.

щие недели, когда буржуазные партии развернули агитацию за выступление на стороне «демократической Франции», эта агитация нашла отклик в сердцах некоторых членов ИСП. В августе — сентябре 1914 г. среди мелкобуржуазной прослойки партийной интеллигенции начали раздаваться голоса в пользу выступления Италии на стороне Антанты. В статьях, помещаемых в журнале «Критика сочиале», редактируемом Ф. Турати, с откровенным цинизмом обсуждался вопрос о том, какие компенсации должна Италия потребовать за это выступление [12].

Турати и Тревес не шли так далеко, но и они не раз подчеркивали в это время необходимость для партии отказаться от требования нейтралитета «догматического и слепого», а Тревес даже звал партию быть осторожной в пропаганде нейтралитета, дабы «не заглушить чувства, которые станут необходимы, когда эту формулу (т. е. формулу нейтралитета. — *К. К.*) придется отложить в сторонку» [13].

В октябре 1914 г. на сторону интервентистов перешел член руководства ИСП, редактор «Аванти!» Б. Муссолини. Его псевдореволюционность всегда основывалась на анархо-синдикалистской и анархистской левой фразе. Как писал о нем итальянский историк, Муссолини был «уверен в своем превосходстве, не знал узды и не имел твердых убеждений» [14]. В редактируемом Муссолини центральном органе партии уже с первых дней мировой войны можно было наряду с антивоенными статьями встретить статьи, содержавшие восторженное восхваление Антанты. Поздней осенью 1914 г. к теоретической путанице, царившей в сознании Муссолини, прибавились соблазны, идущие от итальянского Министерства иностранных дел и хозяев итальянских монополий. Буржуазный журналист Нальди рассказал впоследствии о «доверительных беседах», которые он по поручению последних вел в это время с Муссолини в одной из миланских пивных [15]. Кончились они тем, что Муссолини выступил в буржуазной, а затем и в социалистической прессе с призывом к войне на стороне Антанты.

Его отступничество вызвало первоначально ошеломление и растерянность в руководстве партии. Ведь Муссолини еще не так давно был признанным вождем левого крыла ИСП, а его статьи в «Аванти!», написанные уже после 2 августа 1914 г., были полны такой «святой ненависти» в войне! Руководители «непримиримых революционеров» не сумели сразу понять классового, принципиально-

[12] См., например, статью: *A. Cabiati*, in: «Critica Sociale», 1914, № 20, p. 310—314.

[13] «Critica Sociale», 1914, № 18, p. 275.

[14] *Br. Vigezzi*. Op. cit., p. XXXV.

[15] «Il Paese», 14.I 1960.

го значения отступничества Муссолини. Они объясняли его случайными причинами, вплоть до «воинственного темперамента» Муссолини, и не одну неделю пытались уговорить его вернуться на «правильную стезю». Корректив, как это нередко бывает, пришел снизу. Резолюции низовых секций партии настойчиво требовали от ее руководства усилить борьбу против войны и исключить Муссолини из ИСП, дабы, как было сказано в одной из таких резолюций, «не создавать пьедестала людям, которые видят в партии лишь средство своего возвышения» [16]. В руководстве ИСП — после первоначальной растерянности — также начали раздаваться голоса, требующие решительного осуждения предателя, и 23 ноября 1914 г. в «Аванти!» (теперь уже редактируемой Дж. М. Серрати) появилась подписанная Серрати, Баччи и Ладзари статья, где Муссолини был назван изменником, действия которого диктуются буржуазией. Вскоре после этого Муссолини исключили из ИСП. Еще до этого он начал издавать в Милане на средства французских и итальянских монополий «собственную газету» «Пополо д'Италиа», в которой звал к войне и обливал грязью своих недавних товарищей — социалистов.

После исключения Муссолини воинственные голоса в ИСП затихли, хотя немало скрытых и полускрытых сторонников войны в ней еще оставалось.

Между тем события назревали, и в декабре 1914 г. волнения в Бьентино (маленькой коммуне в провинции Пиза), где несколько сотен безработных разгромили помещение местной полиции, открыли в Италии ту серию народных волнений против безработицы и дороговизны, о которой говорилось выше. Эти выступления вызвали разную реакцию у различных групп итальянских социалистов.

Турати и Тревес — лидеры правых — объявили себя после исключения из ИСП Муссолини сторонниками безусловного нейтралитета. Однако они по-прежнему стремились свести антивоенную борьбу ИСП к парламентским запросам и демаршам и открыто отстаивали шовинистический тезис «защиты родины» в империалистической войне (если Италия все же в войну вступит). Вспышки народных волнений из-за безработицы и дороговизны они встретили враждебно. Они боялись, что эти волнения ослабят позиции Италии в грядущей войне. «Мы не настолько интернационалисты, чтобы радоваться бунтам в собственном доме»,— заявил в палате депутатов о событиях в Бьентино один из соратников Турати — Модильяни [17]. Руководство ИСП поспешило, наоборот, деклариро-

[16] «Avanti!», 22.XI 1914.
[17] Atti del Parlamento italiano. Camera dei deputati. Legislatura XXII. Sessione 1913—1915. Discussione (далее — Atti), vol. VI, p. 5787.

вать свою верность пролетариату. Манифест, подписанный секретарем ИСП Ладзари, торжественно заверял трудящихся, что «в движениях, которые назревают», партия выступит «смелым руководителем масс» [18].

«Аванти!» энергично поддерживала занятую руководством позицию и звала социалистов «оказывать давление на правительство с помощью демонстраций». Многие из итальянских социалистов следовали этому призыву, и иные из них становились во главе крестьян, когда те шли захватывать и делить помещичьи земли, или же возглавляли всеобщие антивоенные забастовки итальянского пролетариата в отдельных городах.

Новый редактор «Аванти!», на которого все более ориентировались в своей деятельности особенно решительно и антивоенно настроенные итальянские социалисты, один из лидеров «непримиримых» революционеров — Дж. М. Серрати, был человеком большой и сложной судьбы. Профессиональный революционер, Серрати, спасаясь от преследований итальянской полиции, долго жил в эмиграции во Франции, Швейцарии, США и вбирал в себя опыт не только итальянского, но и мирового революционного движения. Когда началась война, В. И. Ленин увидел в Серрати возможного соратника в антивоенной борьбе. В 1915 г. он предложил Серрати участвовать в проектируемом им, Лениным, издании журнала «Коммунист»[19]. Еще до этого, в декабре 1914 г., Серрати получил от В. И. Ленина письмо, «состоявшее из нескольких листков, исписанных мелким и ровным почерком, без полей, без поправок, рукой явно уверенной и быстрой». Письмо содержало призыв ко всем социалистам мира решиться на энергичное позитивное, немедленное выступление против войны [20].

Однако ленинская концепция борьбы с империалистической войной, в частности тезис о перерастании империалистической войны в гражданскую, была Серрати чужда и непонятна, и он в своих планах борьбы против войны не шел дальше мысли о «нажиме» на правительство, чтобы заставить его сохранить нейтралитет. Серрати не откликнулся на ленинский призыв, и самое письмо В. И. Ленина, как он признавал впоследствии, оставил без ответа [21].

Не принимая взглядов В. И. Ленина, Серрати, тем не менее, страстно ненавидел войну, и редактируемая им «Аванти!» занимая незыблемо антивоенную позицию, уже в период нейтралитета стала центром притяжения всех наиболее решительных и левых групп

[18] «Avanti!», 28.X 1914.
[19] *R. De Felice*. Mussolini il rivoluzionario (1883—1920). Torino, 1965, p. 291.
[20] *P. Secchia*. La vita e l'opera di G. M. Serrati. Genova, 1956, p. 12—13.
[21] Ibidem.

ИСП. Объединить их разрозненные усилия и указать единый, общенациональный путь борьбы с войной газета все же не смогла. Традиционная в представлении «непримиримых революционеров» идея о всеобщей стачке в момент мобилизации вызывала яростное сопротивление группы Турати, боявшейся, что такая стачка подорвет положение Италии перед лицом врага. В то же время, по мере того как угроза вступления Италии в войну становилась все реальнее, практическое осуществление подобной стачки представлялось лидерам «непримиримых революционеров», в том числе Серрати, все более сложным и трудным. «Ошибочно думать,— писал в марте 1915 г. Серрати,— что партия может теперь определить свою будущую линию поведения. Партия не может сейчас призывать ко всеобщей стачке или насилию. Но если обстоятельства помогут и толпы выйдут на улицу, партия должна будет использовать обстоятельства и быть с массами»[22]. «Хвостистские» нотки, звучащие в этом высказывании, не случайны. Стремление идти за массами (а не руководить массами) было издавна свойственно «непримиримым революционерам».

Что же касается Всеобщей конфедерации труда, то ее руководство, состоявшее в основном из реформистов. еще в январе 1915 г. втайне от масс приняло решение, категорически отвергающее возможность всеобщей стачки в момент мобилизации. В целом в ходе событий 1914—1915 гг. левые группы итальянских социалистов были дезориентированы, а правые всячески старались сдержать антивоенное движение итальянских народных масс. Правые оставались в стороне там, где речь шла об организации антивоенных выступлений, но они неизменно оказывались на авансцене, когда эти выступления выходили за рамки буржуазной законности и порядка: они звали к «спокойствию», предлагали свое посредничество между народом и властями: Власти обычно предоставляли им возможность действовать. Лишь после того, как правым удавалось «успокоить» массы, полиция начинала аресты.

Весной 1915 г. Турати и Тревес сделали, судя по некоторым данным, попытку сговориться о совместных действиях с лидерами нейтралистской буржуазии. Их попытка была обречена на неудачу и окончилась неудачей не только потому, что отрицание какого бы то ни было сотрудничества с буржуазией издавна было одним из основных положений и требований «непримиримых революционеров.

Сотрудничества с ИСП в борьбе с военной угрозой не хотели и сами джолиттианцы, которых перспектива опоры на народные массы пугала едва ли не больше, чем вступление Италии в войну.

[22] «Avanti!», 13. III 1915.

Дипломатические переговоры Италии с центральными державами и Антантой. Лондонский договор

Дипломатические переговоры Италии с Австро-Венгрией шли медленно и трудно. Австро-венгерское правительство сначала вовсе отказывалось компенсировать Италию за счет своих адриатических провинций. В марте 1915 г. под нажимом Германии Австро-Венгрия согласилась, наконец, передать Италии Трентино, да и то лишь по окончании войны. Итальянцы же требовали за сохранение нейтралитета немедленной передачи им Трентино, Градиски, Горицции и островов Курцолари. Триест должен был получить статут «вольного города». Австро-Венгрия должна была полностью отказаться от своих претензий на Албанию. Австро-Венгрия не соглашалась, и к концу марта переговоры зашли в тупик.

Еще до этого, 3 марта 1915 г., Соннино, опасаясь, что Италия, увлекшись бесплодными переговорами с Австро-Венгрией, упустит благоприятный момент для выступления на стороне Антанты, возобновил переговоры с последней.

Тайные переговоры с обеими враждующими группировками велись Италией одновременно. «Плата за кровь», которую она требовала теперь от держав Антанты, была значительно выше, чем осенью 1914 г., когда страну война захватила врасплох. Сейчас речь шла о Трентино, Южном Тироле, Триесте, Истрии, о всем почти побережье Далмации, островах Кварнеро, Вальнуа. Юридически независимая Албания должна была фактически попасть в зависимость от Италии, Додеканесские острова, а в случае раздела Турции Адалия и еще некоторые районы Малой Азии также должны были отойти к Италии.

Англия и Франция склонны были итальянские претензии в значительной степени удовлетворить [23]. Переоценивая роль, какую выступление Италии сыграет в общем ходе войны, англичане рассчитывали, что итальянская армия свяжет на своем фронте не менее 600 тыс. солдат Австро-Венгрии, а французы — что она оттянет немецкие войска с западного фронта [24]. И те, и другие рассчитывали, что пример Италии побудит выступить на стороне Антанты также Грецию, Румынию и Болгарию и что все это вместе взятое обеспечит коренной перелом в ходе военных действий в пользу Антанты.

Дипломатия царской России оценивала возможный военный эффект от выступления Италии более сдержанно и, как показали события, более правильно. Кроме того, она не соглашалась на пере-

[23] АВПР, ф. Канцелярия, 1915 г., д. 5, л. 201.

[24] Там же, д. 69, л. 149; д. 5, л. 154.

дачу Италии земель на Адриатике, на которые претендовали южные славяне (чьи интересы «патронировала» царская Россия), и опасалась, как бы Италия, утвердившись в Малой Азии, не подобралась слишком близко к Константинополю, на который царское правительство, как известно, претендовало само. Однако под нажимом союзников и царское правительство согласилось в конце концов на бóльшую часть итальянских требований. 26 апреля 1915 г. торг закончился, и в Лондоне был подписан договор между Англией, Францией и Россией, с одной стороны, и Италией — с другой.

По Лондонскому договору, как этот документ обычно называют, Италия должна была выступить на стороне Антанты не позже, чем через месяц после его подписания. Она должна была получить за это в Северной Адриатике Трентино, Тироль (с границей по Бреннеру), Горицию, Градиску, Триест, Истрию (до Кварнеро), северную половину Далмации, а также ряд островов. В Юго-Восточной Адриатике к Италии отходила албанская Валона с прилегающими к ней землями. В Малой Азии Италия должна была в случае раздела Антантой азиатской части Турции получить «равноценную часть» в областях, смежных с Адалией, «где Италия уже приобрела права и интересы». Размеры этой части не были, однако, определены. На Эгейском море Италии были обещаны Додеканесские острова, оккупированные ею со времен Ливийской войны, в Африке она получала право требовать «некоторых равноценных компенсаций» в случае раздела Антантой немецких колоний.

Не рассчитывая, что итальянская армия сможет самостоятельно выдержать вражеский натиск, итальянское правительство настояло также на внесении в договор пункта о немедленном, вслед за подписанием договора, заключении военной конвенции с Россией. Конвенция эта должна была установить минимум военных сил, которые Россия выставит против Австро-Венгрии с целью воспрепятствовать этой державе сосредоточить все свои усилия против Италии [25].

Лондонский договор был секретен, но слухи о нем проникли в западноевропейскую, а затем и в итальянскую прессу и еще более накалили общую атмосферу в стране.

Майский кризис 1915 г.

В первые месяцы 1915 г. близость вступления Италии в войну уже ощущалась в стране весьма остро. Форсированными темпами работала военная промышленность, призывались из запаса на дейст-

[25] См. полный текст Договора в кн: «Сборник договоров России с другими государствами 1856—1917 гг.». М., 1952, стр. 436—441.

вительную службу все новые возрасты, досрочно выпускались ученики офицерских школ. С приближением военной угрозы, борьба итальянского народа против войны становилась все более страстной и напряженной. Лишенная должного руководства, борьба эта все чаще выливалась в стихийные вспышки народного гнева. Организуемые социалистами митинги, демонстрации, вспыхивающие в промышленных центрах общегородские антивоенные стачки итальянского пролетариата приводили к кровавым столкновениям их участников с полицией, карабинерами, с членами организованных Муссолини в конце 1914 г. интервентистских союзов («фаши»).

Во второй половине апреля итальянское правительство, готовясь к вступлению в войну, начало так называемую «негласную мобилизацию», во множестве рассылая индивидуальные повестки о призыве в армию. Проводы призывников вылились в целую серию стихийных демонстраций против войны. Родственники и друзья новобранцев, нередко все жители деревни, местечка, демонстрировали перед помещениями призывных пунктов, с криками «Не пустим наших сыновей на бойню!» врывались в помещения железнодорожных станций. Жены, матери бросались на рельсы, чтобы помешать отправке поезда, увозящего их сыновей и мужей на войну. Нередко в этих стихийных демонстрациях участвовали и сами призывники. В течение многих недель воинские эшелоны отходили от станций и шли по стране, сопровождаемые возгласами: «Да здравствует мир, долой войну!».

Приближение войны тревожило и лидеров джолиттианской буржуазии. В марте 1915 г. палата разошлась на весенние каникулы, и джолиттианцы лишились связующего звена, каким был для них парламент. Джолитти уехал в провинциальный город Кавур, а его «адъютанты», остававшиеся в Риме, не решались без него действовать. Они бомбардировали своего лидера письмами с призывами вернуться в Рим, но Джолитти не торопился это сделать. Его сторонники составляли большинство в палате, и он легко, как казалось, мог свергнуть Саландру (возглавлявшего правительство с марта 1914 г.) и взять власть в свои руки. Но он боялся, что нейтралистский характер его кабинета помешает переговорам Италии с Австро-Венгрией (на успех которых он все еще надеялся), и не верил, что Саландра решится на войну. Джолитти отправился в Рим лишь 8 мая 1915 г., когда слухи о скором выступлении Италии стали особенно настойчивы и итальянские газеты чуть ли не ежедневно сообщали, что всеобщая мобилизация будет объявлена «не позже, чем через 24 часа». «Джолитти приехал — война точно отдалилась»,— писала, приветствуя экс-премьера, нейтралистская «Стампа» [26].

[26] «La Stampa», 10.V 1915.

Приезд Джолитти действительно вызвал возбуждение и подъем сторонников сохранения нейтралитета. Со всех сторон приходили к нему письма с приветствиями, заверениями в готовности действовать по его указаниям, с просьбами сохранить мир. Их писали люди самого различного социального положения — мелкие и даже крупные промышленники и торговцы, священники, землевладельцы, интеллигенты, а также рабочие. Парламентская оппозиция войне оживилась, и депутаты-нейтралисты стали строить планы грандиозной парламентской демонстрации против войны в день открытия сессии парламента — 20 мая 1915 г. Джолитти должен был, как они надеялись, ее возглавить.

У Джолитти имелись, однако, свои планы. Приехав в Рим, он отправился на аудиенцию к Виктору Эммануилу и изложил королю причины, побудившие его настаивать на сохранении нейтралитета. Он побывал в день приезда в Рим также и у Саландры и говорил ему об опасности и непосильности войны для Италии. Положение главы правительства было весьма затруднительно. Дела Антанты в мае 1915 г. шли плохо (русская армия отступала в Галиции), и доводы Джолитти не могли не произвести на него впечатления, а настроение нейтралистского большинства палаты не позволяло ему надеяться на то, что последняя одобрит вступление в войну. В довершение ко всему 12 мая «Стампа» опубликовала сообщение о новых предложениях Австро-Венгрии.

Стремясь удержать Италию от вступления в войну, Австро-Венгрия предлагала ей теперь, кроме Трентино, территорию Изонцо, обещала полностью отказаться от претензий на Албанию и дать автономию Триесту. Австро-Венгрия и Германия соглашались «благожелательно рассмотреть» итальянские претензии на Горицию, а Германия выступала гарантом того, что уступаемые Италии территории действительно будут переданы ей по окончании войны.

Впечатление, произведенное этим сообщением на широкие круги населения, было огромно. Итальянские буржуа, в течение многих месяцев читавшие в интервентистских газетах, что австрийские уступки иллюзорны, спрашивали себя, «зачем воевать, если Австрия готова удовлетворить итальянские требования». Принять австрийские предложения требовали теперь не только джолиттианцы и католики, но и часть радикалов, и «все, кто ранее колебался»— по подсчетам «Стампы», $^3/_4$ всего состава палаты [27]. Сомнения в правильности избранного пути проникали также и в правящую верхушку, и между королем и Саландрой шли в эти дни беседы о возможности разрыва Лондонского договора. Однако решения об этом принято не было: разрыв договора повлек бы за собой не

[27] «La Stampa», 13.V 1915.

только отставку и политическую смерть заключившего его кабинета, но и отречение короля, санкционировавшего договор.

13 мая Саландра, не дожидаясь вынесения ему вотума недоверия нейтралистским большинством палаты, подал в отставку и на прощальной аудиенции у Виктора Эммануила назвал Джолитти в качестве возможного своего преемника. Лидеры интервентистов были извещены об этом, и 13 мая вечером, еще до опубликования в газетах известия об отставке правительства, во всех крупнейших городах Италии начались, точно по сигналу, интервентистские демонстрации. В них участвовали студенты, мелкобуржуазная молодежь, мелкие служащие, оплачиваемые из тайных фондов люмпен-пролетарии, а также члены интервентистских «фаши». Демонстранты не ограничивались тем, что маршировали по улицам и кричали «Да здравствует война! Вернуть Саландру!». Они били уличные фонари, кидали камни в окна немецких магазинов и пивных, громили здания рабочих клубов, нейтралистских газет. В Неаполе они подожгли редакцию нейтралистской «Маттино», в Милане рабочие отряды день и ночь охраняли от них здание «Аванти!». На улицах Рима в это время шла форменная охота за наиболее известными депутатами-нейтралистами. У дома Джолитти бушевала разъяренная толпа интервентистов. С криками «Смерть!» и «Долой!» пытались они взломать массивные входные двери.

Все это делалось по подсказке, даже по указке сверху. «Идеа Национале» дала бушевавшим на улицах хулиганам конкретную программу действий, которые должны были дезорганизовать и парализовать оппозицию войне. Она призывала их, в частности, «запретить изменникам родины», т. е. нейтралистам, присутствовать 20 мая на заседании палаты, расставить для этого у домов, где живут депутаты-нейтралисты, и у входа в Монтечиторио специальные пикеты и т. д. «Джолитти и его банда,— подстрекала газета,— должны получить представление о воле страны».

Буржуазная оппозиция войне была напугана происходящим. Полиция, выдавая этим свою близость к интервентистам, держалась в стороне, и одни только рабочие дали отпор хулиганам. В течение трех с лишним дней на улицах итальянских городов происходили подлинные бои между безоружными рабочими и сторонниками войны. «В страстности, с которой сталкиваются друг с другом представители двух течений — прелюдия гражданской войны»,— справедливо констатировала в те дни «Аванти!»[28]. Бесчинства интервентистов, которые не устает восхвалять итальянская реакционная историография, явились ярким выражением давно уже назревавшего кризиса итальянского либерального государства. Им удалось достичь своей непосредственной цели. «Решительность»

[28] «Avanti!», 16.V 1915.

интервентистов положила конец колебаниям правящей верхушки (тем более, что Джолитти от формирования кабинета отказался).

16 мая агентство Стефани сообщило, что Виктор Эммануил отклонил отставку Саландры, и интервентистские демонстрации прекратились. 17 мая Джолитти, с дома которого была, наконец, снята осада, уехал из Рима в Кавур. В письме, опубликованном нейтралистской прессой, он объяснял, что не хочет своим присутствием на сессии еще более разжечь разногласия в стране.

*

Совещание руководства ИСП, которое должно было, наконец, определить конкретную программу действий партии в ее борьбе за сохранение нейтралитета Италии, собралось в Болонье 15—16 мая 1915 г., в самый разгар интервентистских бесчинств. На совещании вновь вспыхнула полемика между правыми, боявшимися, что внутренняя борьба ослабит Италию перед лицом противника и звавшими не ухудшать народными выступлениями военное положение страны, и левыми, предлагавшими объявить общенациональную стачку протеста против войны. К подобной стачке стремились в те дни многие итальянские пролетарии. В Турине рабочие начали бастовать, не дожидаясь официального указания руководства ИСП из Болоньи. 16 мая вечером всеобщая стачка была здесь объявлена местной социалистической секцией и палатой труда. И хотя весть об этом проникла в рабочие кварталы поздно ночью, 17 мая утром бастовал уже весь рабочий Турин. В некоторых районах города дело дошло до постройки рабочими отдельных баррикад. «В ее (рабочей массы.— *К. К.*) отчаянии есть ужасная логика — чем быть убитым на войне, лучше погибнуть в восстании»,— писал из Турина корреспондент «Аванти!» [29].

Всеобщая стачка была объявлена на 24 часа, и к утру 18 мая этот срок истек, но большинство предприятий продолжало бастовать. Члену руководства ИСП О. Моргари, спешно приехавшему из Болоньи, пришлось весь день объезжать промышленные районы Турина и рассказывать забастовщикам, что предложение об общенациональной стачке отвергнуто руководством партии и что в других городах Италии «все спокойно». Лишь после этого рабочие, чувствуя себя изолированными и преданными, начали возвращаться на фабрики и заводы. Но и 19 мая работали еще далеко не все предприятия Турина.

Отвергнув предложение левых об общенациональной стачке протеста, Болонское совещание пришло к выводу о необходимости

[29] «Avanti!», 19.V 1915.

«признать свершившийся факт»[30], т. е. войну. «Мы добровольно отходим в сторону. Пусть буржуазия сама ведет свою войну»,— гласила резолюция, принятая в Болонье[31]. Стремление рабочих масс к активной борьбе за мир было, однако, слишком велико, чтобы руководители партии могли рассчитывать, что они примирятся с подобным решением. В постановлении, дополнительно разосланном руководством низовым секциям ИСП, решение вопроса о всеобщей стачке в масштабе отдельных городов, местечек и т. п. передавалось на усмотрение секций. Общенациональное выступление против войны подменялось в итоге разрозненными и уже в силу одного этого обреченными на неудачу местными выступлениями. И все же воля масс к действию оказалась так велика, что всеобщие антивоенные стачки были объявлены 19 мая, т. е. накануне открытия палаты, во многих городках и местечках Италии. Но большие города, точно истощив всю энергию в предшествующих вспышках, теперь молчали. Время шло, и сознание своего поражения все более охватывало рабочих и крестьян. В Суццара, рассказывала «Аванти!», ативоенная демонстрация рабочих двинулась к Палате труда. Там демонстрантам сказали, что война неизбежна. В ответ раздался громкий плач женщин[32].

Многие еще надеялись на заседание палаты, назначенное на 20 мая, и в ряде мест антивоенные митинги посылали телеграммы депутатам парламента, умоляя, требуя защитить мир. Но буржуазная оппозиция войне была парализована бесчинствами интервентистов, деморализована отъездом своего лидера. Безропотно проголосовало нейтралистское большинство палаты 20 мая за предоставление кабинету Саландры неограниченных полномочий, дающих право объявлять войну.

ВСТУПЛЕНИЕ ИТАЛИИ В МИРОВУЮ ВОЙНУ. ИТАЛИЯ В 1915—1917 ГГ.

Ход военных действий

23 мая 1915 г. Италия объявила войну Австро-Венгрии, и уже 25 мая в итальянских газетах появились названия занятых итальянской армией населенных пунктов. За победной шумихой, поднятой по этому поводу итальянской буржуазной прессой, скрывался

[30] *R. Rigola.* Storia del movimento operaio italiano. Milano, 1947, p. 427.

[31] Цит. по сб.: «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии». М., 1953, стр. 69.

[32] «Avanti!», 20.V 1915.

крах разработанного итальянским командованием плана немедленного захвата Триеста [33].

В мая — июне 1915 г. заслон австрийских войск на итало-австрийской границе был слаб (австрийцы еще только перебрасывали свои силы с русского на итальянский фронт). Несмотря на это, итальянское командование не сумело сконцентрировать на Изонцо нужное количество войск. Уже в первые недели войны остро не хватало снарядов для артиллерии. Итальянское наступление шло ослабевающими темпами, а к августу 1915 г. и вовсе прекратилось. Оно стоило итальянской армии 56 тыс. солдатских жизней и принесло ей... 6 километров каменистой почвы.

В октябре 1915 г. итальянское командование, накопив запас снарядов и надеясь на этот раз одержать решительную победу, отдало приказ о новом наступлении. 5 декабря оно прекратило его, потеряв убитыми, ранеными и без вести пропавшими 116 тыс. чел. [34] и так и не добившись сколько-нибудь значительного успеха. Общие потери итальянской армии за первые полгода ее участия в войне составили 268 тыс. чел. [35] Достигнутый стратегический результат был ничтожен.

Все это время итальянская армия переживала глубокий кризис. Боясь упустить момент и надеясь на скорое окончание войны, итальянское правительство вступило в войну, не успев завершить подготовку армии. Не хватало вооружения, и в первые недели войны в тыловых депо новобранцы проходили обучение с палками вместо ружей. Даже к концу 1915 г. многие батальоны на фронте не имели пулеметов [26]. Пушек насчитывалось на всю армию 236 штук среднего калибра и 114 крупного, так что летом 1915 г. итальянское командование снимало с тыловых крепостей и фортов и спешно перебрасывало на фронт старые, еще из бронзы и чугуна отлитые орудия [37]. Отсталая итальянская промышленность не успевала, однако, снабжать снарядами даже и наличные орудия. Не было подведено к фронту достаточно железнодорожных линий, не хватало перевязочных средств, медикаментов, врачей. А между тем уже летом 1915 г. в итальянской армии появилась и, по выражению русского военного агента в Италии О. Энкеля, «свила себе

[33] См. *P. Pieri.* L' Italia nella prima guerra mondiale (1915—1918). Torino, 1965, p. 77—80.

[34] *M. Caracciolo.* Sintesi politico militare della guerra mondiale 1914—1918. Torino, 1940, p. 91.

[35] *L. Segato.* L'Italia nella guerra mondiale, v. II. Milano, 1935, p. 5.

[36] Центральный государственный военно-исторический архив (далее — ЦГВИА), ф. 2000, оп. I, д. 2039, л. 68.

[37] *L. Capello.* Note di querra, v. I. Milano, 1921, p. 51.

прочное гнездо» холера»[38], несколько позднее приняли эпидемический характер заболевания трахомой.

Особенно трагично обстояло дело с зимней одеждой. В расчете на быстрое окончание войны итальянское командование не заготовило достаточного количества зимних мундиров, шапок, теплого белья и осенью 1915 г., когда в горах грянули двадцатиградусные морозы, обмораживание приняло массовый характер. По данным Энкеля, итальянская армия потеряла зимой 1915 г. больными, главным образом обмороженными, 300 тыс. чел., т. е. больше, чем убитыми, ранеными и без вести пропавшими за все первое полугодие своего участия в войне. В1916 г. итальянскую армию удалось кое-как вооружить и одеть. Сколько-нибудь значительного перелома в ходе военных действий это, однако, не принесло.

Русская армия связывала на своем фронте бо́льшую часть австро-венгерских сил, и это позволяло итальянскому командованию воевать на земле противника и снова и снова кидать свои войска в наступление. Проходили эти наступления трудно. «В кровавых битвах на Карсо,— вспоминает современник,— целые бригады сгорали в адском огне. Число людей в отдельных батальонах уменьшалось до нескольких десятков»[39]. Однако, сражаясь в трудных условиях горного фронта, нередко на высоте 2—3 тыс. метров над уровнем моря, итальянские солдаты были бессильны прорвать каменный барьер укреплений, воздвигнутых австрийцами на доминирующих над итало-австрийской границей горных пиках. Отдельным успехам наступающих итальянских войск неизменно сопутствовала неудача попыток достичь намеченных командованием целей. Стратегически бесплодные, эти успехи были, однако, нужны итальянской правящей верхушке из внутриполитических соображений: победная шумиха, поднимаемая итальянской буржуазной прессой вокруг каждого завоеванного километра, преследовала цель разжечь шовинистические страсти итальянского народа. Этими же соображениями было вызвано и издание печально-знаменитого приказа Кадорны[40], в силу которого любой из занятых итальянцами пунктов — вне зависимости от его стратегической важности — мог быть оставлен ими лишь после гибели не менее чем $^3/_4$ его защитников[41]. Многие десятки, если не сотни, тысяч итальянских солдат пали жертвой этого приказа.

[38] ЦГВИА, ф. 2003, оп. I, д. 1136, л. 74.

[39] *L. Peano.* Ricordi della guerra di trent'anni (1915—1945). Firenze — Bari, 1948, p. 31.

[40] Кадорна был фактически главнокомандующим итальянской армии, формально — начальником ее генштаба (ибо главкомом числился Виктор Эммануил).

[41] Comitati segreti sulla condotta della guerra (giugno — dicembre 1917). Roma, 1967, p. 98.

А в мае 1916 г. австро-венгерская армия, прорвав в Трентино итальянскую линию фронта, вышла на территорию Итальянского королевства. Ей оставалось 30 км. до выхода в Венецианскую равнину, откуда она смогла бы грозить таким жизненных центрам Италии, как Венеция, Милан, даже Турин, потом 20 км., потом 10... Наступление русской армии Брусилова в Галиции, оттянув на себя австро-венгерские силы, помогло итальянцам избежать разгрома. Но горные вершины, господствующие над этим участком фронта (и ранее бывшие в руках итальянцев), остались у австрийцев, и ощущение неуверенности и незащищенности не покидало итальянское командование во все последующие годы войны.

Обострение экономического кризиса

Во внутренней жизни Италии затяжная война привела к резкому обострению и без того свойственных итальянской экономике и итальянскому обществу противоречий. В первые ее год-полтора приносимая войной экономическая разруха еще не успела в полной мере сказаться. В экономических трудностях, какие переживала страна, еще выступала на первый план ее зависимость от иностранного ввоза. Союз с Англией обеспечивал Италии возможность закупать в этой стране минимально необходимое ей количество угля и ценных сортов стали, но итальянский флот, состоявший в значительной мере из старых, в том числе из парусных, судов, не справлялся с перевозками грузов. Даже в мирное время $^{2}/_{3}$, а по некоторым данным и $^{3}/_{4}$ всех грузов ввозилось в страну на зафрахтованных итальянскими импортерами иностранных судах. С войной потребность во ввозе в Италию заморских товаров резко возросла, а возможность фрахта иностранных судов резко уменьшилась. Так, каменного угля из-за нехватки судов было завезено в 1915—1916 гг. в Италию на 2 млн. тонн меньше, чем в предвоенные годы. Тонна его, стоившая до войны 30—50 лир, в январе 1915 г. стоила 200 лир, а в 1917 г. — 500 лир. Из-за нехватки и дороговизны угля в итальянских городах уменьшалось ночное освещение улиц, учащались перебои в работе предприятий общественного обслуживания.

С железнодорожным транспортом дело обстояло не лучше, чем с морским. До $^{1}/_{3}$, а иногда и до $^{2}/_{3}$ подвижного состава занимала теперь перевозка военных грузов, гражданские же грузы неделями и даже месяцами ожидали очереди на железнодорожных складах. Предприятия гражданской промышленности не имели возможности завезти сырье и вывезти готовую продукцию. В сельскохозяйственных районах гнили овощи, фрукты. Были случаи срыва снабжения населения продуктами из-за отсутствия вагонов и т. д.

Строительная, полиграфическая, стекольная, шляпная, бумажная, часовая, ювелирная и другие отрасли гражданской промышленности жестоко страдали от войны. Они день ото дня сокращали производство, и это долго препятствовало рассасыванию безработицы в стране.

В военной промышленности царил ажиотаж. Прибыли военных заводчиков, навигационных компаний достигали фантастических размеров. Так, Навигационное общество Северной Италии, имея капитал в 5 млн. лир, получило в 1915 г. 11 млн. лир чистой прибыли и в одном только первом полугодии 1916 г.—12 млн. В Пьемонте, Лигурии, Ломбардии возникали все новые оружейные, автомобилестроительные, авиационные и т. п. заводы. Правительство форсировало их строительство, финансируя их, давая им различные льготы. Новые предприятия строили в спешке, не заботясь о качестве, в то время как уже имевшиеся предприятия нередко стояли из-за отсутствия сырья. Это придавало росту военной промышленности лихорадочный, «астматический» характер.

Рост военной промышленности сопровождался ее концентрацией. «Итальянская промышленность, — писал в мае 1915 г. Энкель, — в результате военных заказов находится в состоянии непрерывной эволюции: образуются новые финансовые группы; крупные заводы при поддержке банков и правительства скупают более мелкие, увеличивая иногда в несколько раз их производство. Финансовые комбинации зачастую выходят из коммерческих рамок и получают общеэкономическое и политическое значение» [42].

В 1915 г. урожай зерна в Италии оказался ниже среднего и ввезти зерна из-за границы надо было не менее 20 млн. центнеров. Но рынки России и Румынии, где итальянские импортеры обычно закупали зерно, теперь были отрезаны и, чтобы установить торговые связи с зерновыми фирмами Америки, требовалось время. А в декабре 1915 г., когда хлеб, наконец, закупили, у Италии не оказалось судов, чтобы привезти его в страну. Итальянское правительство обратилось к английскому адмиралтейству с просьбой «одолжить» ему пароходы для транспортировки в Италию угля и зерна. Но английское правительство не торопилось помогать своей бедной союзнице. И в конце 1915 г. цена на хлеб в ряде местностей достигла, а в некоторых и превысила 60 чентезимо за кг. Предложение зерна на рынках, как сообщал русский консул в Генуе, не покрывало спроса, цены «крепли» [43].

Перед правящими классами страны вновь вставал призрак голодных волнений. Некоторые аккредитованные в Риме диплома-

[42] ЦГВИА, ф. 2000, оп. II, д. 2130, л. 283.

[43] Центральный государственный исторический архив (далее — ЦГИА), ф. 23, оп. 9, д. 773, л. 86.

ты опасались даже, что Италия заключит сепаратный мир. Русский посол в Италии М. Гирс находил, что эти опасения не лишены оснований [44], а русский военно-морской агент в Италии Е. Беренс сообщал в январе 1916 г., что «положение Италии в жизненно важных для нее вопросах приближается к критическому», и подчеркивал, что «помощь Антанты должна быть быстрая и существенная, ибо отнюдь нельзя упускать из вида глухое недовольство населения» [45].

Русский министр иностранных дел С. Д. Сазонов, получив эти сообщения, поручил своим послам в Лондоне и Париже обратить внимание соответствующих правительств на «тяжелое положение Италии» [46]. Англия, понимая, что довести Италию до крайности было бы рискованно, дала ей корабли для перевозки наиболее необходимых грузов, и в марте 1916 г. итальянское правительство начало, наконец, вывозить из Канады закупленное зерно. Взяв снабжение населения хлебом в свои руки, оно продавало зерно себе в убыток по твердой цене аграрным консорциумам (объединениям), в свою очередь распределявшим его по твердым ценам между коммунами. Собственно итальянские хлебные ресурсы становились тем временем все скуднее. Сельское хозяйство Италии, и без того отягощенное грузом феодальных пережитков, к весне 1916 г. уже было обескровлено непрекращающимися призывами в армию, и в Южной Италии уже весной 1916 г. осталась необработанной часть посевных площадей. Цены на продукты, не фиксированные правительством, продолжали расти. Картофель вздорожал по сравнению с довоенным временем в два раза, вино — в полтора раза и т. д.

Борьба внутри правящих классов по вопросу об объявлении войны Германии

На другой день после вступления Италии в войну буржуазные нейтралисты заявили, что они «признают свершившийся факт». Они стали называть себя интервентистами и громко прокламировали свою готовность бороться за победу «вместе со всей страной». Даже Джолитти, живший, точно в добровольной ссылке, в маленьком городке Кавуре, заявил 5 июля 1915 г. на заседании

[44] «Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств. 1878—1917 гг.», серия III, т. X. М.— Л., 1938, стр. 114.

[45] Центральный государственный архив Военно-Морского флота (далее — ЦГАВМФ), ф. 716, д. 481/13624, л. 23.

[46] АВПР, ф. Канцелярия, 1916 г., д. 29, т. I, л. 78.

муниципального совета провинции Кунео, что, когда король зовет страну к оружию, провинция Кунео, без различия партий, единодушна в своей верности королю и поддержке правительства[47].

Борьба по вопросу войны и мира среди правящих классов затихла. Но сложившееся в их среде в период нейтралитета разделение не исчезло. Споры между вчерашними нейтралистами и интервентистами, вспыхивая по самым, казалось бы, различным поводам, не прекращались в течение всех лет войны, и это придавало итальянской политической жизни особенно болезненный и напряженный характер.

Что бы ни являлось непосредственной причиной этих споров, в основе их неизменно лежало различное отношение к войне. Во второй половине 1915 — первой половине 1916 г. они шли в основном по вопросу об объявлении войны Германии, или, говоря языком того времени, по вопросу о «большой» и «малой» войне. По Лондонскому договору Италия обязалась вступить в войну не только с Австро-Венгрией, но и со «всеми врагами Антанты». Срок выполнения ею этого последнего обязательства в договоре указан не был.

В 1915 г. Италия действительно объявила войну Турции и Болгарии. С Германией дело обстояло, однако, сложнее.

Война, к которой стремился итальянский империализм, должна была не только принести ему terre irredente, т. е. адриатические провинции Австро-Венгрии, в которых жили, наряду со славянами, также и итальянцы и на которые давно уже претендовала Италия. Эта война должна была избавить империалистическую Италию от немецкой зависимости и помочь ей «сколотить» себе колониальную империю в Восточном Средиземноморье. Это должна была быть «большая война», и война с Германией входила в нее как составная часть. Не видя ее, империалистическая Италия не могла бы претендовать на участие в дележе немецкого «наследства» и колоний!

Провозвестниками «большой войны» в Италии выступали те же партии, которые в период нейтралитета являлись застрельщиками вступления в войну вообще, т. е. националисты и интервентистская левая. Их поддерживали в этом крупнейшие итальянские машиностроительные и металлургические монополии; под их знаменем собирались те группы итальянского промышленного и финансового капитала, которые тяготились немецкой опекой и немецким демпингом в Италии, или те, чьи капиталы были вложены в различные колониальные предприятия в Африке и на Ближнем Востоке. К ним примыкали также и те, кто, поддавшись пропаганде «интервентистской левой», искренне верил, что война с Германией явля-

[47] G. Giolitti. Op. cit., p. 285.

ется войной «за демократию и свободу». Их было сравнительно немного, ибо Германия отнюдь не вызывала в Италии такой всеобщей неприязни, как Австро-Венгрия. За стремление к расширению войны сторонников войны с Германией называли в Италии «ультраинтервентистами» или «крайними». Им противостояли многочисленные группы итальянских промышленников, банкиров, аграриев, экономически связанных с Германией, а также те, кто боялся германской военной мощи. Эти группы имелись в промышленных центрах Северной Италии. Они были особенно многочисленны и влиятельны на аграрном Юге, где Германия издавна выступала основным покупателем сельскохозяйственной продукции и поставщиком дешевых, серийного производства промышленных изделий. Разрыв экономических отношений с Германией, наступивший после 23 мая 1915 г., сказывался на Юге весьма остро, возобновления их по окончании войны здесь ожидали с нетерпением, и о войне с Германией не хотели и слышать. Против «большой войны» были и клерикалы, следовавшие за Ватиканом, чья политика оставалась нейтральной формально и прогерманской и проавстрийской по существу. Против войны с Германией выступали и те широкие слои мелких и средних итальянских промышленников и торговцев, которые в период нейтралитета были против войны вообще, а теперь старались по возможности ее ограничить. Они ратовали за «малую войну» с одной только Австро-Венгрией, за «одно только» господство Италии на Адриатике (почему их и звали теперь умеренными интервентистами).

Конкретное содержание Лондонского договора — обязательство Италии вступить в войну «со всеми врагами Антанты», равно как и обещанные ей за это «компенсации», были общественному мнению неизвестны, и итальянские политические деятели, полагая, что они могут повлиять на разрешение этих вопросов, спорили о них с особой остротой и силой.

В этой обстановке положение итальянского правительства становилось все более сложным. Многие члены кабинета, хорошо зная, с каким трудом Италия ведет даже «малую войну» с Австро-Венгрией, войны с Германией боялись. Председатель совета министров Саландра был к тому же близок к группам итальянского капитала, экономически связанным с Германией, в частности к аграриям Юга Италии (он и сам был южанин по происхождению). Это побуждало его стремиться оттянуть войну с Германией. Не объявляя этой войны, он в то же время не высказывался против нее публично, и это делало его объектом нападок обеих спорящих сторон, не говоря уже о возрастающем нажиме союзников, от чьих займов, судов, поставок топлива, сырья и т. п. все более зависела Италия. Они все настойчивее требовали от Италии выполнения ее обязательств. В результате кабинет Саландры висел «на волоске» и не

раз был близок к падению. Спасало его до поры до времени лишь то, что и сторонники, и противники «большой войны» равно боялись, что министерский кризис во время войны еще более осложнит и без того нелегкое положение Италии. Но после австрийского прорыва в Трентино (в мае 1916 г.) невозможность для Италии вести войну, рассчитывая на свои только силы, стала явной, и требование «ультра» объявить войну Германии во имя более тесного единения с союзниками зазвучало особенно настойчиво. Вкупе с недовольством и критикой правительства, вызванными военным поражением, это решило его судьбу. 10 июня 1916 г. кабинет Саландры пал, уступив место так называемому «национальному правительству» во главе с П. Бозелли. В это правительство входили представители всех фракций парламента (кроме социалистов). Преобладали в нем, однако, «ультра». В августе 1916 г. правительство Бозелли объявило войну Германии. Умеренные интервентисты и на сей раз поспешили «признать свершившийся факт», и в итальянском правящем стане вновь наступили дни некоего призрачного единства.

На ведении Италией военных действий объявление войны Германии (не говоря уже о Турции и Болгарии) фактически не отразилось. Не имея с этими странами общей границы и всячески доказывая своим союзникам, что на большее у нее не хватает сил, Италия и после августа 1916 г. продолжала посылать свои войска в основном только против одной Австро-Венгрии.

ИСП и война. Антивоенные выступления масс

Проиграв весной 1915 г. битву за нейтралитет, ИСП сформулировала свою дальнейшую позицию в формуле Non aderire e non sabotare la guerra, т. е. не поддерживать войну, но и не саботировать ее. Формула эта, выдвинутая Ладзари еще на совещании в Болонье в мае 1915 г., знаменовала компромисс между левыми группами ИСП, стремившимися к активной борьбе с войной, и правыми во главе с Турати и Тревесом, занимавшими формально антивоенную, а фактически скрыто (а моментами и открыто) оборонческую позицию. Сковывая активность рядовых членов партии, эта формула чем далее, тем более их не удовлетворяла и тормозила антивоенное движение в стране. Полностью остановить его она, однако, не смогла. Важно отметить, что антивоенная пропаганда в понятие саботажа войны (весьма, впрочем, неопределенное) не входила.

Оправившись от растерянности, вызванной вступлением страны в войну, партия эту пропаганду возобновила. Она вскрывала империалистическую сущность войны, показывала, что война приносит
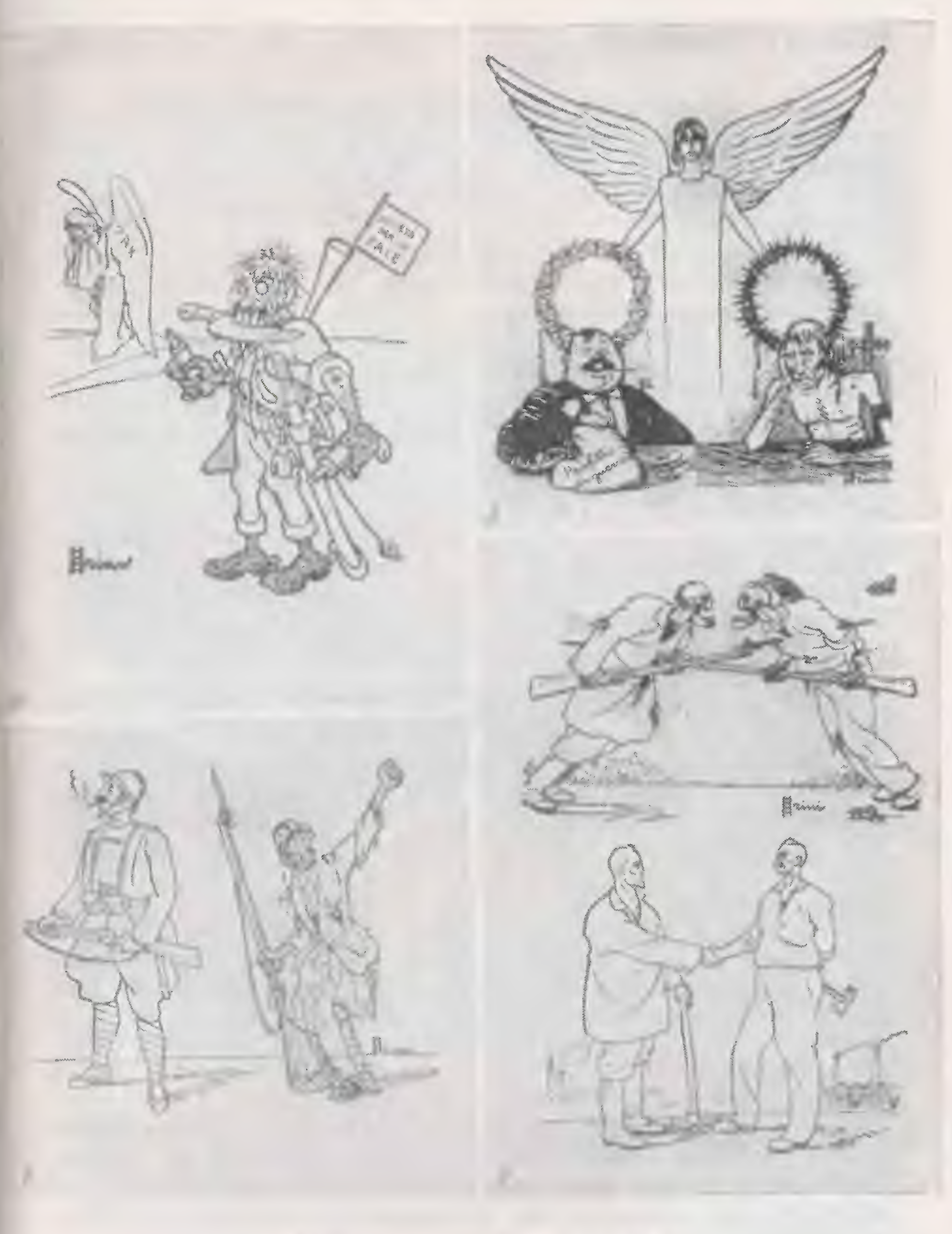
бешеные прибыли капиталистам и тяжелые страдания народу. Антивоенная пропаганда ИСП сыграла немалую роль в росте антивоенных настроений итальянского пролетариата в 1915—1918 гг. Она явилась одной из причин того, что итальянской буржуазии не удалось в эти годы внедрить шовинизм в сознание итальянских народных масс.

Вести антивоенную пропаганду партии приходилось в трудных условиях: немедленно вслед за началом войны на нее обрушился град репрессий. Многие ее члены были арестованы, немало выслано в административном порядке в глухие углы страны, еще больше было призвано в армию. Ряд низовых секций ИСП в результате закрылся. Многие провинциальные социалистические газеты перестали выходить. Рабочее движение было взято в жесткие рамки военных законов. Были запрещены уличные митинги, демонстрации. Рабочие собрания разрешались лишь в закрытых помещениях, созыв их обставлялся рядом формальностей, а вход на них был строго по билетам. Не один партийный функционер попадал в те годы в тюрьму за нарушение всех этих правил и запретов.

Еще в период нейтралитета ИСП выступила совместно со Швейцарской социал-демократической партией инициатором и организатором созыва международной социалистической конференции, которая восстановила бы разорванные войной международные социалистические связи и способствовала бы, как надеялись ее организаторы, восстановлению II Интернационала. Конференция собралась, как известно, в сентябре 1915 г. в Циммервальде. Глава итальянской делегации Ладзари рассказал ее участникам о самоотверженной борьбе итальянского пролетариата против войны, но «вместе с тем высказался против решительного осуждения социал-шовинизма» и, как сказано в протоколах Циммервальдской конференции, предлагал «не выносить приговор партиям», т. е. вождям, виновным в крахе II Интернационала [48]. Против Манифеста Циммервальдской левой, возглавленной В. И. Лениным, Ладзари возражал «в любой его формулировке» [49]. Позиция Серрати, также участвовавшего в совещании, была несколько иной, и свое выступление на совещании он начал с заявления, что «если бы война еще не была фактом, то я бы голосовал за резолюцию Ленина». Но в настоящий момент и он высказался против этой резолюции, так как теперь она была, как ему казалось, «преждевременна или запоздала». Критикуя политику реформистского руководства и профсоюзов, он звал II Интернационал «как можно

[48] *Я. Г. Темкин.* Ленин и международная социал-демократия. 1914—1917. М., 1967, стр. 212.

[49] Там же, стр. 227.

33. *Рисунки Скаларини против войны и буржуазного пацифизма в газете «Аванти!»:*
а) «Буржуазный пацифизм»; б) «Результаты победы»;
в) «Солдаты на фронте: как их изображают и какие они на самом деле»;
г) «Война и социализм»

быстрее вернуться к революционной борьбе»[50]. О необходимости восстановить II Интернационал говорил в Циммервальде правый итальянский социалист Модильяни[51]. В целом итальянская делегация присоединилась на конференции к центристскому ее большинству.

Руководство ИСП после возвращения делегации на родину полностью одобрило как эту ее позицию, так и принятый совещанием Циммервальдский манифест. Последний вскоре стал чем-то вроде официального «кредо» партии. Довести его до сведения масс в Италии было, однако, нелегко. Военная цензура не пропустила манифест в печать, и Серрати решился на смелый шаг: послав цензору на визу макет заполненного каждодневными материалами номера «Аванти!», он распорядился напечатать в очередном номере газеты Циммервальдский манифест и одобряющее его постановление руководства ИСП. Тираж был отпечатан и разослан подписчикам прежде, чем цензор обнаружил обман. Впоследствии Циммервальдский манифест еще не раз воспроизводился итальянскими социалистами в виде листовок. Отдельные его положения неоднократно варьировались ими в их собственных прокламациях, статьях. В итоге манифест стал известен едва ли не каждому итальянскому социалисту.

Зовя массы к борьбе за мир, манифест не связывал, однако, эту борьбу с борьбой пролетариата за власть, а самую борьбу за мир рисовал, как «нажим» пролетариата на правительство с целью заставить его заключить мир. В этом недостаточность и слабость Циммервальда, которые должны были с ростом движения превратить циммервальдские лозунги в тормозящую силу. Но на первых порах это сказаться еще не успело, и в конце 1915 — начале 1916 г. Циммервальдский манифест сыграл в Италии большую прогрессивную роль. К моменту его издания итальянское социалистическое движение уже оправилось после вызванных вступлением в войну растерянности и депрессии, внутри ряда секций уже шла борьба левых элементов с правыми, тянувшими партию на путь фактического сотрудничества с милитаристской буржуазией. Однако, восставая против оборончества и крохоборческого реформизма правых, левые социалисты еще часто ограничивались только отрицанием. Они выступали против сотрудничества с милитаристами, против участия в разного рода буржуазных комитетах по «организации тыла» (к чему звали правые) и пр. Возрождавшееся в стране антивоенное движение еще не выработало позитивной программы действий.

[50] *Я. Г. Темкин.* Указ. соч., стр. 228—229.

[51] Там же. стр. 230.

В этих условиях Циммервальдский манифест явился для широких слоев итальянских социалистов и рабочих, по определению газеты социалистов Флоренции «Дифеза», «искрой, оживляющей их энергию». Он дал антивоенному движению ту положительную программу действий, тот лозунг борьбы за мир, каких ему остро не хватало и чего формула Ладзари дать не могла. После этого, как писала та же «Дифеза», «идея мира стала завоевывать почву в Италии с каждым днем».

Подъем социалистического движения в Италии после Циммервальдского совещания был очевидным и проходил в значительной мере под его воздействием. Жизнь секций, до того зачастую томившихся в безделье, оживилась. Секции обсуждали Циммервальдский манифест, распространяли его среди гражданского населения и солдат. Начали собираться провинциальные социалистические конгрессы, вновь выходили закрывшиеся было с войной социалистические газеты, усилился приток в партию новых членов. Это были в основном вчерашние ремесленники, крестьяне, а также женщины и подростки, впервые втянутые в производственную жизнь войной. Вступая в ИСП, они занимали место на левом ее фланге, звали к активной и немедленной борьбе за мир.

Итальянские правые социалисты после безуспешных попыток помешать присоединению ИСП к циммервальдским решениям пытались какое-то время эти решения замалчивать. Но весной 1916 г. с появлением в Италии первых признаков нового революционного подъема позиция правых изменилась, и они начали на все лады «клясться» Циммервальдом. Выставляя себя ревностными его сторонниками, они всячески старались свести содержавшийся в Циммервальдском манифесте призыв к активной борьбе за мир к одним только парламентским речам и демаршам. Левые, наоборот, понимали циммервальдский призыв, как призыв к революционному, действенному давлению снизу. Их представление о том, какую именно форму это давление должно принять, было, однако, весьма смутно. Оно основывалось в значительной мере на неизжитых еще пережитках анархо-синдикалистских и анархистских воззрений. Одни левые звали к «прямому действию» и «саботажу» войны, другие — к «стачке скрещенных рук» (тогда военные заводы перестанут производить оружие и правительство будет вынуждено заключить мир), третьи говорили о революции, но понимали под ней не свержение власти буржуазии, а все тот же революционный нажим, который и вынудит правительство заключить мир.

Платформа возглавленной В. И. Лениным Циммервальдской левой подавляющему большинству итальянских социалистов оставалась в то время неизвестна. «Руководители ИСП, — писал позднее А. Грамши,— не сочли своим долгом информировать членов партии о происходивших в Циммервальде дискуссиях... и в итоге

итальянские социалисты в массе своей не знали даже о существовании руководимой В. И. Лениным Циммервальдской левой» [52].

Однако весной 1916 г. на 2-й конференции циммервальдистов в Кинтале Серрати подписал внесенный Циммервальдской (Кинтальской) левой проект резолюции «Об отношении социал-демократии к вопросу о мире». «Сложите оружие, обратите его *против общего врага* — капиталистических правительств»,— звал этот документ массы [53]. Серрати, говорилось в информационном письме представителей ЦК РСДРП, «как будто эволюционировал в нашу сторону: он подписал нашу резолюцию о программе мира и один боролся против пацифистских тенденций среди итальянского большинства» [54].

Вернувшись из Кинталя, Серрати, несмотря на сковывавшую «Аванти!» цензуру, сделал ряд попыток рассказать в газете о В. И. Ленине и большевиках как об активных и бесстрашных борцах за мир. Так, в частности, 13 мая 1916 г. эта газета опубликовала снимок пяти одетых в арестантские халаты и сосланных царским правительством в Сибирь за антивоенную деятельность членов большевистской фракции Государственной думы. Подпись под снимком гласила, что изображенные на нем депутаты русской Государственной думы — большевики. Они с гордостью носят арестантскую одежду, в которую их обрядило царское самодержавие. Это выступление «Аванти!» вызвало немедленный отклик итальянских социалистов. «Рисунок и краткое пояснение к нему,— сообщала через три дня «Аванти!» — вызвали у многих наших товарищей желание узнать, кто такие большевики». «Аванти!» попыталась объяснить это своим читателям, пересказав IV главу работы В. И. Ленина «Социализм и война». «С самого начала войны они (большевики) непримиримо оставались на своем посту и не только голосовали против военных кредитов, но и соответственно действовали среди масс» [55],— писала газета.

Выступая с докладами о Кинтале на собраниях некоторых социалистических секций Северной и Центральной Италии, Серрати, как можно понять из опубликованных в «Аванти!» отчетов, рассказывал своим слушателям не только об официальных решениях, принятых в Кинтале, но и о позиции и документах Кинтальской левой. Судя по некоторым данным, он собирался познакомить с этими документами всех членов ИСП. Это свое намерение он не выполнил, возможно, из-за протеста правых, раскола и разрыва с которыми он всячески старался избежать.

[52] *A. Gramsci.* Opere, v. IX. Torino, 1954, p. 414.

[53] Текст резолюции см.: *В. И. Ленин.* Сочинения, 1-е изд., т. XIX.

[54] Цит. по кн.: *Я. Г. Темкин.* Указ. соч., стр. 407.

[55] *A. Gramsci.* Opere, v. IX. Torino, 1954, p. 414.

Характеризуя настроение широких масс итальянского народа, нельзя не отметить, что классовый мир во имя победы над «общим врагом», к которому звала в годы войны итальянская буржуазия, как и буржуазия других воюющих стран, в Италии не был установлен даже на самом первом этапе участия Италии в мировой войне. Ненависть итальянского народа к войне была для этого слишком велика, а страдания, приносимые войной,— слишком сильны. Сказалось здесь и то, что народная инициатива и активность к моменту вступления Италии в мировую войну уже были развязаны событиями периода нейтралитета. Борьба продолжалась, хотя формы ее и должны были на какое-то время измениться.

С запретом демонстраций, митингов, с введением военной цензуры печати на первый план выступила стачка. Уже в конце мая 1915 г., т. е. в самые дни всеобщей мобилизации, на итальянских предприятиях поднялась волна забастовок. В июне — июле 1915 г. она охватила едва ли не все основные отрасли итальянской промышленности. Формально экономические, эти стачки носили по сути политический характер: они были направлены против приносимого войной ухудшения условий труда и в конечном итоге против самой войны. Итальянское правительство ответило на них декретами о мобилизации промышленности: предприятия, связанные с поставками военному ведомству, объявлялись милитаризованными. Они получали ряд льгот в снабжении дефицитным топливом и сырьем, а их рабочие считались призванными на военную службу и лишь получившими временную отсрочку. Они должны были безропотно подчиняться устанавливаемому на этих предприятиях чрезвычайно суровому внутреннему режиму и за малейшее отступление от него могли быть оштрафованы, заключены в карцер, отправлены на фронт. Бастовать, уходить с работы или даже переходить с одного предприятия на другое им запрещалось. Виновные в совершении подобных «преступлений» подлежали суду военного трибунала, как дезертиры.

С введением этих драконовских законов стачечная волна на военизированных фабриках и заводах неизбежно спала, и лишь рабочие предприятий гражданской промышленности (в частности текстильной) еще продолжали осенью 1915 г. стачечную борьбу. С приближением зимы количество стачек резко сократилось и в антивоенной борьбе итальянского пролетариата наступил период некоторого затишья. Однако и в этот период то здесь то там происходили отдельные случаи народных выступлений, волнений, стачки, убедительно свидетельствующие о не прекращающемся в недрах народа брожении.

Весной 1916 г. проявления народного протеста участились и кривая стачечного движения, вновь пойдя вверх, превысила уровень соответствующих довоенных месяцев 1915 г. Основное

количество забастовок все еще проходило на предприятиях гражданской промышленности, но короткие, стремительные стачки все чаще вспыхивали теперь и на военных фабриках и заводах.

1 мая 1916 г.— в первый итальянский военный первомай — рабочая демонстрация, возглавленная молодыми социалистами и анархистами, двинулась с возгласами «Долой войну!» по улицам Милана. Одних только арестованных за участие в этой демонстрации оказалось 60 человек.

Осенью 1916 г. признаки приближения нового революционного подъема в Италии уже были многочисленны и бесспорны. Наиболее революционно и антимилитаристски настроенные итальянские социалисты переходили от антивоенной пропаганды к организации антивоенных выступлений. В Турине антивоенные собрания уже следовали, по свидетельству полицейского агента, «без передышки, одно за другим»[56]. Нередко они, несмотря на полицейские запреты, оканчивались уличными демонстрациями против войны. Запрещенные правительством публичные собрания, шествия, организованные социалистами и вспыхнувшие стихийно, происходили и в некоторых других районах Италии. В ряде мест они сопровождались, как и во времена нейтралитета, рукопашными стычками рабочих со сторонниками войны.

Зима 1916/17 г. была тяжела для Италии В стране продолжалось военное «проспериги», возникали все новые металлургические, химические, машиностроительные и т. п. фабрики и заводы, усиленными темпами шла концентрация производства и капитала. Крупнейшие итальянские монополии — Ильва, Фиат, Ансальдо — превращались в гигантские промышленные комплексы, охватывающие весь производственный цикл получения и обработки металла, имеющие свои железные рудники, дороги, флот, электростанции и т. д. Действуя в неразрывной связи с крупными банками, они все более подчиняли себе производство, командовали экономической и политической жизнью страны.

Однако и в металлургии, и в машиностроении появлялись уже первые предвестники грозящего им по окончании войны краха. Их предприятия уже и теперь нередко работали не на полную мощность и даже простаивали из-за отсутствия топлива и сырья. Наиболее предусмотрительные и дальновидные представители итальянского «делового» мира уже предупреждали своих зарвавшихся коллег против спекулятивного, не обеспеченного топливом, сырьем, стабильными рынками сбыта расширения производственных мощностей[57].

[56] *D. Zugaro.* La rivolta di Torino del 1917 nella sentenza Tribunale militare territoriale.— «Rivista storica del socialismo», 1960, № 10, p. 445.

[57] См. «L'Economista d'Italia», 3.IV 1917.

Общие условия работы итальянской промышленности становились тем временем все тяжелее. Каждый день приносил все новые известия о закрывающихся предприятиях гражданской промышленности, обанкротившихся фирмах. Те, чьи фабрики, заводы еще работали, жили в ожидании краха.

Все труднее становилось и с продовольствием. На местах теперь отсутствовал минимально необходимый запас зерна и муки. Достаточно было любого перебоя в работе транспорта (а они случались каждодневно), чтобы местечко, город, целая провинция остались без хлеба. В некоторых местностях его не бывало и по неделе и даже по две. Не хватало и других продуктов — кукурузы, риса, сахара, даже овощей. Каждый день росли вздуваемые спекулянтами цены на товары широкого потребления.

Положение народных масс становилось невыносимым, и в январе — феврале 1917 г. вспыхнули массовые народные волнения в ряде провинций и местностей Италии. Их участницами были главным образом солдатки — жены и матери ушедших на фронт, а также подростки — их дети. Они шумели на городских площадях, протестуя против дороговизны, голода, требуя увеличения получаемого ими мизерного пособия. Нестройными колоннами, с возгласами «Верните наших мужчин из окопов!» проходили они по улицам итальянских городков и деревень. Даже подцензурная итальянская печать не могла не признать «повсеместного характера» этих стихийных антивоенных демонстраций. Нередко они принимали и бурный характер. Тогда звенели стекла окон, разбитые кинутыми в них булыжниками, мелькали в воздухе палки, дубинки. Голодные толпы с возгласами: «Да здравствует мир!», «Долой сеньоров!» — громили продуктовые лавки, пекарни. «Восстания в различных частях Италии. Женщины против войны»,— занес еще в начале 1917 г. в свой дневник Ф. Мартини [58].

Поворот итальянской буржуазии к империалистическому миру. Борьба течений в ИСП

В итальянской палате депутатов и в буржуазной прессе шли завуалированные, а подчас и открытые споры о том, следует ли Антанте, в частности Италии, продолжать войну или закончить ее «достойным», но все же компромиссным миром. «Ультра» по-прежнему настаивали на «войне до победы». Но вчерашние нейтралисты все более открыто поворачивались к империалистическому миру. После 12 декабря 1916 г., когда итальянская печать опубликовала ноту германского правительства, предлагавшего «немедленно присту-

[58] *F. Martini.* Diario. 1914—1918. Verona, 1966, p. 865.

пить к переговорам о мире», к требованию о начале мирных переговоров присоединилась даже часть тех, кто был за войну с первых дней нейтралитета. Все дни, вплоть до конца января, когда стало известно, что немецкая мирная нота отвергнута Антантой, в итальянских политических кругах царило чрезвычайное возбуждение, циркулировали списки уступок, которые Австро-Венгрия якобы предлагает Италии. В итальянской палате депутатов пацифистски настроенные ораторы переходили от утверждения необходимости мира к обсуждению конкретных условий, на которых он может быть заключен.

«Война,— заявил один из депутатов,— оказалась непредвиденно длительной. После наступления первых дней она приняла позиционный характер... и Европа еще долго должна будет приносить огромные жертвы экономическими ресурсами и людьми. Так что в конце концов победитель в агонии упадет на труп побежденного» [59].

Выступления лидеров социалистической фракции парламента были выдержаны в эти дни в том же духе, что и выступления склонявшихся к империалистическому миру буржуазных депутатов. Еще до опубликования немецкой ноты социалистическая фракция парламента внесла в палату проект «резолюции о мире», призывавший итальянское правительство поставить перед союзными державами вопрос о созыве конференции представителей воюющих стран для выяснения условий мира. Полностью отдавая вопрос о мире на усмотрение буржуазных правительств, этот проект, как признавал Турати, «отнюдь не носил социалистического характера» [60]. Ультраинтервентисты приняли его в штыки, буржуазные пацифисты скрыто, а подчас и открыто одобряли. Наделав массу шума, вызвав множество откликов, породив надежду на скорый мир среди широких слоев населения Италии, в том числе и среди рабочих, этот проект был, как и следовало ожидать, бесславно похоронен палатой. Две недели спустя, 17 декабря 1916 г., Турати выступил в Монтечиторио о речью, в которой заявил, что мир должен принести Италии исправление границ и «стратегические гарантии на Адриатике» [61]. Это его присоединение к программе империалистической войны вызвало в Италии, по определению В. И. Ленина, «необыкновенную — и заслуженную — сенсацию» [62]. Буржуазные депутаты парламента, «ультра» в том числе, рукоплескали «социалисту», буржуазные газеты посвящали ему приветственные статьи. Восхваление Турати итальянской буржуазией принимало скандальный характер, и «Аванти!», неизменно боясь раскола с правыми и смягчая поэтому отрица-

[59] Atti, v. X, p. 11201.
[60] Ibid., p. 11223.
[61] Atti, v. XI, p. 11998.
[62] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 248.

тельное впечатлениe, которое его выступление производило на рядовых членов партии, поспешила заявить, что буржуазная пресса «неправильно толкует» слова Турати [63]. Руководство партии также не дало отпора Турати. А Ладзари в том же декабре 1916 г. звал итальянский пролетариат «отказаться от химеры окончательного (т. е. возможного лишь при социализме.— *К. К.*) мира» [64].

Буржуазный пацифизм правых и центристская позиция руководства партии вызывали, однако, возрастающую оппозицию левых групп ИСП. Социалисты Турина приняли резолюцию, осуждающую речь Турати. В конце февраля 1917 г. в Риме на консультативном совещании руководства ИСП совместно с представителями парламентской группы Всеобщей конфедерации труда и секций, насчитывающих более чем по 100 членов, с критикой правых впервые выступила широким фронтом откристаллизовавшаяся за годы войны новая левая оппозиция в ИСП. Эта оппозиция прошла школу войны, школу Циммервальда и Кинталя, и хотя в речах ее представителей на совещании и было еще немало путаницы и революционной фразы, полученных в наследство от «непримиримых революционеров», но в них звучали также и новые ноты.

Выступая на совещании, левые протестовали против центристской формулы «не поддерживать войну и не саботировать ее», критиковали выдвигаемый правыми шовинистический тезис «защиты родины» в империалистической войне и требовали от парламентской группы проведения «пролетарской политики», а от руководства ИСП — энергичной борьбы с войной. В резолюции, внесенной на совещании лидером неаполитанских левых А. Бордигой, еще не содержалось призыва к борьбе за пролетарскую революцию, как не было и постановки вопроса о неразрывной связи между борьбой пролетариата за мир и его борьбой за власть. В ней уже говорилось, однако, что партия должна «самым серьезным образом» отнестись к растущему в народе недовольству, должна способствовать его претворению в сознательные и пропитанные социалистической идеологией антивоенные выступления. Резолюция указывала на близость в Италии стихийного революционного взрыва и звала партию усилить пропаганду в массах, дабы быть готовой «во всех случаях» выполнить свое назначение. Резолюция Бордиги не собрала большинства голосов на совещании. Все же она получила около 40% всех голосов, и это ясно показывает, как значительно было уже в это время левое крыло Итальянской социалистической партии.

Вот на такую и без того накаленную почву и упали в Италии первые известия о свержении самодержавия в России.

[63] «Avanti!», 21.XII 1916.
[64] «Avanti!», 25.XII 1916 г.

Русская революция и борьба классов и партий в Италии (март — июль 1917 г.)

«Я вижу, словно это было вчера, — вспоминал 40 лет спустя Марио Монтаньяна, в те годы молодой туринский рабочий, — двор завода Диатто Фрежюс в то утро, когда газеты принесли известие о Февральской революции в России... Сотни и сотни моих товарищей по работе собрались здесь группами перед входом на завод, взволнованные и счастливые, и, показывая друг другу газеты, говорили, спорили, обсуждали... В течение всего дня в цехах царило живейшее возбуждение..., атмосфера праздника, полная взволнованности и энтузиазма» [65].

Итальянские правящие круги, боясь революционизирующего воздействия русских событий на итальянский народ, подхватили версию Временного правительства о русской революции как о революции, свершенной «во имя более энергичного продолжения войны». Глава итальянского правительства Бозелли отправил приветственную телеграмму главе Временного правительства князю Львову, а итальянские буржуазные газеты восхваляли русскую революцию как революцию «во имя войны и свободы» и уверяли своих читателей, что «она была совершена всеми классами русского общества под водительством буржуазии».

За славословиями и приветствиями, однако, крылся страх — боялись роста революционного антивоенного движения в Италии и, как сообщал 25 марта 1917 г. Турати Анне Кулишовой, боялись, что весной и летом могут произойти серьезные волнения, которые приведут к повторению «Красной недели» или даже к чему-то большему», «особенно если русская зараза распространится» [66].

Боялись, что революционные события ослабят военную активность России и она не станет более оттягивать на себя бóльшую часть австро-венгерских сил. Уже с конца марта — начала апреля 1917 г. итальянские правящие круги начали также опасаться, что Временное правительство не сумеет «сдержать» массы и в России возьмут верх «экстремисты», т. е. большевики. Со все возрастающим страхом и озлобением следили итальянские буржуа и помещики летом и осенью 1917 г. за ростом влияния В. И. Ленина и большевиков в России. Разногласия в среде итальянских правящих классов под влиянием русских событий еще больше обострились.

[65] *M. Montagnana*. Op. cit., p. 62. Об этом же вспоминает и Б. Сантия: «До глубокой ночи,— пишет он,— в рабочих кружках и в палате труда (Турина.— *К. К.*), где находилась также секция социалистической партии, толпились рабочие, которые требовали информации о событиях в России» (сб. «Россия и Италия». М., 1968, стр. 364).

[66] Movimento operaio e socialista. Luglio — dicembre 1968, p. 210.

Ультра-интервентисты по-прежнему твердили о «войне до победы». Но итальянские буржуазные пацифисты, еще зимой 1917 г. начавшие зондировать возможность заключения сепаратного мира с Австро-Венгрией, весной 1917 г. повели этот зондаж ускоренными темпами и на все более льготных для Австро-Венгрии условиях. Но последняя упорно не шла на компромиссы. Зондаж окончился неудачей [67].

Трактовка русских событий итальянскими социалистами (особенно левыми) и отношение их к этим событиям были, конечно, иными. Для читателей «Аванти!» свержение самодержавия в России не явилось неожиданностью. Еще в январе — феврале 1917 г. в газете печатались статьи «Юниора», русского эмигранта в Италии эсера В. Сухомлина, утверждавшего, что революция в России неизбежна. Когда же революция произошла, «Аванти!» встретила ее с ликованием. С первых же дней свержения русского самодержавия «Аванти!» и в редакционных своих статьях, и в статьях того же Юниора говорила о русской революции как о революции подлинно народной. Газета решительно восставала против утверждений буржуазной прессы, будто революция эта совершена «для войны». «Красное знамя, поднятое рабочими Петрограда, имеет совсем иное значение, чем присоединение русских трудящихся к нынешнему положению (т. е. к войне.— *К. К.*),— утверждала «Аванти!» 19 марта 1917 г. Уже в мартовских номерах этой газеты начали также появляться высказывания, свидетельствующие о еще более глубоком и дальновидном понимании происходящего в далекой стране. «Грандиозность событий не отвлекает нас от нашей идеи-фикс, — читаем мы в редакционной передовой «Аванти!» от 30 марта 1917 г.— Революция не будет окончена, пока земля не будет принадлежать народу, а фабрики — рабочим». «Вы аплодируете концу,— обращался к буржуазным журналистам автор передовой, по всей видимости, Серрати,— мы приветствуем начало». И далее, обходя цензурные рогатки и скрыто указывая на коммунистический идеал, к которому стремятся русские революционеры, он вспоминал Бабефа, Дарте, Буонарроти. «Наши товарищи в России, — заключал он, — занимают ныне такую же (как бабувисты. — *К. К.*) позицию... и мы ими восхищаемся и желаем им большего счастья, чем то, какого в силу экономических условий своего времени достигли их предшественники» [68].

Выраженная в этих строках мысль о возможности и желательности перерастания русской буржуазно-демократической революции в пролетарскую вызвала возражения буржуазной прессы. «Русская

[67] См. *К. Э. Кирова*. Русская революция и Италия. М., 1968, стр. 34—35.
[68] «Avanti!», 30.III 1917.

революция неизбежно будет по своим результатам буржуазной революцией. Бабеф, Буонарроти и Пизакане не лишили французскую и итальянскую революции буржуазного характера.. Все остальное — это романс двухтысячного года»,— безапелляционно заявляла близкая к социал-реформистам «Секоло» [69].

Против тезиса о перерастании русской буржуазно-демократической революции в пролетарскую выступили и Турати, и Тревес. Но принципиальные противники революций, они были слишком опытными деятелями рабочего движения, чтобы не считаться с фактами. Турати, выступая 23 марта 1917 г. в Монтечиторио, заявил, что «было бы сектантством отрицать или уменьшать ценность замечательных русских событий лишь потому, что они не укладываются в заранее намеченные рамки» [70], а очередной номер «Критика сочиале» вышел с несколько декламационным призывом отдать революции «красные розы» и поднять в ее честь «алые знамена» [71].

Опасения, терзавшие в связи с русскими событиями итальянскую правящую верхушку, не были, однако, чужды левым реформистам. Возможность ослабления в результате революции военной активности России тревожила и их, и Турати, выступая 23 марта 1917 г. в Монтечиторио и лавируя, как между Сциллой и Харибдой, между буржуазной прессой и «Аванти!», выразил двусмысленное пожелание, чтобы русская революция оказалась полезна «как для целей войны, так и для целей мира» [72] А Тревес (так же, как, впрочем, и Турати) прямо заявлял в «Критика сочиале», что революционная Россия будет и впредь посылать свои войска в помощь Антанте [73]. Оба они всячески подчеркивали «буржуазный» характер русских событий и звали русский пролетариат примириться с тем, что он совершил революцию «для буржуазии». «История иногда делает скачки после длительного застоя, но никаким скачком не перепрыгнуть океана»,— так Турати и Тревес «доказывали» принципиальную возможность перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую [74].

Отвергнутая правыми, мысль Серрати была, однако, подхвачена левыми социалистами Италии. «Русская революция, — утверждал в «Гридо дель Пополо» один из ее редакторов, совсем еще молодой тогда А. Грамши, — не просто совершена пролетариатом.

69 «Il Secolo», 21.IV 1917.
70 Atti, v. XII, p. 13376.
71 «Critica Sociale», 1917, № 6, p. 81.
72 Atti, v. XII, p. 13376.
73 «Critica Sociale», 1917, № 6, p. 82.
74 Ibid., p. 81.

Она носит пролетарский характер и неизбежно должна привести к установлению социалистического режима»[75].

Уже в апреле 1917 г. эта мысль перекочевала со страниц левосоциалистической прессы в устную пропаганду итальянских левых социалистов и начала проскальзывать в приветствиях русскому пролетариату и русской революции, во множестве принимаемых в то время рабочими собраниями и низовыми секциями ИСП (хотя представление широких масс итальянских социалистов и тем более беспартийных рабочих о характере и тенденциях развития русских событий неизбежно еще было смутным).

Важно отметить, что возможность перерастания русской революции в пролетарскую уже с марта 1917 г. неразрывно связывалась в представлении итальянских левых социалистов, в частности Серрати, с В. И. Лениным и большевиками. «Аванти!» весной 1917 г. не раз обращалась к Ленину и большевикам как к борцам за пролетарскую революцию в Россию. В России «есть граждане, которые думают, что революция не окончена, что надо идти до конца. Это экстремисты, крайние... мы с ними», — писал Серрати 17 апреля 1917 г. «Ленин... утверждает социалистические международные цели русской революции, которая иначе могла бы ограничиться простым буржуазным завоеванием. Вполне понятна поэтому ненависть, которую питает к нему буржуазия, так же как логична и наша глубокая к нему симпатия», — еще более четко формулировала «Гридо дель Пополо» ту же мысль[76].

В последней декаде апреля, после возвращения В. И. Ленина на родину, буржуазная пресса всех стран, в том числе Италии, подняла кампанию яростной на него клеветы. «Аванти!» смело выступила на защиту В. И. Ленина. Она не только правильно освещала историю возвращения В. И. Ленина на родину, но и высмеивала утверждения буржуазной прессы о В. И. Ленине как немецком агенте и вновь попыталась рассказать своим читателям о взглядах В. И. Ленина и большевиков. Материалы на эту тему были почти полностью сняты в «Аванти!» цензурой. Все же внимательный читатель мог узнать из газеты о В. И. Ленине, как о страстном борце против войны и власти буржуазии.

Видя в В. И. Ленине вождя грядущей пролетарской революции в России, редакция «Аванти!» сделала весной 1917 г. попытку установить непосредственные контакты с большевиками. «Восхищаемся вашим образом действий, шлем пожелания стойко держаться до конца»,— гласило «Приветствие от „Аванти!“», напеча-

[75] «Il Grido del Popolo», 29.IV 1917. Статья перепечатана в кн.: *A. Gramsci*. Scritti Giovanili. Torino, 1958, p. 105—108.

[76] Ibidem.

танное в органе московских большевиков, газете «Социал-демократ» 31 марта 1917 г. «Нам особенно дорого это приветствие итальянских социалистов, — писала редакция большевистской газеты, — итальянские товарищи наиболее стойко и единодушно исполнили заветы II Интернационала, и руководимый ими итальянский пролетариат остался верен принципам социализма и классовой борьбы» [77].

В своем ответе «Аванти!» орган московских большевиков благодарил итальянских товарищей за их братский привет и в свою очередь приветствовал их как «настойчивых и верных солдат Интернационала» [78].

Дружба между «Аванти!» и большевистской газетой на этом не прекратилась. Из Милана в Москву шли номера «Аванти!», и 20 мая в «Социал-демократе» появилась за подписью «Всеслав» большая статья «„Аванти!“ о русской революции». В этой статье автор рассказывал о том, как «Аванти!» пытается дать правильное освещение русским событиями, писал, что «Аванти!» «верит, что русская революция вызовет к жизни новые, социалистические порядки», и «надеется, что другие народы не смогут долго оставаться в тисках военной реакции. Должны исчезнуть и итальянские душители свободы» [79].

Подчеркивая социальную направленность и тенденцию развития русских событий, «Аванти!» в вопросах войны и мира оказалась бессильной перед псевдореволюционной демагогией. Искренняя симпатия к В. И. Ленину и большевикам и правильная оценка их роли в русских событиях совмещались на страницах «Аванти!» со славословиями в честь лидеров русских меньшевиков и эсеров Церетели, Чернова, Чхеидзе. Газета печатала их речи, помещала портреты, восхищалась их ораторскими, журналистскими и т. п. успехами, отзывалась о них, как о подлинных представителях русского пролетариата. Более того, в трактовке важнейшей для того времени проблемы войны и мира «Аванти!» долгое время стояла на тех же позициях, что и русские меньшевики.

Призыв, обращенный в марте 1917 г. Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов к пролетариям всего мира, звал пролетариат воюющих стран добиться от своих правительств заключения мира. Это соответствовало излюбленным итальянскими социалистами циммервальдским концепциям, и этого оказалось достаточно, чтобы «Аванти!», не замечая меньшевистской ограниченности и внутренней слабости документа, объявила его «наиболее

[77] «Социал-демократ», 31.III 1917.

[78] «Avanti!», 24.IV 1917.

[79] «Социал-демократ», 20.V 1917.

точным выражением мыслей русского пролетариата»[80]. А отсюда вытекало и безоговорочное — на первых порах — одобрение газетой революционного оборончества русских меньшевиков, и восторженное отношение к выдвинутой ими формуле мира без аннексий и контрибуций. Восхищаясь этой формулой, «Аванти!» не отдавала себе отчета в том, что подобный мир может быть заключен лишь взявшим власть в свои руки пролетариатом.

Отношение «Аванти!» к меньшевикам и эсерам начало изменяться после того, как они в мае 1917 г. вошли в состав Временного правительства. Отрицание всякого сотрудничества с буржуазией издавна было характерной чертой итальянских левых групп и течений, и сотрудничество меньшевиков с русскими либералами вызвало у редакции «Аванти!» плохо скрываемое недоумение.

Не высказывая своего неодобрения открыто, она пользовалась теперь любым поводом, чтобы подчеркнуть своим читателям, что меньшевики стоят за сотрудничество с буржуазией, а Ленин и большевики — за переход власти к пролетариату.

В июле 1917 г. расстрел коалиционным Временным правительством демонстрации петроградских рабочих побудил «Аванти!» высказаться открыто. 22 июля, в разгар клеветнической кампании, поднятой итальянской буржуазной прессой против В. И. Ленина и большевиков, «Аванти!» выступила с редакционной передовой, в которой прямо заявила, что большевики — это та партия и та сила, которая ведет за собой массы. В этой же передовой открыто порицалось сотрудничество меньшевиков и эсеров с кадетами и высказывались первые критические замечания «Аванти!» в адрес внешней политики меньшевиков, ранее безусловно ею одобрявшейся. «Русские максималисты (т. е. большевики),— писал в эти же июльские дни 1917 г. А. Грамши,— это сама русская революция... ее продолжение, ее ритм. Это они опрокинули все до сих пор делавшиеся попытки преградить путь революции, и это благодаря им революция не останавливается, но завершает свой цикл». За это их ненавидит буржуазия и на них клевещет буржуазная пресса[81].

Разочаровываясь в «революционном оборончестве» меньшевиков и с нетерпением ожидая, когда власть в России перейдет к пролетариату (который и заключит мир), нельзя было не задуматься над тем, что и в Италии борьба пролетариата за мир и за власть не отделены друг от друга. И действительно, уже в августе 1917 г. в высказываниях туринских левых обнаруживаются проблески понимания этой взаимосвязи. В сентябре — октябре 1917 г. они

[80] «Avanti!», 30.III 1917.

[81] «Il Grido del Popolo», 28.VII 1917. Перепечатано в кн.: *A. Gramsci*. Scritti Giovanili, p. 122—124.

встречаются уже и в высказываниях социалистов других городов Италии. Основанные скорее на интуиции и на догадках, чем на глубоком понимании проблемы, эти первые ласточки еще не делали весны. Они ее, однако, уже предвещали.

Опасения итальянской правящей верхушки, что русские события еще более революционизируют итальянские народные массы, не были напрасны и необоснованны. Итальянский народ слишком страдал от войны, чтобы поверить, что другой народ, также от нее страдавший, мог совершить революцию ради более энергичного продолжения кровавой бойни. Итальянские рабочие поняли русскую революцию как совершенную пролетариатом революцию мира. Ежедневно, ежечасно ожидая выхода революционной страны из войны, они стремились добиться того же и в Италии. «Русский пример» звал к действию, к борьбе, и уже в марте 1917 г. туринские рабочие сделали попытку этому примеру последовать: 25 марта 1917 г. они шумной толпой направились к помещению местной Палаты труда. Лидерам профсоюзов (в большинстве правым), которые кинулись уговаривать рабочих вернуться на фабрики и заводы и подать мемуар о желательных им (экономических) улучшениях, рабочие отвечали: «Нет, мы хотим сделать, как в России». Лишь с трудом удалось лидерам уговорить демонстрантов возобновить работу.

Так, стихийно, снизу, родился в промышленной столице Италии — Турине знаменитый лозунг итальянского пролетариата: «Fare come in Russia!» («Сделать, как в России!»), вскоре зазвучавший и в других городах Италии. Весной и летом 1917 г. этот лозунг звал в первую очередь к окончанию войны. Под воздействием внутренних трудностей и русского примера в стране учащались антивоенные митинги, демонстрации, стихийные вспышки народных волнений. Охватившая народные массы жажда мира становилась повелительной и нетерпеливой, что ярко сказалось 1 мая 1917 г. Этот день прошел в Италии, по свидетельству очевидца, «под знаком русской революции»[82]. В Милане, Флоренции, Турине распространялись в тот день нелегальные прокламации, звавшие следовать примеру русских. Их составляли социалисты, анархисты, подчас и беспартийные, рабочие и ремесленники. В больших и малых городах на созванных ИСП первомайских собраниях ораторы рассказывали о русских событиях, рабочие и крестьяне под возгласы «Evviva!» принимали резолюции с приветствиями русским братьям. В Ломбардии царившее в стране напряжение вылилось

[82] *Р. Григорьев.* Отражение русской революции на Западе. Пг., 1917, стр. 21.

в этот день в бурные вспышки народных волнений. В течение целой недели гневные толпы городской и деревенской бедноты демонстрировали по улицам ломбардских городов с криками «Долой войну!», громили продуктовые лавки, дома богачей, вступали в рукопашные бои с полицией, портили трамвайные и железнодорожные пути, по которым власти могли подтянуть и двинуть против них войска. В Милане, куда 1 мая вошло, прорвавшись сквозь полицейские кордоны, около 20 тыс. крестьянок окрестных деревень, события приняли особенно грозный для правящих классов характер. Лишь с помощью Турати удалось властям избежать формального объявления всеобщей антивоенной забастовки в этом крупнейшем промышленном центре страны.

Ломбардские события не были для Италии чем-то качественно новым. Бурный, «взрывчатый» характер рабочих выступлений, их слияние со стихийными волнениями городской и деревенской бедноты, погромы лавок, кидание камней, стычки с полицией и т. п. были характерны в первые два десятилетия XX в. для рабочего движения страны. Но количественный размах ломбардских событий был так велик, а стихийная сила народного гнева и народной воли к миру сказались в них так явственно, что впечатление, произведенное этими событиями на итальянских социалистов (не говоря уже о правящих классах), было огромно.

Боясь стихийного взрыва революционного антивоенного движения в стране, Турати и Тревес уже не один месяц предпринимали сложные маневры с целью ослабить антивоенное движение масс. В апреле 1917 г. они выступили с вызвавшей отпор левых «теорией», по которой свержение самодержавия в России и вступление в войну США в корне изменили характер мировой войны. Из борьбы двух империалистических группировок она превратилась в войну демократических держав (т. е. Антанты) против милитаризма и империализма Германии и Австро-Венгрии. Это была, если верить им, новая война, по сути отрицание войны (antiguerra), и на нее, как уверял Тревес, «становится трудно глядеть теми же глазами, что и на прежнюю» [83].

Первомайские волнения в Ломбардии еще более усилили неприязнь правых к революционным выступлениям народных масс, и 8—9 мая на заседании руководства ИСП совместно с парламентской группой, редакцией «Аванти!» и представителями наиболее крупных секций Турати потребовал от партии безоговорочного осуждения movimenti di piazza, т. е. уличных выступлений народных масс. Левые социалисты и на сей раз с ним не согласились. Ломбардские выступления они восприняли как новое доказательство возможности добиться мира, опираясь на массы, и Серрати,

[83] «Critica Sociale», 1917, № 7—8, p. 100.

выступая на миланском совещании, выразил их общее мнение, заявив, что партия должна возглавить народное движение, дабы заставить правительство заключить мир. Однако идти в этом споре с правыми до разрыва с ними участники совещания не решились. Резолюция, единогласно принятая в Милане, носила центристский характер. Не порицая народных выступлений в принципе, она предлагала все же членам партии «не выступать инициаторами изолированных местных выступлений». Правых это устраивало. «Всеобщие стачки (очевидно, общегородские.— *К. К.*) или какое-либо подобное выступление становятся невозможны, по крайней мере на какое-то время»,— комментировал резолюцию Турати [84].

Но борьба по вопросу об отношении к народным выступлениям еще только начиналась. Уже 10 мая миланские решения были отвергнуты на спешно созванном заседании Центрального комитета федерации молодых социалистов. Отвергая их, молодые социалисты говорили о том, что «ломбардские события осмеяли, вместо того чтобы их возглавить», и что произошло это потому, что «некоторые члены партии рассматривают созданное войной положение с буржуазной точки зрения» [85]. В последующие несколько дней резолюции, протестующие против миланских решений и требующие от партии «подымать, руководить, направлять к социалистическим целям стихийные выступления народных масс», приняли левые социалисты Флоренции, Турина, Неаполя и многих других больших и малых городов Италии. Ряд секций высказался, однако, в поддержку миланских решений, и в июне 1917 г. дискуссия о них уже была в ИСП в разгаре. Голоса левых звучали все настойчивей, сочувствие им основной массы членов партии становилось все более явным, и в начале июля левые одержали в ИСП свою первую — в национальном масштабе — победу: 7 июля секретариат ИСП сообщил членам партии, что «решения, принятые 8—9 мая в Милане, не препятствуют им выступать инициаторами местных политических манифестаций» [86]. В том же июле 1917 г. левые образовали в составе ИСП единую революционную фракцию с местопребыванием во Флоренции. Это был значительный шаг вперед на пути организационного их объединения.

*

Поздним летом 1917 г. экономическая разруха — плод затяжной войны и общей слабости итальянского империализма — уже привела Италию на край катастрофы. Положение с топливом и

[84] *G. de Rosa*. Giolitti e il fascismo. Roma, 1957, p. 58.
[85] «Avanguardia», 20—27.V 1917.
[86] «Avanti!», 7.VII 1917.

сырьем становилось трагическим. Перспектива еще одной военной зимы вызывала не только возмущение народных масс, но и серьезную озабоченность правящей верхушки. Из-за отсутствия топлива страдало теперь даже производство оружия и боеприпасов. Возрастающими темпами шел процесс сжатия гражданской промышленности. В стране возрождалась исчезнувшая было безработица. Рос пауперизм. В то же время сельское хозяйство (на которое падала основная тяжесть призывов в армию) задыхалось от отсутствия рабочих рук, урожаи падали все ниже, и хлеба — да и других продуктов — теперь не хватало целым провинциям и по целым неделям.

Истомленное войной население реагировало на возрастающие лишения все более бурно. Классовые противоречия обострялись, и в итальянских деревнях усиливалось озлобление против «синьоров», которые начали войну, а теперь хотят, чтобы она длилась еще два года. Антивоенные демонстрации женщин и подростков принимали все более решительный, «импульсивный» характер. Народные манифестации против войны одна за другой происходили в Турине, Милане, Флоренции. Власти, напуганные их массовым характером, не решались репрессировать их участников со всей строгостью военных законов. Переплетаясь и нарастая, народные выступления создавали предгрозовую обстановку в стране. Правящая верхушка жила теперь в каждодневном ожидании революционного взрыва.

«Мы идем навстречу ужасному положению, которое может стать почти что революционным. Представь только, что может произойти в день, когда из-за отсутствия топлива или сырья придется закрыть основные фабрики и выбросить на мостовую тысячи или даже сотни тысяч рабочих», — писал в августе 1917 г. Нитти главе итальянского правительства Бозелли [87].

Утомление войной, тревога за ее исход все более проникали теперь в широкие слои итальянских промышленников, торговцев. Уменьшение количества сторонников войны принимало, по свидетельству Энкеля, «тревожные размеры» [88].

Сознание непосильности войны для Италии и боязнь революционного взрыва в стране не оставляли и правых социалистов. В страхе перед народом и нежелании опереться на него они искали опоры у джолиттианской буржуазии. 30 июня, выступая в палате, Турати обещал буржуазному правительству, которое сделает достаточные усилия, чтобы подготовить «перед лицом врага и на совете наций» мир «достойный и быстрый... мир прежде всего

[87] *A. Monticone.* Nitti e la grande guerra (1914—1918). Milano, 1961, p. 378.
[88] ЦГВИА, ф. 2003, оп. I, д. 1166, л. 223.

итальянский» (т. е. приносящий определенные выгоды итальянскому буржуазному государству), голоса социалистической группы парламента[89]. Месяц спустя на очередном совещании руководства ИСП совместно с представителями парламентской группы он потребовал для последней права «жить своей жизнью», т. е. не зависеть от руководства партии. Споры, вызванные этим его выступлением, среди итальянских социалистов еще не успели улечься, как произошел тот революционный взрыв, которого и правые социалисты и буржуазные политические деятели Италии так боялись.

В первых числах августа в Италию приехала делегация Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, командированная последним по решению I Всероссийского съезда Советов в Англию, Францию и Италию для переговоров об участии социалистов этих стран в Стокгольмской конференции. Делегация — два меньшевика, один бундовец и один эсер — пользовалась покровительством Временного правительства. Итальянские власти разрешили ей поэтому въезд в Италию и смотрели сквозь пальцы на организованную ИСП поездку делегатов по стране и на созываемые в их честь итальянскими социалистами грандиозные митинги. Власти надеялись при этом на «умеренность и благоразумие» меньшевиков, но митинги приняли грозный для властей характер.

«Мы пересекли весь полуостров от Рима до Бардонеккио,— писал позднее Серрати, сопровождавший делегатов в их поездке по Италии,— под несмолкающие крики: «Да здравствует Ленин! Долой войну!» Единый цвет этих бушующих дней был красный цвет. Рим, Флоренция, Болонья, Равенна, Милан, Новара, Турин приняли представителей русских Советов, как посланцев мира»[90].

Плохо разбираясь в борьбе партий в далекой стране, итальянские рабочие не думали возгласом «Evviva Lenin!» оскорбить своих гостей, в которых они видели прежде всего посланцев русских Советов. Но мир был самым горячим их желанием, а Ленин — вождем тех, кто зовет за мир бороться. Как проникло это представление о В. И. Ленине в толщу итальянских народных масс уже летом 1917 г., до Октябрьского переворота в России? Нельзя полностью объяснить это выступлениями «Аванти!» и других органов левой социалистической прессы. Как ни парадоксально, но росту популярности В. И. Ленина в Италии немало способствовала клевета, возводимая на него буржуазной прессой. «Мы не знали их (В. И. Ленина и большевиков.— *К. К.*) доктрины и идеологии,— писал о себе и о своих товарищах туринских рабочих Марио Мон-

[89] Atti, v. XIII, p. 13704.

[90] *Дж. М. Серрати.* Руководство для безупречного каторжника. М., 1929, стр. 41.

таньяна,— но мы были с ними потому, что они выступали против продолжения войны, и, возможно, потому, что на них нападали, их оскорбляли все поджигатели войны, все буржуа Италии»[91].

Меньшевики были растеряны. Руководитель делегации Гольденберг рассказывал впоследствии корреспонденту «Арбейтер Цейтунг», что уже с первых дней поездки по стране его не покидало ощущение, что «стремление к миру достигло в Италии наивысшей степени... Каждое слово о русской революции электризовало массы,— говорил он о митинге во Флоренции.— Энтузиазм был такой, как в первые революционные дни в России». Ораторы требовали прекратить войну, и Гольденбергу «пришлось заявить, что сепаратный мир для России невозможен». «Я счел себя обязанным,— признался разоткровенничавшийся меньшевик,— предостеречь рабочих от восстания»[92]. Он предупреждал рабочих против восстания и в Милане, и в других городах Италии, и особенно в Турине. Этот город, превратившийся за годы войны в крупнейший промышленный центр страны, уже с весны 1917 г. жил в атмосфере кануна восстания, в напряженном ожидании какого-то слова, лозунга, события, которые послужат сигналом к началу открытой вооруженной борьбы за мир. Антивоенные манифестации следовали здесь одна за другой, и префект Турина еще в мае 1917 г. просил объявить город на военном положении (что тогда сделано не было). Митинг в честь «делегатов русских советов» принял здесь особенно грандиозный характер. В нем участвовали тысячи (по некоторым данным — десятки тысяч) человек. Речи, произносимые в Турине были особенно горячи. Ораторы звали сделать, как в России, и возглас «Evviva Lenin!» вырывался из тысяч грудей, гремел не переставая.

Антивоенное восстание туринского пролетариата

После этого митинга атмосфера в Турине накалилась до предела. 22 августа, когда в булочных рабочих кварталов вовсе не оказалось хлеба (его остро не хватало в Турине уже с конца июля), в городе вспыхнули голодные волнения, которые в тот же день переросли во всеобщую забастовку и в тот же вечер — в антивоенное восстание туринского пролетариата. К этому моменту хлеб, спешно испеченный из муки, отпущенной военным командованием, уже поступил в продажу. Но остановить события это не могло. Голод послужил для туринских рабочих лишь толчком, лишь поводом для начала борьбы. Утром 23 августа рабочие предместья Ту-

[91] *M. Montagnana*. Op. cit., v. I, p. 67.
[92] «Arbeiter Zeitung», 26.X 1917.

рина уже были опоясаны баррикадами. На баррикадах слышались возгласы: «Долой войну! Да здравствует Ленин!»

Туринское восстание было самым крупным антивоенным выступлением итальянского пролетариата в годы I мировой войны и могло стать для Италии началом перерастания империалистической войны в гражданскую. В нем участвовали десятки тысяч рабочих. Им сочувствовало и помогало все население рабочих кварталов, вся беднота Турина, а также многие мелкие служащие и мелкие буржуа. На головы двинутых против повстанцев солдат падала с крыш сброшенная невидимыми руками черепица, лился крутой кипяток из окон. Вооруженные лишь ружьями и гранатами, рабочие стойко выдерживали натиск двинутых против них правительством кавалерии, артиллерии.

У повстанцев не было, однако, четкого понимания стоящих перед ними задач. Они хотели с оружием в руках добиться конца войны, которую вел итальянский империализм, но думали, что этого можно достичь, оставив власть в руках империалистов. У них не было и подлинно боевого руководства. Восстание вспыхнуло стихийно. Руководители социалистических организаций Турина, узнав о его начале, отправили гонца в Милан просить руководство ИСП дать указания, а возможно, и призвать к борьбе рабочих других городов. Сделав это, они в ожидании ответа, которого так и не последовало, предоставили событиям идти своим чередом. Почти никто из них не принял участия в боях. Левые социалисты, в основном социалистическая молодежь, были с народом. Но возглавить восстание они не смогли, им не хватало для этого опыта, теории. «Никто из нас не знал, что надо делать, каковы ближайшие, какие отдаленные цели движения» [93],— вспоминал М. Монтаньяна.— Встречаясь вечерами в районных клубах, мы не составляли никаких проектов, никаких планов на завтра. Фактически мы не руководили восстанием, но следовали за его стихийным ходом» [94].

В результате восстание, происходившее в XX столетии, в период империализма и в империалистической стране, приобрело многие характерные черты рабочих восстаний первой половины XIX в., распадалось на множество не связанных между собой единством плана и замысла эпизодов, стычек. Рабочие пригороды находились в руках повстанцев, и непосредственный успех их борьбы зависел от того, сумеют ли они захватить оставшуюся в руках правительства центральную часть Турина. Им надо было немедля наступать, а их силы дробились, тратились на бесплодные эксцессы. Они захватили и разгромили одну церковь, устроили нечто вроде высмеи-

[93] «Lo stato operaio», 1929, № 5, p. 424—425.

[94] *M. Montagnana*. Op. cit., v. I, p. 76—77.

34. *Восстание в Турине*

(1) Зоны рабочего восстания.
(2) Наиболее крупные баррикады и укрепления рабочих.
(3) Продвижение рабочих во время атак.
(4) Места самых острых схваток

вающего попов театрализованного представления — в другой. Лишь в Баррьере ди Милано — рабочем предместье, где во главе повстанцев встала спаянная группа молодых социалистов и анархистов, рабочие сделали 24 августа попытку прорваться в центр. Но к этому моменту улицы, ведущие в центральную часть города, уже оказались захваченными правительственными войсками. На крышах домов стояли расставленные ими пулеметы. Атака рабочих была отбита. После этого восстание в Баррьере ди Милано пошло на убыль.

В других районах города также сказывалась усталость повстанцев от непрерывных боев. Они чувствовали себя изолированными, брошенными на произвол судьбы. Среди них все шире распространялись слухи о том, что руководство партии не одобряет их борьбу, что в других городах Италии «все спокойно». А правительство наступало, вводя в мятежный город новые войска. Они «прочесывали» улицы, разрушали баррикады, арестовывали, убивали. 25 августа войска уже овладели основными стратегическими пунктами города. 26—27 прекратилась и всеобщая стачка.

В дни боев правящая верхушка пуще всего боялась распространения восстания на другие города и местности Италии. Оно, действительно, уже начало охватывать ближайшие к Турину промышленные городки. Там тоже бастовали, портили железнодорожные пути, воздвигали баррикады. Стремясь помешать дальнейшему распространению огня, правительство окружило восставший город железной стеной молчания: военная цензура не пропускала в печать ни единого слова о восстании. Даже «Аванти!» была вынуждена выходить в дни боев с заполненными обычными материалами полосами.

В ближайшие к Турину города вести о восстании доходили в виде слухов, подчас фантастических, более отдаленные узнали о восстании уже после его поражения. Не довольствуясь этим, власти вновь обратились в эти дни за помощью к правым социалистам. Едва лишь в Турине начались бои, как начальник кабинета министров внутренних дел Каррадини с ведома и с одобрения министра телеграфировал префекту Милана, чтобы тот повлиял на Турати и Тревеса: пусть они вмешаются прямо или косвенно в ход событий. «Настаивайте (в разговоре с Турати.— *К. К.*), как только сможете, чтобы была избегнута опасность объявления всеобщей стачки» (сочувствия туринским рабочим),— вновь телеграфировал Коррадини префекту день спустя [95]. Можно не сомневаться, что Турати выполнил просьбу префекта. В Милане «рабочие-машиностроители были потрясены,— рассказал впоследствии секретарь федерации машиностроителей.— Было собрание, на котором решили

[95] *G. de Rosa*. Op. cit., p. 46—47

оставаться спокойными, так как события в Турине не имеют политического характера» (?!) [96].

Потом были массовые репрессии и аресты в Турине, горячее сочувствие и восхищение итальянских рабочих и левых социалистов «героической борьбой туринских пролетариев за мир» (как гласила выпущенная в Милане нелегальная прокламация), страх и ненависть буржуа и правых социалистов. С барским пренебрежением писали последние о туринских повстанцах, как о людях, которые «с яростью безумцев бьются головой о стену, которую хотят разрушить» [97].

«...Какое государство сейчас не устало, какой народ не говорит открыто об этом? Возьмите Италию, где на почве этой усталости было длительное революционное движение, требовавшее прекращения бойни»,— говорил В. И. Ленин на Втором всероссийском съезде Советов 8 ноября 1917 г. [98]

Приближалась зима. Все острей не хватало хлеба, и в Монтечиторио депутаты с нескрываемым ужасом говорили о тысячных толпах, которые в холод и дождь собираются у дверей продуктовых лавок и топливных складов. Снова и снова вспыхивали в разных концах страны огоньки народных волнений, раздавались мятежные выкрики «Да здравствует мир! Долой войну!» Над страной сгущалась атмосфера глухой реакции. Шли массовые аресты, издавались драконовские законы, распоряжения, запрещавшие даже в частных письмах сообщать о положении страны сведения, расходящиеся с официальными, каравшие пятью годами тюрьмы за слова и поступки, которые только *могли* «угнетающе» повлиять (даже не повлияли!) на настроение в стране. Правительство, как сообщал Гирс, арестовывало и бросало в тюрьмы даже не за участие в антивоенной демонстрации — просто за неосмотрительно вырвавшееся проклятье войне [99].

Наиболее оголтелым «ультра» это казалось, однако, недостаточным. Еще в первые годы войны националисты вкупе со сторонниками Муссолини выступали с заявлениями о том, что парламентская система управления изжила себя. В марте 1917 г. после получения в Италии известий о свержении самодержавия в России они обратились к правительству с требованием применять более жест-

[96] «Avanti!», 24.VIII 1918.
[97] «Critica Sociale», 1917, № 17, p. 218.
[98] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 21.
[99] АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 35, л. 530.

кие меры к противникам войны. Они настаивали на запрете значительной части социалистических газет, запрете всех, даже закрытых рабочих собраний и т. п. Большинство итальянских политических деятелей, не только либералов, но и часть самих «ультра», во главе с социал-реформистами, предпочитали, однако, действовать более привычным методом либерального лавирования и частичных реформ. Весной и летом 1917 г. выдвигаемые ими проекты реформ (разумеется, послевоенных!) — налоговой, финансовой, административной, аграрной — не сходили со страниц итальянской буржуазной прессы. Авторы этих проектов не скрывали соображений, которыми они при этом руководствовались. «Отсталые государства оставляют проведение реформ революции, которая следует за великой войной. Просвещенные государства проводят реформы сами»,— писала «Нуова антолоджиа» [100].

Против политики «зажима» были и глава итальянского правительства Бозелли, и министр внутренних дел Орландо. «Внутренняя политика Италии во время войны,— писал впоследствии Орландо,— была политикой, широко вооружавшей государство полицейскими средствами, и давала ему достаточно широкие возможности вмешательства и репрессий». И если она не доходила до запрета «политической партии, выступающей против войны» (т. е. ИСП), то это происходило «не из фетишистского почтения к принципам свободы... но из соображений пользы», ибо «излишние репрессии и насилия могли принести плоды, опасные для государства» [101].

Сторонники «жесткой линии», тем не менее, не унимались. Война (и рост влияния военщины на внутреннюю жизнь страны) способствовала тому, что многие из них видели своего «дуче» (вождя) в фактическом главнокомандующем итальянской армии Кадорне

После первомайских волнений в Ломбардии Муссолини и его друзья зачастили в ставку к Кадорне: они ездили договариваться с ним о государственном перевороте, который свергнул бы правительство, «основанное на парламентской формуле», и привел к власти правительство военной диктатуры. Но Кадорна, вначале согласившийся действовать заодно с заговорщиками, взял затем свое согласие назад. От планов государственного переворота им пришлось отказаться [102].

После туринского восстания голоса сторонников военной диктатуры начали звучать все настойчивей. «Туринские события, — писала «Идеа национале», — показали, как распространен в Италии дух возмущения и восстания. Поэтому нам нужно правительство,

[100] «Nuova Antologia», 16. IV, 1917, p. 5.
[101] *V. Orlando*. Memorie (1915—1919). Milano, 1960, p. 512—514.
[102] *R. De Felice*. Op. cit., p. 350.

которое сумело бы любой ценой добиться единства нации» (т. е. задушить классовую в ней борьбу.— *К. К.*). Эта газета звала итальянскую буржуазию «учесть пример России» и покончить с парламентаризмом и с «иллюзиями демократии» [103]. «Парламент стар, мы отказываемся собираться под его знаменем»,— заявлял Муссолини [104]. С углублением революционного кризиса в стране число сторонников подобной политики росло. Часть итальянских деловых кругов также склонялась теперь к мысли о диктатуре, и газета «Траффико» — орган крупных кораблевладельцев и спекулянтов Генуи — прямо заявила в октябре 1917 г., что если Италии был нужен когда-либо диктатор, то это сейчас [105]. Но большинство итальянских политических деятелей и деловых людей все еще считало подобную политику черезчур опасной. «Мы должны сохранить в неприкосновенности парламент, этот великолепный охранительный вал», — заявляла джолиттианская «Стампа» [106]. «Она (палата. — *К. К.*) неизменная основа существующего строя. Тот, кто захочет действовать помимо нее, неизбежно приведет страну к режиму клубов и советов»,—утверждал полуофициоз «Джорнале д'Италия» [107].

20 октября, когда открылась сессия итальянского парламента, палата депутатов с первого же дня оказалась расколотой на сторонников и противников военной дактатуры. Итальянское правительство, не примыкая официально ни к тем, ни к другим, вновь оказалось между двух огней.

Теоретическая дискуссия в ИСП о путях борьбы за мир

Страстные дискуссии — иного, конечно, порядка — шли поздней осенью 1917 г. и в ИСП. Проходили они в ходе подготовки к очередному конгрессу ИСП. Решение о его созыве было принято руководством партии по настоянию левых, надеявшихся, что конгресс укажет партии путь для борьбы с войной. Правые, тщетно противившиеся принятию этого решения (они боялись, что окажутся на конгрессе в меньшинстве), выступили в предсъездовской дискуссии с платформой, призывавшей к союзу с джолиттианской буржуазией и к защите демократических свобод. Левых социалистов, с подобной программой действий не согласных, правые упрекали в отсутствии чувства реальности, звали к отказу от догм, к числу кото-

[103] «L'Idea Nazionale», 19.IX, 1.X 1917.
[104] «Il Popolo d'Italia», 25.IX 1917.
[105] Цит. по: «Avanti!», 7.X 1917.
[106] «La Stampa», 19.IX 1917.
[107] «Il Giornale d'Italia», 18.IX 1917.

рых относили «понимаемую с жреческой суровостью» борьбу классов [108].

Не отрицая необходимости борьбы за демократические свободы, левые социалисты, однако, подчиняли эту борьбу задачам борьбы против войны. В их доводах против сотрудничества с джолиттианцами чувствовался подчас привкус сектантства (например, когда они заявляли об отсутствии какого-либо различия между Джолитти и Саландрой). Им нельзя было, правда, отказать в чувстве «исторической реальности», когда они указывали, что Джолитти не хочет активно бороться за мир.

Но главное внимание левых в ходе дискуссии обращалось на другие вопросы. Им нужно было выяснить путь для самих себя и для этого преодолеть не одну догму, хотя и заключались эти догмы не в том, в чем их видел Турати. Левые социалисты рвались к действию, к реальной борьбе за мир. Они хотели делать «что-то большее», чем просто агитировать, пропагандировать, разоблачать. «Итальянские социалисты,— писала еще в июле 1917 г., «Дифеза»,— чувствуют, что наступило время придать своим действиям характер более живой, энергичный и боевой. Гордая изоляция, в которую мы себя поставили, не присоединяясь к войне, наша постоянная критика господствующих классов... не могут более удовлетворять. Мы пацифисты, а не толстовцы и должны не ждать мира, а всеми силами работать, чтобы его ускорить» [109].

На пути к действенной борьбе с войной стояла, однако, догма о необходимости единовременных и согласованных действий пролетариата всех основных стран Европы, широко распространенная в партиях II Интернационала еще в предвоенные годы. Летом и осенью 1917 г. правые не раз пользовались этой догмой для доказательства нецелесообразности антивоенной борьбы в Италии.

В августе 1917 г. против догмы о «единовременных действиях» выступил один из руководителей левой фракции и один из будущих основателей Итальянской коммунистической партии — Э. Дженнари. «Можно ли рассматривать социалистическое развитие мира как вращение глобуса, при котором все пункты поворачиваются одновременно? — писал он в «Дифезе».— Это — детская концепция. Совместные действия образуются из частичных, которые друг друга обгоняют, догоняют, сливаются и расширяются. Все великие революции были первоначально ограничены национальными рамками. Русская революция произошла в пределах бывшей царской империи, но разве не стала она надеждой всех народов, ужасом всей буржуазии?» [110].

[108] «Critica Sociale», 1917, № 16, p. 208.
[109] «La Difesa», 14. VII 1917.
[110] «La Difesa», 21.VIII 1917.

Главной осью дискуссии стала проблема, которую итальянские социалисты называли «проблемой родины» (ее следовало бы определить как проблему патриотизма или проблему поражения «своего» правительства в империалистической войне). Можно ли, должно ли социалисту способствовать такому поражению своими антивоенными действиями? Может ли он, должен ли он ослаблять свою родину перед лицом врага? Эта проблема вставала перед итальянскими левыми и раньше. Сейчас, когда они стремились к антивоенным действиям в общенациональном масштабе, она стала для них особенно актуальной и жгучей.

Известно, как ставил и решал этот вопрос В. И. Ленин. Ставка на поражение «своего» правительства в империалистической войне была в его концепции неразрывно связана с борьбой пролетариата за власть и последующей защитой им отечества, ставшего революционным после взятия власти. Но итальянские левые, попрежнему отрывавшие борьбу пролетариата за мир от его борьбы за власть, решали этот вопрос иначе. Не умея иным путем разрешить проблему, они объявляли самое «понятие родины» устаревшим и «превзойденным» пролетариатом, у которого «есть бóльшая родина — интернационал». Этот национальный нигилизм левых не только давал карты в руки правым, противопоставлявшим ему понятие «естественной родины», которая «объединяет на одной территории людей одной расы» (т. е. и буржуазию, и пролетариат.— *К. К.*). Национальный нигилизм левых отталкивал от них и те срединные, колеблющиеся между правыми и левыми группы ИСП, которые, отвергая тезис об отрицании родины, по остальным вопросам склонялись в это время к левым. Такова была, в частности, позиция Ладзари и его группы.

Более того, национальный нигилизм левых вносил разлад и смущение в их собственные ряды. Многие из них не могли втайне согласиться с отрицанием родины. Отсюда их неоднократные упоминания о «коллизии между чувством и рассудком» и даже о «неуверенности мысли», которую предстоит преодолеть. Дискуссия «о родине», охватив едва ли не все секции партии, шла в ИСП в течение почти трех месяцев с такой силой и страстностью, как будто, по выражению одного из правых, «именно эта абстракция вызвала войну». Вопрос о конкретных мерах против войны оказался в итоге оттесненным на второй план. Дискуссия принимала академический, оторванный от жизни характер. К концу октября 1917 г. она была еще очень далека от завершения. А между тем Итальянское государство приближалось к одному из самых критических моментов своей истории.

Разгром итальянских войск при Капоретто

Еще в холодную и трудную зиму 1915/1916 г. в итальянской армии проявились первые признаки солдатского недовольства: нарушения воинской дисциплины, «гороховые бунты», вызванные плохим качеством пищи, долгим пребыванием в окопах и т. п. Социалистов в итальянской армии было относительно немного, а те, что были, топтались в замкнутом кругу циммервальдских лозунгов и концепций. Они не сумели ни прояснить, ни поднять до уровня сознательного протеста, ни организовать и координировать стихийные выступления солдат.

На втором году участия Италии в мировой войне эти выступления участились, и теперь уже дело доходило до отказов отдельных рот выступить на фронт и до попыток восстаний в отдельных бригадах. Итальянское командование, не умея совладать с нарастающим в армии антивоенным движением, шло по пути репрессий. Оно расстреливало солдат за малейшие проступки, лишало целые подразделения отпуска в наказание за дезертирство отдельных солдат. Осенью 1916 г. был издан циркуляр военного командования, обязывающий командиров «мятежных» частей расстреливать по жребию каждого десятого солдата [111]. Циркуляр этот проводился в жизнь [112]. Но солдатские выступления не прекращались, число уклонившихся от призыва и дезертировавших из итальянской армии росло, и к осени 1917 г. одних только дезертиров насчитывалось более 50 тыс. чел. В покрытых лесом горах Южной Италии их вооруженные отряды скрывались при помощи населения от полиции и карабинеров и при встрече вступали с ними в кровавые бои.

Все же до поздней весны 1917 г. итальянское военное командование еще могло успокаивать себя тем, что на путь возмущения вступают отдельные части и отдельные солдаты. В мае 1917 г., в дни очередного итальянского наступления, окончившегося, как и

111 *L. Cadorna*. Pagine Polemiche. Milano, 1951, p. 94.

112 Вот как описывал Биссолати в «секретнейшем» письме к Бозелли с фронта (куда он был временно командирован) один из таких расстрелов, произведенный еще в июле 1916 г.: «Одна рота, оставшись без офицеров, попыталась перейти на сторону врага... Генерал... распорядился немедленно расстрелять двух человек по жребию из каждой роты всей бригады Салерно, включая также и те ее части, которые вообще не участвовали в сражении. Командующий бригадой тщетно указывал на то, что все другие отряды роты сражались хорошо и что некоторые роты были на отдыхе... Так 48 солдат были расстреляны, причем 20 из них имели ордена за воинскую доблесть. Они шли на смерть плача и просили как о последней милости, чтобы их семьям сказали, что они умерли в бою (*F. Manzotti*. Il socialismo riformista e la guerra del 15—18. Bissolati, Salandra, Sonnino. Con documenti inediti.— «Nuova Antologia». Maggio 1963, p. 75).

предшествующие, стратегическим провалом, Кадорна почувствовал, что «в настроении солдат (всех вообще!— *К. К.*) что-то изменилось» [113]. Целые батальоны сдавались врагу без боя, целые воинские части отказывались вступить в бой, срывая этим планы итальянского командования. Брожение, став массовым, охватило едва ли не всю армию.

Летом и осенью 1917 г. положение в итальянской армии уже серьезно беспокоило не только итальянских политических деятелей и генералов, но и аккредитованных в Риме иностранных послов. Из уст в уста передавались рассказы о полках и батальонах, сдававшихся врагу с возгласами «Да здравствует мир!» и «Да здравствует русская революция!» [114], о надписях «Долой войну!», которыми были испещрены стены окопов. Военная цензура кипами конфисковала в это время письма солдат в тыл, в которых солдаты просили своих родных не сеять хлеб, дабы вынудить правительство заключить мир [115]. Конфисковывала она и письма солдатских жен, матерей, «инструктирующих» солдат, как им нанести себе ранение, чтобы получить освобождение от военной службы.

«Они не могут, они не хотят больше воевать»,— с ужасом рассказывали побывавшие на фронте итальянские политические деятели, журналисты. Вот в такой обстановке и произошел 24 октября 1917 г. разгром итальянских войск у Капоретто. У австро-венгерского командования не было в этот момент подавляющего превосходства сил, которое бы в достаточной степени объяснило разгром и итальянские историки по сей день спорят о его причинах. Некоторые из них объясняют поражение итальянской армии только военными причинами (недостатками занятой итальянскими войсками позиции, отсутствием у итальянского командования за линией фронта нужных резервов и т. п.), другие — только моральными, т. е. нежеланием итальянских солдат воевать, третьи — взаимодействием военного и морального факторов. Видимо, последние ближе к истине. Следует, однако, сказать, что по мере того, как события у Капоретто отходят в памяти у современников все дальше, да и самих этих современников остается в живых все меньше, в итальянской историографии берет верх тенденция лишить эти события своеобразия, представив их «обычным поражением», подобным тем, которые терпели в I мировую войну армии других стран. Этому способствует то, что если военная история событий у Капоретто выяснена весьма детально, то основным источником, позволяю-

[113] *L. Cadorna.* La guerra alla fronte italiana fino alla linea d'arresto del Piave e del Grappa (24 maggio 1915—9 novembre 1917), v. II. Milano, 1923, p. 71.

[114] *J. R. Rodd.* Social and diplomatic memories (Third series), 1902—1919. London, 1925, p. 337.

[115] Comitati segreti sulla condotta della guerra, p. 175.

щим судить о настроении итальянских солдат в дни Капоретто, по сей день остаются трехтомные, очень богатые фактическими данными материалы «Комиссии по обследованию причин поражения итальянской армии у Капоретто», созданной по решению итальянского парламента еще в 1919 г. Опубликованные с тех пор дневники, записные книжки, воспоминания очевидцев лишь подтверждают если не выводы комиссии — они неправильны, то рисуемую ею общую картину.

Наступление австро-германских войск началось 24 октября на одном из самых тихих, точно забытых войной, участков итальянского фронта. Наступлению предшествовала непродолжительная артиллерийская и газовая подготовка. В то утро шел густой снег, и многие итальянские солдаты и офицеры говорили впоследствии, что они заметили вражеских солдат лишь тогда, когда те, вынырнув из-за густой пелены снега, оказались около самых их окопов. Нетрудно представить себе ошеломление и ужас измученных, давно уже тяготившихся навязанной им войной людей в момент неожиданного и грозного появления врага. Его успех оказался неожиданным даже для австро-германского командования. Уже к 10 часам утра австро-германцы прорвали все три линии итальянского фронта. Они прошли их, почти не встретив сопротивления, по выражению современника, «как нож сквозь масло». К 11 часам они уже взяли местечко Капоретто, бывшее жизненным центром всего этого участка фронта и расположенное в 15 км от передовой. А к концу дня брешь, пробитая вражеским наступлением в линии итальянского фронта, достигала 30 км в ширину.

Главная опасность для Итальянского королевства заключалась, однако, не в этом (брешь, по свидетельству военных специалистов, еще можно было «заделать»), а в том массовом уходе итальянских солдат с фронта, для которых военное поражение послужило, по меткому определению Энкеля, лишь «толчком»[116]. Уходила вся 2-я, самая большая, итальянская армия — и то незначительное меньшинство ее солдат, которые непосредственно подверглись 24 октября австро-германскому нападению, и то подавляющее их большинство, которое даже не знало, что́, собственно, произошло, и уходило потому, что так делали все вокруг и, самое главное, потому, что солдаты не хотели больше воевать.

Итальянские солдаты — в подавляющем большинстве неграмотные и полуграмотные крестьяне — были твердо убеждены, что с их уходом наступит конец войне. Поэтому они не только оставляли врагу свои пушки. Устав нести ружья, они кидали их на обочины, и те грудами лежали на дорогах, отмечая путь уходящей армии. По единодушным отзывам очевидцев, солдаты не походили ни на

[116] ЦГВИА, ф. 2003с, оп. II, д. 167, л. 142.

беглецов, ни на бунтарей. У них был скорее вид возвращающихся с работы батраков. Они брели, неся свои котомки, по размытым дождем дорогам, присаживались отдохнуть на обочинах. «Эй, вы, берите Триест сами! Мы заключили мир!» — кричали они встречным. Разбитая армия не хотела больше воевать и шла домой — в этом, независимо от чисто военной истории поражения, и заключается основная особенность событий у Капоретто, и это сближает их не с «обычными» поражениями первой мировой войны, что любят делать итальянские буржуазные историки, а с уходом русской армии с фронта в 1917 г. и немецкой в 1918 г., как понял еще в 1919 г. двадцатишестилетний П. Тольятти[117], — с тем, конечно, весьма существенным различием, что русские, а в какой-то мере и немецкие солдаты шли в тыл делать революцию, итальянские же полагали, что их ухода достаточно, чтобы установить мир.

Офицеры не могли, а в первые дни отступления и не пытались остановить солдат. Нередко они вместе с ними уходили по ведущим в тыл дорогам или же с возгласами «Да здравствует мир!» сдавались в плен врагу. В первые дни общее число уходящих с фронта солдат составляло около 300 тыс. Но линия итальянского фронта была такова, что отход 2-й армии ставил под угрозу окружения остальные итальянские армии. Поэтому 27 октября Кадорна отдал приказ об отступлении также 1, 3 и 4-й армий. Теперь по дорогам, уводящим в тыл, двигалось уже все итальянское войско — более 1 млн. чел. а также около полумиллиона беженцев из оставляемых врагу провинций. Беженцы тащили с собой жалкий скарб, вели овец, коз, свиней. Дороги были до отказа переполнены людьми, хаос и сумятица, царившие на них, были невообразимы.

*

Известие о событиях на фронте вызвало ужас и ошеломление в итальянском тылу. Многие считали в первый момент, что все потеряно, врага не остановить; многим чудилось, что «все колокола Италии звонят об агонии родины»[118]. В стране царила паника. Даже в отдаленных от фронта городах, таких, как Милан, ждали врага и готовились к эвакуации, а более состоятельные люди действительно уезжали, забрав с собой свои капиталы. Встревоженные вкладчики штурмовали окошки сберкасс и банков. Биржи, дабы прекратить начавшееся падение курсов, спешно закрыли. Правительственный аппарат в местностях, которым грозило вражеское нашествие, фактически распался (многие чиновники удирали вме-

[117] *P. Togliatti.* Opere, v. I, 1917—1926. Рома, 1967, p. 71.
[118] *S. Cilibrizzi.* Nitti e l'avvenire d'Italia. Napoli, 1919, p. 260.

сте с населением, иногда впереди его), в местностях же более отдаленных он не справлялся с возросшими задачами. Железнодорожное движение сначала прекратилось в зоне отступления (где полотно железных дорог было до предела забито уходящими в тыл солдатами), потом почти полностью прекратилось во всех остальных районах страны. Снабжение продовольствием населения многих городов и местностей стало фактически невозможным.

Правящая верхушка была в первые дни поражения точно парализована ужасом. Ее положение, и без того нелегкое, еще более осложнялось тем, что 24 октября, когда о событиях на фронте в Риме еще только распространялись смутные слухи, кабинет Бозелли подал в отставку, не выдержав наскоков стронников и противников военной диктатуры. Сформировать новое правительство в условиях поражения, несмотря на истерические призывы итальянской буржуазной прессы к единству, оказалось нелегко. В правящем стане раздавались голоса в пользу заключения сепаратного мира, шли слухи о создании с этой целью кабинета Джолитти и толки об отречении короля.

Как ни трагично было положение на фронте, страх перед собственным народом терзал в эти дни итальянских буржуа и помещиков не меньше, если не больше, чем страх перед врагом.

«Когда австрийское войско прорвется в Венецианскую равнину,— писал Джолитти генерал-лейтенант Роффри,— с обороной будет покончено... Толпы рабочих останутся без работы, и голод заставит их присоединиться к массам дезертиров. Будет бунт, потом революция...» [119]. Многие разделяли эти опасения.

Насколько они были обоснованны,— на этот вопрос исчерпывающе ответить можно было лишь после детального обследования итальянских архивов. Итальянская буржуазная пресса в дни поражения и итальянская буржуазная историография по сей день настойчиво твердят об охватившем итальянские народные массы в дни поражения «патриотическом воодушевлении». Бесспорно, что какую-то часть населения, в том числе и рабочих, эти настроения действительно захватили. И все же многие свидетельства и факты сигнализируют о неисчезнувших и даже усилившихся с поражением антивоенных настроениях масс и их вражде к «синьорам, которые хотели войны». Буржуазная пресса недаром клеймила в те дни «паникеров», распространяющих среди крестьян убеждение в том, что «нашествие немцев не сулит им вреда. Немцы будут лучше платить и накажут сеньоров, которые хотели войны». «В Марке крестьяне в восторге от происшедшего. Они верят и надеются, что таким путем

[119] Dalle carte di G. Giolitti Quarant'anni di politica Italiana. Documenti inediti, v. III. Dal prodromi della grande guerra al fascismo 1910—1928. A cura di S. Pavone. Milano, 1962, p. 247.

мы сразу придем к миру», — рассказывал в дни Капоретто в сугубо приватной беседе Л. Биссолати[120]. Надежду на то, что поражение приведет к миру, питали в те дни не одни крестьяне. На улицах Турина раздавались, как писала «Джорнале д'Италиа», «антипатриотические» (т. е. антивоенные.— *К. К.*) возгласы[121]. В Милане, по свидетельству гравного редактора «Коррьере делла сера» Альбертини, «угрожающе распространялось наиболее острое негодование против тех, кто хотел войны»[122].

Поражение явилось ярким свидетельством банкротства правящих классов и их неспособности защитить национальные интересы страны. Партия, поднявшая в эти дни знамя борьбы за власть и в защиту революционного отечества от нашествия, могла бы найти поддержку многих, кто сейчас пугливо жался к правительству. А паралич правящей верхушки создавал объективные предпосылки для ее успеха. Но такое знамя поднято не было. Итальянский пролетариат и его партия не были к этому готовы. Отсутствие революционной перспективы, тот факт, что итальянские социалисты в своей пропаганде и организаторской деятельности неизменно отрывали борьбу пролетариата за мир от его борьбы за власть, сказались в эти дни в полной мере. В ИСП и в дни поражения продолжались споры между правыми и левыми. Правые восприняли поражение, как сигнал для открытого перехода на оборонческие позиции, и заявляли, что «когда в нашу родину вторгся враг... самый гнев против людей, которые довели ее до этого, отходит на второй план». Они звали солдат на фронте и граждан в тылу сомкнуть ряды для «высшего сопротивления»[123]. Левые подчеркивали свою верность антивоенным принципам. Но, критикуя правых, они не сумели противопоставить их оборончеству четкой интернационалистской программы действий. Они еще не закончили свои споры о родине, и «Аванти!» даже в дни поражения выходила со статьями, продолжающими теоретическую дискуссию. Статьи были длинные, путаные, с цитатами из Канта, Гегеля, Манцони. Все же многие из левых рвались в эти дни, как никогда, к активной борьбе за мир, и в октябре — ноябре в Риме на заседании ИСП совместно с руководителями революционной фракции встал вопрос о действиях, к которым призывали левые. Члены руководства ИСП, как видно из полицейского отчета, обвиняли руководителей фракции в том, что их действия могут привести к серьезному расколу

[120] *O. Malagodi*. Conversazioni della guerra 1914—1918. Milano — Napoli, 1960, v. I, p. 196.

[121] «Il Giornale d'Italia», 7.XI 1917.

[122] *L. Albertini*. Venti anni di vita politica. Parte seconda. L'Italia nella guerra mondiale, v. III. Da Caporetto a Vittorio Veneto (Ottobre 1917 — Novembre 1918). Bologna, 1953, p. 33.

[123] «Critica Sociale», 1—15.XI 1917, p. 265.

в партии, а руководители фракции в свою очередь обвиняли партийных лидеров в намерении под предлогом защиты единства партии уклониться от всякого участия в событиях [124].

Неясно, о каких именно действиях шла речь. Возможно, об общенациональной забастовке против войны. Сделано, во всяком случае, не было ничего, и партия в целом оказалась не способна «превратить пассивное сопротивление народных масс... в активную революционную борьбу» [125].

А между тем дни шли, и паралич, овладевший правящей верхушкой, начал постепенно ослабевать. В конце октября стало известно, что Англия и Франция посылают свои войска на помощь Италии, и итальянские политические деятели ухватились за это, как утопающий за соломинку. 31 октября было, наконец, сформировано — под знаком продолжения войны — новое итальянское правительство. Во главе его встал Орландо, и это свидетельствовало о поражении сторонников военной диктатуры. Министром иностранных дел остался Соннино, что должно было символизировать в глазах союзников Италии ее верность своим обязательствам. Армия продолжала, однако, неудержимо откатываться на запад, войска союзников, прибывая в Италию, дислоцировались в тылу, экономическая разруха принимала чудовищные размеры, и судьба итальянского буржуазного государства по-прежнему висела на волоске.

31 октября Гирс передал в Петроград просьбу итальянского правительства организовать если не большое наступление, то хотя бы военную демонстрацию на русско-австрийском фронте. Итальянское правительство надеялось, что «если подобная демонстрация и не приведет к крупным военным последствиям, то в политическом отношении она будет иметь серьезное значение для итальянцев» [126]. Временное правительство, цеплявшееся за все, что, как оно думало, могло бы отвлечь русских солдат и рабочих от революции, ответило принципиальным согласием, и русский министр иностранных дел Терещенко вел на эту тему переговоры в ставке.

Доживая последние дни, Временное правительство реализовать эти планы не сумело. Спасло итальянское государство на сей раз то, что австро-германское командование оказалось захваченным врасплох собственной победой. Австро-венгерские солдаты преследовали отступающие итальянские войска по пятам. Но, чем далее углублялись они в чужую страну, тем дальше оказывались от своих баз, источников снабжения. Их наступательный порыв все

[124] *P. Spriano.* Torino operaia nella grande guerra (1914—1918). Torino, 1960, p. 278.

[125] *P. Togliatti.* Opere, I, p. 675.

[126] АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 35, л. 621.

более слабел, и они так и не нанесли уходящим в тыл итальянским войскам решающего удара, хотя легко могли это сделать. В то же время и в среде отступающих начали происходить перемены. Часть офицеров, придя в себя после первоначального шока, начала пытаться как-то организовать солдат, и солдаты, лишенные руководства, предельно усталые и голодные, им в этом не мешали.

В первых числах ноября, после перехода беглецами реки Тальяменто, в толпе отступающих уже можно было различить первые признаки приданной им командирами организованности. Буржуазный «порядок» начал восстанавливаться, и карабинеры уже разгоняли голодных солдат, громивших хлебные лавки в городах, через которые проходил их путь, а военное командование распространяло среди отступающих первые манифесты, содержащие списки солдат, казненных за «нарушение воинской дисциплины».

Начали приходить в себя и переходить к репрессиям — массовым обыскам, арестам — и итальянские власти в тылу.

9 ноября итальянские войска перешли реку Пьяве, и здесь командованию удалось, наконец, остановить солдат Уже позднее специалисты подсчитали, что события у Капоретто стоили итальянской армии 10 тыс. убитыми, 30 тыс. ранеными, 265 тыс. пленными и 350 тыс. ушедшими в глубь страны. Армия потеряла также 3152 пушки, 3020 пулеметов, 1732 мортиры, 300 тыс. ружей (считая находившиеся на оставленных врагу складах и не считая тех, что солдаты кинули, отступая, на дороге). Были потеряны воинские склады продовольствия, 4 млн. квинталов зерна, 5 тыс. голов скота. Враг занял территорию провинций Удине и Беллуно, часть земель провинций Тревизо, Венеция и Виченца, а также почти всю территорию, завоеванную итальянской армией за два с половиной года войны, всего около 14 тыс. кв. км.[127]

После 9 ноября самые тяжелые моменты, связанные с поражением, для Италии уже позади. Но итальянская правящая верхушка еще отнюдь не уверена в том, что итальянской армии удастся закрепиться на новом ребеже, и среди итальянского командного состава, равно как и среди итальянских политических деятелей, еще долго будут шептаться о неизбежности сепаратного мира. Сотни, а позднее десятки тысяч ушедших с фронта солдат еще долго будут бродить по стране, скрываясь у населения и отказываясь вернуться в приготовленные для них концентрационные лагеря. Правительственная казна пуста, склады — то же, и союзники, подбрасывая Италии деньги, продовольствие, войска, все крепче забирают потерпевшую поражение страну в свои руки, все более открыто вмешиваются в ее внутреннюю политику.

[127] Dall'Isonzo all Piave (24.X — 9.XI 1917). Relazione della commissione d'inchiesta, v. I. Roma, 1919, p. 373—374.

Барахтаясь в пучине поражения, итальянские правящие круги не могут в дни Капоретто следить за событиями в России с той пристальностью, с какой они делали это ранее. В общей сумятице остается в первый момент незамеченной появившаяся 9—10 ноября на последних полосах газет краткая телеграмма о «максималистском» (т. е. большевистском.— *К. К.*) перевороте в Петрограде. Только Муссолини выступит 11 ноября в «Пополо д'Италиа» с передовой, которая озаглавлена «Вперед, микадо» и в которой он призовет к интервенции в Советскую Россию [128], да «Аванти!», со страстным нетерпением ожидавшая поздней осенью 1917 г. пролетарского переворота в России, будет в эти дни выходить с белыми от цензурных изъятий столбцами.

ИТАЛИЯ В ПОСЛЕДНИЙ ГОД ВОЙНЫ (НОЯБРЬ 1917 — НОЯБРЬ 1918 Г.). СОЗРЕВАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА. ПЕРВЫЕ ОТЗВУКИ В ИТАЛИИ НА ВЕЛИКУЮ ОКТЯБРЬСКУЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ

9 ноября 1917 г. основные силы разбитой итальянской армии перешли на правый берег реки Пьяве. С 10 ноября начался первый этап битвы за Пьяве. Из прежних 65 дивизий у итальянской армии оставалось в полной боевой готовности только 33. Против нее наступало 50 австро-германских дивизий. Несмотря на усиленные атаки, австро-германской армии не удалось добиться прорыва на линии Пьяве и горного хребта.

Второй этап первой битвы на Пьяве начался 3 декабря и кончился 26 декабря 1917 г. После небольшой передышки австро-германские части возобновили свои атаки как по линии Пьяве, так и у горы Граппа. На этом участке австро-германцам сначала удалось овладеть некоторыми вершинами в горном районе в направлении реки Брента, но в целом горный массив Граппа удерживался итало-французскими дивизиями. После этого австро-германское наступление было в основном приостановлено [129].

Последствия поражения под Капоретто не преминули отразиться на уже и так неустойчивом внутриполитическом положении Италии. В первые же дни после разгрома все слои итальянского населения были охвачены паникой. Раздавались требования о заклю-

[128] «Il Popolo d'Italia», 11.XI 1917.

[129] *P. Pieri*. L'Italia nella prima guerra mondiale. Torino, 1965, p. 162—163.

чении сепаратного мира Италии с Австро-Венгрией [130]. Даже наиболее шовинистически настроенные интервентисты впали в уныние и растерялись. Однако сформировавшееся через несколько дней после разгрома на фронте правительство Орландо попыталось сколотить нечто вроде «union sacrée» (священного союза) всех партий, от правых до левых, от интервентистов до нейтралистов. На заседании палаты депутатов 14 ноября 1917 г. казалось, что правительству это удалось. В этот день даже Джолитти произнес патриотическую сдержанную речь [131]. С оборонческой речью, вразрез с антивоенной позицией руководства ИСП, выступил реформист Прамполини, хотя он тут же оговорился, что итальянские социалисты остаются противниками войны [132].

Но «патриотическое единение» продолжалось недолго. Уже в середине декабря, когда палата депутатов провела несколько закрытых заседаний, разногласия между партиями опять обострились, причем первым на закрытом заседании выступил новый военный министр Альфиери, который возложил всю ответственность за поражение на Кадорну и его штаб. Джолиттианцы хранили молчание. 21 декабря с антивоенной речью выступил социалист-центрист Моргари, который поддержал обращение Советского правительства ко всем странам о мире, требуя, чтобы итальянское правительство к нему присоединилось и обратилось с таким запросом и к союзникам.

Тем не менее за доверие правительству голосовали и джолиттианцы, и католики, а против — только социалисты. В ответ на выступление социалистов и половинчатые выступления джолиттианцев и католиков в декабре 1917 г. по инициативе группы депутатов-интервентистов (от крайних интервентистов до социал-патриотов типа Бономи) было образовано «парламентское объединение национальной обороны», к которому примкнуло 158 депутатов и 92 сенатора. К нему присоединились как правые консерваторы, так и националисты и независимые социал-шовинисты. Основной своей задачей это объединение считало борьбу с так называемым «внутренним фронтом», т. е. против «пораженцев», «предателей», под которыми его деятели подразумевали социалистов, джолиттианцев, католиков и других нейтралистов [133].

[130] *Б. Е. Штейн.* Италия в первой мировой войне (Вступительная статья к кн.: *Л. Альдовранди Марескотти.* Дипломатическая война...). М., 1944, стр. XXII.

[131] *G. Giolitti.* Memorie della mia vita, v. II. Milano, 1922, p. 545.

[132] Atti del Parlamento. Discorsi alla Camere dei deputati. Tornata del 14. XI 1917, p. 15098.

[133] *S. Cilibrizzi.* Storia parlamentare politica e diplomatica d'Italia, v. VII. Roma, 1939, p. 157—158.

Создание этого объединения привело к внутренней дифференциации в лагере интервентистов и к поправению значительной части так называемых «левых» (бывших социал-патриотов и национал-синдикалистов, т. е. тех синдикалистов, которые стали интервентистами). Но, с другой стороны, оно вызвало раскол в лагере самих бывших «левых интервентистов, так как такие деятели, как Биссолати и Сальвемини, не разделяли империалистическую программу большинства членов объединения. Это проявилось в особенности в вопросах внешней политики, и в первую очередь в отношении к 14 пунктам Вильсона и югославскому вопросу. Между тем в результате этой дифференциации правые либералы сблизились с националистами [134].

Последствия военного поражения резко сказались на хозяйственном положении Италии. Во время отступления в руки врага попали все склады по снабжению армии, а в наличии не было почти никаких запасов зерна [135]. Снабжение из-за границы было значительно затруднено из-за нехватки общего тоннажа морского торгового флота, который снизился во время войны на 60% [136]. Премьер Орландо учредил комиссию по снабжению, впоследствии преобразованную в министерство, под председательством крупного миланского промышленника С. Креспи. Креспи 21 декабря 1917 г. заявил в палате: «Я теперь могу гарантировать жизнь страны только на 30 дней...» [137].

Гражданскому населению были навязаны большие ограничения: введены хлебные карточки, запрещена продажа мяса три раза в неделю, ограничено потребление топлива (ввиду снижения импорта угля из-за границы), запрещено применять каменный уголь на бытовые нужды (его не хватало даже для промышленности) [138]. По утверждению Креспи, в некоторых районах Калабрии в те дни уже 15 дней не было хлеба. Перед продовольственными магазинами в остальной части Италии выстраивались нескончаемые очереди [139].

В феврале 1918 г. вновь собралась палата депутатов, на заседаниях которой опять разгорелись прения по вопросу о дальнейшем ведении войны. Реформист Тревес выступил с пацифистской речью и в связи с опубликованием Советским правительством тай-

[134] *E. Santarelli.* Storia del movimento e del regime fascista. Roma, 1967, p. 77—81.

[135] *S. Cilibrizzi.* Op. cit., p. 110.

[136] *L. Einaudi.* La condotta economica e gli effetti sociali della guerra italiana. Bari, 1933, p. 97, 98.

[137] *S. Crespi.* Alla difesa dell'Italia in guerra e a Versailles. Milano, 1937, p. 21.

[138] Ibidem.

[139] Ibidem.

ного Лондонского договора между Италией и союзниками охарактеризовал этот договор, как «империалистический», требуя его пересмотра и обращения ко всем державам с мирными предложениями. Тревеса поддержал независимый социалист Артуро Лабриола (бывший лидер итальянского анархо-синдикализма), который, несмотря на то, что в начале войны сам был интервентистом, на этом заседании выступил с требованием поддержки мирных предложений Советского правительства и восхвалял русскую революцию и Ленина. «Союзные правительства,— заявил он,— должны поддерживать деятельность Ленина за мир» [140]. Но Соннино резко выступил против этого предложения, его поддержали интервентисты всех направлений.

*

Для второго наступления на Пьяве, начавшегося 15 июня 1918 г., австро-венгерское командование сосредоточило 58 дивизий, вооруженных 7500 первоклассными орудиями против 57 итальянских дивизий (в том числе 52 итальянских и 5 франко-английских), обладавших 7043 орудиями [141]. В авиации итальянская армия уже добилась превосходства, так как располагала 606 самолетами против 480 самолетов у австро-венгерцев [142].

Австро-венгерское наступление началось на фронте в 150 км. Первоначально австрийцы добились некоторых успехов, захватив несколько холмов и вершин на подступах к горному массиву Граппа. В то же время реку Пьяве, несмотря на сильное поднятие уровня воды, австрийцам удалось форсировать в ряде пунктов. Но продолжавшийся разлив реки и нехватка резервов, а также сильная артиллерийская контрподготовка дали возможность итальянцам приостановить наступление врага.

Со времени приостановки июньского австро-венгерского наступления на итальянском фронте до осени происходили только операции местного значения.

Только в начале октября итальянское командование решилось, наконец, начать генеральное наступление, назначив его на 18 октября. Но в связи с плохой погодой и поднятием уровня воды на реке Пьяве итальянское командование наступление отсрочило до 24 октября. В наступлении, развернувшемся в районе Граппа и плоскогорья Азиаго, участвовало 57 пехотных дивизий (в том числе 51 итальянская, 3 британских, 2 французских, 1 чехословацкая

[140] Цит. по: *S. Cilibrizzi*. Op. cit., p. 311.
[141] *P. Pieri*. Op. cit., p. 181.
[142] *S. Cilibrizzi*. Op. cit., p. 360.

дивизия и 1 американский пехотный полк) и 4 кавалерийских дивизии. Всего в состав войск входило 704 батальона и 912 000 бойцов. Эта армия была вооружена 9400 орудиями. Против них оборонялись $57^1/_2$ австро-венгерских дивизий, поддержанных 6 кавалерийскими, всего — 1 050 000 бойцов и 7000 орудий. У австрийской армии было превосходство в людской силе, а у итальянской в вооружении [143].

В первые дни наступления австро-венгерская армия оказала упорное сопротивление в горном районе, к тому же на Пьяве плохая погода и подъем уровня реки значительно препятствовали переброске союзных войск на левый берег. Только 28 октября итальянским войскам удалось сломить австрийское сопротивление по всему фронту протяжением в 360 км и в ряде пунктов прорвать вражескую линию обороны. Между тем еще накануне итальянского наступления, в то время как передовые части австро-венгерской армии еще были готовы оказать сопротивление, тыловые ее части уже охватила паника, а некоторые из них, состоявшие из венгерских, чешских, хорватско-словенских солдат, взбунтовались и начали добиваться отправки на родину [144]. 29 октября началось общее отступление австрийских войск от Пьяве, и в этот же день итальянцы заняли важный узловой центр Витторио Венето [145]. В ночь на 31 октября разгром австрийской армии был уже почти всеобщим. Итальянские войска вступили в город Фельтре, а кавалерийские их части дошли до реки Тальяменто. 1 ноября части, наступавшие в горном районе, вступили в Трентино и заняли город Роверето, а 3 ноября передовые части вступили в Тренто, столицу этой области; итальянские берсальеры в тот же день высадились в Триесте [146].

3 ноября 1918 г. в Вилла Джусти (особняк под Падуей) представители австро-венгерского верховного командования подписали с итальянскими представителями перемирие, на основе которого австро-венгерская армия капитулировала. Военные действия были прекращены 4 ноября 1918 г. в 15 часов, т. е. через 24 часа после подписания перемирия.

Условия перемирия сводились к следующему: немедленное прекращение всех военных действий на суше, на воде и в воздухе, передача всего вооружения как сухопутных войск, так и военного флота союзникам, эвакуация всех областей, занятых австро-венг-

[143] *C. De Franceschi*. Nel Cinquantenario di Vittorio Veneto.— «Rivista Militare», 1968, № 1.

[144] *P. Pieri*. Op. cit., p. 195.

[145] От этого города наступление и стало называться итальянцами «битвой Витторио Венето».

[146] *P. Pieri*. Op. cit., p. 197—198.

рами с начала войны, немедленное возвращение на родину всех военнопленных, а также всех гражданских лиц, интернированных в Австро-Венгрии, свободное использование странами Антанты всех путей сообщения в Австро-Венгерской империи [147].

Перемирие в Вилла Джусти положило конец военным действиям между Италией и Австро-Венгрией. Хотя формально Италия вышла из войны победительницей и добилась некоторых территориальных завоеваний, тем не менее это была Пиррова победа. Война стоила Италии огромных жертв. Страна потеряла в годы войны 680 тыс. чел. убитыми и 1050 тыс. ранеными [148].

Первая мировая война показала, насколько слаб был экономический и военный потенциал Италии, насколько низка боеспособность итальянской армии. Однако малая боеспособность итальянской армии была не только следствием слабости итальянских солдат и в особенности несостоятельности ее командования. Она отражала также сильные антивоенные настроения итальянских солдат, всего итальянского народа.

Ни в одной из держав Антанты воздействие Октябрьской революции не было столь ощутимым, как в Италии. Это не случайно. Италия являлась в годы первой мировой войны одним из самых слабых «звеньев» в цепи крупных империалистических стран Западной Европы.

В. И. Ленин в своих статьях и речах дал высокую оценку революционной борьбе итальянского народа. В первые же дни Октябрьской революции В. И. Ленин с большим удовлетворением отмечал, что трудящиеся Италии горячо откликнулись на героический подвиг русского пролетариата. В ряде выступлений он говорил о созревании революционного кризиса в Италии. Уже в те дни он придавал огромное значение антивоенным выступлениям итальянских трудящихся [149]. Но выступления против войны в Италии были в основном еще стихийными. Лозунги большевиков о борьбе с войной путем превращения империалистической войны в гражданскую среди широкой массы итальянских солдат и даже трудящихся членов социалистической партии оставались неизвестными.

«Fare come in Russia!» («Сделать, как в России!») — вот боевой стихийный клич, который прозвучал из окопов и быстро распространился по стране.

[147] Цит. по: *Л. Альдованди Марескотти*. Указ. соч., стр. 158; *L. Segato*. L'Italia nella guerra mondiale, v. IV, 1918. Milano, 1935, p. 142.

[148] Cento anni di vita Italiana. 1848—1949, v. I. Milano, 1950, p. 272.

[149] *В. И. Ленин*. Второй Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов. Заключительное слово по докладу о мире.— *В. И. Ленин*. Полное собрание сочинений, т. 35; *его же*. Речь на I Всероссийском съезде по просвещению 28 августа 1918 г.— Там же. т. 37.

Чешский историк Сестмир Аморт, исследуя архивы Бенеша, собрал ряд интересных сведений, свидетельствующих о том, какое сильное впечатление произвела на правящие классы Италии Октябрьская революция и как горячо ее встретили трудящиеся на фронте и в тылу. Особенно большое впечатление произвело советское предложение о заключении мира. В личной беседе с представителем чехословацкого агентства бывший итальянский министр информации Командини доверительно заявил, что итальянское правительство поручило итальянскому послу в Петрограде войти в связь с большевистским правительством, чтобы уточнить подробности мирных предложений Советов. Однако несколько дней спустя, когда Советское правительство опубликовало царские тайные договора, в том числе и Лондонский, итальянский посол, как и другие послы Антанты, прервали переговоры. Министр Биссолати 25 декабря 1917 г. заявил чешскому представителю Франтишеку Хлавачеку: «Влияние большевиков у нас приняло тревожные размеры. Если русское правительство не будет свергнуто в ближайшем будущем, у нас дела пойдут плохо» [150].

По сведениям того же чехословацкого агентства, с 1 ноября по 10 декабря 1917 г. сотни рабочих были арестованы в Милане, Турине, Риме и многих других городах. Большинство из них примыкало к левому крылу социалистической партии, им было предъявлено обвинение, как заявлял тот же Командини чешскому журналисту, «что они пропагандировали мирные предложения Советов и декреты нового петроградского правительства». Репрессии, как передавало агентство, обрушились и на крестьян Южной Италии, требовавших от правительства приступить к разделу крупных поместий по русскому примеру. В Неаполе рабочие, выступившие за мир, оказали сопротивление полиции и карабинерам и не допустили ареста своих руководителей. 18, 19 и 20 декабря 1918 г. в том же городе проходили демонстрации, в которых участвовали вместе с рабочими и солдаты. Демонстранты шествовали с красными знаменами под лозунгами мира и солидарности с Советской Россией. На ряде митингов были приняты послания, приветствовавшие Советское правительство и В. И. Ленина. В некоторых центрах страны были созданы рабочие и крестьянские комитеты, организованные по инициативе левых социалистов, призывавших трудящихся последовать «примеру победившего русского пролетариата» [151].

Особой популярностью пользовалось имя Ленина. Как рассказывает итальянский писатель Дж. Джерманетто, женщины, мерзнувшие в нескончаемых очередях у лавок, говорили: «Пора кончать с

[150] Цит. по: «Новое время», 1967, № 29—30.
[151] Там же.

войной», «...будет и у нас Ленин!», «надо сделать, как в России!» [152].

Особенно сильно антивоенное движение нарастало в Турине, где, по свидетельству префекта города, «вести из России обострили в самых пылких умах мечту о скором мире» [153]. Антивоенными настроениями были охвачены средняя буржуазия, весь рабочий класс. Главным очагом недовольства были заводы ФИАТ, откуда, по словам того же префекта, «сможет исходить призыв к новым пагубным эксцессам» [154].

В социалистической партии влияние Октябрьской революции усилило размежевание между подлинными революционерами и реформистами. По инициативе «непримиримо-революционной» фракции, по согласованию с руководством ИСП 18 ноября 1917 г. во Флоренции состоялось совещание этой фракции совместно с представителями руководства ИСП Ладзари, Бомбаччи, Серрати. В совещании приняли также участие Дженнари, Грамши, Бордига и другие представители левых социалистов, съехавшиеся из разных городов Италии. Всего на совещании, которое проходило нелегально, присутствовало 40 делегатов. По предложению «непримиримо-революционной» фракции была принята резолюция, в которой говорилось: «Победа революции возможна только путем революционного завоевания власти на основе программы экспроприации капиталистов». Осуществление этой программы даже в одном государстве, по мнению авторов резолюции, «явится победой международного пролетариата» [155]. Однако, хотя большинство ораторов решительно выступало против войны, тем не менее никто не сумел предложить конкретную революционную программу. Все свелось к принятию резолюции, выдвинутой Бордигой и Серрати, в которой осуждались позиции реформистов и требовалась от всех членов партии «верность социалистическим принципам борьбы с войной» [156].

Деятельность левых социалистов не осталась не замеченной правительством. В январе 1918 г. были арестованы Ладзари и другие, а месяц спустя их судили «за антивоенную пропаганду». Ладзари приговорили к двум годам и 11 месяцам заключения. В мае 1918 г. был арестован и Серрати.

Преследования, обрушившиеся на социалистическую партию, лишили ее наиболее активных левых руководителей, чем воспользовались реформисты, чтобы проводить в печати и парламенте свои оборончеcкие выступления. Турати на заседании в парламенте

[152] *Дж. Джерманетто.* Записки цирульника. М., 1959, стр. 99.
[153] *P. Spriano.* Op. cit., p. 293.
[154] Ibidem.
[155] *P. Spriano.* Op. cit., p. 282—283.
[156] Ibid., p. 285.

23 февраля 1918 г. призывал к патриотическому содействию «защитникам родины» и произнес ставшую знаменитой фразу: «От имени моих друзей я повторяю „На горе Граппа родина!“»[157].

Наконец, во второй половине августа руководство партии добилось от правительства (впервые за время войны) разрешения на созыв XV съезда ИСП «при условии, чтобы он проводился при закрытых дверях», как говорилось в правительственном распоряжении.

Съезд собрался 1 сентября в Риме, и его работа продолжалась до 5 сентября 1918 г. Съезд должен был утвердить отчет руководства партии, отчет парламентской фракции ИСП, обсудить отношение партии к текущему моменту, утвердить устав и избрать руководящие органы[158].

На первом заседании было зачитано приветствие Ладзари из тюрьмы, в котором он призывал делегатов в первую очередь «не забывать о том, что происходит в России». Большинство делегатов горячо приветствовали слова Ладзари и возгласами негодования встретили сообщение председательствующего Баччи о том, что Ленин ранен. Сообщение, сделанное на следующем заседании съезда, о том, что, вопреки ложным утверждениям буржуазной печати, Ленин вовсе не умер, а жив, вызвало аплодисменты всего зала и громкие возгласы: «Да здравствует Ленин!»[159].

На съезде развернулась ожесточенная борьба по всем вопросам повестки дня. Хотя левые и имели на съезде большинство, они не решились пойти на полный разрыв с правыми. Это нагляднее всего проявилось в вопросе об исключении Турати из партии. Несмотря на то, что с этим предложением на заседании «непримиримо-революционной» фракции съезда выступил сам и. о. секретаря ЦК ИСП Дженнари, в результате нерешительности левых и процедурных маневров центристов и правых оно не было даже поставлено на обсуждение пленарных заседаний съезда[160]. В целом левое крыло не сумело занять твердую позицию в борьбе против реформизма.

На голосование были представлены три резолюции, отражающие точки зрения трех фракций, оформившихся в партии. В проекте резолюции реформистов, внесенном депутатом Модильяни, правые не посмели открыто излагать свои оборонческие взгляды,

157 *A. Malatesta.* I socialisti italiani durante la guerra. Milano, 1926, p. 179.

158 Il Partito Socialista Italiano nei suoi Congressi, v. III, 1917—1926. Milano, 1963, p. 15.

159 Resoconto Stenografico del XV Congresso Nazionale del PSI. Roma, 1919, p. 11.

160 См. «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии», стр. 97.

а прикрывали их антивоенной фразеологией. За резолюцию Модильяни было подано 2505 голосов.

От центристов, именовавших себя «непримиримыми левыми», резолюцию внес Тирабоски. В ней замазывалась суть разногласий с правыми, признавалось, что отдельные «члены партии и организации допустили случайные промахи и ошибки», но утверждалось, что в целом партия осталась верной основным принципам социализма[161]. Резолюция собрала 2507 голосов.

Резолюция крайне левой фракции, называвшей себя «максималистской», была внесена Сальватори. Руководство партии обвинялось в ней «в чрезмерной терпимости» к реформистам. Резолюция обязывала парламентскую фракцию выполнять указания руководящих органов и уполномачивала руководство принимать соответствующие меры взыскания к депутатам-социалистам, вплоть до исключения из партии. Фактически, согласно этой резолюции, парламентская фракция должна была превратиться в «исполнительный орган партии».

Резолюция получила большинство голосов на съезде — 4015[162]; по вопросам международного и внутреннего положения был принят проект резолюции, предложенной Дженнари, в котором характер войны определялся как «империалистический». В заключительной части резолюции подчеркивалась необходимость приложить все усилия, чтобы помешать подавлению русской революции. Резолюция осуждала всякую попытку сотрудничества социалистов с правительством как в парламенте, так и в «представительных органах буржуазного государства». В заключение предлагалось усилить пропаганду против войны, за ускорение мира[163]. Принятие этой резолюции отражало общее полевение в партии.

Прямым следствием XV съезда ИСП явилось изменение тактики ИСП в отношении II Интернационала. Вскоре после съезда руководство ИСП отказалось принять участие в международной конференции социалистов стран Антанты, созываемой в сентябре 1918 г. в Лондоне, мотивируя свой отказ шовинистическим характером конференции[164]. 16 сентября орган ИСП «Аванти!» в передовой статье заявил, что II Интернационал фактически умер и что необходимо организовать III Интернационал.

Однако позиции реформистов в партии были еще сильны. Левое крыло ИСП, не решившееся на разрыв с ними на съезде, нередко искало компромисса с реформистами. Половинчатая пози-

161 Il Partito Socialista Italiano nei suoi Congressi, v. III, p. 40.
162 Ibid., p. 38—39.
163 Ibid., p. 41—42.
164 «Avanti!». 8.IX 1918.

ция левоцентристского руководства партии проявилась и в последний день войны. Когда стало известно о занятии итальянскими войсками Тренто и Триеста, мэр Милана социалист-реформист Кальдаоа призывал население участвовать в демонстрации, празднующей победу[165]. «Аванти!». хотя и подчеркивала, что не может присоединиться к «всеобщему энтузиазму», выражала все же свою радость по поводу занятия вышеуказанных городов, так как «это означает, что война окончена».

Несмотря на эти недостатки, Итальянская социалистическая партия оказалась единственной из всех итальянских партий и из всех западноевропейских секций II Интернационала, которая, хотя и непоследовательно, все же открыто и официально выступала против войны.

Выход Италии из войны и вести об Октябрьской революции в России развязали революционную инициативу масс. 4 ноября 1918 г. на главных улицах Турина происходил ряд демонстраций рабочих под красным знаменем. 12 ноября 1918 г. в ознаменование окончания войны состоялась внушительная демонстрация туринских рабочих у здания Палаты труда. С балкона этого здания выступали деятели ИСП и профсоюзов. Из толпы требовали освобождения заключенных товарищей, раздавались возгласы: «Да здравствует Россия!», «Да здравствует революция!». В Италии назревал революционный кризис.

165 *A. Malatesta.* Op. cit., p. 198—199.

6

КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО ИТАЛИИ ЭПОХИ РИСОРДЖИМЕНТО

Итальянская культура эпохи Рисорджименто отличается не только идейной целеустремленностью и демократизмом, но и непосредственной связью с революционно-освободительной борьбой. Искусство Рисорджименто — огромное, героико-эпическое полотно, яркая, своеобразная картина долголетней политической манифестации.

В центре внимания итальянской философии первой половины XIX в. были вопросы, требовавшие незамедлительного решения. Философия смыкалась с идеологией и политикой. Основные течения общественной мысли постепенно превращались в политические теории. В работах выдающихся философов — Винченцо Джоберти, Чезаре Бальбо, Массимо Д'Адзельо, Джузеппе Мадзини речь шла о ближайшем будущем Италии и ее народа.

Программа итальянского романтизма, особенно в период его формирования, была тесно связана с философскими и эстетическими положениями просветительской идеологии. На нее оказали влияние и национальные просветительские традиции («Il Cafè». Верри, Беккария), и мысли французских энциклопедистов. Все эти тенденции особенно ясно прослеживаются в журнале «Кончильяторе» (1818—1819) — центральном органе миланских романтиков, сыгравшем большую прогрессивную роль в общественной жизни Италии в начале века. На страницах «Кончильяторе» — в статьях талантливого литературного критика Эрмеса

Висконти, поэта Джованни Берше, философа Д.-Д. Романьози и драматурга, редактора журнала Сильвио Пеллико — были впервые сформулированы важнейшие эстетические идеи эпохи Рисорджименто.

В годы реакции, наступившей после Венского конгресса (1815), «Кончильяторе» способствовал духовному возрождению Италии.

Энтузиасты «Кончильяторе» стремились включить Италию в общеевропейское культурное движение, преодолеть ее замкнутость и отсталость. Вдохновленные европейским романтическим движением, они не отрывались, однако, от родной почвы, при решении любых проблем всегда имели в виду главную цель своей политической и литературной деятельности — судьбу родины, которую они мечтали изменить.

Висконти, Пеллико, Романьози были убеждены в том, что духовное возрождение Италии возможно только при условии ее политического возрождения. Отсюда они сделали вывод о необходимости непосредственной связи культурной, гражданской и политической деятельности. Такой же точки зрения придерживался и Алессандро Мандзони, который формально не входил в состав редакции журнала, но был единомышленником энтузиастов «Кончильяторе». Выдвинутая ими мысль о неразрывной связи литературного дела с гражданским (letterario-civile) стала одной из ведущих идей века. «Кончильяторе» принадлежит заслуга открытия и утверждения ведущей тенденции итальянской культуры XIX в.— единства момента эстетического и этического.

Важнейшие эстетические проблемы эпохи разрабатывались на материале литературы, главным образом драматургии.

Главной задачей литературы и искусства итальянские романтики считали воспитание национального сознания. Романтики определили новую литературу прежде всего как «литературу действительности», настоятельно подчеркивая необходимость правдивого отражения жизни в произведениях литературы и искусства.

Итальянские романтики обратились к изучению национальной истории, чтобы понять исторические причины упадка Италии, причины «умаления итальянской нации», напомнить народу, боровшемуся за независимость и единство родины, о его славном прошлом, вдохновить его примерами героической борьбы предков. Используя исторический материал, итальянские романтики выражали, разумеется, свое отношение к современности. В самом понимании историзма они впадали то в одну крайность — призывая к обнаженной тенденциозности в трактовке исторических событий и оценке их с позиций и потребностей сегодняшнего дня, то в другую — крайность объективизма, считая, что цель писателя в точном и достоверном воспроизведении истории без выражения какого-либо своего отношения к происходящему.

Итальянские романтики (как и их единомышленники в других странах) уделяли большое внимание проблемам национальной самобытности литературы и искусства. Выражая общий взгляд сторонников «Кончильяторе» на национальное искусство, Пеллико в статье «Театр Мари Жозефа Шенье» писал, что национальным является лишь то произведение, которое проникнуто любовью к родине и служит ее благу. Впервые в Италии эту точку зрения выдвинул и отстаивал в многочисленных критических статьях Д. Берше. Он подчеркивал, что литература должна обращаться ко всей нации, а не к замкнутым кружкам «избранных» и отбирать из истории то, что может быть близко, понятно и поучительно для большинства современников-итальянцев. Берше, Висконти и особенно Мандзони высказывали мысль о том, что цель писателя — в отражении и осмыслении судьбы своего народа, умении верно уловить в действительности и выдвинуть в литературе важнейшие проблемы народной жизни.

1830-е годы знаменуют начало второго периода в развитии итальянского романтизма. В области эстетики заслуживают внимания в это время работы вождя итальянского национально-освободительного движения Джузеппе Мадзини и находившегося под его влиянием известного драматурга Д. Никколини.

Литература была лишь одной из многих сторон политической деятельности Мадзини, стороной яркой, интересной, но второстепенной. Мадзини хотел видеть литературу и искусство основанными на «высшем коллективном принципе всеобщей правды», которая должна быть выражена писателем через его идеал. Эту «всеобщую правду» Мадзини рассматривал в трех аспектах: как правду историческую (факты, реальность), моральную (идейный смысл) и абсолютную (отвлеченная философская идея), которая ведет к богу. Правду моральную, а тем более правду абсолютную он ставил выше реальной правды фактов. «Истинно европейский писатель, — утверждал Мадзини,— должен быть философом с лирой поэта в руках». Центральными образами его произведений должны стать идеальные герои, которые могли бы служить для современников примером мужества и верности революционному идеалу.

Крупнейший историк итальянской литературы Франческо де Санктис писал, что Мадзини всегда чувствовал себя оратором, педагогом; на новом этапе национально-освободительного движения Мадзини поддержал и развил идеи «Кончильяторе» и А. Мандзони об общественно-политической роли литературы и искусства. Но Мадзини по существу выступил против основного положения теоретической программы своих предшественников о необходимости правдивого отражения действительности, противопоставив ему идеалистическую теорию о правде как выражении идеала автора и герое — символе его идей.

Под глубоким влиянием эстетики «Кончильяторе» и Мандзони, с одной стороны, и эстетики Мадзини — с другой, и шло развитие итальянской культуры и искусства вплоть до 70-х годов XIX в. Одним из основных отличий итальянского искусства было соответствие его развития основным историческим этапам национально-освободительного движения.

*

В годы революционного брожения, вызванного в Италии Великой Французской революцией 1789 г., эру итальянского искусства Рисорджименто открыли представления «трагедий свободы» Витторио Альфьери (1749—1803)[1]. Их мужественный пафос, огонь политической страсти, взволнованная проповедь свободы зажигали сердца итальянских патриотов-республиканцев 90-х годов.

22 сентября 1796 г. в честь празднования пятилетия Французской республики в Милане была поставлена одна из лучших трагедий Альфьери —«Виргиния». Зрители, наэлектризованные политическим накалом спектакля, в перерывах между актами давали выход чувствам, танцуя в партере «Карманьолу».

Трагедии Альфьери стали знаменем рождавшихся итальянских республик, воздействовали на создание национального характера итальянцев, пробудив в них, по выражению Стендаля, «жажду стать нацией». Они отвечали чувству беспокойства за судьбы родины каждого нового поколения итальянских патриотов, черпавших в созданиях поэта силы для самоотверженной борьбы.

«Совестью Италии» называли современники поэта Уго Фосколо (1778—1827). В его творчестве пламенный патриотизм и героический пафос, выраженные в духе революционного классицизма, в ряде произведений облекаются в новые поэтические формы, прокладывая дорогу романтической литературе.

Свой первый поэтический сборник «Оды» (1795) он посвящает Альфьери. В том же году 17-летний Фосколо за свободомыслие подвергается допросу инквизиторов и попадает в тюрьму. Выйдя на свободу, молодой поэт в 1796 г. в числе других итальянских патриотов восторженно встречает французскую республиканскую армию во главе с Бонапартом. 4 января 1797 г. в венецианском театре Сан-Анджело с огромным успехом идет его первая республиканская трагедия «Тиест», повторенная затем 30 раз подряд.

Фосколо живет интересами родины — и как поэт, и как гражданин. В апреле 1797 г. он записывается добровольцем в армию

[1] Трагедии Альфьери были созданы еще в 70—80-х годах XVIII в. Но настоящий общественный резонанс они получили на рубеже XVIII—XIX вв.

35. *Витторио Альфьери*

Циспаданской республики и в том же году пишет две патриотические оды: «Бонапарт-освободитель» и «К новым республиканцам». Внесенный австрийцами в проскрипционные списки, Фосколо бежит из Венеции в Милан. Он произносит в демократических клубах Милана яркие патриотические речи, сотрудничает в газете «Мониторе итальяно», выступая в своих статьях против поборов и притеснений французской армии, и требует вооружения граждан, чтобы отстоять свободу.

Ярким документом эпохи явился роман Фосколо «Последние письма Якопо Ортиса» (1802). Роман проникнут всеми печалями и радостями великой освободительной борьбы; он выражает отчаяние героя-патриота, увидевшего в наполеоновском режиме крушение надежд на освобождение Италии, и готовность отдать жизнь за свою угнетенную родину. Книгой зачитывалась вся молодежь Италии. Ее любил поэт Д. Леопарди, а Мадзини знал роман чуть ли не наизусть. Эпиграфом к журналу «Молодая Италия» (1832) он выбрал слова из романа Фосколо[2].

Мечту о свободной Италии поэт выразил в замечательной поэме «Гробницы» (1807), воспевавшей героев прошлого. Эта поэма Фосколо вдохновляла итальянских патриотов нескольких поколений на борьбу за освобождение родины. В 1811 г. Фосколо поставил в Милане трагедию «Аякс», обличавшую деспотизм Наполеона, и цензура запретила ее.

Отказавшись принести присягу австрийцам после Венского конгресса 1815 г., Фосколо вынужден покинуть Италию. Но и на чужбине поэт-карбонарий продолжает свою деятельность. Среди его литературных исследований выделяется знаменитый комментарий к «Божественной комедии» Данте, в котором Фосколо видел провозвестника объединения Италии.

Среди юношей, увлеченных романом Фосколо «Последние письма Якопо Ортиса», был и гениальный музыкант Никколо Паганини (1782—1840). В его мятежном искусстве воплотился дух борьбы итальянского народа, смелый протест против подавления и принижения человеческой личности. Паганини был дружен с Фосколо и другими видными деятелями национально-освободительного движения, которые находились под постоянным надзором австрийской тайной полиции. Наблюдение установили и за Паганини. В 1812 г., после концертов в Ферраре, полиция выдворила музыканта из города. В 1818 г. губернатор Турина запретил концерты Паганини в

[2] На русском языке роман Фосколо был впервые опубликован в 1831 г. в Москве под названием «Избранные письма Якоба Ортиса» в переводе П. Петрова (впоследствии известного лингвиста) и Н. Григорьева, друга Белинского (в окончательной редакции русского текста, очевидно, принимал участие и сам Белинский). Передовая русская пресса дала высокую оценку роману.

городе. А для агентов Ватикана бесспорным доказательством безбожия и карбонарства музыканта был репертуар его концертов: почти постоянно исполняемые Паганини вариации «Карманьола», «Ведьма», вариации на темы из патриотических опер Россини «Танкред» и «Моисей».

В рядах революционеров-карбонариев оказались многие выдающиеся итальянские писатели и поэты. Среди них — С. Пеллико, Д. Берше, П. Джанноне, поэт-импровизатор Г. Россетти. Все они приняли деятельное участие в карбонарской революции 1820—1821 гг.

Сильвио Пеллико (1789—1854) был автором первой романтической трагедии Рисорджименто — «Франческа да Римини». Ее представление состоялось 18 августа 1815 г. в Королевском театре Милана и прозвучало вызовом ненавистным австрийцам. Сердцу итальянца были близки в этой трагедии и дантовский сюжет (произведения Данте находились под запретом), и призыв к свободе и независимости страны, вложенный поэтом в уста своего героя Паоло.

Пеллико вступил в Милане в карбонарскую венту. В сентябре 1818 г. его выбрали редактором журнала «Кончильяторе», а в октябре 1820 г. австрийцы арестовали Пеллико и других патриотов. 10 августа 1821 г. им вынесли смертный приговор, замененный долголетним тюремным заключением.

Пеллико провел 10 лет в австрийской тюрьме Шпильберг. Там он написал обошедшую всю Европу книгу «Мои темницы» (1832), где поведал о страданиях итальянских патриотов, заточенных в Шпильберге. Этот рассказ о жестокости австрийских тюремщиков возбудил негодование во всей Италии и Европе.

С карбонариями еще юношей связал себя и Джованни Берше (1783—1851). В своем поэтическом творчестве Берше выступает пламенным патриотом. Его лучшая поэма — «Беглецы из Парги» — написана в 1819 г., в преддверии карбонарской революции. В ней изображена трагическая судьба греков-фессалийцев, попавших из-за предательства англичан под власть своих исконных врагов, турок, и покинувших родную землю, чтобы избежать рабства. Итальянцы узнавали в судьбе греков собственную судьбу, в турках — своих врагов — австрийцев.

В 1821 г. Берше, воспевший Пьемонтское восстание, в котором сам принял непосредственное участие, после поражения карбонариев вынужден был бежать из Италии. В 1829 г. он создал поэму «Фантазия», звучавшую как боевой патриотический марш, а в 1831 г., во время восстания в Модене и Болонье,— стихотворение «К оружию», ставшее карбонарским гимном.

Борьбе за свободу родины посвятил себя и поэт-романтик Габриэле Россетти (1783—1854), певец неаполитанской революции

1820 г. В ходе восстания карбонариев Неаполя он сочинил стихотворение «Неаполитанская конституция 1820 года». Спасаясь от преследований, Россетти в 1821 г. уехал в Англию. Здесь он в страстных песнях с жаром откликался на события в жизни родины. Вслед за Фосколо он опубликовал комментарий к «Божественной комедии» Данте, где доказывал, что великий поэт являлся первым итальянским карбонарием.

Крупнейшим итальянским писателем XIX в. был выдающийся теоретик итальянского романтизма Алессандро Мандзони (1785—1873). Заслуги Мандзони перед итальянской литературой столь велики, что его имя по праву стоит в одном ряду с именами писателей, составляющих гордость итальянской нации, такими, как Данте, Петрарка, Тассо, Боккаччо, Альфьери и Гольдони.

Творчество Мандзони оставило глубокий след и в итальянской поэзии, и в драматургии, и, кроме того, проложив пути современному реалистическому роману, оказало большое влияние на развитие итальянской прозы. «Мандзони — наша общая страсть, с его именем сливается все, что есть благородного и великого в Италии... Возрождение народа было его целью, его всегдашним стремлением...»,— писал Мадзини. Большая этическая сила и горячий патриотизм Мандзони привлекали современников к его творчеству.

Мандзони мечтал о единой и независимой Италии и призывал современников к борьбе за нее. Он предостерегал от надежд на военную помощь извне (речь шла о надеждах на Францию) и неустанно доказывал, что в борьбе за освобождение родины итальянцы должны рассчитывать лишь на свои собственные силы.

Литературное наследие Мандзони невелико. Из поэтических произведений наиболее значительными являются написанная поэтом в ранний период творчества пламенная якобинская оратория «Торжество свободы» (1801), прославлявшая революцию; полное размышлений о смысле жизни и гражданских мотивов стихотворение «На смерть Карло Имбонати» (1806)[3], где Мандзони создает образ идеального поэта-гражданина, глашатая правды. В этом стихотворении звучит призыв всегда «сохранять сердце чистым», никогда «не быть ничьим рабом», никогда «не изменять святой истине». Задумываясь над вопросом о цели поэзии, поэт приходит к выводу, что она должна быть прежде всего «правдивой» и служить воспитательным задачам.

В 1810—1820-х годах Мандзони создает поэтический цикл «Священные гимны», в которых современники (и прежде многих

[3] Карло Имбонати, воспитанник итальянского поэта и просветителя XVIII столетия аббата Джузеппе Парини (1729—1799), был связан гражданским браком с матерью Мандзони и оказал большое влияние на формирование мировоззрения поэта.

36. Алессандро Мандзони

других энтузиасты журнала «Кончильяторе») увидели «не поэтизацию основных эпизодов христианского календаря и не призыв к смирению, а христианизацию основных идей просветительства XVIII века, идей свободы и человеческого братства. Призывы к стойкости и терпению воспринимались современниками не как призывы к капитуляции и смирению, а как ободрение духа будущих борцов за национальную независимость» [4]. Недаром эти гимны писались в одно время с такими откровенно политическими стихотворениями, как «14 апреля» (1814), «Риминийское воззвание» (1815), «5 мая» (на смерть Наполеона, 1821) и «21 марта» (о пьемонтской революции 1821 г.). Христианство Мандзони не выходи-

[4] *Н. Томашевский.* Итальянский театр эпохи национальных революций.— В кн.: «История западноевропейского театра», т. 3. М., 1963, стр. 530.

ло за рамки эстетической проблематики и носило чисто светский характер.

Мандзони видел назначение искусства в его способности к гражданскому и нравственному совершенствованию общества. Эти цели искусства были для Мандзони неразделимы. Его политические стихи 1814—1821 гг. с их гражданско-философским осмыслением этических задач искусства представляют собой полный внутреннего единства цикл гражданской лирики Мандзони.

Мандзони был не только одним из самых выдающихся итальянских поэтов XIX столетия, но и драматургом и автором всемирно известного исторического романа «Обрученные» [5].

Исторические трагедии Мандзони «Граф Карманьола» (1820) и «Адельгиз» (1822), наряду с «Франческой да Римини» Пеллико, положили начало итальянской романтической драматургии. Они обе по существу посвящены одной теме — историческим причинам упадка Италии. В них звучала скорбь о судьбе Италии, истерзанной феодальными раздорами и чужеземным гнетом, и призыв к объединению в борьбе против врагов родины. Протестом против чужеземного ига и порабощения свободного народа грубой военной силой проникнут и роман Мандзони «Обрученные», один из лучших исторических романов не только итальянской, но и мировой литературы. В «Обрученных» ярко изображены феодально-аристократические нравы, бесправие, произвол, жестокость, господствовавшие в Италии в XVII в., и с большим сочувствием описаны жизнь и страдания народа. Помимо произведений художественного творчества, перу Мандзони принадлежали труды исторические и лингвистические. Известна его книга «Католическая мораль» (1819 г.— 1-е издание; 1855 г.—2-ое, дополненное издание), подготовившая путь таким известным итальянским философам XIX века, как Джоберти и Розмини. Иной характер носило творчество современника А. Мандзони — замечательного итальянского поэта Джакомо Леопарди (1798—1837). Излюбленные темы лирики Леопарди: одиночество человека в мире, невозможность счастья, жестокая власть природы над человеком.

«Песни» (1816—1836) принесли Леопарди славу одного из крупнейших мировых лириков; кроме того, его перу принадлежат «Дневник» (1817—1832), который представляет собой как бы ежедневную исповедь поэта, и «Моральные сочинения» (1820—1825), небольшие трактаты, в большинстве своем написанные в форме диалогов-споров.

Мировоззрение Леопарди противоречиво. Если в лучших произведениях раннего периода творчества, в одах «К Италии» (1818)

[5] 1825—1827 гг.— 1-ая редакция; 1840—1842 гг.— 2-ая редакция.

37. *Джакомо Леопарди*

и «На памятник Данте» (1818), поэт призывал итальянцев к борьбе за свободу и величие родины, к мести, к подвигу, то его «Диалоги» (1827) проникнуты духом пессимизма. В годы реакции после поражения карбонарских революций 20-х годов Леопарди переживает тяжелое разочарование. Идею родины он провозглашает пустым фантомом, клеймит эгоизм и ограниченность буржуазии, сомневается в возможности общественного прогресса вообще. Поэт приходит к мрачному выводу: «Жизнь — печаль и скука, а мир — ком грязи». По мнению Леопарди, все в мире подчинено закону всеобщего страдания. Поэт пишет о жестокой власти природы над человеком, о тщетности всех человеческих усилий и порывов, об иллюзорности счастья.

Конечная цель человеческого бытия — смерть. Но человечество этого не в состоянии понять, так как ослеплено размышлениями о загробной жизни или надеждами на возможные общественные

преобразования. В стихотворении «Палинодия» поэт резко и саркастично высмеивает новый век и его идеологов, подчеркивая, что общественный прогресс сводится лишь к материальному прогрессу. Никого не заботит прогресс нравственный. Пессимистическая философия Леопарди часто вступает в противоречие с его творчеством. Лучшие стихотворения поэта полны любви и сострадания к человеку, в них звучит протест против горестной судьбы человечества.

По словам Франческо де Санктиса, «Леопарди внушает чувства, противоположные своим намерениям: он не верит в прогресс, но заставляет тебя страстно его желать; он не верит в свободу — и заставляет любить ее; славу, добродетель, любовь называет он пустой иллюзией — и при этом возбуждает в твоей груди неуемную к ним тягу».

*

С карбонарским движением был связан и основоположник итальянского романтизма в живописи Франческо Гайец (1791—1882).

В 1818 г. в Милане Гайец сблизился с Пеллико и Мандзони и вскоре стал главой итальянских художников-романтиков, выступивших против официального академического классицизма. Национально-освободительные идеи нашли отражение в его исторических полотнах. Одна из лучших картин Гайеца —«Беглецы из Парги», изображающая эпизод греческого восстания 1819 г., послужившего сюжетом и для упоминавшейся уже одноименной поэмы Д. Берше. Другая картина художника —«Граф Карманьола»— по теме близка одноименной романтической трагедии А. Мандзони [6]. Вот что пишет о ней Стендаль (в «Салоне 1824 года»): «В Италии только и говорят, что о картине этого молодого венецианца, выставленной в Милане и изображающей графа Карманьолу, идущего на смерть и прощающегося с женой и дочерьми...» [7] К значительным достижениям Гайеца относятся и его небольшие картины, полные непосредственного, живого чувства (например, «Прощание Ромео и Джульетты»), а также его поздние реалистические портреты (А. Мандзони, М. Д'Адзельо, Д. Россини и др.).

*

Патриотизм остается синонимом романтического направления в итальянском искусстве и на втором этапе движения Рисорджименто. Романтизм этого периода приобретает все более демократические

[6] Трагедией «Граф Карманьола» Мандзони навеяна и опера Россини «Бьянка и Фальеро» (1820).

[7] *Стендаль.* Собр. соч., т. 6. М., 1959, стр. 484.

черты. Самый пристальный интерес у писателей, поэтов, музыкантов и художников вызывает историческая тема, в произведениях раскрывается роль народа как основного носителя героического начала.

В литературе этого времени основными жанрами становятся исторический роман, продолжающий традиции Мандзони, и историческая драма.

Литературу 30-х годов представляют два писателя-республиканца, принявшие деятельное участие в движении Рисорджименто,— Франческо Доменико Гуеррацци (1804—1873) и Джан-Баттиста Никколини (1782—1861), творчество которых складывалось под влиянием Мадзини.

Гуеррацци был связан с карбонариями Ливорно. Он сотрудничал, как и Никколини, в журнале «Антолоджа», а с 1828 г. сам основал в Ливорно журнал «Индикаторе ливорнезе», запрещенный властями в 1829 г. Гуеррацци — автор горячо встреченного итальянцами историко-патриотического романа «Осада Флоренции» (1836). В нем он гневно заклеймил тиранию и прославил мужество республиканцев Флоренции.

Никколини был одним из создателей исторической трагедии Рисорджименто. Его патриотическая трагедия «Джованни да Прочида» (о сицилийском восстании 1282 г.) с огромным успехом шла в январе 1830 г. во Флоренции. Лучшая трагедия Никколини — «Арнольд Брешианский»— долгое время была запрещена к постановке. Герой пьесы — мужественный народный трибун, погибающий в борьбе с императором и папой. Важное место отведено в пьесе народу, представляемому хором. «Арнольд Брешианский» проникнут героическим пафосом и романтической устремленностью к подвигу. Отпечатанные в 1843 г. в Марселе экземпляры «Арнольда Брешианского» попали вскоре в Италию и тайно распространялись среди патриотов-республиканцев, для которых произведение Никколини стало настольной книгой. На сцене трагедия была поставлена лишь в 1860 г.

В 30—40-е годы в итальянской литературе появляется романтическая сатира, которую представляют два поэта — Джузеппе Белли (1791—1863) и Джузеппе Джусти (1809—1850).

Белли — певец римского простонародья, которому он воздвигнул «монумент» из 2300 сонетов (1830—1849). Поэзия Белли дышит ненавистью к католическому духовенству: в его «Римских сонетах» проходит целая вереница духовных лиц, не исключен даже сам папа римский — Григорий XVI. Антиклерикальные сонеты Белли запрещено было печатать, но они широко распространялись в списках (поэт писал на римском диалекте).

Мастером политической сатиры был Джусти, писавший на тосканском диалекте. В своих язвительных и гротесковых «шутках»,

виртуозно используя народные поговорки и каламбуры, поэт высмеивает «либеральных арлекинов» и увертливых «флюгеров», преуспевающих дельцов и выскочек из вчерашних жуликов, трусливых обывателей, вырождающееся дворянство, бичует низкое раболепство пособников тирании, внутренних врагов единства Италии, обличает завоевателей-иноземцев и их папских прислужников.

В ногу с ширившимся движением Рисорджименто 40—50-х годов шагает гвардия поэтов-гарибальдийцев: Алессандро Поэрио (1802—1848), Гоффредо Мамели (1827—1849), Алеардо Алеарди (1812—1878), Луиджи Меркантини (1821—1872). Поэзия гарибальдийцев отличалась несколько напыщенной декламационностью, но привлекала искренностью и эмоциональностью, романтически приподнятым выражением героизма народных масс, пламенной верой в светлое будущее Италии.

В дни революции 1848 г. звучали патриотические гимны, созданные Поэрио (павшим в битве с австрийцами в 1848 г.) и Мамели (погибшим при обороне Римской республики в 1849 г.).

Участниками похода «тысячи» Гарибальди в 1860 г. были Алеарди (автор поэмы «Семеро солдат»), Меркантини, создавший балладу «Жница из Сапри», явившуюся взволнованным поэтическим откликом на гибель отряда патриотов Карло Пизакане, воинственный «Гимн Гарибальди»[8], патриотические стихотворения «Мать-венецианка», «Невеста моряка с „Палестро“ и др., и Ипполито Ньево (1831—1861).

Падуанец Ньево 17-летним юношей убежал из дома и принял участие в борьбе с австрийцами во время революции 1848 г. Позднее он вступил в общество «Молодая Италия». В 1855 г. появились его первые произведения — книга стихов и роман «Ангел доброты» (о Венеции XVIII в.). В последующие годы Ньево писал патриотические стихи и «Крестьянские новеллы» — за одну из них, в которой сатирически изображена австрийская жандармерия, поэту пришлось предстать перед австрийским судом. В 1859 г., во время войны с австрийцами, Ньево оказался в числе альпийских стрелков Гарибальди. В 1860 г. в Милане вышла книга стихов «Любовь гарибальдийцев», явившаяся поэтическим откликом на участие поэта в походе «тысячи» Гарибальди (после взятия Палермо Ньево получил чин полковника и был назначен вице-интендантом корпуса Гарибальди). Патриотические мотивы звучат и в драмах Ньево «Спартак» и «Капуанцы». Одним из самых выдающихся

[8] О поэзии Меркантини пишет Герцен в «Былом и думах», высоко оценивая его «Гимн Гарибальди». С особой теплотой он отзывается о балладе «Жница из Сапри», приводя текст всего стихотворения в оригинале и прозаический перевод «этих удивительных строк, перешедших в народную легенду». (*А. И. Герцен*. Былое и думы. Л., 1947, стр. 381.)

произведений итальянской литературы эпохи Рисорджименто стал его роман «Исповедь итальянца» («Исповедь восьмидесятилетнего») (1857—1858), запечатлевший хронику общественной жизни Италии от 70-х годов XVIII в. до середины XIX в. и поведавший об истории трех поколений итальянских патриотов. Романтические тенденции сочетаются в «Исповеди итальянца» с реалистически правдивым изображением исторических событий и социального быта Италии того времени. Особое внимание в романе уделено народным массам, в частности, крестьянству.

Проблема социального неравенства, нищета и бесправие крестьянских масс нашли также отражение в литературно-критических и политических статьях Ньево: «Исследование о поэзии народной и гражданской, особенно в Италии», «Венеция и независимость Италии», «Фрагмент о национальной революции».

Участниками революции 1848—1849 гг. и гарибальдийского движения были известные итальянские художники: Доменико Индуно (1815—1878), автор реалистических картин бытового жанра, Доменико Морелли (1826—1901), Джованни Фаттори (1825—1908), Сильвестро Лега (1826—1895), Телемако Синьорини (1835—1901) и др.

Для лучших произведений известного живописца-романтика Д. Морелли (созданных в основном на исторические и литературные сюжеты) характерны жизненность и эмоциональная выразительность образов, мастерство и свобода композиции, красочная палитра (картины «Иконоборцы», «Граф Лара с пажем», «Тассо и Элеонора»).

Группа молодых флорентийских художников (Синьорини, Фаттори, Лега), боровшихся за реалистическое, правдивое искусство, отражающее жизнь народа, представляет так называемое направление «маккьяйоли» (названное так за колорит, основанный на контрастах светлых и темных пятен).

Главой направления «маккьяйоли» был Синьорини, требовавший от искусства созвучия современности. Среди его лучших произведений — реалистические полотна, изображающие военные эпизоды, портреты, картины бытового жанра, пейзажи.

В творчестве другого члена группы «макьяйоли» — Фаттори — значительное место занимают реалистические батальные полотна («После битвы при Мадженте» и др.), сделавшие художника признанным главой итальянских баталистов; жанровые картины, воссоздающие в свободной эскизной манере уличные сценки («Римские извозчики» и др.), острохарактерные портреты, мастерски выполненные офорты.

Лега, друг Мадзини, писал реалистические полотна, посвященные итальянской жизни той эпохи. Они выполнены художником в обобщенной, широкой живописной манере. Одна из лучших работ Лега — картина «Барсальеры, ведущие австрийских пленных», навеянная революционными событиями, в которых непосредственно участвовал сам художник.

*

Самым действенным видом искусства Рисорджименто был театр, потому что в театре непосредственно рождалась революционная атмосфера; обращаясь к зрителям, он словно объединял их в нацию итальянцев, пока политически разъединенных. Не случайно долголетнюю патриотическую демонстрацию итальянского искусства открыли представления трагедий Альфьери. Поэтому так настойчиво обращаются к театру итальянские поэты Монти, братья Пиндемонте [9], Фосколо, Пеллико, Мандзони, Никколини, а композиторы Россини, Беллини, Доницетти, Верди все свое творчество посвящают оперной сцене.

Главной задачей театра * являлось воспитание гражданского самосознания и патриотизма. Его голос был понятнее и ближе неграмотному в огромном большинстве итальянскому населению, чем голос печати и литературы. Несмотря на гонения цензуры, со сцены раздавались призывы к свободе и единству Италии, к борьбе с иностранным угнетением, к подвигу во имя родины. Спектакли часто превращались в революционные манифестации.

Запросам широкого зрителя в эпоху Рисорджименто больше всего отвечал жанр трагедии, так как он особенно подходил для выражения политических идей и гражданских чувств. Собственно, трагедия и определяла лицо итальянского театра XIX в.

Отсутствие единства страны накладывало свой отпечаток и на театральную жизнь, делало ее разобщенной, пестрой.

Первая половина XIX в. была переходной эпохой в истории итальянского театра: актеры в большинстве своем подражали внешним формальным приемам сценического классицизма и утрировали их без соблюдения чувства меры.

Но среди актеров классицистского направления было немало талантов, которые, не нарушая традиционных форм, создавали образы большой эмоциональной силы: Пелегрино Бланес, Антонио Моррокези, Джузеппе Демарини и др.

[9] Джованни (1751—1812) и Ипполито (1753—1828) Пиндемонте — авторы тираноборческих классицистских трагедий «Ипато Орсо» (1797) и «Арминий» (1804).

* Раздел о драматическом театре написан Л. Лебедевой.

Многие актеры улавливали перемену во вкусах зрителей, тягу их к сильным эмоциям, к романтизму. Они стремились приспособиться к новым требованиям, но эта задача была им часто не по силам.

Потребности национально-освободительного движения, а также внутреннее брожение в театре постепенно, изнутри подготавливали почву для реформы в области театра, которая была начата в 40-х годах XIX в. замечательным актером и политическим деятелем Густаво Моденой (1803—1861).

Модена поставил задачу коренным образом преобразовать итальянский театр и сделать его оружием в борьбе за свободу и независимость Италии; создать новый национальный сценический стиль, который соответствовал бы образу мыслей и чувств его современника. По сути дела это была та же задача, которую стремились разрешить итальянские романтики в литературе.

В сложнейшей политической обстановке, несмотря на отсутствие полноценного современного репертуара и гнет цензуры, несмотря на огромные материальные трудности, в борьбе с нищетой, дилетантизмом и рутиной Модена претворял в жизнь свои замыслы.

Патриот, революционер, политический деятель, он в силу конкретных политических условий, когда то и дело приходилось надолго оставлять сцену, сражаться на баррикадах, скрываться от преследования полиции, писать воззвания, произносить речи с трибуны Учредительного собрания, и по складу характера был скорее практиком, чем теоретиком. Призвание театра,— считал он,— способствовать образованию из венецианцев, генуэзцев, римлян, неаполитанцев единого народа — итальянцев. Уже в 1836 г. в программной статье «Театр-воспитатель» Модена писал, что самый большой порок современного театра в том, что он не служит цели формирования народа.

Будучи убежден, подобно Висконти и Мандзони, в том, что характер формируется под влиянием окружающей среды и обстоятельств жизни человека, Модена призывал актеров изучать эпоху, в которую жил тот или иной герой, ее нравы и обычаи. Требование соответствия замыслу автора, по мнению Модены, не противоречило другой, не менее важной и новаторской задаче, которую он поставил перед итальянским актером: быть самостоятельным в интерпретации текста. Именно в этом актер должен был проявить себя мыслителем, гражданином и патриотом.

Первым в итальянском театре Модена отбросил напевную декламацию, до сих пор принятую в трагедии, и вывел на сцену человека без какой-либо театральной условности. Игра Модены была правдивой, простой, естественной и в то же время яркой, полной пластической и живописной красоты. Достичь сценической правды, с точки зрения Модены, актер может путем перевоплощения в образ, созданный драматургом, и при условии непосредственного

переживания роли в момент ее создания. Модена, в противовес поискам театральных эффектов, положил начало в итальянском актерском искусстве объективному изучению психологии персонажа и его существования, представляемого как реальное. Это и был путь к перевоплощению, предложенный им актеру.

Правда, в творчестве (особенно в юности) Модена не всегда следовал своим теоретическим принципам. Иногда, во имя бóльшего патриотического звучания роли, он поступался ими, и его поведение на сцене противоречило логике и не соответствовало сценическим обстоятельствам. И в мировоззрении, и в творчестве Модены было много романтических черт. Но в то же время он сделал большой шаг по пути к новому искусству. Он заложил основы нового национального стиля исполнения трагедии и способствовал становлению реализма в итальянском актерском искусстве XIX в.

Большой заслугой Модены было и то, что он создал актерскую школу и воспитал целую плеяду замечательных актеров, которые развили его идеи и воплотили его теоретическую программу в сценической практике.

Выдающимися представителями школы, созданной Моденой, были итальянские трагики, заслужившие всемирное признание,— Аделаида Ристори, Эрнесто Росси и Томмазо Сальвини. Вслед за Моденой они видели в театре общественную трибуну для воспитания в современниках самого высокого гуманизма, гражданских и патриотических чувств. Каждый из них всегда помнил о высоком назначении актера и в искусстве был прежде всего патриотом и гражданином. Актеры доказали на деле свою преданность родине. Во время революции 1848—1849 гг. и Ристори (ухаживая за ранеными в Риме), и Росси, и Сальвини (сражаясь на баррикадах в Милане и Риме) принимали непосредственное участие в борьбе.

В ранний период творчества основой их репертуара была национальная драматургия: просветительские классицистские трагедии Альфьери, исторические трагедии романтиков (Пеллико, Никколини и др.) и пьесы современных им итальянских авторов.

В пору творческой юности в трагедиях Альфьери, Пеллико, Никколини, Джакометти и других итальянских драматургов актеры выдвигали на первый план звучавшие в то время остро современно тираноборческие свободолюбивые и патриотические идеи. Игре актеров были свойственны общественный пафос, повышенная эмоциональность, стремление приблизить трагедию к современности. Эти черты отличали на первых порах и интерпретацию трагедий Шиллера и Шекспира. В «Марии Стюарт» Шиллера Ристори подчеркивала тему борьбы с деспотизмом, которая как нельзя более отвечала передовым общественным настроениям. Отдельные свободолюбивые реплики Марии — Ристори зрители встречали овациями. В зале слышались призывы к борьбе за свободу.

Обращение к Шекспиру — важнейший рубеж в творчестве трагиков и в истории всего итальянского театра. Шекспир вывел итальянское сценическое искусство из узких национальных границ на европейский и мировой простор. Интерес к Шекспиру объяснялся не только созвучностью его произведений героической и в то же время полной трагизма эпохе, но и тем, что его имя стало знаменем романтического движения. И в том, что в конце 50-х годов трагедии Шекспира заняли ведущее место в репертуаре трагиков, несомненно была большая заслуга итальянских романтиков, сумевших (подобно их европейским единомышленникам в других странах) разбить столь долго существовавшее в Италии предубеждение против творчества великого драматурга. Интерес к Шекспиру был обусловлен, кроме того, и особенностями развития итальянской драматургии.

Актеры ощущали острую потребность в драматургии больших проблем и самобытных характеров.

Стремясь на шекспировском материале раскрыть проблемы своего времени, итальянские трагики вводили английского драматурга в итальянскую культуру и приближали его творения к мировоззрению и вкусам своих современников. Росси и Сальвини интерпретировали трагедии Шекспира соответственно эстетическим тенденциям Рисорджименто.

Сценические редакции «Отелло», «Гамлета», «Макбета», «Короля Лира» Сальвини, Росси и Ристори существенно отличались от английского канонического текста трагедий. В то же время существовало принципиальное сходство в подходе итальянских актеров к трагедиям Шекспира. Все внимание актеры сосредоточивали на образах протагонистов, по сути дела превращая «Отелло», «Гамлета», «Короля Лира», «Макбета» — в монотрагедии. Актеры уловили острую потребность в идеале, который бы вдохновлял современников на борьбу. Вот почему они стремились, с одной стороны, приблизить образы шекспировских героев к современности, а с другой — героизировать их характеры.

Однако в том, как интерпретировали трагики образы шекспировских героев, были и важнейшие различия, обусловленные своеобразием сценических дарований Сальвини, Росси и Ристори. Роли Отелло, Гамлета, леди Макбет в их исполнении получили различное толкование.

Так, для Сальвини, игравшего Отелло, философский смысл трагедии Отелло соединялся с гражданской темой, отражавшей современные общественные настроения. Трагедия обманутого доверия звучала (особенно после поражения революции 1848—1849 гг.) остро современно. И именно эту тему Сальвини выдвигал на первый план. Росси же видел в Отелло прежде всего человека, страдающего от измены любимой женщины. Столь же различна

была интерпретация Росси и Сальвини образа Гамлета. Если Росси создавал полный лиризма и непосредственности образ юного принца, напоминавшего Ромео, то Сальвини играл Гамлета человеком зрелым, с незаурядным умом и сложившимся мировоззрением. Он — в постоянных страстных поисках истины, он стремится побороть в себе сомнения, чтобы исполнить нравственный долг — разоблачить зло, сорвать с него лицемерную маску добродетели. Созданный Ристори образ леди Макбет поражал мощью и глубиной трагизма. Огромная сила воли, всепоглощающее честолюбие, неутолимая жажда власти — такова леди Макбет в ее исполнении.

Созданные в момент необычайного подъема национального духа, в эмоциональном плане герои Сальвини, Росси и Ристори вобрали в себя одухотворенность, страсть, патриотический порыв народа — всю огромную силу революционной стихии Рисорджименто. Сценический стиль актерской игры в трагедии, как и вообще стиль литературы и искусства Рисорджименто, отличался яркостью, страстностью, повышенной эмоциональностью, торжественной приподнятостью и ораторской интонацией, в то же время в нем ощущалось стремление к простоте и жизненной правдивости.

«Я всегда играла драму и трагедию с итальянской горячностью и живостью и всегда стремилась сохранить существенную черту нашего характера — пламенное выражение страстей...», — писала Ристори.

В творчестве частого партнера Ристори Росси ярко проявлялась склонность к лирическим и острохарактерным ролям. Репертуар Росси был значительно более многоликим и разнообразным, чем репертуар Ристори и Сальвини [10]. «Росси, — писал К. С. Станиславский, — не был актером стихийного темперамента, как Сальвини или Мочалов. Это был гениальный мастер... Он был неотразим, но не стихийной силой, а логичностью чувства, последовательностью плана роли, спокойствием его выполнения и уверенностью своего мастерства и воздействия...» [11]

В постоянном гастрольном репертуаре Сальвини в годы творческой зрелости было всего несколько ролей. Основное место занимали в нем трагедии Шекспира. Сальвини намеренно сужал свой диапазон, чтобы всю страсть гражданина, весь огромный трагический талант вложить в диалог с современниками о самых острых нравственных проблемах того времени. Театр был для него местом исповеди перед современниками и трибуной для воспитания в них высокого гуманизма, гражданских и патриотических чувств.

[10] Росси играл таких различных персонажей, как Ромео и Ричард III, Отелло, Гамлет и Людовик XI Делавиня, Иван Грозный («Смерть Ивана Грозного» А. К. Толстого).

[11] *К. С. Станиславский.* Собр. соч. в восьми томах, т. I, стр. 62.

Герой Сальвини — сильный и цельный человек. Он наивен, доверчив, непосредствен, стихиен. Это идеалист, борющийся против лжи и несправедливости. Его судьба, как правило, трагична. Столкнувшись с жестокостью мира, он переживает глубокий духовный кризис. Но герой Сальвини не признает компромиссов. И даже своей смертью он утверждает высокий нравственный закон в жизни. Сальвини, с одной стороны, идеализировал своих героев, а с другой, работая над той или иной ролью, стремился к исторической точности, к созданию правдивых полнокровных сценических образов. Однако актер отказывался от детализации характеров во имя усиления главной темы своего творчества.

Игра Сальвини в пору творческой зрелости была одновременно и подлинно реалистической, и глубоко поэтичной. Это был героический реализм, так и не порвавший генетических связей с романтизмом, овеянный его горячим дыханием, сохранивший его внутренний огонь, который озарял все сценические создания Сальвини.

В конце века, в новой политической обстановке и под влиянием новых эстетических течений, стиль Сальвини заметно изменился в сторону большего «утончения» реализма, большей психологизации сценических образов. Особенно ярко это проявилось в исполнении роли Коррадо в мелодраме П. Джакометти «Гражданская смерть». Э. Золя, видевший актера в этой роли, писал: «Великий талант Сальвини отличается мерой, утонченностью, анализом. У него нет ни одного бесполезного жеста, ни одного детонирующего крика. С первого взгляда он кажется скорее серым, и нужно ждать, чтобы вас захватила эта столь простая, столь научная и столь сильная игра»[12].

В творчестве итальянских трагиков нашло свое отражение само Рисорджименто, героическая и в то же время полная глубокого трагизма эпоха в истории Италии. Но всеми своими корнями связанное с итальянской национальной почвой, искусство Ристори. Росси и Сальвини было близко зрителям многих стран мира. Через национальное — к всечеловеческому — таков был путь великих трагиков, типичный для выдающихся художников мировой культуры.

Исключительная по своему значению роль принадлежит в эпоху Рисорджименто итальянскому оперному театру* «Бедной порабощенной Италии запрещено говорить, и она может лишь музыкой поведать чувства своего сердца»,— писал в 1828 г. Гейне под непосредственным впечатлением от музыки Россини.

[12] *Э. Золя.* Натурализм в театре. Киев, 1907, стр. 106—107.

*Раздел об оперном театре написан С. Грищенко.

Музыкальный театр издавна занимал особое место в культурной жизни Италии. Возникнув в пору, когда разделенная, разорванная на куски страна окончательно попала под чужеземное иго, оперное искусство стало для итальянцев вторым национальным языком.

В течение двух столетий опера сплачивала разобщенных и обездоленных соотечественников, питая и поддерживая в них чувство национальной гордости. Едва ли не в наибольшей мере эта ведущая роль оперы определилась в XIX.

Через весь XIX в. опера проходит как полноправная участница освободительного движения; новая романтическая оперная школа зарождается и складывается как искусство национального возрождения.

В оперном театре уже на рубеже XVIII—XIX вв. подспудно, подчас незаметно, начинают прорастать зерна будущего искусства Рисорджименто. Героическая тенденция, предвещающая наступление революционной эпохи, особенно отчетливо проступает в операх на антично-исторические темы, причем сюжеты из древнеримской истории явно воспринимаются композиторами и либреттистами в сугубо современном аспекте (явление естественное, поскольку история древнего Рима — предыстория Италии). Об этом красноречиво свидетельствуют, к примеру, «римские» оперы Доменико Чимарозы (1749—1801), проникнутые республиканскими идеями: «Юний Брут» (либретто Дж. Пиндемонте), «Аттилий Регул» (либретто П. Метастазио), «Горации и Куриации» (либретто А. Сографи [13]), звучавшие на сценах Венеции, Милана, Болоньи, Палермо в «якобинский период» истории Италии (1796—1799) и в начале нового века (1806—1814). Не случайно Чимароза (прославившийся в XVIII в. как блестящий мастер оперы буффа, создатель такого шедевра этого жанра, как «Тайный брак») в последние годы жизни упорно обращается к героическому жанру, что имеет непосредственное отношение к участию композитора в революционных событиях 1799 г. в Неаполе. Те же патриотические мотивы можно обнаружить и в ряде других «римских» опер начала XIX в.: «Софонисба» В. Федеричи и Ф. Паэра, «Весталка» В. Пучитты, «Херуски» и «Арджене» (по драме В. Монти «Аристодем») С. Майра, «Аттила» Дж. Фаринелли и др.

С карбонарским этапом движения Рисорджименто связана деятельность основоположника итальянского романтического оперного искусства — Джоаккино Россини (1792—1868).

[13] А. Сографи (1779—1818) — итальянский драматург и либреттист, вошел в историю итальянского театра «якобинского» периода как автор пьесы «Демократическая женитьба», выражавшей конкретный политический лозунг социального равенства.

38. Джоаккино Россини

Уже в ранних операх Россини явственно ощущались веяния надвигавшейся героической эпохи: его оперы «Танкред» и «Итальянка в Алжире» в 1813 г. всколыхнули всю страну.

Творческую деятельность Россини отличает неуклонное стремление сохранить и преобразовать итальянские национальные оперные жанры: оперу буффа и оперу сериа. Обе эти линии одинаково важны для его оперной драматургии, определившей эстетику, проблематику и жанровое своеобразие итальянского романтического оперного искусства.

С первых шагов основной чертой комедийной драматургии Россини становится острое чувство современности; смелые находки композитора предвещают иную, романтическую выразительность («Пробный камень», 1812; «Итальянка в Алжире», 1813; «Турок в Италии», 1814). Именно с этой точки зрения «Севильский цирюльник» (1816) — не только непревзойденный шедевр оперы буффа, но и образец нового «романтического» стиля, итог

ранней творческой деятельности Россини, произведение, отразившее реальные социальные отношения, характерные для Италии начала XIX в. Черты романтической эпохи сказываются в «Севильском цирюльнике» и в обрисовке главного героя — Фигаро, предстающего как человек нового склада, нового мироощущения, в котором сразу угадывается итальянец; и в романтизации лирических образов — Розины и Альмавивы; и в по-современному колоритном решении сатирических персонажей — дона Базилио (гротесковое изображение монаха-интригана имело глубокий смысл в обстановке клерикального Рима, где состоялась премьера оперы) и доктора Бартоло; и в стремлении передать местный колорит; и в контрастной динамике и кажущейся импровизационности композиции мастерских ансамблей и финалов — музыкально-драматических кульминаций действия оперы; и в блестящей виртуозности вокальных партий, передающей то «причудливое упоение жизнью» (Гейне), которое так типично для романтического мировосприятия и так своеобразно сочетается у Россини с классически завершенной формой. Неподдельно народная природа россиниевских мелодий здесь выражена в умении создать национальный характер на основе обобщенных интонаций и ритмов современной народной музыкальной речи.

В «полусерьезной» опере «Сорока-воровка» (1817) Россини закладывает основу итальянской социально-психологической оперы-драмы.

С 1816 г. композитор ведет особенно настойчивые поиски в жанре серьезной оперы, стремясь сделать ее созвучной современности и способной воплотить героические и патриотические идеалы. Уже «Танкред» (по одноименной трагедии Вольтера) положил начало реформе оперы сериа. Героика «Танкреда»— первой оперы Рисорджименто — отличалась от опер сериа предшественников Россини демократически окрашенной народно-песенной музыкальной речью.

Новаторские тенденции, способствовавшие формированию самого типа итальянской романтической оперы-драмы, раньше проявляются в лирико-психологических и трагических операх: «Елизавете» (1815), «Отелло» (по трагедии Шекспира, 1816), «Семирамиде» (1823) и др.

На волне нараставшего карбонарского движения возникли «Моисей в Египте» (1818), «Дева озера» (1819, самое «романтическое» создание Россини) и «Магомет II» (1820) — героико-патриотические оперы, получившие накануне революции 1820—1821 гг. сильнейший общественный резонанс [14].

[14] «Моисей в Египте» и «Магомет II», появившись в 1826—1827 гг. на парижской сцене (в новой редакции — под названием «Моисей» и «Осада Ко

Первое представление «Моисея» состоялось в 1818 г. в неаполитанском театре Сан-Карло. Скорбный пафос оперы потряс зрителей: в горестной одиссее библейского народа, стонущего под игом чужеземного рабства, итальянцы узнавали собственную судьбу. А фигура величественного пророка Моисея, борца за счастье своего народа, словно ожившая могучая статуя Микеланджело, воплощала затаенную мечту итальянской молодежи о народном вожде, герое-освободителе. Особенно смело звучала в спектакле молитва из последнего действия (которую весь народ хором повторяет вслед за Моисеем), ставшая молитвой итальянских патриотов. И когда девятью годами позже «Моисея» исполняли в Париже, Бальзаку, слушавшему горячую, страстную молитву Моисея, казалось, что он присутствует «при освобождении Италии».

Опера «Магомет II» была поставлена в театре Сан-Карло в год карбонарской революции в Неаполе. Суровая повесть о народе, борющемся против врагов и погибающем в борьбе, завещая грядущим поколениям стремление к свободе, словно звала повстанцев к бою.

В дни революции Россини вступает в ряды национальной гвардии. Он непосредственно связан с передовыми кругами Италии — не случайно австрийская полиция устанавливает за композитором, «зараженным революционными идеями», строжайший тайный надзор.

После поражения революции 1820—1821 гг. Россини вынужден покинуть родину. Его последняя опера, написанная в Италии, — «Семирамида» — впервые прозвучала в 1823 г. в венецианском театре Ла Фениче. Заложенный в самом сюжете оперы мотив тирании служил в обстановке наступившей реакции явным политическим намеком.

Восстание народа, страстно жаждущего освобождения, буквально «ворвалось» на сцену в последней героико-патриотической опере Россини «Вильгельм Телль». Она прозвучала 3 августа 1829 г. в Париже, в канун Июльской революции 1830 г.

«Вильгельм Телль» (либретто Э. Жуи и И. Би по одноименной трагедии Шиллера) явился как бы итогом всей творческой деятельности Россини, завершив эволюцию серьезной оперы и вобрав в себя те героико-патриотические устремления, которые он выражал с самого начала творчества. В «Вильгельме Телле», вслед за «Моисеем», Россини по-новому разрешает классическую для оперного искусства XVIII в. проблему героя и народа, и решение это, несомненно, было связано с ростом национально-освободительного движения в Италии и других странах Европы.

ринфа»), оказали сильнейшее влияние на развитие европейской героико-романтической драматургии.

Образ народа в опере имеет свою линию развития; судьба его конкретизирована и в отдельных судьбах, и прежде всего в образе самого Телля. Если Моисей является идейным вождем, духовным воспитателем народа, то Вильгельм Телль — первый демократический, народный герой в итальянской оперной литературе. Телль-вождь выступает в кульминационной сцене клятвы на Рютли — героической картине народного восстания. В клятве повстанцев гражданственный пафос оперы достигает наивысшего накала.

Достойную лепту в дело борьбы за освобождение Италии внесли и младшие современники Россини, представители основанной им романтической оперной школы — композиторы Саверио Меркаданте (1795—1870), Виченцо Беллини (1801—1835), Гаэтано Доницетти (1797—1848).

Антитиранические и республиканские мотивы выражены в ряде опер Меркаданте[15], который в 1861 г. сочинил гимн в честь Гарибальди.

Беллини в юности вступил в Неаполе в карбонарскую венту. Свободолюбивые чаяния итальянцев проявились в двух его лучших операх — «Норма» и «Пуритане».

Первая из них была поставлена в миланском театре Ла Скала в 1831 г. — в тот год австрийские войска жестоко расправились с итальянскими патриотами, поднявшими восстания в Модене, Романье, Парме. Скорбный пафос «Нормы», воинственная готовность порабощенного племени друидов восстать против угнетателей вызывали на спектаклях патриотические демонстрации зрителей. Сердцу итальянца была близка непосредственная и задушевная мелодичность, пылкая горячность и драматическая сила музыки Беллини, одухотворенность и трагизм его оперных образов, прежде всего главной героини — Нормы, страстной и глубоко страдающей женщины, жрицы, разжигающей в своих соплеменниках пламя мести и жажду освобождения.

Позднее, во время представления «Нормы» в театре Ла Скала 10 января 1859 г., возник шумный беспорядок. В зале присутствовало много австрийских офицеров. Когда зазвучал хор из последнего акта «Война, война», зрители поднялись с мест и стоя повторяли те же слова во весь голос. Последняя опера Беллини — «Пуритане» — была написана в 1835 г. Ее хор «Звучи труба, и я неустрашимо буду рваться в бой! Прекрасно встретить смерть со словами: „Да здравствует свобода!“» вскоре стал призывным кличем для борцов за независимость Италии.

[15] «Донна Каритеа» (1826), «Франческа да Римини» (1828), «Разбойники» (по Шиллеру, 1836), «Клятва» (1837), «Весталка» (1840), «Горации и Куриации» (1846).

В том же году была создана опера Гаэтано Доницетти «Марино Фальеро», написанная на сюжет тираноборческой трагедии Байрона (отразившей в известной мере судьбы движения карбонариев). Известен такой факт — 7 декабря 1852 г. один из осужденных патриотов в Бельфьоре, ожидая казни, напевал арию из «Марино Фальеро»: «Другие герои будут счастливее нас, но если судьба им будет враждебна, тогда наш пример поможет им достойно умереть!».

Продолжая традиции Россини, Доницетти писал серьезные и комические оперы, идя по пути демократизации и расширения границ оперных жанров. Лучшие комические оперы Доницетти («Любовный напиток», 1832; «Дон Паскуале», 1843) отмечены яркостью народных образов, сверкающей мелодической виртуозностью, реалистической достоверностью сюжетных положений, неистощимой жизнерадостностью и остроумием, глубокой связью с национальными традициями итальянского народного театрального искусства. Его серьезные оперы отличаются жанровым многообразием, мелодическим богатством, драматической выразительностью, контрастностью сильных характеров, в них выражены созвучные духу времени героические и антитиранические мотивы [16].

Романтическая оперная драматургия в произведениях Россини, Беллини, Доницетти предопределила и новый тип оперного спектакля, воспринимавшегося как органически развивающееся целое, в полном слиянии всех его сценических компонентов, и новую исполнительскую манеру, потребовавшую от певцов не только безупречного вокального мастерства и разнообразия тембровых красок, но и пылкой, взволнованной интерпретации, живописной лепки сценических образов.

Новый, романтический стиль представляет целая плеяда крупнейших оперных артистов: певицы — М. Марколини, Г. Джорджи-Ригетти, Р. Моранди, И. Кольбран, Дж. Гризи; певцы — Дж. Давид, Л. Пачини, Л. Дзамбони, Ф. Галли, А. Ноццари, Д. Донцелли, Дж. Б. Рубини, А. Тамбурини и многие другие, получившие в XIX в. мировую известность. Самыми выдающимися певцами-актерами в итальянском оперном театре первой половины XIX в. были Дж. Паста и Л. Лаблаш.

Джудитта Паста (1797—1865) — живое артистическое воплощение эпохи романтизма. Стендаль называл ее «первой трагической актрисой», Стасов — «гениальной итальянкой». Современников поражало искусство перевоплощения, правдивость и искренность

[16] «Анна Болена» (1830), «Лукреция Борджиа» (1833), «Лючия ди Ламмермур» (1835), «Полиевкт» (1839), запрещенный цензурой к постановке в Италии и впервые представленный в Париже в 1840 г. под названием «Мученики», «Катерина Корнаро» (1844).

переживаний Пасты. Ее лучшие роли: пламенный Танкред, проникновенная Дездемона, властолюбивая Елизавета (в россиниевских операх), обаятельная Амина и трагедийная Норма (в операх Беллини «Сомнамбула» и «Норма», написанных для Пасты).

Луиджи Лаблаш (1794—1858) — целая эпоха в истории итальянского оперного театра XIX в. Его могучий талант вобрал в себя все самое значительное из того, что создала итальянская опера за полвека. Гениальный актер, соединивший в своем искусстве виртуозную импровизационность с реалистической правдивостью, Лаблаш создал незабываемые образы разнохарактерных комических типов в классической опере буффа мастеров XVIII в., Моцарта, Россини и Доницетти. Идеалы итальянского Рисорджименто нашли воплощение в целой галерее созданных им образов, в исполнение которых он внес яркий романтический темперамент и страстный пафос патриота: народный герой Вильгельм Телль, шотландский патриот Дуглас («Дева озера» Россини), мятежный дож Марино Фальеро (в одноименной опере Доницетти), предводитель пуритан Уолтон, суровый жрец друидов Оровезо («Пуритане», «Норма» Беллини), старый граф Моор («Разбойники» Верди).

*

Свое кульминационное воплощение итальянское искусство Рисорджименто находит в монументальном, титаническом творчестве Джузеппе Верди (1813—1901).

С 1842 г. по всей Италии зазвучали патриотические и тираноборческие оперы Верди, вызывая бурные отклики, превращая спектакли в политические демонстрации.

Искусство Верди обращено к народу, к массам, и это соответствует тому мощному размаху Рисорджименто, в которое вовлечены сами народные массы. Рисорджименто итальянской нации словно торопит, ускоряет свое время — таков и неукротимый ритм действия вердиевских опер. Рисорджименто стремится к единению всех сил народа — и искусство Верди монолитно, унисонно, оно словно наполнено одним могучим дыханием, в нем преобладают крупные мазки.

Еще в 1836 г. Мадзини в своей «Философии музыки», ставшей романтическим манифестом оперной эстетики Рисорджименто, взволнованно говорил о том огромном воспитательном воздействии, которое музыка должна оказывать на народ, готовящийся к восстанию. Основное внимание Мадзини уделял опере, мечтая о расцвете в Италии подлинной музыкальной драмы, обладающей могучей действенной силой, выражающей помыслы и чувства народа. И Верди в кульминационную фазу итальянского Рисорджименто создает подлинно народный музыкальный театр.

39. Джузеппе Верди

Боевым крещением «маэстро итальянской революции» была опера «Набукко», представленная в 1842 г. в Милане, в театре Ла Скала. Тема «Набукко» — тема Рисорджименто: уже Фосколо и Никколини разрабатывали ее. Библейская легенда о страданиях порабощенного народа — наиболее ясная аллегория с судьбой порабощенной Италии. И Верди прочел ее необычайно современно и страстно.

Следующая опера Верди — «Ломбардцы в первом крестовом походе» — была поставлена в театре Ла Скала в 1843 г. Устремления Рисорджименто были заложены в самом характере изображаемых событий и в том мятежном духе, ощущении перемены, которое наполняло оперу: хор крестоносцев в финале звучал, как боевой клич, призывающий к борьбе за свободу родины. Постановка «Ломбардцев» стала крупным политическим событием. Опера быстро обошла все итальянские театры и еще тесней связала имя композитора с итальянским революционным движением.

В 1844 г. состоялось первое представление оперы «Эрнани» на сюжет Гюго. Зрители, особенно на последующих спектаклях, пели вместе с хором заговорщиков стремительную, огненную, экзальтированную мелодию «Мы братья в эту минуту и клянемся драться, пока бьется сердце».

В том же 1844 г. в римском театре Арджентина была представлена опера «Двое Фоскари». Композитора привлекла сумрачная героика и высокий патриотический пафос трагедии Байрона, рожденной под непосредственным впечатлением разгрома карбонарской революции 1821 г.

1846 год Верди встречает оперой «Аттила». Фраза римского полководца Аэция в дуэте с завоевателем Аттилой: «Возьми себе весь мир, лишь Италию оставь мне» — вызвала страстные воклицания зрителей: «Нам, нам Италию!»

В 1847 г. Верди ставит оперы «Макбет» и «Разбойники», в 1848 г. — «Корсара». В них тоже много политических намеков. Верди даже обвиняют в «злоупотреблении умением вызывать патриотические выступления». И действительно, одно из таких общественных событий произошло во время постановки «Макбета» в Венеции накануне революции 1848 г. Когда прозвучала гневная фраза Макдуфа «Родину предали!», к певцу мощным хором присоединился весь зал. Лишь после вмешательства австрийских солдат была прекращена эта патриотическая манифестация.

Высоко оценил революционную, мобилизующую силу музыки Верди Мадзини, писавший композитору в 1848 г.: «То, что я и Гарибальди делаем в политике, что наш общий друг А. Мандзони делает в поэзии, то Вы делаете в музыке. Теперь Италия как никогда нуждается в Вашей музыке». По просьбе Мадзини Верди сочинил революционный гимн «Звучит труба» на слова Г. Мамели. Компо-

зитор писал 18 октября 1848 г. Мадзини: «Посылаю Вам гимн. Я старался писать настолько доступно и легко, насколько это для меня возможно... Пусть этот гимн под музыку пушек зазвучит как можно скорее в ломбардских равнинах».

А в следующем году сценическая реальность вердиевской оперы «Битва при Леньяно» как бы слилась с исторической действительностью событий Рисорджименто — премьера этого героико-патриотического спектакля состоялась 27 января 1849 г., за две недели до провозглашения Римской республики. В римском театре, украшенном национальными флагами, итальянцы с энтузиазмом встретили победно-ликующий хор из первого действия: «Да здравствует Италия, сильная и единая!» «Битва при Леньяно» поистине стала «opera tribunizia» («оперой трибуны»).

После поражения революции по-прежнему звучит трагически суровая музыка Верди, словно призывая к мужеству борцов Рисорджименто. По всей Италии прошла насыщенная мятежным духом борьбы опера «Трубадур», впервые поставленная в Риме в 1853 г., в угнетающей обстановке политической реакции. Героическая кабалетта Манрико стала одной из самых популярных итальянских революционных песен.

В конце 1855 г. в Парме была поставлена «Сицилийская вечерня», в основу которой лег тот же героический эпизод из истории итальянского народа (восстание сицилийцев), которому посвящена драма Никколини «Джованни да Прочида». Чтобы получить разрешение австрийской цензуры, действие пришлось перенести в Португалию и изменить название оперы («Джованна ди Гуцман»).

Запрещена была цензурой опера «Бал-маскарад», написанная для неаполитанского театра Сан-Карло в 1858 г.: в сюжете (с заговором и убийством короля) усмотрели опасную аналогию с событиями во Франции — 14 января 1858 г. Феличе Орсини совершил покушение на Наполеона III. Ее удалось поставить в 1859 г. в римском театре Аполло, но по требованию цензуры место действия было перенесено из Европы в Северную Америку.

Отзвуками освободительной борьбы, ненавистью к тирании и католической церкви проникнут созданный в 1867 г. «Дон Карлос», поставленный в Италии лишь после завершения ее объединения»[17].

[17] Лирическую тенденцию творчества Верди воплотили оперы, посвященные проблеме социального неравенства, реалистические лирико-психологические драмы: «Луиза Миллер» (1849), «Риголетто» (1851), «Травиата» (1853). Шедевры вердиевского оперного реализма — оперы «Аида», «Отелло», «Фальстаф» (1871, 1887, 1893). Оперный театр Верди выдвинул многих выдающихся певцов-актеров: певицы — Дж. Гризи, Т. Де Джули Борси, Б. и К. Маркизио, А. Патти, М. Пикколомини, Э. Фреццолини; певцы: М. Баттистини, А. Котоньи, Дж. Марио, А. Пини-Корси, Дж. Ронкони, Р. Станьо, Ф. Таманьо и другие вокалисты, пользовавшиеся мировой славой.

Таким образом, в оперном творчестве Верди, соединявшем политическую остроту и смелость замыслов с художественным совершенством их воплощения, искусство Рисорджименто находит свое монументальное завершение.

Итальянское искусство эпохи Рисорджименто не только с честью выполнило свое высокое национально-патриотическое назначение, участвуя в том великом историческом процессе, когда, по выражению Антонио Грамши, шло создание «народа-нации», но и составило непреходящую эстетическую ценность, войдя в классическое наследие художественной культуры Италии.

7

КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО ИТАЛИИ ПОСЛЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ (1870—1917 ГГ.)

О НЕКОТОРЫХ ИДЕЙНЫХ ТЕЧЕНИЯХ В ИТАЛЬЯНСКОЙ КУЛЬТУРЕ В 1870—1917 ГГ.

В эпоху борьбы за освобождение и воссоединение Италии в умах многих патриотов созрела и укрепилась идея об особой исторической миссии, которая должна выпасть на долю их страны. Одним из краеугольных камней идеологии Рисорджименто было понятие нации как морального фактора, идея свободного и сознательного содружества людей, связанных традицией, славным прошлым, общей борьбой за национальную независимость, общими верованиями и надеждами. Мадзинисты и гарибальдийцы были идеалистами и верили, что возрожденная и обновленная Италия покажет всем народам мира путь к созданию гуманного, справедливого, прекрасного общества, основанного на разуме и добре. Чрезвычайно сильный национальный миф формировал сознание нескольких поколений и нашел свое отражение в литературе долгого периода борьбы за воссоединение Италии.

Завершение сложного процесса, приведшего страну в 70-х годах прошлого века к воссоединению, совпало с новым брожением идей. Буржуазно-демократическая революция Рисорджименто осталась незавершенной, значительные слои общества были охвачены глубоким разочарованием, и появилось настойчивое желание увидеть свою страну такой, какова она в действительности, без романтической идеализации. Знаменитый критик Франческо де Санктис (1817—1883), участник революции 1848 г. и движения Рисорджименто, говорил, что надо заменить идеальное реальным.

И действительно, в последней трети XIX в. господствующим течением в итальянской философии стал позитивизм, а в литературе возникло мощное реалистическое и демократическое течение — веризм.

Позитивизм, который крупный итальянский мыслитель Антонио Банфи (1887—1957) определил, как философское сознание развивающейся буржуазии, был течением общеевропейской философской мысли и играл различную роль в зависимости от конкретных исторических условий каждой страны. Главное значение его состояло в том, чтс он подтверждал преимущественно «светский» характер итальянской культуры, связывая ее с общеевропейской наукой и общественной мыслью. Это было чрезвычайно важно в традиционно-католической стране. В своей «Истории итальянской философии» Э. Гарэн, ученый, пользующийся европейским признанием, оспаривает упрощенное толкование, согласно которому расцвет позитивизма в Италии в последней трети XIX в. означал просто замену идеалистической философии философией натуралистической. Он считает, что позитивизм как метод познания не выпадает из культурных традиций страны. Гарэн пишет: «Метод позитивизма в области исторических наук означал эрудицию, подчас чрезмерную, но он был полезным и плодотворным образцом строгой точности и ценнейшей дисциплинированности исследований»[1]. Это в равной мере относилось к области естествознания, социологии, права, а также психологии и философии. Позитивистов объединяло глубокое уважение к факту, к документу, к реальности, которую они могли познать путем изучения и исследования.

Крупнейшим представителем итальянского позитивизма был каноник Роберто Ардиго, отказавшийся от сутаны и занявший кафедру философии в Падуанском университете. В своей знаменитой книге «Мораль позитивистов» Ардиго писал, что человек не только может, но и *должен* отстаивать то, что диктует ему разум, а права разума — незыблемы. Таким образом, система ценностей, которую позитивизм предлагал объединенной Италии, имела большое значение уже по одному тому, что противостояла католической доктрине: слепой, нерассуждающей вере противопоставлялось знание. Ардиго оказал значительное влияние на Турати и других представителей «второго поколения» итальянских социалистов (тех, кто пришел на смену членам секций Первого Интернационала).

Турати, как и большинство демократических деятелей его поколения, по своему складу и интеллектуальному формированию был позитивистом и оставался им также тогда, когда стал после-

[1] *Eugenio Garin.* Storia della filosofia italiana, 1966, v. 3, p. 1244.

40. Джованни Верга

дователем научного социализма. Многие интеллигенты того времени прошли именно такой путь и так пришли к социализму. Идеи Ардиго о том, что человек должен отстаивать то, что диктует ему разум, были символом веры многих образованных итальянцев в последней трети XIX в. Для определенной эпохи развития итальянской общественной мысли позитивизм, с его преклонением перед разумом и наукой, с его трезвостью, серьезностью и требовательностью, с его неписаным, но самоочевидным моральным кодексом, означал очень многое. Однако этому заслуживающему уважения философскому течению была свойственна некоторая ограниченность, таившаяся в нем с самого начала и в конце концов приведшая его к состоянию совершенного упадка. Корни зла заключались в том, что законы природы механически переносились на законы общественной жизни. Теория эволюции, теория «автоматически развивающегося прогресса» приводили к застою мысли; призыв к изучению конкретного привел к фетишизации факта, и в конце концов из вселенной почти исчез человек с его волей,

дерзаниями, страстями, исчезло активное начало, исчезла диалектика развития; недаром Тольятти говорил позднее о драме и о «Прокрустовом ложе» итальянского позитивизма.

Если о позитивизме мы говорим, как о мировоззрении, то о веризме (от vero — правдивый) следует говорить, как об эстетическом каноне. Борьба за прогрессивную культуру в Италии всегда представлялась, как борьба за культуру, связанную с народными толщами, с реальной, а не воображаемой действительностью. Именно эти задачи ставили перед собой веристы. Их теоретиком был критик Луиджи Капуана (1839—1915), самым крупным писателем — Джованни Верга (1840—1922), слава которого далеко вышла за границы Италии.

Эстетика веризма зиждилась на трех главных принципах. Первый гласил: основа произведения — «человеческий документ», т. е. вполне достоверный, правдивый, взятый из жизни материал. Второй принцип: «научность искусства». Это означало, что писатель не просто фотографирует жизненные явления — он обязан тщательно изучать и сопоставлять факты и освещать их в строгом соответствии с законами естественной и общественной истории. Третий принцип: употребление писателем языка, точно соответствующего материалу, т. е. не литературной, но разговорной лексики, диалектов. Это называлось регионализмом, областничеством и было естественным в исторически сложившихся условиях Италии.

Верга — один из виднейших представителей веризма — в лучших своих произведениях (и вопреки теоретическим положениям веристской эстетики отнюдь не бесстрастно) писал об обездоленных людях. Он — гуманист и не просто заставляет говорить документы, но выражает свое авторское отношение к персонажам. Видимо, стремление писать правдиво заставило Вергу обратиться к тем социальным слоям, где нет места буржуазной псевдоморали и псевдочувствительности, нет риторики и изощренных психологизмов. И он сумел действительно правдиво описать крестьян, рыбаков, городскую бедноту, людей, обреченных на безрадостную, полную труда и лишений жизнь.

Представляется неоспоримым, что веристская литература, несмотря на некоторые свои пределы, дальше которых она не выходила, была важнейшей вехой в истории итальянской культуры. Благодаря глубокой демократичности и уважению к правде веристы на протяжении нескольких десятилетий всей своей деятельностью способствовали культурному и национальному объединению страны; влияния веристов не избежали даже писатели, избравшие совершенно иные пути.

К сожалению, веризм не встретил должной поддержки и понимания в организованном рабочем движении, которое, впрочем,

в то время и не могло оказывать большого влияния на развитие литературного процесса. Социалистическая партия, организационно оформившаяся в 1892 г., в теоретических и идеологических вопросах не имела достаточно отчетливой линии. Первоначально к партии потянулись многие прогрессивно настроенные интеллигенты, в частности литераторы. Среди писателей, организационно примкнувших к партии, был и пользовавшийся международной известностью Эдмондо де Амичис (1846—1908). Однако социалистические убеждения де Амичиса были расплывчатыми: он был гуманистом и дидактиком, считавшим, что среди бедняков есть множество хороших людей, а богачи, чтобы стать хорошими, должны сблизиться с народом. Де Амичис хотел написать роман о рабочем классе, название романа было многообещающим: «Первое мая». Но после пяти лет работы он порвал рукопись, признав, что не справился с темой.

Увлечение де Амичиса и многих других писателей идеями социализма длилось недолго. В значительной мере в этом повинна социалистическая партия, которая не сумела закрепить свои связи с демократической интеллигенцией и предложить ей убедительную и привлекательную платформу и программу действий. Социалистические журналы, даже такие влиятельные, как «Критика Сочиале», уделяли литературе и искусству мало внимания, и не будет преувеличением сказать, что их позиция в этой области была чисто эмпирической. Филиппо Турати, в молодости сам писавший стихи, связанный с веристами и в сущности пришедший к социализму через литературу, став лидером партии, почти не занимался проблемами культуры. Крупнейший философ-марксист Антонио Лабриола (1843—1904), выдающийся мыслитель и популяризатор научного социализма в Италии, вопросами собственно культуры занимался также мало. В общем итальянским социалистам не удалось выработать теоретических основ материалистической революционной культуры.

Между тем у социалистов был грозный противник в лице католической церкви. Церковники имели колоссальный опыт работы в массах, и они-то отнюдь не недооценивали роли литературы и искусства. Известно, какую упорную борьбу за души народа вели католики, отрицавшие идею классовых боев и противопоставлявшие ей идеалы добра, смирения, покорности. Известный католический писатель Эмилио де Марки (1851—1901), автор многочисленных романов, стихотворений и статей, основал журнал для семейного чтения «Ля буона парола» («Доброе слово»), имевший целью воспитывать трудящихся в духе христианских добродетелей. Журнал этот достиг неслыханного тиража — 600 тыс. экземпляров. Вообще же, стараясь представить себе культурную жизнь в Италии в последней трети XIX в., надо помнить о том, что

в стране в 80-х годах насчитывалось 17 млн. неграмотных и 5 млн. полуграмотных людей. Все они, как выразился один итальянский автор, плотным кольцом окружали островок, где находились художники и писатели. Таким образом, борьба различных направлений, о которой речь пойдет дальше, происходила в рамках буржуазной культуры.

*

В Италии издавна, начиная с XVII и XVIII вв., существовала традиция, в силу которой серьезными культурными центрами были не только университеты, но и влиятельные журналы. Эти журналы играли большую роль в формировании общественного мнения. Назовем один из них: «Плебе» («Народ»), начавший выходить в июле 1868 г. Этот журнал высоко ценил Ф. Энгельс, и действительно, «Плебе» в известной мере можно считать лабораторией, в которой разрабатывались и осваивались методы серьезной общественно-политической деятельности. Именно на страницах «Плебе» молодой Турати полемизировал с Ломброзо, главой «антропологической школы», выдвигавшей тезис о «врожденных свойствах преступника». Турати же хотел перенести этот вопрос из сферы психологии и морали в сферу социальных отношений. В своих заметках «Преступление и социальный вопрос» он писал о необходимости коренного экономического и социального преобразования общества, ибо только это может привести к уничтожению преступности. Работа Турати была серьезной попыткой применить к изучению конкретной и животрепещущей проблемы тот метод социальной критики, который стал впоследствии одним из компонентов итальянской социалистической культуры.

«Критика Сочиале», журнал, созданный Турати и его подругой Анной Кулишовой, уже в последнем десятилетии XIX в. и позднее играл большую роль в развитии итальянской общественной мысли. Он освещал животрепещущие политические и социальные вопросы, волновавшие Италию. Журнал пропагандировал идеи социализма, правда, чем дальше, тем более созвучные реформистским политическим установкам редакторов журнала. Социалистическая и рабочая печать пользовалась значительным влиянием, в ней уделялось известное внимание вопросам литературы и искусства, однако социалисты недооценивали серьезного значения литературы и искусства в подъеме самосознания масс.

В середине 90-х годов в Италии возникло совершенно иное теоретическое и идеологическое течение — итальянский национализм в его отвратительной и низменной форме. Идея особой исторической миссии Италии, утратившая благородный романтический ореол времен Мадзини, приобрела совершенно иной смысл, ничем

LA

PLEBE

Il primo numero del giornale *La Plebe*

fondato da Enrico Bignami in Lodi il 4 luglio 1868

41. Первый номер журнала «La Plebe»

не напоминавший «национальный миф» борцов за Объединение. Лидеры национализма с отвращением относились к самой идее политической демократии; народ был для них «суммой нулей», и они провозгласили принцип господства «высших индивидуумов и высших рас», что предвещало идеологию расизма. К позитивистской философии и веристской эстетике националисты, естественно, относились с непримиримой враждебностью. Однако, прежде чем перейти к журналам, ставшим рупором национализма, упомянем об одном журнале, выходившем в Риме в 1881—1885 гг. и игравшем в то время довольно видную роль.

Этот журнал назывался «Кронака Бизантина» — «Византийская хроника» (слово византийская имеет еще смысл «педантичная»). Его издавал Анджело Соммаруга (1857—1941), человек необычной энергии, привлекший к участию в «Византийской хронике» самых известных писателей.

Самым ярким из сотрудничавших в «Византийской хронике» писателей был Габриэле Д'Аннунцио (1863—1938). Уже в первых сборниках новелл Д'Аннунцио сказалась его склонность к воспеванию жестокости, насилия, уродства — типичные мотивы декадентского искусства.

Д'Аннунцио выдвинулся на авансцену в середине 90-х годов, когда в Италию проникли идеи Ницше. В 1893 г. Д'Аннунцио опубликовал три остро полемические статьи о Золя, в которых провозгласил новый символ веры. Он заявил, что философия позитивизма и эстетика натурализма мертвы, мертва вся культура и все мифы XIX в. Он бросил дерзкий вызов науке, которая, по его утверждению, отняла у людей душевный мир и не сумела сделась их счастливыми. «Мы не хотим больше правды,— восклицал Д'Аннунцио,— дайте нам мечту!» Роман Д'Аннунцио «Девы скал» (1895) — нечто вроде манифеста ницщеанского сверхчеловека в его итальянском варианте. Герой романа Клаудио Кантельмо презирает и плебс и буржуазию. Высшую мысль и высшую силу представляют поэты; их мало, но они владеют словом, и слово — могущественнее научных формул и людских масс. Единственный долг поэтов — защищать Красоту и мечту, живущую в их сердцах. Поэты находятся во вражеском окружении, наступит день, вещает Д'Аннунцио, когда враги попытаются сжечь книги, разбить статуи и разорвать в клочья картины. Долг поэтов — спасать эти вечные ценности «от ярости пьяных рабов».

Роман «Девы скал» печатался в журнале «Конвито» («Пир»), который в 1895 г. основал в Риме Адольфо де Бозис. «Конвито», на страницах которого встретились многие писатели, ранее выступавшие в «Византийской хранике», стал первым официальным органом итальянского декадентства. Тема Красоты, воплощенной в искусстве, повторяется во многих произведениях Д'Аннунцио.

Искусство — выше жизни, и в жертву ему надо приносить все. Этот культ Красоты, это утверждение превосходства искусства над жизнью, соединенное с ненавистью к политической демократии, надо, разумеется, рассматривать в связи с процессами, происходившими в то время не только в итальянской литературе. Начиная с 1885 г. в итальянской прессе регулярно появлялась информация о французском символизме.

Итальянское «новое искусство» имело довольно четкую программу: в нем сочетались эстетизм, национализм и колониализм, и не случайно оно начало свою деятельность с публикации романа Д'Аннуцио, в котором так яростно атаковалась самая идея демократии. Когда началась итало-эфиопская война 1895—1896 гг., «Конвито» восхвалял ее и воспевал, как исторически закономерное и справедливое выступление «латинян» против «варваров». Журнал призывал к борьбе против пацифизма, позитивизма и социализма, а также «буржуазного здравого смысла» во имя пресловутой Красоты и величия Италии.

Платформа «Конвито» в основном совпадала с платформой нового журнала «Марцокко», начавшего выходить в 1896 г. Его основала во Флоренции группа писателей, среди которых был Энрико Коррадини (1865—1931), очень средний литератор, впоследствии ставший главным идеологом итальянского национализма. «Марцокко» (журнал нельзя полностью отождествлять с Коррадини, которого чистая политика увлекала больше, нежели искусство) с самого начала объявил себя «антипозитивистским и антиакадемическим». Он проявлял большой интерес к зарубежным литературным течениям, в частности к иррационализму, довольно плохо, впрочем, усвоенному. Подобно «Конвито», он решительно восставал против любых произведений искусства, в основе которых было нечто находящееся «вне сферы чистой Красоты». Когда Коррадини на страницах «Марцокко» провозгласил, что отныне миф Красоты полностью сливается с националистической идеей, процесс превращения Д'Аннунцио из чистого эстета в певца империализма был уже в разгаре. В его стихах и прозе настойчиво звучали мотивы националистической пропаганды: Италия должна вернуть былую славу древнего Рима и эпохи Ренессанса, а вместе с этим — господство на Адриатике и владения в Северной Африке. В романах Д'Аннунцио, вышедших в конце века, отдельные, подлинно поэтические страницы тонут в напыщенной риторике.

Начиная с этого периода на протяжении нескольких десятилетий творчество Д'Аннунцио оказывало глубокое влияние на многих итальянцев. Этот ницшеанец и эстет был убежденным реакционером и антидемократом. Идеология Д'Аннунцио была почти антитезой (если не отчетливо политической, то во всяком случае

моральной) позитивистской философии и социализму в конце XIX и первом двадцатилетии XX в. Популярность Д'Аннунцио далеко выходила за рамки литературных вкусов: он оказывал сильнейшее влияние на нравы, существовал «даннунцианский стиль» не только в искусстве, но и в жизни.

Программа итальянского национализма была достаточно ясной: усиление власти государства, укрепление престижа монархии и вооруженных сил, борьба не только против социализма, но и против всех форм буржуазной демократии. Коррадини не уставал обвинять стоявшую у власти либеральную буржуазию в ограниченности и трусости, в том, что она ничего не предпринимает для того, чтобы превратить Италию в великую державу, обладающую богатством, колониями, международным престижем, достойную своего великого прошлого. Среди идеологов движения, кроме Д'Аннунцио и Коррадини, были и другие писатели, также испытавшие влияние философии и эстетики Ницше, которого они понимали, как уже сказано, крайне односторонне, усвоив преимущественно лишь то, что отвечало их стремлениям. Так, они восхваляли культ насилия и войны, твердили о морали господ и морали рабов. Они на все лады воспевали Римскую империю, оправдывали колониальные притязания ссылками на походы Сципионов. В конце XIX и начале XX в. эстетические течения, ярко окрашенные националистическим психозом, таили уже в себе зародыши будущей идеологии фашизма. Распространение националистической идеологии не было случайным: наступление эпохи империализма вызвало волну антидемократизма почти во всех странах Западной Европы, и многие представители итальянской интеллигенции, разочаровавшиеся в недавних своих симпатиях к рабочему движению, жадно хватались — в поисках новых ценностей — за каждый последний крик интеллектуальной моды, утверждавшейся в Париже или других столицах.

С конце XIX в. в католическом мире выделились группы, называвшие себя христианско-демократическими. Их идеологом был молодой священник Ромоло Мурри (1870—1944), основавший в 1898 г. журнал «Культура сочиале». Этот журнал с самого начала заявил, что намерен бороться с социализмом и либерализмом, но в то же время он резко осуждал капитализм и писал о необходимости расчистить путь для левой католической программы, для осуществления которой христианские демократы намерены опираться в основном на народные массы. Мурри и его группа оказались слишком левыми для Ватикана, их причислили к «модернистам», которых высшая церковная иерархия считала крайне опасными, и их разгром стал неотвратимым. Грамши видел в модернистах религиозных реформаторов, появившихся в конкретных условиях религиозной жизни в Италии.

Модернизм нельзя рассматривать как стройную и цельную идеологическую систему, так как на взгляды модернистов оказывали влияние и позитивизм, и идеализм, и прагматизм. Важно было, однако, уже одно то, что в начале XX в. в Италии появились люди, решившие развернуть движение за реформу церкви, причем эти люди надеялись встретить поддержку в тех самых католических массах, которые до тех пор пассивно подчинялись духовенству. Книги модернистов попали в индекс запрещенных Ватиканом книг, а сами они подверглись решительному осуждению и наказаниям. «Интегральные» католики (отъявленные клерикалы), пользуясь полицейским режимом, установленным внутри церкви, свирепо расправлялись со своими врагами. Впоследствии Грамши с горечью писал о том, что равнодушие, проявленное крупнейшими светскими философами к этому разгрому, изолировало модернистов в области культуры и облегчило иезуитам победу над ними. Социалисты также отнеслись ко всему этому равнодушно. Надо было обладать большим чутьем, чтобы в то время осознать значение католического модернизма.

Большую роль в итальянской культуре и общественной жизни на протяжении более полувека играл знаменитый философ и мыслитель Бенедетто Кроче (1866—1952). Кроче — фигура чрезвычайно сложная. В 90-х годах, слушая лекции Антонио Лабриолы, он прошел через кратковременное увлечение марксизмом, но марксистом не был никогда, хотя сам заявлял, что одно время был «искренним социалистом». Более того, именно Кроче, не имевший отношения к рабочему движению, стал в конце XIX и начале XX в. одним из духовных лидеров европейского ревизионизма (в частности, он оказал немалое влияние на формирование идеологии главы французского «революционного синдикализма» Жоржа Сореля).

Кроче был неогегельянцем; он и Джованни Джентиле (1875—1944) являлись главными лидерами «неаполитанской школы» неогегельянцев; подобно тому как позитивизм на протяжении нескольких десятилетий выступал как господствующее течение итальянской философской и общественной мысли, неогегельянцы оказывали решающее влияние на мировоззрение очень многих образованных итальянцев и в начале XX в., и позднее, до войны и даже в период фашизма. Однако, за исключением немногих специалистов, почти никто не понял, каким событием в духовной жизни страны явилось опубликование ставшей впоследствии знаменитой книги Кроче «Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика». Позднее, в несколько переработанном виде, эта работа вошла в книгу Кроче «Философия духа». В «Философии духа» (так обозначил Кроче свою систему) в активности этого духа различалось четыре сферы. Первые две — мораль и

экономика — относились к области практики; третья и четвертая — познание и искусство — относились к области теории. Познание могло быть интеллектуальным и интуитивным. Идеальной моделью интуиции (т. е. воображения) Кроче считал «лирическую интуицию», которая выражалась и воплощалась в произведениях искусства. Кроче на протяжении всей своей жизни чрезвычайно много занимался проблемами специфики искусства. Отстаивая его самоцельность как творческого процесса, он в то же время выступал против теории «искусство для искусства» и сурово осудил все декадентское искусство, отчасти даже схематизируя это понятие. Кроче был не только мыслителем, но также литературоведом и литературным критиком, который с присущей ему страстностью боролся как против позитивизма, так и против католических догм, отстаивая гуманистические и светские традиции итальянской культуры. В 1903 г. он начал издавать в Неаполе журнал «Критика». Вначале в нем сотрудничал и Джентиле, но затем Кроче и Джентиле разошлись, и на протяжении почти полувека Кроче (случай, кажется, беспрецедентный) единолично писал в своем журнале, выступая, как критик — militante, т. е. не как бесстрастный и холодный наблюдатель, но как человек, активно отстаивающий свои взгляды и вкусы.

В первом же году существования «Критики» Кроче поместил в ней статью о Д'Аннунцио, где рассматривал его творчество в связи с общим кризисом духовных ценностей Отточенто в Европе. Сравнивая Д'Аннунцио с Бодлером, Верленом, Гюисмансом, Кроче сурово осудил все декадентское искусство, в котором видел «кризис философского идеализма и подлинной религиозности, обусловленный позитивизмом (в мышлении и в «практике» промышленной буржуазии и самого социализма), реакцию, ведущую к эготизму, к стилизации и протокольности, к псевдомистицизму и героизированному национализму» [2].

*

В том же 1903 г., когда начала выходить крочеанская «Критика», во Флоренции были созданы два новых журнала: «Леонардо» (в честь Леонардо да Винчи) и «Реньо» («Государство»); обоим журналам предстояло сыграть довольно видную роль в борьбе идей.

«Реньо», политико-культурный еженедельник, основал Энрико Коррадини для пропаганды идей итальянского национализма. Программная статья Коррадини в первом номере называлась: «Для тех, кто возрождается». В ней энергично и вызывающе излага-

[2] Цит. по кн.: «Il decadentismo», a cura di A. Seroni. Palumbo, 1964, p. 21.

лись взгляды автора: он и его друзья основали журнал для того, чтобы бороться за будущее величие Италии, против всех, кто виновен в ее теперешнем «унизительном» положении. В первую очередь, писал Коррадини, они выступают против «гнусного социализма», который использует «мятущиеся людские толпы и вместо благородных идей разжигает ярость самых низменных инстинктов алчности и разрушения» [3]. Вслед за этим красочно описывались «оргии масс», разрушающих все высокие ценности, и т. д. Одновременно с этими сонмищами «варваров» предавалась анафеме также стоявшая у власти либеральная буржуазия.

Впоследствии именно на страницах «Реньо» начала муссироваться идея, что Италия — «бедная нация», «великая пролетарка», которая должна завоевать себе место под солнцем. О том, кому принадлежало это определение, будет сказано дальше. Роль, которую выполнял журнал «Реньо», вполне ясна, однако расцвет националистической идеологии был еще впереди.

«Леонардо», литературно-философский журнал, созданный писателями Джованни Папини (1881—1956) и Джузеппе Преццолини (1882) в первые месяцы своего существования не имел отчетливой идеологической направленности и его программная декларация носила явно эклектический характер. Однако с самого начала было ясно, что «Леонардо» выступает и против позитивизма, и против того, что называлось «культурными традициями». Молодые писатели, объединившиеся вокруг «Леонардо», в первом же номере журнала, вышедшем в январе 1903 г., изложили свою «Синтетическую программу», уместив ее в 17 строчек. В жизни они «язычники и индивидуалисты», враги плебейской покорности и христианского смирения, в философии они «персоналисты и идеалисты», а в искусстве — сторонники идеального преобразования действительности, «презирающие низшие ее формы» (явная полемика с веризмом). Высший и глубочайший смысл человеческого существования они видят только в Красоте.

Это могло бы показаться равнозначным позиции «Марцокко», но группу «Леонардо» отличало то, что при всем своем эстетизме и тяге «к сфере интуиции и мистики» она все же проявляла самый живой интерес к мысли, к философии, к «игре интеллекта». Кроме того, в отличие от «Марцокко», группа «Леонардо» не стояла на позициях национализма, который представлялся ей «грубым и примитивным». Джованни Папини (под псевдонимом Джан Фалько) в первом же номере «Леонардо» напал на «Марцокко» и лично на Коррадини, издеваясь над пошлостью его риторики, над убожеством аргументов. Мы, писал Джан Фалько,

[3] La cultura italiana del'900 attraverso le riviste, v. I. «Leonardo», «Hermes», «Il Regno». Giulio Einaudi Editore, 1960, p. 441.

также яростные противники буржуазной демократии и идеологии прогресса. «Но вульгарному идеалу жалкого и благополучного человеческого муравейника мы не желаем противопоставлять вашу грубость, вашу двусмысленную мечту о господстве над людьми» [4].

«Леонардо» выдвинул и свою философскую программу. Джузеппе Преццолини написал манифест «Торжествующая жизнь», начинающийся ссылкой на Анри Бергсона. Книга Бергсона «Непосредственные данные сознания», вышедшая во Франции в 1889 г., оказывала большое влияние на умы. Преццолини заявил, что новая философия, ведущая свое начало от Бергсона, принимает различные имена: философия случайности, философия действия, философия свободы: «Она могла бы точно так же, без всякой злонамеренности, быть названной философией декадентов, подобно тому как без излишней похвальбы могла бы называться философией жизни». Преццолини провозгласил задачей журнала «борьбу против грубого материализма», против «философии бедняков», под которой, вполне очевидно, подразумевался социализм.

Вскоре к первоначальному интуитивизму в духе Бергсона прибавились ницшеанство и прагматизм — и получилась совершенно эклектическая позиция. Но прагматизм ненадолго удовлетворил группу «Леонардо». Папини и Преццолини писали: «Мы всегда рассматривали «Леонардо» как средство для того, чтобы оказывать некоторое воздействие на низменные души итальянцев. После пяти лет этих усилий, после того как мы старались при помощи этого журнала и иными путями открыть людей, разбудить и зажечь сердца, найти юношей, которые стали бы нашими товарищами в битвах, а не плохо выдрессированных попугаев, мы убедились, что нет смысла продолжать» [5].

В 1907 г. «Леонардо» прекратил свое существование. При всей пестроте и изменчивости его позиций несомненно, что идеология «Леонардо» носила ярко выраженный классовый характер: не случайно журнал выступал против «философии бедняков». Но в общем «Леонардо» отразил тревогу, неудовлетворенность, ощущение духовного кризиса, жажду какого-то обновления, охватившие в то время значительные слои не только итальянской, но и всей западноевропейской интеллигенции. Все это — смутно, зыбко; многие идеи, пришедшие извне (из Франции, Германии) в интерпретации «Леонардо» приобретали несколько наивный, «облегченный» характер. И все же этот журнал флорентийской богемы был любопытен и играл немаловажную роль в духовной жизни итальянской интеллигенции тех лет.

[4] La cultura italiana del'900 attraverso le riviste, v. I, p. 95.
[5] Ibid., p. 363.

Особо надо остановиться на роли, которую играл Папини, который в отличие от Преццолини, бывшего скорее «организатором культуры», обладал большим и оригинальным талантом. Папини был рафинированным интеллектуалом, для которого жизнь духа или, вернее, авантюры этого духа были несравненно важнее проблем и событий реальной жизни. Он испытывал отвращение к «официальной культуре», судорожно искал свое призвание, его индивидуализм был исступленным, болезненным, высокомерным, циничным.

Он — мастер эпатажа, и зачастую трудно понять, когда он серьезен, а когда издевается над читателями. Составить хотя бы приблизительно идеологическую его биографию очень трудно — в своих увлечениях новыми идеями он всякий раз доходил до крайностей, что, быть может, было искренним, но, возможно, и наигранным. Когда Папини стал националистом и начал тесно сотрудничать с тем самым Коррадини, над которым когда-то так издевался, он договорился до вещей, которых даже Коррадини не придумал, например, что для оздоровления итальянской нации ее надо окунуть в ванну, наполненную горячей черной (африканской) кровью. После этого не удивляет, что позднее Папини примкнет к фашизму, от которого тоже отойдет, пытаясь найти прибежище в религии. В одной из самых знаменитых своих автобиографических книг — «Конченый человек» (1910) — Папини писал о том, как он мечется в поисках духовного спасения. Это спасение он сможет обрести, если помогут, если есть на свете такой человек, «кто уверен, кто знает, кто живет и движется в истинном».

Это в высшей степени характерно для настроения итальянской интеллигенции в первом предвоенном 15-летии XX в., когда так остро ощущался глубокий кризис духовных ценностей Отточенто. Как раз в 1907 г., когда перестал выходить «Леонардо», Кроче в статье о характере итальянской литературы самого последнего времени неожиданно вспомнил о литературе периода 1865—1885 гг. и нашел доброе слово даже для веристов. Правда, он повторил свои обычные обвинения против натуралистической эстетики, но при этом подчеркнул честность и «добрые намерения» веристов. Теперь, заявил Кроче, в искусстве и в философии появились совершенно иные персонажи. И он находит крайне резкие слова для этих персонажей: «У нас нет больше патриотов, веристов, позитивистов. Теперь у нас есть империалисты, мистики, эстеты или как там еще они себя называют, с многочисленными вариациями в названиях. Но у всех них, несмотря на разные имена, из-под различных масок проглядывает одно лицо. Все они — мастера одного и того же искусства: великого искусства пустоты»[6].

[6] Цит. по: «Il decadentismo...» p. 26.

Это — настоящий обвинительный акт. В нем говорится о кризисе итальянской литературы. Впоследствии о кризисе, который переживала в те годы вся итальянская культура, с большой силой скажет Пальмиро Тольятти: «Старые идеологи, характерные для XIX столетия, подвергаются нападкам и рушатся, а все представления об истории нашей страны испытывают глубокие потрясения» [7].

В этой атмосфере кризиса в декабре 1908 г. Преццолини основывает во Флоренции новый еженедельник, посвященный вопросам культуры,—«Воче». Папини также некоторое время играет видную роль в журнале. Платформа, с которой предстал перед читателем «Воче», значительно отличалась от программы «Леонардо». Новый журнал призывал к искренности, широте взглядов, серьезности, писал об «этичности интеллектуальной жизни», проявлял некоторый интерес к социальным вопросам, обещал информировать о лучших произведениях литературы, появляющихся за границей. Идейные позиции журнала, влиятельного и крайне противоречивого, были смутными и эклектическими, к тому же они менялись в зависимости от того, кто руководил «Воче». Сотрудничали в нем люди разной интеллектуальной формации и разных политических взглядов; впоследствии из ряда бывших вочеанцев вышли и фашисты, и антифашисты.

На первой стадии существования «Воче» можно говорить о враждебности к позитивизму и даннунцианизму в литературе, хотя некоторые авторы журнала испытывали в своем творчестве влияние прозы Д' Аннунцио.

Журнал, действительно, широко знакомил итальянских читателей с новинками зарубежной художественной литературы, способствовал развитию художественного вкуса в Италии и в некоторых отношениях играл очень положительную роль. Тяга к обновлению была бесспорной. Но очень скоро верх одержали не люди с серьезными культурными интересами, а Папини и «воинствующие идеалисты». Потеряв то, что было его первоначальной сутью, «Воче» изменил свое лицо, и теперь о нем следует судить как о «литературном эксперименте, в рамках которого стремление к духовному и общественному обновлению постепенно исчезло, уступив место приспособлению к интересам правящих классов» [8].

Среди журналов первого десятилетия XX в. надо упомянуть еще об одном флорентийском журнале — «Гермес», который в 1904 г. начал выпускать Джузеппе Антонио Борджезе (1882—1952), в то время крайне националистически настроенный и счи-

[7] *Пальмиро Тольятти.* Избр. статьи и речи, т. II. М., 1965, стр. 156.

[8] *Giorgio Luti.* Cronache letterarie tra le due guerre. 1920/1940. Editori Laterra, 1966, p. 11.

тавшийся лидером молодых империалистов. В программной статье, открывавшей первый номер журнала, Борджезе писал: «Мы объявляем себя идеалистами в философии, аристократами в искусстве, индивидуалистами в жизни... Скажут, что мы язычники и даннунцианисты. Да, мы любим и восхищаемся Д'Аннунцио больше, чем каким-либо другим современным нашим поэтом, умершим или живым, и от него мы идем в нашем искусстве. Мы — последователи Д'Аннунцио, подобно тому как Д'Аннунцио был последователем Кардуччи, а Кардуччи — последователем Фосколо и Монти»[9].

Журнал очень много занимался проблемами литературы и искусства. Он просуществовал всего два года и, хотя не сыграл особой роли, вписывается в панораму времени. В нем был эклектизм; сам Борджезе находился то под обаянием творчества Д'Аннунцио, то под влиянием Кроче, который так сурово судил о Д'Аннунцио. При всем том он был авторитетным литературным критиком и у него бывали точные и тонкие находки. Так, в 1911 г. в статье, посвященной лирике нескольких поэтов, он впервые употребил термин crepuscolarismo (от слова crepuscolo — «сумерки»). Под этим названием вошло в историю итальянской литературы целое течение в поэзии и драматургии.

Каковы истоки сумеречной поэтики? Известный итальянский критик-марксист Салинари считает, что она в известной мере испытала влияние «Д'Аннунцио в моменты его усталости» и преимущественно неоромантического поэта Джованни Пасколи (1855—1912). О неоромантизме интересно писал известный итальянский философ Антонио Банфи (1886—1957): «Когда на рубеже двух веков буржуазное развитие капитализма привело к возникновению его империалистических форм и все традиционные духовные ценности, которые буржуазное сознание все же сохранило с периода Просвещения, пали, когда интеллектуальное сознание буржуазии увидело, что такое подлинно новая социальная действительность, оно снова стало искать выхода в романтическом эскапизме; перед нами неоромантизм, появляющийся в начале XX века и развивающийся в дальнейшем»[10].

Пасколи в свое время примкнул к социалистическому движению, но это длилось недолго, его социалистические убеждения были расплывчатыми и туманными, да к тому же с сильными националистическими оттенками. О Пасколи мы не раз встречаем упоминания в «Тюремных тетрадях» Грамши, порою очень суровые. Так, Грамши писал, что Пасколи мечтал стать лидером итальянско-

[9] La cultura italiana del' 900 attraverso le riviste, v. I, p. 370.
[10] *А. Банфи.* Избранное. М., 1965, стр. 53.

го народа, но видел стремление новых поколений к социализму, такое же сильное, как сильна была мечта предшествующих поколений к национальному единству. «Поэтому, — замечал Грамши, — его темперамент влечет его к тому, чтобы стать знаменосцем национального социализма, который кажется ему отвечающим требованиям времени. Он — создатель концепции пролетарской нации, а также других концепций, развитых потом Коррадини и националистами синдикалистского толка... Интересно это внутреннее противоречие духа Пасколи: хотел стать эпическим поэтом и народным бардом, в то время как по своему складу был скорее «интимистом». Отсюда также его художественные затруднения, которые проявляются в тяжеловесности, празднословии, риторике, в уродстве многих его произведений, в наигранной наивности, превращающейся в настоящее ребячество» [11]. Эта характеристика чрезвычайно интересна. Поэтика Пасколи основывалась на том, что он воспевал то «вечно детское», что сохраняется в душе каждого человека. Настойчивое обращение к теме детства отвечало какой-то общественной потребности. Детство превращалось в символ мира и невинности, и это импонировало сознанию и чувствам многих людей. Поэтика незначительных, интимных событий и чувств была очень далека от протеста, от настоящей оппозиции по отношению к окружающей действительности. Пасколи был не способен понять человека в том «новом измерении», как это делали большие художники-веристы. Символы, которые любил Пасколи — Поэзия, Страдание, Смерть, Судьба и т. п.,— были внешними и по-своему риторическими; обнаруживалась у него и склонность к морализированию. В самом «мифе детства» многие итальянские критики находят элементы декадентского искусства, потому что этот миф означал бегство от проблем современного мира. Пасколи закрывал глаза на жестокую эксплуатацию, на обезличивание человека в капиталистическом обществе, он был не способен к сопротивлению.

Среди писателей сумеречного направления надо назвать Арденго Соффичи. Одно из его стихотворений некоторые итальянские критики склонны считать чуть ли не манифестом школы. Соффичи, его друг, и подруга-ирония идут по жизни. Они видят людей и предметы удивительно будничные, повседневные: какой-то лысый господин, какие-то парикмахеры, священники, огородники, старушка, няня с ребенком, офицерик с моноклем, кафе, мещанские абажуры, размеренный ритм жизни, мелкие семейные радости. И это все. Неужели все? Такое существование кажется ему бессмысленным. Усталость, пассивность, безверие, отказ от идеалов, ощущение щемящей пустоты. Стихотворение заканчивается тем, что к двум писателям и их подруге-иронии прибавилась еще одна под-

[11] *Antonio Gramsci.* Il risorgimento. Giulio Einaudi Editore, 1966, p. 208.

руга — меланхолия. Она сама взяла их под руку и с ними пройдет через всю жизнь.

Среди «сумеречников» безусловно встречались очень одаренные писатели, лучшие из них испытывали сильное отвращение не только к риторике, но и ко всем громко прокламируемым духовным ценностям того времени. Но характерной особенностью предвоенного 15-летия в Италии была быстрая смена убеждений, поиски, приводившие к удивительным и странным сочетаниям и превращениям. В этом смысле Соффичи — фигура характерная: один из наиболее известных «сумеречников», он потом стал футуристом. И он же в 1912 г. написал роман «Леммонео Борео», где как бы предвосхитил психологию и нравы тех сквадристов, которые через 10 лет будут свирепствовать во время «похода на Рим». В этом романе Соффичи предстает как законченный циник, полный презрения к «добрым чувствам», признающий только коварство и силу как высшие качества людей. Эта мифология силы — еще один вариант ницшеанского сверхчеловека — прямая предтеча фашистской идеологии.

*

В 1910 г., почти накануне войны в Ливии, организационно оформилась националистическая партия. На первом конгрессе националистов Коррадини сделал доклад, в котором заявил, что, подобно тому как социализм разъяснил пролетариату значение классовой борьбы, националисты должны разъяснить итальянцам значение международной борьбы. Классовая сущность национализма, которую впоследствии пытались затушевать разными пышными фразами, совершенно бесстыдно выступала в некоторых высказываниях его идеологов.

С 1 марта 1911 г. националисты располагали еженедельником «Идеа национале», основанным Коррадини и группой его единомышленников. Именно на страницах этого журнала националисты развивали идею существования богатых и бедных наций, наций «капиталистических» и «пролетарских». Они заявляли, что итальянский империализм — это «империализм бедняков». Марксистскому учению о борьбе классов национализм противопоставлял, на что обратил внимание В. И. Ленин, этот свой тезис о «капиталистических» и «пролетарских» нациях. «Итальянский империализм,— писал Ленин,— прозвали «империализмом бедняков» (l'imperialismo della povera gente), имея в виду бедность Италии и отчаянную нищету массы итальянских эмигрантов» [12]. В. И. Ленин упомянул и о Коррадини: «А вождь итальянских националистов, Коррадини, заявлял: „Как социализм был методом освобождения

[12] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 16.

пролетариата от буржуазии, так национализм будет для нас, итальянцев, методом освобождения от французов, немцев, англичан, американцев севера и юга, которые по отношению к нам являются буржуазией"»[13].

Достаточно познакомиться, хотя бы выборочно с тем, что печаталось на страницах журнала «Реньо» и «Идеа национале», чтобы представить себе всю бессодержательность итальянского национализма, бедность идей, напыщенную, помпезную фразеологию, наглые и опасные рассуждения о превосходстве латинского духа, о предназначении Италии, о первенстве, о священных требованиях итальянского империализма.

Говоря о писателях — националистах и империалистах, нельзя опустить имя Альфредо Ориани (1852—1909), он и романист, и политический писатель (романы свои он издавал под псевдонимом). Еще в 1889 г. в одном из романов он дал первые наброски итальянской империалистической доктрины. Для того чтобы создать империю, нужно было, по его утверждению, иметь сильное государство, нужно было, чтобы нации «не мешала» борьба между капиталом и трудом. В соответствии с этими взглядами Ориани резко осуждал социализм и выдвигал идею корпоративного строя. В 80-х и 90-х годах Ориани выпустил несколько романов, в том числе и нашумевших. Один из них — «Разгром» — высоко оценил Кроче. В 1908 г., незадолго до смерти, Ориани написал книгу «Идеальная революция», в которой дал образ человека-вождя ницшеанского типа. Впоследствии, когда Муссолини превратится в дуче, он заявит однажды, имея в виду свое интеллектуальное формирование: «Мы принадлежим к поколению Альфредо Ориани». А Грамши, говоря о книге Ориани «Политическая борьба», замечает, что в этой книге изложена самая популярная из идеологических схем «фетишизированной истории образования итальянского государства». Ориани дал там мифологические фигуры «Федерации», «Единства», «Революции», «Италии» и т. д. Все эти мифологические фигуры выглядят на редкость убого и провинциально, что, впрочем, вполне соответствует риторическому и безвкусному итальянскому национализму. Но за дешевой шелухой образов и стилистических ухищрений стояли вполне реальные интересы определенных слоев итальянской буржуазии, которая жаждала колоний и сверхприбылей и рвалась к завоеванию своего «места под солнцем». В 1914 г. еженедельник «Идеа национале» превратился в ежедневную газету, выходившую под тем же названием; через несколько лет «империализм бедняков» прочно войдет в арсенал фашистской пропаганды, а газета будет переименована в «Трибуну» в 1925 г., когда национализм окончательно сольется с фашизмом.

[13] *В. И. Ленин*. Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 16.

В 1913 г. Папини и Соффичи основали во Флоренции двухнедельный журнал «Лачерба». Первый номер открывался редакционной статьей под шапкой: «На свете не имеет значения ничто, кроме гениальности. Пусть уничтожаются нации, пусть подыхают народы, если это необходимо для того, чтобы жил и побеждал человек-творец». «Лачерба» яростно нападала на «Воче» и с презрением писала о том, что линия «Воче» — это бунт жалких служащих против гениальности. «Лачерба» провозгласила, что новый порядок и новое равновесие в мире смогут установиться лишь после того, как беспорядок станет абсолютным. Подобно Д'Аннунцио, редакторы журнала заявляли, что единственным оправданием существования мира является искусство, призывали к «революционному воспитанию итальянского духа» и выступали против любых традиций в искусстве и культуре.

Вот типичная их тирада: «Цивилизованным, взрослым, старым, моралистам, мудрецам, благоразумным и нормальным мы противопоставляем дикаря, ребенка, преступника, безумца, гения». «Лачерба» довольно быстро сблизилась с футуристами, и в номере от 15 марта лидер футуристов Филиппо Томмазо Маринетти (1876—1944) опубликовал один из своих манифестов.

Маринетти, сын миллионера, эпикуреец, почти постоянно жил в Париже и писал по-французски. Первый написанный им манифест был опубликован в парижской газете «Фигаро» 20 февраля 1909 г.— в нем излагалась теоретическая платформа движения. Манифест состоял из 11 пунктов. Некоторые приводятся здесь в точном переводе, другие — в изложении:

1. «Мы хотим воспеть любовь к опасности, вкус к энергии и отваге». 2. «Смелость, дерзость, мятежность будут существенными элементами нашей поэзии». 3. «До сегодняшнего дня литература воспевала задумчивую неподвижность, экстаз и сон. Мы хотим прославить агрессивное движение, лихорадочную бессоницу, стремительный марш, сальто-мортале, оплеуху и кулак». 4. В этом пункте воспевается скорость и автомобиль как символ новой эпохи. 5. Воспевается человек, сидящий за рулем и тем властвующий над Землей. 6. Поэт должен не щадить себя, весь отдаваясь искусству. 7. «Не существует красоты вне борьбы. Ни одно произведение, не носящее агрессивного характера, не может быть шедевром». 8. Очень пышные рассуждения о том, что Время и Пространство умерли вчера, сейчас наступила эпоха всепоглощающей скорости. 9. «Мы хотим прославить войну — единственную гигиену мира — милитаризм, патриотизм». 10. «Мы хотим разрушить музеи, библиотеки, всевозможные академии». Дальше говорится, что футуристы выступают против морализма, феминизма и пр. 11. Самый длинный пункт, в котором воспеваются людские толпы, «многоцветные и полифонические волны революций в современных столи-

цах», арсеналы, верфи, вокзалы, заводы, пароходы и аэропланы. Все это изложено очень громогласно, эффектно и вызывающе.

Заканчивается манифест заявлением, что самым старшим участникам движения нет еще 30 лет и все они «бросают вызов звездам».

Отвратительно-циничный лозунг футуристов «Война — единственная гигиена мира» не может удивить, поскольку уже встречались другие его вариации в литературе националистов. Социальные корни итальянского футуризма представляются очевидными. Страна переживает период быстрого и интенсивного индустриального развития. Промышленная буржуазия, своекорыстная и агрессивная, претендует на роль класса-гегемона, олицетворяющего общенациональные интересы. Техника, машина превращаются в фетиш, миф, символ. Скорее, скорее, скорее, время не ждет. Италия должна догнать передовые капиталистические страны. XX век имеет свои железные законы — это век стремительных ритмов, гигантских заводов, динамического движения, новой, небывалой эстетики, колониальных завоеваний.

Многие итальянские критики, говоря о литературной преемственности, связывают футуристов с Д'Аннунцио. Но следует подчеркнуть не только несомненную общность (все те же вариации темы сверхчеловека), но и различие. Д'Аннунцио в смысле формы полностью оставался в пределах традиционной поэтики: его Красота, Страсть, Искусство и прочие символы (с заглавной буквы), вся система образов, набор эпитетов, пышность, сладкозвучие, характер его риторики связаны с XIX веком. Эстетика футуристов иная.

Еще в 1905 г. Маринетти основал в Милане журнал «Поэзия», в котором сотрудничали итальянские и французские писатели, в том числе Д'Аннунцио, Жан Кокто и др. В этом же году Маринетти издал свою сатирическую трагедию «Король-Кутеж». Журнал «Поэзия» выходил до того самого 1909 г., когда Маринетти опубликовал манифест в «Фигаро». В 1910 г. в Париже вышел на французском языке роман Маринетти «Мафарка — футурист», одновременно переведенный на итальянский. Это — единственный футуристический роман, известный главным образом потому, что в нем четко отражена политическая программа итальянского футуризма. Футурист Мафарка — мифический вождь, завоеватель: он воюет в Африке (роман вышел как раз накануне Ливийской войны в 1911 г., когда итальянцы захватили турецкие колонии в Киренаике и Триполитании). Убийства, насилия, жестокость, возведенная в высшую доблесть,— все это преподносится автором с глубочайшей уверенностью в своей исторической правоте. Через несколько месяцев после первого манифеста последовал второй, озаглавленный «Убьем лунный свет», затем — «Технический манифест футу-

ристической литературы». В нем Маринетти призывал уничтожить «Я» в литературе, иными словами — всю психологию — и «ненавидеть Разум».

Футуристическое движение в разных странах носило различный характер. В Италии футуристы безоговорочно прославляли капитализм; в капиталистической конкуренции, как и в войне, они видели проявление силы, и Маринетти воспевал ее в стихах. В новой литературе, о которой мечтали футуристы, человек должен был играть совершенно подчиненную роль — не более, чем колесика в гигантском теле обожествленной машины. Футуристы заявляли, что надо отвергнуть старую структуру рассказа, когда, например, человеку, раненному в сражении, отводят преувеличенную роль по сравнению с орудиями разрушения, стратегическими позициями и атмосферными условиями.

Стремясь передать «динамику эпохи», создать ощущение стремительной скорости, в соответствии со своим первым программным манифестом, футуристы объявили «свободу слов», отказались от знаков препинания, начали употреблять глаголы в неопределенном наклонении, называли свой стиль «алогичным».

В сентябре 1914 г. футуристы организовали в Милане первые уличные демонстрации против Австро-Венгрии, за вступление Италии в войну на стороне Антанты. Вся зима 1914/15 г. проходит в лихорадочной интервенционистской пропаганде. К этому времени относится сближение футуристов с Муссолини. Начиная с 1910 г., т. е. примерно через год после появления на общественной сцене, футуризм начал приобретать довольно ярко выраженный политический характер, и в 1913 г. футуристы опубликовали свою политическую программу, несколько смутную, в которой смешивались националистические и анархические идеи. Политическая футуристическая партия была создана позднее.

Расцвет воинствующего национализма, сближение «Лачербы» с футуристами — все это происходит незадолго до начала первой мировой войны. И для того, чтобы подытожить все сказанное и дать общую характеристику атмосферы того времени, приведем цитату из книги Э. Гарэна: «На пороге этого осознания кризиса, этого чувства коренной неполноценности, тотального отрицания, абсолютного отказа было бы нетрудным делом разбирать культурные течения и мировоззрение людей Италии периода, предшествовавшего мировой войне. И это, несомненно, было бы весьма любопытным путешествием в мир любителей авантюры, проповедников риска, в буржуазном духе эстетствующих критиков буржуазного общества, мир переходного этапа от кардуччианской риторики к даннунцианскому декадентству. На этом пути то и дело встречались бы фальсификаторы, симулянты драмы, люди, которых различные оттенки дилетантства приводили на позиции, параллельные позици-

ям академизма худшего толка, что было — простите игру слов — академией антиакадемии. Они были футуристами из-за бессилия играть какую-то роль в настоящем, иррационалистами — по недостатку ума, проповедниками активности — из-за склонности к насилию, любителями авантюры — в силу наивного инфантилизма и т. д. Из их среды выходили критики академической культуры, очутившиеся позже — и без необходимого багажа технической подготовки — на кафедрах, революционеры, превратившиеся затем в консерваторов, анархисты, закончившие свои дни реакционерами,— словом, та толпа любителей риторики, которым сложный и неспокойный исторический период дал полную возможность неприкрытого проявления опасной нерешительности. В области строго философской деятельности они поочередно выступали последователями различных тенденций, готовыми переменить веру в зависимости от превратностей моды, становились идеалистами, экзистенциалистами, персоналистами, материалистами, с блестящей непринужденностью перекочевывая из одного направления в другое, диаметрально противоположное»[14].

Тема «Муссолини» — за пределами этой главы, но ее нельзя не коснуться в одном ракурсе: взаимоотношения будущего «дуче» с теми группами итальянской интеллигенции, о которых шла речь выше. В свое время Муссолини был прилежным читателем «Леонардо», а в «Воче» он сотрудничал, регулярно переписывался с Преццолини и очень прислушивался к его мнениям.

Когда в октябре 1914 г. «Аванти!», официальный орган Социалистической партии, неожиданно для всех опубликовала интервенционистскую статью своего редактора Муссолини, это предвещало разрыв Муссолини с социалистическим движением. И в самом деле, 15 ноября 1914 г. вышел первый номер основанной Муссолини новой газеты — «Пополо д'Италиа», а через 9 дней на собрании миланской секции Социалистической партии Муссолини исключили из ее рядов.

Именно в то время всячески развивалась идея о том, что Италия — бедная, «пролетарская» нация, что, следовательно, война, которую она будет вести против «консервативных держав Центральной Европы», будет революционной войной. И Муссолини стал трубадуром этой идеи.

Когда известие об исключении Муссолини из партии облетело страну, Преццолини и группа его сотрудников из «Воче» послали Муссолини телеграмму: «Социалистическая партия тебя

[14] *Э. Гарэн*. Хроника итальянской философии XX века. М., 1965, стр. 37—38.

изгнала, Италия тебя принимает». Когда же Муссолини основал «Пополо д'Италиа», Преццолини стал одним из ее активнейших сотрудников и политическим корреспондентом в Риме, чем немало гордился. Долгое время Преццолини выступал «с левых позиций», в роли обновителя итальянской культуры и даже играл в псевдосоциализм. Но в 1914 г. журнал«Воче», который первоначально выступал с какими-то, хотя и смутными, требованиями «обновления», и многие группировавшиеся вокруг него писатели приняли на себя тяжелую политическую и моральную ответственность, «умыв руки» и отказавшись занять активную позицию по решающему вопросу о вступлении Италии в войну. Так завершилась парабола «Воче». Этот журнал, при всей его эклектичности, первоначально выдвигал все же в своих программах мысль о необходимости связи литературы с жизнью, культуры с политикой и т. д. О «Воче» и его отдельных сотрудниках в Италии написано много статей и книг. Любопытно в литературном и даже человеческом, психологическом плане следить за судьбами «Воче»: взаимоотношения с «Лачербой», с Кроче, разные позиции Преццолини, яростные нападки на «Воче» Папини и Соффичи, которые вернулись туда, когда ушел Преццолини.

А он ушел в 1914 г., перед самой войной, «подарив» свой журнал Джузеппе де Робертису. 15 декабря 1914 г. выходит первый номер новой серии, так называемого белого (из-за цвета обложки) «Воче», который начинает называться «Воче леттерариа». Новый редактор, де Робертис, и его друг, талантливый молодой критик Ренато Серра, делают последнюю ставку — на литературу. Планы и надежды изменить облик джолиттианской Италии заканчиваются крахом — они думают уже не о жизни, а только о литературе. Да, конечно, они остаются патриотами («Мы работали, работаем и будем работать для блага Италии»,— пишет Серра), но, несмотря на войну и, быть может, даже в особенности из-за войны, все их мысли сосредоточены на искусстве. Именно в нем ищет Серра, разуверившийся во всем, последнее духовное прибежище и спасение. Надо признать, что накануне войны, когда националисты развивают бешеную деятельность и антидемократические силы решительно одерживают верх, слишком многие деятели культуры занимают пассивную и оборонительную позицию.

Правда, все это противоречиво. Де Робертис в программных статьях не только выступает против риторики, он пишет и о том, что хочет созидания; он мысленно обращается к де Санктису, призывает вернуться к лучшим традициям итальянской литературы. Но это повисает в воздухе. Время работает против них. Призывы к серьезной, скромной, вдумчивой литературной работе блекнут, атмосфера в стране становится все более напряженной. Италия вступает в войну. В 1915 г. Серра гибнет на фронте. Кроче считал

его декадентом и причислял к «больным детям века». Он был необычайно талантлив: тонкий литературный критик, человек, обладавший исключительной интуицией, он, может быть, лучше, чем кто-либо другой, сумел выразить драму своего поколения: горечь, душевную боль, чувство тревоги, отрицание всех «официальных духовных ценностей, смутные надежды, которым не суждено было сбыться. После него остался один чрезвычайно выразительный документ: «Разговор писателя со своей совестью».

Тема «Разговора писателя со своей совестью» имеет непреходящее значение, ее можно определить иными словами: это тема добровольно взятых на себя нравственных и гражданских обязательств художника. Пройдут годы войны, кризисные для стольких представителей итальянской интеллигенции. Многие футуристы пойдут добровольцами на фронт. Маринетти будет посылать с фронта очередные свои манифесты. Д'Аннунцио станет летчиком. Но будут и другие писатели, такие, как бывший сотрудник «Воче» и «Лачербы» Пьеро Жайе (1884—1966), автор недооцененной в свое время сатирической эпопеи о Джино Бьянки и о бюрократизме государственной машины, которого тяжкий опыт войны сделает не только моралистом, но и — в будущем — антифашистом.

Приближалось начало новой исторической эпохи, когда судьбы мировой культуры и ответственность художника перед своей совестью и перед людьми приобретали новый смысл, новые измерения: приближался Октябрь 1917 г. и Великая революция в России.

ЛИТЕРАТУРА

Литература Италии 1870—1917 гг. отражает сложные процессы, происходившие в социальной и идеологической жизни. Еще живы традиции романтизма Рисорджименто, складывается новое направление веризм (от слова «vero» — «истинный», «правдивый»), тяготеющее к социальному анализу действительности. В лучших произведениях поздних романтиков и веристов идет формирование реализма, оставшееся недовершенным.

Поздний романтизм имел талантливых приверженцев. Среди них Рафаэлло Джованьоли (1838—1915), гарибальдиец. Лучшее произведение писателя — его исторический роман «Спартак» (1874), рисующий восстание рабов в древнем Риме[15]. Впервые в итальянской литературе Джованьоли изобразил народ не толь-

[15] В России «Спартак» впервые был опубликован в журнале «Дело» в 1880 г. и неоднократно издавался в последующие годы. С 1918 г. «Спартак» был издан в СССР более 34 раз на 11 языках.

ко носителем справедливости и гуманности, но и как грозную, наступательную силу. Романтическим дыханием овеян образ вождя восставших Спартака, в котором писатель воплотил этический идеал эпохи Рисорджименто. Воинская доблесть, государственный ум, самоотверженность характеризуют Спартака-вождя. В герое Джованьоли обнаруживаются черты национального героя Италии Джузеппе Гарибальди, который в глазах писателя был достойнейшей фигурой в истории.

Традиции Рисорджименто заметны в творчестве Джозуэ Кардуччи (1835—1907), поэта, близкого к романтизму. Кардуччи в молодости также был гарибальдийцем, в 1870 г. он примкнул к рабочему движению и вошел в итальянскую секцию I Интернационала. Поэзия Кардуччи 70-х годов — гражданственная и патриотическая, ее сквозная тема — революционное освобождение страны [16]. Он славит Рисорджименто и его героев. Но в стихах поэта звучит и горечь от сознания незавершенности победы. Образ Италии дается в плане романтического гротеска: торжествующая и побежденная, отчизна героев и гениальных мыслителей попала под власть ничтожных пигмеев, беззастенчиво грабящих ее.

О родина великих и могучих,
Каков удел твой?—

тревожно вопрошает Кардуччи, исполненный гнева и боли. Поэзия гарибальдийца требовательна в своих вопросах, обращенных к Италии настоящего и будущего.

Какую мысль ты миру подарила,
Италия? На лбу твоем прекрасном
О будущем каком гласит сиянье?
Слова, всегда исполненные пыла,
И мелочь дел!

В лирике 80—90-х годов Кардуччи несколько отходит от гражданской тематики. Он обращается к интимной лирике, философским и историческим темам [17]. Поэта привлекают эпизоды освободительной войны в Италии, возникает тема Великой Французской революции, которой Кардуччи посвящает свою поэму, собранную из сонетов,— «Ça ira».

Современниками Кардуччи были миланские поэты, называвшие себя «растрепанными романтиками». Бунтарство в их поэзии

[16] («К провозглашению королевства Италии», «После Аспромонте», «Джузеппе Мадзини», «К Джузеппе Гарибальди», «На перенесение останков Уго Фосколо в Санта-Кроче» и др.).

[17] «Данте», «Мартин Лютер», «На полях Маренго», «Перед старой крепостью Вероны», «Битва при Леньяно».

сочеталось с мрачными настроениями; «растрепанные» в известной мере перекликались с Бодлером. Выдающимся поэтом среди них был Арриго Бойто, который известен и как композитор. Ему принадлежит опера «Мефистофель», уникальная в истории итальянского искусства опера философского характера. Поэтический текст написан Арриго Бойто по «Фаусту» Гёте, который он интерпретировал своеобразно, сделав главным героем духа зла и разрушения.

В искусстве Италии XIX в. на всем его протяжении тесно переплетаются судьбы литературы и музыки, музыкального театра. В опере, как и в литературе, рождается в конце века новое направление — веризм. Основная заслуга веристов в том, что они повернули литературу к социальным проблемам.

Теоретиком веризма являлся критик Луиджи Капуана (1839—1915). В своих «Очерках современной литературы» (1882) он изложил основы веристской эстетики. Прекрасным он объявил то, что правдиво, поэтому прекрасно в искусстве и литературе то, что в действительности безобразно. Он требовал от литературы «фактов», литературное произведение должно быть «человеческим документом». Капуана настаивал на необходимости показать в произведениях искусства нищету и отсталость, социальные язвы общества.

Веризм быстро сделался ведущим прогрессивным направлением в литературе, повел за собой всех одаренных писателей. Вслед за новеллами Капуаны («Крестьянки») и Верги последовали романы де Роберто, новеллы и очерки Матильды Серао («Чрево Неаполя»). За нею выступила писательница Грация Деледда. Влияние веризма определило демократическое звучание произведений Де Амичиса (1846—1908), чья детская повесть «Сердце» (в русском переводе — «Записки школьника») получила широкую известность, а также повесть «Учительница рабочих», которую по-своему инсценировал В. Маяковский в «Барышне и хулигане». Близок к литературе веризма и Карло Коллоди, автор всемирно известной книжки «Приключения Пиноккьо, или история деревянной куклы» (эта книга также имела интересную судьбу в нашей литературе: ее сюжет использовал А. Н. Толстой в своих «Приключениях Буратино»). К веристам примыкали и драматург Джузеппе Джакоза и поэтесса Ада Негри, позднее сильно от него отдалившаяся. Школу веризма прошел Луиджи Пиранделло, один из крупнейших писателей Италии.

Джованни Верга (1840—1922) родился и вырос в Сицилии, был свидетелем побед Гарибальди и страстным гарибальдийцем в душе. Первое литературное произведение Верги, исторический роман «Карбонарии в горах» (1861), посвящено национально-освободительному движению. Верга как писатель сложился в 80-е

годы, когда он смог сказать свое слово в литературе. Эти годы стали кульминацией всей его жизненной деятельности. Выходят его новеллы: сборник «Жизнь полей» (1880), «Сельские новеллы» (1883), «Бродячая жизнь» (1887), романы «Семья Малаволья» (1881) и «Мастро Дон Джезуальдо» (1887), ставятся драмы, написанные по сюжетам его новелл, в 1884 г. с успехом идет на драматической сцене его «Сельская честь»; положенная в 1889 г. на музыку Пьетро Масканьи, она завоевала и оперную сцену.

В новеллах Верга рисует отсталую, полупатриархальную деревню Сицилии в период ее первого столкновения с буржуазным прогрессом. Люди деревни изнывают под двойным гнетом: феодального произвола и беспощадной в своем цинизме власти денег, этого первого дара буржуазной цивилизации. Вековые предрассудки, дикость, невежество, царящие в южной деревне, усугубляют и без того отчаянное положение крестьянина, делая его почти трагическим. Писатель правдиво фиксирует крутой поворот в национальной истории: от полупатриархальной старины к капитализму, к антигуманности буржуазного порядка. Антибуржуазная тенденция характерна для лучших новелл Верги: «Недда», «Рыжий» «Иели-пастух», «Волчица», «Сельская честь», «Свобода», «Черный хлеб» и др.

Верга наделяет своих героев-крестьян огромной нравственной силой, идущей к ним от земли, от природы, подчеркивает высокое чувство достоинства у крестьянина, что и определяет трагический конфликт между героем и социальной средой. И художественный образ Верга строит на противопоставлении сильных страстей героя убожеству окружающего его быта.

Писатель-верист делает крестьянина непокорным человеком, носителем сильных страстей. Верга не видел перспективы в крестьянском движении, но сочувствовал гневу крестьян, доведенных нуждой до отчаяния. В поздних новеллах Верга обратился к сатире, создав образы деревенских богачей («Влюбленные», «Добро»), священников («Его преподобие», «История осла святого Иосифа»).

Художественное своеобразие новеллы Верги составляет бытовизм. Писатель-верист уделяет большое внимание внешней стороне жизни героев, имущественному их состоянию. Быт и нравы деревни предстают в новелах Верги во всем их красочном разнообразии.

В романах Верга дает широкую панораму общественной жизни. Но и здесь превалирует крестьянская тема («Семья Малаволья»). Верга взял одно из главных звеньев социальной жизни Италии: проследил изменения в деревне, процесс разложения патриархальных нравов, выделения из среды деревенских богачей, новой буржуазии.

В романе «Семья Малаволья» Верга обращается к жанру романа — семейной хроники, рассказывая о трех поколениях одной крестьянской семьи. Действие развертывается в рыбацком поселке, где жизнь веками определялась борьбой с капризами суровой стихии. Буржуазная цивилизация обернулась для семьи крестьян разорением и гибелью, деньги оказались силой куда более зловещей, чем стихия, к которой рыбаки уже притерпелись.

Роман «Мастро Дон Джезуальдо» (1887) отличается социальной и исторической конкретностью. Его действие развертывается в период Рисорджименто: в начале романа упоминается корбонарское восстание 1820 г., в конце — революционные бури 1848 г. Однако не национально-освободительное движение с его героикой ставится в центр, стержень сюжета романа — внутренние социальные процессы в Италии этих лет, рождение и формирование нового класса, буржуазии.

Верга раскрывает в романе трагедию итальянской буржуазии, предавшей интересы народа и обреченной на бесплодную затрату энергии во имя ложных ценностей. Верга показывает антинародную сущность буржуазного прогресса. В романе отразилась известная растерянность писателя, не умеющего предсказать перспективы подлинного исторического прогресса. Он выступил только обвинителем, дав объективный анализ современной общественной жизни. Верга был объективен даже тогда, когда рисовал карикатурные фигуры выродившихся аристократов, нищих донов: это была непреувеличенная правда. Народ, бунтующий, требовательный, он показал в этом произведении лишь как фон. Единственная героиня из народа — женщина, воплощающая высокие моральные качества: верность и трудолюбие.

Роман «Мастро Дон Джезуальдо» не целиком принадлежит веризму, в нем Верга поднимается до критического реализма по глубине социального анализа и обрисовке характеров. Этот роман один из лучших в литературе Италии. В нелегком и непрямом пути развития итальянского реализма Верга сыграл свою роль. Дальнейшие поиски реализма продолжает Луиджи Пиранделло (1867—1936), большой и сложный писатель, чье творчество не укладывается в одно литературное направление.

Пиранделло начал как верист, новеллы он писал под несомненным влиянием Верги, которого считал своим учителем. В новеллах 90-х и 900-х годов Пиранделло близок к традиции веристов, его герои — маленькие люди, но, в отличие от своего предшественника, Пиранделло чаще всего рисует человека города. Тут и вчерашняя крестьянка, пришедшая в город с ребенком на руках без гроша в кармане («Веер»), и бедный фонарщик («Некоторые обязательства»), белошвейка-горбунья без какой-нибудь надежды на счастливый случай («Три мысли горбуньи»), мелкий чиновник («Все, как

у порядочных людей»), служитель конторы («Свисток поезда») и др. Пиранделло выбирает героев и среди интеллигенции — в его новеллах появляются учительницы, профессора, художники, студенты. Они тоже унижены в мире, где властвуют деньги. Буржуазный город в новеллах Пиранделло — хорошо сконструированная машина, где человек не более, чем винтик, и должен выполнять волю машины, желает он того или нет. Новеллист не говорит о тех, кто пускает в ход жестокую машину, он пишет о жертвах.

Отличительная художественная особенность новелл Пиранделло — психологичность, внимание к внутреннему миру героя. Герои новелл Пиранделло — люди с высокими этическими запросами, они страдают не столько от бедности, сколько от унижения, от пошлости окружающего мира. Чем внутренне красивее человек, тем труднее ему приходится, душевное благородство и благополучие в буржуазном мире несовместимы. Однако человек бессилен изменить что-либо в устройстве жестокой машины.

Романы Пиранделло не равноценны. Один из лучших — «Покойный Маттиа Паскаль» (1904) (в русском переводе «Дважды умерший»). Герой романа — бедный чиновник, душевно ранимый и беспомощный. Сюжетно и тематически роман Пиранделло перекликается с драмой Л. Толстого «Живой труп».

В поздний период творчество Пиранделло окрашено в глубоко пессимистические тона, кризисные настроения отражаются в драматургии Пиранделло, где лейтмотивом становится тема маски и лица, противоречия между видимостью и сущностью. Сборник своих пьес драматург назвал «Обнаженные маски» (1919—1922), и в лучших пьесах он действительно обнажал явления, сбрасывал маски, прикрывающие страдания и боль. К интереснейшим драмам его относятся «Право для других» (1915), «Лиола» (1916), «Наслаждение в добродетели» (1917). Пиранделло не оборвал нити, связующие его с реализмом. Его драмы будили мысль, разоблачали благополучную видимость. Недаром Грамши назвал драмы Пиранделло ручными гранатами, которые производят взрыв в сознании и крушение пошлых чувств и мыслей [18].

Иной характер носило творчество Габриэле Д'Аннунцио (1863—1938), виднейшего представителя итальянского декаданса и одного из самых последовательных декадентов в мировой литературе. Д'Аннунцио в юности писал стихи в духе Кардуччи, потом новеллы в манере веристов. Он легко воспринимал чужие воздействия, подражал Мопассану, затем Достоевскому. Это опреде-

[18] О творчестве Пиранделло в последующий период, см. 3-й том «Истории Италии».

лило эклектичность художественной манеры Д'Аннунцио, так и не выработавшего своего индивидуального художественного стиля.

Философия Ницше стала для Д'Аннунцио религией в 90-е годы, он остался верен ей до конца жизни. Он вводил ее в романы, добросовестно пропагандируя идею «сверхчеловека», обуреваемого разными утонченно-извращенными страстями, и прежде всего жаждой власти. Писатель-декадент искал своего героя среди аристократов. В его романе «Триумф Смерти» молодой чахоточный аристократ Джорджо убивает возлюбленную исключительно ради высшего ощущения любовного восторга. Он умирает и сам — торжествует идея смерти. Тема сверхчеловека лежит в основе и романа «Девы скал» (1895), но здесь она повернута другой стороной — юный аристократ озабочен мыслью о наследственности и выбирает себе невесту, достойную стать матерью сверхчеловека.

Темы смерти, героя-сверхчеловека присутствуют и в его драмах «крови и сладострастия»: «Мертвый город» (1898), «Слава» (1899), «Джоконда» (1899), «Франческа да Римини» (1902), «Больше, чем любовь» (1908).

Драмы Д'Аннунцио поэтизировали жестокость и звериные инстинкты. Человек, способный совершить убийство и не ощутить укоров совести, мог, по утверждению Д'Аннунцио, считать себя сверхчеловеком.

Драматург-декадент окружил поэтическим ореолом колонизаторские устремления империалистов, дал символическое отпущение грехов новым крестоносцам, готовым отправиться грабить чужие земли. В драме «Больше, чем любовь» герой по имени Каррадо убил и ограбил родственника «ради великой цели»; ему нужны были деньги, чтобы отправиться в Африку, «к неведомым берегам». Произведения Д'Аннунцио стали предвестниками фашистской идеологии с ее культом жестокости и милитаризма.

В годы, предшествующие первой мировой войне, декаданс имел немало сторонников: поэт-символист Джованни Пасколи, прозаик Альфредо Ориани, Джованни Папини. Выразителем идей империализма был и футурист Филиппо Маринетти. Первое десятилетие ознаменовано фронтальным наступлением декадентской литературы воинствующе антигуманного характера.

Самым выдающимся итальянским критиком XIX в. был Франческо де Санктис (1817—1883)[19]. Он сочетал активную политическую деятельность с преподаванием и в 1871 г. возглавил кафедру итальянской литературы в Неаполитанском университете. В 60—70-е годы были опубликованы его крупнейшие литературные исследования: «Критические очерки» (1866), «Новые критические очерки» (1872), «История итальянской литературы» (1870—

[19] Раздел о Ф. де Санктисе написан *Л. Лебедевой.*

1872)[20], которая до сих пор продолжает занимать одно из самых почетных мест в итальянской литературной историографии.

Де Санктис углубленно разрабатывал проблемы романтического мировоззрения. Он считал необходимым изучать литературу во всех ее связях с политическими, общественными, культурными, нравственными и религиозными тенденциями соответствующей эпохи; интересовался народным творчеством, высоко ценил его реализм и поэтичность. Де Санктис умел тонко чувствовать и передавать своеобразие художественного произведения. Его критические характеристики отличались удивительной точностью. Талант писателя де Санктис рассматривал в процессе его формирования и развития. Он указывал на вклад писателя в литературу и в то же время отмечал его связь с национальными традициями, прослеживая генетические и исторические корни его творчества.

«История итальянской литературы» представляла собой настоящее исследование духовной жизни Италии. Большое место в «Истории итальянской литературы» занимает драматургия. Де Санктис выступает против классицизма в драме и театре.

В его критике, наряду с многими романтическими чертами, были сильны и реалистические тенденции, в значительной мере определявшие его вкусы и критические оценки. На «Истории итальянской литературы» де Санктиса училось не одно поколение историков литературы и искусства и критиков.

Подобно многим передовым деятелям итальянской культуры эпохи Рисорджименто, Франческо де Санктис принимал серьезное участие в национально-освободительном движении и политической жизни страны[21].

ТЕАТР*

Для общественной атмосферы 70-х годов XIX в. характерно разочарование в результатах Рисорджименто. Эти настроения оказали влияние и на идейную направленность актерского искусства.

Выдающиеся итальянские актеры того времени — Элеонора Дузе, Эрмете Цаккони, Эрмете Новелли, Джованни Грассо, Антонио Петито, Эдоардо Ферравилла — каждый по-своему, в соот-

[20] *F. De Sanctis.* Saggi critici (1866); Nuovi saggi critici (1872); Storia della letteratura italiana (1870—1872).

[21] В 1848 г., после поражения Неаполитанской революции, он был арестован и несколько лет провел в заключении. В 1860 г., после победы Гарибальди, де Санктис стал министром народного образования, а затем — депутатом итальянского парламента.

* Раздел о драматическом литературном и диалектальном театре написан *Л. Лебедевой*

ветствии с характером дарования, рассказывали о судьбе «маленького человека» в буржуазном обществе, выражали в творчестве протест против общественной несправедливости, против жестокости и цинизма буржуазной морали.

Глубокие перемены произошли и в сценическом стиле. Как и в других европейских странах в конце века, в Италии шел процесс все большего «утончения» реализма, все большей психологизации искусства. На смену «колоритному реализму» А. Ристори пришел «психологический реализм» Э. Дузе. Этому служили драмы Ибсена, Л. Толстого, Тургенева, современная итальянская и французская буржуазная драма. Классический репертуар (Шекспир, Альфьери, Гольдони) отошел на второй план.

Творчество ряда художников подверглось влиянию натурализма и декадентства.

Самое выдающееся явление в театральной жизни Италии конца XIX в. — творчество Элеоноры Дузе (1858—1924).

Женщина с проницательным, живым умом, богатым духовным миром, Дузе была актрисой глубоко современной, и это свойство ее таланта немало способствовало беспримерной популярности и успеху актрисы на сценах многих стран мира. Излюбленный сценический тип Дузе — лишенная какого бы то ни было героизма женщина, страдающая от окружающей ее пошлости, от жестокости, ханжества и цинизма буржуазной морали. Свою тему актриса выдвигала на первый план во всех ролях. Она не идеализировала и не разоблачала своих героинь, а стремилась предельно правдиво показать в каждой роли человека, каков он есть, особенные черты его психологии, сложность внутреннего мира, взаимоотношения с окружающими, его место в обществе.

Трагедия ее героини была будничной, она происходила в обычной, повседневной обстановке, «от этого стула до этого шкафа», как говорит Магда в «Родине» Г. Зудермана. Такой подход к роли соответствовал новым представлениям о правдивом изображении человека в литературе и искусстве.

В выборе репертуара Дузе руководствовалась стремлением поставить в творчестве «больные» вопросы современности (как она их понимала) и близостью роли ее человеческой индивидуальности. Поэтому ведущее место в репертуаре Дузе заняла итальянская и переводная современная буржуазная драма. Дузе сыграла 20 ролей в пьесах А. Дюма-сына, Ожье, В. Сарду, А. Пинеро, Г. Зудермана и др. Понимая истинную цену этих пьес, Дузе часто использовала их лишь как либретто, углубляя образы, намеченные авторами. Обычный адюльтер в ее исполнении превращался в глубокую психологическую драму. Так было, например, с лучшей и самой знаменитой ее ролью — Маргаритой Готье в «Даме с камелиями» А. Дюма; Дузе создавала образ любящей,

поруганной во всем, что ей дорого, женщины, рассказывала о «человеческой душе, истерзанной во имя буржуазной чести»[22].

Играя Магду в «Родине» Г. Зудермана, Дузе от имени современной женщины протестовала против того идеала семьи, который требовал, чтобы она принесла ему в жертву всю жизнь.

Дузе — первая среди итальянских актеров начала играть в драмах Ибсена. «Я люблю Ибсена бесконечно»,— писала она. Из ролей Дузе в пьесах Ибсена наиболее законченным и соответствовавшим замыслу автора был образ Норы. Непримиримая, полная страсти борьба против лжи и фальши в отношениях между людьми, борьба за человеческое достоинство женщины — эти мысли Ибсена были очень близки всему направлению творчества Дузе. Нора—Дузе (в отличие от многих прославленных исполнительниц этой роли, обычно игравших Нору женственной кокетливой мещаночкой) — глубокий и сильный человек. Она бескорыстна, горда, способна на самопожертвование. Актриса глубоко современная, Дузе играла мало ролей классического репертуара. В юности это были Джульетта, Офелия и Дездемона в трагедиях Шекспира. В зрелые годы (помимо Клеопатры)— только Памела Гольдони и Мирандолина в его комедии «Трактирщица». В исполнении роли Клеопатры Дузе выдвигает на первый план не царское происхождение, а ее удивительный, полный неожиданностей характер и страстную любовь к Антонию.

Единственной комедийной ролью в обширном репертуаре актрисы была Мирандолина («Трактирщица» Гольдони). В образе умной, плутоватой, бойкой на язык Мирандолины Дузе показывала цельность характера, душевное здоровье, жизнерадостность и неистощимый юмор девушки из народа. Этот образ был глубоко демократичен и полон социальной значимости.

В 90-е годы на творчестве Дузе начало сказываться влияние модернизма и декадентства. В стремлении найти выход из тупика, в котором находился современный ей буржуазный театр, в неутомимых исканиях нового слова в искусстве Дузе увлекалась то возрождением античной трагедии, то символами Метерлинка, то насквозь искусственной и фальшивой драматургией Д'Аннунцио, то стилизаторством Гордона Крэга.

Неудовлетворенность собой, разочарование в современном буржуазном театре и драматургии, личные тяжелые переживания привели Дузе к духовному и творческому кризису. В 1900 г. она решила оставить сцену. Спустя 12 лет нужда заставила Дузе снова вернуться в театр. Ее лучшие роли в этот период — Фру Альвинг («Привидения»), Эллида («Женщина с моря») Ибсена. Дузе совершила турне по Италии, и спектакли превратились в триумфальное чествование актрисы.

[22] *А. И. Урусов.* Статьи о театре, 1907, т. II, стр. 22.

В 1922 г. пришедший к власти Муссолини предложил Дузе возглавить фашистский театр. Дузе отказалась и заключила контракт на гастроли в Америке, во время которых в 1924 г. она и умерла.

Все образы, созданные Дузе, были окрашены особым колоритом: их пронизывала преследовавшая ее тоска и неудовлетворенность, в них были задушевность, лиризм и необыкновенная женственность. Несмотря на влияние модных течений, творчество Дузе осталось в своей основе глубоко реалистическим и верным в национальной театральной традиции. Дузе поднимала итальянское актерское искусство на новую ступень сценического реализма.

Частым партнером Дузе был Эрмете Цаккони (1857—1948). С наибольшей силой талант Цаккони раскрылся в начале 90-х годов, когда он создал свои лучшие роли, в которых воплотились типичные черты его актерской индивидуальности и творческого метода. Особенно прославился Цаккони исполнением ролей Освальда («Привидения» Ибсена), Никиты («Власть тьмы» Л. Н. Толстого), Василия Семеновича («Нахлебник» И. С. Тургенева), Коррадо («Гражданская смерть» П. Джакометти).

Бурные споры вызвала его интерпретация трагедий Шекспира. Стремясь максимально приблизить их к современности, Цаккони сознательно лишал характеры шекспировских героев черт исключительности и всячески «снижал» образы титанов Возрождения до обыкновенных, «средних» современных людей.

Репертуар Цаккони отличался широтой и разнообразием. Основу его составляла современная итальянская и переводная драма. Цаккони и Дузе были неутомимыми пропагандистами Ибсена в Италии. Освальд в «Привидениях» — лучшая, но не единственная роль Цаккони в драмах Ибсена. В его репертуар входили «Враг народа», «Строитель Сольнес», «Маленький Эйольф», «Женщина с моря». Цаккони играл и в драмах Гауптмана («Одинокие»), Метерлинка («Непрошенная»), Стриндберга («Отец»), Мюссе («Лорензаччо»), А. Дюма-отца («Кин»), А. Дюма-сына («Друг женщин», «Полусвет»). Большое место в его репертуаре занимали пьесы современных итальянских драматургов: П. Джакометти, Р. Бракко, Дж. Джакоза, М. Прага, Г. Д'Аннунцио. Во время гастролей Цаккони по Италии и за границей ему повсюду сопутствовал огромный успех. Вскоре актер добился мирового признания.

Цаккони стремился к предельной простоте, естественности поведения на сцене, не останавливаясь ради достижения этой цели перед антиэстетическими и патологическими подробностями.

Неотьемлемыми чертами таланта Цаккони были обнаженная искренность, и особенная «нервность» («elettricitá») исполнения.

Игра Цаккони находилась на грани между реализмом и натурализмом, для которого, как известно. был крайне характерен инте-

рес к проблемам наследственности, повышенное внимание к «анормальному» в человеческой психике и физиологии.

В конце артистической карьеры Цаккони каждое его выступление в Италии становилось событием в культурной жизни страны. Только накануне второй мировой войны он оставил сцену, но продолжал оказывать влияние на итальянский театр, воспитывая молодежь, руководя постановками в различных труппах, выступая со статьями об актерском искусстве.

Старший современник Дузе и Цаккони Эрмете Новелли (1851—1919) перешагнул традиционные границы между жанрами. Он был непревзойденным мастером комедии и с большим успехом исполнял драматические и трагедийные роли.

Его игра отличалась необыкновенной сценической свободой, легкостью и блеском. Мимика и пластика актера поражали богатством и выразительностью. Новелли владел искусством трансформации и имитации. Лучшими его комедийными ролями были роли в комедиях Гольдони («Ворчун-благодетель», «Забавный случай», «Семья антиквария»), которые он играл с большим вкусом и мастерством, в «Скупом» Мольера, в комедии П. Феррари «Гольдони и его 16 новых комедий». Отличительными чертами комедийной манеры Новелли являлись жизненность создаваемых им типов, простота и правдивость сценического исполнения и редкий дар характеристики.

В начале 90-х годов Новелли начал играть драматические и трагические роли. Особенно удавались актеру характеры, в которых сочетались драматические и комические ноты. Он умел очень тонко раскрыть душевное состояние героя на грани смеха и слез.

Одним из лучших сценических портретов Новелли был Кузовкин в «Нахлебнике» Тургенева. Играя Кузовкина, он создавал полный драматизма образ смешного, искреннего, доброго, незаслуженно обиженного человека. Самой совершенной трагической ролью Новелли стал Шейлок в «Венецианском купце» Шекспира. Кроме того, в его репертуар входили «Отелло» и «Гамлет» Шекспира, «Привидения», «Строитель Сольнес» и «Дикая утка» Ибсена.

В драматических и трагедийных ролях Новелли стремился к углубленному психологизму и создавал предельно реалистические, подчас не свободные и от черт натурализма, характеры. «Новелли был мастером реалистического направления, хотя самый реализм его творчества подчас принимал легкий, едва заметный привкус веризма» [23]. Талант Новелли был глубоко национален. Его творчество отражало переходный период в итальянском сценическом искусстве. В нем сочетались черты традиционного народного искусства, шедшего еще от мастеров комедии дель арте, и принципы исполнения

[23] *Ваграм Папазян*. По театрам мира. Л.— М., 1937, стр. 133—134.

трагедии, созданные Г. Моденой, видоизмененные, однако, в соответствии с новыми вкусами и не избежавшие влияния натурализма.

Наряду с литературным театром на итальянском языке в Италии существовал с давних пор и существует поныне театр диалектальный. Корни его — в национальной истории. Театр на диалектах (возникший в результате раздробленности страны) — очень своеобразное явление. В разных частях Италии судьба его складывалась по-разному.

Диалектальный театр каждой области был глубоко связан с историей этой области, в частности, в XIX в. — с местом, которое она занимала в национально-освободительной борьбе. Кроме того, на театр оказывали влияние уровень экономического развития той или иной области, острота социальных противоречий, уровень культуры и, наконец, различия в психологии, в складе характера (неаполитанец по темпераменту, отношению к жизни, вкусам не был похож на ломбардца или уроженца Пьемонта).

Тем не менее можно выделить ряд общих черт, присущих диалектальному театру. Он был тесно связан с повседневной жизнью, молниеносно, живо и остро откликался на важнейшие события дня. Искренность и особая достоверность снискали ему любовь и популярность в широких кругах зрителей. Диалект — язык «простонародья», богатый яркими и живыми идиомами родного языка, всеми своими корнями уходил в повседневную жизнь. Диалект придавал диалогу особую живость и непосредственность, делал язык выразительнее, ярче, разнообразнее.

Диалектальный театр жил собственной самостоятельной жизнью, отличной от жизни литературного театра. Официальные власти не признавали театра на диалектах. Актеры подвергались преследованиям и гонениям.

Цензуру доводили до исступления неуловимые для запретов импровизации актеров. Закрывали театры, разгоняли труппы, запрещали спектакли, но театр на диалектах продолжал существовать. Он отличался удивительной жизнеспособностью благодаря непосредственной близости к зрителю.

Театр на диалектах достиг своего расцвета во второй половине XIX в., в разгар борьбы за объединение Италии. Расцвет регионального искусства по времени совпал с борьбой за победу национального начала над региональным. Это кажущееся на первый взгляд парадоксальным совпадение объясняется рядом причин, и прежде всего тем, что борьба за объединение шла во имя наиболее полного раскрытия сил и способностей всего народа, и лучшее в региональном искусстве приобретало, по словам Антонио Грамши, общенациональное значение.

Театр на диалектах способствовал духовному сближению и лучшему взаимопониманию итальянцев. Это вынуждены были приз-

нать даже его противники. Истоки его уходят далеко в глубь веков. Он тесно связан со славными традициями комедии дель арте.

Репертуар диалектального театра был очень пестрым и неравноценным. Шли комедии Гольдони, пьесы «на злобу дня» диалектальных драматургов, переводы с французского, переделки пьес, нашумевших на сцене литературного театра («Ромео и Джульетта», «Дама с камелиями», «Франческа да Римини» и др.). Часто сами актеры писали пьесы для себя. В истории диалектального театра второй половины XIX в. особенный интерес представляет комедия. В то время как трагедия тяготела к мелодраме, комедия была связана с критическим осмыслением действительности.

Огромный подъем духовных сил народа в эпоху национально-освободительной борьбы сказался и в театре и особенно проявился в расцвете актерского искусства на диалектальной сцене.

На фоне ярких актерских дарований, появившихся на миланской диалектальной сцене, самой выдающейся фигурой был Эдуардо Ферравилла (1846—1916).

Ферравилла создал обширную галерею сценических образов, и они оказались настолько жизненны и правдивы, что продолжали жить за стенами театра как фольклорные персонажи. Каждый из героев Ферравиллы был и ярко индивидуален, и типичен. Актер поднимался до широких обобщений, показывая живые характеры своих современников. Этим и объяснялись успех и популярность его сценических портретов.

Репертуар Ферравиллы состоял из весьма посредственных диалектальных комедий, переводных фарсов и водевилей, которые служили ему лишь толчком для творчества. Актер кардинально переделывал текст пьес, вставлял новых персонажей, переписывал целые сцены. На спектакле он часто импровизировал, отталкиваясь непосредственно от реакции публики. Благодаря редкой наблюдательности и огромной фантазии Ферравилла сам, почти независимо от драматурга, создавал тот или иной образ. А затем долгое время не изменял сути характера, перенося его из пьесы в пьесу, показывая своего героя в разнообразных жизненных ситуациях. Все его герои были как бы выхвачены из жизни.

Расцвету миланского диалектального театра способствовали и такие популярные и талантливые актеры конца века, как Г. Збодио, Д. Карнаги, Э. Джиро, Э. Ивон и многие другие. Но сила театра на диалектах заключалась не только в ярких актерских дарованиях, но прежде всего в непосредственной связи с жизнью, в умении молниеносно откликаться на самые важные события дня.

В Милане, одном из крупнейших центров Италии с развитыми буржуазией и пролетариатом, умная и злая сатира Ферравиллы с множеством злободневных намеков и ассоциаций падала на благодатную почву и находила горячий отклик у зрителей.

Иным по своему характеру, содержанию, традициям были неаполитанский и сицилийский театры на диалекте.

Неаполитанский и, тем более, сицилийский зритель весьма отличался от зрителя Милана или Венеции. Вековая отсталость, страшная нищета, кровавые законы вендетты, гнет Бурбонов — все это не могло не оказать влияния и на театр.

Искусство выдающихся неаполитанских актеров Антонио Петито (1822—1876) и Эдуардо Скарпетта было тесно связано с жизнью Неаполя того времени, так же как искусство Джованни Грассо — с бытом и нравами его родины — Сицилии.

Слава Петито, знаменитого Пульчинеллы XIX в., гремела по всей Италии. Петито вдохнул жизнь в старую маску, наполнив ее современным содержанием. Актер стремился сделать своего героя возможно более жизненным и правдивым, возможно более похожим на неаполитанца того времени. Несмотря на постоянную маску, герои Петито были необычайно разнообразны. То пролетарий, то буржуа, то аристократ, Пульчинелла каждый вечер появлялся на сцене в ином облике и с другим характером. Он бывал то неугомонным весельчаком и балагуром, то бедным грустным неаполитанцем, склонным к меланхолии, но остроумным даже в горе.

Темперамент Петито называли «дьявольским». Соответствовал темпераменту и неистощимый фейерверк сценических трюков, находок, режиссерских эффектов, которые он вставлял в свои «пульчинеллатты». Синтетический актер, Петито блестяще владел искусством пантомимы, был прекрасным имитатором. Музыкант, певец, танцовщик, Петито не имел себе равных в исполнении разнообразнейших динамических «лацци». Незабываемы были пародии Петито, занимавшие большое место в его репертуаре. В пародиях Петито использовал приемы варьете, цирка.

Петито сохранял тесную связь с национальной театральной традицией, шедшей от комедии дель арте. Приблизив Пульчинеллу к современности, Петито остался верен традиции актеров комедии дель арте, продолжая играть в маске и подчиняя текст пьесы импровизации. В то же время актер не избежал и воздействия театральной реформы Гольдони. Творчество Петито повлияло на дальнейшее развитие итальянского комедийного актерского искусства. Не случайно Э. де Филиппо назвал его своим духовным наставником и учителем.

Ученик Петито Эдуардо Скарпетта (1853—1925) боролся против маски и импровизации на сцене. Как известно, Скарпетта был очень плодовитым и способным драматургом. Особой популярностью пользовались его пьесы «Нищета и знать» (1888) и «Сантарелла» (1889). После смерти Петито Скарпетта создал свою труппу, с которой играл в Сан-Карлино, а затем и в других театрах Неаполя, Ливорно, Рима, Милана (в Милане он играл вместе с Ферравиллой).

А. М. Горький, живший на Капри в 1910 г., писал Л. А. Сулержицкому: «...Я все больше и горячей люблю Италию, особенно Неаполь и неаполитанский театр. Дружище, какой это великолепный театр!.. Смотрел я у Скарпетты, как голодные неаполитанцы мечтают — чего бы и как бы поесть? — смотрел и — плакал! И вся наша варварская русская ложа — плакала.— Это в фарсе-то? В фарсе, милый, да! Не от жалости ревела — не думай,— а от наслаждения. От радости, что человек может и над горем своим, и над муками, над унижением своим — великолепно смеяться...» [24].

Другой тип театра сложился в Сицилии — самой отсталой южной окраине Италии, сохранившей полуфеодальный уклад и патриархальную примитивность нравов. Однако здесь в конце XIX в. сформировался актер, который прославил сицилийский театр во всем мире. Это был Джованни Грассо (1873—1930).

Грассо страстно, со всей силой своего пламенного темперамента рассказывал со сцены о жизни родной Сицилии, о самых мрачных ее сторонах: о нищете и социальной несправедливости, о жестокости и дикости нравов, невежестве и фанатической набожности. Он показал природную стихийную доброту народа Сицилии, широту его натуры и первобытную, неограниченную власть инстинктов, дикость, религиозность. Его герой — весь пламя, порыв, экспрессия. Это человек искренний, непосредственный, подчас по-детски наивный, умеющий любить, способный на самопожертвование, но страшный в своей ненависти.

Грассо считал, что актер должен показывать на сцене жизнь такой, как она есть. Он отрицал какую бы то ни было условность. Природная тяга Грассо к правдивому выражению чувств в сочетании с наивностью и примитивностью его мировоззрения привела его к натурализму. Но объективно его творчество, обнажая самые темные стороны жизни Сицилии, обличая нищету, социальное неравенство и темноту народа, звучало как обвинительный приговор.

Основу репертуара Грассо составляла диалектальная сицилийская драма. Любимыми авторами Грассо, кроме того, были итальянские веристы Верга и Капуана, пьесы которых для него специально переводились на сицилийский диалект. Огромный успех имел Грассо в роли Альфио в «Сельской чести» Верги. В его репертуар входили также роли Коррадо («Гражданская смерть» П. Джакометти), Алиджо («Дочь Йорио» Г. Д'Аннунцио), Отелло.

В 1901 г. Грассо сформировал труппу и начал гастролировать по Италии (Палермо, Неаполь, Рим), в 1908 г. он с неизменным успехом играл в Берлине, затем в России, в 1911 г.— в Париже, Лондоне, США и Южной Америке.

[24] *А. М. Горький*. Собр. соч., т. 29. М., 1955, стр. 119—120 (Письмо Л. А. Сулержицкому, май — июнь 1910. Капри).

Единственный сюжетный мотив большинства пьес, входивших в репертуар Грассо,— любовь и ревность. Но однообразие типа в творчестве Грассо восполнялось самобытностью и яркостью его таланта и виртуозной техникой. Актер потрясал неистовым темпераментом, энергией страсти.

Грассо, этот «первобытный трагик», предельно правдиво передавал чувства своих героев и быт Сицилии, который знал великолепно. Такой стихийный, яркий и в то же время примитивный талант, каким был талант Джованни Грассо, мог появиться именно в Сицилии, отразив огромные творческие силы ее народа и низкий уровень его общего культурного развития. При всем разнообразии индивидуальностей в творчестве всех диалектальных актеров комедии отразился итальянский народный характер: радость бытия, чувство юмора, живой критический ум и острый наблюдательный глаз.

Новые поколения комедийных актеров XX в. (Р. Вивиани, Э. Петролини, М. Моретти, семья Де Филиппо и многие другие) продолжали и продолжают развивать национальные традиции и в то же время подчиняют свое искусство запросам современности.

Оперный веризм[25], открывший новую значительную страницу в истории итальянского музыкального театра, утвердился в 90-е годы прошлого столетия. Крупнейшими представителями веристского направления были композиторы П. Масканьи, Р. Леонкавалло, У. Джордано, Дж. Пуччини.

Эстетика оперного веризма в основном определялась идеями веристской литературы. Развивая творческие искания теоретиков веризма Верги и Капуаны, композиторы-веристы создали особый тип оперы-новеллы (обычно в одном или двух, реже — в трех-четырех актах), основанной на жизненно достоверном сюжете, с драматической любовной коллизией и острой обнаженностью человеческих страстей. Они вывели на оперную сцену простых людей: крестьянскую бедноту, уличных комедиантов, голодных обитателей городских трущоб, представителей нищей артистической богемы.

В поисках сюжетов для своих опер композиторы обращались к новеллам и диалектальным пьесам Верги, С. Ди Джакомо и других писателей-веристов. Некоторые драматурги-веристы, как, например, Луиджи Иллика (1857—1919) и Джузеппе Джакоза (1847—1906) были авторами либретто многих веристских опер. Помимо оригинальных либретто и итальянских литературных первоисточников, в операх этого направления нередко использовались сюжеты, заимствованные из произведений французских писателей и драматургов (А. Прево, А. де Виньи, А. Мюрже, В. Сарду и др.).

В веристской музыкальной драматургии сохраняется основная национальная особенность итальянской классической оперы — пер-

[25] Раздел об оперном веризме написан *С. Грищенко.*

венство вокального образа. Опираясь на традиции оперного реализма XIX в. (особенно Верди), а также используя интонации современного городского музыкального фольклора (песни-романса, танца), композиторы-веристы создают простой, гибкий мелодический стиль. Веристская опера отличается характерными особенностями: демократизмом, острой напряженностью и концентрированностью действия, эмоциональной выразительностью и драматической экспрессивностью музыкального языка, правдивостью в изображении человеческих чувств, своеобразием мелодизированных речитативов, яркой театральностью.

Одним из основоположников веризма в музыкальном театре был Пьетро Масканьи (1863—1945). Первым и одним из лучших образцов веристской оперной драматургии явилась его одноактная опера «Сельская честь» (написана в 1889 г. по одноименной драме Верги, впервые поставлена в 1890 г. в Риме). В опере правдиво, с большим драматизмом изображена трудная жизнь простых людей, крестьян сицилийской деревни. «Сельская честь» отличается необычайной мелодической свежестью (композитор широко использует сицилийские народные напевы), драматической напряженностью и предельной лаконичностью в развитии действия. Образы героев оперы — Туридду и Сантуццы, страстных и человечески проникновенных, обрисованы в опере выпукло, красочно, самобытно и психологически достоверно. В последующих операх композитора[26] — мелодическая выразительность музыки дополняется своеобразием и новизной инструментовки, расширением роли оркестра в драматическом действии.

Другой основоположник оперного веризма — Руджеро Леонкавалло (1858—1919). Мировую славу принесла ему опера «Паяцы» (1892). Текст либретто этой оперы, как и большинства других сценических произведений Леонкавалло, принадлежит самому композитору. Пролог оперы (монолог комедианта Тонио)— это своеобразный веристский манифест, выражение авторского «кредо» композитора: показ жизни без прикрас, изображение драм простых, обыкновенных людей. Паяц Канио — самый типичный герой веристской оперной литературы, наделенный чувством человеческого достоинства и сильными страстями, глубоко страдающий, переживающий большое личное горе. Для «Паяцев» характерна связь с традициями народного, площадного театра. Мелодическим богатством и эффектной театральностью отмечены и другие оперы Леонкавалло[27].

Одним из видных представителей веризма был Умберто Джордано (1867—1948). В числе первых веристских произведений оказалась его опера «Малавита» (написана по диалектальной драме

[26] «Ирис», «Маски», «Изабо» (все на либретто Л. Иллика, 1898, 1901, 1911), «Лодолетта» (1917), «Нерон» (1935).

[27] «Медичи» (1893), «Чаттертон» (по одноименной драме А. де Виньи, 1896), «Богема» (по роману А. Мюрже, 1897), «Заза» (1900).

Сальваторе Ди Джакомо «Обет», впервые исполнена в 1892 г.). В ней раскрывается драма, происходящая в среде неаполитанской каморры. «Малавита», как и другая опера Джордано — «Месяц Марии» (также навеянная одноименной пьесой С. Ди Джакомо, 1910), отличается глубоким гуманизмом, сочувствием к бедному люду неаполитанских предместий, реалистическим изображением горестей этих людей, контрастным драматизмом характеров, выразительным мелодическим языком (использующим неаполитанские напевы и танцевальные ритмы), интересной оркестровкой. Мировое признание принесла композитору историко-романтическая опера «Андре Шенье» (либретто Л. Иллика, 1896). В ней наиболее полно проявился драматический темперамент Джордано, мелодический дар, выразительность вокальной декламации, мастерство композиции.

Джакомо Пуччини (1858—1924) — крупнейший итальянский композитор после Верди, развивавший реалистические принципы национального оперного искусства. Известность композитору принесли оперы «Манон Леско» (по роману А. Прево, 1893) и особенно «Богема» (на сюжет А. Мюрже, 1896, либретто Л. Иллика и Дж. Джакоза), сделавшие Пуччини виднейшим представителем веризма. В лучших произведениях[28] Пуччини предстает прежде всего как художник-гуманист, искренне и психологически правдиво рисующий душевный мир своих героев, как превосходный знаток сцены и оперный драматург, театральные искания которого отмечены смелостью и новаторством, стремлением расширить границы оперного искусства, приблизив его к реальной жизни и освободив от условных трафаретных канонов. Пуччини — последний из великих оперных мелодистов Италии, достойный наследник чародеев бель канто — Россини, Беллини, Доницетти, Верди. Не случайно Верди назвал его «„хранителем печати“ итальянской мелодии». Драматический пафос, вдохновенный лиризм, ярко эмоциональный, гибкий и свободный ариозно-мелодический стиль лучших созданий Пуччини воплощает гуманистическую сущность итальянской классической оперы с ее неизменной устремленностью к человеку.

В веристском оперном репертуаре прославились многие выдающиеся итальянские вокалисты, соединившие в своем искусстве лучшие традиции классической школы бель канто и черты нового, необычайно экспрессивного исполнительского стиля, ставшие корифеями мирового оперного искусства: певицы Дж. Беллинчони, Э. Карелли; певцы — Ф. Таманьо, Э. Карузо, Т. Руффо, А. Пини Корси.

[28] «Тоска», «Мадам Баттерфляй» (1900 и 1904, обе на либретто Л. Иллика и Дж. Джакоза), «Девушка с Запада» (1910), «Триптих» (три одноактные оперы: «Плащ», «Сестра Анжелика», «Джанни Скикки», 1919), «Турандот» (завершена композитором Ф. Альфано, поставлена в 1926 г.).

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

1789—1799	Возникновение и развитие национально-освободительного и объединительного движения — Рисорджименто.
1792, 21 сентября	Начало войны революционной Франции с Пьемонтом.
1793	Присоединение Неаполя к антифранцузской коалиции.
1796—1797	Поход армии Наполеона Бонапарта в Италию.
1796, 15 мая	Подписание мирного договора между Францией и Пьемонтом.
1796, 16 октября	Образование Циспаданской конфедерации, преобразованной 27 декабря в Циспаданскую республику.
1797, 6 июня	Создание Лигурийской республики.
1797, 29 июня	Провозглашение Цизальпинской республики.
1797, 17 октября	Кампоформийский мирный договор Австрии с Францией.
1798, февраль	Занятие французскими войсками Папского государства.
1798, 15 февраля	Провозглашение Римской республики. Ликвидация светской власти папы.
1799, 22 января	Провозглашение Партенопейской республики в Неаполе.
1799, март	Начало контрреволюционного мятежа на Юге.
1799, июнь-июль	Падение Партенопейской республики.
1799, сентябрь	Падение Римской республики.
1802, январь	Преобразование восстановленной в 1800 Цизальпинской республики в Итальянскую.
1805, 18 марта	Превращение Итальянской республики в Итальянское королевство и принятие Наполеоном титула короля Италии.

1805, 26 декабря	Пресбургский мир.
1806, февраль	Занятие французской армией Неаполитанского королевства.
1806, август-сентябрь	Законы, юридически упразднявшие феодализм в Неаполе.
1807—1808	Возникновение первых карбонарских обществ на юге Италии.
1807—1808	Оккупация французскими войсками папских владений.
1809, 17 мая	Декрет о ликвидации светской власти пап и и о присоединении части папских владений к французской империи.
1814, 30 мая	Принятие Парижского трактата государствами — членами Священного союза.
1815, май	Реставрация Бурбонов в Неаполе.
1818, 2 августа	Декрет об юридическом упразднении феодализма в Сицилии.
1818, сентябрь 1819, октябрь	Издание в Милане журнала «Il Conciliatore».
1818—1824	Репрессии австрийских властей в Ломбардо-Венеции против карбонариев и либералов.
1820, в ночь на 2 июля	Начало революции в Неаполитанском королевстве.
1821, март	Интервенция австрийских войск и подавление революции в Неаполе. Начало австрийской оккупации (до 1828 г.)
1821, 9 марта — 8 апреля	Революция в Пьемонте.
1825	Основание первой механической мастерской в Милане, производившей ткацкие станки.
1831, февраль — март	Революция в Парме, Тоскане, Модене и Папском государстве.
1831, июнь	Основание Дж. Мадзини организации «Молодая Италия».
1833—1834	Попытки «Молодой Италии» поднять восстание в Пьемонте. Казни патриотов.
1839	Открытие первой железной дороги в Италии.
1844	Экспедиция братьев Бандьера в Королевство Обеих Сицилий.

1846—1847	Промышленный кризис и неурожай; народные волнения в Северной и Центральной Италии.
1847, 15 декабря	Выход в Турине газеты «Рисорджименто».
1848, 12 января	Народное восстание в Палермо. Начало революции в Италии.
1848, февраль — март	Введение конституции в Неаполе, Тоскане, Пьемонте и Папской области.
1848, 18—22 марта	«Пять дней Милана».
1848. 22 марта	Восстание в Венеции.
1848, 25 марта — 9 августа и 1849, 20 марта—26 марта	Война Пьемонта против Австрии.
1848, 15 мая	Контрреволюционный переворот в Неаполе.
1848, 29 мая	Плебисцит в Ломбардии и Венеции о присоединении к Пьемонту.
1848, 25 июля	Поражение пьемонтских войск под Кустоццей в сражении с австрийцами.
1849, 9 февраля	Провозглашение Римской республики. Лишение папы светской власти.
1849, 23 марта	Разгром австрийцами пьемонтской армии при Новаре. Отречение от престола Карла Альберта в пользу Виктора Эммануила II.
1849, 29 марта	Образование в Риме революционного правительства во главе с Дж. Мадзини.
1849, 11—12 апреля	Контрреволюционный переворот во Флоренции.
1849, 3 июня	Провозглашение демократической конституции Римской республики.
1849, 3 июля	Падение Римской республики.
1849, 6 августа	Австро-пьемонтский мирный договор в Милане.
1849, 22 августа	Падение осажденной Венеции. Окончание революции в Италии.

1850, 20 октября	Основание первого объединения рабочих обществ в Пьемонте.
1852—1861	Правительство К. Б. Кавура в Пьемонте.
1853, 6 февраля	Попытка республиканцев поднять восстание в Милане.
1853, октябрь	Первый съезд рабочих обществ в Асти (Пьемонт).
1855—1856	Участие Пьемонта в Крымской войне 1853—1856 на стороне англо-франко-турецкой коалиции против России.
1857	Революционная экспедиция К. Пизакане в Неаполитанское королевство.
1858, январь	Покушение Ф. Орсини на Наполеона III.
1858, июль	Переговоры Наполеона III и Кавура в Пломбьере, соглашение о союзе и войне против Австрии.
1859, 26 апреля	Объявление Австрией войны Пьемонту.
1859, апрель — июль	Народные восстания в Тоскане, Парме, Модене и Папском государстве.
1859, 3 мая	Вступление Франции в войну на стороне Пьемонта.
1859, 24 июня	Разгром франко-пьемонтскими войсками австрийской армии у Сольферино.
1859, 11 июля	Виллафранкское перемирие
1860, март	Присоединение в результате плебисцита Пармы, Модены, Тосканы и Романьи к Пьемонту.
1860, 5 мая	Начало революционной экспедиции Гарибальдийской «тысячи» на Юг Италии.
1860, сентябрь	Вступление пьемонтских войск в Папское государство.
1860, октябрь	Присоединение бывшего Королевства Обеих Сицилий к Пьемонту.
1860, ноябрь	Присоединение Умбрии и Марке к Пьемонту.
1861, февраль	Открытие в Турине общеитальянского парламента.
1861, 17 марта	Провозглашение создания Итальянского королевства во главе с Виктором Эммануилом II.

1861—1866	Крестьянское движение на Юге Италии (так называемый «бандитизм»).
1861—1876	Правление «правой».
1862	Поход Гарибальди на Рим. Сражение у Аспромонте между гарибальдийцами и пьемонтскими войсками. Ранение и пленение Гарибальди.
1864, сентябрь	Подписание «Сентябрьской конвенции» между Италией и Францией.
1864, 27 октября	Принятие «Акта братства итальянских рабочих обществ» на съезде рабочих обществ в Неаполе.
1866	Участие Италии в австро-прусской войне на стороне Пруссии.
1866, 3 октября	Венский мирный договор между Италией и Австрией. Присоединение Венеции к Итальянскому королевству.
1867, октябрь	Новый поход Гарибальди на Рим.
1867, 3 ноября	Поражение Гарибальди в бою с французскими войсками у Ментаны.
1869	Создание в Неаполе первой итальянской секции I Интернационала.
1870, 19—20 сентября	Осада папского Рима гарибальдийцами, занятие ими и правительственными войсками Рима.
1871, 26 января	Провозглашение Рима столицей Италии. Лишение папы светской власти.
1871, март	Провозглашение Пием IX принципа «non expedit».
1871, май	«Закон о гарантиях».
1872, август	Объединение в общенациональную федерацию итальянских сторонников I Интернационала, стоящих на позициях анархизма.
1876, 18 марта	Падение «правой» («парламентская революция»).
1876—1887	Правление «левой».
1877	Образование ассоциации «Италия ирредента» и начало ирредентистского движения.
1878	Введение первых протекционистских тарифов на промышленные изделия и полуфабрикаты.

1881, август	Создание Революционно-социалистической партии Романьи (с 1884 г.— Итальянская революционно-социалистическая партия).
1882	Закон о расширении избирательного права.
1882, 20 мая	Присоединение Италии к австро-германскому блоку и образование Тройственного Союза.
1882—1885	Начало итальянских колониальных захватов в Африке (Ассаб, Массауа — с 1890 г. колония Эритрея).
1882—1885	Организационное оформление Итальянской рабочей партии.
1883—1886	Первые мероприятия в области социального законодательства (страхование на случай производственных травм, ограничение детского труда).
1887	Переход к аграрному протекционизму
1887, январь	Разгром эфиопскими войсками итальянской колониальной экспедиции (битва при Догали).
1887, август— 1896, март (с перерывом)	Правление Криспи.
1888	Установление протектората над частью Сомали.
1888—1898	Таможенная война с Францией
1889	Договор «о дружбе и торговле» с Эфиопией и провозглашение протектората над ней. Основание Ф. Турати и А. Кулишовой Миланской социалистической лиги.
1891, январь	Начало издания журнала «Критика сочиале»
1891, март (15)	Энциклика папы Льва XIII «Rerum novarum»
1892, 14—15 августа	Съезд в Генуе, провозгласивший создание Партии итальянских трудящихся (с 1895— Итальянская социалистическая партия).
1893—1894	Движение крестьянских союзов («фаши») в Сицилии
1894, июль—октябрь	Чрезвычайные законодательные и административные меры против рабочих организаций
1895—1896	Итало-эфиопская война. Разгром итальянских войск при Адуа (1 марта 1896)
1896, 25 декабря	Начало издания социалистической газеты «Avanti!»

1898, апрель—май	Массовые выступления против дороговизны в городах Италии
1898, 6—11 мая	Баррикадные бои в Милане между рабочими и войсками.
1899—1900	Политическая борьба вокруг проектов чрезвычайных законов Пеллу. Парламентская обструкция
1900, июнь	Поражение сторонников антидемократического правительственного курса на парламентских выборах.
1900, июль	Убийство короля Умберто I и вступление на престол Виктора Эммануила III
1900, декабрь	Общегородская политическая забастовка в Генуе
1901, февраль	Создание либерального правительства Дзанарделли-Джолитти.
1902	Основание металлургического объединения (Терни, Раджио, Одеро и др.) — первой монополистической группы.
1902, июнь—декабрь	Заключение франко-итальянского соглашения
1903, июнь	Начало кампании против приезда в Италию Николая II
1903, октябрь	Образование правительства Джолитти
1904, сентябрь	Кровавые расправы над трудящимися в Сардинии и Сицилии.
1904, сентябрь	Первая в Италии всеобщая политическая забастовка.
1904, октябрь—ноябрь	Роспуск парламента и внеочередные выборы.
1905, март	Отставка правительства Джолитти и создание министерства Алессандро Фортиса
1905, апрель	Всеобщая забастовка железнодорожников.
1905—1906	Массовое движение солидарности с революцией в России.
1906, февраль—май	Кабинет Сиднея Соннино («100 дней Соннино»).
1906, май → 1909, декабрь	Создание и деятельность «долгого министерства» Джолитти.

1906, октябрь	Образование Всеобщей конфедерации труда.
1908, май—июнь	Пармская всеобщая забастовка.
1908, сентябрь	X съезд ИСП во Флоренции (исключение из партии анархо-синдикалистов).
1909, март	Парламентские выборы.
1909, 24 сентября	Приезд Николая II в Италию, «Свидание в Раккониджи» и заключение итало-русского соглашения.
1910, декабрь—март	Кабинет Соннино.
1910, март—*1911,* март	Кабинет Луццати.
1910, декабрь	Основание реакционной «Националистической ассоциации».
1911, март —*1914,* март	Кабинет Джолитти.
1911, сентябрь— *1912,* октябрь	Итало-турецкая война. Захват Италией Триполитании и Киренаики.
1912, июнь	Закон об избирательной реформе.
1912, июль	Съезд ИСП в Реджо-Эмилии. Исключение из партии правых реформистов (Биссолати, Бономи и др.).
1913, сентябрь	Парламентские выборы.
1914, март—*1916,* июнь	Кабинет Саландры.
1914, июнь	«Красная неделя».
1914, 2 августа	Объявление Италией нейтралитета.
1914, август	Тайные переговоры Италии с Антантой о вступлении в войну.
1914, декабрь— *1915,* май	Тайные переговоры Италии с Австро-Венгрией об условиях сохранения нейтралитета.
1914, декабрь— *1915,* март	Массовые волнения против безработицы, дороговизны, угрозы вступления в войну.
1915, март — апрель	Второй тур тайных переговоров с Антантой.
1915, 26 апреля	Заключение Италией Лондонского договора об условиях ее вступления в войну на стороне Антанты.
1915, 17—18 мая	Всеобщая антивоенная стачка туринского пролетариата.
1915, 17—18 мая	Руководство ИСП принимает формулу «Non aderire non sabotare la guerra».

1915, 23 мая	Вступление Италии в войну на стороне Антанты (объявление ею войны Австро-Венгрии).
1915, сентябрь	ИСП участвует в Международной социалистической Конференции в Циммервальде.
1916, 30 апреля — 1 мая	Антивоенные демонстрации в Милане.
1916, май	Наступление австро-венгерских войск в Трентино.
1916, июнь	Отставка кабинета Саландры. Образование национального кабинета Бозелли.
1916, август	Объявление Италией войны Германии.
1917, весна	Начало нового подъема антивоенной борьбы итальянского народа. Первомайские волнения в Ломбардии.
1917, июль	Возникновение левой революционной фракции в ИСП.
1917, начало августа	Грандиозные антивоенные митинги при встрече «делегатов русских Советов».
1917, 22—27 августа	Антивоенное восстание туринского пролетариата.
1917, сентябрь—октябрь	Спор о «методах управления» в правящих классах Италии. Возникновение Союза защиты парламентских прав (октябрь 1917).
1917, 24 октября	Разгром итальянских войск у Капоретто.
1917, 25 октября — 31 октября	Отставка кабинета Бозелли. Образование кабинета Орландо.
1918, 3 ноября	Перемирие в Вилла Джусти.
1918, ноябрь	Революционные демонстрации в Турине.
1918, декабрь	Революционные демонстрации в Неаполе и других городах под лозунгами солидарности с Советской Россией.

БИБЛИОГРАФИЯ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ КЛАССИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс К. Письмо редактору газеты «Alba».— *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 5.

Маркс К. Сардиния.— *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 12.

Маркс К. Мадзини и Наполеон.— Там же.

Маркс К. Новый манифест Мадзини.— Там же.

Маркс К. Вопрос об объединении Италии.— *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 13.

Маркс К. Предстоящий мирный конгресс.— Там же.

Маркс К. Манифест Мадзини.— Там же.

Маркс К. Что выиграла Италия? — Там же.

Маркс К. Виллафранкский договор.— Там же.

Маркс К. Луи-Наполеон и Италия.— Там же.

Маркс К. Радикальная точка зрения на мир.— Там же.

Маркс К. Сицилия и сицилийцы.— *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 15.

Маркс К. Гарибальди в Сицилии.— Там же.

Маркс К. Интересные новости из Сицилии.— Там же.

Маркс К. Митинг в защиту Гарибальди.— Там же.

Маркс К. и *Энгельс Ф.* Туринская «Concordia».— *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 5.

Энгельс Ф. Освободительная борьба Италии и причины ее теперешней неудачи.— Там же.

Маркс К. и *Энгельс Ф.* «Kölnische Zeitung» об Италии.— Там же.

Маркс К. Революционное движение в Италии.— *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 6.

Энгельс Ф. Война в Италии и Венгрии.— Там же.

Энгельс Ф. Поражение пьемонтцев.— Там же.

Энгельс Ф. Движения 1847 года.— *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4.

Энгельс Ф. Начало конца Австрии.— Там же.

Энгельс Ф. Три новые конституции.— Там же.

Энгельс Ф. Несколько слов газете «Riforma».— Там же.

Энгельс Ф. Как Австрия держит в своих руках Италию.— *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 13.

Энгельс Ф. По и Рейн.— Там же.

Энгельс Ф. Итальянская война. Обзор прошлого.— Там же.

Энгельс Ф. Савойя и Ницца.— Там же.

Энгельс Ф. Савойя, Ницца и Рейн.— Там же.

Энгельс Ф. Гарибальди в Сицилии.— *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 15.

Энгельс Ф. Гарибальдийское движение.— Там же.

Энгельс Ф. Роль насилия в истории.— *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21.

Энгельс Ф. К итальянскому читателю. Предисловие к итальянскому изданию Манифеста Коммунистической партии 1893 года.— *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 22.

Энгельс Ф. Будущая итальянская революция и социалистическая партия.— Там же.

Энгельс Ф. Об итальянской панаме.— Там же.
Энгельс Ф. Третьему съезду Социалистической партии итальянских трудящихся (письмо К. Делл'Авалле).— Там же.
Энгельс Ф. Социализм международный и социализм итальянский (Письмо в редакцию журнала «Critica sociale»).— Там же.
Энгельс Ф. Письмо Ф. Турати. 28.VI 1895 г.— *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 39.
Ленин В. И. О Временном революционном правительстве.— *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 10.
Ленин В. И. Мелкобуржуазный и пролетарский социализм.— Там же, т. 12.
Ленин В. И. Социализм и анархизм.— Там же, т. 12.
Ленин В. И. Международный социалистический конгресс в Штутгарте.— Там же, т. 16.
Ленин В. И. Марксизм и ревизионизм.— Там же, т. 17.
Ленин В. И. Горючий материал в мировой политике.— Там же.
Ленин В. И. События на Балканах и в Персии.— Там же.
Ленин В. И. Воинствующий милитаризм и антимилитаристская тактика социал-демократии.— Там же.
Ленин В. И. Заседание Международного социалистического бюро.— Там же.
Ленин В. И. Разногласия в европейском рабочем движении.— Там же, т. 20.
Ленин В. И. Съезд итальянских социалистов.— Там же, т. 21.
Ленин В. И. Конец войны Италии с Турцией.— Там же, т. 22.
Ленин В. И. Европейская война и международный социализм.— Там же, т. 26.
Ленин В. И. Что же дальше? (О задачах рабочих партий по отношению к оппортунизму и социал-шовинизму).— Там же.
Ленин В. И. Под чужим флагом.— Там же.
Ленин В. И. Положение и задачи социалистического Интернационала.— Там же.
Ленин В. И. Оппортунизм и крах II Интернационала.— Там же, т. 27.
Ленин В. И. Империализм и социализм в Италии.— Там же.
Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма.— Там же.
Ленин В. И. Приветствие съезду Итальянской социалистической партии.— Там же, т. 30.
Ленин В. И. Империализм и раскол социализма.— Там же.
Ленин В. И. Задачи пролетариата в нашей революции.— Там же, т. 31.
Ленин В. И. Один из тайных договоров.— Там же, т. 32.
Ленин В. И. Доклад о задачах власти Советов на II-м заседании ПСР и СД 25.X (7.XI) 1917 г.— Там же, т. 35.
Ленин В. И. Речь на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы 29 июля 1918 г.— Там же, т. 37.
Ленин В. И. Речь на митинге в Бутырском районе 2 августа 1918 г.— Там же.
Ленин В. И. Речь на I Всероссийском съезде по просвещению 28 августа 1918 г.— Там же.

1

ИТАЛИЯ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Публикация документов. Мемуары

Assemblee della Repubblica Cisalpina, v. 1—5. Bologna, 1917—1918.
Assemblee della Repubblica romana, a cura di V. Giuntella. Bologna, 1954.
Atti del parlamento delle Due Sicilie, 1820—1821, v. 1—6. Bologna, 1926—1930.
Balbo C. Delle Speranze d'Italia, 5. ed. Firenze, 1855.
Gioberti V. Del primato morale e civile degli italiani. Losanna, 1846.
I giornali giacobini italiani. Milano, 1962.
«La Giovine Italia». Marsiglia (1831—1834).

Литература

Вентури Ф. Итало-русские отношения с 1750 до 1825 г.— В кн.: «Россия и Италия». М., 1968.
Кирова К. Э. Концепция итальянской революции в ранних работах Мадзини (1831—1833).— В кн.: «Из истории социально-политических идей». М., 1955.
Кирова К. Э. Джузеппе Мадзини и утопический социализм (1830—1840).— В кн.: «История социалистических учений». М., 1964.
Barbagallo C. Le origini della grande industria contemporanea. Firenze, 1951.
Candeloro G. Storia dell'Italia moderna, v. I—V. Milano, 1956—1968 (русск. изд.: *Дж. Канделоро.* История современной Италии. т. I—IV. М., 1958—1966).
Cantimori D. Utopisti e riformatori italiani. 1794—1847. Firenze, 1943.
Cingari G. Giacobini e sanfedisti in Calabria nel 1799. Messina — Firenze, 1957.
Colletta P. Storia del reame di Napoli... Parigi, t. 1—2, 1843.
Cuoco V. Saggio storico sulla Rivoluzione napoletana del 1799. Milano, 1801.
De Felice R. Italia giacobina. Napoli, 1965.
Demarco D. Il tramonto dello stato pontificio. Il papato di Gregorio XVI. Roma, 1952.
Dito O. Massoneria, carboneria ed altre società segrete nella storia del Risorgimento italiano. Torino, 1905.
Galante Garrone A. Filippo Buonarroti e i rivoluzionari dell'Ottocento (1828—1837). Torino, 1951.
Mastellone G. Mazzini e la Giovine Italia, v. 1—2. Pisa, 1960.
Quazza G. La lotta sociale nel Risorgimento. Torino, 1951.
Roberti M. Milano capitale napoleonica, v. 1—3. Milano, 1946—1947.
Rodolico N. Il popolo agli inizi del Risorgimento nell'Italia meridionale 1798—1801. Firenze, 1925.
Romani G. T. The Neapolitan revolution of 1820—1821. Ewanston, 1950.
Saitta A. Filippo Buonarroti, v. 1—2. Roma, 1950—1951.
Spellanzon C. Storia del Risorgimento e dell'Unità d'Italia, v. 1—5. Milano, 1933—1951.
Storia d'Italia. Coordinata da N. Valeri, v. 3. Torino, 1959.
Tivaroni C. L'Italia durante il dominio austriaco, v. 1—3. Milano, 1922.
Vaccarino G. I patrioti «anarchistes» e l'idea dell'unità italiana (1796—1799). Torino, 1955.
Valente A. Gioacchino Murat e l'Italia meridionale. Torino, 1965.
Villani P. Il capitalismo agrario in Italia. «Studi Storici», 1966, N 3.
Villari R. Mezzogiorno e contadini nell'età moderna. Bari, 1961.

2

ИТАЛИЯ В 1848—1870 ГГ.

Публикация документов. Мемуары

Орсини Ф. Воспоминания. М.— Л., 1934.
Actes officiels de la Republique Romaine. Paris, 1848.
Le Assemblee del Risorgimento, v. I—XV. Roma, 1911.
Raccolta dei decreti, avvisi, proclami, bollettini ec., ec. emanati dal governo provvisorio, dai diversi comitati e da altri, t. I. Milano, (1848).
Raccolta per ordine cronologico di tutti gli atti, decreti, nomine ec. del governo provvisorio della Repubblica Veneta, t. I—II. Venezia, 1848.
Cattaneo C. Dell'insurrezione di Milano nel 1848 e della successiva guerra. Milano, 1884.
La liberazione del Mezzogiorno e la formazione del Regno d'Italia. Carteggi di Cavour..., v. I—V. Bologna, 1949—1954.
Crispi F. I Mille. Milano, 1911.
Garibaldi G. Scritti... Ed. Nazionale, v. I—VI. Bologna. 1932—1937 (русск. изд.: *Дж. Гарибальди.* Мемуары. М., 1966).
Manin D. Documents et piecès authentiques laissés par Daniel Manin, t. I—II. Paris, 1860.
Martin H. Daniel Manin. Paris. 1861.
Mazzini G. Note autobiografiche. Firenze, 1944.
Mazzini G. Scritti... Ed. Nazionale, v. 1—100. Imola, 1906—1943.
Pisacane C. Saggi storici-politici-militari sull'Italia, v. 1—4. Milano, 1957.
Pisacane C. Scritti vari, inediti e rari, v. 1—3. Milano, 1964.
Pisacane C. Guerra combattuta in Italia negli anni 1848—49. Milano, 1961.
«L'unità d'Italia 1859—1861». A cura di P. Alatri, v. I—II. Roma, 1960.
Герцен А. И. Собр. соч. в 30 томах, т. X—XI. М., 1956—1957.
Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. 5. М., 1941.
Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 6, 8. М., 1949—1950.

Литература

Алатри П. Гарибальди и экспедиция «Тысячи», пер. с итал.— В кн.: «Объединение Италии. 100 лет борьбы за независимость и демократию». М., 1963.
Кирова К. Э. Мартовская революция 1848 г. в Италии, начало национально-освободительной войны.— В кн.: «Революции 1848—1849», т. 1. М., 1952.
Кирова К. Э. Национально-освободительная война в Италии в 1848 г.— В кн.: «Революции 1848—1849 гг.», т. 1. М., 1952.
Кирова К. Э. Социально-политические взгляды Гарибальди.— В кн.: «Из истории общественных движений и международных отношений». М., 1957.
Манакорода Г. Итальянское рабочее движение по материалам съездов. От его зарождения до образования социалистической партии (1853—1892). М., 1955.
Мизиано К. Ф. Итальянское Рисорджименто и передовое общественное движение в России XIX века.— В кн.: «Россия и Италия». М., 1968.
Мизиано К. Ф. Интервенция европейской контрреволюции и поражение революции в Италии.— В кн.: «Революции 1848—1849 гг.», т. 2. М., 1952.
Мизиано К. Ф. Некоторые проблемы истории воссоединения Италии. М., 1955.
Мизиано К. Ф. Новый подъем революционного движения в Италии. Римская республика.— В кн.: «Революции 1848—1849 гг.», т. 1, М., 1952.
Мизиано К. Ф. Революция 1848—1849 гг. в Италии.— В кн.: «Революции 1848—1849 гг.», т. 2. М., 1952.

Невлер (Вилин) В. Е. К истории воссоединения Италии. М., 1936.
Невлер (Вилин) В. Е. Джузеппе Гарибальди. М., 1961.
Невлер (Вилин) В. Е. Эхо гарибальдийских сражений. М., 1963.
Невлер В. Е. Новейшие работы итальянских историков об объединении Италии.— «Вопросы истории», 1964, № 4.
Невлер В. Е. Гарибальди и его эпоха.— В кн.: *Дж. Гарибальди.* Мемуары. М., 1966.
«Проблемы советско-итальянской историографии. Материалы советско-итальянской конференции историков 12—14 октября 1964 г.». М., 1966.
Сказкин С. Д. Кавур и воссоединение Италии.— «Историк-марксист», 1935, № 5—6.
Сказкин С. Д. Вступительная статья в кн.: *Дж. Берти.* Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М., 1959.
Тарле Е. В. История Италии в новое время. СПб., 1901.
Цыпкина З. М. Герцен и деятели итальянского национально-освободительного движения (1848—1852 гг.).— В кн.: «Объединение Италии. 100 лет борьбы за независимость и демократию». М., 1963.
Цыпкина З. М. Крестьянство Ломбардии накануне революции 1848 г.— «Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина», т. CIX, вып. 6.
Agrati C. Da Palermo a Volturno. Milano, 1937.
Badaloni N. Democratici e socialisti livornesi nell'Ottocento. Roma, 1966.
Barbagallo C. Le origini della grande industria contemporanea. Firenze, 1951.
Berti G. I democratici e l'iniziativa meridionale nel Risorgimento. Milano, 1962 (русск. изд.: *Дж. Берти.* Демократы и социалисты в период Рисорджименто. М., 1965).
Berti G. Russia e Stati italiani nel Risorgimento. Torino, 1957 (русск. изд.: *Дж. Берти.* Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М., 1959).
Bulferetti L. Socialismo risorgimentale. Torino, 1949.
Bulferetti L. La storiografia italiana dal romanticismo a oggi. Milano, 1957.
Candeloro G. Storia dell'Italia moderna, v. I—V. Milano, 1956—1968 (русск. изд.: *Дж. Канделоро.* История современной Италии, т. I—IV. М., 1958—1966).
Canzio S. Il Risorgimento italiano. Milano, 1962.
Catalano F., Moscati R., Valsecchi F. L'Italia nel Risorgimento. Milano, 1964.
Cerrito G. Radicalismo e socialismo in Sicilia (1860—1882). Messina — Firenze, 1958.
Ciasca R. L'Origine del programma per «L'opinione nazionale» del 1847—1848. Milano, 1965.
Cingari G. Problemi del Risorgimento Meridionale. Messina — Firenze, 1965.
Della Peruta F. I democratici e la rivoluzione italiana. Milano, 1958.
Della Peruta F. Democrazia e socialismo nel Risorgimento. Roma, 1965.
Demarco D. Il crollo del Regno delle Due Sicilie. I. La struttura sociale. Napoli, 1960.
Demarco D. Una rivoluzione sociale. La Repubblica Romana del 1849. Napoli, 1944.
Ghisalberti A. M. Cospirazioni del Risorgimento. Palermo, 1938.
Ghisalberti A. M. Introduzione alla storia del Risorgimento. Roma, 1942.
Ghisalberti A. M. Momenti e figure del Risorgimento italiano. Milano, 1965.
Ghisalberti A. M. Roma da Mazzini a Pio IX. Milano, 1958.
Greenfield K. R. Economia e liberalismo nel Risorgimento. Bari, 1964.
King Bolton. Mazzini. Firenze, 1926.
Luzzatto G. Storia economica dell'età moderna e contemporanea. Parte II. Padova, 1948.
Maturi W. Interpretazioni del Risorgimento. Torino, 1962.
Mack Smith D. Garibaldi e Cavour nel 1860. Torino, 1958.
Molfese F. Storia del brigantaggio dopo l'unità. Milano, 1964.
Morandi R. Storia della grande industria in Italia. Bari, 1931.

Morelli E. L'Inghilterra di Mazzini. Roma, 1965.
Morelli E. Giuseppe Mazzini. Saggi e ricerche. Roma, 1950.
Omodeo A. Difesa del Risorgimento. Torino, 1951.
Omodeo A. L'età del Risorgimento italiano. Napoli, 1960.
Pieri P. Storia militare del Risorgimento. Torino, 1962.
Pischedda C. Problemi dell'unificazione italiana. Modena, 1963.
Quazza G. La lotta sociale nel Risorgimento. Torino, 1951.
Renda F. Il movimento contadino nella società siciliana. Palermo, 1956.
Rodolico N. Storia degli italiani. Firenze, 1964.
Romano S. F. Momenti del Risorgimento in Sicilia. Messina — Firenze, 1952.
Romeo R. Il giudizio storico sul Risorgimento. Catania, 1966.
Romeo R. Mezzogiorno e Sicilia nel Risorgimento. Napoli, 1963.
Romeo R. Risorgimento e capitalismo. Bari, 1959.
Rosselli N. Mazzini e Bakunin. 12 anni del movimento operaio in Italia. Torino, 1967.
Rosselli N. Carlo Pisacane nel Risorgimento italiano. Milano, 1932.
Sacerdote G. La vita di Giuseppe Garibaldi. Milano, 1933.
Salvatorelli L. Spiriti e figure del Risorgimento. Firenze, 1961.
Salvatorelli L. Pensiero e azione del Risorgimento. Torino, 1963.
Salvemini G. Scritti sul Risorgimento. Milano, 1961.
Valeri N. Storia d'Italia. Coordinata da N. Valeri, v. 3—4. Torino, 1965.
Valsecchi F. Introduzione alla storia del Risorgimento. Varese — Milano (1946).
Valsecchi F. Il Risorgimento e l'Europa. Firenze, 1968.

3

ИТАЛИЯ В 1870—1900 ГГ.

Публикация документов. Мемуары

Crispi F. Politica estera. Memorie e documenti, raccolti e ordinati da T. Palamenghi — Crispi. Milano, 1912.
Crispi F. Questioni internazionali. Diario e documenti ordinati da T. Palamenghi — Crispi. Milano, 1913.
I documenti diplomatici italiani (Ministero degli Affari Esteri Commissione per la pubblicazione dei documenti diplomatici). Ser. 3, 1896—1907, v. 1. Roma, 1953; v. 2—3. Roma, 1958.
Labriola Antonio. Lettere a Engels. Ed. Rinascita. Roma, 1949.
Antonio Labriola e la revisione del marxismo attraverso l'epistolario con Bernstein e con Kautsky. 1895—1904. A cura di G. Procacci. Istituto G. G. Feltrinelli. Annali, Anno Terzo, 1960 (Milano, 1961).
Marabini A. Prime lotte socialiste. Lontani ricordi di un vecchio militante. Roma, 1949.
Il Partito Socialista Italiano nei suoi congressi. A cura di F. Pedone. V. 1: 1892—1902. Milano, 1959.
Filippo Turati attraverso le lettere dei corrispondenti (1880—1925). Per cura di A. Schiavi. Bari, 1947.

Литература

Грамши А. Некоторые аспекты Южного вопроса.— *А. Грамши.* Избр. произв. в трех томах, т. 1. М., 1957.
Грамши А. Проблема политического руководства в формировании и развитии нации и современного государства в Италии.— *А. Грамши.* Избр. произв. в трех томах, т. 2. М., 1959.
Грамши А. Отношения между городом и деревней в период Рисорджименто и их место в национальной структуре.— Там же.
Афанасьева С. П. К вопросу о революционной деятельности Анны Кулишовой в 1873—1892 гг.— В кн.: «Россия и Италия». М., 1968.
Григорьева И. В. Итальянское революционное движение и Парижская Коммуна.— В кн.: «Объединение Италии. 100 лет борьбы за независимость и демократию». М., 1963.
Григорьева И. В. Массовое рабочее движение в Италии в 1871—1877 гг.— «Вестник Московского гос. университета», историко-филологическая серия, 1957, № 3.
Григорьева И. В. Г. В. Плеханов и итальянское социалистическое движение (1883—1902 гг.).— Там же.
Григорьева И. В. Рабочее и социалистическое движение в Италии в эпоху I Интернационала. М., 1966.
Канделоро Дж. Католическое движение в Италии. М., 1955.
Колпинский Н. Ю. Из истории борьбы Энгельса за пролетарскую партию в Италии в 1871—1872 гг.— В кн.: «Из истории марксизма». М., 1961.
Лучицкий И. В. Земледелие и земледельческие классы в современной Италии. Киев, 1891.
Манакорда Г. Итальянское рабочее движение по материалам съездов. От его зарождения до образования социалистической партии (1853—1892). М., 1955.
Мизиано К. Ф. Борьба против анархизма в Италии за создание социалистической партии.— В кн.: «История Второго Интернационала», т. I. М., 1965.
Мизиано К. Ф. Создание Итальянской социалистической партии.— Там же.
Мизиано К. Ф. Успехи и ошибки Итальянской социалистической партии.— Там же.
«Проблемы советско-итальянской историографии. Материалы советско-итальянской конференции историков 12—14 октября 1964 г.». М., 1966.
Серени Э. Развитие капитализма в итальянской деревне (1860—1900). М., 1951.
Таратута Е. А. С. М. Степняк-Кравчинский в Италии.— В кн.: «Россия и Италия». М., 1968.
Твардовская В. А. Эпоха Рисорджименто и ее итоги в русской публицистике конца 70-х — начала 80-х годов XIX века.— Там же.
Трофимов В. А. Политика Англии и Италии в Северо-Восточной Африке во второй половине XIX в. М., 1962.
Carocci G. Agostino Depretis e la politica interna italiana dal 1876 al 1887. (Torino), 1956.
Chabod F. Storia della politica estera italiana dal 1870 al 1896, v. I. Le premesse. Bari, 1951.
Croce B. Storia d'Italia dal 1871 al 1915. XII[a] ed. Bari, 1962.
Luzzato G. L'economia italiana dal 1861 al 1914. Milano, 1963.
Morandi R. Storia della grande industria in Italia. Bari, 1931.
Romeo R. Breve storia della grande industria in Italia. Roma, 1963.
Storia d'Italia. A cura di N. Valeri, v. IV, 2[a] ed. Torino, 1965.

4

ИТАЛИЯ В 1900—1914 ГГ.

Публикация документов. Мемуары

Giolitti G. Memorie della mia vita, v. I—II. Milano, 1922.
Il Partito Socialista Italiano nei suoi congressi. A cura di F. Pedone. V. 1—2: 1902—1907. Milano, 1961.

Литература

Аббате М. Философия Бенедетто Кроче и кризис итальянского общества. М., 1959.
Алатри П. Происхождение фашизма. М., 1961.
Винтер Э. Папство и царизм. М., 1964.
Канделоро Дж. Католическое движение в Италии. М., 1955.
Кирова К. Э. Кризис синдикализма в Италии, изгнание из итальянской социалистической партии открытых оппортунистов.— В кн.: «История Второго Интернационала», т. II. М., 1966.
Лабриола А. Положение рабочего класса в Италии. СПб., 1906.
Лабриола А. Реформизм и синдикализм. Синдикализм и социализм. СПб., 1907.
Осоргин М. Очерки современной Италии. М., 1913.
Плеханов Г. В. Болонский съезд итальянских социалистов.— *Г. В. Плеханов.* Соч., т. XIII. М.— Пг., 1924.
Плеханов Г. В. Критика теории и практики синдикализма.— Там же, т. XVI.
Плеханов Г. В. Случай Биссолати.— Там же, т. XIX.
«Проблемы советско-итальянской историографии. Материалы советско-итальянской конференции историков 12—14 октября 1964 г.». М., 1966.
Шейнман М. М. Ватикан и католицизм в конце XIX — начале XX века. М., 1958.
Яхимович З. П. Итало-турецкая война 1911—1912 гг. М., 1967.
Bissolati L. La politica estera dell'Italia dal 1897 al 1920, scritti e discorsi di L. Bissolati. Milano, 1923.
Bonomi I. Le vie nuove del socialismo. Milano — Palermo — Napoli, 1907.
Bonomi I. La politica italiana da Porta Pia a Vittorio Veneto. Roma, 1946.
Castellini G. Fasi e dottrina del nazionalismo italiano. Milano, 1915.
Catalano G. Storia dei partiti politici italiani. Torino, 1965.
Ciasca R. Storia coloniale dell'Italia contemporanea da Assab all'impero. Milano, 1940.
Colapietra R. Leonida Bissolati. Milano — Roma, 1958.
Colombi A. Socialismo e riformismo 1900—1914. Roma, 1949.
Colombi A. Pagine di storia del movimento operaio. Roma, 1951.
Croce B. Storia d'Italia dal 1871 al 1915. XII[a] ed. Bari, 1962.
Dalle Carte di G. Giolitti. Quaranta anni di politica italiana, v. I—II. Milano, 1962.
Gaeta F. Nazionalismo italiano. Napoli, 1965.
Garin E. La cultura italiana tra 800 e 900. Bari, 1962.
Gobetti P. La rivoluzione liberale. Saggio sulla lotta politica in Italia. Torino, 1964.
Jemolo A. Chiesa e stato in Italia negli ultimi cento anni. Torino, 1955.
La formazione dell'Italia industriale. Discussioni e ricerche di R. Romeo. Bari, 1963.
Mack Smith D. Storia d'Italia dal 1861 al 1958. Bari, 1960.
Michels R. Proletariato e borghesia nel movimento socialista italiano. Roma, 1908.
Michels R. L'Imperialismo italiano. Studi politico-democratici. Milano, 1914.
Morandi C. I partiti politici nella storia d'Italia. Firenze, 1965.
Natale G. Giolitti e gli italiani. Milano, 1949.
Procacci G. La classe operaia negli inizii del XX.— «Studi storici», 1962, № 2.
Rigola R. Storia del movimento operaio italiano. Milano, 1947.

Romano A. Storia del socialismo in Italia. Bari, Laterza, 1966.
Romeo R. Risorgimento e capitalismo. Bari, 1959.
Saitta A. Storia e miti del'900. Bari, 1961.
Salvadori M. L. Gaetano Salvemini. Torino, 1963.
Salomone A. W. Italian Democracy in the Making. The political Scene in the Giolittian Era 1901—1904. Philadelphia — London, 1945.
Salvemini G. La politica estera dell'Italia dal 1871 al 1915. Firenze, 1950.
Santarelli E. Il socialismo anarchico in Italia. Milano. 1959.
Secchia P. La vita e l'opera di G. M. Serrati. Genova, 1967.
Spadolini V. Giolitti e i cattolici (1901—1914). Firenze, 1960.
Spriano P. Socialismo e classe operaia a Torino dal 1892 al 1913. Torino, 1958.
Valeri N. La lotta politica in Italia dall'Unità al 1925. Firenze, 1945.
Valeri N. Da Giolitti a Mussolini. Momenti della crisi del liberalismo. Firenze, 1957.
Valiani L. Storia del socialismo nel secolo XX. Firenze, 1945.
Volpe G. L'Italia nella Triplice alleanza, 1887—1915. Milano, 1941.
Volpe G. L'Italia moderna (1815—1915), v. II — III. Firenze, 1949, 1952.

5

ИТАЛИЯ В 1914—1918 ГГ.

Публикация документов. Мемуары

Григорьев Р. Отражение русской революции на Западе. Пг., 1917.
Монтаньяна М. Воспоминания туринского рабочего. М., 1951.
Серрати Дж. Руководство для безупречного каторжника. М., 1929.
Albertini L. Venti anni di vita politica, parte 2, v. II—III. Bologna, 1953.
Aldrovandi-Marescotti L. Guerra diplomatica (1914—1918). Verona, 1943.
Aldrovandi-Marescotti L. Nuovi ricordi e frammenti di diario. Milano, 1938.
Balabanoff A. Erinnerungen und Erlebnisse. Berlin, 1930.
Bissolati L. Diario di Guerra. Torino, 1935.
Cadorna L. La guerra alla fronte italiana..., v. I—II. Milano, 1923.
Camera dei deputati. Relazione della Commissione di inchiesta per le spese della guerra, v. 1—2. Roma, 1921.
Comitati segreti sulla condotta della guerra. Roma, 1967.
Crespi S. Alla difesa d'Italia in Guerra e a Versailles. Verona, 1938.
Dalle Carte di G. Giolitti. Quaranta anni di politica italiana, v. III. Milano, 1962.
Dal'Isonzo al Piave (24 ottobre — 9 novembre 1917). Relazione della Commissione di inchiesta, v. 1—3. Roma, 1921.
I documenti Diplomatici italiani Quinta Serie 1914—1918, v. XII (2 agosto — 16 ottobre 1914). Roma, 1954.
De Felice R. Ordine pubblico e orientamenti delle masse popolari italiane nella prima metà del 1917.— «Rivista storica del Socialismo», 1963, № 20.
Giolitti G. Memorie della mia vita, vol. I—II. Milano, 1922.
Malagodi O. Conversazioni della guerra 1914—1918, v. I—II, Milano — Napoli, 1960.
Martini F. Diario (1914—1918). Verona, 1966.
Orlando V. Memorie (1915—1919). Milano, 1960.
Salandra A. L'Intervento (1915). Ricordi e pensieri. Verona, 1930.
Salandra A. La neutralità italiana (1914) ricordi a pensieri. Milano, 1928.
«L'Unità», di Gaetano Salvemini. A cura di B. Finocchiaro. Venezia, 1958.
Zugaro D. La rivolta di Torino del 1917 nella sentenza del Tribunale militare territoriale.— «Rivista storica del Socialismo», 1960, № 10.

Литература

Готлиб В. В. Тайная дипломатия во время первой мировой войны. М., 1960.
Кирова К. Э. Революционное движение в Италии в 1914—1917 гг. М., 1962.
Кирова К. Э. Русская революция и Италия (март — октябрь 1917 г.). М., 1968.
Кобылянский К. В. Великий Октябрь и революционное движение в Италии. М., 1968.
Корнеев А. С. Из истории переговоров между Италией и Антантой в августе 1914 г.— «Научные доклады высшей школы», серия Исторические науки. М., 1958, № 1.
Корнеев А. С. Мнимые и действительные причины нейтралитета Италии в начале I мировой войны.— «Вестник ЛГУ», 1959, № 8, серия истории, языка и литературы, вып. 2.
Корнеев А. С. Позиции классов и партий в Италии по вопросу об отношении к войне (конец июля — начало августа 1914 г.).— «Ученые записки ЛГУ», серия истории, языка и литературы, 1958, № 251, вып. 28.
Луначарский А. В. Италия и война. Пг., 1917.
Мизиано К. Ф. Великая Октябрьская социалистическая революция и проблемы рабочего движения в Италии в работах Антонио Грамши 1919—1920 гг.— «Новая и новейшая история», 1957, № 2.
«Проблемы советско-итальянской историографии. Материалы советско-итальянской конференции историков 12—14 октября 1964 г.». М., 1966.
Ambrosoli L. Né aderire né sabotare. Milano — Roma, 1961.
Bachi R. L'Italia economica nell'anno 1914—1918. Cittá di Castello, 1915—1919.
De Biase C. L'Italia dalla neutralitá all'intervento nella prima guerra mondiale. Modena, 1965.
Capello L. Caporetto perché? La 2ª armata e gli avvenimenti dell'Ottobre 1917. Torino, 1967.
Cilombi A. Il partito socialista e la guerra 1914—1918. Roma, 1949.
Einaudi L. La condotta economica e gli effetti sociali della guerra italiana. Bari, 1933.
De Felice R. *Mussolini il rivoluzionario* (1888—1920). Torino, 1965.
Malatesta A. I socialisti italiani durante la guerra. Milano, 1926.
Monticone A. Nitti e la grande guerra. Milano, 1961.
Monticone A. Il socialismo torinese e i fatti dell'agosto 1917.— «Rassegna storica del risorgimento», gennaio — marzo, 1958.
Onofri N. S. La grande guerra nella città rossa con una lettera autocritica di P. Nenni. Socialismo e reazione in Bologna dall 1914 al 1918. Milano, 1966.
Pieri P. L'Italia nella prima guerra mondiale (1915—1918). Torino, 1965.
Prato G. Il Piemonte e gli effetti della guerra sulla sua vita economica e sociale. Bari, 1925.
Segato L. L'Italia nella guerra mondiale, v. 1—4. Milano, 1935.
Serpieri A. La guerra e le classi rurali italiane. Bari, 1930.
Spriano P. Torino operaia nella grande guerra (1914—1918). Torino, 1960.
Toscano M. Il patto di Londra. Storia diplomatica dell interventi italiano (1914—1915). Bologna, 1934.
Toscano M. Gli accordi di san Giovanni di Moriano. Storia diplomatica dell'intervento italiano (1916—1917), v. 2. Milano, 1936.
Valiani L. Il partito socialista italiano nel periodo della neutralità 1914—1915. Milano, 1963.
Vigezzi B. L'Italia di fronte della prima guerra mondiale. v. I. L'Italia di neutrale. Milano — Napoli, 1966.
Vigezzi B. Le «radiose giornate» del maggio 1915 in rapporti dei prefetti.— «Nuova Rivista Storici», 1959, № 3.
Volpe G. Il popolo italiano tra la pace e la guerra (1914—1915). Milano, 1940.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Карты:

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИСТОРИЯ ИТАЛИИ
Том 2

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
Академии наук СССР

Редактор
Е. И. Лейпунская

Редактор издательства
Ф. Н. Арский

Художник
Г. В. Дмитриев

Художественно-
технический редактор
Т. А. Прусакова

Сдано в набор 15/V 1970 г.
Подписано к печати 29/IX 1970 г.
Формат $60 \times 90^{1}/_{16}$
Бум. № 1
Усл. печ. л. 38,19
Уч.-изд. л. 38,7
Тираж 19250 экз.
Тип. зак. 592
Т-14668

Цена 2 р. 50 к.

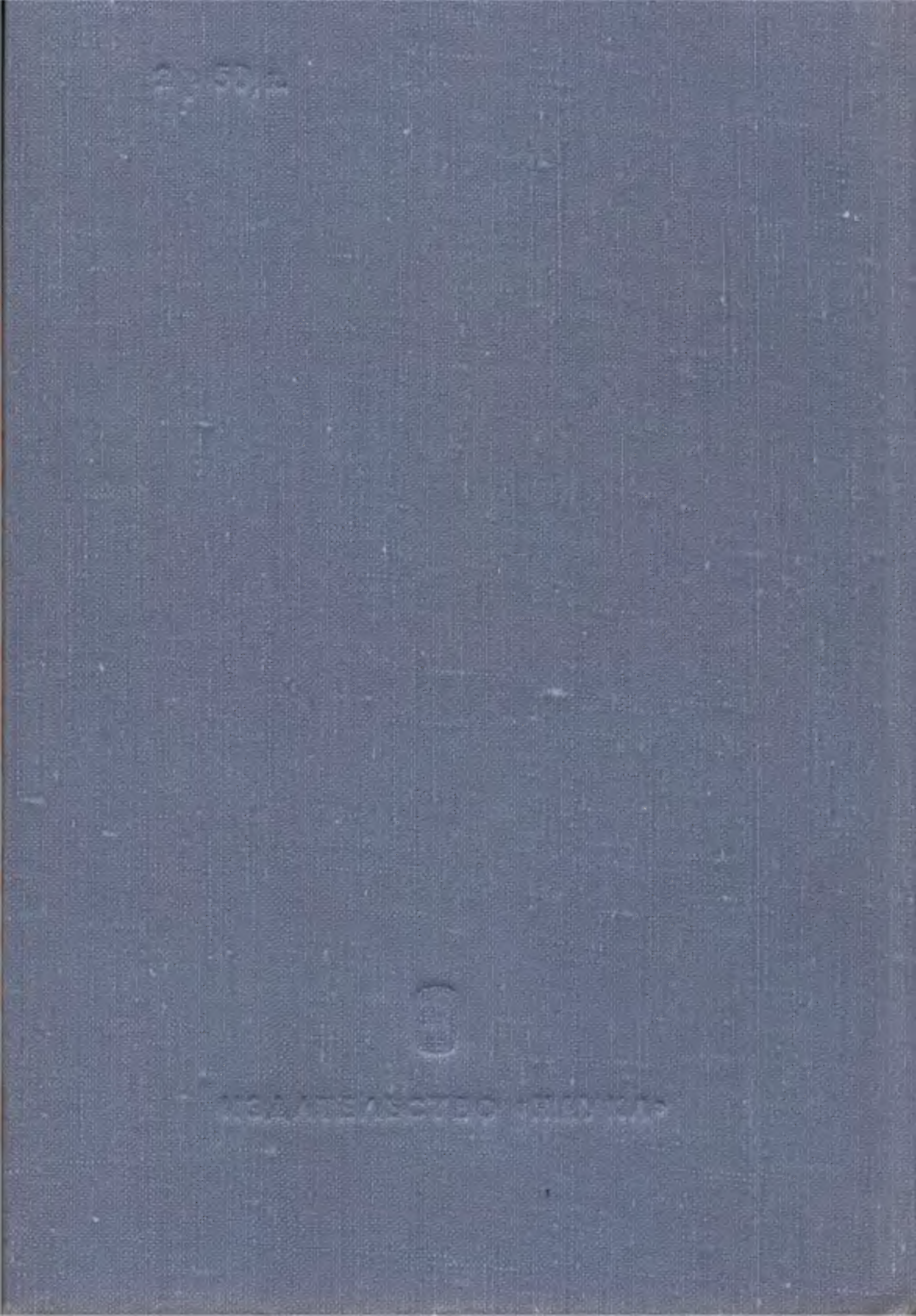
Издательство «Наука»
Москва К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»
Москва Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
132	3 сн.	L. Cantu	C. Cantu
352	1. сн.	Cingrεssi	Congressi
416	2 сн.	L'Italia di neutrale	L'Italia neutrale
419	3 сн.	F. Cappola	F. Cippola
425	7 сн.	в войне	к войне
441	15 сн.	Не видя ее	Не ведя ее
448	1 сн.	A. Gramsci. Opere, v. IX. Torino, 1954, p. 414.	«Avanti!», 16.V 1916.
468	11 сн.	министров внутренних дел Каррадини	министра внутренних дел Коррадини
483	7 сн.	Л. Альдовранди	Л. Альдрованди
487	7 сн.	Л. Альдовранди	Л. Альд ованди
581	12 сн.	Манакорода Г.	Манакорда Г.
587	5 сн.	L'Italia di neutrale	L'Italia neutrale

История Италии, т. 2

2 р. 50 к.

La rivoluzione borghese, il Ri
sorgimento, l'evolversi dei rap
porti capitalistici, il period
giolittiano, l'aprirsi dell'epoc
imperialista, il sorgere e l'af
fermarsi del movimento operai
e socialista sono i grandi tem
di questo secondo volume dell
Storia d'Italia, che va dal XVII
secolo alla fine della prim
guerra mondiale.

Il lettore potrà accostarsi ag
avvenimenti più importanti
ai personaggi più significativ
della storia d'Italia in un'oper
che tiene conto anche dell
problematica culturale di quest
appassionante periodo storico

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА

